

Макс Фрай

Хроники Ехо (сборник)

«АСТ»
2004-2013

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Фрай М.

Хроники Ехо (сборник) / М. Фрай — «АСТ», 2004-2013

ISBN 978-5-17-102231-0

Самые лучшие книги от одного из самых популярных авторов современности – Макса Фрая! Весь увлекательнейший цикл «Хроники Ехо» – теперь под одной обложкой! Истории про Ехо, сэра Макса, его недругов и союзников – сегодня уже классика жанра и известны всем ценителям хорошей литературы!

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-102231-0

© Фрай М., 2004-2013
© АСТ, 2004-2013

Содержание

Чуб земли	6
Туланский детектив	109
Властелин Морморы	173
Конец ознакомительного фрагмента.	275

Макс Фрай

Хроники Ехо (сборник)

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

...all these moments will be lost in time...
«Blade Runner» by Ridley Scott

Чуб земли

История, рассказанная сэром Максом из Ехо

Стеклянные снегири на Птичьем Мосту устроили переполох. Вертятся, звенят, дребезжат, а кажется, что щебечут: «Кто? Кто идет? Кто, кто? Кто к нам идет? Кто? Кто мимо нас прошел? Кто, кто? Кто от нас ушел? Кто?»

А это всего-то Триша идет с рынка. Было бы из-за чего такой шум поднимать.

Корзина ее почти пуста: несколько корешков черного имбиря, шкатулка с зернами кардамона, пучок мяты, фунт горького морского сахара, бутылка кленовой росы да букет мелких хризантем, еще влажных после утренней поливки. Можно было бы обойтись и без этих покупок, на кухне у Триши нет недостатка в специях и травах, но ей требовался хоть какой-нибудь предлог для неспешной прогулки через весь город – как всегда. Лень всякий раз выдумывать иную причину, изобретать новый маршрут, вот и говорит она себе почти каждое утро, что надо бы отправиться на рынок. Иногда это оказывается правдой; в такие дни ее корзина становится слишком тяжелой, и долгий обратный путь не доставляет особого удовольствия – хорошо, если попадется попутчик с тележкой, но так редко случается. Поэтому Триша не слишком любит правду, по крайней мере, в мелочах.

«Кофейная гуца» стоит на самом краю города – то есть не просто на окраине, а аккуратно на самой границе между «здесь» и «там», «между светом и тенью», как шутит дядюшка Франк, так что фасад с вывеской выходит на Пустую улицу, а заднее крыльцо, часть палисадника и флигель, где иногда ночуют гости, утопают в живом тумане Границы. Поэтому щенки тумана разгуливают по всему дому, ластиятся к домочадцам, иногда забираются на колени к посетителям. Они идеальные домашние любимцы: хлопот с ними немного, только и дел – следить, чтобы в кувшин с водой никто сдуру не залез, а то ведь растает, жалко. А большие никакой возни: щенки тумана питаются человеческим вниманием, а лужицы, которые они иногда оставляют на половицах, быстро высыхают сами, наполняя дом ароматом сырости и меда, так что не приходится тратить на благовония. «Следует признать, когда я сама была кошкой, я доставляла своим опекунам куда больше беспокойства – а ведь они считали меня тихоней и умницей», – думает Триша.

Это правда.

Триша, впрочем, до сих пор умница и почти тихоня – оно и неплохо. Франк часто повторяет, что это было самое мудрое решение в его жизни: превратить пеструю кошку Тришу в девушку. Только с кошкой и можно ужиться под одной крышей – при условии, что она перестанет гадить в башмаки своих врагов, научиться варить кофе и печь шафрановые коржики. А поскольку все эти искусства легко удаются именно людям, проще сразу превратиться в человека, чем сотню лет учиться цирковым фокусам. Поэтому Трише пришлось превращаться. Она, впрочем, довольна. О Франке и говорить нечего.

Однажды за ужином он обмолвился, что когда-то, очень, очень давно несколько лет прожил в лисьей шкуре и с тех пор доверяет оборотням куда больше, чем обычным людям или животным. Дескать, тот, кому ни разу не доводилось стать чем-то иным, вообще ничего не знает ни о жизни, ни о себе, а невежество, как известно, хуже греха, – последнюю фразу Франк повторяет очень часто, по любому поводу и вовсе без повода, произносит ее с видимым удовольствием, смакует, наслаждаясь каждым словом. Глядя на него, Триша почти уверена, что слово «невежество» имеет отчетливый привкус копченой селедки, «хуже» смахивает на черный, вязкий ржаной хлеб, а хрустящий «грех», надо понимать, впитал в себя всю сладость и остроту репчатого лука.

«Насчет невежества и греха Франку, конечно, виднее, но как по мне, на оборотнях свет клином все-таки не сошелся», – думает теперь Триша. Ей нравятся и соседи, и незнакомые горожане, и почти все клиенты, даже те, кто видит «Кофейную гуцу» и городские улицы во сне. Таких тут всегда хватало; здешние жители называют их «призраками» и уделяют им не больше внимания, чем птицам и бабочкам. Глазеют, умиляются, посмеиваются, изредка угощают забавных чужаков домашним печеньем, но на порог стараются не пускать и серьезных бесед не заводят. «Они и правда смешные, эти сновидцы. – Триша улыбается своим мыслям. – Одни с ошалевшим видом слоняются по городу, другие бросаются творить всякие пустяковые чудеса, летают над крышами и скачут сквозь стены, упиваясь собственным могуществом и полной безнаказанностью; третьи деловито обустроятся на новом месте, даже не подозревая, что несколько часов спустя им придется отсюда исчезнуть – скорее всего, навсегда. И лишь немногие ведут себя правильно: внимательно глядят по сторонам, запоминают важные детали, выспрашивают у словоохотливых горожан дорогу, ищут талисманы и заводят полезные знакомства. Таким удастся вернуться сюда наяву. Не всем, конечно, но все-таки...»

Путешественники вообще не слишком часто сюда попадают. Самый простой путь – приехать на канатной дороге, снизу, из долины. Но это же еще надо как-то туда попасть, а потом набраться мужества и сесть в ненадежную с виду кабинку, стремительно уползающую куда-то ввысь... Некоторые, впрочем, приходят пешком, есть и такие, что с воплями просыпаются поутру в пустовавших прежде постелях заброшенных домов, а вот Тришины друзья Фанни и Марк, которые живут в синем доме на Тихой улице, ухитрились прибыть в город на воздушном шаре. Теперь-то они уважаемые люди: Марк придумывает наряды для доброй половины городских модниц, а Фанни сумела разговорить булыжники на Большой площади, и старательно записывает их истории, которыми зачитываются буквально все, от мала до велика. Соседи в них души не чают, мосты смеются под их ногами, даже недоверчивые саламандры свили гнездо в их камине и вывели малышей, а этим мало кто может похвастать. Кажется, будто Фанни и Марк всегда жили в городе; некоторые действительно так думают, но Триша хорошо помнит их дурацкий воздушный шар ярко-красного цвета, и как все сбежались смотреть на этукую невидаль, а потом они с дядюшкой Франком отпивали продрогшую, насмерть перепуганную парочку имбирной водкой и варили для них чесночный суп с зелеными кофейными зернами, у Триши еще гренки подгорели, потому что все время отлучалась от плиты поглядеть, как там эти двое.

И дело вовсе не в том, что Фанни и Марк были какие-то особенные (на самом деле все – особенные, но это отдельный разговор). Просто для Триши и Франка всякий новичок, любой чужак – дорогой гость. Собственно, «Кофейную гуцу» открывали именно для них. Потому и место такое выбрали: на самой границе. Рассудили, что в городе и без того хватает кофеен, кондитерских, баров, чайных павильонов, пивных, пиццерий и ресторанов, а вот встретить заплутавшего путника, угостить его чашечкой кофе и рюмкой крепкой настойки, растолковать, что к чему, а если понадобится, то и обратную дорогу показать, кроме них, вроде как, никому.

Некоторые гости расплачиваются самоцветами, или монетками, иные – простенькими чудесами. Благодаря мрачному господину в полосатом жилете Триша когда-то обзавелась рыжей, кудрявой шевелюрой взамен надоевших светло-русых косичек, с помощью улыбчивой старушки в розовых очках поменяла обычные витражи в спальне на окна, по стеклам которых всегда, даже в солнечную погоду стучит дождь – то есть, тому, кто в комнате, кажется, будто на улице дождь, а какая на самом деле погода, не узнаешь, пока не выйдешь. И еще немало полезных новшеств сумела внести в свою жизнь жадная до мелких чудес Триша – а всё они, гости. Но иногда в «Кофейную гуцу» заглядывают клиенты, готовые заплатить за угощение и кров увлекательными историями. Таких Триша любит больше

всего. «Если бы не они, мне пришлось бы довольствоваться одной жизнью – собственной, – думает она. – А это очень, очень мало». Выслушивая очередную историю, Триша словно бы проживает чужую жизнь – торопливо, небрежно, не особо вдаваясь в детали, не слишком утруждая свое сердце скорбью, улыбается уголками губ там, где следовало бы хохотать от души – но именно это ей нравится больше всего. Все равно что сливки с чужого молока снять, слизнуть и побежать дальше по своим делам. Типичный кошачий подход к делу, – говорит Франк.

Ну да. А как иначе?

– Я вернулась! – кричит Триша, переступая порог совершенно пустой кофейни. Звонко кричит, чтобы Франку во флигеле было слышно.

– Не ори, – просит он. – Что вернулась, это ты молодец, а вот шуметь совсем не обязательно.

Оказывается, зря она старалась. Франк тут, за стойкой. Но сидит почему-то на полу, а не на табурете, вот его и не видно. Возится с джезвой, строгают туда какой-то крошечный пахучий орешек. Никак опять с кофе экспериментирует. С другой стороны, а чем еще заниматься? В кофейне-то пусто, уже который день. Горожане сюда редко добираются, лень им даже ради самого что ни на есть распрекрасного кофе на окраину топать, а гостей издалека что-то давненько не было. Даже сони-сновидцы куда-то пропали, а ведь раньше невозможно было в сад выйти, чтобы на одного из них не наткнуться. Слонялись всюду, даже на кухню заходили порой, с советами лезли, смешные люди... Черт знает, что им там теперь грезится по ночам, только не «Кофейная гуца». Вот Триша с Франком и сидят вдвоем уже который день, угощают друг друга солеными леденцами, сочиняют новые рецепты, гладят туманных щенков, в нарды играют, лениво переставляют шашки, не слишком интересуясь победой – ни дать ни взять старые бобыли, нелюдимые хуторяне, пограничники на всеми забытой заставе. Ну да, изредка бывшие клиенты заглядывают по старой памяти, и еще Алиса из дома на холме почти каждый день заходит после обеда на чашечку кофе, приносит домашние кексы с цукатами, пересказывает соседские сны – небрежно, как сплетни, или анекдоты. Но Алиса не в счет, она не клиент, а старинная подружка, почти член семьи.

И сейчас в кофейне пусто: только Триша, Франк и новый, незнакомый аромат. Он усилился, сгустился, приобрел почти видимые глазу очертания и даже, кажется, вес – того гляди на стул усядется и потребует, чтобы его развлекали беседой. Триша демонстративно морщит нос, поджимает губы, глядит вопросительно: дескать, что за чудные дела у меня на кухне творятся?

– Это мускатный орех, – говорит Франк. – Нравится? У нас на рынке их почему-то совсем нет, а у меня в кармане, за подкладкой нашелся. Думаю: а дай-ка сварю для Триши кофе с мускатом. Отличная вещь, если не переборщить, конечно. Но так со всеми специями...

Она кивает, еще раз принюхивается к ореху – на сей раз вполне благосклонно, рекомендация Франка дорогого стоит, – а сама тем временем разбирает покупки, мятую ставит в вазу, хризантемы мелко режет острым ножом, складывает в горшочек, поливает виноградным маслом. Будет нынче на обед цветочный салат. Франк его не ест, но разглядывать очень любит. Она знает, это для него очень важно – насытить взор.

– Сегодня у нас будут гости, – говорит Франк. – Так что пляши, Триша.

Это не просто фигура речи, уж ей-то известно. Если Франк говорит: «пляши», значит надо хоть несколько танцевальных движений сделать, а то не отвяжется. Поэтому Триша пляшет. Вертит задницей, притоптывает ножками в новеньких сандалиях, отбивает ритм ладонями. Старается.

– И хорошие гости? – спрашивает, переводя дыхание.

– А то. Лучшие не бывает.

Триша поднимает брови, недоверчиво качает головой. Это всегда считалось ее причудой, чуть ли не привилегией: любить гостей, восхищаться ими, записывать в особую тетрадку рассказанные ими истории, с нежностью вспоминать тех, кто заходил прежде, с нетерпением ждать новых. Франк всегда относился к их клиентам с доброжелательным равнодушием. Дескать и хотел бы всерьез заинтересоваться, да вот беда: слишком долго жил на свете, слишком много повидал, успел понять, что все человеческие лица, в сущности, похожи, а великое множество историй – суть одна история, увлекательная лишь поначалу. Первые лет пятьсот.

– Что же это за гости такие, что даже тебя проняло?

– А вот увидишь, – и он вдруг заговорщически подмигивает.

Нечего и говорить, что с этого момента Тришин день становится длинным и тягучим, часы ее идут так медленно, что лучше бы уж вовсе стояли, дожидаться – не то что вечера, обеда – решительно невозможно, но ей это, в отличие от большинства, очень нравится. Триша умеет сладко томиться ожиданием, вместо того, чтобы маяться. Она много чего умеет, умница, хорошая кошка.

Когда ночь опустилась на город, и трава в саду запахла свежими морскими водорослями, а толстые домашние светляки лениво потрусили по садовым дорожкам на свои обычные места, Триша уселась на крыльцо, чтобы не пропустить гостей. Роковая ошибка: услышав за спиной шаги и голоса, она поняла, что гости явились из сада и вошли через заднюю дверь. Странно вообще-то. Обычно через сад только сам Франк и ходит, когда вспоминает (кажется, без особого удовольствия), что у него есть другие дела, кроме города и «Кофейной гуици». Ну и еще, конечно, сновидцы, но они-то не в счет.

«Вот так так!» – озадаченно произносит незнакомый мужской голос, а Франк отвечает: «Было бы чему удивляться»; какая-то женщина просит: «Познакомь нас», а потом они начинают говорить все вместе, выходит совершенно неразборчиво. Триша прислушивается, не решаясь вот так сразу взять да и войти. Иногда она становится застенчивой, и обычно это случается совершенно некстати, вот как сейчас. Она сидит на крыльце и обещает себе: «Вот пусть закончат здороваться, и я зайду...», а потом, минутой спустя: «Ладно, сейчас они потребуют кофе, и тогда...» – и еще через пять минут решает: «Франк меня сам позовет, когда будет нужно».

И словно услышав эти ее мысли, Франк говорит: «Хотел бы я знать, куда подевалась Триша? Небось на крыльце вас караулит». «Я ее знаю?» – неуверенно спрашивает мужской голос, и Франк отвечает: «Не думаю. Но это легко поправимо».

Она понимает, что откладывать знакомство больше нельзя, поднимается со ступеньки, с наслаждением потягивается, зевает, мотает головой, чтобы взбодриться и заходит в дом.

– Доброй ночи, – говорит она. – Меня зовут Триша. Я – кошка Франка.

Ей, чего греха таить, нравится шокировать таким признанием новых клиентов. Обычно в подобных случаях Франк укоризненно качает головой, но сейчас он одобрительно ухмыляется в усы. Зато гости относятся к Тришину признанию совершенно спокойно, словно бы ничего иного и не ожидали. Милая сероглазая женщина улыбается Трише с явным сочувствием, только что не подмигивает по-свойски, но к тому идет. Сама, что ли, тоже кошка? Или другой какой-нибудь зверь?

– Изредка я становлюсь птицей, – объясняет она. – Если вдруг что, постарайтесь, пожалуйста, на меня не охотиться. Я крупная, когтистая и сердитая птица. Меня и гладить-то в таких случаях не стоит.

– Не буду охотиться, – обещает Триша. – Я, собственно, и раньше не... Я же была домашняя кошка, какая тут охота! Давайте я вам лучшие лимонад принесу. Домашний, из погреба, хотите?

– Очень хотим, – тут же отвечает мужчина в летнем костюме болотно-зеленого цвета, похожем на полевую военную форму какой-нибудь неизвестной державы, только без знаков отличия.

Триша уставилась на него с нескрываемым любопытством: прежде сюда друзья и знакомые Франка никогда не заглядывали, а ведь она слышала из-за двери: эти двое говорили именно как старые приятели. На первый взгляд, человек как человек, ничего особенного. Светлые рыжевато-коричневые волосы несколько месяцев назад, надо думать, были аккуратно подстрижены, но с тех пор изрядно отросли, и теперь закрывают уши и лоб. Подвижное, изменчивое лицо – одно из тех, что почти невозможно запомнить, даже опознать по фотографии – тяжкий труд. Его можно было бы назвать неприметным, если бы не причудливое, почти неуместное сочетание обаятельной мальчишеской улыбки и тяжелого взгляда – примется такой тебя рассматривать, того гляди сутулиться начнешь. Рядом с ним Трише становится немного не по себе – не то чтобы всерьез испугалась, а совсем чуть-чуть, как будто глухой ночью, сидя в теплой, на все засовы запертой кухне, вой звериный за окном услышала – далеко-далеко, и заранее ясно, что сюда-то уж точно не доберется неведомое чудовище, но озноб все равно пробирает – вот примерно так.

– Меня зовут Макс, – говорит незнакомец, вежливо опуская голову.

Теперь, стало быть, можно считать его знакомцем – теоретически.

Триша вопросительно смотрит на Франка: дескать, кто это такой? Но дядюшка Франк прячет в усах улыбку, да бровь приподнимает загадочно. Что хочешь, то и думай, мне и самому интересно, до чего ты додумаешься – примерно так следует его понимать.

Триша бежит в погреб за своим фирменным зеленым лимонадом, выбирает лучшие стаканы – высокие, прозрачные, из тонкого стекла, бережно разливает пенный напиток. Гость по имени Макс тем временем усаживает свою спутницу в плетеное кресло, отлично приспособленное для того, чтобы отдыхать и курить, лениво озираясь по сторонам, а сам обходит кофейню, разглядывает глиняные вазы, трогает деревянные столешницы, нюхает сухие и свежие букеты, улыбается мечтательно. Движения его кажутся плавными, неспешными, ленивыми, на деле же он носится как вихрь – раз, раз, и осмотрел помещение, куда можно, нос уже сунул, куда нельзя (за стойку, то есть) – тоже. Взялся за ручку двери ведущей в сад, спросил Франка: «Я ведь никуда не исчезну, если?..» – и не договорив, не дожидаясь ответа, был таков, а минуту спустя вернулся с сухим прошлогодним листком в волосах, с мокрыми травинками, прилипшими к ботинкам, окруженный резвыми щенками тумана, а двоих, самых мелких, в охапке притащил. Гладит их, теребит, радуется как мальчишка.

– Никогда таких зверят не видел, – вздыхает. – Вот это да! Такие мне точно не снились.

– Думаешь, кроме тебя некому? – ухмыляется Франк. – Одними твоими фантазиями жизнь не наладишь. У тебя, прости уж, не настолько богатое воображение, да и в деталях ты непростительно небрежен. Будь твоя воля, ходили бы мы по улицам, завернувшись в одеяла, и питались бы вечерней росой да спелыми фонарями – скажешь, не так?

– Есть такое дело, – миролюбиво соглашается гость, а понятливая Триша прижимает ладошку к губам и тихонько охает.

Ей немножко страшно и очень, очень любопытно.

Триша знает все городские сплетни, слухи и легенды; благодаря беседам с Франком, она неплохой эксперт в этих вопросах. Почти всегда может отличить искусно приукрашенную правду от полной чепухи. Только в нескольких случаях Франк отказывался прихо-

дить ей на помощь, отмахивался: «Ты лучше погляди, как я сегодня кофейные зерна поджарил!» – или обещал: «Потом как-нибудь об этом поговорим».

Особенно упорно Франк отказывался обсуждать главную городскую легенду, и это было досадно. Тут ведь как дело обстоит: почти все здешние обитатели свято верят, что их город однажды приснился – кому, это отдельный вопрос. Одни утверждают, что Город однажды увидело во сне некое безымянное, но чрезвычайно могущественное божество (находятся, впрочем, ересиархи, готовые назвать тайное имя засони первому попавшемуся любопытному собеседнику; Триша услышала штук двадцать разных версий прежде, чем окончательно утратила интерес к таким разговорам). Другие верят, будто эти улицы и мосты пригрезились обычному человеку: то ли одинокой хромой девице, то ли умирающему ребенку. Третьи полагают Город такой публичной грезой для общего пользования. Город, говорят они, существует сам по себе, но именно для того, чтобы самые разные люди могли время от времени любоваться им во сне – а иначе с какой стати тут сновидцы толпами бродят?! Сторонники разных версий сходятся в главном: Город, считают они, будет стоять лишь до тех пор, пока находятся желающие видеть его во сне.

Знать такое о месте, где живешь, приятно и забавно, но, что греха таить, страшновато – если относиться к этой идее всерьез. Потому что вопрос: куда мы все денемся после того, как проснется сновидец? – он, конечно, кажется интересным, если так, поболтать собрались. А если не поболтать? Если проснется? И куда в таком случае эвакуироваться? И как? И успеем ли? Ну и вообще Город жалко. Где еще такой хороший найдешь?

Поэтому Трише всегда хотелось, чтобы все эти басни про Того-Кто-Видит-Город-Во-Сне оказались выдумкой. В конце концов, басням верит подавляющее большинство горожан, а большинство почти всегда ошибается, просто обязано ошибаться. Даже здесь, в Городе.

И вдруг – здарсьте пожалуйста. «Такие мне точно не снились». И Франк ведет себя так, словно речь о чем-то само собой разумеющемся. Ну, вроде как: «такого я в свои карманы не кладу» – «значит кто-то подсунул». Ничего себе дела!

– Мы, что ли, вам снился? – строго спрашивает Триша. – Вы тогда не вздумайте просыпаться, слышите?

– Ты так орешь, что если бы он спал – уж точно проснулся бы! – смеется Франк. – Ну и каша у тебя в голове!

Ну да, каша. А что там может быть? И кто в этом виноват? Кто никогда ничего толком не объясняет?! То-то же.

– Я сейчас не сплю, – очень серьезно говорит незнакомец по имени Макс. – И вы мне не снитесь. Но когда-то, было дело, мне часто снился этот город. А потом оказалось, чтобы увидеть его, больше не обязательно засыпать, по крайней мере, мне. Достаточно уметь путешествовать между Мирами. А такие путешествия, можно сказать, моя специализация. Собаку на этом съел. Кошек, заметьте, не ел. В жизни ни одной кошки не обидел!

Ох. Приятно слышать, конечно. Если бы еще понять, где заканчиваются его шутки и начинается серьезный разговор...

– Что касается Города, – начинает Франк, водружая на плиту самую большую джезву, как раз на четыре чашки. – Тут, Триша, не все так просто. Наш Город действительно когда-то снился Макс. Город, но не мы с тобой и не наша кофейня, заметь! И даже рыночная площадь ни разу ему не приснилась. И вообще Макс сам по себе, а мы – сами по себе. Потому что с какого-то момента Город окончательно перестал быть его сном. И вообще чьим бы то ни было. Этот стул, – он стучит ладонью по свежевывструганному барному табурету, – не исчезнет, даже если разбудить всех живых существ, сколько их там во Вселенной, одновременно. И кофейня никуда не денется, и Алисин дом на холме, и мосты останутся – вообще все. Это и есть самое интересное. Собственно сама по себе история –

ничего особенного, Город наш – не ахти какое исключение из правил, разве что новорожденный, тем и хорош. Да и Макс вовсе не единственный в своем роде. Не божество какое-нибудь, я это имею в виду.

– Ну и хвала Магистрам! – восклицает сероглазая женщина. – Только с божеством связаться мне не хватало...

Триша впервые слышит такое выражение: «хвала Магистрам», и понятия не имеет, кто такие эти самые «магистры», но и так ясно, что оно обозначает радость и облегчение.

Гости смеются, трещат без умолку, теребят щенков тумана, с наслаждением морщат носы, принимаясь к свежесмолотому кофе. Хорошо, выходит, не быть божеством! А Трише до сих пор казалось – наоборот. Есть над чем подумать, Но не сейчас. Потом.

– Многие города – да что города, целые континенты, планеты, Вселенные! – именно так и рождаются, – говорит Франк. – Вещество, из которого сотканы сны, отлично подходит для строительства новых обитаемых реальностей: пластичное чрезвычайно и куда более прочное, чем может показаться. Люди, собственно, для того только и нужны, чтобы видеть сны, – внезапно резюмирует он. – А зачем бы еще?

Гости немедленно умолкают, чтобы внимательно его выслушать. Вот и видно, что не так уж хорошо они знакомы! А то бы знали, что Франк обычно просто так болтает, как ручей журчит. Нравится ему говорить, вот и все. Мурлыкать-то не умеет!

– Забавно, – продолжает Франк, – люди-то думают, что все самое важное происходит наяву. Стараются играть всерьез, жить по правилам, добиваются чего-то, суеются, жизнь кладут, убивают друг друга, доказывая свою правоту – смешные! С другой стороны, это и хорошо: как только человек решает, что какое-то дело для него «самое важное», он тут же его запарывает, тем или иным способом. Поэтому – да, пусть думают, будто живут ради всей этой чепухи, которая «наяву»...

Триша знает: пока Франк варит кофе, он способен говорить о чем угодно, с неизменной убедительностью. Вспомнит ли он свой монолог полчаса спустя, когда кофе будет не только готов и разлит по чашкам, но и выпит – это, конечно, вопрос. Хотя всякое, конечно, бывает.

– А как быть с людьми, которые не видят снов? Они, выходит, вообще бессмысленные? – спрашивает сероглазая женщина. Триша так и не узнала, как ее зовут, а спросить почему-то стесняется. Ну, небось, рано или поздно, а обратится к ней кто-нибудь по имени...

– Все бессмысленные, в том числе и мы с вами.

У Франка есть простые ответы на все сложные вопросы, кто бы сомневался!

– Другое дело, что сны видят все, – продолжает он. – Насколько осознанно ведет себя человек во сне, помнит ли он хоть что-нибудь наутро – это его частное дело. Вопрос личной выгоды и удовольствия: «И что я с этого буду иметь?» Ясно что: либо память и опыт, либо вовсе ничего. Но сны всем снятся. Отвертеться от исполнения своего предназначения никому не дано.

– Когда-то ты впаривал мне, что основное предназначение человека – путешествовать, желательно – между мирами, – улыбается Макс. – А теперь выходит – сны смотреть? Человеческое предназначение явно меняется вместе с твоим настроением!

«Ага, – говорит себе Триша. – Сообразил все-таки!»

– Думаешь, поймал меня? – смеется Франк. – Обойдешься! Сон – это просто самый простой способ путешествовать из одной реальности в другую. Некий гарантированный минимум. Залог того, что никто не убежит завидной своей доли.

Он добавляет в кофе давешний ароматный орех, корицу и зернышко кардамона. Демонстративно игнорирует имбирь, который Триша пытается подсунуть ему под руку. Продолжает с видимым удовольствием:

– И вот одни просто так шляются, а другие с пользой для всех: сочиняют новые города... и новых людей.

– И новых людей тоже? – изумляется сероглазая женщина.

– Ну да. Уж тебе-то должно быть известно: самые лучшие люди – именно выдуманные. Не всякая выдумка, конечно, обрастает плотью, но когда это происходит... О, именно ради этого и стоит жить бесконечно! Такими чудесами не пресытишься.

Гости улыбаются, переглядываются, пожимают плечами, молча берут чашечки с готовым кофе, усаживаются за стол. Триша и Франк гостеприимно уступают им места у окна: пусть любят.

– Вы вообще надолго сюда? – спрашивает Франк, помогая Трише расставить перед гостями тарелки с горячим печеньем, мятным медом и засахаренной древесной листвой. – Или так, мимо шли, заскочили на минутку?

Они отвечают хором, одновременно и в сущности одно и то же, только разными словами.

– А черт его знает.

– Понятия не имею.

– Правильный ответ, – уважительно говорит Франк. – Приятно иметь дело с толковыми собеседниками. Я же говорю: самые лучшие люди – выдуманные.

Он умолкает, дает им насладиться напитком, и только потом, когда опустевшие чашки отставлены в сторону, сероглазая женщина начинает набивать трубку, а Триша идет к плите, памятуя, что варить вторую порцию – ее обязанность, объявляет:

– Надолго вы или нет, в любом случае, я вас никуда не отпущу, пока не расплатитесь за кофе. Он у нас дорогой: каждая чашка стоит хорошей истории. Но, кажется, вам обоим наше с Тришей гостеприимство по карману: вы же знаете много славных историй, верно? Имейте в виду: всякая история хочет стать рассказанной, как всякое семечко хочет прорасти. Когда человек носит в себе слишком много нерассказанных историй, он начинает сутулиться, голова его ноет по утрам, а сны начинают повторяться – одно и то же, из ночи в ночь, суицид кошмар! Но вам повезло: вы встретили людей, готовых слушать вас бесконечно, хоть три вечности кряду.

Триша замирает от волнения, приподнимается на цыпочки, прижимает к груди шкатулку с кофейными зёрнами. Так значит, будут истории! И, судя по всему, даже не одна – вот ведь как повезло!

– Вы, что ли, действительно хотите слушать нашу болтовню? – Гость по имени Макс ушам своим не верит. – Я-то готов, мне только волю дай, трепаться я могу круглосуточно, но... Вам правда интересно?

– Триша любит чужие истории больше всего на свете, – говорит Франк. – Ну и я рядом с нею пристрастился. К тому же, тебе действительно полезно избавиться от груза нерассказанных историй, а то шея по утрам скоро ныть станет – или уже начала? Я-то вижу! Словом, ты давай, рассказывай. Первая история за тобой, а там посмотрим.

– Ладно. Мне бы еще решить, с чего начать...

– Тогда начни с истории, которую я тоже не знаю, – просит сероглазая женщина. – И пожалуйста, пусть она не будет грустной. Печальных рассказов я от тебя уже наслушалась, на всю оставшуюся жизнь. Надеюсь, с ними покончено.

– Ну, на это, положим, я и сам надеюсь. А вот историю, которой ты не знаешь, мне, пожалуй, будет непросто припомнить. Хотя... За то время, что ты жила в Арварохе, я пару раз умудрился впутаться в дела настолько секретные, что даже ближайшим друзьям

растрепать не мог. Ну а теперь-то уж точно можно. Мне нынче вообще все можно, как покойнику.

– Не знаю, все ли тебе теперь можно, и знать не хочу, – ухмыляется Франк. – Но имей в виду, здесь у нас – самое подходящее место, чтобы разглашать страшные тайны и выдавать чужие секреты. В такой юной, новорожденной, едва затвердевшей реальности все не в счет, «понарошку», как говорят дети.

– Тогда... – Макс какое-то время думает, потом решительно кивает: – Что ж, если так, будет вам история, которую я даже не надеялся хоть когда-нибудь рассказать. Но здесь, пожалуй, действительно можно.

– Вот и славно, – улыбается Франк. – Триша, у тебя готов кофе?

– Сию секунду!

Она снимает джезvu с огня, ставит ее на раскаленный край плиты, щедрой рукой добавляет имбирь, а минуту спустя – чайную ложку ледяной воды. Теперь можно разливать кофе по чашкам, на дне которых уже лежит заранее приготовленная смесь: мед с лимонным соком. Именно то, что нужно, чтобы рассказчик не устал, а слушатели – не заскучали. Волшебный эликсир, уж она-то знает!

Франк ставит на стол песочные часы. Тонкая синеватая струйка льется, дрожит, шуршит едва слышно, но верхняя чаша всегда остается почти полной, а нижняя – почти пустой. Триша знает эти его часы: теперь время для собравшихся в «Кофейной гуще», можно сказать, остановилось. То есть они, конечно, двигаются, разговаривают, пьют кофе и набивают трубки, но никто не успеет ни проголодаться, ни устать, как бы долго не тянулась беседа. А если случайный прохожий, или старый друг решит заглянуть на огонек и возьмется за дверную ручку, он переступит порог не раньше, чем Франк перевернет часы. Ему там, на улице, покажется, что он медлил всего секунду, а для собравшихся в доме могут пройти целые сутки. На диво приятные, необременительные сутки, но все-таки.

«Вырыть норку во времени» – так Франк это называет. Смеется, конечно. Он всегда над ней смеется, тут уж ничего не поделаешь.

Триша представления не имеет, что именно вытворяет со временем дядюшка Франк. Не понимает и даже думать об этом подолгу не желает: жуть какая! Просто знает, что так случается всякий раз, когда он ставит на стол свои песочные часы. Триша ежится от страха и жмурится от радости: вот оно, опять началось!

Гость с любопытством косится на часы, уважительно качает головой, подмигивает сероглазой женщине, говорит: «Гляди, какая штуковина!» – пробует кофе, с удовольствием закуривает и наконец начинает рассказывать.

А Триша – что ж, Триша слушает.

* * *

Начать, наверное, следует с того, что жизнь моя в ту пору была прекрасна настолько, что даже мои собственные зеркальные отражения от зависти бледнели. Я всего пару лет прожил в восхитительном волшебном мире, куда был взят живым, как праведник на небеса, хоть и не понимал толком, за какие такие заслуги. К тому же я был молод – непростительно молод, по словам моих старших коллег – по уши влюблен (и любим куда больше, чем смел рассчитывать), окружен друзьями и чудесами, почти не бит судьбой – по крайней мере, по сравнению с нынешним положением дел – и совершенно уверен в собственном безграничном могуществе. Немудрено: я состоял на службе в Малом Тайном Сыскном войске, самой грозной организации Соединенного Королевства – и кто бы мог подумать, даже там мне шутя удавалось все, за что я брался! Шеф Тайного Сыска, грозный сэр Джуффин Халли, чье имя повергало в трепет не только преступников, но и смиренных обывателей далеко за пре-

делами нашей столицы, казался мне удачным гибридом Господа Бога и доброго дядюшки; немногочисленные враги либо приучались есть из моих рук, либо рассыпались в прах практически без посторонней помощи; могущественные старые маги умилялись моей сообразительности и чуть ли не соревновались за право передать мне свои тайные знания. Еще бы, сэр Макс – юный колдун-вундеркинд, весь вечер на арене, спешите видеть!.. Мне казалось в ту пору, что Ехо, лучший из городов Вселенной, приютил меня для собственного удовольствия, как иные заводят в доме котенка. Этот город гладил меня по загривку, чесал за ухом, не жалел свежих сливок, лишь бы я оставался веселым и резвым, ему на радость. Ну и я, надо сказать, вполне соответствовал этим требованиям.

При всем при том мне хватало не то оптимизма, не то нахальства полагать, будто все это только самое начало почти бесконечно долгой счастливой жизни, где подвиг – просто увлекательный способ нагулять аппетит, а беспричинная печаль по утрам – наихудшая из возможных неприятностей, что-то вроде головной боли, избавиться от которой – минутное дело в мире, где список волшебных пилюль куда длиннее перечня распространенных хворей.

Немудрено, что я так резвился. Представьте себе мечтательного, но унылого молодого лентяя, который родился и вырос в перенаселенном мире, где среднестатистическая человеческая жизнь тяжела, зато коротка и почти непременно посвящена всяким скучным глупостям, из которых каждодневный труд ради крова и пищи – это еще самое осмысленное (хоть и изматывающее) деяние. И, да, вот что еще важно. Магия в том мире – явление не то чтобы вовсе невозможное, но из ряда вон выходящее. Не повседневное, мягко говоря. Принято считать, что ее нет вовсе – так, сказки для идиотов. Станешь говорить о чудесах вслух и всерьез, без снисходительной ухмылки, прослывешь пустоголовым мечтателем – это в лучшем случае. В принципе, могут и настоящим безумцем признать, запереть в лечебницу, травить пилюлями, если будешь настаивать на своем.

При всем при том, большинство тамошних обитателей более-менее разумны, весьма чувствительны и не наделены даром блаженной беззаботности, который мог бы облегчить их – то есть *нашу* – незавидную участь. Надо отдать мне должное: я был разумен и чувствителен сверх всякой меры, поэтому жизнь моя была совершенно невыносима. Как ни вздохнешь, куда ни повернешься, чем ни займешь себя – а кроме беспричинной тоски и ноющей боли в груди словно бы и нет ничего.

Впрочем, ладно. О несовершенствах мира, где прошли мое детство и юность, я часами могу говорить, но это печально и скучно. Достаточно сказать, что я прожил там почти тридцать лет, но так и не научился толком играть по тамошним правилам. Не то чтобы они были слишком сложными, просто тошнило меня от таких игр. Ну да, существовал как-то, ясно было, что выживу, не пропаду, но будущее мне рисовалось вполне безрадостное, да и настоящее в лучшие дни казалось мне не более чем терпимым.

И вдруг, можно сказать, ни с того, ни с сего, мне начинают сниться волшебные сны: какой-то иной, удивительный мир, мозаичные мостовые, оранжевые фонари, уютные трактиры – голова кругом!.. В этих снах суровый, но обаятельный господин по имени Джуффин Халли авансом отвешивал мне незаслуженные комплименты, обещал новую жизнь и головокружительную карьеру, если только я решусь покинуть постылую родину и перебраться в этот новый мир навсегда, не во сне, а наяву, «со всеми потрохами» – так он выражался. Дал мне подробную инструкцию, как туда попасть – в собственное сновидение, то есть.

В ту пору такая идея казалась мне, мягко говоря, революционной. Я поутру чуть не рехнулся, припоминая подробности, но терять было нечего, и я отважился выполнить полученные инструкции. В штаны едва не наложил со страху, как до дела дошло, но ничего, справился. Совершил первое в своей жизни путешествие между мирами, и все у меня, как ни странно, получилось.

Так я оказался в Ехо, столице Соединенного Королевства Угуланда, Гугланда, Ланда-ланда и Уриуланда, а также графств Шимара и Вук, земель Благостного Ордена Семилистника, вольного города Гажин и острова Муримах.

Мой приятель из сновидений и будущий шеф не соврал: и жизнь моя в этом новом мире стала совсем уж распрекрасной, и карьера в Тайном Сыске под начальством все того же сэра Джуффина Халли сложилась – сам себе завидую! Это при том, что мне всему пришлось учиться с нуля, магии – в первую очередь. Вырос там, где чудеса почти невозможны, и вдруг оказался среди колдунов, которые, не поворожив, стакан воды не выпьют. Одна только Безмолвная речь чего стоила. Мне она казалась чем-то вроде умения очень громко думать. Так громко, чтобы тот, к кому я обращаюсь, услышал меня на любом расстоянии. Это называется «прислать зов»... Кстати, именно с Безмолвной речью я больше всего и намучился. Все остальные знания и умения, необходимые для успешной службы в Тайном Сыске, давались мне очень легко.

Я бы сказал, подозрительно легко.

Словом, стоило мне сменить место жительства, и дела мои тут же пошли в гору, да так стремительно, что я сам не успевал следить за собственной головокружительной карьерой в Тайном Сыске. А это, надо сказать, была та еще контора. Чуть ли не самая крутая организация в Соединенном Королевстве – и уж точно самая малочисленная. Этакая специальная магическая полиция. Предполагалось, что мы всемером способны противостоять кому и чему угодно – хоть могущественным колдунам-изгнанникам, не стесняющимся среди бела дня применять запретную магию, хоть живым мертвецам, хоть кровожадным чудовищам из иных миров. И мы надо сказать, действительно как-то справлялись. Не было на моей памяти такого случая, чтобы мы – да не справились. Еще и в живых оставались, между прочим – наилучшее доказательство нашего профессионального мастерства.

К тому моменту, о котором пойдет речь, за плечами у меня уже было несколько непростых, почти безнадежных дел, с которыми я, как ни странно, успешно справился. Победил пару-тройку призраков и просто могущественных злодеев, живых и мертвых – между прочим, некстати ожившие покойники какое-то время считались чуть ли не основной моей специальностью. Почти случайно распутал не одну дюжину головоломок, научился плевать смертельным ядом, прогулялся по Темной Стороне, между делом стал царем маленького кочевого народца, худо-бедно научился управляться с волшебными талисманами и доставать нужные вещи из Щели между Мирами. До сих пор не очень понимаю, как у меня все это выходило, но выходило, факт... Впрочем, в ту пору это было мое нормальное состояние: я шутя проделывал всякие невероятные вещи, и упорно не понимал, как у меня это все получилось. К чести моей следует сказать, я знал себе цену и ни на минуту не забывал, что как был дураком, так им и остался. Но и могущество собственное осознавал вполне; при этом не решался спрашивать себя, откуда оно, черт побери, взялось?! И понятия не имел, каким образом эти прекрасные крайности, беспомощность и могущество, ухитрились назначить друг другу свидание не где-нибудь, а именно под покровом моей шкуры. Всякое новое поручение будило во мне гремучую смесь ужаса, любопытства и энтузиазма: в глубине души я тогда был уверен, что справлюсь с чем угодно, хотя понятия не имел, как.

...Все это я рассказываю лишь для того, чтобы вам было ясно: когда Господин Почтеннейший Начальник Малого Тайного Сыска сэра Джуффина Халли прислал мне зов за час до рассвета и, соответственно, окончания моего ночного дежурства, велел бросать все дела (то есть чтение позавчерашнего выпуска «Королевского Голоса» и опустошение восьмой примерно по счету кружки камры) и немедленно ехать к нему домой, я был готов к чему угодно.

«К чему угодно» – это значит: спасать мир, воскрешать мертвых, усмирять живых, ловить опальных колдунов, сажать на строгую диету людоедов, отправляться с тайной миссией на Темную Сторону, или хотя бы на другой материк. К чему я точно не был готов – так это к обезоруживающей улыбке шефа.

– Вот, вскочил ни свет, ни заря, – объяснил он. – И подумал: все равно ты сейчас бездельничаешь на службе, почему бы тебе не составить мне компанию за завтраком?

Я так и застыл на пороге с распахнутым ртом. Когда тебя затемно вызывают домой к начальству, в голову не приходит, что весь этот переполох – просто приглашение позавтракать. Мило, конечно, кто бы спорил, но...

Насладившись моей растерянностью, Джуффин снисходительно похлопал меня по плечу:

– Ну-ну, сэр Макс, я же не утверждаю, что мы будем завтракать в полном молчании. Разумеется, у меня к тебе есть разговор, да такой долгий, что, боюсь, нам еще и обедать вместе придется. Насколько я знаю твои возможности, это катастрофа для моих погребов, ну да ладно!

– Ага, – я вздохнул с облегчением. – Значит все-таки что-то стряслось. Что-то такое, о чем вы не хотите говорить ни в «Обжоре Бунбе», где в это время суток, к слову сказать, ни единого постороннего уха, ни даже в собственном кабинете. Ну-ну. Заранее содрогаюсь.

– И совершенно напрасно, – пожал плечами шеф. – Ничего не стряслось. По крайней мере, пока. Будем считать, что меня удручают размышления о глубине твоего невежества. Не поверишь, сегодня ночь напролет ворочался, уснуть не мог, стонал так, что Кимпа за знахарем бежать собрался. А все потому, что понял: ты же пока ничего не знаешь о традициях и обычаях монархов Соединенного Королевства. Вообще ничегошеньки. И я до сих пор не приложил усилий, дабы изменить сей прискорбный факт. Какой ужас, сэр Макс!

– Э-э-э... – сказал я. Подумал немного и добавил: – А-а-а...

Но Джуффин не обратил внимания на этот внезапный приступ дислексии. Усадил меня за стол и принялся ухаживать: это возьми, то попробуй. Я пялился на угощение, как баран на новые ворота, силясь сообразить, что, собственно, делают воспитанные люди с едой. Наконец кое-как привел смятенный свой ум в порядок, промямлил:

– А зачем мне знать о монархии? Надеюсь, вы не прочите меня в наследные принцы?

– Обойдешься. В принцы захотел, ишь ты... Просто, во-первых, всякое невежество само по себе заслуживает искоренения. А во-вторых... Ну, скажем так: тебе придется какое-то время побыть придворным.

– Э-э-э! – запротестовал я. Хотел было развить свою мысль, но дар речи, кажется, покинул меня окончательно, поэтому из груди моей вырвалось лишь полное отчаяния, душераздирающее: – Ы-Ы-Ы-Ы!

Меня можно было понять. Я уже успел пару раз побывать в Королевской резиденции; однажды, помнится, даже на официальный прием иностранной делегации угодил. Его Величество Гуриг Восьмой показался мне отличным парнем, практически «своим в доску», если такое определение допустимо по отношению к правящему монарху, но придворные церемонии повергли меня в отчаяние. Во-первых, на протяжении многотысячелетней истории Соединенного Королевства было выдуманно немыслимое количество мудреных правил и ограничений, выучить которые можно только посвятив искусству придворного этикета всю жизнь. А во-вторых, я лично убедился, что даже Король не может уклониться от исполнения этого бессмысленного и беспощадного долга. Пару дюжин лет Его Величество Гуриг угробил на борьбу с собственным церемониймейстером. В итоге отправил упрямого старика в отставку, кое-как отвоевал право пить камру в собственном кабинете вместо того, чтобы всякий раз шествовать в трапезную, огромную и гулкую, как крытый стадион, – и утихомирился. Решил, что все прочие задуманные новаторства ему пока не по плечу. Я бы на его

месте, пожалуй, вовсе от престола отрекся, но я – существо безответственное, что с меня взять...

И тут вдруг шеф, которому я верил, как самому себе – да что там, куда больше, чем себе! – угрожает сослать меня в придворные. Предательство доверившихся – вот как это называется. В девятом кругу Дантова Ада за такое по головке не погладят. Впрочем, сэр Джуффин Халли не имел счастья читать «Божественную комедию» Данте, так что у меня почти не было шансов его образумить.

Кандидат на замещение должности любимой жевательной резинки Люцифера с деланным сочувствием покачал головой и плюхнул мне на блюдце чуть ли не полкило варенья. В утешение, надо понимать.

– Бедный мальчик! – ехидно вздохнул он. – Ишь как перепугался!.. Не горюй, сэр Макс. Я не продам тебя в вечное рабство Его Величеству Гуригу. Тебе не придется до старости лет полировать пряжки на Королевских башмаках. Даже министром заваливающим никто тебя не назначит, нет таких дураков. Просто надо составить компанию Его Величеству в непродолжительном путешествии. Не на край света даже, всего-то на остров Муримах. За пару дюжин дней небось обернетесь. Было бы из-за чего волосы на себе рвать.

Я чуть не умер от облегчения. Но решил, что подавиться вареньем будет вполне достаточно. Мне не трудно, а шефу радость. Зря, что ли, он старается, завтраком меня кормит?

– Если в путешествии, тогда ладно, – дар связной речи вернулся ко мне незамедлительно. – На Муримах? Славно: я там как раз еще не был... Но зачем? То есть зачем туда едет Король, вполне вероятно, не мое собачье дело. Но я-то на фиг ему сдался?

– Ну как... Защищать, охранять, оберегать, и что там еще положено проделывать со странствующими монархами?

– «Защищать»? Короля? Я?! Ну, нечего сказать, нашли защитничка! Вы же лучше меня знаете: я не способен защитить никого, в том числе и самого себя. Угробить, разве что – это да, это моя специализация... Впрочем, и то, и другое гораздо лучше выйдет, скажем, у сэра Шурфа.

Сэр Шурф Лонли-Локли, наш Мастер Пресекающий Ненужные Жизни, проще говоря, штатный убийца, был – собственно, как я понимаю, и до сих пор является – счастливым обладателем смертоносных перчаток (левая испепеляет все, что следует испепелить; правая парализует противника, оставляя его в живых), острого, но педантичного ума, невозмутимой физиономии и самого твердого характера во Вселенной. Ни на миг не сомневаюсь, что он вполне мог бы защищать нашу (и любую другую) монархию в гордом одиночестве, сколь угодно долго, разве что, с перерывом на посещение библиотеки: более страстного читателя я в жизни не встречал.

– Не мельтеши, Макс, – отмахнулся шеф. – Дело решенное: Король желает вверить свою безопасность именно тебе, и никому другому. Да не переживай ты так, не вдвоем же вы поедете, в самом деле. Королю положены и охрана, и свита, а ты – просто экзотическое дополнение к этой ораве бездельников. Подозреваю, Гуриг уже давно хочет познакомиться с тобой поближе: он же любопытный, да и поговорить ему толком не с кем, сам понимаешь. А тут такой случай!

Я немного приободрился.

– То есть, это путешествие – скорее развлечение, чем работа?

– Ну уж нет. Конечно работа. Только не такая, какую ты привык выполнять, вот и все. Дружить с Его Величеством Гуригом – приятный, но нелегкий долг некоторых подданных – вот мой, например. И твой теперь тоже. Если бы нашим Королем был не столь дружелюбный молодой человек, Тайному Сыску пришлось бы с утра до ночи бороться не столько с преступниками, сколько с бюрократами из Ордена Семилистника. А благосклонность Короля развязывает нам руки – кажется, у тебя уже была возможность это заметить. Поэтому если

Его Величество говорит: «А подайте-ка мне сэра Макса в провожатые!» – будь уверен, он тебя получит, даже если мне для этого понадобится заключить тебя в кувшин. Впрочем, уж ты-то точно не в проигрыше. Остров Муримах – одно из красивейших мест под этим небом. Одни тамошние радуги чего стоят! А то сидишь тут сиднем в моем кабинете ночи напролет – разве это жизнь?..

– Ну, строго говоря, именно для этого вы меня и нанимали: сидеть по ночам в вашем кабинете.

Я говорил чистую правду. Моя должность официально называлась: «Ночное Лицо Господина Почтеннейшего Начальника»; на словах же будущий шеф уверял, что от меня требуется всего-то сторожить Дом у Моста от заката до рассвета, пока все остальные Тайные Сыщики изволят дрыхнуть.

Но теперь Джуффин отмахнулся от моего аргумента, как от сонного комара.

– Мало ли, чего я тебе наплел, когда зазывал на службу. Работодатели всех миров изрядно привирают, когда хотят заполучить ценного сотрудника, разве ты не знал?.. Впрочем, твоей обязанности сидеть по ночам в моем кабинете никто и не отменяет, сиди себе на здоровье – когда других дел нет.

Ну да. А что еще, интересно, я ожидал услышать?

– Когда ехать-то? – вздохнул я, предчувствуя, что шеф поглядит на часы и скажет: «Минут через десять».

Но я не угадал.

– Отъезд назначен на завтрашнее утро. Впрочем, во дворце надо быть сразу после полуночи. Я сам тебя отвезу и сдам на руки Гуригу. Я ему обещал.

– Ладно, – вздохнул я. – Может все-таки расскажете, зачем Король едет на Муримах? Чтобы жители дальней окраины Соединенного Королевства получили счастливую возможность сравнить его живой профиль с чеканкой на монетах?

– И это тоже. Однако встреча с подданными, мягко говоря, не главная цель Королевского путешествия. Ты уже покончил с завтраком?.. Ха, да ты еще и не начинал толком! Я тебя не узнаю, сэр Макс! Ладно уж, жуй дальше, но при этом слушай меня очень внимательно... Впрочем, сперва скажи: ты когда-нибудь задумывался, для чего в Соединенном Королевстве нужны Короли?

Я, признаться, опешил.

– Ну как – для чего... Все-таки Королевство, не республика какая-нибудь. Положено, чтобы был Король.

– Экий ты, оказывается, формалист! Нет, правда, неужели тебя не удивляет, что Короли как-то ухитрились усидеть на престоле в течении тех столетий, когда государство раздирали на части могущественные Ордена? В некоторых – да вот хоть в том же Ордене Водяной Вороны – даже простые послушники были столь искусными магами, что могли бы в одиночку подчинить своей воле целый город. О Великих Магистрах и их ближайших помощниках и говорить не стану. Некоторых ты видел, остальных можешь сочинить, дав волю воображению. И не бойся преувеличить их могущество: вряд ли у тебя это получится.

– Ну ничего себе, – я покачал головой, силясь вообразить себе полчища этих титанов духа, этакую сверхчеловеческую саранчу. Выходило не слишком убедительно.

– Ну и как по-твоему, зачем при таком раскладе были нужны какие-то короли? – настойчиво спросил Джуффин. – И каким образом эти бездельники могли удержаться у власти?

Тоже мне антимонархист.

Но он, кажется, всерьез рассчитывал, что я отвечу.

– Ну... – я ухватился за первую же пришедшую мне в голову мысль. – Наверное, Короли – еще более крутые колдуны, чем все эти Великие Магистры...

– Молодец, сэр Макс. Именно так и обстояли дела. И до сих пор обстоят, собственно. Его Величество Гуриг Восьмой ни в чем не уступает своим великим предшественникам. А кого-то из них, пожалуй, даже превосходит.

– А, собственно, зачем тогда нужны мы? – осведомился я. – Ну, если он такой крутой... Для виду, что ли? Или просто лень ему?.. А что, и правильно: не царское это дело – порядок наводить.

– Да погоди ты, не тараторь. Выслушай сначала. Магия наших монархов – дело особое. Для такой ерунды, как наведение порядка, она не очень-то годится, так что наш Дом у Моста все же не только для красоты строили. Правители Соединенного Королевства все больше отношения с землей, небом и прочими стихиями улаживают. Понятно, что они и многое другое могут – кто-то больше, как легендарный Король Мёнин, кто-то меньше, но это не имеет особого значения. Все наши монархи обладают почти безграничной властью над стихиями, вот это действительно важно.

– Это как? – опешил я. – Дождь, что ли, вызывают в неурожайные годы?

– И это тоже, – спокойно согласился шеф. – Между прочим, в Соединенном Королевстве не так уж много найдется людей, достаточно начитанных, чтобы знать смысл словосочетания «неурожайный год». В других краях такая беда порой случается. Но не у нас. А почему, как ты думаешь, Соединенное Королевство всегда было богатейшей державой этого Мира? Где еще правитель может отдать приказ кормить в трактирах всех голодных за счет казны, а потом исправно оплачивать счета в конце года? То-то же.

– Ну да, действительно. Я сперва сам удивлялся, а потом привык и перестал... Выходит, земля тут не сама по себе такая плодородная? И климат не просто так мягкий? А я-то нарадоваться не могу: зимой нет морозов, летом – никакой тебе жары, красота... Это что же, Его Величеству Гуригу Восьмому спасибо говорить надо?

– Ну да. И не только за урожаи и мягкий климат. За отсутствие землетрясений, наводнений, ураганов, тайфунов и прочих неприятностей в таком роде. Наши Короли умеют договариваться со стихиями. Как – понятия не имею.

– Даже вы не знаете? – недоверчиво спросил я.

Шеф помотал головой.

– Чтобы знать, нужно быть, как минимум, наследным принцем. Это же не просто тайна, которую нельзя разглашать, но при большом желании можно выведать, а фундаментальное отличие наших монархов от прочих людей. Даже если Его Величество Гуриг вдруг возжелает читать лекции студентам на соответствующую тему, они его не поймут. И мы с тобой не поймем. Ну а если паче чаяния поймем, все равно не сумеем воспользоваться новым знанием... Собственно, поэтому никому не приходило в голову упразднить монархию – кроме, разве что, совсем уж отъявленных безумцев, но таких было немного во все времена.

– А как же смена династий? Я же читал: их, вроде, до Гуригов несколько было.

– Ну да. Сперва потомки Халлы Махуна Мохнатого, потом воинственная Хоттийская династия, которой положил начало Шидо Айигокхи, Принц Плоских Гор; высокомерные угуландские колдуны называли его «принцем плоских шуток», но, если верить историческим хроникам, слова поперек ему сказать не смели. Потом, когда вдова последнего из Айигокхи, королева Вельдхут отреклась от престола и удалилась в Куанкулах, в Соединенном Королевстве воцарились вурдалаки Клакки – вот уж при ком тут была тишь да гладь! – и только после них к власти пришли предки Его Величества Гурига. Но заклинать бури, усмирять морозы, возвращать реки в берега и обеспечивать подданным по два урожая в год умели абсолютно все Короли, подтверждений тому в исторических хрониках полным-полно. Следовательно... Следовательно – что?

– Я должен сделать умное лицо и сказать: «Следовательно, эта способность не наследственная, а приобретенная», – так, что ли?.. Ну, ясно. Значит должен быть специальный

ритуал. Что-то такое во время коронации с ними проделывают. «Инициация» называется... Однако! Выходит, у нас тут короли-шаманы, все как один. А я живу как дурак, не знаю ничего.

– Ну вот, теперь знаешь, – пожал плечами Джуффин. – Не больше, чем знает об этом любой школьник, зато ненамного меньше, чем я сам. Дело-то действительно темное... Что касается визита Его Величества на остров Муримах, лично я не сомневаюсь: цель ее как-то связана с Королевской магией. Гуриг предпринимает такие путешествия более-менее регулярно, примерно раз в дюжину лет. Его отец, к слову сказать, не пренебрегал поездками на Муримах даже в Смутные Времена; вообще, как я понимаю, это очень древняя традиция. Предупреждая твои расспросы, могу сказать: никаких подробностей я не знаю. Честное слово, Макс. Ни меня, ни моих подчиненных еще ни разу не просили сопровождать Короля в таких поездках. До сих пор это было обязанностью ребят из Ордена Семилистника. Не удивлюсь, если и на сей раз без них не обойдется. И не стану скрывать: я надеюсь узнать эти самые подробности от тебя – раз уж все так удачно сложилось. Мне уже давно любопытно: что там такое на этом Муримахе зарыто?..

Я вздохнул. Интересно, как он себе это представляет? Шпион из меня тот еще. Я живу как во сне и редко замечаю, что творится у меня под носом. Теперь, выходит, придется замечать.

– Еще вот что, – бодро говорил Джуффин. – Будь готов, что перед отъездом с тебя возьмут специальную клятву: молчать обо всем, что увидишь и услышишь во время экспедиции. Гуриг, возможно, и рад бы избавить тебя от этой неприятной процедуры, ограничившись честным словом, но не все в его власти. Большинству древних обычаев он сам вынужден подчиняться, ты же знаешь... Считается, что нарушивший такую клятву загорится как факел и умрет в страшных муках прежде, чем договорит первую же фразу. Имей в виду: вполне возможно, что это правда, проверять пока никто не пробовал, поэтому не вздумай отправлять отчеты о путешествии своим знакомым девушкам и прочим заинтересованным лицам. Безмолвная речь так же опасна для клятвопреступника, как обычная болтовня. О письмах и не говорю: это еще хуже... И, пожалуйста, не делай такое трагическое лицо: как только вернешься, с этим безобразием будет покончено. Моих скромных познаний в магии хватит, чтобы снять с тебя древние чары. Сколько уж раз этим занимался...

Я изумленно покачал головой. Оставалось надеяться, что в финале путешествия мне не отрежут голову – для пущей надежности.

Меж тем шеф явно решил меня добить.

– И последнее. Клятву, как я понимаю, с тебя возьмут только завтра, но молчать начинать прямо сейчас. Никому не говори, что едешь с Королем на Муримах. Ни слова, ни намек, ни записки. Если вдруг станут спрашивать – отпирайся, как сумеешь. Не трудись быть убедительным, ври, что в голову взбредет. А еще лучше, просто не суйся туда, где тебе будут задавать вопросы. В Дом у Моста, например. Как-нибудь переживем нынче вечером твое отсутствие. Да и спать тебе сегодня лучше в одиночестве. Например, у меня. Имей в виду: это не приглашение, а приказ. Я сам заеду к тебе домой, объясню, что это моя придурь, а не твоя. И приятелям твоим скажу, чтобы не трудились слать тебе зов, не отвлекали от размышлений о бренности всего сущего – словом, придумаю что-нибудь. Но уж и ты, будь любезен, сделай вид, что Безмолвной речи не существует. Ясно?

– Наоборот. Вот теперь я уже ничего не понимаю. Что именно является тайной? Отъезд Его Величества? Или мое участие в этой экспедиции? Хотите сказать, никто не пронюхает? Сами сколько раз говорили: в Ехо полно дерьмовых ясновидцев! Святая правда: здесь все всё друг про друга узнают примерно за полчаса до происшествия. А уж про Короля...

– погоди, Макс, не тарыхти. Успокойся. Отъезд Короля вовсе не тайна, завтра полгорода сбежится его провожать; о твоём участии в этом деле пока никто не знает, но и это не ахти

какой секрет. Просто – ну, скажем, есть такая примета: не болтать о путешествии, пока оно не началось. Так-то суеверных людей немного, о собственных планах болтают с утра до ночи, но уж ради благополучия Его Величества все стараются, как могут. А уж мы с тобой тем более должны: положение обязывает.

– Примета значит, – вздохнул я. – Просто суеверие. А я из-за этого суеверия перед отъездом домой показаться не мог. Даже зов послать никому нельзя. Ну-ну...

Объяснения шефа показались мне, мягко говоря, неубедительными. С другой стороны, кто их разберет? Что чужаку, вроде меня, бабкины сказки и чушь собачья, то местным жителям – вполне себе магия, да еще небось какой-нибудь внушающей уважение сорок девятой ступени...

– Примета. Просто дурацкая примета, дырку над ней в небе, – с невинной улыбкой подтвердил Джуффин. – А теперь брысь отсюда. Ты же сидя спишь! Спальня для гостей на первом этаже, возле выхода в сад, ты еще не забыл?

...Так я оказался под домашним арестом. Полдня проспал как убитый. Я бы и со второй половиной дня поступил столь же сурово, но меня разбудил зов моего коллеги и, с позволения сказать, друга, сэра Мелифаро. Господин Почтеннейший Начальник Тайного Сыска явно переоценил силу собственных приказов. Не сомневаюсь, что запрет, наложенный на переговоры со мной, только раззадорил этого парня. Так-то он вполне мог бы не вспоминать о моем существовании еще полдюжины дней.

«Что ты натворил, горе мое? – спросил Мелифаро. – Откусил по запарке голову великого магистра Нуфлина Мони-Маха? И теперь знаешь все его тайные планы? И тебя не выпустят на улицу, пока ты все не забудешь? И я не увижу тебя как минимум три сотни лет? Какое счастье! Поверить не могу!»

Для того, кто хорошо знаком с сэром Мелифаро, эта тирада должна была означать примерно следующее: «Надеюсь, с тобой все в порядке? Я очень беспокоюсь. Ты уж там держись». Я был знаком с ним более чем хорошо, но дружеское участие – не совсем то, в чем я нуждаюсь спросонок.

«Если я буду с тобой трепаться, голову откусят мне, – ответил я. – Поэтому исчезни. И не больно радуйся: через пару дюжин дней я объявлюсь – вот тебе мое зловещее пророчество».

«Всего через пару дюжин дней? И нет спасения? Какой ужас, – с явным облегчением сказал Мелифаро. – Пойду сообщу эту скорбную весть Шурфу и сэру Кофе. Ненавижу страдать в одиночестве».

Интересно, что им там Джуффин такого про меня наговорил? Заставить сразу трех сотрудников Тайного Сыска всерьез тревожиться о моем благополучии – это надо уметь. Все-таки они меня не первый день знают, могли бы привыкнуть к тому, что я – крупнейший коллекционер приключений на свою задницу, и это, как показывает практика, вполне безобидное хобби, не хуже прочих.

Поняв, что заснуть снова не получится, и приведя себя в чувство при помощи большого кувшина камры, я слонялся по пустому дому Джуффина и нервничал так, словно мне предстояло нечто среднее между выпускным экзаменом по химии и казнью через повешение. Думы о грядущей придворной жизни – пусть даже в облегченном, походном варианте, – приводили меня в отчаяние. Было совершенно очевидно, что я опозорюсь незамедлительно, еще на пороге Замка Рулх, а потом еще раз, и еще; буду покрывать себя позором ежечасно, с перерывом на сон – если, конечно, не выяснится, что спать при Дворе тоже следует каким-то особым образом: скажем, сидя на корточках, закрыв лицо руками, или ритуально ворочаться с боку на бок каждые полчаса, отмеряя таким образом ход времени – кто знает, как у них там заведено?.. В любом случае, я буду жалок, смешон и нелеп; хорошо еще, если Гуриг сочтет

это подходящим развлечением. Огорчать Короля мне искренне не хотелось: во-первых, он действительно был мне симпатичен, а во-вторых – кто его знает, вдруг огорчение Его Величества чревато смерчами, тайфунами и многолетней засухой? То-то и оно.

Лишний раз убедившись, что безделье – мать всех тревог, я так и не нашел себе путевого занятия. Хватался за книги, но тут же откладывал их в сторону. Перебирал безделушки шефа, раздумывая: а не заставить ли одну из них поведать о событиях давно минувших дней? Полезное упражнение в Истинной магии и одновременно развлечение, не хуже кино. Но колдовать было лень, да и вряд ли мне сейчас удалось бы должным образом сконцентрироваться на чем бы то ни было. О том, чтобы прогуляться, и речи быть не могло: шеф велел мне таиться от мира, а с ним хрен поспоришь. Даже песик Джуффина по имени Хуф, который, кажется, считал меня не человеком, а очень крупным щенком неизвестной породы и, соответственно, отличным товарищем для разных собачьих игр, на сей раз почему-то предпочел дрыхнуть на моей подушке. А ведь как славно могли бы скакать галопом по саду, вытоптали бы пару-тройку клумб на радость сэру Джуффину Халли...

Но это явно был не мой день.

Словом, когда шеф приехал, чтобы собственноручно доставить меня в Королевскую резиденцию, я только что на шею ему не бросился. Пулей полетел в ванную, умылся, кое-как привел себя в порядок (то есть с неудовольствием ощупал небритый подбородок, собрал в хвост отросшие патлы и поспешно затолкал это позорище под тюрбан), закутался в Мантию Смерти, которую мне в ту пору полагалось носить на службе и вытянулся в струнку на пороге: дескать, готов ко всему. Однако Джуффин неодобрительно покачал головой.

– Надо бы тебе переодеться, – сказал он. – В этом путешествии у тебя будет официальный статус личного гостя Его Величества, а не государственного служащего. Считается, будто Гуриг вовсе не приказывал тебе участвовать в его сопровождении, а в частном порядке предложил тебе провести отпуск в его обществе. Король объяснил мне, что так всем будет удобнее: гость в отличие от служащего имеет право приближаться к Его Величеству без специального доклада, обедать с ним за одним столом, беседовать на любые темы без предварительного согласования с секретарем – в общем, понятно, да?..

– Ну, пусть считается, что понятно. Только у меня нет никакой другой одежды. Вы же мне домой заехать не дали.

– Тоже мне проблема, – отмахнулся шеф. – Моя гардеробная на втором этаже, рядом с кабинетом. Надевай что хочешь, мы же почти одного роста. И какую-нибудь сменную одежду подбери, пригодится. Сапоги, в которых ты ходил, когда тут поселился, валяются где-то в твоей спальне, поищи. А больше ничего не нужно: все-таки с Королем едешь. Вряд ли Его Величество позволит тебе бедствовать в пути. Не его стиль.

Я кивнул и отправился переодеваться. Возможность порыться в шкафах (практически в исподнем) Джуффина представлялась мне чем-то вроде инициации, новым дивным этапом окончательного и бесповоротного погружения в некую невнятную, но безусловно злоеущую неизвестность. На пороге я молитвенно сложил руки, трепеща сунул нос в пропахшую травяными благовониями полутьму. Не обнаружив в гардеробной ни единого чудовища из иного мира, ни даже какой-нибудь заваливающей мумии мятежного Магистра – словом, вообще ничего, кроме одежды и обуви, – я был слегка разочарован, но виду не подал. Сказал себе, что шеф, не будь дурак, просто сделал ужасающее население своих шкафов невидимым – тем и утешился.

Джуффин оглядел меня, удовлетворенно кивнул, и мы наконец поехали в замок Рулх. По дороге я чуть было не загубил свою репутацию самого лихого ездока в Соединенном Королевстве. Все же амобилер, как я в свое время выяснил, едет с той скоростью, о которой в глубине души мечтает возница. Подчиняется скорее потаенному желанию, чем насущной необходимости. До сих пор ребяческая страсть к быстрой езде шла мне на пользу: там, где

специально обученный профессионал тратил на дорогу час, я добирался за десять-пятнадцать минут, повергая в священный трепет своих коллег и случайных свидетелей. Но на сей раз я страстно желал оттянуть финал поездки и, соответственно, начало своей придворной карьеры – желательно на несколько столетий. В крайнем случае, хоть на часок.

Вот этот самый «часок» мы и тащились до Королевской Резиденции. Пешком быстрее дошли бы, честное слово! Джуффин косился на меня с немим изумлением, но у него хватило милосердия не комментировать происходящее. Сидел рядом, попыхивал трубкой, ухмылялся каким-то своим мыслям – словом, в отличие от меня вовсе наслаждался поездкой, прекрасным весенним вечером и грядущим задушевным общением с нашим абсолютным монархом, дырку над ним в небе.

Когда мы въехали на мост, соединяющий Левобережье с островом, где высится Замок Рулх, амобилер, повинаясь моему страстному желанию оттянуть роковой момент, и вовсе пополз со скоростью обожравшейся улитки. Только что назад не пятился – надо понимать, на это мне чуть-чуть не хватало могущества. Поэтому мост мы все-таки преодолели.

Но дальше ехать не пришлось. Сразу за мостом Джуффин велел мне свернуть на обочину, остановиться и выйти; несколько секунд спустя из влажной чернильно-лиловой тьмы вынырнуло существо, с ног до головы закутанное в лоохи с капюшоном, на манер кеттарийских горцев. Не поздоровавшись с нами и вообще не издав ни звука, существо уселось за рычаг нашего амобилера, лихо развернуло его на сто восемьдесят градусов и уехало обратно в город – на вполне приличной, чего уж греха таить, скорости.

– Это было ограбление? – поинтересовался я.

– Это был мой собственный дворецкий. Неужели ты не узнал Кимпу? Я попросил его ждать нас тут и забрать амобилер. Нечего ему у замка стоять: приметный...

– Просто праздник какой-то, – проворчал я. – Всемирный день конспирации. И все это ради Королевского путешествия, о котором завтра же напишут все – то есть целых две! – столичные газеты.

– Так то завтра, – пожал плечами Джуффин. – И вообще, имей в виду: это не моя придурь, я просто выполняю инструкции Его Величества. Мне не трудно, а молодому Королю приятно. И тебе поучительно – вон как тарачишься по сторонам, совсем ошалел, бедняга! И это хорошо: как только окончательно утратишь бесценную способность чувствовать себя идиотом, можешь считать, что жизнь практически закончена. Если тебя постигнет такое несчастье, я тут же отпущу тебя на пенсию и заранее присмотрю место на Зеленом Кладбище Петтов – или где тебе больше нравится? Можешь на меня положиться, мальчик!

Я только головой покачал. Эх его все же заносит на поворотах!

Шеф злодейски хохотнул и доверительно шепнул мне на ухо:

– В замок будем пробираться через черный ход. Есть здесь такая специальная калитка для собак, нищих и мальчишек-газетчиков. Именно там нас с тобой и поджидают. Правда романтично?

– С другой стороны, Король вполне мог приказать вам доставить меня через каминную трубу, – вздохнул я. – Так что, будем считать, нам еще повезло.

Джуффин вел меня к замку круглыми путями. Мы долго петляли по тропинкам парка, иногда сворачивали и шли напролом через кусты. В результате забрели в какой-то немислимый огород, где принялись скакать через грядки, как гигантские зайцы-оборотни. За огородом начались душистые заросли цветущих плодовых деревьев; стая мелких птиц, потревоженных нашим нашествием, взмыла к небу и подняла такой невообразимый гвалт, что сторожевые собаки не могли бы с ними тягаться. Но мы неустрашимо топали вперед, чуть ли не по колено проваливаясь в рыхлую, влажную почву. Я, признаться, окончательно перестал

понимать, что происходит. До сих пор визит в Королевскую резиденцию представлялся мне куда менее увлекательной авантюрой.

Наконец мы уперлись в высоченную живую изгородь; среди мелких, круглых, словно бы лакированных листьев и жемчужно-белых цветов даже в темноте безлунной ночи можно было разглядеть длинные шипы, больше похожие на стилеты. Шеф огляделся, почесал затылок и не слишком уверенно свернул налево. Тем не менее, он угадал: через несколько минут в колючей душистой стене обнаружился просвет. Сунувшись туда, мы почти сразу уткнулись в другую ограду, искусно сплетенную из тонких металлических прутьев. Маленькая калитка была гостеприимно распахнута. По ту сторону нас поджидала огромная черная тень. Стоило нам приблизиться, она угрожающе зашевелилась и двинулась в нашу сторону. В первое мгновение я решил, что мы напоролись на какое-нибудь потустороннее чудовище, специально вызванное к жизни штатными колдунами для охраны Королевского парка. Пальцы мои непроизвольно сложились в щепоть, изготовившись метать Смертные Шары, а сердце поспешно эмигрировало в пятки, не желая принимать участие в грядущих неприятностях. Но тут обнаружилось, что тень принадлежит человеческому существу – весьма крупногабаритному, зато дружелюбно настроенному. Еще секунду спустя оно заговорило женским голосом, на удивление глубоким и мелодичным.

– Долго же вы добирались, – сказала она. – Я уже час вас поджидаю. Хотела зов послать, спросить, что случилось, но решила, что это будет немного бестактно, поскольку мы не знакомы...

– Ну почему же, – добродушно отозвался Джуффин. – Еще как знакомы. Я имел удовольствие качать вас на коленях, леди – правда, всего несколько минут, да и давно дело было. Добрую сотню лет назад. Я был хорошо знаком с вашим отцом, даже лечил его от ран, как раз после того, как мы с ним предотвратили пятое по счету покушение на Его Величество Гурига Седьмого... Впрочем, вы тогда были даже не девчонкой, а маленьким кружевным свертком – зато весьма голосистым! Отец небось рад, что вы пошли по его стопам?

– Ну, моя нынешняя должность – жалкая пародия папиного бывшего величия, – вздохнула женщина-великанша, которую я все это время изумленно разглядывал. Здесь, в Ехо, пышные формы пользуются большим успехом, поэтому толстушки не сидят на диетах, а, напротив, с удовольствием наедают бока. Но такую громадину я видел впервые. Широкоплечая и широкобедрая, с огромной грудью и выдающимся животом; ростом она была, пожалуй, не намного выше меня, но казалась настоящей великаншей. В ней чувствовалась недюжинная сила, при этом голос и манеры были женственными, даже девически кокетливыми. В сочетании с мощным торсом это производило странное впечатление, впрочем, скорее ошеломляющее, чем отталкивающее.

– Вы нас проводите? – нетерпеливо спросил Джуффин.

Он, как я понимаю, и сам бы прекрасно прошел, но для этого надо было сдвинуть в сторону огромную приветливую леди, преградившую нам путь.

– Провожу, но только сэра Макса, – ответствовала великанша. – Его Величество передал, что просит у вас прощения и в будущем непременно постарается загладить свою бестактность. Но сегодняшнюю ночь он готов посвятить только своим спутникам.

– Мне-то что, – пожал плечами Джуффин. – Дело хозяйское. Лишние два часа сна мне никак не повредят.

Однако было заметно, что он – не обижен, конечно, но изрядно озадачен.

– Тогда, с вашего позволения, я прощаюсь, – смущенно сказала женщина. – Идемте со мной, сэр Макс.

– Иди, иди. – Джуффин легонько подтолкнул меня вперед, поскольку я стоял как вкопанный, не понимая, как себя вести. – Приятного путешествия. Надеюсь, тебе понравится. И не беспокойся о своих девушках, кошках и собаках: я за ними пригляжу.

– Спасибо, сэр, – вежливо сказал я. – Кошки – да, кошки и собаки – это важно... Только имейте в виду: вопреки городским легендам, у меня всего одна девушка. Важно, чтобы в мое отсутствие их не стало больше. А то знаю я вас.

Шеф укоризненно покачал головой и с видом оскорбленной невинности скрылся в кустах. Толстуха восхищенно оглядела меня с ног до головы и громко воскликнула:

– Лаюки Кепта!

Я решил, что это какое-то новомодное придворное приветствие, приветливо осклабился и повторил:

– Лаюки Кепта.

– Да нет же! – расхохоталась моя новая знакомая. – «Лаюки Кепта» – это имя. Леди Лаюки Кепта, вижу вас как наяву, сэр Макс. Простите, что не представилась сразу: правила хорошего тона – не самое сильное мое место.

– Вот это да! – Я, не стану скрывать, страшно обрадовался. – Я-то думал, что все придворные только этим с утра до ночи и занимаются: зубрят правила хорошего тона и всюю предаются практическим упражнениям.

– Примерно так и есть, – согласилась она. – Но я – исключение из этого прискорбного правила. И из многих других правил тоже. Я – доверенный телохранитель Его Величества Гурига Восьмого. И лучший друг его детства. Мой папа, сэр Хирмуши Кепта, был главным телохранителем его отца, покойного Короля, так что нам с Гуригом просто некуда было друг от друга деться. Мы, впрочем, не жаловались: нам было весело вместе, да и сейчас иногда бывает... Пойдемте, сэр Макс. Нас уже давно ждут.

Я кивнул и последовал за Лаюки. У нее оказалась удивительная походка, плавная, грациозная и, если смотреть со стороны, неспешная; на деле же я едва поспевал за могучей телохранительницей Его Величества. При свете парковых фонарей я разглядел не только узоры на необъятном лоохи, но и тонкий профиль, совершенно не вяжущийся с богатырским сложением моей новой знакомой, зато отлично сочетающийся с ее нежным голосом. Я только головой качал: дескать, вот оно как бывает.

В замок мы проникли даже не через черный ход, а через подвал. Сперва спускались вниз по скользким каменным ступеням, потом долго шли по извилистым коридорам, столь узким, что Лаюки пришлось пробраться бочком, после поднимались по трем лестницам: скрипучей деревянной, парадной мраморной и, наконец, по металлической вертикальной лесенке, похожей на пожарную. К моему стыду огромная, неуклюжая с виду Лаюки Кепта стремительно взмыла вверх, пока я разбирался с неудобными поручнями, а в финале еще и помогла мне, несуразному, подала по-мужски крупную руку, унизанную тонкими кольцами из драгоценного белого металла. Одолев лестницу, мы оказались в небольшом круглом зале, почти совершенно пустом; четыре хрустальных аквариума с огромными и донельзя рассерженными светящимися грибами наполняли помещение мягким теплым сиянием. В дальнем углу болтался гамак, откуда нам приветливо махало наше великолепное Величество. В руке у него была крошечная алая шкатулка, время от времени Король подносил ее к носу. Вид у Гурига Восьмого был довольный и возбужденный, как у мальчишки, впервые в жизни собравшегося на рыбалку с ночевкой. На полу, в опасной близости от гамака и, соответственно, свободно парящих королевских конечностей сидел молодой человек приятной наружности в форменном бело-голубом лоохи Ордена Семилистника, зато босой и с непокрытой головой. Его тюрбан валялся в метре от хозяина, там же покоились сапоги. Он тоже вертел в руках маленькую шкатулку, еще добрая дюжина таких же пестрых дымящихся коробочек была расставлена на расстоянии вытянутой руки незнакомца. Он разглядывал меня, внимательно и немного настороженно; одновременно с явным удовольствием

шевелил пальцами босых ног. Я начал понимать, что мои опасения насчет дворцовых церемоний были, мягко говоря, некоторым преувеличением, и перевел дыхание.

– Я – Моти Мил. Старший, можете себе представить, Магистр Ордена Семилистника, – наконец, сказал босоногий господин. – Я с вами почти знаком, сэр Макс: видел однажды мельком в саду с леди Сотофой Ханемер, ну и слышал о вас кое-что, понятно... Впрочем, это вряд ли может считаться настоящим знакомством. Поэтому – вижу вас как наяву!

Он небрежно прикрыл глаза ладонью – жалкая пародия на традиционный ритуал знакомства. Я сделал то же самое и с удовольствием опустил на пол. Пресловутые «дворцовые церемонии» определенно начинали мне нравиться. Где, интересно, были все эти милые люди, когда придворные лоботрясы таскали нас с Джуффином в паланкинах, предварительно окутав золоченой рыбацкой сетью? А?!

Огромная леди Лаюки уселась у входа, навалилась на дверь богатырской спиной. Теперь мы могли быть спокойны: никто не войдет в эту комнату без приглашения. Но пасаран, как говорится.

– Сэр Макс, я очень рад вас видеть. – Его Величество улыбалось до ушей. – А мы тут развлекаемся перед дальней дорогой, дегустируем новые ароматы. Хотите попробовать?

Я на всякий случай кивнул.

– Ну так выбирайте, все шкатулки стоят на полу, а та, что у меня... Нет, эту я пока не отдам. Самому нравится. Может, позже... А пока рекомендую вам взять оранжевую шкатулку. Новая Шиншийская смесь: морская соль, мед уандукских лилий, ночная прохлада и немного птичьего помета, для пронзительности ощущений.

Я послушно взял рекомендованную коробочку, которая оказалась миниатюрной курильницей, и поднес ее к носу. Я ожидал, конечно, что аромат благовоний будет приятным, вряд ли Король своему гостю дрянь присоветует, но все равно чуть не захлебнулся от изумления. Интенсивность ощущений оказалась поразительной, словно бы я не просто понюхал ароматную смесь, а высунул голову в форточку душистой летней ночью. Даже прикосновение прохладного ветра к щеке явственно почувствовал. Еще немного, и я бы, пожалуй, «разглядел»: что там, «за окном», происходит, но у меня хватило благоразумия убрать шкатулку из-под носа.

– Невероятно, – вздохнул я. – Никогда не пробовал ничего подобного.

– Такие ароматы в продаже не появляются, – объяснил Магистр Моти Мил. – У нас в Ордене есть несколько мастеров, которые их составляют, и специально оборудованное помещение, надежно изолированное от мира. Вроде бы невинное удовольствие, но для изготовления таких благовоний требуются семьдесят четвертая ступень Черной и восемнадцатая ступень Белой магии, можете себе представить!

Я присвистнул. До недавних пор гражданам Соединенного Королевства дозволялось применять только первую и вторую ступень все той же Черной магии. Вполне достаточно для первостепенных бытовых нужд – капли от простуды смешивать, или, к примеру, масло на сковороде заговаривать, чтобы не брызгало во все стороны во время жарки. Потом Джуффину удалось выторговать у Великого Магистра Нуфлина Мони Маха значительное послабление для профессиональных поваров. Им разрешили использовать Черную магию аж до двадцатой ступени, и считалось, что это очень, очень круто и демократично. А тут семьдесят четвертая! Заоблачные, непостижимые для меня вершины ворожбы.

– Рад, что вам понравилось мое угощение, – сказал Король. – Потому что теперь я буду перед вами каяться, сэр Макс. Вы даже не представляете, в какую авантюру я вас намерен втянуть!

Король произнес эту фразу, сияя от гордости. Но я все же рискнул возразить.

– Как я понял, нам предстоит просто приятное путешествие на Муримах. Это скорее удовольствие, чем «авантюра». Думаю, на вашем корабле даже качки-то не бывает...

Леди Лаюки звонко рассмеялась, босоногий Магистр Моти Мил тихонько хмыкнул, Его Величество Гуриг улыбался до ушей.

– Никаких кораблей, – наконец сказал он. – На корабле отбывает мой двойник. Бедняге предстоит проводить на палубе по дюжине часов в сутки, в полном парадном облачении. Махать рукой жителям прибрежных поселений, время от времени произносить речи... Тяжкая доля! Я знаю, о чем говорю: обычно именно так и протекают мои путешествия по провинциям Соединенного Королевства. Но только не на Муримах! Хвала Магистрам, теперь за меня будет отдуваться бедняга Нутти Хлак.

– К-к-к-как это? – я так удивился, что стал заикаться. – Так вы не едете на Муримах? А зачем тогда?..

– Погодите, сэр Макс. Давайте вы попробуете еще один аромат: листья дерева шотт, дым угасающего костра, теплое молоко и весенний дождь. Это синяя шкатулка, берите, не стесняйтесь, – предложил Король. – А я пока расскажу вам все по порядку. Как я понимаю, ваш начальник изложил вам официальную версию. Дескать, завтра мы все дружно отбываем на прекрасный остров Муримах, а вы отправляетесь с нами в качестве моего личного гостя и развлекаете меня волшебными историями об иных Мирах, потому что такова моя королевская блажь. Правды о моих поездках на Муримах, кажется, не знает даже всеведущий сэр Халли. Трудно поверить, но вчера вечером я имел честь заглянуть в его хитрющие кеттарийские глаза, и понял – а ведь точно не знает! Грешные Магистры, мне есть чем гордиться!

Я уважительно кивнул. В самом деле, провести моего шефа – это надо уметь. Не всякий абсолютный монарх с такой задачей справится.

– Я езжу на Муримах примерно раз в дюжину лет, – говорил Гуриг. – Иногда чаще, иногда реже: у этой земли свой ритм, и мне приходится прислушиваться к нему, а не к календарям. Не знаю, сказал ли вам сэр Халли, что на Муримах, как и в некоторых других местах, я исполняю некие особые обряды; перепоручить эту работу я не могу никому. Подробностей вам знать не положено – впрочем, не только вам, сэр Макс. Вы же понимаете: некоторые, самые *настоящие* вещи лучше бы вовсе не описывать словами, даже иносказательно. Вот я и не описываю.

Я молча кивнул. Не то чтобы я в ту пору действительно это понимал, но слышал данное утверждение не раз и принимал на веру – как, впрочем, и многое другое.

– Именно потому, что речь идет о *настоящих* чудесах, я должен ездить на Муримах инкогнито, – продолжил Король. – Чтобы как можно меньше народу знало, что я нахожусь на острове. Для этого и нужен двойник на корабле: пока мои подданные уверены, что я с помпой приближаюсь к Муримаху, я уже буду там. К моменту торжественного прибытия официальной делегации я должен завершить все дела, занять свое место на походном троне, исполнить какой-нибудь незначительный ритуал, чтобы было ясно, зачем я туда притащился – и все, можно возвращаться.

– А как же вы?.. – начал было я и осекся. Как-как... Ясное дело, Король может мгновенно попасть на Муримах Темным Путем. Если уж я, чужак, освоил это искусство, он-то и подавно умеет. Одно из базовых чудес Истинной магии, ничего из ряда вон выходящего.

– Я прохожу на Муримах Темным Путем. – Гуриг подтвердил мою запоздалую догадку. – Но все не так просто: я должен прибыть на побережье и пешком пересечь остров, это обязательное условие и важная составляющая часть ритуала. Пока я был молод и неопытен, за мной таскалась добрая дюжина телохранителей из Семилистника, но это, как показала практика, совершенно ни к чему. Что касается охраны, мне вполне достаточно услуг Лаюки. Вы не представляете, сэр Макс, какая она у нас грозная воительница!

Великанша смущенно зарделась. Глаза ее сияли, как у школьницы, впервые в жизни услышавшей признание в любви.

– Магистр Моти тоже мой друг детства, – продолжил Король. – Его бабушка учила нас обоих грамоте, стрельбе из рогатки Бабум и азам Очевидной магии, пока меня прятали от мятежных Магистров на границе с графством Хотта. Поэтому когда у меня есть возможность самому решать, кто из Старших Магистров Ордена Семилистника будет приставлен к моей персоне, я отрываю от дел именно его. У принцев, сэр Макс, обычно вообще не бывает друзей. Нам такая роскошь не полагается. – Гуриг заметно помрачнел, но поднес к носу алуую курильницу и снова заулыбался. – Впрочем, мне, как видите, повезло: я рос в Смутные Времена, поэтому моим воспитанием занимались не слишком старательно. Походная жизнь – именно то, что требуется всякому малолетнему принцу, чтобы не вырасти мрачным, одиноким, никому не нужным хмырем. Когда у меня будут дети, непременно развяжу какую-нибудь безобидную, но продолжительную гражданскую войну: пусть растут счастливыми!.. Рекомендую вам желтую шкатулку, сэр Макс. Свежескошенная трава, раскаленный песок и бодрость морозного утра. В жизни такая смесь ароматов, сами понимаете, невозможна, а эти умельцы их соединили, к тому же – в отличной пропорции.

Рекомендованные благовония были столь хороши, что я на некоторое время утратил нить беседы и очнулся, лишь услышав совершенно неожиданное признание Короля.

– Основная причина, по которой я решился пригласить вас в свое сопровождение, сэр Макс, не мое искреннее желание познакомиться с вами поближе, не мое уважение к вашим заслугам, даже не любопытство – хотя все это, конечно, имеет место. Но сейчас важно другое: сэр Халли как-то проговорился мне, что вы родились и выросли в мире, где совсем нет Очевидной магии и лишь немногие великие посвященные владеют основами Истинной. Поэтому я подумал, что вы можете быть надежным попутчиком в обстоятельствах, когда на магию наложен строжайший запрет.

– Как это – «строжайший запрет»?! – изумился я. – Нет, я помню про Кодекс Хрембера, сам же по долгу службы слежу, чтобы его нарушали как можно реже... Но Истинная магия не запрещена, да и первые ступени Очевидной дозволены. Обычно этого вполне достаточно – не только в походе, а даже для нашей службы.

– Не в Кодексе дело. Отказ от чудес – обязательная часть ритуала, ради которого я отправляюсь на Муримах. Я должен прийти к месту пешком, не сотворив по пути ни единого, даже самого пустякового чуда и ночуя под открытым небом. Считается, что только в этом случае ритуал приобретет настоящую силу. Кстати, на моих спутников эти требования тоже распространяются. Даже Безмолвная речь под запретом, увы. То есть, если кто-то пришлет вам зов, тут уж ничего не поделаешь. Но отвечать нельзя ни в коем случае, постарайтесь это запомнить. А еще лучше, предупредите всех знакомых, ближних и дальних, чтобы не пытались с вами связаться. В подробности не вдавайтесь, просто объясните, что это чрезвычайно важно. Одна нечаянная ошибка, и все придется начинать сначала. Против традиции я не пойду.

Я невольно вспомнил религиозные обычаи своей бывшей родины и от души порадовался, что нам хотя бы не придется пересекать остров Муримах на окровавленных коленях, дабы доставить удовольствие какому-нибудь милосердному божеству, которое бродит среди облаков – с хлыстом, в черных кожаных шортах и ажурных чулках.

– С этой землей, знаете ли, лучше не ссориться, – говорил Король. – Как повествуют исторические хроники, в старые времена один из спутников Гурига Малыша по рассеянности спрятал в пригоршню свой заплечный мешок, а потом не решился рассказать Королю о своей оплошности. Решил, наверное: пустяки, всего-то вторая ступень Черной магии, небось пронесет. Не пронесло. В тот злополучный год Хурон вышел из берегов и затопил Старый Город, грибы-оборотни взбесились и пожрали молодые посевы, а два селения в Ландаланде ушли под землю за одну ночь, вместе с жителями и огородами. Повторения, честно говоря,

не хотелось бы... Теперь, сэр Макс, вы понимаете, зачем я попросил вас присоединиться к моей маленькой экспедиции?

Я покачал головой.

– Теперь-то я как раз ничего не понимаю. Думал, что нужен вам просто так, для компании, на худой конец – в качестве Метателя Смертных Шаров и добытчика экзотического пропитания из Щели между Мирами. Но если дорожная скука вам не грозит, а колдовать на Муримахе нельзя, какой от меня прок?

– Ну как же, – удивился Гуриг. – Вы же с рождения и до недавних пор как-то обходились без магии – и ведь выжили, не пропали. Такой уникальный опыт...

Я не знал, плакать мне или смеяться. С одной стороны, логика Короля была мне понятна. И, черт побери, он был совершенно прав – теоретически. Но в том-то и дело, что только теоретически: бедняга не знал, на кого напоролся. Прежде чем чудесным образом попасть в Ехо, я был обычным горожанином, который дня не может прожить без электричества, газа и горячей воды. То есть мог, конечно, но яростно не хотел. К туристическим походам относился без особого энтузиазма, даже приятельские дачи у моря недолюбливал из-за жутких уличных сортиров, ржавых ручкомойников и непокорных керосиновых плиток. Юные скауты с негодованием прогнали бы меня из отряда за неумение ориентироваться в лесу и разводить костер на ветру. Я и камин-то растапливал, мягко говоря, с переменным успехом, изводя кипы старых газет и надменно браня ленивых саламандр.

– Не думаю, что от меня действительно будет какая-то польза, – сказал я наконец Королю. – Остается надеяться, хоть обузой не стану... Ладно, выкрутимся как-нибудь! А скажите-ка мне вот что: если ваши спутники будут колдовать *перед* тем, как окажутся на Муримахе – это как, ничего?

– О, с этим все в порядке, – заверил меня Король. – Пока мы тут, делайте, что хотите... А что, кстати? Мне любопытно.

– Попробую как-то подготовиться к нашему походу. Раз уж нельзя высекать огонь пальцами, значит, надо обзавестись спичками и газовыми зажигалками – это гораздо удобнее, чем огниво... И может быть нам пригодится походный примус? Да, пожалуй, это идея... Ну и еще всякого разного по мелочам.

– Замечательно, – обрадовался Король. – Так и знал, что вы придумаете что-нибудь интересное!

– Нести все это в пригоршне у нас тоже не получится, – вздохнул я. – Совсем пустяковая, а все-таки магия. Рюкзаки-то у вас есть?

– Рю... Что?

– Я имею в виду удобные заплечные мешки.

– У нас есть дорожные сумки. Лаюки, покажи сэру Максусу... По правде сказать, не такие уж они удобные. На третий день похода боль в плече становится серьезной проблемой.

Великанша ненадолго покинула свой пост и принесла большую бархатную сумку на длинном ремне – чертовски красивую и почти совершенно бесполезную в настоящем походе вещь.

– Не пойдет, – сурово сказал я. – Ясно, значит, рюкзаки нам нужны позарез... А спальные мешки имеются?

Леди Лаюки молча вышла и снова вернулась со свертком под мышкой. Я присвистнул: что-то, а спальный мешок Его Величества был настоящим совершенством. Очень тонкий, легкий, как пух, отделанный снаружи непромокаемым ташерским шелком, а внутри – туланской шерстью, теплее которой не только в этом Мире, а и во всей Вселенной ничего пока не придумали.

– Замечательно. Одной заботой меньше. С оружием, одеждой и обувью, как я понимаю, тоже никаких проблем... Мне бы теперь уединиться на полчаса. Попробую обеспечить нас

таким снаряжением, чтобы никакая магия не понадобилась. Чтобы даже не вспоминать о ней по дороге.

Лаюки пересекла зал, немного повозилась в дальнем углу и распахнула передо мной дверь, настолько маленькую, что входить в совершенно пустую комнату, освещенную тусклым голубым светом пыльного стеклянного шара, мне пришлось, согнувшись в три погибели. Впрочем, внутри было вполне уютно, из круглого окошка под потолком дул теплый душистый ветер, а вместо скверной дворцовой камры я добыл себе из Щели между Мирами чашку накрепчайшего ристретто и кувшинчик сливок – отличное сочетание, если не смешивать, а пить попеременно, глоток за глотком.

Этим я и занялся – для начала.

Возня со Щелью между Мирами отняла у меня не полчаса, а добрых полтора. Известное дело: когда я начинаю спешить, вместо нужных вещей из этой чертовой Щели появляются только разноцветные зонтики да старые подшивки «Книжного обозрения» – именно то, что мне позарез требуется во всякий миг бытия, ага.

Многokrатно выругавшись и трижды перекурив, я наконец взял себя в руки, сосредоточился, и дело пошло. В первую очередь я достал пару дюжин коробков спичек, добрый десяток зажигалок и – вот уж не ожидал от себя такой предусмотрительности! – газовый баллончик для их заправки. Запасся сигаретами, даже упаковать их в непромокаемый мешок вовремя додумался. С огромным трудом, но разжился-таки четырьмя рюкзаками. Два, честно говоря, были так себе – старомодные конструкции родом из моего школьного детства, третий – поновее и поудобнее, но не слишком вместительный, зато четвертый рюкзак оказался настоящим совершенством: огромный, с жесткой спинкой, толстыми поролоновыми лямками, кучей полезных ремешков и удобных карманов. Сколько я ни бился, но добыть еще пару таких же не смог, только пополнил коллекцию зонтиков, масштабы которой и без того приводили меня в ярость. Пришлось махнуть на это дело рукой, перекурить и заняться поиском других необходимых вещей. Сообразить бы еще, что именно нам может понадобиться, но тут приходилось полагаться скорее на интуицию: опыта туристических походов у меня не было вовсе.

В результате я явил восхищенным взорам своих будущих спутников маленький походный примус, легкий и вместительный котелок с крышкой, непромокаемый пластиковый тент, спасательный круг, электрический фонарик с запасом батареек и – изощренное злодейство! – набор быстрорастворимых пакетных супов. Было опасение, что, когда мы пустим супчики в ход, меня сочтут отравителем, но житейский опыт настойчиво твердил: такой НЗ никогда не помешает. Все лучше, чем по берегам ручьев на лягушек охотиться, в случае чего. Впрочем, бутылку бренди и пару дюжин плиток шоколада я тоже припас, вовремя вспомнив, что его берут в походы ради драгоценных калорий.

Сложив к ногам Короля эту грудку сокровищ, я торжественно изрек:

– Еще надо взять спальные мешки, топор, несколько мотков веревки... и да поможет нам Бог!

– Кто-кто? – неожиданно заинтересовался Магистр Моти.

– Неважно кто, – вздохнул я. – Лишь бы помог.

Так и не развязав теософскую дискуссию, мы разбрелись по отведенным для нас покоям казенного дома – отсыпаться перед дальней дорогой. Чем успокоить свое растревоженное сердце, я, честно говоря, понятия не имел, но очередная курильница (аромат хвои, морская соль, влажная шерсть, дыхание младенца) худо-бедно, а все же убаюкала меня под утро.

Ходить Темным Путем – чрезвычайно полезное, но редкое умение, одна из базовых дисциплин Истинной магии, которая, честно говоря, мало кому по зубам – даже в Ехо, городе, где каждый грудной младенец – колдун, каких в других мирах днем с огнем среди верховных жрецов не сыщешь. Большинство овладевших этим мистическим спортом – я, увы, в их числе – умеют ходить только чужим Темным Путем, по протоптаным, так сказать, дорожкам. Мастеров, способных прокладывать собственный маршрут, то есть мгновенно исчезнуть откуда угодно и оказаться в любой точке планеты, чуть ли не по пальцам пересчитать можно. Зато существует тайная карта маршрутов, проложенных в прежние времена. Знать все, разумеется, немыслимо, но заинтересованные лица охотно обмениваются друг с другом полезной информацией. Сэр Кофа Йох, наш Мастер Слышащий, который был начальником полиции Правого Берега еще в Эпоху Орденов и изучил Ехо куда лучше, чем я свою гостиную, на протяжении многих лет составлял подробный список таких мест – труд сугубо теоретический, коллекционирование в чистом виде, поскольку сам Кофа Истинной магией не занимается, Темными Путиами не ходит и, кажется, нисколько об этом не сожалеет.

К счастью, все участники тайной Королевской экспедиции владели искусством Темного Пути в совершенстве. Я был самым неопытным, поскольку прежде проделывал такой фокус всего пару раз, но, как уверял меня Джуффин, этого совершенно достаточно. С Истинной магией всегда так: или уже можешь, или еще нет; то, что получилось однажды, непременно удастся и потом, даже если тайм-аут между двумя попытками затянулся на несколько десятилетий.

Некоторая сложность плана заключалась в том, что мы должны были прибыть на Муримах порознь. Гуригу предстояло ступить на Темный Путь не в специально отведенном для этой цели подвале замка Рулх, а прямо в своей каюте, после того, как корабль отчалит от пристани и воды Хурана отнесут его на изрядное расстояние от столицы. Прощальную речь перед жителями Ехо он должен был произносить сам: здесь полно прозорливых людей, которые, в случае чего, мгновенно обнаружили бы подмену. Двойник годился только для провинциалов, видевших своего Короля пару раз в жизни, или вообще только на монетах.

Так что несчастному монарху пришлось просыпаться ни свет ни заря; я еще первый сон видел, а его уже погрузили в парадный паланкин и уволокли в порт. Оставалось надеяться, что по дороге Его Величество сможет подремать: путь неблизкий, а бежать носильщикам не положено. Оно, впрочем, и к лучшему – для пассажира.

Мы же встретились часа три спустя после отъезда Короля, в той самой комнате, где совещались минувшей ночью. Заботливая леди Лаюки принесла поднос с завтраком, и мы вкушали от ее даров, сидя на полу, скрестив ноги: в нашем убежище не было никакой мебели, кроме Королевского гамака, но использование этого священного предмета по назначению превратило бы трапезу в цирковой аттракцион, а это – не совсем то, чего жаждет невыспавшийся человек, да еще и перед долгим походом.

Завтрак проходил в молчании. Мои новые знакомые не то чтобы смущались, скорее, приглядывались ко мне: что за хрен с горы такой? Я бы с радостью развлек их какими-нибудь байками, но утро – не мое время, а четыре часа сна – несколько меньше, чем требуется моей голове для обретения хоть какого-то подобия ясности. Бальзам Кахара, глоток которого способен привести меня в норму даже после бессонной ночи, я, разумеется, оставил дома, а попросить порцию у все той же леди Лаюки почему-то постеснялся. Не дали – значит, не положено, – так я рассудил. Со мной бывает.

Поэтому я с нетерпением ждал окончания трапезы. Сам я почти ничего не сделал для приближения этого прекрасного момента: у меня не только хорошего настроения, но и аппетита по утрам не бывает. Подавившись первым же глотком скверной дворцовой камры, выудил из Щели между Мирами пару чашек эспresso. Новые знакомые взирали на мою

волшбу без особого любопытства, вопросов не задавали и вообще вели себя так, будто ничего из ряда вон выходящего не происходит. Надо полагать, не такого еще навидались.

Наконец Магистр Моти искоса поглядел на часы и буркнул: «Ну что, можно бы потихоньку...» Леди Лаюки энергично закивала и принялась носиться по комнате (слово «потихоньку», мягко говоря, не слишком подходило для описания ее поведения), а потом и вовсе пулей вылетела вон. Вскоре вернулась, волоча за собой все четыре рюкзака. Они были набиты так плотно, что я содрогнулся: все же, как минимум один предстояло нести мне.

Предчувствия меня не обманули. С лучезарной улыбкой: «Это – ваш, сэр Макс!» – великанша водрузила рюкзак мне на спину, сочувственно, но удовлетворенно оглядела результат и ободряюще похлопала меня по плечу: в точности заботливая мамаша, надевшая ранец на сына-первоклассника.

Магистр Моти наконец поднялся, без особого энтузиазма, зато и без видимых усилий подхватил второй рюкзак, бросил через плечо:

– Ну, счастливой нам всем дороги.

Стремительно пересек комнату, оказался в противоположном ее углу и благополучно исчез. Леди Лаюки ласково подтолкнула меня вперед. Я вздохнул, воздел глаза к небу и сделал несколько неуверенных шагов, пытаюсь нашарить след Магистра Моти. Это для меня самый что ни на есть проверенный способ: проходить Темным Путем по чужому следу. То есть теоретически я знаю, что можно делать иначе, но мало ли что я там знаю теоретически... По крайней мере, встать на след и ждать, пока он сам каким-то неведомым образом протащит меня через неопишное отсутствие пространства – это я точно умею. Собрать волю в кулак, закрыть глаза, сосредоточиться на собственных ступнях – так, словно ничего кроме них у меня нет. Ни о чем не думать, не сомневаться, не бояться. Просто ждать.

Минуту спустя я почувствовал, что в лицо мне дует свежий морской ветер. Открыл глаза, огляделся. Я стоял на влажном песке, у самой кромки воды. Мой левый сапог лениво вылизывала волна, на носок правого деловито карабкался крошечный оранжевый краб. Немного поодаль на большом круглом камне восседал наш абсолютный монарх, мокрый, довольный, задрапированный в ярко-зеленое полотенце. Очевидно, пока нас не было, Гуриг успел искупаться. Магистр Моти стоял рядом с Королем, с отчаянием глядел на меня и гневно жестикулировал. Мне понадобилась целая секунда, чтобы сообразить, чем он так недоволен. Наконец до меня дошло. Кровь прилила к щекам, о ребра стукнулась свинцовая кувалда. Я мысленно обозвал себя скотским болваном и поспешно отпрыгнул в сторону: самый простой и проверенный способ сойти с чужого следа.

– Простите меня, – покаянно сказал я Моти, обрушивая свой рюкзак на песок. – Я чудовищный кретин. Мало того, что встал на ваш след, не спросив разрешения, так еще и топтался там, как последняя свинья... Вы как себя чувствуете?

– Гораздо лучше, чем минуту назад, спасибо, – сухо ответил Магистр Моти. Потом неожиданно заулыбался и покачал головой: – Однако слухи о ваших способностях в этой области были не преувеличены, а преуменьшены, как я теперь понимаю. Вы – настоящее чудовище. С ума сойти!

Тут дело вот в чем. Когда на след человека становится обычный Мастер Преследования, у бедняги обычно изрядно портится настроение. Депрессия, тревога, головная боль – все эти неприятности гарантированы жертве; впрочем, все как рукой снимает, как только охотник сойдет со следа. Ужас в том, что я в этом смысле гораздо опасней: стоит мне стать на чей-нибудь след, беднягу скручивает так, что врагу не пожелаешь. Несколько минут это еще как-то можно терпеть, потом человек хрупкий и умереть может на месте, а те, что покрепче, просто теряют сознание. Поэтому я становлюсь на чужой след крайне редко – только если совсем уж опасного и могущественного маньяка требуется изловить. Так что Магистру Моти

пришлось несладко, впору бы голову мне открутить за такие штучки. Но он держался молодцом – не сердился, за сердце не хватался, даже не глядел с укоризной, а только головой качал: дескать, вон как оно бывает.

Пока я покаянно созерцал ракушки у себя под ногами, к нам присоединилась леди Лаюки. Эта феерическая дама волокла два рюкзака: свой и Королевский, на поясе колыбалась здоровенная рогатка Бабум, из-под лоохи выглядывал меч, а тонкая кожа сапожек оттопыривалась, наглядно демонстрируя, что в каждом голенище спрятано как минимум по тесаку. Увидев Гурига, Лаюки восхищенно хлопнула себя по бедрам:

– Так вы уже тут, вот красота! А мы-то думали, вас еще полдня ждать придется!

– Да, сегодня все как-то на удивление быстро закончилось, сам не ожидал, – согласился Король. – Я еще и искупаться успел. Удачный день... Но каков пройдоха Чемпаркароке!

– Опять? – изумленно спросила леди Лаюки.

– А то! – и Король ткнул пяткой маленькую плетеную корзинку, стоявшую у его ног. – Это уже стало традицией.

– А что натворил Чемпаркароке? – заинтересовался я.

Я немного знал этого рыжего хитреца, уроженца Муримаха, хозяина трактира «Старая Колючка», где подают лучший в столице Суп Отдохновения, легкое психотропное воздействие которого скрашивает жизнь наших горожан, и без того, на мой вкус, не слишком беспроектную. Я-то сам это зелье жрать не могу: на мой чужеземный организм оно действует, как тяжелейший наркотик скверного качества. Попробовав его впервые, я пластом провалялся трое суток, да в таких муках, что даже целительское искусство сэра Джуффина Халли почти не изменило мою печальную участь. Хотя, кто знает, возможно, без его помощи я бы вообще копыта отбросил – так плохи были мои дела. С тех пор я к Супу Отдохновения не прикасаюсь, что, впрочем, нисколько не умаляет моих симпатий к Чемпаркароке: хороший он мужик, хоть и эксцентричен непомерно, даже на мой вкус. Но что за дела у него могут быть с Королем, хотел бы я знать?!

– О, это уже стало традицией, – смеясь, ответил мне Гуриг. – Всякий раз, когда я отправляюсь на Муримах, этот пройдоха каким-то образом пробирается на корабль, падает к моим ногам и покорнейше просит передать ма-а-ахонькую посылочку его матушке – если уж мне все равно по пути. Насколько мне известно, запретной магией Чемпаркароке не злоупотребляет, в интригах не замешан и вообще – тишайший из моих подданных. Как он обходит охрану – ума не приложу! Все же считается, что меня стерегут лучшие из лучших... При этом глядит и говорит он столь проникновенно, что я не могу ему отказать. Более того, я зачем-то волоку эту грешную корзинку за собой вместо того, чтобы оставить ее в каюте. Потом сую в руки шерифу Муримаха или еще кому-нибудь из доверенных чиновников, чтобы передали старушке. Впрочем, в прошлую поездку посылка пригодилась: я отлично переночевал у этой достойной леди, представившись приятелем ее сына, еще и пирожков на дорогу получил. Она, между прочим, хвастала, что иногда столичные гостинцы ей привозит сам Король, а я говорил, что быть такого не может. Отлично провел время!..

Я глядел на Короля и глазам своим не верил. Я, в общем, всегда считал его чрезвычайно демократичным монархом и «своим парнем» – насколько это возможно для человека его профессии. Но царственный взор, величественная осанка и особое, выработанное годами жизни «на особом положении» умение сохранять дистанцию между собой и любым собеседником всегда были при нем, даже вчера, когда Его Величество раскачивалось в гамаке и с энтузиазмом тараторило о грядущих приключениях. Сейчас же от всего этого не осталось и следа: Король не просто играл в «обычного человека», а стал таковым. Пропавшая меж ним и прочими людьми, исчезла без следа, как будто была всего лишь порождением моих романтических представлений о повадках царственных особ.

Гуриг перехватил мой взгляд.

– Вы сами все поняли? – обрадовался он. – Да, пока мы здесь, я не Король. Да и вы не «грозный сэр Макс» из Тайного Сыска. И Моти – вовсе не могущественный колдун из Семилистника. Так, трое умеренно молодых людей, не слишком привычных к длительным пешим переходам – по крайней мере, я уже успел отвыкнуть от такого образа жизни. Все же с последней вылазки почти дюжина лет прошла... И только Лаюки – всегда одна и та же Лаюки. Всякий раз, когда приходит время снимать маски, выясняется, что у нее никакой маски отродясь не было. В этом смысле она – куда более честный человек, чем мы трое... Я понятно изъясняюсь?

– Вполне, – кивнул я. – Насколько это вообще возможно, когда говоришь на такую тему. Единственное что: у меня с масками и дома-то не очень. Разве только Мантия Смерти – прохожих пугать. Но знали бы вы, как я старался отмазаться от почетной обязанности ее носить!

– Тем лучше, – кивнул Гуриг. – Значит, вам будет проще привыкнуть к новым обстоятельствам.

– Я вот думаю: может, искупаться? – нерешительно спросил я. – Или нет времени?

– Время-то есть, только вряд ли вам понравится. Вода ледяная. Я уж насколько привычен к холоду, а почти сразу на берег выскочил.

– Ну, хоть попробую.

Зря, кстати, я его не послушался. В итоге просто зашел в море по щиколотку и наскоро умылся – на большее у меня не хватило мужества.

Пока я честно старался намокнуть, Гуриг благополучно обсох, натянул широкие штаны, вязаный свитер без рукавов и короткое походное лоохи. Я привык видеть его в шляпе, которая заменяет нашим монархам корону, но теперь Король обмотал голову тонкой пестрой шалью, соорудив из нее скромное подобие тюрбана. Этот самодельный головной убор шел ему чрезвычайно; честно говоря, я здорово опасался, что сам в таком виде буду выглядеть полным болваном. Не все же такие красавчики, как Его Величество Гуриг Восьмой!

– Вы тоже переодевайтесь, – посоветовал он. – Здесь, на Муримахе, своя мода, куда лучше приспособленная к пешим походам, чем наши столичные наряды. Лаюки, ты ведь всем положила сменную одежду? Не забыла?

Великанша только плечами пожала. Дескать, обижаете, как же это – я, да вдруг забыла?!

Я помог Магистру Моти разобраться с мудреными застежками его рюкзака, потом принялся рыться в своем. Одежда пришлась мне впору, как будто сам выбирал, придирчиво перемеряв множество комплектов – приятный сюрприз!

Вскоре от нашего столичного облика и следа не осталось. Теперь мы были похожи на маленькую банду разбойников; великолепная леди Лаюки, ясное дело, выглядела атаманшей: в отличие от нас, она была вооружена до зубов.

Однако никто не торопился пускаться в путь. Магистр Моти восседал на песке и неспешно набивал две трубки – себе и Гуригу, который, в свою очередь, прогуливался вдоль кромки воды и, страшно сказать, наполнял карманы разноцветными ракушками. Леди Лаюки достала из самого большого рюкзака мой походный примус, попросила меня разжечь огонь, набрала в котелок морской воды, благо она здесь пресная, почти дистиллированная, и принялась заваривать травяной чай. Я только теперь сообразил, что камры мне не видать до конца похода: все же, для ее приготовления требуется немножко поколдовать, иначе выйдет горькая дрянь, которую в рот взять невозможно. И в Щель между Мирами за чашкой эспresso не полезешь: нельзя. Пришлось удовольствоваться заранее припасенной сигаретой; впрочем, это было чертовски кстати.

Мои спутники тоже задымили трубками. И тут я кое-что вспомнил – чуть сердце из груди не выскочило. В тот миг мне казалось, что случилось нечто непоправимое.

– Клятва! – взревел я. – Вы же забыли взять с меня клятву! И как теперь?!

– Что с вами, сэр Макс? – участливо спросил Король.

Наши спутники глядели на меня с недоумением и сочувствием, как на помешанного.

– Ну как же, – я совсем растерялся. – Джуффин говорил, что перед поездкой с меня возьмут клятву молчать обо всем, что я могу тут, рядом с вами, увидеть, или услышать. Дескать, такая страшная клятва, что слова вымолвить не успею – факелом запылаю и погибну в страшных мучениях... Врал он, что ли? Вообще-то шеф не дурак детей пугать, это да... Или клятву потом, в конце путешествия, положено приносить?

Недоумение моих новых приятелей сменилось неподдельным изумлением, только Гуриг понял, о чем речь, и смущенно рассмеялся, прикрывая лицо рукой.

– Какая ерунда, сэр Макс, – наконец сказал он. – Зачем нужны эти клятвы? Я все же немного разбираюсь в людях. Совершенно очевидно, что вас достаточно просто попросить, и вы будете молчать без всяких клятв. Разве только по рассеянности что-нибудь сболтнете, такое с вами вполне может случиться. Но я и тут вполне спокоен: вы быстро поймете, что вышли на запретную тему и остановитесь по доброй воле, так ничего толком и не растрепав... Вот и выходит, что связывать вас клятвой слишком опасно, лучше уж оставить все как есть.

– А, – протянул я. – Вот оно что...

Признаться, я изрядно опешил. Вот уж не ожидал, что все может быть так просто и – ну, что ли, по-человечески. Думал, вокруг Королевских тайн такие страсти – лучше бы вовсе носа туда не совать. А тут вдруг такое безграничное доверие – с чего бы?

– Я-то с самого начала не собирался связывать вас никакими клятвами, – беззаботно говорил Гуриг. – Но подумал, что вам будет довольно трудно объясняться с сэром Джуффином Халли. Все же он ваш начальник и, если я правильно понимаю, близкий друг. Конечно, он станет выпрашивать у вас подробности, о его любопытстве легенды ходят... И если вы откажетесь отвечать, он вполне может обидеться. Во всяком случае, вам обоим будет непросто. Вот я и решил: скажу ему заранее, что собираюсь связать вас самой страшной из известных мне клятв. Тогда он лично проследит, чтобы вы ни слова на эту тему не произнесли. А нам с вами того и надо.

– Спасибо, – прочувствованно сказал я. – Это действительно прекрасная идея, и вообще вы все правильно про нас с Джуффином понимаете... Есть только одна проблема: шеф объяснил мне, что снять древние чары – не проблема. Как только вернусь домой, он попытается меня расколдовать, представляете?

– Если так, дело плохо, – вздохнул Король. – Тогда вам придется сказать ему правду: что никаких клятв не было, вы просто обещали молчать. Сэр Халли крепко обидится на нас обоих, но тут уже ничего не попишешь: я сделал все, что мог.

– Да нет, вряд ли он обидится, – я махнул рукой. – Скорее просто удивится. Но шеф это дело любит – в смысле, удивляться. Так что все в порядке.

Вода в котелке тем временем закипела, из необъятного чрева рюкзака была извлечена целая груда конфет, печений и засахаренных фруктов. Я только подумал, что это отличная идея: напиться чаю на дорожку, но тут Король схватил котелок и вылил свежеприготовленный чай себе под ноги. Потом он принялся разбрасывать сласти. Печенья улетали в прибрежные заросли, конфеты тонули в песке, цукаты покрыли побережье причудливым пестрым узором. Я глядел на это зрелище, разинув рот. Не то чтобы я – такой уж хозяйственный и бережливый, но поведение Короля показалось мне, мягко говоря, странным.

– Мы должны угостить землю, – вполголоса объяснил мне Магистр Моти. – Отдать ей лакомства, которые припасли для себя. Древний ритуал, просто дань вежливости, ничего из ряда вон выходящего. Считается, что теперь остров Муримах будет считать нас скорее друзьями, чем непрошеными гостями. А как оно будет на деле – поглядим.

Я кивнул. О подобных языческих ритуалах я когда-то в книжках читал, и вдруг – на тебе, такая полевая практика, мечта антрополога! Хорошо бы не выяснилось, что по пути надо принести еще пару-тройку жертв – кровавых, человеческих. Дабы поход прошел совсем уж как по маслу. Потому, собственно, Король и путешествует в хорошей компании: чтобы всегда кто-нибудь был под рукой. Очень практично!

– А теперь, – улыбнулся Гуриг, – можно и нам чаю попить. А то пока до леса дойдем...

Лаюки снова поставила котелок на огонь, достала из рюкзака жалкие остатки лакомств. В итоге, нам досталось всего по две конфеты на рыло: остров Муримах оказался чертовски прожорливым сотрапезником.

Почти безвкусный, зато горячий напиток мы пили прямо из котелка, передавая его по кругу. Чаепитие проходило почти в полном молчании. Самое удивительное, что я сам рта не раскрыл. А ведь прежде, можно сказать, мастером боевых коммуникаций был, отверзал болтливую свою пасть, не дожидаясь специального приглашения, и закрывал ее только по многочисленным просьбам страдающей публики. Но тут почему-то притих и молчал, как пришибленный. Плакала моя репутация компанейского парня.

– Не жалеете еще, что связались с нами, сэр Макс? – лукаво спросил Гуриг, пряча опустошенный котелок в рюкзак. – С нами скучновато, да?

Я пожал плечами.

– Теоретически я и есть ответственный за развлечения в этом походе, да? Ничего, по дороге буду сочинять сказки, чтобы рассказывать вам на ночь. Надо же хоть какую-то пользу приносить...

– Будем надеяться, что ваши сказки будут нашим единственным развлечением, – серьезно сказал Гуриг. – Я предпочитаю скучные путешествия – чтобы никаких приключений. Так спокойнее. По счастью, Муримах – не какая-нибудь Красная Пустыня, где за каждым барханом по зачарованному городу.

– Ну, положим, у этого острова полным-полно своих причуд, – словно бы нехотя заметил Магистр Моти.

– Будем надеяться, сэр Макс узнает об этих причудах только с наших слов, – вздохнул Король.

Но жизнь в очередной раз решила доказать мне, что надежда – глупое чувство. Даже когда она Королевская Надежда.

Проваландавшись, сколько было возможно, и еще чуть-чуть, мы наконец навьючили на себя рюкзаки (спутники мои не могли нарадоваться: дескать, так легко и удобно в походе им еще никогда не было), снялись с места и пошли вдоль берега, по узкой полосе влажного песка. Обувь почти сразу промокла, но это было наименьшее из зол: идти по сухому песку, с каждым шагом увязая чуть ли не по уши, та еще каторга.

Огромная леди Лаюки, добровольно взвалившая на себя самую тяжелую ношу, замыкала шествие. Я смутно предполагал, что уж она-то небось проваливается в сырой песок по колено, содрогался от неподдельного сочувствия и нездорового любопытства, которое подстрекает людей пялиться на чужие увечья и прочие неприятности. Наконец как бы случайно, украдкой оглянувшись: как там она? И ошалел: мои собственные следы на мокром песке были куда глубже. Можно было подумать, что Лаюки Кепта вообще ничего не весит, и только рюкзак тянет ее к земле, а не будь его, ветер унес бы грозную нашу защитницу. Тут уж я отбросил в сторону всякую деликатность и спросил:

– Неужели не колдуете? Или вам все-таки можно? Или как?..

Она сразу поняла причину моего изумления и засветилась от удовольствия.

– Никакой магии, сэр Макс. Просто дисциплина тела. Крупным воинам с ранних лет приходится учиться легкому шагу. Мне эта наука давалась труднее прочих. Было время, тренировки отнимали у меня по шесть часов в день, я то и дело сбегала домой, к маме и сестричкам, но отец всегда возвращал меня обратно, как бы я ни выла. И, как видите, из этой муки вышел толк.

– То есть просить вас: «научите», – бесполезно?

– Разве что вы захотите остаться рядом со мной на всю жизнь, – пожала плечами Лаюки. – Через пару дюжин лет вы, думаю, стали бы делать первые успехи. Но вряд ли это именно то, что вам действительно позарез требуется, – без тени улыбки добавила она, словно бы желая предостеречь меня от необдуманного шага.

Я только головой качал и шел вперед, как умел, увязая в сыром песке, усугубляя неумолимый закон земного тяготения собственной неуклюжестью. Когда часа три спустя мне показалось, что наш поход постепенно превращается в изощренную пытку, мы наконец свернули на узкую тропинку, устланную сухими водорослями, и стали понемногу удаляться от моря в сторону темной полосы на горизонте. До леса, по моим прикидкам, надо было топтать еще часа два, но почва под ногами быстро стала твердой, а этого было достаточно, чтобы превратить ходьбу в удовольствие. Даже рюкзак больше не казался мне серьезной обузой, я наконец-то перевел дыхание и стал понемногу осматриваться. Песчаные дюны остались позади, теперь мы шли по равнине, поросшей оранжевым мхом и высокой сизо-зеленой травой. Обещанных Джуффином радуг в окрестностях не наблюдалось, зато повсюду мелькали алые цветы, немного похожие на гигантские мохнатые маки, крошечные желтые колокольчики, лиловые зонтики незнакомых душистых соцветий, мясистые изумрудно-зеленые звезды на огненных стеблях и розовые облака растительного пуха, здорово смахивающие на ярмарочную сладкую вату; камешки под ногами сверкали так, словно мы ступали по россыпям драгоценностей – впрочем, кто знает, вполне возможно, так оно и было. Низкое бледно-бирюзовое небо оставалось безоблачным, но солнце не жгло, а грело; слабый ветерок с моря примешивал запахи соли и йода к сладким медовым ароматам трав. Выходило, пожалуй, даже похлеще, чем давешние благовония из Королевских запасов, которые, как ни крути, всего лишь стремились как можно больше походить на реальность, а она – да вот же, рядом, вокруг, везде, лишь бы хватило сил наслаждаться. У меня, надо сказать, не очень-то получалось. Меня не оставляло ощущение, что я слишком мал, чтобы вместить в себя эту красоту: того гляди, лопну, взорвусь, рассыплюсь на миллиард восхищенных кусочков, благодарной пылью осяду на благоуханную листву и только тогда, возможно, обрету покой, которым дышит безмятежная эта равнина.

Спутники мои, кажется, тоже наслаждались прогулкой, но в экзальтацию подобно мне не впадали: все же они не впервые оказались на Муримахе. Магистр Моти на ходу набивал трубку, Гуриг тихонько насвистывал под нос какую-то простую, но совершенно незнакомую мне мелодию, Лаюки по-прежнему замыкала шествие, двигаясь столь бесшумно, что я не раз оборачивался, проверяя: не отстала ли?

Ага, как же. Отстанет такая.

Незадолго до заката, когда тени наши вытянулись и заплясали на длинных, тонких ногах, а птицы стали с криком носиться над самой землей, мы наконец вошли в лес и почти сразу остановились на поляне. Удачный выбор стоянки: трава здесь была короткой, но густой, как хороший кеттарийский ковер, а древесные кроны сомкнулись так плотно, что вполне могли бы укрыть нас от дождя, который, впрочем, вряд ли намеревался испортить нам первую же ночевку на свежем воздухе. Но я удивился: сумерки еще не начали сгу-

щаться, можно было бы идти, да идти. Гуриг заметил мое недоумение, покачал головой и мягко пояснил:

– Я все равно пока не знаю, куда именно нам нужно. Всякий раз приходится заново определять направление. Может быть ночью пойму...

От такой постановки вопроса я, мягко говоря, ошалел, но виду не подал. Хорошенькое дело, я-то, наивный, думал, хотя бы Гуриг знает, куда мы идем. Зачем – ладно, допустим, не моего ума дело. Но «всякий раз заново определять направление» – такая концепция не желала укладываться в бедной моей голове.

Перекурив, я понял, что спутники не нуждаются в моей помощи. Король и Магистр занимались своими трубками, а леди Лаюки сама преотлично справилась с примусом и, кажется, намеревалась приготовить очередную порцию невнятного чая. Ничего себе диета!

– Пойду поброжу немножко? – нерешительно спросил я. И, почему-то смутившись, добавил: – Не был в лесу с тех пор, как мы на Магахонских лис охотились, но погоня – это не совсем прогулка...

Король и Магистр лениво покивали, а сами тем временем растянулись на траве. Видимо, дорога утомила их куда больше, чем меня.

– Только далеко не уходите, – строго сказала Лаюки.

Думаю, уж она-то сразу разглядела во мне безнадёжного горожанина, который, выпустив его на волю, тут же свернет с тропинки, заблудится в ближайших трех соснах, залезет в болото, нажрется там каких-нибудь волчьих ягод и пропадет пропадом в полусотне метров от человеческого жилья. Но я имел нахальство полагать, будто все – ну да, плохо, но не настолько же!

– Далеко не уйду, – пообещал я. – Как только начнете что-нибудь жевать, тут же причмусь на запах. Как зверушка лесная.

Они только головами покачали, а я воспользовался моментом и сбежал, оставив в заложниках свой рюкзак. Во-первых, я действительно давно мечтал погулять по лесу, да все выбраться не мог, а во-вторых, очень хотелось немного побыть одному. Мне это жизненно необходимо: хотя бы пару часов в день проводить в полном одиночестве. Когда на меня никто не смотрит, можно опустить вечно вздернутый подбородок, расслабить плечи и мышцы лица, погрузиться в молчание, перестать наконец бесконечно придумывать удачные ответы на вопросы, которые, скорее всего, так никогда и не будут мне заданы, но теоретически – вполне могут прозвучать, пока рядом есть люди, все равно кто.

Поэтому первые несколько минут я просто брел вперед, почти напролом, блаженно улыбался, щурился, обращая лицо к лоскутам неба, запутавшимся в ветвях. Заблудиться не боялся: что-что, а чувство направления у меня о-го-го, спасибо матушке-природе за безвозмездные дары ее!

И кстати о дарах природы. Покинув своих спутников, я почти сразу понял, что нагулял нечеловеческий аппетит. Но возвращаться вот так сразу было и обидно, и вполне бессмысленно: они, кажется, не очень спешили с ужином, а торопить события я по-детски стеснялся. Я вообще довольно застенчив, хотя прикладываю максимум усилий, чтобы это не слишком бросалось в глаза случайным свидетелям моего жизненного пути. Иногда мне даже удается прикинуться обаятельным нахалом – знал бы кто, каких невероятных душевных усилий стоят мне развязные манеры и небрежный тон всеобщего приятеля, эдакого компанейского рубахи-парня, дружелюбного, но несколько утомительного.

Поэтому я не просто гулял, а внимательно озирался по сторонам. Первобытный инстинкт собирателя подсказывал мне, что в этом лесу непременно должны расти какие-нибудь съедобные и вкусные штуковины. Ягоды, грибы, трава какая-нибудь – не знаю, что именно, но – обязательно. Задачу мою усложняло абсолютное незнание местной ботаники, так что оставалось полагаться все на тот же инстинкт, который, надо отдать ему должное, ни

разу не подвел меня в детстве, когда я подъедал всю съедобную растительность в окрестностях бабушкиной дачи – без каких-либо неприятных последствий.

Так и вышло: я почти нечаянно свернул с жалкого подобия тропы и медведем вломился в раскидистый кустарник, ветви которого были усыпаны ярко-желтыми ягодами. Если бы не цвет, я бы поклялся, что это очень крупная ежевика, или малина; впрочем, колючек на ветвях тоже не наблюдалось – на мое счастье. Основательно поразмыслив (секунды две, не меньше), я сорвал ягоду и отправил в рот. По вкусу эта желтая «ежевика» напоминала спелую хурму – неожиданно, но очень и очень неплохо! Сложив пару дюжин ягод, я преисполнился любви к ближним и решил, что просто обязан угостить этих самых ближних своей добычей. Внимательно осмотрелся, углядел некое подобие лопуха, сорвал несколько очень крупных, мясистых листьев, свернул из них вполне надежный кулек и принялся набивать его ягодами. Понятно, что по принципу: «две в рот, одну за щеку, и – так и быть! – четвертую в лукошко», но все-таки. Полчаса спустя куст был общипан, мой импровизированный пакет полон доверху, а я сам – не то чтобы по-настоящему сыт, но совершенно удовлетворен близким знакомством с тутошной природой.

Обратную дорогу я нашел без труда; в лагерь вернулся настоящим триумфатором. Вот он я: не потерялся, не заплутал, да еще и добычу принес. Ай молодец!

Добыча моя действительно произвела фурор, но не совсем тот, на какой я рассчитывал. Король схватился за голову, Лаюки нехорошо ухмыльнулась, отняла у меня ягоды и зашвырнула их в кусты.

– Сэр Макс, вы это ели? – строго спросил Магистр Моти.

– А как вы думаете?.. А что, отравя?

Нельзя сказать, что я испугался. Я обмер, похолодел, поставил на себе крест, нарисовал в воображении невысокий могильный холмик на опушке леса и мрачно подумал, что это вполне в моем духе: выйти невредимым из доброй сотни передраг, схваток с могущественными колдунами, ожившими мертвецами и чудищами из иных миров, чтобы мирно окочуриться на острове Муримах, обожравшись несъедобных ягод. Такой финал мне к лицу, ничего не попишешь...

А испугаться я так толком и не успел. К моему величайшему облегчению, Магистр Моти криво улыбнулся и покачал головой.

– Не то чтобы отравя. Но веселенькая ночка нам сегодня гарантирована. Вы много съели? Примерно столько, сколько принесли?

– Примерно так, – согласился я. – То есть, кажется, даже больше. Может быть, промывание желудка, или?..

– Бесполезно. Ничего не попишешь, придется потерпеть. Ну и, честно говоря, даже интересно, в кого вы превратитесь? Можно делать ставки...

– Как? – опешил я. – Превращусь?! Навсегда?

– До утра, – утешил меня он. – Впрочем, вы очень много ягод съели, так что могут быть рецидивы, но не думаю... Ладно, там поглядим. Нам бы эту ночь продержаться! Вы уж простите, сэр Макс, но придется вас связать. Потому что, знаете ли, всякое бывает.

Гуриг отнял руки от лица, и я увидел, что он смеется.

– Лисица, – сказал он. – Ставлю дюжину корон, он превратится в лисицу!

– Скорее в дикую собаку, – возразил ему Магистр Моти. – Считайте, что ставка принята. Лаюки, ты что думаешь?

– Я думаю, куда положила веревку, – сурово сказала леди Лаюки. – Уже темнеет, между прочим. Хотите потом до утра за ним по лесу гоняться?

Я пискнуть не успел, а эта троица повалила меня на землю, связала по рукам и ногам толстой веревкой, хором извиняясь за доставленные неудобства.

– Понимаете, сэр Макс, все это, собственно, делается ради вас, – объяснял Король. – Поев вурдалачьих ягод, человек может превратиться во что угодно, сообразно своей природе... Но обычно случается, что это самое «что угодно» понимает, что его дом в лесу, и удирает в чащу. А поутру, став человеком, мало кто может отыскать обратный путь. Поэтому лучше уж вы тут полежите, ладно?

«Вурдалачьи ягоды», значит. Вот как это называется.

– Надо было вас предупредить, – вздыхала леди Лаюки. – Но кто же знал, что они растут в этих местах? Прежде в этой части Муримаха никогда не было вурдалачьих ягод.

– Значит, нашлась добрая душа, посадила кустик, – хмыкнул Магистр Моти. И успокоил меня: – Вы не горюйте, сэр Макс. Вам от этого никакого вреда, только небольшие неудобства.

– Пожрать хотя бы дайте, – мрачно сказал я. – Баловство, а не еда эти ваши ягоды...

Тут одно хорошо: когда лежишь на лесной поляне, связанный по рукам и ногам, довольно трудно оставаться застенчивым.

Лаюки принесла кусок ветчины и скормила его мне, как птенцу, отрезая маленькие кусочки. Тьма меж тем сгущалась. Никаких изменений я в себе не ощущал. Мелькнула чудовищная мысль: ребята просто разыграли меня. Не принес бы я ягод, придумали бы что-нибудь еще: к примеру, сказали бы, что всякий человек, впервые попадая на Муримах, на одну ночь становится оборотнем. И я, вполне возможно, принял бы этот бред на веру, и точно так же лежал бы сейчас на траве, связанный по рукам и ногам. «Ладно-ладно, – думал я, – веселитесь, господа. Месть моя будет ужасна. Всех троих разыграю, и Его Величество не пощажу, вот только придумаю что-нибудь действительно остроумное, а не фигню эту вашу дешевую с превращениями невесты во что...»

Утомленный помыслами о мести, я сам не заметил, как задремал. Когда я открыл глаза, солнце уже поднялось над горизонтом. Никаких веревок на мне не было. На этом хорошие новости заканчивались и начинались удивительные факты.

Список удивительных фактов возглавляло то обстоятельство, что я вовсе не лежал на траве, а сидел на дереве, причем умудрился забраться на самую верхушку. Ветка подо мной была не то чтобы совсем уж тонкая, но я, честно говоря, предпочел бы более надежную опору.

– Сэр Макс, вы в порядке? – вежливо спросил кто-то снизу.

Я посмотрел на вопрошающего и судорожно вцепился руками в ветку – ломая ногти, сдирая кожу с костяшек пальцев. Земля была так безнадежно далеко, что мне, пожалуй, следовало начинать вить гнездо: спуститься все равно не получится, а жить как-то надо. Магистр Моти, нерешительно топтавшийся внизу, казался отсюда совсем махоньким человечком.

– Мы вас очень плохо связали, – покаялся он. – Но, по крайней мере, не потеряли.

– То есть, я сам сюда забрался? – изумился я. И признался: – Ни фига не помню!.. Грешные Магистры, надо же как-то слезать... Ужас какой!

– Не умеете? – сочувственно спросил Магистр Моти. – Но придется как-то. Сейчас подумаю, чем вам помочь.

Пока он думал, я в отчаянии озирался по сторонам в поисках хоть сколько-нибудь надежной опоры. Наконец нашел ветку, которая показалась мне более-менее крепкой. С величайшими предосторожностями переполз на нее, искренне сожалея об отсутствии хвоста. В гробу я видал такую эволюцию!

Но трюк мой удался. Теперь я был на целых полметра ближе к земле. Ошеломительное достижение. По такому поводу я машинально полез в карман лоохи за сигаретами и только тогда обнаружил, что лоохи на мне нет. И вообще никакой одежды. Я сидел на дереве в чем

мать родила, хоть практический семинар мастеров эротической фотографии собирай – не пропадать же такой красоте несказанной.

Отдышавшись, я переполз на следующую ветку. Магистр Моти был в восторге от моих успехов.

– Вы имейте в виду, вообще это не в моих привычках – во сне голышом на деревья лазать, – на всякий случай объяснил я. – Не думал, что окажусь настолько обременительным попутчиком. Кошмар какой-то, честно говоря...

– Все в порядке, сэр Макс, – отмахнулся тот. – Как я понимаю, для огромного пятнистого кота, в которого вы превратились, лазать по деревьям – абсолютно нормальное поведение. Следует отметить, вы вели себя чрезвычайно сдержанно и благородно: ни на кого не напали, не зарывали даже. Просто стащили кусок мяса и...

Я застонал. Значит, я – «огромный пятнистый кот», да еще и стащивший Королевский провиант. И как, скажите на милость, теперь жить – после такого-то откровения?!

– Конечно, вы ничего не помните, – сочувственно вздохнул Магистр Моти. – Оборотни никогда не помнят, это нормально... Я вам потом расскажу, а пока поверьте на слово: все обошлось. Если вы теперь еще и с дерева слезете, совсем будет красота... Бойтесь высоты?

– Есть такое дело, – неохотно признался я, высматривая следующую ветку. Хотелось выть от ужаса, но это удовольствие я отложил на потом. Не до того пока.

– Я тоже, – неожиданно признался он. – То есть раньше очень боялся, сейчас-то ничего. Самый кошмар был, когда я только-только стал Орденским послушником, и меня послали чистить черепицу на крыше Иафаха, под присмотром одной из кумушек леди Сотофы, как мне тогда казалось, очень вредной тетки. Да еще запретили слезать, пока работа не будет закончена. То есть я даже ночевал там, на крыше. В первую ночь глаз не сомкнул, а потом усталость взяла свое. Спал, как миленький, примотавшись канатами ко всем выступам, которые казались мне надежными.

– Ну вы герой!

Я прикинул высоту главной резиденции Ордена Семилистника и так проникся, что о собственной проблеме временно забыл. Как раз вовремя: теперь мне предстояло перебраться на ветку, которая росла примерно в двух метрах от моей нынешней позиции. Все прочие ветки в обозримом пространстве были слишком тонкими и хрупкими. Тихонько подвывая, я повис на руках и кое-как сполз вниз, обдирая брюхо о жесткую кору ствола. Обнаружив, что все еще жив и никуда не падаю, я в очередной раз вспомнил об оставленных где-то внизу сигаретах – по крайней мере, одна веская причина добраться до земли у меня была.

Четверть часа спустя я добрался до нижней ветки. Расстояние между моими ступнями и землей было метра два, говорить не о чем. Поэтому я разжал пальцы и полетел навстречу теплому лоохи, который незамедлительно набросил мне на плечи единственный свидетель моего позорного триумфа.

– Слез-таки, – вздохнул я, нашаривая в кармане свои сигареты. Хвала Магистрам (и Магистру Моти персонально), они были на месте!

– Вы молодец, – серьезно сказал Моти. – Для человека, который боится высоты, вы действовали безупречно.

– А что было делать? – вздохнул я.

– Именно так я ответил своей матушке, когда она изумлялась: каким образом мальчишка, которого на чердак собственного дома загнать было невозможно, несколько суток провел на крыше Иафаха. Узнал, что человек может бояться чего угодно, но действовать так, будто не ведает страха. С тех пор жить стало труднее и одновременно – гораздо проще... Пойдемте, сэр Макс. Нас ждут.

– Думаю, после такого приключения можно бы и на «ты» перейти, – проворчал я. – Если уж вы видели, как я голый по деревьям лазаю...

– И то верно, – хмыкнул Магистр Моти.

У него, надо сказать, была удивительная улыбка, обаятельная и обезоруживающая.

– Слушай, – озабоченно спросил я, – выходит, нам теперь придется возвращаться домой и начинать все сначала?

– Зачем? – изумился Моти.

– Ну как... Король же объяснил мне: колдовать нельзя. А я сдуру превратился в какую-то кошку...

– Но ты же не сам превратился, – он пожал плечами. – Не по своей воле. Да и захотел бы – не сумел, этому древнему искусству сейчас и научиться-то негде и не у кого... Тут ведь такое дело: мы сами не должны колдовать по дороге, но никто не запрещал чудесам случаться с нами, если им заблагорассудится. Насколько я понимаю, это как раз очень важно: чтобы Король и его спутники отдали себя на волю случая, позволили событиям происходить без их – нашего, то есть – активного вмешательства. Так мы демонстрируем свое доверие этой земле и судьбе в целом. Доверять судьбе – высокое искусство; чем больше власти и ответственности у человека, тем меньше у него шансов этим искусством овладеть: все сам, все под контролем – тебе ведь тоже знакомо это чувство, сэр Макс?.. А тут такой шанс научиться!

Я молчал, обдумывая его слова. Да, пожалуй, доверять судьбе я не умел никогда; в последние годы я выучился многим удивительным вещам, но жалкие остатки доверчивости растерял окончательно. Твердо усвоил, что ответственность за все происходящее лежит на мне и ни на ком больше. А это, оказывается, чушь собачья...

Что ж, поглядим.

Нас встретили как героев. Заключение в дружеские объятия, вручили по кружке горячего питья, распечатали сверток с сырным пирогом. Леди Лаюки глядела на меня с неподдельным уважением – с чего бы? А Гуриг почему-то лучился радостью. Я-то думал, они меня, дурака, распекают будут за такое веселенькое начало похода, или хотя бы глядеть станут с укоризной.

– Расскажите хоть, что ночью-то было? – попросил я, принимаясь за чай с пирогом. – Я, кажется, благополучно пропустил все самое интересное.

– Вы превратились в огромного пятнистого кота! – сообщила Лаюки. – То есть, если этот зверь и был похож хоть на что-то знакомое, то именно на кота, только шерсть у вас была гладкая и в темных разводах.

Ну да, Магистр Моти тоже огромного пятнистого кота поминал. Судя по всему, я побывал в шкуре не то ягуара, не то леопарда. Вот уж не ожидал от себя. Никогда не знаешь заранее, во что превратишься, так-то... И как же, черт побери, жалко, что я ничего не помню! Это я-то, который после любой попойки мог подробно рассказать приятелям, кто что вытворял, не упуская ни единой подробности. А тут – на тебе, ни единого, даже смутного воспоминания...

– Все наши веревки оказались вам до одного места, – продолжала рассказывать Лаюки. – Вы их в несколько секунд разорвали, и одежду заодно. Я, честно говоря, здорово испугалась, потому что непонятно ведь, как быть, если вы захотите напасть. Убивать вас вроде нехорошо, а как еще с диким зверем справиться?.. Но вы вели себя очень дружелюбно. Мурлыкать не мурлыкали, конечно, зато и не рычали. Подошли ко мне, потерлись головой о ноги, вышло очень трогательно... Пока я умилялась, вы схватили в зубы остатки ветчины, которой я вас кормила как раз перед тем, как вы начали превращаться, и удрали в лес, а мы потихоньку пошли следом. На самом деле очень удачно все вышло, лучше не придумаешь!

– В каком смысле? – осторожно спросил я. – Что, та поляна не подходила для ночевки? Или мясо девать было некуда?

– Да нет же! – Лаюки махнула рукой и звонко расхохоталась. – Поляна была отличная, и ветчине, уж поверьте мне на слово, всегда найдется применение...

– Просто ваш побег указал мне направление, – объяснил Гуриг. – Помните, я сказал, что пока не знаю, куда нужно идти? Тут такое дело: с этими моими муримахскими ритуалами вечно ничего заранее не знаешь. Приходится руководствоваться знаками судьбы, а она – непростой собеседник. Первой ночевки на острове я всегда жду с некоторым содроганием: что на этот раз случится? Потому что один раз начался лесной пожар, и нам пришлось спастись бегством. Единственный путь отступления был к морю, и как только мы добрались до побережья, хлынул дождь, и огонь погас за несколько минут. Так я понял, что на сей раз следует идти вдоль берега. Трудный был поход, самый нескладный на моей памяти... Но бывает и хуже: вообще ничего не происходит – по крайней мере, ничего из ряда вон выходящего. Сижу всю ночь, как дурак, жду указаний, а на рассвете бреду, не разбирая дороги, за какой-нибудь желтой бабочкой, которая изволила задеть крылом мой нос, в надежде, что это и есть знак судьбы, и я все делаю правильно. И, понятно, сомневаюсь: а вдруг надо было не за бабочкой идти, а, скажем, сворачивать направо, потому что с той стороны доносился птичий крик... Представляете, каково?

Я энергично закивал, преисполнившись сочувствия. С судьбой договариваться – то еще удовольствие, знаем, плавали. Она вечно изъясняется, как старый нью-йоркский китаец, потерявший зубной протез: язык вроде бы знакомый, а поди хоть пару слов разбери. Немыслимый труд.

– А тут все сразу само собой выяснилось, – подытожил Король. – Происшествие вполне безобидное, даже, на мой вкус, милое, зато направление мне теперь совершенно очевидно, и, кажется, я даже догадываюсь, куда мы в итоге должны попасть... Уж это был знак, так знак! Я еще и выпасться успел по-человечески после того, как вы изволили залезть на дерево. Для первой ночевки это из ряда вон выходящее событие.

– Ясно, – говорю растерянно. – Так что, выходит, даже хорошо, что я этих вурдалачьих ягод нажрался?

– Конечно! – подтвердил Гуриг. – Я вам очень обязан.

Я только головой покачал. Такие, значит, дела. Так, оказывается, прокладывается наш маршрут. Что ж, если так, Король абсолютно прав, что позвал меня с собой. Высшие силы любят избирать посредниками для общения с людьми юродивых, ну и просто идиотов, вроде меня, тоже с удовольствием используют.

Ничего себе перспектива.

...После завтрака мы двинулись в путь. Ничего из ряда вон выходящего не случилось: шли себе и шли, в середине дня переправились через бурный ручей – без приключений, даже я не облажался, как ни удивительно. Вечером разбили лагерь на очередной уютной поляне, долго и обстоятельно готовили ужин, лениво трепались за едой. После заката мне остро захотелось сырого мяса, а также рычать, потягиваться, чесать ногой за ухом и, страшно сказать, хорошенько вылизать собственную задницу, но мне, к счастью, удавалось держать себя в руках, игнорировать остаточные симптомы давешнего отравления вурдалачьими ягодами. Король и его друзья преисполнились уважения к моей внутренней борьбе и чуть ли не до рассвета развлекали меня сагами о своем босоногом детстве. Под конец я настолько овладел собой, что вспомнил пару хороших, нелепых историй из жизни Тайного Сыска и с удовольствием их рассказал – мои спутники были в восторге.

Близкое знакомство со спальным мешком стало упоительным финалом трудного, но беззаботного дня: забравшись в эту бархатистую благодать, я уснул незамедлительно и дрых как младенец, пока меня не разбудили горячие лучи полуденного солнца.

Еще два дня прошли спокойно и безмятежно. Мы шли себе и шли по тенистому лесу, наслаждаясь хорошей погодой и свежееобретенной крепостью собственных ног. По вечерам разбивали лагерь, готовили ужин, болтали и расползались по спальным мешкам, вполне довольные собой, друг другом и жизнью в целом.

Я, меж тем, диву давался: вроде бы мне рассказывали, что Муримах не просто обитаемый, а густонаселенный остров – и куда же все подевались, хотел бы я знать?! Не то что города или селения, мы даже избушки лесника ни разу не увидели. И вообще никаких следов человеческого присутствия, даже птицы здесь были такие непуганые, что из-под ног взлетать не спешили.

Я как раз успел свыкнуться с мыслью, что кроме нас четверых нет больше живых существ во Вселенной, когда за пару часов до заката и, соответственно, четвертого привала лесная тропинка, по которой мы шли, незаметно превратилась в дорожку, вымощенную мелкими желтыми кирпичиками – совершенно ясно, что без человеческого вмешательства тут не обошлось.

– О, да это же Желтая Дорожка! Кажется, я знаю, куда мы пришли, – обрадовался Гуриг. – Сам я тут никогда не был, но отец рассказывал, что однажды ночевал у какой-то забавной муримахской ведьмы. Никакой Очевидной магии, настоящая лесная колдунья: варит зелья из трав, разговаривает с дикими зверями и выращивает цветы на камнях одним прикосновением руки. Если эта дорожка по-прежнему ведет к ее дому, можно попробовать попроситься на ночлег. – Король мечтательно вздохнул. – Может, у нее найдется какое-то подобие ванной комнаты? Ну или хоть бочка с горячей водой...

До сих пор Гуриг стоически переносил тяготы походной жизни; прежде мне и в голову не пришло бы, что абсолютный монарх богатейшей страны этого Мира способен так легко обходиться без привычных удобств. Однако он преспокойно умывался в ручьях, закусывал сухари лесными ягодами, спал, не переодеваясь, по утрам вскакивал первым и кипятил воду, чтобы приготовить нам травяной чай по старинному семейному рецепту – словом, служил мне живым примером и немым укором. Если бы не он, я бы еще в первый день взвыл: «Где мои четыре бассейна с ароматной водой, мягкая кровать, камра и амобилер?!»

Это я к тому, что упоминание о горячей воде возбудило меня чрезвычайно. Я ни о чем больше думать не мог.

«Забавная муримахская ведьма» оказалась миниатюрной красоткой, больше похожей на сельскую старшекласницу, чем на лесную колдунью. Темно-каштановые волосы, зеленые глаза, густые брови, тонкий овал лица, не улыбочивый, но по-детски нежный рот. Невозможно было поверить, что она водила знакомство с покойным Королем; я все ждал, что сейчас выяснится – она просто к бабушке на каникулы приехала. Однако нет, девица вела себя как хозяйка дома и, надо понимать, действительно ею была.

Юная леди поглядела на нас исподлобья, нахмурилась, как похмельный полицейский при виде подгулявших студентов, не слишком любезно буркнула что-то вроде «вижвасканыу», но в дом все же пригласила. Усадила за стол, и сама уселась напротив, подперев подбородок кулаками. Глядела выжидающе, дескать, что дальше-то?

Обстановка в ее хижине вполне соответствовала моим представлениям о жилищах лесных колдунов: половицы поросли травой, окна были затянуты паутиной, а из-под колченого табурета пробивалось самое настоящее юное деревце. Теоретически интерьер вполне в моем вкусе, но я томился дурными предчувствиями: ванной в таком доме явно не было места.

Мы угостили хозяйку остатками дворцового печенья и моим шоколадом, который произвел на нее неизгладимое впечатление. Старались оплатить гостеприимство самой ценной в глухомани валютой: болтовней. Отдужался, собственно, Магистр Моти, который долго и

обстоятельно пересказывал маленькой ведьме столичные новости, а заодно излагал историю нашего путешествия – вымышленную, разумеется. Дескать, мы – придворные умеренно высокого ранга, прибыли на Муримах, чтобы осмотреть здешние леса и придумать приятный, необременительный прогулочный маршрут для Короля, который – да будет вам известно, незабвенная! – скоро заявится на остров с официальным визитом и мечтает побывать в самых потаенных, необжитых уголках этой прекрасной земли.

– Да уж, обжитыми наши края не назовешь, – согласилась лесная колдунья, хмуря густые брови. – Только, боюсь, нечего здесь делать Королю. Места глухие, жилья человеческого не отыщешь, да и радуг тут почти не бывает. Когда-никогда... То ли дело на Туманном Побережье!

– Такова уж Королевская блажь, – вмешался Гуриг. – Наше дело маленькое. Нам велели, мы делаем. Впрочем, возможно, Король и передумает: он же у нас молодой еще, в голове ветер, вот и меняет порой решения по дюжине раз на дню. Муримах – большой остров, заранее не угадаешь, куда его понесет.

Он только что не попискивал от удовольствия, наговаривая на собственное Величество.

– Да, остров не маленький, – рассеянно подтвердила наша хозяйка. И тоном обиженного, всеми покинутого ребенка добавила: – А толку-то? Народу вроде много, а гости здесь у меня раз в дюжину лет появляются – считай, повезло. Все сиднем по домам сидят, ленятся задницу от лавки оторвать. Только и радости, если чужаки, вроде вас, объявятся. Вас хоть любопытство по нашим лесам гоняет...

– Скучно вам тут? – сочувственно спросила леди Лаюки.

– Не слишком весело. А что делать? Перебираться отсюда мне никак нельзя: место еще моими прабабками насижено. Где я такое найду? Да и новый дом мне одной не под силу построить. Так что ж теперь, перед здешними гномами да оборотнями юбки задирать: дескать, помогите! Еще чего не хватало...

Я был почти шокирован ее последним замечанием, но спутники мои не обратили на болтовню лесной колдуньи особого внимания. Очевидно лишь я, иноземный дикарь и варвар, мог так удивляться сущим пустякам.

Мы не зря буривами заливались, развлекали заскучавшую в глухомани лесную колдунью. Труд наш получил наивысшую награду. Часа полтора спустя хозяйка наконец предложила нам помыться с дороги. Сказала, ее это совершенно не затруднит, воду-то греть не надо: за домом бьет горячий источник, и устроена купальня.

Нам, как я сразу сообразил, крупно повезло. Купальня – это гораздо лучше бочки с горячей водой, о которой я еще недавно думал с таким вожделением. На лицах моих спутников было явственно написано предвкушение грядущего блаженства, ноздри наши дрожали от нетерпения.

Ведьма торжествующе улыбнулась, поставила на стол кувшин с каким-то ароматным отваром и вышла поглядеть, все ли в порядке с купальней. Обещала, что скоро нас позовет.

Как только за нею закрылась дверь, леди Лаюки сграбастала кувшин, подозрительно понюхала его содержимое, поморщилась, пожала плечами, сделала глоток, потом еще один. Прислушалась к ощущениям, подумала, наконец, неохотно констатировала:

– Ну, вроде можно пить. Хотя я бы все же советовала воздержаться. Кто знает, что у этих лесных колдунов в голове делается? По-моему, они хлеб испечь не могут, не подмешав в муку какого-нибудь зелья – не со зла даже, просто иначе не привыкли.

Я сперва удивился: с какой это стати она кувшин отобрала на экспертизу? Ишь раскомандовалась! Только потом вспомнил: Лаюки, как-никак, личный телохранитель Короля, кому как не ей подозрительное питье пробовать и журить нас за легкомыслие.

Мы же, все трое, так расслабились за несколько дней, проведенных в лесу, что глядели теперь на леди Лаюки с немой укоризной. Вроде как все люди – братья и сестры, а уж мы-

то, мы-то – самые главные братья людей, которые, безусловно, не могут испытывать к нам ничего, кроме бесконечного обожания; мировое зло давным-давно затюкано добром, смерти, разумеется, нет, а эта нелепая женщина носится тут со своими правилами безопасности, вот умора!

Даже Магистр Моти, которого, как я понимаю, долг обязывал быть параноиком, вяло отмахнулся от ее ворчания и принялся разливать питье по стаканам. Я однако призадумался. Как-то раз меня уже напоили местным приворотным зельем – безобиднейшая штука, говорят, не сулит жертве ничего, кроме сплошного удовольствия в компании влюбленной отравительницы, но для моего чужеземного организма это пойло оказалось страшным ядом. Выжил я тогда чудом; с тех пор у меня два сердца. Одно из них основательно разбито, зато разбить второе невозможно; и то, и другое – медицинский факт, а не красивая метафора. Но на чудеса сейчас уж точно рассчитывать не приходилось. Поэтому я решил отказаться от напитка. Невелика потеря, все же не свежую камру из «Обжоры Бунбы» нам предложили, а, судя по запаху, то ли слегка перебродивший компот из лесных ягод, то ли очень слабое вино. Было бы ради чего жизнью рисковать.

Леди Лаюки глядела на меня с одобрением, а Король и Магистр Моти – с нескрываемой иронией. А я решил: черт с ними, переживу, плевать. Но в стакан немного плеснул, чтобы не обижать гостеприимную хозяйку и не объяснять путано: дескать, я на такой специальной диете... Люди часто врут по мелочам только потому, что говорить правду слишком хлопотно, и я – не исключение.

Наконец ведьма вернулась. Немного постояла на пороге, любуясь нашим скромным застольем (я, памятуя о вежливости, немедленно поднес к губам стакан с ее угощением и даже вполне достоверно изобразил глоток) и объявила, что купальня готова. Мы вскочили, только что лавки не роняя, ринулись на задний двор, сгорая от нетерпения и любопытства: как там все устроено?

Устроено было весьма неплохо, куда лучше, чем мы смели рассчитывать. Купальня оказалась небольшим, довольно мелким бассейном, сооруженным вокруг бойкого источника. От воды валил ароматный, пропитанный благовониями пар. Я подумал, что примерно так и должен бы выглядеть рай для особо замурзанных праведников; иного лично мне, пожалуй, не требуется, и не уговаривайте!

Ясно было, что купаться придется по очереди: в этом бассейне вдвоем нельзя было поместиться, не то что вчетвером. Я, по правде сказать, был в восторге: перспектива плескаться с тремя посторонними людьми, один из которых, как-никак, абсолютный монарх, а вторая – женщина-гора, смущала меня чрезвычайно. Вот уж никогда не знаешь, из какой тараканьей щели вылезет былая подростковая застенчивость, чтобы предъявить права на твою светлую голову, бесстрашное сердце, бессмертную душу и прочие, казалось бы, безупречные потроха.

Теперь надо было договориться об очередности. Леди Лаюки твердо заявила, что полезет в бассейн первой. Глядела при этом многозначительно: дескать, мало ли, каких там благовоний понакидали, мое дело солдатское – проверить на себе. Гуриг беспомощно пожал плечами: с телохранителем не поспоришь. Чтобы утешить своих спутников, я великодушно объявил, что готов быть последним. Во-первых, предвкушение удовольствия – важная составляющая всякого блаженства; во-вторых (и это тоже очень важно), последний в очереди уж точно может не спешить, его не подгоняют нервным топтанием, умоляющими взглядами и бранными мыслями. Магистр Моти доказал свою лояльность, вежливо пропустив Короля вперед; таким образом очередность была установлена, и Лаюки принялась раздеваться, не дожидаясь, пока мы тактично отвернемся.

Я так и не понял: то ли дворцовые обычаи предписывали придворным демонстрировать друг другу свою наготу при всяком удобном случае, то ли леди Лаюки было решительно наплевать на условности. Тем не менее, я поспешно обратился спиной к этому великолепному зрелищу и отправился гулять по саду. Я не был уверен, что готов узнать, как выглядят голые великанши. Многие знания – многие печали, так-то.

Когда я вернулся, Лаюки уже заканчивала одеваться, а в купальне плескался Король. Магистр Моти неторопливо избавлялся от сапожек. Я уселся рядом с ним и закурил, предвкушая грядущее блаженство. Попытка завести светскую беседу с Лаюки успехом не увенчалась: она рассеянно покивала, улеглась на траву и затихла, даже сделать вид, будто слушает мою болтовню, не потрудилась. Чуть позже к ней присоединился Гуриг, а затем и Моти последовал их примеру. Когда пришел мой черед залезать в бассейн, я с облегчением понял, что смущаться не имеет смысла: эта троица блаженно паялилась в небо, до меня им не было решительно никакого дела.

Вода оказалась настолько горячей, что в первый момент я чуть не выскочил вон, но потом притерпелся, а пару минут спустя даже начал получать удовольствие от происходящего. Но долго засиживаться не стал: аромат благовоний кружил голову, пар расслаблял тело – того гляди станешь счастливым вареным овощем, со свинцовой головой и ватными ногами. Некоторым нравится, но я себя в таком состоянии не переношу, вот просто убил бы!

Я покинул купальню вовремя, не утратив бодрости, зато мои спутники, судя по всему, перестарались. Лежали теперь на траве с бессмысленными, блаженными лицами, как пляжники после пятого литра пива – и что с такими красавцами делать? Я немного посидел рядом с ними на траве, потом решил, что ребят надо оставить в покое, благо мне есть чем заняться. Крошечный сад я, конечно, уже осмотрел, перенюхал все цветы и практически пересчитал травинки, но лес вокруг ведьминых владений был не менее достойным объектом для близкого знакомства.

Я зашел в дом, предупредил хозяйку, что отправляюсь на прогулку, искать меня не нужно, сам найдусь через часок-другой. Она поглядела на меня с плохо скрываемым изумлением: лесному жителю, наверное, трудно понять эти наши городские выверты. Зачем без дела бродить среди деревьев? Какого рода удовольствие можно от этого получить?

И ведь не объяснишь в двух словах.

По крайней мере, я расценил ее удивление именно так, и тут же забыл о колдунье: меня куда больше занимала гипотетическая возможность встречи с каким-нибудь местным аналогом белки или ежа, я даже сухарь и кусок шоколада в карман сунул на всякий случай.

Зверья мне не обломилось, так что сухарь пришлось скрошить птицам, а шоколад слопать самостоятельно. Зато и приключений на свою задницу я не обрел. В дом вернулся довольным и благодушным – если бы внешность человека менялась в зависимости от настроения, быть бы мне плюшевым медвежонком.

Впрочем, по сравнению с моими спутниками, я все равно выглядел мрачным хмырем. С травки они как-то поднялись, даже в дом вошли и уселись за стол, но лица их по-прежнему выражали неопишное блаженство – и больше, кажется, ничего. Перед каждым стояла деревянная миска с блеклой сероватой кашей, подозрительно похожей на заплесневевшую манку; Его Величество с друзьями уплетали склизкую дрянь за обе щеки, только что не похрюкивая от удовольствия. Ведьма восседала во главе стола, вооруженная котлом и ложкой, глядела на своих гостей с торжествующим умилением, как детсадовская повариха. Мне тут же предложили табурет и полную миску каши. Я осторожно попробовал кошмарное месиво, смутно надеясь, что вкус его окажется великолепным – все же колдунья варила. Однако содержание трапезы полностью соответствовало непривлекательной форме. Манная каша, сваренная на воде, без соли и сахара, была бы куда более гуманным решением.

Голод и вежливость сделали свое дело: две ложки серой дряни я как-то в себя поместил. Потом организм заартачился и решительно отказался от продолжения банкета. Хозяйка дома не столько огорчилась, сколько встревожилась, наблюдая мою позорную капитуляцию, но виду не подавала – благо Магистр Моти как раз попросил добавки. Принимая миску, он накрыл ведьмину лапку своей ладонью – жест явно не случайный, хорошо просчитанная неназойливая демонстрация нежности, если не страсти.

Ну-ну, – сказал я себе, – парень, кажется, влип. Или не влип, а просто воспользовался моментом? В конце концов, всякому уважающему себя странствующему рыцарю нужна дама сердца... «А еще дама печени и дама селезенки», – подсказал мне ехидный ум, но я на него шикнул и довел благодушное рассуждение до конца: всякому странствующему рыцарю нужна дама сердца, а эта ведьмочка ничем не хуже других, а то и получше, пожалуй. Правда ведь, чертовски хороша, и где были прежде мои глаза?!

Впрочем энтузиазм, с которым мои спутники лопали жуткую кашу, занимал меня куда больше, чем романтические поползновения Магистра Моти. Вдохновившись примером, я заставил себя съесть еще ложку этой вязкой отравы, смутно надеясь, что сейчас случится чудо и я наконец распробую этот тонкий деликатес. Но увы, ничего кроме омерзения так и не почувствовал.

Наконец Король отставил в сторону опустошенную миску, с наслаждением облизал ложку, мечтательно вздохнул и сказал:

– Грешные Магистры, как же все-таки хорошо вернуться домой!

– Туда, куда с детства рвался всем сердцем, не умея даже сформулировать это смутное, но страстное желание! – подхватил Магистр Моти.

Лаюки поглядела на них, как мне показалось, с некоторым сомнением, но почти сразу заулыбалась и кивнула, соглашаясь.

Я же чуть со стула не рухнул от таких речей, но решил держать марку, не выдавать смятения, пока не пойму, что тут у них происходит. Скорее всего, сговорились разыграть меня, как мальчишку, с них станется. Интересно, как они запоют, если я мгновенно включусь в игру? Не так уж это трудно: надо просто ничему не удивляться и соглашаться со всем, что они скажут. Изобразить, что я в восторге от каши, было бы куда труднее, но тут я и пытаться не стал. А поддержать безумный диалог о возвращении домой – не проблема, это мы всегда пожалуйста!

– Известное дело, – вдохновенно вступил я, – дом – это вовсе не то место, где ты родился. Память обычно не хранит сведений о нашем истинном доме, но инстинкт велит нам пускаться на его поиски, порой задолго до того, как мы научимся ходить. Что это за место такое – «наш дом», никто не знает, и не может знать, поэтому приходится довольствоваться невнятными догадками, которые только уведат нас от истины. У большинства живых существ от рождения нет дома, зато есть восхитительные сны, тайные грезы наяву, первые смутные желания, для формулировки которых еще не хватает слов – вот и учимся рыдать о несбывшемся прежде, чем узнаем, что это такое... Между прочим, все младенцы ревут о своем несбывшемся, пока их родители думают, будто виной всему мокрая пеленка. А вы не знали?..

– Как же хорошо вы говорите, сэр Макс, – пригорюнился Гуриг. И тут же встрепенулся: – Но иногда оказывается, что наш дом – вовсе не смутный отблеск потустороннего зарева, а именно то место, где мы родились. Другое дело, что можно прожить целую жизнь, и не успеть это понять... Но мне повезло: я, наконец, ясно вижу, что этот дворец и есть мой дом. Настоящий, тот самый, сокровенный дом, о котором вы говорили. Иного дома, кроме этого дворца, – Король величественно обвел рукой ведьмину лачугу, словно бы призывая присутствующих разделить его восторг, – у меня нет. Да и не нужно.

«Ага, значит это у нас теперь «дворец», – подумал я. – Ну-ну, ничего себе сценарий! По крайней мере, теперь уж точно ясно, что меня разыгрывают. Что ж, главное – не сдаваться».

Поэтому вслух я сказал:

– Да, конечно, бывают и такие счастливые совпадения. Но очень, очень редко.

– Но это же не... – начала было леди Лаюки, потом махнула рукой и замолчала. Вид у нее, надо сказать, был совершенно обескураженный. То ли она была не заговорщицей, а такой же жертвой розыгрыша, как и я, то ли... Впрочем, иных внятных версий у меня пока не было, только смутное беспокойство.

– Дом, – мечтательно вздохнул Магистр Моти. – Наконец-то мы дома! Как бы я хотел никогда больше не покидать этот великолепный дворец, ни на день, ни даже на час...

– И не покинешь, – заверил его Гуриг. – И я тоже его не покину. Зачем? От добра добра, как говорится, не ищут.

Еще четверть часа Гуриг и Моти стройным дуэтом исполняли импровизированный гимн ведьминой лачуге, которую упорно величали «дворцом» и своим «сокровенным домом». Когда один умолкал, чтобы отдать должное кошмарному угощению, второй тут же подхватывал эстафету. Лаюки, напротив, помалкивала, только флегматично кивала, не поднимая глаз; вид она имела предельно рассеянный и даже растерянный. Зато хозяйка наша перестала хмуриться, теперь она светилась от удовольствия и застенчиво теребила бахромку ветхой скатерти; в конце концов я засомневался: уж не она ли главная жертва розыгрыша? Если так, это жестоко.

И вообще шутка, на мой вкус, чересчур затянулась. Она с самого начала показалась мне совершенно бездарной, а теперь я с трудом сдерживал желание грубо оборвать своих спутников. От скандала их, честно говоря, спасла только корона Гурига: до сих пор я еще ни разу не ссорился с абсолютными монархами, а потому в последний момент оробел. Решил не наносить Его Величеству публичных оскорблений, а уладить дело путем переговоров с Магистром Моти. Если уж он головой отвечает перед Орденом Семилистника за благополучный исход нашей экспедиции, пусть теперь потрудится установить дипломатические отношения со мной – для начала. Ибо всему есть предел, а уж моему-то терпению – тем более.

Безмолвная речь находилась под запретом, поэтому поговорить с Моти прямо сейчас, не вставая из-за стола, я не мог. Но это меня не остановило.

– Не могу найти свое курево, – сказал я ему. – И, кажется мне, что с утра я сунул кисет в твой рюкзак. А рыться в чужих вещах совершенно не выношу, просто не могу себя заставить. Пойдем поищем вместе, ладно?

Он изрядно удивился, напомнил мне, что вещи у нас распределены по рюкзакам хаотически, лишь бы нести удобно было, а потому и деликатничать нечего. Я это и сам прекрасно понимал, просто не сумел быстро выдумать менее идиотский предлог для уединения. К счастью, Магистр Моти решил, что с придурками, вроде меня, проще соглашаться, чем спорить, и вышел за мной в сени, где стояла наша поклажа. Взялся было развязывать тесемки своего рюкзака, но я его остановил.

– Не нужно ничего искать. На самом деле я просто хотел поговорить наедине. Трудно без Безмолвной речи, не понимаю: как я раньше без нее обходился...

– Поговорить? Со мной? Наедине, по секрету? Как интересно!

В голосе его явственно звучал сарказм, но вид парень имел скорее удивленный, чем ехидный. Как будто он искренне считал, что все в порядке и нам нечего обсуждать.

– Да не то чтобы очень интересно, – мрачно сказал я. – Собственно, все, что я хотел сказать: кончайте издеваться. Будем считать, что вы с Гуригом успешно меня разыграли. Можете с чистой совестью поднимать меня на смех. Да хоть статью об этом в «Королевском голосе» печатайте, когда вернемся. Но сейчас, пожалуйста, хватит. Я нервничаю. Не нравится мне ваша шутка.

Магистр Моти растерянно поморгал.

– Что за шутка? – спросил он. – Над кем, интересно, мы «издеваемся»? Над тобой, что ли? Сэр Макс, ты больше незнакомых ягод в лесу не ел? Или – да хранят нас Древние Магистры! – грибов?..

Я так растерялся, что не стал отвечать вопросом на вопрос, а честно сказал:

– Вообще в рот ничего не брал, даже компота этого прокисшего, который вы с Гуригом хлестали как не в себя.

– Хорошо, если так. Тогда скажи: в чем заключается наша так называемая шутка? Почему ты нервничаешь? Что с тобой творится, дырку над тобой в небе?

– Что *со мной* творится?! Это вы с Гуригом последние полчаса бредите непрерывно: «дворец, сокровенный дом... Магистры знают, что у вас в голове: меня разыграть – это, конечно, святое дело, я понимаю. Но вы бы хоть хозяйку пожалели. Не знаю, может быть, она древняя старуха, но выглядит как девчонка и, что еще хуже, верит вам, как девчонка. Думает, вам тут правда нравится. Думает, наверное, вы тут у нее жить останетесь после таких-то разговоров... Ну свинство же, свинство сплошное выходит, а вовсе не шутка!

В финале я намеревался рывкнуть, но задохнулся от возмущения, и теперь шипел на Моти, как рассерженная гадюка. Он глядел на меня с изумлением, неподдельным сочувствием и плохо скрываемой тревогой, и это окончательно выбило меня из колеи. Да чего там, я наконец-то испугался по-настоящему, хотя сформулировать причину своего страха все еще не мог или просто не хотел. Потому что решительно не понимал, что делать, если весь мир, кроме меня, сошел с ума. Лучше бы уж наоборот. Гораздо лучше.

– Послушай-ка, сэр Макс, – мягко сказал Моти. – Я теперь вижу: с тобой явно что-то не так. Хорошо хоть запаха безумия нет, это обнадеживающий признак. Скорее всего тебя околдовали, только ума не приложу, кто и зачем?.. Не знаю, что тебе мерещится, но поверь мне на слово: все в полном порядке. Мы дома, в том самом дворце, где мы с Гуригом когда-то родились. Сидим в пиршественном зале, лакомимся сливочным тангом с дикими фруктами...

– «Сливочным тангом», значит? Кто бы мог подумать, такое изысканное кушанье! А с виду, знаешь ли, просто склизкая серая каша, да и на вкус не лучше. А «дворец» ваш, уж прости, дружище – это просто убогая хибарка в муримахском лесу, здесь трава сквозь пол пробивается, неужели не заметил?..

Увидев, что слова мои отскакивают от Моти, как от стенки, я не удержался и сорвался на крик:

– Да что с тобой? Что с вами со всеми творится?!

Ярость только тем и хороша, что сильнее страха; другое дело, что разум она туманит не хуже. Поэтому я постарался взять себя в руки. Особо хвастаться нечем, но хоть драться я не полез или там за плечи его трясти, по щекам хлестать, орать: «Опомнись!» Хрен бы он опомнился – это во-первых. И весьма вероятно, что после такой выходки мне пришлось бы ночевать в ведьмином погребе, связанным по рукам и ногам, да еще и с подбитым глазом: драчун-то из меня никакой, честно говоря.

Магистр Моти нахмурился было, но тут же заулыбался ласково, даже приторно – так улыбаются врачи, вынужденные объясняться с больными детьми.

– Не волнуйся, сэр Макс. Пойми: с тобой случилось несчастье. Ты немного не в себе: все прекрасные вещи и удивительные события кажутся тебе мерзкими и отвратительными. То ли ты бредишь, то ли спишь наяву, но мы найдем способ привести тебя в порядок. Еще вчера, когда мы шли по лесу, это было бы очень плохо, но теперь, когда мы наконец-то дома...

Я застонал от отчаяния. Моти истолковал мой стон по-своему.

– ...теперь все будет хорошо. Наверняка в этом дворце есть отличные знахари; кстати, после обеда нужно будет узнать, кто теперь занимает должность Придворного Целителя...

В любом случае мы обязательно найдем способ тебя вылечить. Скверно, конечно, что тебе всякая ерунда мерещится. Но я-то тебя знаю, ты парень что надо, если захочешь, возьмешь безумие под контроль, верно?

– То есть дела обстоят так: вы все «вернулись домой», а мне при этом мерещится ерунда, – покорно повторил я. – Ну-ну... Ладно, как скажешь. Возьму безумие под контроль, если так надо. Мне не жалко.

– Вот и славно, – обрадовался Моти. – Ты молодец, сэр Макс. Даю слово, скоро с тобой все будет в порядке.

Я похолодел. Когда явный псих твердо обещает, что с тобой все будет в порядке, – жди беды.

– А теперь я хочу вернуться в пиршественный зал, – объявил Моти. – Идем, сэр Макс. Я от души надеюсь, что ты сможешь вести себя так, будто все в порядке. Зачем портить Гуригу первый день под родным кровом? А завтра, если печальные видения по-прежнему будут омрачать твой разум, мы подумаем, как тебе помочь. В крайнем случае, мы можем отправить тебя к сэру Джуффину. Уж он-то разберется, правда?

Больше всего на свете я хотел бы по-прежнему думать, что меня разыгрывают, но не слишком ли достоверная игра для непрофессионального актера? Да и прочие участники представления хороши.

Лучше просто некуда.

– Да уж, Джуффин, пожалуй, действительно разберется, – согласился я и поплелся за Моти в убогую каморку, которую тот называл «пиршественным залом». Наше объяснение так меня оглушило, что пытаться продолжать разговор было совершенно бесполезно. Надо сперва осмыслить происходящее и изобрести хоть какой-то план действий. Оба пункта программы представлялись мне почти невыполнимыми, но тут уж придется постараться. Кроме меня, кажется, никому.

Торжественная трапеза тем временем продолжалась. Гуриг и Лаюки получили добавку и продолжали уписывать за обе щеки серую кашу. Ведьма встретила нас тревожным взглядом, но Моти немедленно уселся рядом с нею, накрыл ладонью смуглую узкую лапку, принялся любезничать, так что ей стало не до меня. Я занял свое место и принялся изучать обстановку.

Немного понаблюдав за присутствующими, я окончательно понял, что от мысли о розыгрыше надо отказаться, сколь бы привлекательной она мне ни казалась. Спутники мои были совсем плохи. Гуриг продолжал восторженно лепетать что-то о доме, который все мы якобы обрели, а Магистр Моти, кажется, вовсе забыл о нашем присутствии: теперь он изливал на муримахскую ведьму какие-то лирические откровения; та помалкивала, но слушала с явным удовольствием. Леди Лаюки имела вполне пришибленный вид; мерзкую кашу сливочным тангом не называла, зато уважительно величала «паштетом», якобы изготовленным по рецепту ее собственной прабабушки. Плохо, конечно, что я слишком недолго знал своих спутников и не мог определить, какие отклонения от нормы для них более-менее в порядке вещей, а когда надо начинать бить тревогу. Впрочем, даже моего скудного житейского опыта хватило, чтобы понять: все они ведут себя как идиоты – бедные, околдованные, привороженные идиоты.

Ага. Именно что привороженные.

Не зря, ох, не зря отказался я от компота! Похоже, опоили нашу компанию каким-то ядреным приворотным зельем, от которого склизкая каша – изысканным лакомством кажется, а чужая убогая лачуга – родным домом. Вернее, дворцом. На меньшее мы, надо понимать, не согласны... Что касается Магистра Моти, он еще и любовную лихорадку под-

цепил; впрочем, как раз это вполне могло случиться и без ворожбы: ведьмочка-то хороша, действительно. В отличие от каши и всего остального.

Чем дольше я сидел в их компании, тем яснее осознавал ужас нашего положения. Если бы такое произошло, скажем, с кем-то из моих приятелей во время отпуска, я бы решил, что дело плохо, но поправить его проще простого: уменьшить живого человека, спрятать его в пригоршню, между большим и указательными пальцами и унести в таком виде хоть на край земли – это для меня пара пустяков. А уж пациента к знахарю доставить таким способом – милое дело, не о чем и говорить.

Но я путешествовал по Муримаху не с друзьями-приятелями, а с Его Величеством Гуригом Восьмым, который прибыл сюда для исполнения какой-то невнятной и, кажется, очень важной миссии; на колдовство был наложен строжайший запрет, нарушение которого, если я все правильно понял, грозило Соединенному Королевству тайфунами, наводнениями, ураганами и прочими крупномасштабными неприятностями. Рисковать не хотелось. В таких обстоятельствах я даже зов Джуффину отправить не смел. В то время я шагу сделать не мог без его совета, но тут решил: придется пока обходиться собственным слабым умишком. В утешение я пообещал себе: если обнаружится, что иного выхода нет, махну на все рукой и... Но пока придется подождать. Вдруг уже к утру ребята придут в себя, без дополнительных усилий? Хорош я буду в таком случае со своими дурацкими чудесами...

Надежды мои были подкреплены житейским опытом. Теоретически, в идеале, приворотные зелья должны бы поражать жертву на всю жизнь, но я знал: на практике обычно оказывается, что срок их действия – несколько часов, в худшем случае – сутки. Все дело, как я понимаю в Кодексе Хрембера: без применения запрещенных заклинаний ничего кроме слабого любовного «компота» не сварить, а в Холоми сидеть не так уж много охотников даже среди безнадежно влюбленных.

Размышляя об этом, я терпеливо дождался конца ужина. Покончив наконец с кашей, Гуриг произнес прочувствованную речь о сладостном ночлеге под родным кровом и рухнул на травяной тюфяк у стены. Лаюки, растерянно озираясь по сторонам, встала из-за стола и уселась у ног своего повелителя. Магистр Моти подхватил ведьму под локоток и направился к выходу; по пути он дружески мне подмигнул, шепнул: «Держись, сэр Макс, все будет хорошо», – и увлек даму сердца в благоухающую тьму сада.

Я решил воспользоваться моментом и поговорить с Лаюки. Весь вечер она была сама не своя, время от времени разговоры об «обретенном доме» вызывали у нее некоторое удивление, она даже возражать пару раз пыталась – на мой вкус, чересчур нерешительно, но все-таки! Я к этому времени как раз вспомнил, что «компота» она выпила куда меньше, чем Гуриг с Моти, только попробовала, нет ли там отравы, и все. Может быть, поэтому?..

Словом, это железо следовало сперва ковать, а уж потом разбираться, насколько оно горячо. Хуже-то, пожалуй, не будет.

– Надо бы нам с тобой поболтать, леди Лаюки, – приветливо сказал я, усаживаясь рядом с нею на пол, у ног спящего Короля.

– О чем? – вяло спросила она. – Об очередной любовной интрижке Моти? Ну так меня этим давно уже нельзя удивить. Стоит ему выйти за порог Иафаха, и первая же красотка может начинать вить из него веревки. Иногда это затягивается надолго, дня на три. Но обычно одного вечера бывает вполне достаточно. Так что...

Я, признаться, сперва оторопел от неожиданности, но быстро взял себя в руки.

– Да пусть себе делает что хочет. Я о другом тебя собираюсь спросить.

– О чем? – Теперь она глядела на меня настороженно, исподлобья.

Я не знал, как начать, но собрался с духом и выпалил:

– Пожалуйста, посмотри по сторонам и скажи мне: что ты видишь?

Реакция ее оказалась для меня полной неожиданностью. Огромная Лаюки сжалась в комочек – так, что на какое-то мгновение действительно показалась мне крошечной девочкой – шмыгнула носом и спросила:

– Так ты заметил, да?..

Я решил, что обрел единомышленника, чуть не умер от радости и облегчения и уже собирался заключить ее в объятия, но тут она упавшим голосом закончила:

– Ты заметил, что со мной не все в порядке?

Я понял, что объяснение предстоит долгое, мучительное и не факт, что результативное. Но попробовать в любом случае стоило. Я набрал побольше воздуха в легкие и начал:

– Я заметил, что не все в порядке, но не с тобой. Вернее, не только с тобой. Как я понимаю, все было хорошо, пока мы не пошли купаться. Потом стало очень скверно. Хуже некуда, честно говоря.

– Да-да, после купания... – пробормотала она. – Именно, после... Но я думала, что хорошо держусь, а ты заметил. Как?

– Пожалуйста, – попросил я, – расскажи мне сначала, что ты видишь вокруг? А потом я объясню, как и что заметил. Только не нужно ничего выдумывать, ладно? Я же не хмырь какой-нибудь посторонний, я – Макс, я «свой», я ведь даже когда в ягуара превратился, не стал на тебя нападать, помнишь?

– Ага, только ветчину забрал, – слабо улыбнулась она. – Помню, конечно.

– Ты ведь профессиональный телохранитель, – добавил я. – У тебя интуиция должна быть о-го-го! Ты же чувствуешь, когда рядом неправильный человек. А я – правильный. Мне все можно рассказать по секрету, и я тебя не выдам, правда-правда. Ну? Неужели не веришь?

– Не знаю, – вздохнула Лаюки. – Ладно, сэр Макс, ты меня раскусил. Но все не так плохо: я, конечно, тоже вижу этот прекрасный дворец и прекрасно понимаю, что сейчас мы с тобой сидим у дверей Королевской спальни, но иногда мне мерещится, что...

Она шмыгнула носом – совершенно по-детски – и умолкла.

– Что тебе мерещится? – нетерпеливо спросил я. – Лаюки, что именно тебе мерещится? Скажи, пожалуйста. Это очень важно. От этого зависит безопасность Короля, я уже не говорю об успехе нашего похода...

– Конечно, – обреченно кивнула Лаюки. – Человек, страдающий галлюцинациями, не может оставаться телохранителем Короля, я понимаю... Ладно, ты прав, сэр Макс. От меня, наверное, воняет безумием, как кошачьей мочой на заброшенной ферме... Так вот, иногда мне мерещится, что этот дворец – жалкая лачуга, а сейчас я почти явственно вижу, что Король валяется на полу, как портовый нищий, хотя я же знаю, что он у себя в спальне, на ложе, под шелковым одеялом...

На этом месте она не выдержала и заплакала, да и я чуть не прослезился – от облегчения. Все-таки Лаюки оказалась крепким орешком. Мне бы еще убедить беднягу, что ее «галлюцинации» – и есть самая что ни на есть правдивая картина мира.

– А теперь, – попросил я, – успокойся и послушай меня очень внимательно, Лаюки. Во-первых, у меня есть хорошая новость: никаким безумием от тебя не пахнет. И вторая новость, тоже ничего себе: мы действительно находимся в хижине, а не во дворце. В хижине «забавной муримахской ведьмы» – так говорил о ней Король, когда мы шли по лесной дорожке, вымощенной желтыми кирпичиками, помнишь?

Теперь уже она глядела на меня как на безумца, но я упорно гнул свое. Понимал: ставка очень велика. Либо я сейчас обзаведусь союзником, с которым никакие наваждения не страшны (по крайней мере, чужие наваждения), либо леди Лаюки свяжет меня по рукам и ногам да отволочет в погреб, чтобы не покусал Короля, псих ненормальный.

– Гуриг действительно изволит почивать на полу, бедняга. Можешь протянуть руку и пощупать матрас, на котором он лежит. Дрянной тощий травяной матрас, если тебя интере-

сует мое мнение. А перед этим мы сидели за колченогим столом, и вы трое пожирали какую-то мерзостную серую кашу; впрочем, ты величала ее бабушкиным паштетом, а Моти – сливочным тангом. Мнение Его Величества Гурига Восьмого лично мне неизвестно, а жаль. Хотел бы я знать, что ему примерещилось: он-то, кажется, больше всех ее слопал...

– Он сперва сказал, что ест сырный омлет, такой, как любил в детстве, а потом – ягодный пудинг по старинному хоттийскому рецепту, такой только мама Моти умела готовить, она же выросла там, на границе, – серьезно сказала Лаюки. – Макс, ты говоришь, Король действительно спит на полу? То есть мои видения правдивы? Но этого не может быть. Я же иногда прихожу в себя и вижу, что на самом деле...

– Просто протяни руку и пощупай матрас, – предложил я.

– Но как? Тут же стена... кажется, – беспомощно возразила она.

Тогда я взял ее руку и опустил на край королевского ложа. Лаюки глядела на свою конечность с ужасом, словно бы я и правда помог ей проникнуть сквозь стену.

– Что ты чувствуешь? – требовательно спросил я.

– Ну... похоже на тонкий матрас, да, действительно, – неуверенно согласилась Лаюки. – И, кажется, я трогала край его одежды из туланской шерсти...

Мне надоели эти сомнения и полумеры. Я взял вторую руку Лаюки и заставил ее хорошенько ощупать и матрас, и спящего Короля. Гуриг отмахнулся от нас, как от назойливых мух. Буркнул: «Не сегодня, устал», – и перевернулся на другой бок. Что ж, по крайней мере, во сне он вел себя более чем разумно.

Потом я водил Лаюки по хижине. Заставил ее ощупать шаткий стол, колченогий табурет, ветхий тряпичный коврик у входа, облезлые оконные ставни. Лаюки занозила ладонь; острая щепка оказалась куда более убедительной, чем все предыдущие ощущения, вместе взятые. Лаюки была потрясена.

– Последнюю занозу, – объяснила она, – я вынимала из пальца в детстве, в день принятия Кодекса Хрембера. Мы тогда жили на границе с графством Хотта и как раз собирались возвращаться в Ехо, благо замок Рулх снова стал самым безопасным местом в мире... Заноза – это же просто невозможно! Невероятно...

– Что именно невероятно? – переспросил я.

Лаюки сперва удивилась моей непонятливости, но потом вспомнила, что я чужеземец, и объяснила:

– Сэр Макс, это же общеизвестная вещь: в Королевской резиденции, да и вообще в любом более-менее приличном доме невозможно занозиться, даже если очень захочешь. Действительно невозможно! В старые времена строительство всякого жилища заканчивали специальной церемонией. Всего-то четвертая ступень Черной магии, чрезвычайно полезное заклинание: чтобы дом никаким образом не мог навредить жильцам... Впрочем, теперь тоже так делают, только очень хлопотно стало: надо за специальным разрешением в Иафах ходить, а потом ждать несколько дюжин дней, пока из Ордена Семилистника пришлют специалиста, еще и оплачивать его услуги. Некоторые на этом экономят, но большинство все же предпочитает уладить отношения с новым домом и только потом вселяться... Но чтобы в Королевском дворце занозу в ладонь загнать – немыслимо!

Я изумленно покачал головой: вот оно как, оказывается! А я-то еще удивлялся, что, перебравшись в Ехо, почти перестал набивать синяки и шишки. Прежде-то, дома, чуть ли не каждый день умудрялся стукнуться – не об столешницу, так об угол подоконника, а ведь еще есть такие прекрасные вещи, как форточка, умывальник и, конечно же, дверные ручки. Но в Ехо со мной действительно не происходило ничего подобного. Я думал, все потому, что помещения здесь просторные, а это, оказывается, специальное заклинание действует, четвертая ступень Черной магии, не хрен собачий.

Благотворное воздействие занозы на леди Лаюки невозможно переоценить. Она сразу же собралась, взяла себя в руки, прекратила шмыгать носом и изъяснила готовность внимательно меня выслушать.

– Я могу не доверять своему разуму, – сказала она, – но уж тело-то мне врать не станет, не для того я его сто с лишним лет тренировала. Заноза есть заноза: мы не во дворце, и я, кажется, начинаю припоминать, как мы пришли в эту хижину. Думаю, нас действительно околдовали... Рассказывай, сэр Макс. Как вышло, что ты в порядке?

– Просто я не стал пить ведьмин компот, – объяснил я. А потом постарался как можно более кратко, пока влюбленные не вернулись из сада, описать Лаюки, как выглядела со стороны их трапеза, и пересказать ей краткое содержание приватной беседы с Магистром Моти.

– Он, в отличие от тебя, не испытывает никаких сомнений. Совершенно уверен, что мне мерещится всякая ерунда. Спрашивал, не сожрал ли я что-нибудь в лесу... Потом сказал, что непременно поищет мне хорошего знахаря, завтра с утра. Просил держать безумие под контролем, не портить Королю «первый день под родным кровом». Я пообещал взять себя в руки, и он тут же совершенно успокоился.

– Скорее всего, дело действительно в этом пойле, – признала Лаюки. – Я сделала всего пару глотков, ты не пил его вовсе, а ребята по два стакана осушили. Хотела бы я знать, зачем ей это нужно? Я имею в виду нашу хозяйку. Добро бы кого-то одного попыталась приворожить, дело житейское, все так время от времени делают. Но зачем ей привораживать всех четверых сразу? Да еще и таким странным образом? Чтобы мы сочли ее лачугу родным домом – что за бред? Какая ей от этого выгода? Выкуп, что ли, получить за нас собирается? Ну так она, кажется, и не подозревает, кто мы такие...

– Ну, положим, за простых придворных тоже, наверное, что-то можно получить, – я пожал плечами. – А может быть, ей вовсе и не выкуп нужен. Помнишь, она жаловалась, как тут одиноко и скучно? Вот и решила попробовать: а вдруг мы останемся у нее жить навсегда? Тесно, конечно, зато веселее...

– Да уж, куда как весело, – сурово сказала Лаюки. – Особенно мне. До сих пор ведь мерещится, будто мы с тобой сидим в коридоре дворца, у входа в Королевскую спальню, и только изредка я вижу земляной пол, лачугу и этот матрас дурацкий... И ладно бы мы просто видели дворец вместо хижины, так нет же, она даже в нашу память как-то залезла и все там перелопатила. Гуриг вон весь вечер вспоминал, как резвился здесь в детстве, и Моти тоже вспоминал, да и я кое-что вспомнила. До сих пор отчетливо помню, как мы с Королем вон за той цветастой портьерой от взрослых прятались, и сердце сжимается от умиления, а ведь портьеры этой даже нет в природе – так, наваждение... Что делать-то будем? По-хорошему, надо бы эту красотку арестовать, но не таскать же ее за собой по всему Муримаху! Ума не приложу...

– Что с нею делать, меня как раз не очень беспокоит, – вздохнул я. – А вот что мы будем делать с Гуригом и Моти? Объясняться я уже пробовал, не помогло. Может быть, конечно, они к утру сами очухаются, как думаешь? И ты заодно придешь в себя окончательно.

– Не знаю, – с сомнением протянула Лаюки. – Я бы на ее месте ради одного вечера не стала хлопотать. Если уж ей действительно так скучно и одиноко... Боюсь, к утру вряд ли что-то изменится. Хорошо, если я ошибаюсь, но...

– Для начала надо просто с нею поговорить, – решил я. – Надо дождаться, пока они с Моти вернутся – поцелуи под кустом дело хорошее, но вряд ли они в лесу останутся спать. Здесь какая-никакая, а все же крыша над головой... Пусть себе Моти дрыхнет, толку от него сейчас никакого, скорее наоборот, а вот барышне придется еще раз прогуляться на свежий воздух. Объясним бедняге, во что она вляпалась. Пообещаем, что, если быстро и качественно исправит то, что натворила, в Холоми ее, так и быть, не поволокнут. Как по мне – пусть себе гуляет на воле. Не жалко.

Лаюки нахмурилась.

– Ладно, там видно будет, – неохотно согласилась она. – Лишь бы не оказалось, что у нее вовсе нет противоядия. А то навидалась я этих лесных колдунов: порой такого наворожат, что сами потом не знают, куда деваться...

– Ну, – я пожал плечами, – тогда просто придется махнуть на все рукой и вернуться в Ехо, там-то уж вас точно приведут в порядок. А потом начнем сначала...

Лаюки аж побледнела от негодования.

– Да ты что?! Сам не понимаешь, что говоришь! Даже представить боюсь, что станется с Соединенным Королевством, если мы возьмем, да и вернемся с полпути. Гуриг мне объяснял, тут такой принцип: пока жив, лучше идти вперед, и будь что будет... Ничего, если чары снять не удастся, я с ним поговорю, напому, зачем мы на Муримахе. Если ему кажется, что тут его дом – ладно, пусть так и будет. Пообещаю, что, сделав дело, можно будет вернуться обратно, придумаю что-нибудь... Но возвращаться в Ехо нам никак нельзя!

Я невольно поежился от такой перспективы. Путешествовать по лесам Муримаха с неведомой и невнятной целью – это еще куда ни шло. Но проделывать это в компании двух с половиной безумцев, один из которых, ко всему, еще и коронован, мне совсем не хотелось.

Впрочем, я отлично понимал, что меня никто не спрашивает.

– Ты устал наверное? – вдруг спросила Лаюки. – Мы-то все хоть после купания вздремнули, а ты убежал куда-то. Можешь пока отдохнуть, если заснешь, я тебя разбужу, когда время придет. К тому же хозяйка на тебя весь вечер косились как на самого подозрительного типа в нашей компании – теперь понимаю почему. Ей будет спокойнее, если она увидит, что ты дрыхнешь.

Идея Лаюки показалась мне дикой и соблазнительной одновременно. «Как?! Спать в такой ситуации?! Немыслимо!» – вопил мой растревоженный разум. «О-о-о! Спать! Ну да, а что еще, собственно, делать, как не спать?» – обрадовалось тело.

Нечего и говорить, что в этом споре у разума не было никаких шансов. Я закрыл глаза, клятвенно пообещал самому себе: «Это только на минуточку, чтобы расслабиться, спать не буду ни в коем случае!» – и сам не заметил, как задремал, прямо на земляном полу, даже спальный мешок из рюкзака достать не потрудился.

Проснулся я совершенно самостоятельно, внезапно и, как мне поначалу показалось, ни с того ни с сего. Только секундой позже понял, что разбудил меня плач. Кто-то ревел в голос, с подвываниями, но далеко, снаружи, не то в саду, не то и вовсе в лесу. Прислушавшись, я понял, что плачет женщина, да не одна, а две сразу. Я помотал головой, чтобы привести себя в чувство, вспомнил печальные обстоятельства нашего ночлега, огляделся по сторонам в поисках Лаюки. Гуриг по-прежнему спал на своем матрасе, у противоположной стены мирно посапывал Моти, а вот ни нашей телохранительницы, ни хозяйки в хижине не было. Проклиная все на свете, я кинулся в сад.

Там было темно, да так, что и глаза открывать не имело смысла. Небо затянуто тучами, ни тебе луны, ни даже звезд. Но плач стал громче, и я побрел к источнику этого печального звука, то и дело натываясь на древесные стволы. Под одним из деревьев я и нашел обеих женщин. К моему несказанному изумлению, они сидели обнявшись и рыдали дуэтом. Мое появление их не успокоило, а кажется только пуще раззадорило. Вцепились друг в дружку, как сестренки на невольничьем рынке, глядеть больно.

– Что стряслось? – спросил я. – И почему меня не разбудили? Лаюки, мы же вместе собирались...

– Прости, – сквозь слезы пробормотала Лаюки. – Илка попросила тебя не будить.

Ага. Значит «Илка». Гляди-ка, подружились, кто бы мог подумать... Я обдумал ситуацию и понял, что эта скороспелая девичья дружба мне очень не нравится. Почему – фиг знает. Не нравится, и все тут.

– Я решила: ладно, действительно, я и сама справлюсь, если что, – захлебываясь плачем объясняла Лаюки. – Но тут, в общем, не с чем справляться. Теперь нам уже никто не поможет. Это... Это так грустно и страшно!

Глядя на ее зареванную мордашку, я окончательно убедился, что творится неладное. Все же Лаюки – не избалованная барышня из знатной семьи, для которой самые великие душевные потрясения – смерть престарелой болонки, да посещение поэтического вечера в трактире «Трехрогая Луна». Она как-никак личный телохранитель Короля, дочка и ученица одного из величайших воинов в истории Соединенного Королевства. За несколько дней совместного путешествия я успел убедиться, что ее невозмутимость и здравый смысл выше всяких похвал, разве только мой коллега, сэр Шурф Лонли-Локли мог бы с нею потягаться. Но Шурф обычно держался строго и даже сурово, а Лаюки приветлива и весела как птичка, поэтому ее уравновешенность, пожалуй, впечатляла меня даже больше.

Впрочем, что там меня впечатляло, а что нет – дело десятое. Факт остается фактом: та леди Лаюки, которую я знал, не могла вот просто так, ни с того ни с сего, рыдать в три ручья на груди у малознакомой государственной преступницы, только что успешно покусившейся на Королевский рассудок. Тем более ничего непоправимого не случилось: все мы пока что живы и здоровы, а трезвый ум и память – дело наживное.

– Лаюки, – строго спросил я, – с какой радости ты так ревешь? Что случилось?

– Ты не представляешь, сэр Макс, – прошептала она. – Такое... такое... такой ужас! Представляешь, кроме нас никого не осталось во всем Мире! Ни единого человека. Пока мы тут бродили по лесу, все умерли: и в Соединенном Королевстве, и на других материках, даже в Красной Пустыне Уандука ни единого дикаря не осталось. И только мы вчетвером тут как-то чудом уцелели, и еще Илка. А лучше бы... лучше бы не-е-е-е!..

Признаюсь честно: в первую секунду я ей поверил. Несколько дней в лесу, без связи с внешним миром – для человека, привыкшего сперва к телефонам, а после – к еще более удобной и безотказной Безмолвной речи, это кое-что да значит. Люди часто даже не подозревают, насколько они эгоцентричны, а ведь в глубине души почти каждый способен поверить, будто человечество может взять да и погибнуть в одночасье – только потому, что он, такой распрекрасный и важный пуп земли, долгое время не получал ни единого известия об этом самом человечестве. Как же оно там без присмотра, в самом-то деле!..

Словом, я поверил. Почти целую секунду я был в аду. Сердце мое рвалось вон из груди, на свежий воздух, но, к счастью, не сумело пробиться, застряло на полпути, где-то в ребрах. Я захлебнулся ужасом и скорбью, как мутной болотной водой; еще немного, и волна эта, пожалуй, утащила бы меня на дно, но я как-то выстоял, выжил, вынырнул на поверхность, перевел дыхание и осознал наконец, что Лаюки городит чушь, полную ерунду, попросту бредит. С какой бы стати человечеству погибать? А даже если и так, неужто все представители гибнущего человечества потрудились доложить о своей кончине двум совершенно незнакомым девицам? Ну или одной из них, какая, к Темным Магистрам, разница...

– Лаюки, – спокойно, но очень твердо сказал я. – Немедленно встань и подойди ко мне.

Она поглядела на меня с некоторым сомнением, потом пожала плечами и обернулась к своей новой подружке, но та сидела, понунив голову и не размыкала объятий. Поэтому Лаюки не сдвинулась с места: не могла, да и не очень-то хотела, кажется.

– Пожалуйста, подойди ко мне, – попросил я. – Если ты сию секунду не встанешь, я начну колдовать – вот, к примеру, метну в тебя Смертный шар. Ты же наверное слышала сплетни, будто мои Смертные Шары не убивают, а подчиняют волю? Ну так это чистая

правда. Уверяю тебя, ты вскочишь как миленькая, зато Королевской миссии на Муримахе тогда уж точно каюк. Ты меня понимаешь?

Это, как ни странно, подействовало. Хотя, казалось бы, зачем нужна какая-то Королевская миссия, если кроме нас на этой планете не осталось ни единого живого человека... Но Лаюки тут же высвободилась из цепких лапок ведьмы и двинулась на меня. Выглядела она, надо сказать, угрожающе, несмотря на размазанные по щекам слезы и сопли.

– В драку лезть не советую, – на всякий случай предупредил я. – Ты меня, конечно, пополам переломишь, но Смертный шар я метнуть успею. И сделайте потом что хотите – без меня.

Она взглянула на меня оценивающе, поняла: да, действительно, успею, притормозила. Заодно и реветь перестала – каков прогресс!

– Достаточно, – сказал я, когда между нами осталось метра полтора. – Остановись пока. А теперь, пожалуйста, объясни мне еще раз: откуда ты знаешь, что человечество погибло? Кто тебе сказал? И самое главное: ты проверила информацию?

– Я... – она запнулась, беспомощно оглянулась на подружку, но та не стала ей помогать. – Я... Но как я могу проверить?

– Вот с этого и нужно начинать, – примирительно сказал я. – Проверить проще простого: послать зов кому-нибудь из знакомых – для начала. Но этого мы делать пока не будем, не дергайся, Лаюки. Обещаю: я не буду колдовать, пока ты держишь себя в руках. Давай вернемся к погибшему человечеству: кто сказал тебе такую чушь?

– Илка сказала, – неуверенно пробормотала Лаюки. Встрепенулась, утерла мокрые щеки тыльной стороной ладони, снова обернулась к ведьме: – Илка, это ведь ты мне сказала. Ты ворожила, глядела в свое Зеркало Ночи и увидела там ужасную картину, да?

Ведьма упорно молчала. Я подошел к Лаюки и осторожно положил руку на богатырское плечо.

– Ты сама начинаешь понимать, правда?

Она посмотрела мне в глаза, и я увидел, что дело пошло на лад: взгляд из-под слипшихся от слез ресниц был ясным, удивленным и, хвала Магистрам, сердитым.

– Просто еще одно наваждение, – наконец сказала Лаюки. – Я переоценила свои возможности, сэр Макс. Надо было разбудить тебя, как договаривались. Вернемся домой, подам прошение об отставке: по моей вине могло произойти...

– Стоп! – заорал я. – Какое прошение, какая отставка?! Нашла время...

В этот момент ведьма благоразумно решила, что нас с Лаюки следует оставить наедине, и принялась тихонько отползать в кусты. Я видел ее маневр, но не успел отреагировать, зато стоявшая к ней спиной Лаюки, не оборачиваясь, прыгнула назад, схватила подружку за шиворот и передала мне, из рук в руки.

– Прости, Илка, – спокойно сказала она, – но я, пожалуй, больше не буду с тобой обниматься. Не нравится мне эта идея.

Ведьма оказалась верткая, но не слишком сильная, так что я вполне мог ее удержать. Встряхнул хорошенько, приказал:

– Не выдирайся. Удерешь – только хуже будет. Ты и так уже натворила, мало не покажется, на четыре пожизненных заключения в Холоми, по моим расчетам. Собственно, все еще можно исправить. Просто дай ребятам противоядие от твоего зелья, и мы все забудем. Делать нам нечего – с тобой возиться.

– Надо было сразу сказать, что этот парень с вами – Король, – буркнула ведьма. – Ничего бы и не было: я же не дура... Да я и так ничего страшного не сделала, зелье совершенно безобидное. Мне просто хотелось, чтобы вы погостили подольше...

– «Подольше» – это сколько? – уточнил я.

– Ну... до следующего года хотя бы.

Лаюки тихо зарычала, я укоризненно покачал головой.

– Ничего страшного, Лаюки. Все, как мы и думали. Ты скажи лучше, что у вас случилось? Что это за бредовая история с погибшим человечеством?

– Мы вышли в сад поговорить, – неохотно ответила она. – Я велела ей немедленно нас расколдовать, объяснила, что она совершила очень серьезную ошибку. А Илка сказала: теперь уже все равно. Дескать, она каждый день после заката глядит в какое-то свое волшебное Зеркало Ночи – ну, чтобы знать, как там дела в Море. Другого способа узнать новости тут у нее нет... Ну вот, она поглядела, а там – все умерли. На Муримахе, на материке, вообще везде. Нигде живых людей не осталось, кроме нас. Лойсо Пондохва вернулся, и вот, устроил конец Мира, как и обещал, а нас лес спас. Илка говорит, он тут волшебный...

Я, чего греха таить, вздохнул с непередаваемым облегчением.

– Ага. Значит, Лойсо Пондохва виноват. Ну-ну... Тревога отменяется, Лаюки. Можешь расслабиться. Теперь уж точно можешь. Никуда не делось твое человечество, лежит сейчас по теплым постелькам, сладкие сны смотрит, гарантирую.

Тут дело вот в чем: величайший злодей прошлого, самый грозный колдун этого Мира, живая легенда Смутных Времен и – так уж сложилось – мой близкий друг сэр Лойсо Пондохва, бывший Великий Магистр Ордена Водяной Вороны, в настоящий момент отбывал заключение в собственном персональном аду. Этот знойный, пустынный и унылый мир снился мне с завидной регулярностью; в этих снах мне было невыносимо жарко, а легкие болели от сухого, раскаленного ветра, зато сэр Лойсо развлекал меня болтовней о старых добрых временах, исподволь учил уму-разуму и не забывал проследить, чтобы я не попытился от невыносимого зноя, а своевременно проснулся в собственной постели. Строго говоря, «снами» мои визиты к Лойсо можно было назвать лишь для успокоения совести: уж не знаю, что там на самом деле происходило между нами, но после таких «снов» руки мои поутру оказывались исцарапаны жесткой сухой травой, голова раскалывалась от усталости, а в волосах было полно белого крупного песка.

Тем не менее, я всякий раз благополучно просыпался дома, а вот что касается самого Лойсо, выбраться из этой ловушки у него не получалось даже с моей помощью. Я-то, честно говоря, очень старался. Во-первых, идея уничтожить Мир сэру Лойсо давным-давно надоела, а во-вторых – и это, стыдно признаться, самое главное, – я терпеть не могу тюрьмы и ловушки. Я из тех придурков, которые постараются во что бы то ни стало выпустить тигра из капкана, и только потом станут оглядываться по сторонам в поисках надежного укрытия для собственной шкурки. Не сомневаюсь, что Лойсо нутром чуял во мне потенциального освободителя, потому и нянчился со мною как мог.

Но так или иначе, а я в ту пору был одним из немногих посвященных, которые точно знали, что Лойсо Пондохва безопасен, как новорожденный котенок. Рассказ ведьмы о гибели человечества был наглым, беспомощным и бесстыжим враньем – что и требовалось доказать. Не то чтобы я действительно сомневался, но в некоторых случаях дополнительные, избыточные доказательства необходимы как воздух. Что ж, теперь они у меня были – и хвала Магистрам!

Лаюки, как я понимаю, поверила в гибель человечества под влиянием давешнего зелья; возможно, наша хозяйка еще как-то дополнительно поворожила, не зря же они так крепко обнимались. А стоило ей высвободиться, и сразу же в себя пришла, молодчина... Нет, правда, умничка. Это мне, колдовского компота не пившему, легко быть умным и здраво-мыслящим, а ей-то каково?!

– Значит так, – грозно сказал я, снова встряхивая ведьму. – Лично я вижу два варианта развития событий. Первый: ты, душа моя, немедленно отправляешься на кухню, готовишь там хорошее противоядие, мои друзья принимают его, приходят в себя, и мы, счастливые и довольные друг другом, расстаемся навек. Второй: ты говоришь, что противоядие быстрее,

чем за две дюжины дней приготовить невозможно, к тому же для него требуются специальные травы, которые растут только в Арварохе, а значит, надо ждать еще полгода, пока их доставят сюда на корабле, и все в таком духе. Я сворачиваю тебе шею, с честью хороню в ближайшем овраге, сажаю там куст маргариток, увлажняю рукава слезами, и мы с леди Лаюки везем наших спутников домой, где их быстро и эффективно вылечат. Выбирай.

– Травы из Арвароха мне без надобности, – буркнула ведьма. – Лекарство можно приготовить к утру. Только потом всем придется искупаться: некоторые части состава я кладу в купальне, чтобы они проникали в тело вместе с паром. Одно без другого не работает.

– Вот это разговор! – одобрительно сказал я. – Единственное что плохо: вместо того чтобы спать, мне придется тебя сторожить. Ну ничего, потерплю как-нибудь. Пошли.

Мы с ведьмой отправились на кухню; Лаюки, глубоко потрясенная моими инквизиторскими замашками, плелась следом.

– Тебе надо поспать, – ласково сказал я. – У тебя был трудный день и та еще ночь. Да и завтра не День Свободы от забот, это я тебе обещаю.

– А ты? – вяло возразила она.

– А я уже поспал. И завтра продолжу, как только вы все придете в чувство. Улягусь под ближайшим деревом и буду дрыхнуть дюжину часов кряду, делайте что хотите. Но сейчас твоя очередь.

– А ты справишься? – неуверенно спросила Лаюки.

– Я, конечно, вполне беспомощный болван, зато не пил этого вашего зелья. Если уж я не справлюсь, значит, никто не справится. Увижу, что дело плохо, выполню свою угрозу, – я бросил на ведьму вполне кровожадный взгляд и даже облизнулся для пущего эффекта. – Люблю, знаешь ли, сворачивать головы живым людям, и непременно голыми руками, чтобы позвонки хрустели под пальцами. Маленькая слабость большого человека, вполне простибельная, ты не находишь?

– Иногда даже полезная, – ухмыльнулась Лаюки. И пошла в дом, спать. А мы с ведьмой отправились в небольшой сарайчик, стоявший на некотором удалении от ее хижины. Там и располагалась ее алхимическая лаборатория.

Ну, «лаборатория» – это, честно говоря, сильно сказано. Больше всего сарайчик был похож на обыкновенную летнюю кухню. Я даже ни единого трупа летучей мыши там не обнаружил, о мертвецких головах да крысиных хвостах и вовсе речи не было. Только пучки сухих и свежих трав, аккуратные баночки с порошками и приправами, громоздкая жаровня, дровяная печь и два старых котла из дешевого желтого металла – побольше и поменьше.

Ведьма взяла маленький, налила воды, поставила на огонь. В большом принялась толочь какие-то сухие соцветия. Я уселся поудобнее в дверном проеме и потребовал:

– А теперь рассказывай, леди Илка. Ради чего ты все это затеяла, я примерно понимаю. Одурела от одиночества, бывает. Но с какой стати ты Лаюки про гибель человечества рассказала? Зачем? Что за чушь.

– Ну, – довольно равнодушно ответила ведьма, – я просто очень испугалась. Толстуха пригрозила, что засадит меня в Холоми, вот я и решила: рискну. Расскажу ей, что в Мире не осталось людей, кроме нас, сделаю так, чтобы она поверила моим словам. Когда человек выпил моего зелья, это несложно: он всему, что я скажу, верит. Мы поплачем вместе, подружмся, а там, глядишь, проснется Моти, я ему во всем признаюсь, он меня выручит. Неужели непонятно?

– Да нет, вполне, – вздохнул я. – Значит, Лаюки перегнула палку. Зря все-таки вы меня не разбудили. Я бы сразу объяснил, что не собираюсь волочь тебя в тюрьму. Если с ребятами все будет в порядке – на кой мне лишние хлопоты? В Холоми и без тебя тесно.

– Правда, что ли? – недоверчиво спросила она.

– Правда, правда. Вот если ты их отравишь, тогда точно придется тебе шею свернуть – и это, учти, будет для тебя не самый худший исход дела. А если они оклемаются, перестанут талдычить, будто «вернулись домой», и величать твою хижину «дворцом» – будем считать, что это было просто дурацкое приключение. Забавное, в общем. Не хуже моего подвига с вурдалачьими ягодами.

– А ты ел вурдалачьи ягоды? – заинтересовалась ведьма. – И в кого превратился?

– Ребята говорят, в огромного хищного кота. Пришел в себя поутру, на дереве. Полчаса потом слезал, как не упал – ума не приложу. Но ничего, смешно было.

– Ты, наверное, хороший убийца, – неожиданно заключила ведьма. – Совсем не злой. Злые убивать толком не умеют, все у них через пень-колоду, а ты веселый. Это и страшно.

Я озадаченно покачал головой. Сомнительный, честно говоря, комплимент. Но мне почему-то было приятно.

– Ты не беспокойся, – какое-то время спустя сказала ведьма. – Я их не отравлю, все будет хорошо. Я не такая уж дура, как может показаться. Сама не рада, что Короля околдовала. Даже и неплохо вышло, что ты зелье не пил и все быстро понял. А то осталось бы Соединенное Королевство без Короля, рано или поздно его бы нашли – и что бы тогда со мной случилось? Подумать страшно.

– А как ты вообще решилась? Ну хорошо, не знала, что среди нас Король. Но если бы придворные пропали, их бы тоже стали искать.

– Не обязательно. И уж точно не так старательно, как Короля. Послали бы пару-тройку юных бездельников из этого вашего Семилистника, я бы, пожалуй, сумела им глаза отвести. В наших лесах часто люди пропадают, обычное дело. Никто бы не удивился... Тут видишь как вышло: понравились вы мне, все – ну, кроме толстухи. Мне вообще женщины редко нравятся. Я даже призадумалась: с кем из вас первым любовь крутить? Решила начать с того, кто сам захочет. У меня давно никого не было: ни мужчины, ни даже просто дружков-приятелей. Лет пятьсот уже сижу тут одна, почти никто мимо не ходит. Когда-никогда... И тут такой соблазн. Конечно, я не устояла – а кто бы устоял?

– А зачем сидишь-то? – спросил я. – Пятьсот лет одна – это же рехнуться можно.

– Вот я и рехнулась, – спокойно согласилась ведьма. – Давно уже. А на месте я сижу потому, что жить мне, как ни странно, пока не надоело. Если уйду отсюда, за год стану старухой и – все, прощай, Илка! А тут место мое, заговоренное, сколько труда и силы в него мои прабабки вложили, да и я сама успела... Меня, как старое дерево, нельзя пересаживать. Понял теперь, почему мне в Холоми не хочется? Так-то я бы посидела, говорят, там красиво, и кормят хорошо.

– Да, очень неплохо, – согласился я, припомнив свое кратковременное пребывание в главной государственной тюрьме. – Грустная история. Тебе не позавидуешь, но и уговаривать: бросай все, попробуй устроиться на новом месте – как-то глупо.

– Глупее не бывает. Старухой я становиться не хочу, да и помирать как-то... ну, боязно, что ли. Я уже настроилась пожить подольше, привыкла к такой мысли. Нет уж, никуда я отсюда не поеду.

– Да, пожалуй, не стоит, – согласился я. – Тебе еще бы соседей хороших...

– Да кто тут жить захочет? – проворчала Илка. – Нет таких дураков!

– Ну, не скажи. Есть люди, у которых дома жизнь не заладилась, куда угодно сбежать готовы. Есть и такие, кому хочется спокойно встретить старость на лоне природы. Просто никто не знает, что где-то в лесах Муримаха есть дорожка, выложенная желтыми кирпичами...

– Не всякое соседство лучше одиночества, – с сомнением протянула ведьма. – А как ты думаешь, этот красавчик, Моти, он теперь не захочет остаться, да?

– Не знаю, захочет ли, но точно не сможет. Мы же сюда не развлекаться приехали... Другое дело, что для человека, владеющего искусством Темного Пути, на край света на свидания бегать – не проблема. Но вообще-то о таких вещах не меня надо спрашивать, а его.

Илка ничего не ответила, но глаза ее засияли, а губы сложились в мечтательную улыбку. Кажется, она действительно влюбилась по уши.

– По крайней мере, любовного зелья я ему не давала, – наконец сказала она. – Что давала – так оно совсем иначе действует. Лачуга моя ему поутру быстро разонравится, да и стряпня, пожалуй. А я – не обязательно...

– Кстати о стряпне, – меня аж передернуло от воспоминания о серой каше. – Зачем ты эту отраву на стол подала? Хотела убедиться, что твоя ворожба действует?

– Так у меня больше ничего не было, – призналась она. – Пришли голодные гости, а в доме никакой еды, только лесных ягод горсточка: мне-то самой много не надо. Пришлось истолочь и сварить листья дерева вахари. Они безвредные, вернее сказать, даже полезные, такую кашу ослабленным дают и еще роженицам. Невкусно, да, согласна, но вреда никакого.

– Ясно, – вздохнул я. – Это меня больше всего впечатлило: как ребята кашу твою жуткую за обе щеки наворачивали. Аж пот холодный прошиб.

– А меня, думаешь, не прошиб, когда я поняла, что ты по-прежнему видишь вещи такими, какие они есть? – невесело усмехнулась ведьма. – Я от страха чуть не обмочилась... Моти потом стал мне рассказывать, что ты, дескать, захворал. Просил позвать к тебе дворцового знахаря. А я слушала и все на свете проклинала. Ума не могла приложить, как от тебя избавиться, чтобы не портил мне веселье. Как видишь, так ничего и не придумала. Я вообще от людей отвыкла, не знаю, как с вами обращаться, где схитрить, где правду сказать... Ну и ладно.

Услышав такое признание, я задумался. До сих пор поведение Илки казалось мне натуральным злодейством. Нет, ну в самом деле: втерлась в доверие к усталым путникам, напоила каким-то мудреным колдовским зельем, внушила черт знает какие глупости, лишь бы не ушли никуда, остались ее развлекать... А ведь на самом деле никакого «преступного умысла» в ее поступках не было. Просто – ну да, забыла, как следует обращаться с людьми, а может, и не знала никогда. Я сам за пятьсот лет в лесу, пожалуй, еще и не так одичал бы. Какой с нее спрос?

Со мной так часто бывает: встанешь невольно на точку зрения противника, а потом глядишь – никакого противника уже и в помине нет. С кем теперь сражаться – совершенно неясно. Хорошо хоть, что я не такой уж большой любитель сражаться, а то бы, конечно, жизнь была бы полна разочарований...

Я едва дождался утра. Все-таки пара часов сна после долгого дневного перехода и доброй дюжины потрясений – меньше, чем просто мало. На рассвете я чуть было не отрубился, привалившись к дверному косяку, но нечеловеческим усилием воли заставил себя встать на ноги и умыться. Расслабляться было рано: спутники мои по-прежнему оставались во власти дурацких ведьминых чар, а положиться в таком деле на честное слово моей новой приятельницы я не мог. Мало ли, что она там еще придумает, если увидит такого страшного и грозного меня спящим и беспомощным. Ей радость, а мне – новые проблемы.

За завтраком я почти не разговаривал со своими спутниками. Леди Лаюки тоже молчала как рыба и вообще выглядела подавленной и даже больной. Что же до Короля и Магистра Моти, которые щебетали, как утренние птички, ничего нового и интересного они пока не могли мне сообщить – разве только описать красоту несуществующих потолочных балок и якобы знакомых им с детства парадных ковров. Очень увлекательно, конечно, но мне эта тема уже изрядно поднадоела. Зато я внимательно проследил, чтобы они выпили по полному стакану спасительного зелья, приготовленного при моем пассивном участии.

Ведьма Илка соблюдала наш уговор: сидела рядом со мной и не предпринимала никаких попыток смыться. Сразу после завтрака мы с нею отправились готовить купальню – «приготовление», собственно, оказалось совсем простой процедурой. Бормоча себе под нос какое-то рифмованное заклинание, она кинула в воду несколько щепоток травы и горсть цветных кристаллов, похожих на ароматную соль.

– Все, – вздохнула ведьма. – Теперь они должны искупаться и потом полчаса подремать на берегу. Проснутся нормальными людьми, не переживай.

– Это ты не переживай, – ехидно сказал я. – И держись ко мне поближе – пока они не проснутся.

– Да ладно тебе, – устало отмахнулась она. – Все будет хорошо, не в первый раз делаю. Как, по-твоему, я избавляюсь от надоевших гостей?

– То есть это твоё зелье действует сколь угодно долго?! – изумился я. – Хотя всю жизнь – если противоядие не принять?

– Не знаю, честно говоря, – равнодушно ответила Илка. – Никогда не удавалось дожидаться, чтобы оно само прекратило действовать. Мне, видишь ли, до сих пор довольно быстро все надоедало. И вы бы, наверное, надоели. Да тесно нам было бы впятером, как я теперь понимаю. Столько народу у меня ещё никогда надолго не останавливалось.

– Нет чтобы сразу это сообразить, – проворчал я. – И всем было бы хорошо, а я бы сладко спал до полудня...

И мы пошли звать моих спутников в купальню. Их ещё и уговаривать пришлось, между прочим. В придачу ко всем бедам, Магистр Моти волком на меня смотрел: решил, что я клеюсь к его подружке. Но я мужественно терпел его укоризненные взгляды. Надеялся, что мучиться нам всем осталось недолго.

После купания несчастные жертвы колдовства задремали на лужайке, как и было обещано. Мы с ведьмой сидели на травке, ждали. Я отчаянно зевал, чуть челюсть не вывихнул. Илка откровенно наслаждалась моими страданиями, только что вслух не хихикала. Её можно понять: нет ничего слаще для пленника, чем мучения конвоира.

Первым проснулся Гуриг. Вскочил, встревоженно озираясь по сторонам, увидел меня, успокоился и даже заулыбался.

– Сэр Макс, я правильно понимаю, что это ваших рук дело?

Я опешил.

– Что именно?

– Затрудняюсь сформулировать, – он нахмурился, массируя виски. – Есть у меня такое нехорошее ощущение, что вчера я вел себя как последний идиот. И все остальные тоже – кроме вас. Вы, как мне показалось, не участвовали в общем хоре, верно? Смотрели на нас, как на последних придурков – и, боюсь, правильно делали. Я довольно смутно все это помню, только в общих чертах, как после хорошей попойки – мне, впрочем, всего два раза в жизни удавалось напиться до такого состояния. Наследных принцев все же слишком строго воспитывают, и это, конечно, сущее безобразие... Надеюсь, вчера вечером вы получили хоть какое-то удовольствие, наблюдая за нами.

От изумления я чуть сознание не потерял.

– Так вы думаете, это я вас околдовал?

Истинная виновница происшествия ехидно ухмыльнулась, прикрывая рот загорелой ладошкой. Если бы я мог испепелить человека взглядом, от нее бы уголька не осталось, да и Его Величество, боюсь, начал бы понемногу дымиться.

– Ну что вы. – Гуриг укоризненно покачал головой. – Конечно, я так не думаю. Когда я сказал «ваших рук дело», я имел в виду своё нынешнее пробуждение. Очень мило с вашей стороны, сэр Макс: оказывается, находиться в здравом уме чрезвычайно приятно.

– А, – протянул я. – Ну, тогда хорошо. Рад, что вам нравится... Простите, я соображаю как-то не очень. Не спал... А с вами точно все в порядке? Больше не думаете, что вернулись домой?

– Да-да, как же, припоминаю. Возвращение домой – это была основная концепция моего вчерашнего ликования, – усмехнулся Гуриг. – Вот уж не думал, что я столь сентиментален... Да вы не беспокойтесь, сэр Макс. Все действительно в полном порядке.

В это время зашевелился Магистр Моти, и ведьма потянула меня за рукав.

– Можно я сперва с ним поговорю? А то потом он и слушать меня не станет...

– Ладно, – согласился я. – Говорите сколько влезет, мне не жалко. Советую выложить ему чистую правду – вот как мне рассказала. Это лучше всяких выдумок, честное слово. Мы тебе понравились, а он больше всех, и ты захотела, чтобы мы погостили подольше. Дурацкая история, но вполне трогательная. Уж куда лучше, чем выдумки про внезапную смерть человечества...

– А что, и такое было? – изумился Гуриг.

– Было, было. Страшная сказка на ночь, специально для меня, – проворчала леди Лаюки. Она, как я понял, давно уже не спала. Лежала тихонечко, прислушивалась к нашей беседе и к своим ощущениям. – Я, можете представить, поверила и полночи проревела на груди у этой гадины, – сказала она Гуригу. И снова завела давешнюю песню: – Когда вернемся в Ехо, мне следует подать в отставку. Все произошло исключительно по моему недосмотру. Если бы не сэр Макс, мы бы застряли тут до следующего года. Вот какой телохранитель вам нужен!

Я внутренне содрогнулся. Вот уж не было печали!

– Не говори глупости, Лаюки, – отмахнулся Гуриг. – Мы все вчера были хороши, не ты одна.

– Да что тут вообще происходит?! – жалобно спросил Моти. – И что вчера-то было? Я вообще почти ничего не помню, кроме...

Кроме чего – нам так и не удалось выяснить: Илка резво ухватила его под локоток и поволокла куда-то в заросли, объясняться. По дороге Моти все время оборачивался и корчил мне ужасающие, победоносные рожи. Надо понимать, все еще считал меня своим соперником. Король тем временем яростно спорил со своей телохранительницей. Лаюки с жаром доказывала, что абсолютно все беды и несчастья Соединенного Королевства произошли именно по ее вине; Гуриг, напротив, утверждал, будто этот Мир до сих пор не рухнул исключительно благодаря личным усилиям леди Лаюки. Я начал думать, что ведьма, конечно, выполнила свое обещание, но от этого в сущности ничего не изменилось: меня по-прежнему окружала компания безумцев. Стоило ли вообще стараться?

– С вашего позволения я немного посплю, – вежливо сказал я и опустил на траву. Решил: будь что будет, пусть теперь сами разбираются. Взрослые люди, качественно расколдованные. Не пропадут небось.

В последний момент я вспомнил еще кое-что.

– Вы там без меня Илку не обижайте, – строго сказал я. – Я ей обещал...

– Магистры с вами, сэр Макс! Зачем бы нам кого-то обижать? – удивился Король.

Зато леди Лаюки еле слышно скрипнула зубами. Я предпочел думать, что этот звук символизирует согласие.

Когда я открыл глаза, солнце уже миновало зенит; впрочем, до заката было еще далеко. Кто-то заботливо поместил мою голову в тень кустарника, так что чувствовал я себя гораздо лучше, чем положено человеку, несколько часов проспавшему на солнцепеке. «Гораздо лучше», да, но все же далеко не идеально. Башка налилась свинцом, одежда пропиталась

потом, да и настроение почему-то было довольно скверное – хотя, казалось бы, с какой стати? Такова, вероятно, участь всякого победителя.

Одна радость: тушка моя покоилась в нескольких метрах от купальни. Избавившись от одежды, я плюхнулся в горячую воду и от души пожалел, что не могу остаться жить в этом источнике навсегда, хотя бы в качестве экзотической рыбки. Впрочем, четверть часа спустя я пересмотрел свою позицию по этому вопросу и сдался. Решил вернуться к сухопутной жизни, если уж все так сложилось.

Одевшись, я решил разыскать своих спутников. Магистры их разберут, во что еще они могли вляпаться, пока я спал. Доверия к жизни у меня, кажется, совсем не осталось. Я почти не надеялся, что у них все в полном порядке. К хижине шел с замирающим сердцем: что там меня ждет?

Однако я стал свидетелем настоящей идиллии. Все четверо сидели за столом и наворачивали шоколад из наших припасов. Магистр Моти ласково обнимал хрупкие плечики ведьмы, Его величество Гуриг Восьмой, бурно жестикулируя, травил какую-то уморительную байку, и даже к леди Лаюки вернулась ее обычная безмятежность.

Мое появление несколько омрачило сцену. Все четверо притихли и глядели на меня, виновато улыбаясь, будто я застукал их за каким-то, как минимум неприличным занятием. Я почувствовал себя отцом большого семейства, раньше времени вернувшимся с работы.

– С нами все в порядке, сэр Макс, – поспешно сказал Король. – Мы просто так веселимся. Никто не пил никакого зелья. Просто хорошее настроение.

– Ну и правильно, – согласился я. – Дайте шоколадку, и у меня оно тоже будет хорошее. Чем больше шоколада мне достанется, тем лучше будет настроение...

Мне протянули сразу четыре плитки. Как убежденный монархист, я взял шоколадку из рук своего Короля и с удовольствием отправил в рот чуть ли не половину.

– А почему у вас такой виноватый вид? – спросил я. – Что-то еще натворили?

Они с явным удивлением переглянулись. Гуриг рассмеялся первым.

– Думаю, я понимаю, в чем дело, – сказал он. – Мы чувствуем себя виноватыми после вчерашнего. Нас, конечно, околдовали против нашей воли, но нам было хорошо – по крайней мере, нам с Моти. Очень хорошо, понимаете, сэр Макс? А вам рядом с нами было плохо: вы видели, что дело неладно, искали выход, спасали нас как-то – и благополучно спасли, за что вам огромное спасибо! Ничего удивительного, что мы чувствуем себя виноватыми. Так, как если бы мы по собственной воле напились джубатыкской пьяни и всю ночь приставали к вам с глупостями, понимаете?

– Пожалуй, – улыбнулся я. – Ладно, все хорошо, что хорошо кончается. Дальше-то пойдём? До вечера еще немало можно протоптать...

Они заговорили почти одновременно. Магистр Моти горячо убеждал всех присутствующих, что спешить особо некуда, к тому же, после давешнего потрясения всем нам нужно хорошо отдохнуть, поэтому отправляться в путь надо завтра. Главный (и единственный весомый) аргумент он, конечно, вслух не озвучивал, но его рука на ведьмином плечике и без того выглядела вполне красноречиво.

Лаюки, напротив, была настроена решительно. Напоминала, что они задержались в этом доме только для того, чтобы дать поспать сэру Максиму – то есть мне. И теперь, когда я проснулся, откладывать уход не годится.

Король был согласен с обоими одновременно – по крайней мере, он очень старался найти разумный компромисс, который устроил бы всех присутствующих. Но поскольку отправиться в путь, одновременно оставаясь на месте, совершенно невозможно, у него ничего не получалось.

– Ладно, сейчас я вас помирю, – пообещал я. Достал из кармана монету, после секундного колебания объявил: – Значит так: «орел» – идем прямо сейчас, «решка» – ночуем.

Подбросил монетку, поймал, разжал кулак, продемонстрировал почтеннейшей публике тонкий профиль Его Величества Гурига Восьмого.

– «Орел». Значит, собираемся и уходим, – объявил я. А про себя подумал, что оно и неплохо. Лично мне будет куда спокойнее спать в лесу, за дюжину километров от этого, не в меру гостеприимного дома.

– Отличный способ принимать решения! – обрадовался Король. Он выглядел довольным: то ли тоже хотел поскорее покинуть хижину ведьмы, то ли был согласен вообще на все, лишь бы прекратить затянувшийся спор.

Магистр Моти приуныл, но спорить не стал. Ясно ведь, что бесполезно.

– А кстати, что такое «орел» и что такое «решка»? – спросил он, когда мы, навьючив на себя рюкзаки, углубились в лес.

– «Орел» – та сторона монетки, на которой изображен герб, или вот, как на короне, профиль Его Величества, – охотно объяснил я. – А «решка», соответственно, другая сторона, где... Я сказал что-то смешное?

– Простите, сэр Макс, вы, наверное, не обратили внимания, но... На монете достоинством в одну корону мой профиль изображен с обеих сторон!.. Ну и гадание, надо же! Вот это номер!

Гуриг так смеялся, что с трудом выговаривал слова, Лаюки хохотала, держась за бока, зато Магистр Моти одарил меня укоризненной кривой ухмылкой.

– Нечего сказать, отличный метод принимать решения, – проворчал он. – Ладно, сговорились угробить мою личную жизнь, так и скажите. Зачем дурака из меня делать?

– Но я правда никогда не обращал внимания на монетки, – виновато сказал я. – Понятия не имел, что там профиль с обеих сторон. Честное слово, дружище. Я деньги трачу, а не разглядываю... Ну хочешь, давай вернемся. Я же не нарочно!

– Нет, – вздохнул Моти, – возвращаться назад уж точно нельзя. Задержаться на денек – еще куда ни шло, но возвращаться – ни в коем случае! В настоящем магическом путешествии, вроде нашего, важно не делать ни шагу назад... Ладно, если ты действительно не знал про монетку, выходит, действительно судьба. Ты же вполне мог ляпнуть, что этот твой «орел» значит «остаемся».

– Кажется, я так и хотел сначала. А потом почему-то сказал наоборот. Бывает.

– Да уж, бывает, – согласился Моти. – Ладно уж, ничего страшного. Покончим с этим делом, возьму в Ордене пару дней Свободы от Забот, наведаюсь к ней в гости.

– Все так серьезно? – бестактно спросил я. Просто не смог удержаться.

– Не знаю, – безмятежно отвечивал он. – Не успел разобраться – ты же и не дал. Но... Все может быть. Должен же я однажды влипнуть по-настоящему. Все же живой человек...

Король и леди Лаюки, тем временем, кое-как успокоились, и мы отправились дальше. Настроение у всех было прекрасное, сил – хоть отбавляй, поэтому мы шли и шли, даже после заката, благо дорогу нам освещала круглая зеленоватая луна. Только когда она скрылась за густой, темной тучей, стали разбивать лагерь. Натянули благоразумно припасенный мною полиэтилен, разожгли походный примус, а потом пили горячий травяной чай и с удовольствием слушали, как первые крупные капли дождя стучат по нашему непромокаемому тенту.

Леди Лаюки села рядом со мной. Я чувствовал, что у нее на языке вертится какой-то невысказанный вопрос, но она не решается произнести его вслух. Не то боится меня обидеть, не то опасается влезть в какую-то страшную чужую тайну.

– Хочешь о чем-то меня спросить? – Я не выдержал первым. – Валяй, не стесняйся. После того, как мы вместе пережили гибель человечества – какие могут быть секреты?

– Ты только не обижайся, – попросила она. – Не станешь обижаться?

– Обижаться? – удивился я. – Не думаю. Тебе придется здорово постараться, чтобы я обиделся.

– Ну смотри... Я вот что хотела узнать, сэр Макс: как ты справляешься с желанием убивать людей голыми руками? Я же вижу, ты очень хорошо справляешься.

– Что-о-о?!

Я ожидал чего угодно, только не этого.

– Ну ты ведь сам говорил этой девице, нашей хозяйке, что свернешь ей шею, – напомнила Лаюки. – Сказал еще, что любишь делать это голыми руками, чтобы чувствовать, как ломаются кости – как-то так... Помнишь? Я все-таки Королевский телохранитель, меня учили отличать правду от лжи, это азы нашей профессии. И когда ты сказал, что любишь убивать, было видно, что ты не обманываешь. Я чувствую такие вещи. Ты не смущайся, сэр Макс, ничего плохого в этом нет, скорее наоборот: человек, которому удалось обуздать столь сильный инстинкт убийцы, заслуживает уважения...

– Ну, – растерянно сказал я, – думай что хочешь, но тогда я действительно блефовал. В смысле, врал без зазрения совести, рассчитывая, что мне поверят. Очень старался быть убедительным. Судя по всему, мне это удалось – вот даже тебя провел. Больше всего на свете я боялся, что Илка откажется готовить противоядие: что бы я тогда стал делать? Я индюшку-то голыми руками убить не сумел бы, не то что человека. Даже не знаю, как за это дело браться и с чего начинать. Разве что ядом могу плюнуть, но это, кажется, считается колдовством, а значит, пока нельзя... И, кстати, плевать ядом я тоже не слишком люблю, если тебе интересно. Пару раз приходилось – никакого удовольствия. Напротив, сплошное огорчение, даже если совсем отъявленного мерзавца угробил.

– Странное дело, – удивилась Лаюки. – Я чувствую, что сейчас ты говоришь правду. Но и вчера ночью ты тоже говорил правду, я в этом совершенно уверена. Я, собственно, разговор завела только потому, что хотела помочь. Мания убийства – серьезная проблема, но у меня в семье всегда знали, как с этим справиться...

– Спасибо, – вежливо сказал я. – У меня есть пара-тройка проблем, но мания убийства – не первоочередная, мягко говоря. Вот если бы у тебя в семье хранился древний секрет, позволяющий спать всего два часа в сутки и прекрасно себя чувствовать, это бы мне действительно пригодилось. Но тут даже сэр Джуффин кроме Бальзама Кахара ничего посоветовать не может, так что я и не надеюсь.

Дабы подкрепить слова делом, я пожелал ей доброй ночи и полез в спальный мешок. Лаюки проводила меня недоверчивым взглядом. Небось все еще пыталась понять, когда я сказал правду: вчера или только что? Я мог ей только посочувствовать: моя матушка билась над аналогичной задачей лет двадцать, пока я не исчез из поля ее зрения окончательно.

А ответ, в сущности, прост: я всегда говорю правду и только правду; другое дело, что правд у меня очень много – на все случаи жизни. Я сам свято верю в любую чушь, слетающую с моих губ – верить-то верю, но не дольше пяти минут. Потом использованную по назначению правду следует забыть навсегда – за ненадобностью. Не сделать бывшую правду текущим враньем, а именно забыть. Это важное уточнение.

Потом было утро, новая порция травяного чая, дележка предпоследней шоколадки и последнего дворцового пирога, черствого, как подошва, но все еще вкусного. Припасы наши как-то неожиданно подошли к концу. В то утро Лаюки с ужасом обнаружила, что забыла уложить в рюкзаки три из четырех заранее приготовленных свертков с едой, а Моти практически в слезах покаялся, что оставил в хижине своей зазнобы почти весь шоколад. Любовь делает людей великодушными и нерасчетливыми, известное дело.

Надо отдать должное Королю: он даже не нахмурился. Объявил, что мы вполне можем промышлять охотой и рыболовством, дескать, не впервой.

– Тем более, – добавил он, – припасы всегда заканчиваются раньше, чем путь, проведено опытом многочисленных экспедиций. Очевидно, это один из малоизученных законов

природы: даже если везти за собой целый обоз с продовольствием, однажды ночью этот самый обоз увязнет в болоте – и прощай сытая жизнь! Так что лучше уж просто забыть припасы дома – меньше хлопот.

Виновники надвигающегося голода поняли, что проклинать их никто не собирается, и заметно приободрились, а я тут же принялся оглядываться по сторонам в поисках съедобной растительности. Охотником я никогда в жизни не был, зато инстинкт собирателя во мне неистребим. Даже в Ехо я регулярно умудрялся возвращаться домой с полными карманами мелких уличных груш, случайно обнаруженному в двух кварталах от дома кустарнику с ягодами радовался куда больше, чем регулярной выдаче жалованья, а когда поселился в Новом Городе, где жилые дома, как правило, окружены небольшими садами, повадился совершать тайные набеги на соседские посадки. Столичные жители все равно не интересовались жалким своим урожаем, а для меня нет ничего вкуснее, чем кислый фрукт неизвестной породы, выросший за чужим забором.

Словом, необходимость добывать еду в лесу казалась мне скорее дополнительным развлечением, чем серьезной проблемой. Оставалось надеяться, что в лесах Муримаха произрастают не только вурдалачьи ягоды, но и совершенно безвредные плоды.

Полдня я досаждал своим спутникам, вынуждая их читать мне лекции о вкусовых качествах и полезных свойствах разнообразной лесной растительности. Однако из этого вышел толк: я понемногу разобрался в местной ботанике, и когда на закате леди Лаюки удалось подстрелить из рогатки Бабум зверька, похожего на зайца, но с огромными, круглыми, как у Микки-Мауса, ушами, я вручил ей охапку ароматных трав, с которыми, пожалуй, даже мои стратегические пакетные супчики вышли бы вполне съедобными. Впрочем, их я пока оставил в рюкзаке, на совсем уж черный день.

На следующий день никакого зверья нам не попало, но мы не унывали. Разобрали рюкзаки и нашли там немало интересного: несколько конфет, сверток с сырными коржиками, полдюжины сухарей и одинокую сырокопченую колбаску, твердую, как камень, но, как выяснилось, чертовски вкусную.

Поскольку боги охоты за что-то на нас прогневались, потом пришел черед пакетных супчиков. Вопреки моим опасениям, отравителем меня не сочли. Напротив, мои избалованные, казалось бы, дворцовой кухней спутники наворачивали разбавленные кипятком и сдобренные лесными травами концентраты так, что за ушами трещало, и провозглашали меня своим спасителем – причем с куда большим энтузиазмом, чем в тот день, когда я действительно спас нашу экспедицию от серьезных неприятностей. Но чудесная кормежка, в ходе которой можно без всякого колдовства худо-бедно насытить четырех взрослых людей одним маленьким пакетиком, впечатлила их куда больше.

За полдюжины дней мы трое изрядно осунулись и обзавелись короткими колючими бородками. Только облика леди Лаюки не коснулись романтические перемены. Я окончательно сдружился со своими спутниками; трудно было представить, что еще дюжину дней назад мы с Моти и Лаюки вовсе не были знакомы. Король, впрочем, упорно продолжал обращаться ко мне на «вы», но это вежливое обращение было единственным напоминанием о разделявшей нас иерархической пропасти. В настоящее время его неутомимость, неизменно приподнятое настроение и чудесная способность лазать по деревьям за орехами казались мне куда более важными свидетельствами исключительности Его Величества Гурига Восьмого, чем Королевская Шляпа, красовавшаяся сейчас, как я понимаю, на голове его двойника.

Скудные трапезы не то чтобы всерьез омрачали нашу жизнь, но, чего греха таить, все мы изрядно ошалели от такой суровой диеты. Нечего и говорить, что, когда лес поредел, а вдалеке показалась зеленая островерхая крыша усадьбы, мы не просто прибавили шагу, а

перешли на галоп. Нам мерещились сочные окорока, хрустящие пироги и призывное бульканье наваристого супа. Даже леди Лаюки утратила обычную невозмутимость, а уж о нас то и говорить нечего.

Однако судьба не спешила нам улыбаться: усадьба была окружена высоченным забором цвета болотной ряски, а ворота заперты изнутри на засов. Дом выглядел обитаемым, даже обжитым, из трубы валил дым, где-то в глубине двора звенели и скрежетали неведомые хозяйственные инструменты, но отпирать нам никто не торопился. Сперва мы стучали вполне деликатно, потом стали колотить ворота кулаками и ногами – безрезультатно.

– Что будем делать? – растерянно спросил Гуриг. – Смешно сказать, но в такую ситуацию я еще никогда в жизни не попадал. Людям моей профессии обычно открывают заранее, даже стучать не приходится...

– Ну, положим, мне не открывали довольно часто, – бодро начал я и умолк, обнаружив, что сказать мне особо нечего.

– Ну и?.. – оживился Король.

– Обычно оказывалось, что хозяев просто нет дома, – смущенно закончил я. – Но тут, кажется, другой случай.

– Да ну, конечно, там кто-то есть, слышно же, – перебил меня Магистр Моти. – Глухой, что ли? Да нет, вряд ли. С чего бы? На Муримахе полно колдунов и целителей, они глухоту не хуже наших столичных знахарей лечат... Думаю, хозяин дома просто не хочет открывать ворота чужим. Его можно понять: места тут глухие, безлюдные – мало ли кого принесет...

– Ну и что люди обычно делают в такой ситуации? – продолжал допытываться Гуриг. – Стучат дальше? Ломают забор? Уходят восвояси?

– Последнее, – мрачно сказал Моти.

– Не годится. Я твердо намерен купить тут припасы. Практика показала, что мы не самые удачливые охотники в Соединенном Королевстве, а суп мне уже изрядно надоел. Зато я догадался взять с собой кошелек, так что ни кланчить, ни воровать, ни заниматься конфискацией не придется.

– Это при условии, что нам откроют. – Моти, похоже, совсем упал духом.

– Вообще-то эти ворота только кажутся крепкими, – подала голос Лаюки. – Я с ними справлюсь. Пожалуй, одним ударом не обойдется, но после третьего, по моим расчетам, от них не слишком много останется.

– А тебе не кажется, что это будет выглядеть немного странно? – ехидно спросил Моти. – Выходят из леса четыре подозрительных типа, разносят в щепки забор мирных граждан и говорят: «Хороший день, мы тут шли мимо, решили у вас продуктов купить, постучали в ворота, а они почему-то рассыпались...» Если ты порушишь забор, нас примут за разбойников, неужели не ясно?

– Ну, тогда нам отдадут продукты бесплатно, – рассудила она. – Тоже неплохо.

– Или попытаются пристрелить из Бабума, – резонно заметил ее оппонент.

– С этим я как-нибудь справлюсь, – пообещала Лаюки. – И с тобой заодно, если ты действительно собираешься мне помешать.

– А если для начала покричать? – неуверенно предложил я. – Позвать хозяев, объяснить, что мы не разбойники, а вполне себе приличные оголодавшие странники с полным кошельком денег?

– Точно! – хором сказали все трое. Они смотрели на меня, как на гения – можно подумать, я был первым человеком в мире, предложившим использовать слова для коммуникации между людьми.

Но сколь удачной ни казалась эта моя идея, результатов она не дала. Мы орали до хрипоты у ворот, потом совершили торжественный обход забора, продолжая истошно вопить

слова приветствия. С таким же успехом мы могли бы спрятаться в ближайшем перелеске и затаить дыхание в надежде, что нас немедленно обнаружат.

Полчаса спустя леди Лаюки, которая снова вернулась к идее разрушения, не возражал даже Магистр Моти. Король, кажется, был в восторге от такого поворота событий, что же до меня, не скрою, мне было любопытно поглядеть – и как наша охранница разнесет ворота в щепки, и что за этим воспоследует. Больше всего меня согревала уверенность, что после такого начала визита нас вряд ли попытаются напоить приворотными зельями, чтобы погостили подольше.

Что касается ворот, леди Лаюки справилась с ними шутя. Выглядело это куда менее эффектно, чем я ожидал. Сперва она довольно долго разглядывала препятствие, потом легонько постучала ребром ладони в нескольких местах, постояла, подумала, с размаху ткнула пяткой в левый нижний угол конструкции, и ворота не просто распахнулись, а превратились в груды щепок и древесной пыли.

– Хочешь сказать, ты не колдовала? – недоверчиво спросил я.

– Конечно нет, – безмятежно ответствовала Лаюки. – Ты, надеюсь, помнишь, что колдовать пока нельзя? Это не магия, а древняя наука о разрушении препятствий. Другое дело, что, когда Халла Махун Мохнатый построил город в Сердце Мира и все научились ворожить, эти приемы были забыты... Ну что, пошли искать хозяев? Только, пожалуйста, не забывайте, что в незнакомые помещения я должна входить первой, а выходить последней. Это не вопрос этикета, а моя профессиональная обязанность, поэтому не мешайте мне вас охранять. Незнакомых дворов это правило, как вы понимаете, тоже касается. А теперь – добро пожаловать.

Мы вошли во двор усадьбы. Лаюки, как и грозились, шествовала впереди; Магистр Моти держался за спиной Гурига, прикрывая королевский тыл от возможных неприятностей. Я плелся в хвосте процессии, радуясь, что начинать разговор с хозяевами испорченного имущества, в случае чего, предстоит не мне. Все же дипломатическое искусство – не самое сильное мое место.

Хозяина дома мы обнаружили на заднем дворе. Могучего сложения человечище, с копной кудрявых каштановых волос, небрежно связанных в хвост куском корабельного каната и такой же кудрявой бородищей до пояса. Он сидел спиной к нам на низкой шестиногой скамеечке и чинил какой-то садовый инструмент. Мы старались громко топать, деликатно покашливать и вообще производить как можно больше шума, чтобы незнакомец не подумал, будто мы к нему подкрадываемся, и, упаси боже, не счел, что лучшая защита – нападение.

– Хороший день, – звонко сказала Лаюки. – Вижу вас как наяву!

Он не отреагировал ни на ее слова, ни на наше внезапное появление. Даже не обернулся. Игнорировал наше присутствие, как прежде игнорировал стук в ворота и призывные вопли.

– Я – Лаюки Кепта, мы... – она говорила все менее уверенно и в конце концов умолкла. Трудно поддерживать беседу с человеком, который не просто не отвечает, а вовсе не замечает тебя.

– Вы не хотите с нами разговаривать? – почти сердито спросила она. – Но почему? Мы только...

На этом месте хозяин усадьбы шумно испустил ветры, не дав ей закончить фразу.

– О, диалог налаживается, – почти беззвучно пробормотал я, но Лаюки все же услышала мой комментарий и одарила меня испепеляющим взглядом. Кажется, в этот миг она была почти уверена, что я состою в сговоре с этим необщительным и дурно воспитанным великаном.

– Простите, что вторглись в ваши владения без приглашения, – низким бархатным голосом сказал Магистр Моти. – У нас не было другого выхода. И, разумеется, мы готовы с лихвой компенсировать ущерб, который причинили.

В голосе его появилась особая глубина, интонации приобрели необычайную выразительность. Могу поклясться, что более обаятельного оратора я не слышал никогда в жизни. Таким голосом представитель державы, проигравшей войну, вполне мог бы заключить мир не просто на приемлемых, а на чрезвычайно выгодных для себя условиях. Таким голосом можно располагать к себе врагов, гипнотизировать тюремщиков и обращать в вечное добровольное рабство женщин. Если бы я умел исторгать из себя подобные звуки, я бы, пожалуй, стал президентом земного шара сразу по достижении совершеннолетия – впрочем, в этом случае я бы вряд ли попал в Ехо, а значит, все к лучшему.

Словом, если бы Магистр Моти заговорил со мной таким голосом и попросил бы меня отправиться на край света, вырыть там глубокую яму, влезть в нее и самостоятельно завалить лаз каменной глыбой, я, весьма вероятно, начал бы понемногу собираться в путь. Но хозяину дома все эти его бархатные модуляции были до фени. Он по-прежнему ковырял свой инструмент, не обращая на нас ни малейшего внимания.

– Какой странный человек, – вздохнул Король. – Впервые такое вижу. А вы?

– Я вообще ничего не понимаю, – удрученно сказала Лаюки. – Еще немного, и я начну думать, что нас тут попросту нет. Хоть бы обругал или гнать начал, что ли...

– Абсурд какой-то, – я пожал плечами. – Как во сне. В самом дурацком сне, какой только спяну может присниться.

Пока мы обменивались растерянными улыбками, хозяин усадьбы критически оглядел свою загадочную палку-копалку, удовлетворенно крикнул, аккуратно сложил инструменты в специальный ящик, стоявший у его ног, поднялся со скамейки и направился к дому. Я едва успел отскочить в сторону: этот огромный дядька шел прямо на меня, и я ни на секунду не сомневаюсь, что он попросту смел бы меня с дороги, отшвырнул в сторону, как сухой прут, да еще и босой ножищей на лицо наступил бы, пожалуй.

– Да он же одноглазый, – взволнованно прошептал Моти. – Дырку над ним в небе! Ну, теперь все ясно! Вы поняли, в чем дело? Это же Отшельник! Настоящий Отшельник из древних легенд! Вы видели?

– Я не видел, я от него уворачивался, – проворчал я. – А что тут такого, собственно? Ну, одноглазый мужик попался – подумаешь... – И запоздало спохватился, вспомнив любимые мифы своего детства: – Хоть не в центре лба глаз-то?

– Да нет, почему в центре? – удивился Моти. – На обычном месте, где положено, только один, левый. Второй глаз Отшельники сами себе выкалывают, чтобы «не видеть лишнего». Ну, по крайней мере, так о них пишут.

– Это какой-то древний Орден? – заинтересовался Гуриг. – Что-то я не припоминаю... Так значит Отшельник? Теперь я начинаю понимать... Наверное, ему не положено разговаривать с людьми? И поэтому он нам не отвечает?

– Это не Орден, скорее уж наоборот. Я читал, что Отшельники стали появляться в древности, как бы в противовес магическим Орденам. В знак протеста, или чтобы доказать, что настоящую силу можно обрести, не объединяясь, а, напротив, уединяясь. Точно неизвестно, что ими двигало, и вообще об Отшельниках очень мало информации: они же никогда ничего о себе не писали и даже не рассказывали. Есть только заметки сторонних наблюдателей, рассказы случайных очевидцев и всякие догадки, гипотезы – не так уж много, честно говоря. Отшельники мало кому интересны. Когда-то, еще в бытность Орденским послушником, я вдруг увлекся этой темой и прочитал все, что можно было найти в библиотеке Иафаха. Так вот, они не просто не разговаривают с другими людьми, им вообще не положено замечать никого и ничего, кроме вещей, необходимых для выживания. Свой дом, сад, огород замечать можно, даже нужно, поскольку – для дела. Зверей и птиц тоже, но только на охоте, когда они – будущая еда. Или, скажем, если вредят посевам. Несъедобных и безвредных в упор не видят, по крайней мере, обязаны не видеть... У них вообще много странных обычаев,

но самое главное, что нам надо иметь в виду: Отшельник игнорирует окружающих, пока может. Когда больше не может игнорировать, он обязан устранить источник раздражения, отвлекающий его от размышлений и концентрации. То есть я не удивлюсь, если этот дядя в какой-то момент перестанет нас игнорировать и тут же пойдет в сарай за топором. Лучше его не донимать – ну или сразу убить, чтобы без неожиданностей обошлось. Но убийство последователей древней секты, как я понимаю, не входит в наши планы?

– Ни в коем случае, – строго сказал Гуриг. – Да, повезло нам! Правильные книжки ты в детстве читал, друг мой. Ума не приложу, чем бы кончился наш визит, если бы ты не объяснил...

– Я думал, их уже давным-давно не осталось, – пожал плечами Моти. – Наткнуться на Отшельника здесь, на Муримахе, где я уже чуть ли не каждую пядь земли знаю, как свою ладонь – это же настоящее чудо!.. Откуда он взялся?! И как, интересно, они продолжают традицию? Как вербуют учеников, последователей? У них же главная задача – полная изоляция...

– Ну, может быть, он так с древних времен тут и живет, – пожала плечами Лаюки. – Мы же не знаем, ради чего Отшельники отшельничают. Может, как раз ради долгой жизни?

– Все может быть, – равнодушно согласился Гуриг. – Меня другое занимает: что мы будем делать? Я, честно говоря, все же не хотел бы уходить отсюда без припасов. Может быть, залезем к нему в погреб, наберем всего понемножку, а взамен оставим деньги?

– Ну и что он будет делать с деньгами? – Магистр Моти укоризненно покачал головой. – Он же на рынок не ходит... Можно, конечно, просто что-нибудь утащить, но как-то это нехорошо, по-моему.

– Да, некрасиво, – согласился Король.

– А если оставить не деньги, а что-нибудь полезное? – предложила Лаюки. – У нас есть кое-какая запасная одежда; по крайней мере, мои лоохи будут ему более-менее впору. Имеется лишний спальный мешок – я взяла на всякий случай. Что еще... А, ну да, эти смешные штуквинки для добывания огня, которые сэр Макс из Щели между Мирами достал – их же у нас в избытке! А вещь для лесного жителя полезная.

Мы уселись под высоким плодовым деревом, развязали рюкзаки и принялись перебирать наши запасы. Лаюки с рогаткой Бабум наперевес стояла на страже: кто его знает, этого Отшельника, может быть, он готов безропотно терпеть наше присутствие еще полгода, а возможно, дал себе слово убить нас, если мы через четверть часа не уберемся восвояси. Тут лучше быть наготове.

Отобрав кучу полезных в хозяйстве вещей, с которыми вполне можно было расстаться на этом этапе паломничества, мы направились к хозяйственным постройкам. Лаюки держалась уверенно: сказала, что с такими огромными дядьками обычно бывает не слишком сложно справиться, а оружие у него если и есть, то скорее всего самодельное. То есть за свою шкуру можно особо не волноваться.

Погреб, где хранились припасы Отшельника, мы нашли сразу – по запаху. Обмануться было невозможно: голодный человек чует пищу не хуже, чем какая-нибудь лесная зверушка. Впрочем, в погребе мы вели себя вполне цивилизованно: взяли пару копченых окороков, благо их тут было больше дюжины, несколько связок сухих овощей и одну из десятка головок домашнего сыра, зато к соленьям, которых оставалось всего полбочонка, не притронулись и варенье пощадили. Умиленные собственной порядочностью, вышли во двор. Одноглазый как раз приступил к починке ворот. На нас он по-прежнему не обращал никакого внимания. Мы сложили заранее отобранное барахло у крыльца и потопали к выходу.

Оставалось только пройти мимо Отшельника, который с мрачным видом разгребал останки ворот – то ли надеялся найти среди щепок и пыли пригодные в хозяйстве куски дерева, то ли просто оценивал ущерб. Лаюки заявила, что на этом этапе мы должны соблю-

дать максимальную осторожность. Дескать, на месте хозяина дома она сама сейчас вряд ли смогла бы держать себя в руках. Встала между Отшельником и нами, благо широкий пролом позволял развернуться, дождалась, пока мы выйдем, и только тогда начала отступать: спиной к дороге, лицом к возможному противнику.

Выглядело это довольно забавно: огромная, как медведица, Лаюки, тяжело нагруженная окороками, пятится на цыпочках, угрожающе размахивая рогаткой Бабум. Моих нежных дружеских чувств к ней хватило, чтобы не заржать в голос, но улыбался я до ушей и, чего греха таить, то и дело оборачивался, чтобы полюбоваться этой дивной картиной.

Оглянулся в очередной раз, заготовив заранее подходящую к случаю добродушную ухмылку, да так и застыл на месте, с ненужной уже дурацкой ухмылкой наперевес. В этот самый миг одноглазый отшельник, казалось бы, с головой ушедший в работу, молниеносно, не делая лишних движений, не потрудившись даже хоть как-то изменить отсутствующее выражение лица, достал из-за пояса гигантский тесак и, почти не размахиваясь, с силой метнул его в Лаюки.

Счастье, что я так медлителен и неуклюж. Будь у меня хоть одной секундой больше, я бы, пожалуй, попытался повалить нашу прекрасную охранницу на землю или кинулся бы прикрывать ее могучий торс своей тщедушной тушкой. Надо сказать, что драчун из меня никакой – отними у меня возможность колдовать, вот как на Муримахе, и получишь шестьдесят с небольшим кило бессмысленной, зато суетливой протоплазмы, бурно размахивающей вполне бесполезными кулаками. В тот раз я не сделал ни единой глупости только потому, что не успел: прежде, чем я осознал, что происходит, Лаюки выбросила вперед левую руку и поймала летящий в нее тесак. Не глядя, отшвырнула его в сторону и привела свою рогатку в полную боевую готовность.

– На нас наконец-то обратили внимание! – объявил я.

Гуриг и Моти только сейчас остановились и непонимающе уставились на нас. Сцену великой битвы продолжительностью в полторы секунды они, надо понимать, благополучно проморгали.

Одноглазый, вопреки моим ожиданиям, не ринулся в бой, а закрыл лицо руками. Из его груди вырвался тяжкий вздох, переходящий в сдержанный, но яростный стон.

– Ну откуда вы взяли на мою голову?! – прорычал он. – Так все было хорошо! Мне всего-то двадцать три года оставалось, а теперь все сначала придется начинать! Приперлись! Ворота сломали! Да еще и еду украли, нелюди! И меня... и мне... все, все мне испортили-и-и!

Теперь он рыдал. Нет, натурально плакал. Огромный, немолодой дядька ревел с безграничным отчаянием, какое обычно удается только младенцам.

– Простите, – виновато сказал Лаюки. Она бесстрашно подошла к рыдающему великану и ласково погладила его по плечу. – Мы все-таки не нарочно. Судьба у вас такая, а мы – всего лишь орудие в ее руках. Но если мы как-то можем вам помочь...

– Дура! – рявкнул отшельник. – Чем тут поможешь! Нагадила, а теперь подлизывается! – И снова захлюпал, с подвываниями: – Уй-юу-у-у!

Лаюки и не думала на него обижаться. Устроилась рядышком, что-то тихонько говорила, гладила его по голове, как ребенка. Удивительно, но вскоре одноглазый перестал ругаться, а потом и вовсе заключил Лаюки в объятия, уткнул косматую голову в ее мягкий живот и затих. Мы трое стояли как громом пораженные, глядели на сцену их примирения, как на какую-нибудь таинственную древнюю мистерию, глазам своим поверить не могли.

Все это, впрочем, больше относится ко мне самому. Все же Король и Магистр Моти удивились куда меньше.

– Наша Лаюки кого хочешь уговорит, если постарается, – с гордостью сказал Гуриг. – Она это умеет. Но чтобы такого сердитого, да так быстро – это на моей памяти впервые.

– Не так уж трудно уговорить того, кто больше всего на свете хочет, чтобы его уговорили, – усмехнулся Моти. – Попомните мои слова: вскоре он объявит, что причиненный ущерб можно возместить только одним способом – женив его на Лаюки. А кстати, смешно было бы, да...

– Согласно нашему контракту, Лаюки нельзя выходить замуж еще сто двадцать восемь лет, – твердо сказал Король. – Она сама же и настояла на такой формулировке. И, между прочим, правильно сделала. Скольких глупостей она избежала благодаря этому пункту договора – пальцев на всех наших руках не хватит сосчитать.

Отшельник наконец устал страдать. Шумно высморкался, отпустил Лаюки, что-то буркнул и направился к дому.

– Зовет нас в дом, поговорить, – сказала она. – Думаю, надо зайти. Все-таки столько огорчений человеку доставили... Ну и заодно объясним, как пользоваться этими, ну как их?... Которые для огня.

– Зажигалками, – подсказал я.

Идти в дом, утешать отшельника, бесконечно извиняться и, возможно, время от времени уворачиваться от летящих в голову тяжелых предметов мне совсем не хотелось, но Лаюки была права. Нам следовало попробовать хоть как-то исправить причиненный ущерб.

– Ворота ему новые, что ли, построить? – озабоченно вздыхал по дороге Король. – Сэр Макс, вы умеете делать ворота?

Я печально мотал головой, и он сокрушенно подхватывал:

– И я не умею. И эти двое тоже. Какие мы все, в сущности, бессмысленные и бесполезные люди!

– По крайней мере, я умею их ломать, – с достоинством парировала Лаюки. – Хоть что-то.

Наконец мы вошли в дом. Одноглазый только что закончил умываться и теперь сидел за столом, мокрый и мрачный, зато почти неестественно спокойный.

– Что это за мусор вы мне у крыльца накидали? – ворчливо спросил он. – Если вам нужна выгребная яма, так и скажите: она за домом.

– Ты и сам видел, что никакой это не мусор, – с упреком сказала Лаюки. – Хорошие вещи, в обмен на еду. Мы не хотели брать ее даром, а оставить тебе деньги – все равно, что ничего не оставить. Вот, выбрали кое-что полезное из своих запасов. Ты сперва погляди, а потом ругайся.

Она вышла и вернулась с ворохом наших сокровищ. Одежда не слишком заинтересовала Отшельника, зато спальный мешок его, кажется, впечатлил. Было заметно, что дядя с трудом удерживается от желания немедленно опробовать приобретение. Зажигалки же потрясли его до глубины души.

– Баловство, – бурчал он. – Тьфу! Небось для детишек городских придумали, развлекаться... – а сам все чиркал и чиркал зажигалкой, не в силах оторваться от игрушки.

– Да хватит уже ругаться, – строго сказала Лаюки. – Видишь ведь: мы не воры, не разбойники, не беглые мятежные Магистры, а придворные Его Величества Гурига Восьмого. Нас послали осмотреть окрестности и решить, подходят ли эти места для Королевской прогулки. Он никогда прежде не бывал в этой части острова, и...

– И не слишком много потерял, – перебил ее Отшельник. – Здесь даже радуг почти не бывает – когда-никогда... Глухомань тут, как есть глухомань, а подальше, во-о-он за тем лесом, еще и болота начинаются, совсем гиблые места... Говорят, когда-то Лойсо Пондохва эти края для себя облюбовал. Жил тут – не в моем доме, конечно, но где-то неподалеку. Мотался по всему Соединенному Королевству, но спать всякий раз сюда Темным Путем приходил. Я-то сам точно не знаю, но было время, многие так рассказывали. А что, в это как

раз легко поверить... Ума не приложу: как вас-то сюда занесло?! Я прожил здесь шестьдесят семь лет, и за все это время ни разу – вы слышите, вообще ни разу! – людей не видел. Никто мне не мешал, не отвлекал... Всего-то двадцать три года осталось потерпеть, и вдруг вы, как снег на голову!.. – Он поднял руки, как бы заранее отметая наши будущие возражения. – Да понимаю я, понимаю, что вы не нарочно. Но мне от этого не легче. Теперь все надо начинать сначала. Еще девяносто лет тут сидеть. Да, еще девяносто лет, ничего не попишешь...

– Простите, – покаянно сказал Магистр Моти. – Мы действительно не нарочно. Знали бы, обошли бы ваш дом стороной. Вы бы, что ли, табличку написали: «Отшельник. Не беспокоить!» Мы бы и не стали ломиться... А чему именно мы помешали, если не секрет? Что должно было случиться через двадцать три года?

– А это и мне самому интересно, – проворчал Отшельник. – Как ученому.

– «Как ученому»?! – хором повторили мы.

И умолкли, вконец озадаченные.

– Что вы имеете в виду? – наконец спросил Гуриг. – Вы не настоящий Отшельник?

– Теперь уже вполне настоящий, – сердито сказал одноглазый. – Шестьдесят семь лет – не шутка... Но начиналось это как научный эксперимент. В ту пору я работал на кафедре Истории в Королевском Университете. Специализировался по теме «Недостоверные сведения» – это, знаете ли, был мой конек. Больше всего на свете я любил раскапывать всякие древние слухи, сплетни, байки. На первый взгляд, пустяки, пустая трата времени, но на деле чуть ли не в половине случаев оказывалось, что все эти так называемые «сказки» содержат уникальную информацию о древней магии. Она, между прочим, отличалась от всех известных современных традиций куда больше, чем Истинная магия от Очевидной, так-то!

– Я примерно представляю, о чем вы говорите, – восхищенно закивал Гуриг. Но тут же взял себя в руки, усилием воли погасил запыхавшийся был взор и сдержанно добавил: – В общих чертах, конечно.

– Боюсь, молодой человек, что именно «в общих чертах», – сухо согласился Отшельник.

Некоторое время все мы молчали. Обработывали информацию. Я, к примеру, даже самому себе не знал, что сказать, не то что вслух.

– Ладно уж, – вздохнул хозяин дома. – Сделанного не воротишь, а вас тоже можно понять. Устали, проголодались, ошалели от лесов этих бесконечных, а тут человеческое жилье. Как не зайти?.. Давайте-ка угощу вас камрой, в знак примирения.

Мы тихо взвыли от счастья, все трое. Чего-чего, а камры нам в этом походе здорово не хватало. Всего-то вторая ступень Черной магии требуется для ее приготовления, однако мы не могли себе позволить даже такую малость.

После первых глотков горячего ароматного напитка беседа потекла куда более гладко.

– Нам, историкам, в первые годы после окончания Смутных Времен жилось просто замечательно, – рассказывал Отшельник. – Столько Орденов в одночасье разогнали, и ведь почти от каждого остались библиотеки и архивы. Мы чувствовали себя как искатели сокровищ, которые хотели выкопать пиратский клад, а вместо этого обнаружили тайный лаз в Королевскую казну. Открытия следовали одно за другим, научные сенсации стали нормой жизни, вполне будничным фоном... И вот однажды в архивах Ордена Лающей Рыбы я раскопал один чрезвычайно интересный документ, созданный примерно три тысячи лет тому назад. Что-то вроде дневника человека, старший брат которого стал Отшельником. Там было много интересных записей и наблюдений: автор дневника изредка навещал родственника, привозил ему продукты и другие хозяйственные мелочи. Братец, конечно, делал вид, будто в упор его не видит, но этот парень и сам подмечал немало интересных вещей. Словом, это был совершенно уникальный документ. Прежде само существование Отшельников подвергалось сомнению; некоторые мои коллеги всерьез утверждали, будто «отшельник» – это

сатирический образ, созданный в эпоху зарождения магических Орденов, завуалированная насмешка над теми колдунами, которые не понимали преимуществ объединения единомышленников... Я-то в такую чушь никогда не верил, но и доказать обратное не надеялся. И вдруг такая находка! Она принесла мне определенную известность, даже славу в профессиональных кругах, передо мной открывались блестящие карьерные возможности, и я поначалу с удовольствием этим воспользовался. Но открытие не давало мне покоя: хотелось довести дело до конца. В кои-то веки появилась возможность лично исследовать магическую традицию, которую до меня считали не то что угасшей, а вовсе несуществующей! Впрочем, это вообще был уникальный повод лично погрузиться хоть в какую-то магическую традицию, не нарушая Кодекс Хрембера, после принятия которого мы, историки, как ни крути, а стали обычными кабинетными крысами.

Постепенно Отшельник так увлекся собственным рассказом, что окончательно вышел из образа лесного жителя. Теперь перед нами сидел самый настоящий столичный ученый; домотканая одежда, лохматые кудри и запущенная борода казались не более чем свидетельствами некоторой эксцентричности своего обладателя.

– Грешные Магистры! – изумленно воскликнул Моти. – Неужели вы и есть профессор Тимботи Клинк? Я читал все ваши работы о традициях и обрядах Отшельников – по крайней мере, все, что попало в библиотеку Иафаха...

– Очень мило с вашей стороны, – буркнул Отшельник. – Впрочем, называть эти черновики «работами» у меня бы язык не повернулся. Там нет и сотой доли того, что я узнал. Для получения ученой степени этих крох информации было достаточно, а открывать широкой публике древние тайны я не спешил. Возможно, зря. Не знаю...

– Так это действительно вы? – просиял Моти. – Знаете, что ваши коллеги по сей день считают, будто вы отправились в кругосветное путешествие и пропали без вести?

– Ну, положим, я сам для этого кое-что предпринял. Прежде, чем осесть здесь, на Мури-махе, отправился в Ташер, написал оттуда несколько писем знакомым и коллегам. В последнем письме сообщил, что местный купец предложил мне поездку в Арварох, и я не в силах противиться такому соблазну... Так что никто не удивился, когда я вдруг пропал: в Арварохе многие пропадают.

– Но как вы решились? – спросила Лаюки. Она, надо понимать, прониклась уважением к ученому званию отшельника и теперь обращалась к нему на «вы». – Я понимаю, вам было очень интересно... Но девяносто лет не видеть людей!..

– Ну, положим, я никогда не отличался чрезмерной общительностью. – Отшельник пожал плечами, всем своим видом демонстрируя презрение к мирской суете. – И потом, вы, барышня, кажется не понимаете, сколь высоки ставки! Я был совершенно уверен – впрочем, почему «был», я до сих пор так думаю – что педантично соблюдая все обряды и обычаи Отшельников, в один прекрасный день я обрету силу, в поисках которой они, собственно, и удалялись от мира.

– Вот как! – Король хлопнул себя по коленке, глаза его горели. – Значит, вы знаете, ради чего они все это проделывали?

– В рукописи не было точного ответа на этот вопрос, – уклончиво сказал профессор Тимботи. – Вернее, там вообще не было никакого ответа. Но автор дневника рассказывает, что в один прекрасный день его брат исчез, зато стены хижины еще несколько лет испускали янтарно-желтое сияние, да такое яркое, что по ночам там можно было обходиться без лампы. Он описывает еще некоторые удивительные перемены: травы на огороде разрослись до размеров деревьев, созвездия над садом немного изменили очертания, а на месте снесенного забора на рассвете возникала стена тумана – правда, к полудню она обычно рассеивалась... Много, очень много невероятных, необъяснимых подробностей! Достаточно, чтобы... – от полноты чувств он запнулся и умолк.

– Ничего себе! – Магистр Моти покачал головой. – Вот значит каких перспектив мы вас лишили! Как минимум, отодвинули все еще на девяносто лет... Да, теперь я понимаю, почему вы так рассердились!

– Как ни крути, но вы действительно оказались просто орудием судьбы, – горько вздохнул ученый. – Моей злой, несговорчивой судьбы. Если уж она решила расстроить мои планы – что ж, не вы, так кто-то другой непременно вторгся бы в мои владения.

– Но если бы за эти годы вы действительно научились ничего и никого не замечать... – задумчиво сказала Лаюки. – Я имею в виду, не делать вид, а действительно не замечать – тогда наше вторжение мало что изменило бы.

Профессор мрачно на нее покосился, но возражать не стал.

– Мне кажется, важно, чтобы все было по-настоящему, – настаивала Лаюки. – Если после шестидесяти семи лет уединения вы вышли из себя из-за такого пустяка, как сложенные ворота, значит, вы с самого начала что-то делали не так. Перечитайте свои бумаги, подумайте: какая-то самая важная информация там отсутствует, потому что есть вещи, недоступные даже самому внимательному наблюдателю. Я не просто так болтаю, я знаю, о чем говорю... Впрочем, ладно. Простите. Я не хотела вас огорчать.

– Ничего, – язвительно буркнул Отшельник. – Одним огорчением больше, одним меньше – не стесняйтесь, валяйте.

Тем не менее, он накормил нас вкуснейшим ужином и гостеприимно предложил расстелить спальные мешки в его саду. Собственно, можно было спать и в доме, но ночь выдалась на редкость теплая и ароматная, поэтому мы устроились на травке, среди плодовых деревьев и цветущих кустов.

Я отправился спать первым: очень уж устал. К тому же история профессора Тимботи показалась мне скорее забавной, чем по-настоящему интригующей, так что я не жаждал выслушать ее во всех подробностях. Древняя тайна Отшельников представлялась мне выдуманной из пальца: какой-то нелепый, вымороченный путь к силе, которая тоже не очень понятно зачем нужна. Еще и глаз себе для этого выкалывать надо, как будто одним глазом человек действительно видит меньше, чем двумя, и оттого реже отвлекается от самосозерцания – чушь собачья...

Мое тогдашнее легкомыслие вполне объяснимо: у меня-то этой самой волшебной силы было хоть отбавляй, досталась она мне, можно сказать, даром – я даже захотеть не потрудился. Поставить себя на место людей, которые хотят стать могущественными колдунами, а у них это не получается, я не мог, да и не слишком хотел. Могущество – скорее способ здорово усложнить жизнь, чем удовольствие, так мне в ту пору казалось.

Какое-то время спустя Король и Магистр Моти тоже покинули поле интеллектуальной битвы. Расстелили свои спальные мешки неподалеку от меня, некоторое время спорили насчет оставшейся в хижине Лаюки. Гуриг утверждал, что к утру она обратит профессора Тимботи в свою веру и безотлагательно примется обучать его воинским искусствам; Моти ставил сотню корон, что на рассвете наш Отшельник придет просить ее руки. Я пожал плечами: охота же двум взрослым людям глупости говорить?! – и уснул с легким сердцем.

Оба, и Король, и Моти, к слову сказать, ошиблись в своих прогнозах. Поутру профессор не выказывал ни малейшего намерения жениться на Лаюки; тяги к изучению боевых искусств он тоже не проявлял. Но настроение его явно исправилось. Он больше ни слова не сказал о тайнах древних Отшельников, зато сварил нам большой кувшин камры, насвистывая под нос какую-то неизвестную мне, но чертовски прилипчивую мелодию, потом отправился в погреб и вынес оттуда мешок съестных припасов. Вручил нам, ухмыляясь: «А то вы вчера что-то мало награбили», – возражения слушать не стал. От нашего предложения задержаться и помочь ему починить ворота снисходительно отмахнулся: «Все равно ведь не умеете!» Проводил нас до тропинки, отвесил почти шутовской поклон (Король, впрочем,

объяснил потом, что такие манеры были в моде в самом начале Эпохи Кодекса) и долго еще стоял, скрестив руки на груди, глядел нам вслед, думал о чем-то.

– Что ты с ним сделала? – Гуриг с любопытством уставился на свою телохранительницу. – Человека просто не узнать!

– А вы попробуйте угадать, – зевнула Лаюки. – Сэр Моти, все, что крутится у тебя на языке, можешь приберечь до следующего раза. Мы даже не поцеловались, хотя как раз это, возможно, совершенно напрасно. Но – чего не было, того не было.

– Гляди-ка, – ухмыльнулся тот. – «Не поцеловались», можно подумать! С каких пор ты у нас такая скромница?

– С некоторых. Прикуси язык, дружок. Думать надо иногда головой, а не...

А я вдруг понял, что дело во мне. Лаюки не то чтобы всерьез меня стеснялась, но вела себя куда более сдержанно, чем, вероятно, привыкла, и от друзей своих требовала того же. Все-таки я не был ее другом детства, а значит, как ни крути, оставался чужим. И навсегда останусь таковым, даже если этот наш поход затянется на целую дюжину лет. И не только для нее, пожалуй. Для всей троицы. Есть люди, для которых все самое важное и значительное происходит в детстве; такие близких друзей, повзрослев, уже не заводят, только приятелей, коих, впрочем, может быть великое множество. Для меня-то прошлое почти не имеет ценности, может быть, именно поэтому я так легко схожусь с людьми? Распознаю «своих» – по сиянию глаз, по невзначай сказанному слову, даже жесту – и плевать я хотел, как давно мы знакомы. Получаса иногда за глаза достаточно. Но было бы странно думать, что все человечество похоже на меня. Напротив, я в этом смысле редкая птица, таких придурков еще поискать...

– Не хочу я гадать, – ворчал тем временем Король. – Все равно ничего путного не придумаю. Но по тому, как он держался, похоже, что ты подсказала ему способ достичь результата всего за десять лет. Или даже за год.

– Нет, – покачала головой Лаюки. – Зато я подсказала ему способ достичь результата хоть когда-нибудь. Объяснила, в чем были его основные ошибки, заодно дала понять, что если бы мы не свалились ему на голову, все могло завершиться куда более трагически – между прочим, это чистая правда. Когда подлинное действие подменяют имитацией... Ох, добром такое обычно не кончается!

– То есть ты указала ему на ошибки в древней практике и научила, как их исправить? – изумился Магистр Моти. – Но ты же ничего не знаешь об Отшельниках. Ты вчера впервые о них услышала – от меня же!

– Ну да, – спокойно согласилась Лаюки. – И что с того? Зато я немало знаю о концентрации. Возможно, побольше, чем знали эти ваши древние Отшельники. Судя по тому, что они выкалывали себе один глаз, чтобы не отвлекаться, это были те еще «мастера»... Впрочем, возможно, это была такая ритуальная жертва? Тогда другое дело... Словом, я – именно тот советчик, который был нужен профессору Тимботи, и он это понял и оценил. Ну сами посудите: что толку в одиночестве, если оно – только снаружи? Должно быть внутри.

– Ага. Значит, я стал на сто корон богаче, – удовлетворенно резюмировал Король.

Магистр Моти заметно помрачнел.

Лаюки еще довольно долго пересказывала свою беседу с профессором-отшельником. Я слушал вполуха, поскольку не слишком интересовался техникой достижения внутреннего одиночества. Дурак был. Сейчас я бы, пожалуй, много дал, чтобы еще раз послушать ту ее лекцию – так то сейчас.

За разговорами время пролетело незаметно, да и шагать на сытый желудок было куда легче и приятней, чем после порции жидкого супа. Мы даже не сразу поняли, что сгустились сумерки: сперва решили было, что это гроза собирается, и только когда совсем стемнело,

сообразили, что наступила ночь. Почва под ногами тем временем стала влажной и вязкой, а воздух наполнился упоительным ароматом сырости.

– Профессор говорил, что где-то здесь начинаются болота, – вспомнил Магистр Моти. – Надо останавливаться. Я пока не готов в темноте по болотам скакать, а вы?

Мы переглянулись и принялись снимать рюкзаки. Остановились, разбили лагерь, развели костер. Пластиковый тент, пару раз спасавший нас от дождя, теперь постелили на землю, чтобы спальные мешки не промокли. Приготовили отличный ужин, наелись до отвала, как уличные котята, внезапно проникшие на колбасную фабрику, болтали и смеялись всякому пустяку. В разгар веселья Гуриг осторожно намекнул, что предчувствует скорый конец пути, и эта новость нас буквально окрылила. Чего греха таить: все мы уже изрядно устали таскаться по лесам Муримаха и не могли дожидаться дня, когда можно будет вернуться домой, в Ехо. Принять ванную, сварить камру на собственной кухне, прогуляться по городу и свернуть в какой-нибудь уютный трактир – именно так мы и представляли себе счастье. По крайней мере, я – так точно. Поэтому после такой новости мы только что обнимать не кинулись своего Короля – все же, как-никак монарх, неудобно – но глядели с неподдельным обожанием и чуть было не погубили его бесконечными добавками, от которых наше оголодавшее величество было не в силах отказаться.

Я не зря так подробно расписываю, какой у нас был отличный день и каким замечательным вечером он завершился. Потому что на фоне этой идиллии мое утреннее пробуждение выглядело особенно странно.

Сказать, что я проснулся в плохом настроении – значит, вообще ничего не сказать. Вообще-то по утрам я довольно часто бываю в скверном расположении духа, особенно если не дать мне выспаться (а выспаться мне в ту пору не давали почти никогда, и в этом смысле радикальная смена места жительства, профессии и самой судьбы оказалась совершенно бесполезна). Но никогда прежде мне не доводилось просыпаться от злости. То есть я сперва рассердился, а уже потом проснулся, содрогаясь от гнева и даже омерзения.

Теплый и уютный спальный мешок казался мне тесной смирительной рубашкой; пластик, которым мы накануне застелили мокрую траву, отвратительно шуршал, на ближайшем дереве визгливо орала какая-то гадкая лесная птица, но больше всего меня раздражали спутники. Во-первых, конечно, непереносимо вздорный придурок, наш, с позволения сказать, абсолютный монарх, из-за мимолетного каприза которого я, собственно, и очутился в этой глухомани – без элементарных удобств, без кучи необходимых вещей, даже без возможности послать зов друзьям... Впрочем, жирная самодовольная дурища и полоумный Магистр еще хуже: пользуются тем, что Гуриг их в детстве совком для песка лупил, воображают о себе невесть что – а ведь глупей и бесполезней нет людишек во всем Соединенном Королевстве, хотя та еще Страна Дураков, конечно...

Я вылез из спального мешка, сел на траву, огляделся и окончательно понял, что мои спутники – совершенно отвратительные, мерзкие твари, все трое. Единственное, что может сделать приличный человек, очутившись в такой компании – это плюнуть им в рожи. Во все три наглые, тупые рожи, поочередно. Начать можно с Короля, он же привык небось во всем быть первым – вот уж действительно!

– И еще этот кретин вылез! – с ненавистью сказал Магистр Моти. – Видеть больше не могу эту бессмысленную самодовольную рожу!

В голову мне полетел комок земли. Хорошо, конечно, что не камень, но тоже мало приятного. И удар вполне ощутимый, и лицо покрылось толстым слоем жирной черной грязевой пудры. Вне себя от бешенства, я вскочил, чтобы голыми руками придушить обидчика, но угодил в объятия Лаюки.

– Остынь, сэр Макс, – строго сказал она. – С этим красавцем я сама разберусь. А ты, пожалуйста, постарайся держать себя в руках. Вспомни: все эти дни мы были друзьями. И если сейчас тебе кажется, что дела обстоят иначе, это... ну, как сказать – помрачение, что ли. Просто морок.

Я открыл было рот, чтобы назвать ее жирной свиньей, но сделал над собой нечеловеческое усилие и промолчал. Краешком сознания я понимал, что Лаюки говорит правду: еще вчера эти омерзительные людишки казались мне отличными ребятами. И позавчера. И вообще все время. И только сегодня утром все стало иначе, словно бы пелена с глаз упала. Действительно странно. С чего бы?

Тем временем, неугомонный Магистр Моти метнул в меня еще один ком земли, но это нападение ловко отразила Лаюки. Потом она сгребла друга детства в охапку, легонько встряхнула, рывкнула: «Опомнись!» Моти тихо рычал от злости, но сделать ничего не мог: все же у леди Лаюки железная хватка.

– Наши дела совсем плохи, господа – сердито сказал Король. Он сидел, обхватив колени руками и мрачно смотрел в одну точку. – Имейте в виду: мы забрели в Болото Гнева. Поскольку правила игры требуют, чтобы я шел вперед, никуда не сворачивая, нам – по крайней мере, мне-то уж точно – придется его перейти. Насколько я знаю, еще ни одному из моих предшественников так не везло. Я все же исключительно удачлив, нечего сказать!.. Сэр Макс, пожалуйста, постарайтесь честно ответить на вопрос: способны ли вы держать себя в руках и не давать волю раздражению? Если нет, вам лучше отправиться обратно, к профессору Тимботи и посидеть там до окончания экспедиции. Это будет большой помощью и весомым вкладом в общее дело. А тебя, Моти, я по старой дружбе просто привяжу к ближайшему дереву, имей в виду. Без особых церемоний. Болото Гнева – серьезное испытание, не спорю, но мы еще в него толком не зашли, а ты уже в драку лезешь. Стыдно.

– Можно подумать! – скривился тот.

– Даю вам обоим четверть часа, чтобы привести себя в порядок, – объявил Гуриг. – Петь, плясать и бросаться друг другу в объятия вас никто не заставляет, но успокоиться необходимо. Просто помните, что ваши нынешние гнев, раздражение и плохое настроение не имеют к вам никакого отношения. Обычное наваждение, ядовитые испарения болота. Не так уж трудно им противостоять – по крайней мере, на таком расстоянии. Мы с Лаюки испытываем ровно те же ощущения, можете мне поверить. Но мы же как-то держим себя в руках.

– Да уж, если я дам себе волю, мало никому не покажется, – ухмыльнулась Лаюки.

В этот миг она казалась мне самым отвратительным живым существом во вселенной, но я снова промолчал. Отвернулся, скрежеща зубами.

Когда зубы начали болеть от такого обращения, я понял, что надо искать другой способ успокоиться. К счастью, мой друг сэр Шурф Лонли-Локли в свое время показал мне несколько простых дыхательных упражнений, которые обычно оказывали на меня фантастическое воздействие. К магии они никакого отношения не имели, обычная физкультура – по крайней мере, так говорил сам Шурф. Я, конечно, разгильдяй каких мало: попробовал, оценил и благополучно забыл – вот мой метод. Но Шурф с присущим ему упорством вспоминал об этих упражнениях при каждой нашей встрече, а виделись мы почти ежедневно, так что некоторых результатов он от меня все же добился. И, кажется, настал момент сказать ему за это спасибо. Идея, что какое-то дурацкое болото может превратить такого прекрасного и великодушного меня в злобного хмыря, мне очень не нравилась. Конечно, мои спутники отвратительные болваны, но, честно говоря, видал я экземпляры и похуже. Было бы из-за чего зубы в крошку стирать.

Поэтому я умылся в ближайшем ручье, заставил себя сесть поудобнее, выпрямить спину, расслабить плечи и некоторое время старательно вдыхал и выдыхал воздух, следуя

всем рекомендациям Шурфа, какие смог припомнить. Какое-то время спустя раздражение сменилось вполне светлой печалью: теперь я прекрасно понимал, что все мы – такие же славные люди, как вчера вечером, просто угодили в очень скверную историю.

Да уж, в такую переделку я, пожалуй, еще никогда не попадал. Прежде опасность всегда была снаружи, а теперь она притаилась внутри. Я сам был своего рода бомбой, которая могла взорваться в любой миг. Человеку, чья слюна – смертельный яд, лучше бы постоянно пребывать в благодушном настроении, а тут, как назло, это «болото гнева», или как его там...

Сделав еще несколько дюжин вдохов и выдохов, я окончательно успокоился. Понял, что вполне могу справиться с собой – не так уж это трудно, оказывается. Теперь я со стыдом вспоминал свое пробуждение: как, ну как можно настолько зависеть от собственного настроения?! А ведь еще немного и, пожалуй, бросился бы в драку, к тому все шло...

– Делаете успехи, сэр Макс? – спросил Король. – Честно говоря, не ожидал. Думал, что дальше придется идти вдвоем с Лаюки.

– Успехи, не успехи, но, по крайней мере, вы меня больше не раздражаете, – хмуро сказал я. – А вот себе по морде я бы съездил с величайшим удовольствием. Стыдно-то как, ужас!.. Все-таки скверное наваждение нам досталось, как ни крути. Я как-то привык, что кому-кому, а уж себе всегда могу доверять, а тут... Дальше будет хуже, я правильно понимаю?

– Вы правильно понимаете. Сейчас – это детские игрушки. Пустяки. Что с нами будет, когда мы зайдем в болото, неведомо. Вполне возможно, леди Лаюки собственноручно свернет мне шею. А что, и поделом!

– Как-нибудь воздержусь, – сухо сказала Лаюки. – Моя профессиональная честь требует доставить вас домой целым и невредимым.

– Я, пожалуй, действительно вернусь к профессору Тимботи. – Моти говорил сквозь зубы, на нас не глядел. Руки его непроизвольно сжимались в кулаки, я заметил, что ногти расцарапали ладони в кровь.

– Это очень разумное решение, друг мой, – мягко сказал Гуриг. – Если уж ты здесь не можешь с собой справиться...

– Не могу, да!

От полноты чувств он пнул толстый древесный ствол, тихо взвыл и запрыгал на одной ноге.

– Нельзя же так! – рявкнула Лаюки. – Ты же покалечишься!

– Тебя забыл спросить, – прошипел он. – Эти твари... Эти дерьмоглолоты, мои так называемые учителя из Семилистника – за все эти годы они умудрились не научить меня элементарным вещам. Докатились: новичок из Тайного Сыска, – он с отвращением ткнул в меня пальцем, – знает дыхательные техники, которые позволяют взять эмоции под контроль, а я, Старший Магистр единственного действующего магического Ордена, могу пойти и тихонько погадить в кустах!.. Что это – глупость или трусость, хотел бы я знать?! Старый пердун Нуфлин решил, что, если нас вообще ничему не учить, с нами будет легче справиться. Послушание вместо мастерства – вот наш девиз! Вернусь домой – уйду из Ордена, к Темным Магистрам. Отправите меня послом в Куманский Халифат, хоть на уладачах покатаюсь вволю. Все больше толку, чем сапоги банде полоумных старикашек вылизывать...

Теперь он глядел на Короля без неприязни, даже на нас с Лаюки больше не рычал: нашел другой объект ненависти. Костерил свое Орденское начальство на чем свет стоит, и был почти счастлив.

– Расскажите про это Болото Гнева, – попросил я Короля. – Я уже примерно представляю, как мы будем себя там чувствовать. Конечно, иначе как нечеловеческим везением это не назовешь... Но мне вот что интересно: кому-то уже удавалось пройти через это болото? Или мы будем первыми?

– Да нет, почему же первыми? Многие ходили через это болото и благополучно добирались до места назначения. Собственно, пройти его нетрудно. Болото небольшое, никаких особо сложных, непроходимых участков там вроде бы нет: знай скачи себе по кочкам, гляди под ноги внимательно, и все. Не проблема. Плохо вот что: все, кому удавалось одолеть Болото Гнева, ходили через него поодиночке. Если шли вдвоем или втроем, возвращался только один. Или вовсе никто не возвращался.

– Убивали друг друга?

– Ну да. Ничего удивительного: вы с Моти сегодня утром вполне могли продемонстрировать нам, как это бывает. А до Болота Гнева, строго говоря, еще полчаса добираться.

Гуриг, конечно, очень неплохо держался, но время от времени ему все-таки не удавалось скрыть раздражение. Вот и сейчас он смотрел на меня с явной неприязнью, но я, хвала Магистрам, уже вполне мог игнорировать неприязненные взгляды.

– Но мы же можем пройти это болото поодиночке, разве нет? – осторожно спросил я. – Кто-то пойдет первым и будет ждать остальных в том месте, где у него исправится настроение. Второй выйдет через час, или два – для гарантии безопасности... К ночи, надеюсь, успеем. Можно ведь так?

Они уставились на меня с неподдельным изумлением. Кажется, такая простая мысль никому в голову не приходила.

– Ну, не знаю, – наконец сказала Лаюки. – Звучит неплохо. – Но если кто-то, скажем, подвернет ногу? Будет лежать на кочке, ненавидеть весь мир, пока на него не набредет следующий, в приступе неконтролируемой ярости... Подумать страшно!

– Ну, значит придется постараться не подворачивать ногу, – я пожал плечами. – До сих пор-то, вроде бы, никто ничего не подворачивал? Значит, умеем, хвала Магистрам! Вообще, надо хорошенько подумать прежде, чем соваться в это болото. Мне пришло в голову еще вот что...

– Пытаешься казаться умнее других? – язвительно спросил Магистр Моти.

Я открыл было рот, чтобы ответить, но вовремя опомнился, захлопнул не в меру деятельный орган речи, несколько раз повторил простейшее из дыхательных упражнений, и только тогда сказал:

– Я просто стараюсь нам всем помочь. Извини, если получается не очень удачно. Я не умнее других, Моти. Просто у меня свежий взгляд на вещи, как у всякого необразованного дикаря. Иногда это бывает полезно, вот и все.

– Да уж, – проворчал он. – Ладно, хотите трепаться – дело ваше. Я бы пожрал заодно на дорожку. Вряд ли этот придурковатый профессор придет в восторг, когда я снова свалюсь ему на голову.

– Если мы пойдем через болото по одному, тебе не обязательно туда возвращаться, – заметил Король. – И это неплохо. Строго говоря, запрет на возвращение касается только меня, но будет неплохо, если мои спутники тоже не станут поворачивать назад. В делах такого рода лучше перестраховаться...

– «Передерьмоваться»! – передразнил его Магистр Моти. Уселся на траву и с независимым видом принялся терзать копченое ребро. Делал он это с такой яростью, что перегрыз кость пополам, как огромная собака. Это выдающееся деяние его отчасти укротило, и он притих.

Лаюки тем временем поставила на огонь котелок с водой и принялась готовить чай.

– Опять эта травяная дрянь. Как же я ее ненавижу! – с чувством сказал Король. – Что за омерзительное пойло! Кому пришло в голову, будто этот напиток придает людям силы и бодрости? Убил бы мерзавца!

Лаюки укоризненно покачала головой. Гуриг огрызнулся:

– Могла бы оценить: я выплеснул раздражение не на живых людей, а на неодушевленный напиток, который, имея в виду, действительно достал меня – дальше некуда!

– Именно об этом я и хотел поговорить, – осторожно начал я. – Это тоже выход: если уж немоготу, можно злиться не друг на друга, а на кого-нибудь еще. Вон Моти как свое начальство из Семилистника вспомнил, он же на нас перестал кидаться! Пока он их ругал, мы были в безопасности.

– Мы и так были в безопасности, – сухо сказала Лаюки. – Неужели ты думаешь, я бы с ним не справилась?

– Ну, скажем так: пока он ругал свое начальство, ты могла заниматься другими вещами, – исправился я.

– Ну... да, – неохотно согласилась Лаюки. – И что с того?

Кажется мое всезнайство постепенно начало доставать и ее.

Я начал было думать, что втолковать что-то разумное этой банде сварливых болванов не получится, так что проще всего послать их подальше и отправиться домой – вперед, через болото, где наша не пропадала! А потом через лес – выйду же я рано или поздно к побережью, если уж дело происходит на острове? А там... да ладно, пошлю зов Джуффину, он мне что-нибудь да присоветует, словом, выкручусь как-нибудь.

Но я взял себя в руки, заставил сделать несколько умиротворяющих вдохов и выдохов. А успокоившись окончательно, продолжил:

– Если я все правильно понимаю, Ваше Величество и вы, леди Лаюки, неплохо подготовлены в предстоящему испытанию. Вас учили себя контролировать, верно?

– Да уж, меня муштровали знатно, – мрачно согласился Гуриг. – Знали бы вы, как воспитывают принцев... Вспомнить страшно! Из Лаюки хоть воина делали, ей, может, и потрудней было, но не так противно.

– Мне было совсем не противно, – строго сказала Лаюки. – Но очень трудно, это правда...

– Ну вот, – я решительно прервал их воспоминания. – У вас обоих неплохая подготовка, но что с вами будет твориться, когда вы зайдете в это грешное болото, и сможете ли вы с этим справиться, все равно неизвестно. Что касается нас с Моти, тут дело совсем плохо: я знаю пару дыхательных упражнений, а он – вовсе ничего...

– Ты за других не расписывайся! – оживился Моти. – Я как-нибудь сам с собой разберусь, ладно?

– Ладно, – покорно согласился я, преодолевая желание пнуть его под зад. – Вопрос, собственно, в том, как сделать, чтобы ни один из нас не рехнулся в этом болоте окончательно. Не бросился назад, чтобы голыми руками придушить оставшихся, не засел в засаде, чтобы дожидаться того, кто придет следом. Важно ведь, чтобы мы от злости колдовать не начали – например, убивать друг друга на расстоянии. Я такого не умею, но теоретически, наверное, все возможно?.. Так вот, я стараюсь придумать: как бы сделать, чтобы мы все-таки шли вперед и не делали глупостей?

– И?... – Гуриг подался вперед. Кажется, мне действительно удалось его заинтересовать.

– Может быть имеет смысл придумать себе врагов прямо сейчас? – сказав это, я почему-то смутился, даже испугался слегка: а вдруг я говорю какие-то страшные глупости? Тогда эти трое вполне могут выйти из себя и дружно утопить меня в этом самом болоте. А что, оглушат и доволокут как-нибудь, всего-то полчаса пути, если я правильно понял...

– Придумать врагов? – переспросил Король. – Какая странная идея! Но... кажется, она мне нравится. Очень может быть... Только это должен быть общий враг! – неожиданно решил он. – Это важно. Какой-то такой враг, с которым мы сможем справиться только вчетвером. Тогда никому не придет в голову оставаться в засаде, или, тем более, возвращаться. Мы должны будем поневоле сплотиться для победы над этим самым врагом, которого воз-

ненавидим куда сильнее, чем друг друга. Очень хорошая идея, сэр Макс! Только я понятия не имею, кто может стать таким врагом. Лойсо Пондохва, говорят, мертв – а жаль, он бы, пожалуй, мог нас сплотить... Моти, ты кого-нибудь ненавидишь, кроме нас троих?

– Я вас не ненавижу, – буркнул тот. – Просто вы меня неопишимо раздражаете. А вот кому я бы с радостью откусил голову, так это своему драгоценному Орденскому начальству. Не научили меня элементарным вещам. Теперь вот позорюсь неслыханно – а чего им стоило?!

– Не пойдет, – вздохнул Король. – Нам троим будет довольно непросто всерьез ненавидеть Орден Семилистника, Благостный и Единственный. Как-то он мне не слишком мешает жить, честно говоря...

– Сидят сейчас в Иафахе, камру жрут, в бассейнах плещутся, – не слушая его, продолжал Моти. – Дурачков молодых, вроде меня, гоняют туда-сюда: поди, подай, принеси... Великое обучение великой магии, нечего сказать! Дерьмоглоты!..

– Ага. Дома сидят, – раздумчиво проговорил Гуриг. – В бассейнах плещутся, пока мы тут на краю болота прозябаем... Действительно мерзавцы!.. А двойник мой сейчас на корабле как славно отдыхает! Там в Королевской каюте и бассейны есть, между прочим. Не как дома, конечно, но в качестве дорожного варианта очень даже ничего: целых три... Ха! Господа, а вам не кажется, что это отличный объект для общей ненависти?

– Ваш двойник? – скептически поморщилась Лаюки.

– Не только он. Вообще все эти дармоеды на моем корабле, – лукаво ухмыльнулся Король. – Прохлаждаются там, понимаешь, пока мы тут по болотам шлепаем... Ничего, вот покончим с делами, заявимся на корабль, мы им устроим приятное возвращение домой! Они у нас попляшут! Я, конечно, и один могу им изрядно испортить жизнь, но вчетвером у нас гораздо лучше получится, вы не находите?

– Гениально! – вздохнул я. – Какой вы молодец!

В этот момент я ни капли не кривил душой. Идея Короля была столь хороша, что выбила из меня остатки неприязни к Гуригу. Ненавидеть банду придворных бездельников было легко, приятно и ни к чему не обязывало. Ну, положим, «ненавидеть» – громко сказано. Мне, разумеется, вовсе не хотелось их убивать. А вот наподдать как следует под зад, или просто нервы помотать хорошенько этой публике – совсем другое дело. Стоило мне представить, как мы сможем поглумиться над бедолагами на обратном пути – причастность к тайным делам Короля наверняка обеспечит нам полную безнаказанность! – и настроение начало исправляться. Какая-то часть моего сознания – тот самый молчаливый мудрец, который всегда стоит немного в стороне и без особого интереса наблюдает за похождениями прочей тушки – содрогнулась от стыда, но прочие составляющие личности бурно ликовали. Предложение Его Величества Гурига Восьмого всласть поизмываться над его свитой казалось мне самой соблазнительной морковкой из всех, что когда-либо мотались у меня перед носом.

– Ну хоть вы, сэр Макс, меня поняли, – обрадовался Король. – И ведь что прекрасно: для того, чтобы испортить жизнь этим засранцам, мне нужно сперва сделать дело. А без вас троих это будет непросто. Впрочем, у вас без меня и вовсе ничего не выйдет, имейте в виду.

– Да уж, – пробурчал Моти. – Нечего сказать, выдумали себе развлечение...

– Вы сможете это, друзья? – требовательно спросил Гуриг. – Сумеете обратить всю злость и раздражение на этих Никчемных-Бездельников-Путешествующих-На-Нашем-Корабле?

– Думаю, да, – ответила Лаюки. – Что-что, а концентрироваться на одной-единственной идее я умею. Да и публика у вас при дворе та еще, я всегда говорила...

– Попробую, – пообещал я. – Когда-то в юности мне удавалось заводить с пол-оборота и по более пустяковым причинам.

– Там, между прочим, больше дюжины моих коллег из Семилистника, – нехорошо ухмыльнулся Моти. – Толстожопая старая гвардия почтенных, заслуженных засранцев. Ради удовольствия испортить им путешествие можно, пожалуй, временно забыть о том, как вы все меня достали.

– Очень хорошо, – кивнул Король. – Думаю, имеет смысл попробовать.

– Вы пойдете первым, – решила Лаюки. И пояснила: – Если там, на болоте, все-таки не получится ненавидеть только тех, кто плывет на корабле, лучше уж вы нас дождетесь и прикончите, чем наоборот. Моти отправится вторым: с ним вы в случае чего, пожалуй, справитесь. Потом сэр Макс, последней – я. Потому что если уж мне придет в голову устроить на вас засаду...

– Можешь не продолжать, – мрачно хмыкнул Гуриг. – И так понятно.

– А догнать вас я не смогу при всем желании, – закончила она. – Если, конечно, делать интервал в час-полтора, как сэр Макс предлагал.

– Тогда я пошел. – Гуриг поднялся и взвалил на плечи рюкзак. – Сколько можно переливать из пустого в порожнее?! Надеюсь, когда мы встретимся, вы будете раздражать меня гораздо меньше, господа.

– Пожалуйста, будьте очень осторожны, – хмуро сказала Лаюки. – Если сломаете ногу или свернете шею, мне придется перерезать себе глотку. Папаша, дырку в небе над его могилой, умудрился привить мне совершенно нелепые, дикарские представления о профессиональной чести телохранителя.

– Именно поэтому я и сделал тебя доверенным телохранителем. – Гуриг отвесил ей шутовской поклон. – Только поэтому, ясно тебе?

Лаюки побледнела, но смолчала. Великое дело – выучка.

– Вы бы, что ли, пожрали на дорожку, – предложила она, когда Гуриг скрылся из вида. – Потом не до того будет.

– А я чем, по-твоему, занимаюсь? – хмуро спросил Моти, вгрызаясь в очередную кость. – Не переживай, скоро все сожру и стану таким же жирным кабаном, как ты. Будем с тобой сладкая парочка...

– Забываешься, – коротко рыкнула она, но свирепый Магистр притих. Сетовал, что совсем не может себя контролировать, а все же умел остановиться вовремя, как только понимал, что угроза получить по башке перестает быть умозрительной абстракцией.

Мне вдруг стало жаль Лаюки. Она по-прежнему страшно меня раздражала, но я уже привык к этому чувству и вполне мог его игнорировать. А Гуриг и Моти – вот же мерзавцы! – не потрудились взять себя в руки и не обижать понапрасну своего лучшего друга. Особенно Моти. Я очень не люблю, когда женщин попрекают их физическими недостатками. По мне, лучше уж ударить – все не так больно получится. Как ни крути, а Лаюки действительно уж слишком огромная, никуда от этого не денешься. Но другого тела у нее нет, и лучше бы не указывать человеку на изъяны, которые он не в силах устранить – так мне, по крайней мере, казалось.

– Не обращай внимания Лаюки, – я сделал над собой усилие, чтобы говорить дружелюбно. – Ты очень хорошая, я это даже сейчас понимаю, несмотря на это грешное болото и все, что оно с нами вытворяет.

– Спасибо, – сухо сказал она. – Если мы доживем до вечера, повтори это, пожалуйста, еще раз. Скажем, перед сном. Мне будет приятно. Мне и сейчас было бы приятно, если бы твой голос не приводил меня в бешенство. Понимаю, что ты тут ни при чем, поэтому держу себя в руках, но уж и ты, будь добр, пощади мои нервы!

Я с трудом сдержал желание швырнуть в эту неблагодарную тварь камень, или хоть сапог. Но ведь сдержал же!

Часа полтора мы провели в тягостном молчании – оно, впрочем, и к лучшему. Наконец Лаюки пристально поглядела на Моти.

– Пора, – лаконично сказала она.

– Сам знаю, – проворчал тот. – Береги свою жирную задницу, Лаюки. Другой такой нет во всем Соединенном Королевстве. Если увидимся вечером, можешь меня отколошматить: заслужил. Но знала бы ты, как я жалею, что не могу выписать тебе пару затрещин авансом...

– Ты не о том думаешь, – строго сказала Лаюки. – Думай о тех, кто на корабле. О своем начальстве. Если уцелеем, колошматить будем не друг друга, а этих бездельников, дубина ты этакая, ясно?

– Спасибо, что напомнила, – оживился Моти. – Действительно, славное развлечение Гуриг придумал. Надо иметь это в виду...

Удивительное дело, но он покинул нас, пребывая в куда более благодушном состоянии, чем я смел рассчитывать. То ли идея придумать внешнего врага оказалась настолько удачной, то ли Магистр Моти потрясаяще быстро учился мудреному искусству самоконтроля, мне бы так!

Мы с Лаюки еще какое-то время сидели молча. Потом она поставила на огонь котелок.

– Чаю-то выпьешь на дорожку?

– Как скажешь, – я пожал плечами. – Чаю так чаю. В процессе наверняка выяснится, что тебя раздражает, как я хлюпаю и глотаю, но попробовать можно.

– Ничего, потерплю, – вздохнула она. – Не так уж долго осталось. Потом, одной-то мне полегче будет. Собственно, я должна извиниться. Ты как-то очень хорошо и по-человечески поступил, когда сунулся меня утешать. И, честно говоря, я не очень понимаю, как тебе это удалось. Тут в драку бы не полезть, а уж утешать кого-то – немыслимо! Наверное, эти твои дыхательные техники очень хороши. У кого ты учился?

– Сэр Лонли-Локли был столь любезен, что показал мне эти упражнения, – церемонно сообщил я.

– А, бывший Безумный Рыбник?.. Странно. В Ордене Дырявой Чаши, где он начинал свою карьеру, дыхательным техникам уделяли не слишком много внимания. Вернее, вовсе никакого.

– При чем тут Орден? Его Джуффин учил. А как ты думаешь Безумный Рыбник стал «бывшим»? Такие вещи сами собой не происходят.

– Ага, – коротко вздохнула Лаюки.

Молчание, видимо, ее тяготило, потому что какое-то время спустя она заговорила снова:

– Меня действительно смертельно раздражает твой голос, сэр Макс. Не только сейчас, у болота, а вообще. Просто потому что это голос мужчины, которому я не нравлюсь – и не могу понравиться. Я таких нутром чую и невольно отвечаю глубокой неприязнью. Это, как мы с тобой понимаем, самозащита: трудно быть нелепой великаншей и при этом обладать таким любвеобильным сердцем, как у меня, вот и спасаюсь как могу. Ты тут, сам понимаешь, не виноват, так что не бери в голову. Я хочу помириться с тобой прямо сейчас, до того, как мы перейдем через болото, потому что ты того стоишь. Ты молодец: и у ведьмы этой нас спас, и сейчас держишься на удивление хорошо, да и зверь из тебя получился прекрасный, жаль, что ты ничего не помнишь...

Ее монолог меня так тронул, что всколыхнувшееся было язвительное раздражение как рукой сняло.

– Ты правда очень хорошая, Лаюки, – сказал я. – Мы с тобой можем стать прекрасными друзьями, когда этот поход...

– Не можем, – отрезала она. – И никогда не станем. Когда – если! – наш поход завершится, ты вернешься к своей жизни, а я к своей. Быть личным телохранителем Короля – это,

как ты мог заметить, рабство. Быть Тайным Сыщиком, как я понимаю, тоже – по крайней мере, отчасти. Мы с тобой рабы разных хозяев и встречаться будем только по воле наших господ. Оно, впрочем, и к лучшему: другом тебе я все равно стать не смогу. Потому я и завела этот разговор сейчас, пока во мне достаточно злости. Потом небось опять стану милой и вежливой – так вот, ты, пожалуйста, не подъезжай ко мне со своей дружбой и прочей сентиментальной ерундой в таком духе. Так будет лучше. Ладно?

– Как скажешь, – я пожал плечами.

Я смутно догадывался, что Лаюки сказала мне гораздо больше, чем я услышал, но разбираться в психологических тонкостях не было решительно никакой возможности: мне уже стало нестерпимо противно от нашего с нею воркования. Также мне, нашли время по душам говорить, болваны!

Я закурил очередную, чуть ли не сотую за сегодняшнее утро сигарету, лег на спину, уставился на небо. Вид его показался мне нестерпимо пошлым, хотя я не смог бы объяснить, в чем, собственно проблема.

– Еще одна просьба, – хмуро сказала Лаюки. – Если вдруг выйдет так, что ты благополучно выберешься из этого болота, а я – нет, присмотри за Гуригом. Моти не такой болван, как может показаться, но он все-таки из Ордена Семилистника, они там без магии шагу ступить не умеют. Так что в нашем нынешнем походе он скорее декоративное украшение. Гуриг все мечтал прогуляться по Муримаху в старой компании, как в детстве по степи гуляли. Также тот еще сентиментальный идиот...

– Тебе все-таки очень не идет мрачное выражение лица, – проворчал я. – И речи эти сварливые в твоих устах звучат нелепо. Прекращай ныть и ругаться, ладно? Ну, я понимаю, болото, да... Но сколько можно-то?!

Ответом мне было молчание, такое сердитое, что сырая трава чуть не задымилась. Но я поставил перед собой задачу: смотреть в небо и больше ни на что не обращать внимания. И неплохо справился.

– А как, собственно, надо ходить через болото? – спросил я, когда Лаюки в очередной раз перевернула маленькие песочные часы и выразительно постучала ногтем по стеклу: дескать, давай, собирайся.

– Как-как... Очень просто, по кочкам, – она пожала плечами. – Точно сказать не могу, я здесь тоже впервые. Но все, кому удавалось его перейти, пишут и рассказывают, что это несложно. Знай себе скачи по прямой с кочки на кочку, главное никуда не сворачивать. Там вроде бы даже метки поставлены: ярко-красные столбики, – если, конечно, еще никто их не повывергал в приступе ярости... Каких еще инструкций ты от меня ждешь?

– Я читал, вроде, шест нужен, – неуверенно сказал я. – Чтобы сперва почву щупать, а потом уже шагать. А то вдруг трясина...

– Ну, возьми какую-нибудь палку, – сердито сказала Лаюки. – Подбери, или выломай, если тебе так приспичило. И щупай на здоровье все, что захочешь. Иди давай, не тяни резину. Хочется уже поскорее с этим покончить.

– Ладно.

Я взвалил на спину рюкзак, огляделся по сторонам в поисках подходящей палки, наконец, подобрал кривую, но достаточно длинную и прочную сухую ветку – все лучше, чем ничего, особенно если сучки пообломать. Лаюки наблюдала за моими сборами с явным неудовольствием, но хоть вслух ничего не говорила. Наверное, сама устала ругаться.

– Удачи тебе, – сказал я.

– Для себя побереги, – буркнула Лаюки. – Пригодится. Иди уже отсюда!

И я пошел, потому что откладывать это удовольствие больше было невозможно. Правда четверть часа спустя мне чертовски захотелось вернуться и выложить наглой жирной скотине все, что я о ней думаю, но в тот момент у меня все же хватило выдержки и

здорового смысла уговорить себя не отвлекаться на пустяки, а потом мне стало не до Лаюки. Я попросту забыл о ее существовании.

Одно из немногих достоинств гнева – он сильнее страха. Строго говоря, ситуация была – хуже не придумаешь: я в полном одиночестве приближался к первому в своей жизни болоту. Прежде я только в кино видел всякие ужасы про гибель путников в трясине, зато уж чего-чего, а таких кошмаров я повидал вполне достаточно, чтобы благополучно скончаться от ужаса, ступив на первую же кочку. Но испугаться я так и не собрался: не до того было. Развлечений и так хватало: сперва зубами скрипел, кулаки стискивал, имена своих врагов твердил – и список, надо сказать, рос с каждым шагом, – а после... Честно говоря, я очень смутно помню, что было после. Так, в общих чертах.

Еще одно неоспоримое достоинство гнева: от него глупеешь настолько, что больше одной коротенькой мыслишки в голове попросту не помещается. Потом уже, задним числом, я понял, почему одинокие путники легко преодолевали Болото Гнева. И почему никто из нас четверых так и не соблазнился возможностью устроить засаду и угробить ненавистных спутников, мне тоже стало ясно: для помраченного злобой ума это слишком сложная интрига, немыслимо хитроумный расчет. Стоит сделать первый шаг в Болото Гнева, и в глазах темнеет от ярости, а потом горячая, горячая тьма захлестывает разум, до краев наполняет тело, того гляди из-под ногтей сочиться начнет. Вот и скачешь по кочкам, как бешеный заяц, мчишься напролом, почти не разбирая дороги – лишь бы вперед. Остановиться невозможно: здесь нет ни единого живого существа, а желание убить хоть кого-нибудь голыми руками, зубами рвать, ногами топтать, столь велико, что гонит тебя все дальше – в надежде, что где-то там, за болотом, наверняка обитают люди; до них вполне можно добраться, рано или поздно, так или иначе, но выйти к человеческому жилью, и уж тогда отвести душу...

Не могу представить, у кого хватило альтруизма и выдержки, чтобы разметить дорогу, но красные столбики действительно указывали безопасный путь. Следовать этим меткам меня понуждал вовсе не здравый смысл, а цвет: в помраченном состоянии рассудка я, надо думать, принимал их за пятна крови моей будущей жертвы, вот и бежал, как охотничья собака за раненой дичью. Я же говорю: гнев такой силы превращает человека в слабоумного идиота, и это стало моим – и нашим общим – спасением.

Я, честно говоря, даже и не вспоминал, что у меня есть какие-то спутники – не до того было. Вот если бы под руку кто-то подвернулся, тогда, конечно, другое дело, вцепился бы в глотку мертвой хваткой – знай наших! Но обошлось.

Когда ярость сменилась смертельной усталостью и глухим раздражением, а ко мне вернулась способность соображать, я осознал, что уже не скачу по кочкам, а иду по тропинке, вытоптанной в мокрой, густой траве. «Смотри-ка, выбрался, – вполне равнодушно подумал я. – И эти придурки, мои спутники, небось тоже выбрались. Еще немного, и увижу их постные рожи. И ведь никаких сил терпеть... Лучше бы нам всем в болоте утонуть, честное слово!»

Но я уже почти пришел в себя. Присел на какой-то трухлявый пенек, закурил, собрался с мыслями, вспомнил, что скверное настроение – всего лишь наваждение, вызванное путешествием через Болото Гнева, а на самом деле – по крайней мере, теоретически – спутники мои вполне милые люди, насколько люди вообще могут быть милыми, конечно... Эх!

Словом, я взял себя в руки, сумел как-то обуздать раздражение, дал себе честное слово не скандалить, даже не ворчать понапрасну. Решил быть вежливым и корректным, несмотря ни на что. Не так уж долго осталось их терпеть: Король что-то там говорил насчет скорого окончания пути – хорошо бы!

Я пошел дальше. Постепенно раздражение мое сменилось обычным унынием – чувство неприятное и непродуктивное, зато уж точно совершенно безопасное для окружающих.

А еще полчаса спустя я внезапно обнаружил, что у меня есть только одна насущная проблема: мне очень хочется немедленно убедиться, что с ребятами все в полном порядке. После этого мне, вероятно, придется повеситься на ближайшей осине – от стыда. После того, как я себя вел утром, мне придется это сделать, даже если выяснится, что в этом прекрасном Мире нет ни единой осины. Колдун я, в конце концов, или погулять вышел?!

От такого умозаключения я невольно ухмыльнулся; это, как я понимаю, и был переломный момент, возвращение старого доброго Макса в собственную шкуру, временно оккупированную каким-то посторонним неуравновешенным истеричным идиотом. Я мысленно поздравил себя с окончательным исцелением и прибавил шагу. Больше всего на свете мне сейчас хотелось найти Короля и Магистра Моти целыми и невредимыми, и потом всем вместе дожидаться Лаюки. Впрочем, за нее-то как раз можно было не слишком переживать: если уж я сумел как-то одолеть это грешное болото, она и подавно справится. Лаюки редкостная умница, молодчина, ей такое дело – пара пустяков.

Спутники мои, как оказалось, устроили на меня натуральную засаду. Выскочили из-за деревьев, с воплями заключили меня в объятия. Орал всякое глупое, невнятное, трогательное, вроде: «Дошелкакоймолодецэрмаксурадошел!» Впрочем, возможно, они просто издавали те нечленораздельные и почти неразличимые звуки, которые на письме обозначаются восклицательными знаками. Не знаю, я их не очень-то слушал, потому что и сам орал нечто невразумительное, фамильярно тискал Его Величество, дружески лупил Моти по спине и прочие глупости в таком роде проделывал, истосковавшись не столько по этим конкретным людям, сколько по способности испытывать теплые чувства к другим живым существам.

Наконец я запросил пощады. Ребята не слишком охотно спрыгнули с моей шеи, отвели меня на поляну за деревьями, где на мягкой траве были расстелены одеяла, а в центре деловито потрескивал костерок.

– Котел и эта твоя удобная жаровня остались в рюкзаке у Лаюки, – вздохнул Гуриг. – Моя вина: мог бы сообразить, утянуть самые ценные вещи с собой. Зато окорок с нами, скажите спасибо Моти: из него получился очень хозяйственный злодей. Пока мы демонстрировали друг другу свои достижения в области самоконтроля, он дал волю своей ярости и упер у нас всю ветчину.

– Это называется «экономические санкции», – глубокомысленно объяснил я. – Очень эффективный способ наказать противника.

– Именно. – Моти улыбался до ушей. – Представь себе, я сожрал три четверти наших припасов, пока пер через болото. Как – не помню, но не выбросил, а именно сожрал, факт. Два зуба сломал, и пузо болит теперь невыносимо.

– И полечить нельзя, – сочувственно вздохнул я.

– Да нет, как раз можно, – отмахнулся Гуриг. – Нам тут только колдовать нельзя, а лекарства жрать никто не запрещает. Я уже дал ему целую горсть пилюль, а как вы думали? Иначе он бы сейчас вурдалаком был. Два зуба сломать – не шутка.

– Но жрать я теперь долго не захочу, – криво ухмыльнулся бедняга. – Можешь не объяснять, что я дешево отделался, это и так понятно. Приключение то еще! Теперь пожалуй придется заводить внуков: кому еще такие страсти рассказывать, как не внукам?

– По-моему, и рассказывать-то особо нечего, – я пожал плечами. – Разве только интересно дать «Королевскому Голосу», под заголовком «Как я был идиотом»... Не смотрите на меня так, Ваше Величество, это шутка!

– То-то же, – надменно ухмыльнулся Гуриг. – Вы все же со мной поаккуратнее, сэр Макс. Будьте вежливы, обходительны и без этих ваших дурацких шуточек. Я вам не кто-нибудь, а...

Он замолчал и принялся рыться в рюкзаке. Пока мы с Моти обменивались недоуменными взглядами: «Что это на него нашло?» – Король нащупал то, что искал и торжествующе заключил:

– ...а владелец единственной в этом грешном лесу бутылки Осского Аша!

– Ну ничего себе! – хором сказали мы.

– Собирался откупорить ее, когда дело будет сделано, – признался Гуриг. – Но если уж мы прошли через Болото Гнева и остались живы... По-моему, это серьезный повод. Только уговор: делаем по одному глотку и ждем Лаюки. И так свинство без нее начинать, но она нас, пожалуй, простит. А вот если мы ей ничего не оставим, последствия могут быть фатальными.

Ну, положим, отпили мы как минимум по два глотка, но три четверти бутылки крепкого благоуханного пойла честно оставили до возвращения Лаюки. Какое-то время благоговейно молчали, лежали на траве, вытянув ноги, наслаждались теплом и покоем.

Наконец я понял, что для полного счастья мне совершенно необходимо покурить и поболтать.

– А известно, кто поставил эти красные столбики в болоте? – спросил я. – Это же кем надо быть, чтобы...

– Ну, положим, никому, кроме нас, не запрещено колдовать на Муримахе, – напомнил Гуриг. – Хороший колдун вполне может справиться с Болотом Гнева, почему нет?.. А кто именно это сделал, неизвестно. Говорят, до наступления Смутных Времен сэр Лойсо Пондохва возил сюда молодых послушников Ордена Водяной Вороны, чтобы те узнали вкус настоящей ярости. Может, его надо благодарить. А может, просто какой-нибудь местный лесничий порядок наводил. Знаете, на Муримахе встречаются чрезвычайно могущественные колдуны. Их искусство разительно отличается от известной нам Очевидной магии...

– Я вот все мечтаю пожить здесь дюжину-другую лет, – неожиданно признался Магистр Моти. – Поучиться всяким интересным вещам у разных хороших людей. А то... Понимаешь, сэр Макс, я же не зря у болота на Орденское начальство ругался. Ну, то есть, не совсем зря. Нас действительно мало и скверно учат. Требования к нам очень невысокие. Вот, скажем, я очень рано стал Старшим Магистром – подозреваю, только потому, что ухитрился в детстве с Королем подружиться, у нас в Ордене такие связи ценят чрезвычайно... И что ж? Думаешь, я много умею? Боюсь, даже по сравнению с тобой я – дитя бессмысленное. А ты сколько лет назад начал обучаться магии? Пять?

– Четыре, кажется... Ой, нет, три, – смущенно сказал я.

– Ну, тем более. И ведь я не тупица – а если и тупица, то не имел пока случая в этом убедиться. Просто нас очень мало и скверно обучают, действительно. Вот женщинам в Ордене Семилистника хорошо: с ними Сотофа возится, а уж она-то...

– Да уж, – подтвердил я. – Леди Сотофа – она вообще круче всех, кого я знаю. Пару раз, было дело, даже Джуффин к ней за помощью обращался. Я, честно говоря, подумал, что у вас в Семилистнике все такие крутые.

– Ну, положим, второй леди Сотофы Ханемер на всем свете нет. Но – да, девочки у нас «крутые», как ты выразился. На них все и держится. А мы – вообще непонятно зачем нужны. Для красоты и хозяйственных работ, так, что ли?

– Ты все-таки немного перегибаешь палку, – добродушно проворчал Гуриг. – Ну да, дела в Ордене Семилистника обстоят неважно. Но не так ужасно, как ты расписываешь.

– Все равно, если хочется изменить жизнь, надо ее менять, – сказал я. – Если кажется, что в Ордене только время зря уходит, стоит попробовать как-то иначе. Все-таки своя жизнь, не чужая. Жалко.

– Вот и я так думаю, – согласился Моти. – Только никак не могу решиться сделать первый шаг. Ну, знаешь небось, как это бывает. Страшновато.

– Небось не страшнее, чем на крыше Иафаха спать.

Он сперва удивился, а потом обрадовался.

– Да, верно. Я же сам тебе и рассказал, когда ты с дерева едва слез. Надо, пожалуй, почаще хвастать детскими подвигами. А то живешь, как дурак, взрослеешь и забываешь, что на самом-то деле ты – великий герой, которому море по колено... Ты прав, сэр Макс. Чем ворчать и бурчать, лучше уж глупости делать.

– Ну, в любом случае, уходить из Семилистника совершенно не обязательно, – вмешался Гуриг. – У Ордена есть какие-то представители на Муримахе, и не один. Ты подумай, чего тебе на самом деле хочется, а я узнаю, что тут можно сделать. Я бы, собственно, давно похлопотал, просто ты никогда не говорил, что тебе не нравится настоящее положение вещей.

– А я сам не знал, что оно мне не нравится, – пожал плечами Моти. – До сегодняшнего дня не знал. Теперь вот знаю.

– Ну хоть какая-то польза от этого грешного болота, – усмехнулся Король. – Надеюсь, Лаюки не запросится в отставку. Без нее я совсем пропаду, пожалуй.

– Она очень хорошая, – согласился я. – Скорей бы уже пришла. А то у меня сердце не на месте.

– А вот это совершенно напрасно, – укоризненно сказал Гуриг. – Лаюки не нам чета, уж с ней-то все будет в порядке! Скоро придет, не сомневайтесь.

Он как в воду глядел. Лаюки явилась через полчаса, обуреваемая самыми противоречивыми чувствами. Она была счастлива видеть нас целыми и невредимыми, но выглядела явно опечаленной, даже слегка пришибленной. Глаза подозрительно блеснули, а кончик носа слегка покраснел – ревела небось по дороге, потому и задержалась. Мы потратили остаток дня и Осского Аша, чтобы хоть немного поднять ей настроение, но не слишком преуспели. Лаюки улыбалась, благодарила за заботу, горячо соглашалась с нашими призывами забыть все, что произошло на подступах к Болоту Гнева: мало ли какие бывают наваждения? Но оставалась тихим печальным ангелом, еще более добрым и услужливым, чем прежде, однако напрочь лишенным былой щенячьей жизнерадостности. В конце концов мы были вынуждены просто оставить ее в покое, в надежде, что завтра все само как-нибудь рассосется.

Мы почти угадали – в том смысле, что завтра нам стало, мягко говоря, не до того.

То есть утро-то выдалось тихое, солнечное и безмятежное. Ноги сами просились в путь, а полупустые рюкзаки совершенно не отягощали окрепшие за время странствий плечи. К полудню мы вдруг вышли из леса в долину, простирающуюся между пологими холмами. Далеко впереди небо застилала огромная лиловая туча, там шел дождь, а над нашими головами по-прежнему сияло солнце.

– Наконец-то! Вот они, знаменитые Муримахские радуги, – восхищенно вздохнул Магистр Моти. – Я уже думал, так и не доведется на них полюбоваться. Не сезон, что ли?.. Но нет, все-таки нам повезло!

Я огляделся по сторонам и ахнул: эти радуги были совершенно не похожи на все, что мне доводилось видеть прежде. Своим существованием они опровергали все известные (и вероятно неизвестные) мне законы природы. Они не изгибались тонкой дугой в небесах, а располагались где угодно, принимали самые неожиданные и причудливые формы; некоторые, к тому же, двигались, как большие, неуклюжие призрачные животные. Огромное округлое пятно, размером со слона, как раз надвигалось на нас сзади. Сверху, с неба, спускалась сверкающая немыслимыми цветами паутина. Еще одна радуга лианой обвивала древесные стволы на опушке леса, другая была из земли фонтаном. А впереди, как раз у нас на пути, стоял толстенный радужный столб. Казалось, он укоренился в плодородной почве долины, другой конец его упирался в небо.

– Мать твою!.. – Только и вымолвил я, чувствуя, что ноги становятся ватными – от полноты переживаний.

Но в обморок я все же не грохнулся, а просто грузно осел на траву. Помолчал, качая головой, потом зажмурился, чтобы хоть немного прийти в чувство. Худо-бедно, это у меня получилось.

– А они не опасны? – на всякий случай спросил я. Все-таки огромное пятно было уже совсем близко.

– Наоборот, – возбужденно сказал Моти. – Исккупаться в такой радуге очень полезно. А уж приятно-то как!.. Нам повезло: они не так уж часто спускаются на землю, а тут просто праздник какой-то, вон их сколько к нам сползлось. Купайся – не хочу!

И он помчался навстречу радужному пятну.

– Это правда, сэр Макс, – подтвердила Лаюки. – Купание в радуге – одно из самых сладких переживаний, да еще и тело закаляет, даже лечит немножко – если, скажем, простудился или голова болит. Хорошее дело. Ты как хочешь, а я пойду вон к тому фонтану.

– То есть советуешь мне тоже окунуться? – неуверенно спросил я.

– Ну да. Столб, между прочим, просто шикарный. Пользуйся случаем, пока мы с Моти добрые!

– Спасибо, – поблагодарил я. И обернулся к Гуригу: – А вы что выбираете?

– А я воздержусь, – мягко сказал Король. – Мне пока лучше отказываться от удовольствий – кроме сна, еды и мытья – ну так это, строго говоря, не удовольствия даже, а совершенно необходимые вещи. Вас эти ограничения не касаются, так что – вперед! Приятного отдыха.

Моти тем временем уже кувыркался в радужном пятне, Лаюки подставляла лицо и руки разноцветным брызгам облюбованного ею фонтана. Я немного поколебался, но потом решил: все же радуга – не колдовское питье, вряд ли мне это повредит. И зашагал вперед, туда, где пылал и переливался огромный радужный столб.

Я был уже в полудюжине метров от обещанного блаженства, когда столб дернулся, изогнулся, натянулся, как тетива гигантского невидимого лука, и отпрыгнул назад. Такие резкие, неуклюжие с виду, но эффективные маневры часто встречаются в мультфильмах и почти никогда в реальной жизни. Я, честно говоря, совершенно обалдел. Стоял и глядел на это чудо, разинув рот: уж не померещилось ли?

Судя по всему, не померещилось. По крайней мере, теперь вожделенный радужный столб был гораздо дальше, чем несколько секунд назад. Кое-как справившись с шоком, я решил, что мои знания в области поведения живых радуг Муримаха не настолько глубоки и обширны, чтобы дать мне право удивляться. Мало ли, вдруг такие дикие прыжки – самое что ни на есть обычное дело? Поэтому я захлопнул пасть и сделал еще несколько шагов вперед.

Когда я приблизился к столбу на прежнее расстояние, он снова дернулся и отпрыгнул. Похоже, радуга не просто так скакала, а намеренно удирала от меня. Чтобы проверить эту гипотезу, я опять шагнул вперед. После четвертой попытки сомнений не оставалось: радужный столб вовсе не горел желанием меня искупать. Возможно, он полагал, что прежде мне следовало бы вымыть уши или, скажем, сменить белье. А может быть, любые гигиенические ухищрения были бы бесполезны, потому что радуга с первого взгляда невзлюбила форму моего носа. В любом случае, удовольствие явно отменялось или, по крайней мере, откладывалось на неопределенный срок.

Смешно сказать, но я обиделся. Всерьез обиделся на природное явление, как на живого человека. Скорчил несговорчивому радужному столбу рожу. Проворчал что-то вроде: «Ой-ой-ой, можно подумать!» Развернулся и пошел обратно в надежде, что другие радуги окажутся менее привередливыми и я все-таки смогу испытать обещанное удовольствие, а заодно избавиться от легкого, но довольно противного насморка, который допекал меня с

самого утра. Топал себе, ругался под нос неразборчиво – на всякий случай, чтобы радуги не услышали, не осерчали всерьез и не объявили меня персоной нон грата на вечные времена.

Поэтому я не сразу заметил, что у нас не все ладно. То есть «не сразу» – это еще мягко сказано. Я практически споткнулся о неподвижное тело лежащей на земле Лаюки. Только тогда остановился и увидел, что Магистр Моти тоже валяется в траве, чуть поодаль, зато Король сидит на камне, обхватив колени руками – как ни в чем не бывало, только на меня глядит с уважительным недоумением.

Ужас и отчаяние, захлестнувшие меня, были столь велики, что мгновенно переполнили тело, перехлестнули через край, да и вылились, как игристое вино из неосторожно открытой бутылки, а меня затопила звенящая, зудящая, тошнотворная пустота, от которой пересыхает во рту и темнеет в глазах, а вполне естественные вопросы: «Как? Почему? За что?» – липкими комьями застревают в горле, да так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни крикнуть, ни промолчать – все, абсолютно все становится невозможно.

– Что вы, сэр Макс? – мягко спросил Гуриг. – Думаете, они умерли? Это вряд ли. До сих пор мои спутники всегда оставались живы. Уверен, ребята просто спят, так что все в порядке. Эта земля всякий раз находит какой-нибудь интересный способ вывести моих спутников из игры в самый последний момент. Но чтобы уснуть, искупавшись в радуге – такого еще на моей памяти не было...

– Вывести из игры, значит, – повторил я. – «Интересный способ», ну-ну... Вы бы хоть заранее предупредили, что ли.

Больше всего на свете мне хотелось дать Его Величеству по морде. Но мы слишком далеко ушли от Болота Гнева, так что отвести душу не было решительно никакой возможности.

– Пожалуйста, поверьте мне: все в порядке, – настойчиво повторил Король. – Чем скорее вы успокоитесь, тем лучше – если уж так вышло, что вы не заснули... И не нужно ничего объяснять, я видел, как радуга от вас удирала. Возможно, это следует расценивать как приглашение... Впрочем, если вы не возражаете, я бы провел еще один эксперимент. Пожалуйста, попробуйте искупаться вон в том радужном пятне.

Лезть в эту грешную радугу, а потом падать замертво на траву мне, мягко говоря, не слишком хотелось. Я бы предпочел с утробным воем броситься прочь, не разбирая дороги, и завершить свою карьеру в каком-нибудь отдаленном овраге, куда я, несомненно, рано или поздно свалился бы, мне только волю дай.

Именно тогда я и понял, чем отличается Король от остальных людей: я просто не смог ему возразить. Если бы аналогичный приказ мне отдал сэр Джуффин Халли, которому я верил куда больше, чем самому себе, я бы отказался наотрез, на худой конец, закидал бы его истерическими вопросами, требовал бы гарантий безопасности, словом, приложил бы все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы спасти свою тушку от контакта с опасной радугой. Но вежливую просьбу его Величества Гурига Восьмого я выполнил беспрекословно, не задавая вопросов и не откладывая это сомнительное удовольствие на потом. Безропотно шагнул к радужному пятну. Оно повело себя в точности, как столб: подождало, пока я подойду поближе, дернулось и отскочило.

– Можно не продолжать, – кивнул Король. – И так все ясно. И что мне с вами делать? Можно попробовать отослать вас отсюда, но далеко уйти вы все равно не успеете, даже если бегом, так что и пробовать не станем... Можно было бы вас аккуратно оглушить, но этого я как раз не умею. Лаюки умеет, а я – нет, так что и говорить не о чем...

– Если мое мнение хоть что-нибудь значит, я хотел бы остаться в живых, – вежливо сказал я. – Все остальное на ваше усмотрение.

Сейчас это звучит как не слишком удачная шутка, но тогда я был совершенно серьезен. Смертельно серьезен, лучше не скажешь. Жопой чувствовал, что речь идет именно о жизни и смерти, хоть и не понимал, в чем, собственно, дело.

– Именно этим я и занимаюсь, – сухо сказал Гуриг. – В смысле, стараюсь придумать вариант, который позволит вам выжить. Понимаете, вокруг обязательных Королевских посещений Муримаха слишком много непроверенных слухов, легенд, просто сплетен. И почти никаких фактов. Одни источники сообщают, что Короли древности делали свидетелями мистерий своих друзей; другие – будто случайные свидетели таинства погибали в страшных мучениях. Что тут правда, что ложь – даже я понятия не имею. Может быть, вообще все правда. Но ни со мной, ни с моими предками никогда не случалось ничего подобного: наши спутники благополучно засыпали примерно за час до начала – всегда. Всегда, понимаете? И тут вдруг радуги отказываются вас усыплять, а начало, судя по всему, не за горами... Как это расценивать? Как приглашение? Вполне возможно. Но мне не хотелось бы подвергать вас такому риску... Ладно, что уж теперь. Давайте хоть яму выроем. У Лаюки в рюкзаке была лопатка, небольшая, но ничего, удобная...

– Для меня, что ли, яму? – спросил я, опрометью кидаясь к сложенным рюкзакам.

– Ну не для меня же, – вздохнул Король. – Эти древние сказки о друзьях Королей, которых якобы брали с собой – кажется, в одной из них упоминалось, что свидетель прятался в яме. Не факт, что это действительно необходимо. Но в любом случае, хуже-то уж точно не будет.

Потом мы остервенело рыли яму: Гуриг – этой самой «удобной лопаткой», которая на поверку оказалась почти декоративным совком, а я – ножом и котелком. Надо сказать, для людей, в жизни не вырывших ни единой ямы, мы, два конченых белоручки, действовали безупречно. Ну, нам еще и с почвой повезло, конечно: рыхлая, мягкая. Часу не прошло, а яма уже достигла таких размеров, что в скрюченном состоянии там вполне можно было спрятаться. Что я и сделал – по настоятельной просьбе Его Величества. Король еще и травой меня закидал, хорошо хоть, не землей. И камнем сверху не привалил – а ведь мог бы!

– Закройте глаза, пожалуйста, – попросил он. – Если выяснится, что вы действительно должны стать свидетелем, вы и с закрытыми глазами все увидите. А если нет – так даже лучше... Мы с вами вовремя успели: видите, небо уже темнеет, а стволы деревьев становятся прозрачными. Это мир начинает выворачиваться наизнанку. Мне пора. Удачи вам, сэр Макс. Увидимся.

Он отошел, а я послушно закрыл глаза и замер, затих, словно и не было меня никогда. Полусидел, полулежал, свернувшись клубком, обнимая колени, упирившиеся в подбородок – иначе я бы в этой убогой могилке не разместился. Был *тварью дрожащей* – правда, больше от холода, земля оказалась сырой, да и воздух снаружи внезапно посвежел, только что на зубах не похрустывал при каждом вдохе. Время для меня не шло вовсе. Не то чтобы оно тянулось или даже остановилось, просто его не стало. Время – оно ведь состоит из перемен, больших и малых, внешних и внутренних, заметных и почти неразличимых; вернее, перемены – это чуть ли не единственный доступный всякому человеку способ почувствовать ход времени (скачки секундной стрелки, движение песчинок, изливающихся из верхней чаши в нижнюю – тоже перемены, малосущественные, да, зато вполне наглядные). А для меня ничего не менялось, даже ноги почему-то так и не затекли, и теплее мне не стало; холоднее, впрочем, тоже. Мыслей в голове не было – ни единой. Как-то все слишком уж внезапно случилось, а наши с Королем земляные работы контузили меня окончательно.

Наконец время потекло для меня снова, потому что я услышал звук. Не то звон натянутой басовой струны какого-то неведомого инструмента, не то гул подземной реки, не то дальние раскаты грома. На самом-то деле, это низкое, бархатистое гудение, от которого по телу разливалось тепло, а губы невольно складывались в улыбку, не было похоже вообще

ни на что – это я так, по привычке пытаюсь описать нечто невыразимое, сравнивая его со знакомыми вещами – и совершенно зря.

Звук постепенно нарастал, а я возвращался к жизни, со всеми вытекающими последствиями. Сперва мне стало страшно, потом – очень страшно, еще немного погодя я чуть дуба не дал от ужаса; наконец, исчерпал свои возможности в этой области и внезапно успокоился. Понял вдруг, что умираю от любопытства: что там, снаружи, происходит? Но наказ Короля соблюдал свято, глаз не открывал, даже не думал о такой возможности. Зато прислушивался внимательно: уши-то мне никто не велел затыкать. Возможно, по недосмотру, но об ушах речи точно не шло.

Собственно, «прислушивался» – не слишком меткое определение. Неведомый звук был настолько сильнее меня, что мои намерения не имели никакого значения. Я вполне мог бы попытаться сопротивляться, не слушать, не обращать внимания – результат вышел бы ровно тот же.

Вместе с бодростью ко мне вернулось и желание устроиться поудобнее. Вытянуть ноги, конечно, было совершенно нереально, но хоть немного выпрямить спину и расправить плечи – пожалуй. Я кое-как переменял позу. Теперь голова моя была запрокинута, зато спина опиралась на земляную стену, а колени немного отделились от подбородка – совсем чуть-чуть, но в тот момент и это казалось невиданным облегчением. Несколько секунд я наслаждался обретенным комфортом, но потом...

Ох.

Веки мои вдруг стали прозрачными, и я увидел небо – не дневное, не ночное, даже не сияющие перламутровые небеса Темной Стороны Мира, где я с недавних пор чувствовал себя как дома, а изумрудно-зеленую твердь, расколотую в нескольких местах. Сквозь щели пробивался ослепительный оранжевый свет – можно было подумать, что небо горит с изнанки. Сказать, что я испугался – значит не сказать ничего. Первым мои инстинктивным движением была попытка закрыть внезапно прозревшие глаза руками. Я сумел справиться с этой задачей, поднести к лицу затекшие верхние конечности – и все это лишь для того, чтобы обнаружить: ладони мои стали такими же прозрачными, как веки, а значит, придется смотреть, как ширятся огненные разломы, как сморщивается зеленая мякоть небес, а на новом оранжевом фоне одна за другой вспыхивают угольно-черные звезды.

А потом я увидел Короля. Он стоял в нескольких метрах от моей ямы, голый и просто-волосый. Тело его казалось стеклянной игрушкой: оно стало прозрачным и блестящим, так что когда Гуриг сделал шаг, я вздрогнул, испугавшись, что он сейчас разобьется, разлетится на тысячи мельчайших осколков, и я ничего не смогу сделать, потому что и сам такой же: прозрачный, стеклянный, хрупкий, ненадежно упакованный экземпляр.

Король, впрочем, не разбился, а спокойно потопал дальше. Я перевел дыхание. Значит, и мои прозрачные руки прочнее, чем кажется, следовательно, пока живем. Может и переживем еще это inferнальное приключение, чем черт не шутит.

Гуриг тем временем остановился, воздел руки к небу и замер, прекрасный, нелепый и неподвижный, как ледяная статуя. Время снова остановилось для нас обоих: ничего не происходило, да и мы сами, кажется, тоже не происходили – разве только мерещились помаленьку, причем оба – мне.

Когда я понял, что увяз в этой бессмысленной разноцветной вечности, как мошка в смоляном сиропе, и даже отчасти смирился с таким положением дел – некоторые вон, говорят, после смерти в котлах варятся, а иных Люцифер, как резинку, жует, и ничего – мир снова стал меняться. Приходить в божеский вид, так сказать. Сперва поблекло огненное небо, потом стало светло, хоть и тускло – как в очень пасмурный день, а древесные стволы обрели былую плотность. Наконец мои ладони и веки утратили прозрачность, и я тут же воспользовался возможностью хоть как-то спрятаться от взбесившейся реальности: зажму-

рился еще крепче, да еще и лицо в колени уткнул. Страусиный подход к решению проблемы, не спорю. Но мне здорово полегчало.

Пару минут спустя я услышал вкрадчивый голос Короля:

– Сэр Макс, как вы там?

– Н-н-ну... как-то так, – промычал я. – По крайней мере, живой.

– Это очень хорошо, – совершенно серьезно сказал он. – Если так, можете вылезать из ямы, представление окончено. Проводите меня на место, если уж так сложилось. Все веселее.

– На место чего? – удивился я. – А разве еще не?.. Вы же сами сказали, что представление окончено.

– Ну да – в том смысле, что мир благополучно вывернулся наизнанку, и мы вместе с ним. Фейерверков больше не будет, да и я оделся, можете открывать глаза, не стесняйтесь... И давайте, вылезайте из этой грешной ямы, не бойтесь. Прятаться больше незачем – если уж вы до сих пор живы и здоровы.

– И снова непрозрачный, – проворчал я, пытаясь подняться на совершенно лишенные чувствительности ноги. – Это меня больше всего радует. Оказывается, это очень страшно: когда невозможно перестать видеть. Хуже слепоты. Вот уж никогда не думал.

– Это действительно очень страшно, – согласился Гуриг. – Я сам в первый раз чуть не рехнулся – а ведь меня все-таки специально готовили... Вам помочь?

– А тут ничем не поможешь, надо ждать, – вздохнул я, растирая икры и чувствуя, как в них впивается миллион мельчайших иголок – добрый признак.

– Пока можно подождать. Но в любой момент может оказаться, что пора идти, – озабоченно сказал Гуриг. – Тут не я решаю.

– Ничего, скоро все будет в порядке.

И действительно, минутой спустя я выполз из своего убежища. На четвереньках, конечно, но я надеялся, что как-нибудь сумею эволюционировать в кратчайшие сроки. Я, говорят, способный.

– Никогда не думал, что кто-нибудь однажды составит мне компанию на последнем этапе пути, – возбужденно говорил Король, страшно довольный, что теперь ему, в любом случае, не придется тащить меня волоком. – И когда вас приглашал, ни на секунду не задумался, чем это может кончиться... Ну, с другой стороны, если эта земля сама захотела показаться вам во всей своей красе – рад, что смог ей угодить. Мое дело маленькое: угадывать ее желания и стараться их выполнять – это я уже вам говорил, верно?

– Может быть, – вздохнул я. – У меня такой сумбур в голове! Удивительно еще, что помню, как сюда попал. Ничего, в крайнем случае, буду при вас шутом.

– Это как? – заинтересовался Король.

– А разве у вас при дворе нет должности шута? Ну, такого специального полезного идиота, который крутится под ногами, порет чушь и корчит рожи. В том мире, где я вырос, все монархи когда-то имели при себе шутов. Традиция такая была; теперь, правда, ни тех, ни других почти не осталось...

– Идиотов-то у меня при дворе сколько угодно, – признался Король. – Но специальной должности нет. Официально у этих господ совсем иные звания. Это, наверное, не то?

– Совершенно не то, – я помотал головой. – Наоборот, большим шиком считалось держаться на месте шута умного человека.

– Ясно, – вздохнул Король. – Значит, ни в одном из обитаемых миров нет ни гармонии, ни совершенства, ни даже сколько-нибудь внятной логики; впрочем, я всегда был в этом уверен... Если вы ищете свои курительные принадлежности, имейте в виду: я видел что-то очень похожее вон под тем кустом.

– Гляди-ка, вывернулись наизнанку вместе со всем остальным миром, – обрадовался я, нашарив в указанных зарослях пачку своих сигарет. – Как миленькие вывернулись – что бы это ни значило!.. А кстати, да. «Наизнанку». Вы можете объяснить, что это значит?

– Разумеется нет, – беззаботно отвечал Гуриг. – Но зачем объяснения, если вы оказались способны пережить это вместе со мной? Вы лучше по сторонам глядите, примечайте перемены. Опыт – единственное сокровище, которое вы сможете унести из этой долины. Но я, честно говоря, не думаю, что человеку вроде вас нужны какие-то иные сокровища.

Я понял, что меня таким причудливым образом хвалят, от смущения поперхнулся дымом и закашлялся.

Стая мелких пестрых бабочек выпорхнула из кустарника, потревоженная моим кашлем. Я явственно услышал, как одна из них пропищала: «Ужас какой!» – но решил, что мне померещилось, и жаловаться на разговорчивых насекомых не стал. Если Король поймет, что оказался наедине с галлюцинирующим психом, каково ему будет? То-то же.

– Пора идти! – внезапно спохватился он. – Сэр Макс, вы ведь можете докурить на ходу, правда? Тропа за нами пришла. Она ждать не будет.

– Конечно-конечно! – я вскочил на окрепшие уже ноги. – А как это – «тропа пришла»?

Но Гуригу не пришлось ничего объяснять: я и сам увидел, что под ногами у него крутится огромный клубок, больше всего похожий на гигантское перекаати-поле. Король изловчился, наступил как-то на один из торчащих во все стороны не то лоскутов, не то хвостов – и клубок тут же покатился вперед, понемногу разматываясь. Под ноги Гуригу стелилась самая настоящая тропинка – если бы я своими глазами не видел это нелепое «перекаати-поле», решил бы, что тропинка вытоптана несколькими парами вполне человеческих ног, обутых в мягкие угуландские сапожки.

– Вы только не отставайте, сэр Макс, – попросил Король. – Здешние тропы шустрые. Любят и сами побегать, и путников погонять.

Я что-то промычал, и мы припустили что было духу: клубок и правда катился очень уж резво. К счастью, движение его было неравномерным – то замедлит бег, то стрелой полетит вперед, а то и вовсе остановится: дескать, перекур. Во время таких перекуров я хоть по сторонам немного успевал оглядеться.

Мир не изменился разительно, как это бывает на Темной Стороне, где твердые поверхности становятся похожи на водную рябь, каждый ветер имеет свой цвет, а тени весят больше, чем предметы, которые их отбрасывают. Здешние отличия от привычной картины были иного свойства: они не бросались в глаза, а проявлялись постепенно, одна за другой, да и распознать их не всегда удавалось. Как, скажем, эта наша живая тропа: если бы Король не сказал мне, что это такое, я бы и внимания, пожалуй, не обратил: ну да, очень большое перекаати-поле – подумаешь, какая цаца... Я подозревал, что еще великое множество удивительных вещей таким же образом ускользает от моего внимания, но тут уж ничего нельзя было поделать.

Довольно скоро я убедился, что вся тутошняя живность обладает даром речи и, увы, сварливым характером. Мелкие птички, бабочки и жуки наперебой ругали нас последними словами, крыли на чем свет стоит. К счастью, голоса у них были очень тихие, так что половины я просто не расслышал. Но когда какое-то жалкое подобие зеленого воробья отчетливо обозвало нас «двумя неуклюжими бурдюками с дерьмом», – я всерьез возмутился, а Король от души расхохотался, слушая мое обиженное ворчание.

– Птичка по-своему права, сэр Макс, – наконец сказал он. – И все остальные тоже. Мы нарушили их покой. Представьте себе, каково нам придется, если по Ехо станут бегать бестолковые великаны, круша заборы и сшибая локтями флюгеры.

Зато кусты и деревья не обращали на нас никакого внимания. Они, как мне показалось, были целиком поглощены выяснением каких-то возвышенных, но запутанных отношений

друг с другом. На наших глазах одно высокое, ветвистое дерево с огромным трудом вытаскивало из земли собственные корни, чтобы перебраться поближе к другому, чьи ветви призывно дрожали на ветру; несколько их собратьев наблюдали за процессом с явным сочувствием и, как мне показалось, лезли с советами – хотя голосов растений я так ни разу и не услышал или просто не разобрал в общем гвалте.

Тут и там из-под земли били тонкие струи воды – это было похоже скорее на работу невидимых поливальных установок, чем на обычные родники. Трава начинала колыхаться прежде, чем поднимался ветер, хотя эти два явления, безусловно, по-прежнему были связаны между собой, вот только причина явно поменялась местом со следствием. Мы прошли мимо поляны, по которой метались солнечные зайчики – при том, что в небе не было ни намека на солнце. Комочки света, тем не менее, прекрасно себя чувствовали и, похоже, играли в догонялки. Несколько раз нам приходилось преодолевать довольно глубокие овраги – так вот, каждый обладал собственным, ярко выраженным характером. Один услужливо помог нам выбраться, в один миг превратив почти отвесную стену в удобный пологий подъем; другой зато от души развлекся, трижды заставляя нас скатываться назад – клубок наш при этом страшно занервничал, дергался и прыгал на краю оврага, как мячик йо-йо, а потом, когда мы кое-как выползли на поверхность, мстительно рванул вперед на крейсерской скорости.

Наконец, когда я начал подозревать, что для Королевского обряда все же требуется хотя бы одна человеческая жертва, а посему наша неутомимая тропа не успокоится, пока я не умру от усталости (Гуриг держался бодро и вообще казался совершенно неутомимым бегуном), диковинное «перекати-поле» резко остановилось на небольшой цветущей лужайке, конвульсивно задергалось, наконец оторвалось от тропинки, крепко прижатой к земле Королевским сапогом, и, взревев на прощание как невоспитанный реактивный двигатель, прыгнуло куда-то вбок и исчезло в густых зарослях.

– Вот мы и на месте, – улыбнулся Король. – Вы посидите тихонечко, сэр Макс, я быстро. Только пожалуйста, не двигайтесь и помалкивайте. Поскольку до сих пор этот обряд всегда происходил без свидетелей, вам, наверное, следует сделать вид, будто вас и нет вовсе. По крайней мере, других идей у меня нет.

Я молча кивнул и уселся на траву, предвкушая грядущее зрелище. Я был совершенно уверен, что сейчас Король станет распевать заклинания, выплясывать какие-то диковинные фигуры – словом, поведет себя, как самый настоящий шаман. В юности я всерьез мечтал стать антропологом; выучиться, впрочем, так и не собрался – и тут, гляди-ка, уникальное полевое исследование само пришло в руки!

Но не тут-то было. Король не стал ни петь, ни плясать, зато, к моему изумлению, достал из кармана лоохи небольшую деревянную расческу и, помахивая ею, принялся бродить по лужайке, внимательно разглядывая траву под ногами. Наконец он остановился – видимо, нашел то, что искал – и опустился на четвереньки перед пучком высокой и, как мне показалось, сухой, бледной травы. Сперва долго гладил траву руками, бормотал что-то невнятное, потом пустил в ход гребень. Погибая от любопытства, я затаил дыхание и прислушался в надежде, что разберу хоть что-то. И отчетливо услышал, как Его Величество Гуриг Восьмой ласково шепчет: «Ах ты, растрепка!»

«Все-таки это сон, – подумал я со смесью облегчения и разочарования. – То-то я смотрю, вокруг такой бред собачий творится: то бабочки на нас ворчат, то тропинка клубком разматывается... Интересно, это я в яме заснул или еще раньше?»

Словно возмущившись примитивностью моих выводов, земля подо мной вдруг начала дрожать. В детстве мне однажды довелось пережить землетрясение – не очень сильное, всего четыре балла, но, чтобы перепугаться, вполне хватило. Так вот, нынешние колебания земли совершенно не были похожи на те мои впечатления. Сейчас земля дрожала ласково и ритмично, ходила не столько вверх-вниз, сколько из стороны в сторону, словно я был младенцем

и ей поручили меня убаюкать. Не могу сказать, что она была на пути к успеху: вместо того, чтобы впасть в блаженную дрему, я смертельно перепугался и не заорал только из уважения к Королю, который просил помалкивать и вообще не подавать никаких признаков жизни. Вцепился в траву руками, ногами да еще и взглядом, дыхание затаил, переживал катастрофу в надежде, что такое не может быть надолго. Но я ошибся. Земля все раскачивалась и раскачивалась. Был бы я действительно младенцем, непременно постарался бы вывалиться из колыбели, уползти от греха подальше от такой старательной няньки. Но когда твоя колыбель – весь мир, вывалиться из нее очень непросто.

Постепенно я утрачивал представления о реальности. Где верх, где низ, где твердь, где воздух, где заканчиваюсь я и начинаются луговые травы – полчаса спустя у меня не было даже подобия ответов на эти вопросы. А потом не стало самих вопросов, зато и страха не стало: трудно продолжать опасаться за свою шкуру, когда сметены границы между этой самой шкурой и прочей реальностью, когда ты вовсе не «пуп земли», единственная, неповторимая и уникальная драгоценность, а просто один из малозначительных фрагментов окружающего мира, дополнительная пылинка особо крупных размеров, чепуха, было бы о чем беспокоиться. Вот я и не беспокоился больше и вообще ни о чем не думал. Просто продолжал быть – довольно причудливым образом, конечно, ну, хоть как-то.

Наконец все закончилось. Вернее, закончился я сам, растворился в густой чернильной жиже небытия – то ли просто в обморок грохнулся, то ли все же уснул, убаюканный столь причудливой колыбельной.

– Сэр Макс, вы хоть живы-то?

Думаю, меня привел в чувство не голос Короля, а сила его надежды. Не открыть глаза, не выдавить из себя жалкое подобие улыбки, не задать традиционный вопрос: «А что вообще происходит?» – это бы выглядело государственным преступлением. Когда Король имеет перепуганный и виноватый вид, а голос его дрожит от волнения, настоящий монархист просто обязан восстать из мертвых, а уж в обмороке валяться – свинство запредельное, похуже дворцового переворота.

– Все очень хорошо, – сказал я минуту спустя, когда оклемался окончательно и понял, что так распрекрасно не чувствовал себя никогда в жизни – ну, разве что в детстве. – Более, чем хорошо. Страшно даже. Покурить, что ли?

– Непременно, – серьезно, тоном лечащего врача подтвердил Гуриг. Немного помолчал и добавил: – Знаете, сэр Макс, я много слышал об удивительных напитках, которые вы достаете из Щели между Мирами. То есть, поймите меня правильно, я вовсе не хочу вас утруждать, но на всякий случай имейте в виду: колдовать уже можно. Сколько угодно. Моя миссия завершена, Мир больше не вывернут наизнанку, и для нас с вами началась нормальная человеческая жизнь.

– Так это же меняет дело!

Я так обрадовался, что думать забыл о пережитом потрясении. «Можно колдовать» – это означало, что несколько минут спустя я буду пить кофе – при условии, что за время вынужденного бездействия не потерял квалификацию, конечно. Но я в себя верил.

– Хотите попробовать кофе? – спросил я Короля. – Напиток очень на любителя, конечно, но вдруг вам понравится? А если не понравится, попробуем чай, ну или хоть лимонад какой-нибудь...

– Я с радостью попробую и кофе, и чай, и... как его... – мулинад? – и вообще все, что вы сможете добыть, – заверил меня Король.

Его энтузиазм был безграничен. Я накрыл руку полой лоохи, сосредоточился на мысли о чашке капучино – и понеслось. В течение ближайших полутора часов я извлек из Щели между Мирами все обещанные напитки, а кроме них апельсиновый сок, молочный кок-

тейль, бутылку рома, калабас с мате, кувшин грушевого сидра, чашку горячего шоколада и кастрюлю вишневого компота в придачу. Гуригу понравилось все, кроме рома: дескать, слишком крепок. Я вежливо с ним согласился и припрятал бутылку за пазуху, для Лаюки с Моти. Почему-то не сомневался, что ребята оценят этот поступок по достоинству.

Пока Король дегустировал мою добычу, я погибал от желания задать ему несколько тысяч вопросов. Ну или хотя бы один: «Что это было?» Наконец не выдержал и осторожно поинтересовался:

– А кого вы причесывали перед тем, как началось землетрясение?

– Что началось? – удивился он.

– Ну, когда земля стала качаться... А перед этим вы кого-то причесывали.

Гуриг задумался. Даже от вишневого компота оторвался на время – мне-то казалось, их теперь ничто не разлучит; я уже привыкал к мысли, что теперь мне придется поставлять этот грешный компот ко двору – ежедневно, без выходных и тем более отпуска.

– Ну, если вы все равно видели, – наконец решил Король, – можно и объяснить. – Он снова помолчал, подыскивая нужные слова.

– Я причесывал землю. Собственно говоря, именно в этом и состоит моя почетная, приятная и не слишком обременительная обязанность: время от времени приводить в порядок растрепанный Чуб земли. Ничего особенного, просто несколько светлых, жестких прядок, на первый взгляд немного похожих на сухую траву – ну, вы сами все видели, когда мир еще был вывернут наизнанку. Сейчас-то, понятно, никто его не найдет. Оно и к лучшему, а то повадились бы какие-нибудь безумные Магистры землю за Чуб дергать – и чем бы все кончилось?!

Я озадаченно подумал, что земля у нас, оказывается, блондинка, да еще и с тяжелым, неуступчивым характером – если уж волосы жесткие. Но у меня хватило ума не озвучивать этот бред.

– То есть, вы причесываете этот самый Чуб, и... И все?

– Ну да. Причесываю до тех пор, пока земля не начнет смеяться от удовольствия. Когда все вокруг стало раскачиваться – это как раз и был ее смех.

– Ага... И этого достаточно, чтобы все стало хорошо? – изумился я. – Неужели земле так мало нужно?

– Понимаете, как получается, – улыбнулся Гуриг, – я, конечно, регулярно совершаю этот обряд на Муримахе, и еще несколько в других местах. Выполняю все договоры, которые заключили с этой прекрасной землей мои древние предшественники. Свято верю, что любая, самая ничтожная ошибка может стать причиной невиданной катастрофы, зато успех подарит моим подданным еще несколько безмятежных урожайных лет. Все это, конечно, так... Но, знаете, честно говоря, я не сомневаюсь, что эта земля сама хочет быть плодородной. Ну вот как мы с вами – мы же искренне хотим становиться лучше и мудрее, это совершенно естественное желание. Все живые существа хотят примерно одного и того же: счастья и гармонии. А земля – такое же живое существо, как мы с вами, хотя вам, конечно, довольно трудно это себе представить. Мы, Короли, вовсе не подчиняем природу своей воле, не заставляем ее потворствовать нашим капризам, а лишь помогаем этой прекрасной земле по мере своих скромных сил. Смягчаем ее буйный нрав, развлекаем ее как можем, радуемся, когда у нас получается ей угодить.

Я только головой качал: уж очень странно это все звучало. То ли слишком уж просто, то ли, напротив, слишком сложно для меня.

– Мои царственные коллеги, Куманские и Шиншийские халифы, с древних времен владели этим искусством, – продолжал Гуриг. – Собственно, наши традиции родом именно оттуда, с Уандука. Создатель и строитель Соединенного Королевства Халла Махун Мохнатый был посвящен в эту тайну в самом начале своих трудов. Он прибыл сюда в очень непро-

стые времена: в хрониках написано, что море в ту эпоху бушевало, желая выйти из берегов, и без его вмешательства не только Сердце Мира, но и добрая половина Хонхоны могла оказаться под водой. Халла Махун заклинал взбунтовавшуюся стихию ежеутрене, на протяжении многих столетий, пока нрав моря не смягчился окончательно. Нам-то куда легче живется! – Король вскочил на ноги, с наслаждением потянулся и предложил: – Если вы не возражаете, мы могли бы вернуться к нашим спутникам.

– И разбудить их? – с готовностью подхватил я.

– Думаю, они и сами давным-давно проснулись. Впрочем, что толку гадать, когда можно просто послать им зов... Надо же, я уже совсем отвык от Безмолвной речи!

– Ох, действительно! И мне в голову не пришло. Надо бы...

– Сэр Макс, – мягко остановил меня Гуриг. – Когда мы с вами отправлялись в это путешествие, я сказал, что не собираюсь связывать вас ни обетом молчания, ни, тем более, древними заклетьями. Тогда я и вообразить не мог, как много вы увидите...

– То есть эту вашу страшную клятву лучше бы все-таки принести?

Не могу сказать, что я обрадовался такому повороту, но и большой неожиданностью он для меня не стал. Узнал я, как ни крути, куда больше, чем рассчитывал, хотя, честно говоря, понятия не имел, на кой мне сдалась такая бесценная информация. Доктором антропологии на таком материале вполне можно стать, согласен. Но больше обретенное мною тайное знание ни на что не годилось.

– Да нет же, – отмахнулся Король. – Какие уж тут клятвы, если эта земля сама зачем-то допустила вас к церемонии... Понятия не имею, почему, но предполагаю, что ей просто стало любопытно. Еще бы, вы же родились и выросли в другом мире! Конечно, ей интересно, что за чужак такой, чем пахнет, как устроен? Вот и пустила вас на изнанку, чтобы лучше приглядеться... Глупо было вмешиваться в ваши с нею отношения, заклетьями какими-то дурацкими уста вам смыкать – при том, что сэр Джуффин Халли со всеми моими и не только моими заклетьями рано или поздно, да справится.

– С другой стороны, не убивать же меня теперь, – осторожно сказал я.

– Да, это было бы довольно глупо, – спокойно согласился Король. – Поэтому вы просто имейте в виду: от вашего молчания зависит судьба всех граждан Соединенного Королевства; больше того, всех обитателей Хонхоны. Наша земля не любит, когда о ее делах начинают болтать люди, это не предположение, а правило, проверенное горчайшим опытом. А когда земля недовольна, моря выходят из берегов, а ветры принимаются крушить все на своем пути. Она у нас вспыльчивая. – Гуриг сказал это с гордостью, так, словно бы тяжелый нрав планеты был, во-первых, достоинством, а во-вторых – его личной заслугой.

– Если нужно выбирать, пусть уж лучше на меня Джуффин обижается, – вздохнул я. – По крайней мере, обойдется без наводнений и ураганов, в этом я совершенно уверен.

– Вот теперь можете посылать зов кому угодно, – улыбнулся Король. – И не стесняйтесь, мне тоже найдется, с кем побеседовать – после такого-то перерыва! Вам ведь удобно разговаривать на ходу?

Я пожал плечами – дескать, справлюсь как-нибудь, – и с головой окунулся в общение с теми, кто остался дома. Следует признать, что сэр Джуффин Халли был в этом списке не первым, а третьим. В ту пору мне было приятно думать, что как раз вот этого порядкового номера шеф бы мне ни за что не простил. Впрочем, я до сих пор неважно разбираюсь в людях, а уж тогда-то вообще ничего не понимал.

Мы шли добрых часа два. Реальность присмирела: деревья росли там, где им положено, не предпринимая попыток выкапываться и пересаживаться, а птички и букашки больше не отпускали замечаний на наш счет, хотя мне то и дело мерещилось, что косятся они неодобрительно. Наконец нам открылось дивное зрелище: Старший Магистр Ордена Семи-

листника Моти, голый по пояс, простоволосый и босой, на четвереньках ползал по лужайке и громко мяукал. Леди Лаюки громогласно хохотала, уперев руки в бока.

– Мы тут в «Крак» режемся, на желание, – объяснила она, тасуя колоду карт. – Денег-то с собой не брали... А ты куда подевался, сэр Макс? Мы тебя искали-искали, но зов послать не решились. Никак не могли понять, можно уже колдовать или еще нельзя...

– Он ходил со мной, – объяснил Гуриг.

Эти двое невольно отпрянули от меня, как от прокаженного, и изумленно уставились на Короля. На их лицах был отчетливо написан вопрос: «Все пропало?» – и еще несколько дюжин вопросительных и восклицательных знаков, вперемешку.

– Да нет же, все в порядке, – устало сказал Гуриг. – Так было нужно. Все прошло очень хорошо, даже лучше, чем обычно. Думаю, нам предстоят прекрасные, спокойные годы. А для начала – приятное путешествие домой. Я связался с сэром Кати Плихом, который руководит всем этим маскарадом. Корабль причалит к берегу в условленном месте послезавтра, сразу после полуночи. До побережья всего день пути. Значит, отдыхаем до завтрашнего утра. Можно прямо здесь: отличный луг, а дождя, кажется, теперь долго еще не будет... Сэр Макс, добудете нам еще деликатесов из иных миров? Магистры знают, что такое эти ваши лакомства! Как жаль, что сэр Джуффин не отпустит вас из Тайного Сыска... Я бы многое дал, чтобы иметь вас под рукой!

– Нет, Джуффин, конечно, ни за что меня не отпустит, – с притворным сожалением сказал я. – Но я могу время от времени что-нибудь вам присылать. Вот хотя бы вишневы компот...

– Ничего не выйдет, – вздохнул Гуриг. – Ваши гостинцы с благодарностью примут и тщательно уничтожат, как только за курьером закроется дверь. Дело в том, что начальнику дворцовой стражи моего прадеда всюду мерещились отравители. Старик кончил свои дни в Приюте Безумных, несколько столетий назад, но заказывать еду из городских трактиров и, уж тем более, принимать гостинцы от частных лиц нам с тех пор строжайше запрещено. Это называется «традиция».

Вечер выдался непростой. Лаюки и Моти, конечно же, от души радовались благополучному завершению похода, но мое присутствие явно не давало им расслабиться. Хотя вели они себя безупречно, да и бутылку рома приняли от меня с искренней благодарностью. Но тот факт, что я как-то умудрился примазаться к тайному Королевскому ритуалу вместо того, чтобы тихо дрыхнуть в ближайшей канаве, пока мир выворачивался наизнанку, превратил тончайшую трещинку, разделявшую нас прежде, в настоящую пропасть. Это было ясно всем, и в первую очередь Королю. Он поглядывал на меня с сочувствием: дескать, такова уж тяжелая доля избранников, ничего не попишешь. Но мне было грустно: за свою жизнь я успел привыкнуть к тому, что человечество любого из миров делится на скучных мерзавцев и моих друзей – настоящих или потенциальных, один черт. Моти и Лаюки явно не принадлежали к первым, но при этом не изъявляли ни готовности, ни желания присоединиться ко вторым. Я, конечно, понимал, что мы распрекрасно обойдемся друг без друга, как обходились прежде, но в груди саднило от чувства потери. В конце концов я залпом осушил полстакана рома и завалился спать в надежде, что утром мне будет не до них.

Так оно, собственно, оказалось. На рассвете мы отправились в путь, а вечером вышли на побережье. До прибытия корабля оставалось еще несколько часов; угостив своих спутников отличным экзотическим ужином, добытым из Щели между Мирами, и донельзя утомившись показательно-дружелюбной атмосферой, царившей у костра, я почти неожиданно для себя вдруг спросил: не будет ли Его Величество возражать, если я вернусь в Ехо прямо сейчас, воспользовавшись Темным Путем? Дескать, Малое Тайное Сыскное войско без меня совсем погибает: камра не допита, позавчерашние газеты не читаны – словом, отечество в опасности.

Гуриг не только не возражал, он, кажется, даже обрадовался.

– Конечно, сэр Макс. В любом случае, на корабле у меня почти не будет времени на беседы с вами, так что вы просто потеряете впустую еще полдюжины дней, а я не получу от этого никакого удовольствия. Другое дело, что морское путешествие само по себе – отличный отдых, но вам, как я понимаю, не до того. Кстати, вы ведь ходите Темным Путем только по чужим тропам, верно?

Я немного смутился. Плакала моя репутация крутого колдуна, эх!

– Верно, – признался я. – Честно говоря, я как раз собирался узнать: я могу попросить Джуффина или еще кого-нибудь забрать меня отсюда?..

– Можете, конечно. Только это не нужно, – улыбнулся Король. – Я покажу вам начало нашего семейного Темного Пути, который заканчивается в моей спальне, в Замке Рулх. В Смутные Времена отец отправлялся на Муримах только этим маршрутом. Ни о каких путешествиях на корабле тогда и речи быть не могло.

– А как я выберусь из вашей спальни?

Я почти испугался. У меня, мягко говоря, не было уверенности, что дворцовая стража знает меня в лицо, так что развлечения всем нам были почти гарантированы.

– Тоже мне проблема, – отмахнулся Король. – Пошлю зов своему камердинеру, он вас встретит и выведет к мосту. Уже сегодня будете ужинать в «Обжоре Бунбе» – если захотите, конечно.

– А ведь, пожалуй, и захочу, – мечтательно вздохнул я. И на радостях преисполнился сочувствия: – А вы, получается, никогда там не были? И вообще ни в одном из столичных трактиров? Какой ужас!

– Если бы я выполнял все предписания дворцового этикета, я бы свихнулся к началу второго года правления, – ухмыльнулся Гуриг. – К счастью, мне не нужны доверенные помощники, чтобы изменить внешность: это я и сам умею. А компания для прогулок по городу у меня, как видите, имеется. Маленькая, но хорошая.

Лаюки и Магистр Моти заулыбались, напустив на себя донельзя таинственный вид. Я так понял, что они и есть эта самая «хорошая компания». Но подозревал, что как минимум о половине вылазок этого «Гаруна-ар-Рашида» ребята не догадываются. Я бы ни капли не удивился, узнав, что Король еще и по портовым кабакам с предводителем портовых нищих время от времени шляется, причем платит за веселье бедняга Коба. Я бы годовое жалованье поставил, что так оно и есть. Я довольно скверно разбираюсь в людях, но некоторые, как мне кажется, *самые важные* вещи понимаю о них сразу же. Просто вижу, как обстоят дела, а объяснить ход своих рассуждений не могу, потому что, честно говоря, нет никакого хода и никаких рассуждений. Одно только чутье, как у зверушки.

Гуриг, кажется, прочитал мои мысли, потому что глаза его засияли: наш монарх явно был счастлив и горд, что я составил о Его Величестве такое неоднозначное мнение.

– Ладно уж, идемте, – сказал он. – Отсюда еще полчаса пути примерно. Будет обидно, если вы заявитесь в «Обжору Бунбу» через пять минут после закрытия.

Я не стал устраивать прощальных сцен, а просто помахал своим спутникам рукой.

– Увидимся еще.

Они покивали – приветливо, но без особого энтузиазма. Впрочем, я и сам уже понял, что наша дорожная дружба внезапно закончилась – раз, и словно бы не было ничего.

Мы с Королем шли по берегу, вдоль кромки воды.

– Вы не огорчайтесь, сэр Макс, – внезапно сказал он. – Ребята вряд ли сами понимают, почему вы им больше не нравитесь. Зато я очень хорошо понимаю. А вы?

– Не знаю. Скорее все-таки нет. Ну, то есть, я видел, как им было неприятно узнать, что я принимал участие в вашем ритуале, а вот почему?.. Испугались, что я все испортил и

теперь будут тяжелые годы? Но вы же сказали, что все в порядке... Обиделись, что вы взяли с собой меня, а не их? Но ясно ведь, что вы сами ничего не решаете...

– Ну, вот это как раз только нам с вами ясно, – возразил Король. – Вы и сами должны знать, что людям свойственно переоценивать чужое могущество. О вас когда-нибудь сплетничали, будто погода портится только от того, что вы не хотите, скажем, ехать за город, а причину придумать не можете?..

– Ну, не в точности так, но... Да, бывает, говорят такую ерунду.

– Можете себе представить, каково мне приходится? Я же Король. Считается, что без моего соизволения утренняя роса не выпадет. Тем не менее, роса выпадает сама по себе, погода портится только потому, что солнцу взбрело в голову спрятаться за тучу, а вы стали свидетелем ритуала, потому что таков был каприз этой земли – а вовсе не мой. Но говорить людям правду – бессмысленная трата времени и слов. Все равно ведь не поверят.

– То есть они думают, что вы специально все так подстроили, чтобы показать мне ритуал? И теперь ревнуют?

– Ну да, что-то в таком духе. Конечно ребятам обидно: они привыкли быть мне самыми близкими людьми. И вдруг какой-то посторонний человек пережил вместе со мной самое сокровенное таинство...

– Все равно что украл, да, – кивнул я. – Понимаю. Сам когда-то такой был. Может, и до сих пор такой, просто случая давно не выпадало проверить. Вы передайте им, пожалуйста... Ну, не знаю что. Вы сами придумайте что-нибудь, что им будет очень приятно услышать – как будто я все это говорил на прощание. Ладно?

– Хорошо, – серьезно согласился Гуриг. – Но учтите, мне придется сказать леди Лаюки, что вы тайно в нее влюблены. Это у нее слабое место. Не то чтобы всем подряд на шею вешалась, но если видит, что хоть кому-нибудь не по вкусу, переживает страшно. А она, сами понимаете, далеко не всякому может понравиться. Это в древности такие огромные женщины считались первыми красавицами...

– Она не поверит. Когда мы сидели вдвоем у болота, она сказала, что мой голос ее раздражает, потому что это, дескать, голос мужчины, которому она не может понравиться. Я даже не нашел, что возразить.

– Ничего-ничего, поверит, – утешил меня Гуриг. – Нет ничего легче, чем убедить человека в том, что дела обстоят именно так, как ему бы втайне хотелось... «По голосу» – ишь ты! Это что-то новенькое.

– Она хорошая, – вздохнул я. – Смешная, но очень хорошая.

– Все мы смешные, – пожал плечами Гуриг. – Каждый по-своему – и вы, и я. Не доверяю людям, в которых нет вообще ничего смешного, но таких очень мало... Вон, видите, два больших камня, черный и рыжий, стоят почти вплотную друг к другу? Между ними как раз и открывается наша семейная Темная Тропа. Вам ничего и делать не придется: закройте глаза и идите вперед. Если обо что-то споткнетесь, скорее всего это будет одна из моих подушек. Мой камердинер уже ждет вас в прихожей, достаточно будет его позвать. А я тут постою, погляжу, как у вас дело пойдет.

– Ладно, – кивнул я. – Даже и не знаю, что вам говорить на прощание? «Спасибо» – это как-то слишком мало, «до свидания» – чересчур нахально... Только и остается, что сказать: это было здорово. Действительно очень здорово.

– Ага, неплохо прогулялись, – согласился Король. – Имейте в виду: я всерьез рассчитываю повторить это удовольствие дюжину с небольшим лет спустя. Моя профессия оставляет мне не слишком много возможностей общаться с друзьями. Ну да ничего, некоторые люди портовыми нищими рождаются – и ведь живут как-то!

Час спустя я действительно ужинал со своим шефом в «Обжоре Бунбе». Я честно признался Джуффину, что не давал никаких клятв, но рассказать о путешествии на Муримах не могу ни слова. Тот отмахнулся от проблемы как от назойливой мухи.

– Зачем что-то рассказывать, сэр Макс? Вполне достаточно, что ты там был. Я, знаешь ли, всегда рядом с тобой – в некотором смысле. Король сказал тебе чистую правду: наша земля чрезвычайно взбалмошное и ревнивое создание, она терпеть не может, когда ее тайны обсуждают вслух. Но при этом совершенно не возражает, когда одни люди видят интересные сны про других людей. Ей кажется, что человеческие сновидения – наше личное дело и совершенно ее не касаются.

Я поглядел на Джуффина с почти священным ужасом. Прежде я уже не раз убеждался, что шеф знает обо мне абсолютно все, словно бы проживает две жизни одновременно: собственную и мою. Но, пока был на Муримах, ни разу не подумал о такой возможности, словно бы полагал, будто способности моего опекуна не распространяются за пределы Угуланда. Обнаружив, что невольно стал чем-то вроде шпионской видеокамеры, я настолько перепугался, что даже не решился выспрашивать подробности: что именно он видел во сне, да как, да почему... Несколько дней потом ходил совершенно подавленный, ждал катастрофы, но убедившись, что солнце не меркнет, Хурон не собирается выплескиваться из берегов, а самые свирепые порывы ветра способны, разве что, сорвать тюрбан с головы зазевавшегося бездельника, понемногу успокоился. Понял, что здешним стихиям действительно нет никакого дела до сновидений сэра Джуффина Халли, и чуть не умер от облегчения.

Жизнь моя постепенно пошла своим чередом; вскоре путешествие на Муримах в компании Его Величества Гурига Восьмого стало мне казаться не то причудливым видением, созданным специально по моему заказу лучшим из Мастеров Совершенных Снов, не то просто чужой историей, подробный пересказ которой я однажды выслушал от одного из настоящих участников событий. Его Величество Гуриг Восьмой в тех редких случаях, когда нам доводилось встречаться, вел себя дружелюбно и приветливо – в точности как прежде, до нашего совместного марш-броска через леса Муримаха. Ни слова, ни намек, ни взгляда – ничего такого, что обычно происходит между людьми, которых объединяет общая тайна. Поэтому я так и не решился спросить его, как поживают Лаюки и Моти. Навел справки самостоятельно, благо разговорчивых приятелей у меня хватало и при Королевском дворе, и в Ордене Семилистника.

Примерно через полгода после нашего путешествия Старший Магистр Ордена Семилистника действительно перебрался на Муримах. Получил там чрезвычайно скромное для человека его ранга место Надзирающего за Серединой Острова. Как мне растолковали, его обязанности ограничивались составлением формальных отчетов о состоянии дел на вверенной ему территории, необходимостью присутствовать на редких общих собраниях всех представителей Ордена Семилистника на Муримахе и одним ежегодным визитом в столицу. Предполагаю, все остальное время Магистр Моти Мил посвятил изучению секретов местных лесных колдунов; я даже догадываюсь, кому выпала честь стать его первой учительницей, хоть и не знаю, вышел ли из этого толк.

Примерно в то же время профессор Тимботи Клинк вернулся в Ехо и начал преподавать курс древней истории в Королевском Университете; сэр Шурф Лонли-Локли, великий любитель посещать публичные лекции, не раз зажимал меня в темном углу, чтобы подробно пересказать мне содержание его выступлений о тайнах древних Отшельников. Так я последний раз убедился, что неудавшиеся практики нередко становятся блестящими теоретиками, и это лучше, чем ничего.

Я язык в кровь изгрыз, чтобы не выложить Шурфу обстоятельства своего знакомства с профессором Тимботи, но с честью преодолел это искушение. Сэр Кофа Йох по моей просьбе проследил, как неудавшийся Отшельник проводит вечера; из его отчетов я узнал,

что леди Лаюки не только жива, здорова и благополучна, но и вполне счастлива в личной жизни, хотя замуж, конечно, выходить не собирается: контракт с Королем – дело серьезное.

Что же касается планов Короля насчет новой совместной поездки на Муримах, им не суждено было сбыться. Через несколько лет после описываемых событий я благополучно угодил в Тихий Город, откуда в конце концов удрал, но путь назад, в Ехо, мне с тех пор заказан.

Но это уже совсем другая история.

* * *

– Ну, положим, путь назад вообще всегда и всем заказан, – наконец говорит Франк. – Идти можно только вперед; при большом желании, удаче и сноровке можно сворачивать в сторону – чем ты с большим успехом всю жизнь занимаешься. Но назад – этого даже я не умею. И, кажется, вообще никто. Да и с какой бы стати?

– Сам знаешь, это просто выражение такое. А в Ехо мне правда соваться не стоит. Почему – это очень длинная история. И, в сущности, довольно грустная. А Меламори от моих грустных историй уже тошнит.

«Ага, – говорит себе Триша, только теперь очнувшись от сладкой полудремы, которая охватывает ее всякий раз, когда за этим столом объявляется хороший рассказчик. – Вот как ее, оказывается, зовут. Ме-ла-мо-ри. Диковинное имя. Но ничего, красивое».

– Не преувеличивай, ни от чего меня не тошнит, – вздыхает сероглазая женщина. – Просто надоело грустить. Нагрустилась уже по самое не могу, выдающим себя мастером этого дела стала. Самое время сменить занятие...

– Разумное решение. Да и потом нам с Тришей про Тихий Город рассказывать ни к чему, – говорит Франк. – Ты же написал об этом, я ничего не путаю? А истории, рассказанные в книгах, нам тут и даром не нужны: они уже принадлежат не рассказчику, а тем, кто его слушал. Нельзя платить за наши кофе чужими сокровищами. Только собственными. Вам это даже на руку: выпускать воспоминания на свободу, как птиц – отличное занятие, не находите?

– Да, ничего себе, – улыбается Макс.

– Пока не попробуешь, не узнаешь, – говорит его спутница.

– Вот-вот. Именно к этому я и подвожу. – Франк потирает руки. – С тебя причитается как минимум одна история. Хотя подозреваю, их куда больше.

– Ну да, как у всякого человека.

Она умолкает; Триша, воспользовавшись паузой, идет за рюмкой и бутылкой липовой наливки: ей кажется, что сейчас глоток чего-нибудь крепкого никому не помешает. Будущей рассказчице – в первую очередь. Чтобы расслабилась, не заботилась, всем ли интересно ее слушать, правильно ли ее поймут, удастся ли не запутаться в деталях. Это очень, очень важно, чтобы рассказчик не беспокоился о пустяках.

Выпив рюмку крепчайшей, душистой липовой наливки, сероглазая Меламори храбро машет рукой.

– Ладно уж. Вы говорили, что рассказать историю – все равно что избавиться от нее, отпустить на свободу. Именно то, что мне требуется. Только учтите, это будет печальная история. По крайней мере, история о грустных временах.

– Ничего, – утешает ее Франк, – переживем. Мы с Тришей бессердечные твари, нам чужая печаль – забава. А тебе уж точно пора с нею расстаться.

– Неужели расскажешь, как вы без меня жили? – радуется Макс. – Наконец-то! А то все: «потом, потом»...

– Я просто ждала момента, когда все станет так хорошо, что даже моя история не испортит нам настроения, – объясняет она. – Ну вот, идеальное место, правильно выбранное время, да еще и хорошая компания, слушатели, согласные внимать любой ерунде. Поэтому – да, расскажу.

Триша жмурится от удовольствия. Таких комплиментов наговорила эта незнакомая красивая женщина – ей, Трише, на год хватит. Будет вспоминать и радоваться. Невелика премудрость похвалить «Кофейную гуцу», ее все гости хвалят. Но мало кто находит нужные слова, способные тронуть Тришино сердце.

Туланский детектив

История, рассказанная леди Меламори Блимм

Это были, прямо скажем, невеселые времена.

Сперва они были просто трудные: куда-то запропастился господин Почтеннейший Начальник Тайного Сыска, сэр Джуффин Халли, и нам пришлось учиться обходиться без него. Выучились, чего уж там.

В один прекрасный день шеф внезапно объявился, зато исчез сэр Макс. Джуффин рассказал нам, что застрял в Тихом Городе, а Макс оказался столь любезен, что согласился поменяться с ним местами. Дураку было ясно, что это значит: уж если кто угодил в Тихий Город, обычно остается там навсегда. Ну, по крайней мере, на почти бесконечно долгое время – такое уж это место.

Нам всем стало не по себе от такой новости; мне же пришлось хуже прочих – думаю, можно не объяснять почему. Одно хорошо: в тот сезон в моду снова вошли шелковые полумаски; их полагалось подбирать в тон к скабе и носить всюду, не снимая даже за едой. Эта деталь гардероба, как вы понимаете, здорово помогала мне сохранить лицо.

Но в целом это, повторяю, были невеселые времена. И очень непростые для Тайного Сыска. Думаю, еще никогда Малое Тайное Сыскное войско не было так близко к полному развалу. Не то чтобы кто-то всерьез намеревался подавать в отставку и отправляться в кругосветное путешествие. Не скажу даже, что в Доме у Моста был объявлен траур – с чего бы, собственно? Мы держались молодцами, хладнокровно пожимали плечами. Говорили друг другу: без потерь в нашем деле не обойтись, а сэр Макс – ну что сэр Макс... В конце концов, не погиб, не превратился в чудище с восемью головами и дюжиной задниц, даже в Приют Безумных не загремел, а просто уехал. Бывает. Тем более, если верить рассказам Джуффина, не так уж плох этот самый Тихий Город. Уютное потустороннее захолустье, вполне подходящее место для отдыха усталого героя, а значит, все в порядке, или почти, – примерно так мы рассуждали вслух. О чем мы при этом молчали – отдельный вопрос. Каждый о своем, конечно, но на Джуффина косились с одинаковой почти незаметной, но неистребимой неприязнью. Мы не знали подробностей этого дела, и нам было очень неприятно думать, что наш шеф преспокойно принял такую жертву, а теперь сидит в своем кресле как ни в чем не бывало, и пальцем о палец не ударит, чтобы хоть как-то исправить положение. Мало ли что Тихий Город – с каких это пор наш всемогущий начальник стал отступать перед трудностями?!

Мы злословили по утрам и зубоскалили вечерами, но днем все валилось у нас из рук. И, что хуже всего, нам было плевать. Валится – и ладно. Все равно, и этот день пройдет, и год когда-нибудь закончится, и вообще жизнь человеческая слишком коротка и нелепа, чтобы пытаться привести ее в порядок. Даже сэр Шурф Лонли-Локли не особо усердствовал – а мы-то думали, его ничем не проймешь...

Душевная болезнь, одолевшая нас в те дни, хорошо изучена и не представляет большой опасности. Она называется «серая тоска»; наши знахари шутя справляются с этой напастью: зашивают в подкладку одежды больного Кристаллы Радости, и через несколько дней никто не вспоминает о бывшей меланхолии. Но если подобное настроение охватывает сразу нескольких человек, членов одной семьи, или просто близких, дело плохо, это вам любой знахарь скажет. Для начала их надо изолировать друг от друга, а уже потом лечить, иначе толку не будет.

Но разгонять Малое Тайное Сыскное войско, или хотя бы временно распускать нас на каникулы никто не собирался. Сэр Джуффин, конечно, мог бы, но он, надо думать, хотел

поглядеть, сумеем ли мы самостоятельно справиться с этой – пустяковой, по большому счету – проблемой. У нашего шефа есть одно слабое место: он нечеловечески любопытен. Впрочем, сам он считает любопытство своим сильным местом; спорить с ним тут бесполезно.

Словом, облегчать нам жизнь сэр Джуффин Халли не собирался. Мы-то и сами видели, что вместе чувствуем себя гораздо хуже, чем порознь, но продолжали ежедневно встречаться в стенах Дома у Моста, да и после службы нередко отправлялись ужинать в один и тот же трактир – просто потому, что давно привыкли быть друг для друга самыми близкими людьми и не собирались ничего менять. Магистры с ней, с «серой тоской», пусть будет, если иначе не получается. Бывает, значит, и такая жизнь.

Кстати, пару лет спустя, сэр Кофа Йох признался, что однажды ночью притащил в Дом у Моста несколько дюжин отборных Кристаллов Радости, рассовал их по всем углам, попрятал под половицы, раскидал по ящикам письменных столов, заодно и себе за подкладку зашил парочку – в надежде, что атмосфера в Доме у Моста чудесным образом переменится. Ничего из этого не вышло. Приободрился только сам Кофа – да и то, думаю, лишь потому, что знал, какие деньги уплачены за лекарство, и не желал выбрасывать их на ветер. Он очень, очень практичный джентльмен, это всем известно.

Что до меня, я в ту пору всерьез подумывала бросить службу и вернуться в Арварох, к буривушкам. Я почти не сомневалась, что эти мудрые птицы снова приютят меня и станут учить уму-разуму. Возможно, через пару сотен лет я выучусь летать не только во сне, но и наяву, потом окончательно обрасту перьями, совою гнездо и наконец снесу яйцо. До сих пор не уверена, что из этого яйца могло бы вылупиться что-то стоящее, но все лучше, чем путаться под ногами у хороших людей, с которыми мне, в сущности, давно уже не о чем говорить. Разве только помолчать всегда найдется о чем, и это, честно говоря, хуже всего...

Я бы, собственно, и уехала, просто обстоятельства были против: арварохские корабли в тот год не заходили в Ехо, а найти капитана, который согласился бы рискнуть и доставить меня – ладно, пусть не на побережье этого далекого материка, а хотя бы на один из близлежащих островов – никак не удавалось. Репутация у арварохских вояк та еще: для них всякий гость – незваный, поймают – зашибут, не поздоровавшись, и только потом отправятся к своему шаману выяснять, каковы были намерения чужеземцев. Если добрые, беднягу похоронят с честью, в противном случае выкинут в море, как дохлую рыбу, да еще и потомков его проклянут – на всякий случай, чтобы мстить не заявили.

Словом, охотников отправляться на край света не было, да и поиски я вела вяло, от случая к случаю. По вечерам, укладываясь в постель, ревела – не от тоски, от злости. Ведь умела же когда-то использовать сновидения как дивную возможность превратиться в птицу, полететь, куда глаза глядят, а утром проснуться на новом месте, оглядеться по сторонам и, недолго думая, начать какую-нибудь новую жизнь. И куда все ушло? Во что я превратилась?! Сил едва хватало на то, чтобы справляться с повседневными делами и делать вид, будто жизнь продолжается. Даже как Мастер Преследования я не слишком много стоила в ту пору – навыки-то при мне остались, да кураж пропал. Какие уж тут сновидения и полеты... Тьфу!

Дядюшка мой Кима Блимм, человек немолодой и чрезвычайно проницательный, как-то раз взялся мне объяснять, что на самом деле все мы – и я в первую очередь – одурели от безделья. Дескать, если бы сейчас запахло государственным переворотом, от нашей общей «серой тоски» к вечеру и воспоминаний не осталось бы.

Я тогда страшно разозлилась. Швырнула в стену бутылку коллекционного вина из подвалов Ордена Семилистника, которую он принес мне в качестве утешительного гостинца, разнесла в щепки пару стульев, а уж вопила так, что под окнами моего дома стали собираться соседи и полицейские. И те, и другие очень хотели узнать, кого именно убивают, но

не решались войти и спросить. Теперь-то стыдно вспоминать, а тогда казалось – праведный гнев. Хорошо хоть самого Киму пальцем не тронула, с меня бы случилось драку затеять...

Пару дюжин дней спустя мне пришлось извиняться. И не потому что я очень люблю Киму – это, конечно, так, но к делу отношения не имеет. Просто он оказался совершенно прав.

Так уж все неудачно сложилось, что работы для Тайных Сыщиков в то время почти не находилось. То есть утомительной рутины как раз хватало, какие-то мелкие происшествия случались регулярно, но настоящих дел, таких, когда понимаешь: если мы не справимся, конец всему (или хоть чему-то), – не было вовсе.

Скажу сразу: ни государственного переворота, ни новой гражданской войны так и не случилось. Обошлось без эпидемий, наводнений, нашествий плотоядных чудовищ и восстаний живых мертвецов. Даже какой-нибудь завалящий мятежный Магистр не почтил вниманием нашу столицу. Избавление от «серой тоски» пришло неожиданно; впрочем, поначалу оно показалось нам не более чем очередной мелкой досадной проблемой.

Вышеупомянутое избавление явилось к нам в виде смуглого темноглазого незнакомца в дорогом туланском лоохи из тончайшей темно-синей шерсти. Он имел не просто усталый, а откровенно потрепанный вид; речь его выдавала заморское происхождение, а манеры были способны вызвать расположение даже таких унылых хмырей, как мы. По крайней мере, когда я пришла в Дом у Моста, Мелифаро потчевал гостя свежайшей камрой, Нумминорих Кута по студенческой привычке глядел ему в рот, а сэр Шурф Лонли-Локли делал пометки в своей рабочей тетради, о существовании которой мы все уже забыли. Дверь в кабинет шефа была приоткрыта – это означало, что Джуффин внимательно прислушивается к беседе. Событие не то чтобы совсем уж небывалое, но и не рядовое.

– Надеюсь, этот господин совершил по меньшей мере покушение на Короля? – спросила я. – Или всего лишь налет на Управление Больших Денег? Если второе, я пошла домой: скучища.

Думаю, голос мой прозвучал чересчур резко – так у меня бывает почти всегда при встрече с незнакомыми людьми. Я еще и подбородок к небу задираю, щурюсь презрительно, жестикулирую, как пьяный солдат. Мои близкие считают, что это я так неуклюже кокетничаю. А на самом деле я просто стараюсь быть честной. Компенсирую свой малый рост и девичью красу скверными манерами, чтобы новые знакомые сразу поняли, с кем связались. Потом всем же будет проще.

– Все еще хуже, незабвенная, – отвечал сэр Мелифаро. – Этот господин подозревается всего-навсего в убийстве богатой тетушки. Причем не своей, а чужой. И не у нас, а в Тулане. Правда здорово? Ты заинтригована?

– Усраться можно, – надменно сказала я и уселась в единственное пустующее кресло.

Этой фразе меня в свое время научил сэр Макс, и после его внезапного исчезновения я употребляла ее по дюжине раз на дню. Некоторые джентльмены умеют оставлять девушкам памятные сувениры, ничего не скажешь!

– А почему, собственно, преступник не в наручниках? – спросила я, наливая себе камры. – Блеск металла плохо сочетается с цветом его глаз? Или вы решили его отпустить, чтобы дать мне возможность побегать по чужому следу? Спасибо, конечно, но сегодня я вполне обойдусь без развлечений.

Мои коллеги дружно ухмыльнулись. Смуглый убийца тоже выглядел довольным – меня это, помню, больше всего удивило.

– Дело в том, что он не преступник, а наш коллега, – объяснил наконец сэр Шурф.

Мне вообще повезло, что он там оказался. Эти шуты гороховые, Мелифаро с Нумминорихом, до вечера могли бы водить меня за нос. Ради такого удовольствия можно и интересами дела пренебречь, знаю я их позицию. Студенты-первокурсники из Королевского Уни-

верситета по сравнению с ними – рассудительные пожилые люди. Это, конечно, очень мило, но иногда, мягко говоря, утомляет.

– Ага, значит коллега, – повторила я. – А сэр Мелифаро сказал: «подозревается в убийстве». Да, теперь я понимаю, что это была шутка. Но в каком месте следовало смеяться?

– Это была не шутка, – терпеливо сказал сэр Шурф. – Этот человек – профессиональный подозреваемый. Ты, как я понимаю, не знакома с туланской системой судопроизводства? Для выпускницы Королевской Высокой Школы ты не слишком эрудированна.

Я очень, очень люблю сэра Шурфа Лонли-Локли. Он мне практически как брат. Или даже больше, чем брат. Сэр Шурф безупречен, серьезен и чрезвычайно начитан. И, как следствие, совершенно невыносим. Поэтому желание придушить этого зануду собственными руками посещает меня не меньше дюжины раз на дню. К счастью, придушить его совершенно невозможно – по техническим причинам. Даже снимая свои смертоносные перчатки (прикосновение правой парализует жертву, зато левая быстро и качественно испепеляет кого угодно), он остается одним из самых сильных людей в Соединенном Королевстве. Потому, думаю, и жив до сих пор: желающих избавиться от гнета его эрудиции великое множество, не я одна мучаюсь.

Я тихонько скрипнула зубами и вежливо (ну, не то чтобы действительно вежливо, но все-таки не очень грубо) сказала:

– Я что, похожа на идиотку, у которой в голове каша из чужих слов и мыслей? Неужели ты думаешь, будто я с утра до ночи ходила на все эти дурацкие лекции? Вместо занятий я бегала на свидания, как все нормальные люди. Поэтому, будь любезен, расскажи мне о туланском судопроизводстве. Тебя я согласна слушать целых три минуты. Потом затоскую и выпрыгну в окно, но это, пожалуй, и неплохо.

Шурф укоризненно покачал головой, но тут в нашу беседу вмешался незнакомец.

– Я, пожалуй, сам расскажу, – сказал он. – Еще раз и по порядку. А то перескакиваю с пятого на десятое, самому стыдно, да еще и вас всех, наверное, запутал. Мне нельзя так мало спать. Полчаса в сутки явно недостаточно. Надо хотя бы два.

Мы изумленно переглянулись. Два часа – это по моим меркам вообще не сон. И не только по моим. Двух-трех часов отдыха хватает только сэру Кофе Йоху, и именно по этой причине все мы почитали его великим чудотворцем. А этот парень о двух часах сна мечтает как о роскоши. Ну и порядки у них там, в Тулане!

Впрочем, туланские порядки оказались куда более причудливыми, чем я могла вообразить. Хорошо все же тем, кто в юности прогуливает лекции: сколько ни живи, а реальность нет-нет, да находит, чем тебя удивить. Даже в такие моменты, когда тебе это даром не нужно.

– Меня зовут Трикки Лай, – представился незнакомец. – Как вы уже знаете, я приехал из Тулана. Сюда пришел, поскольку понял, что без вашей помощи не справлюсь со своей задачей. То есть, может быть и справлюсь, но не скоро. Тут хотя бы год надо прожить, чтобы разобраться, что к чему.

– Но все-таки кто вы? Подозреваемый, или сыщик? – спросила я. – Хотелось бы все же какой-то определенности.

– И то, и другое. Как уже сказал ваш коллега, я – профессиональный подозреваемый. Для того чтобы разобраться с моей профессией, необходимо иметь хотя бы общие представления о нашей законодательной системе. Меня немного тревожит ваше обещание выпрыгнуть в окно, но поскольку здесь первый этаж, я, пожалуй, рискну.

– Рискуйте, – мрачно согласилась я.

– У нас в Тулане, – начал он, – есть суды и тюрьмы, но нет ни одной государственной организации, которая занималась бы расследованием преступлений и поиском виновных.

– Хорошенькое дело! Если так, зачем нужны суды и тюрьмы? Кого наказывать-то, когда виноватых не ищут?

– Дайте мне договорить, – почти сердито сказал господин Трикки Лай. – Виноватых ищут, конечно. И ловят, причем весьма успешно. Но не чиновники, а подозреваемые.

Он, вроде бы, обращался только ко мне, но мои коллеги слушали, затаив дыхание. Видимо, все в свое время умудрились прогулять лекции, посвященные особенностям туланского законодательства, даже сэр Нумминорих Кута, который прежде, чем поступить на службу в Тайный Сыск, умудрился побывать студентом всех высших учебных заведений столицы; еще и несколько провинциальных университетов закончил между делом. Очень уж ему нравился процесс.

– Все происходит следующим образом, – говорил туланец. – Когда наши полицейские узнают об очередном загадочном преступлении, они прибывают на место и хватают первого встречного. Просто любого прохожего, который случайно оказался рядом. Если дело происходит не на улице, а, скажем, в доме или другом закрытом помещении, где нет ни одной живой души, подозреваемым будет объявлен ближайший родственник или супруг жертвы – если речь идет об убийстве или нанесении увечий. Если родственников нет, обвинят любого соседа, да и дело с концом...

– Ну, если речь идет всего лишь о нанесении увечий, тогда, наверное, никаких подозреваемых не надо? – перебила его я. – Пострадавший скажет, кто на него напал, и...

– Что скажет пострадавший, это наших полицейских совершенно не интересует. Они с ним и разговаривать не станут, разве что спросят, нужна ли помощь. Их дело – схватить подозреваемого и отвести его в суд. В зависимости от тяжести и сложности преступления, суд определит срок, в течение которого подозреваемый обязан оправдаться – то есть найти и поймать настоящего преступника и более-менее убедительно доказать на очередном суде его виновность. Подозреваемому в убийстве обычно дают много времени на поиски: полгода или даже год. Если же речь идет, скажем, о карманной краже, больше полудюжины дней не допросишься. Кроме того, суд определяет сумму, которая будет выдана подозреваемому на связанные со следствием расходы. Скупиться, в общем, не принято: государство и без того неплохо экономит на жалованье тысяч бездельников. Если подозреваемый не сумеет найти преступника, накажут его самого, по всей строгости закона. Впрочем, когда дело совсем плохо, можно просто быстренько собраться и уехать из Тулана: пока срок, опущенный на оправдание, не истек, никто не имеет права помешать вашему передвижению. Некоторым приходится удирать – если, скажем, речь идет об убийстве. Добровольное изгнание – не сахар, но все лучше, чем девяносто лет каторжных работ...

Мелифаро толкнул меня локтем в бок.

– Здорово, да? Какая, должно быть, у людей жизнь интересная!

– По мне, так просто чудовищно.

Ситуация, описанная нашим гостем, казалась мне вершиной человеческого идиотизма. Так глупо, что даже смеяться над этим не хочется. Разве только плакать.

– Понимаю ваши чувства, – вежливо сказал туланец. – На первый взгляд, действительно кошмар и беззаконие. Но вы не представляете, чем это оборачивается на практике!

– И чем же? Половина населения в изгнании, другая – в тюрьме, и только преступники ходят по улицам с гордо поднятыми головами?

– По моим сведениям – а это отнюдь не парадная официальная статистика – только одно преступление из дюжины остается нераскрытым, – торжественно объявил он. – Да и это происходит за счет мелких, пустяковых преступлений, где проще заплатить штраф, чем хлопотать.

– Как такое может быть? – изумилась я.

– Ага-а-а, то-то же! – хором сказали Мелифаро с Нумминорихом. – Вот и нам интересно!

– Просто ты вошла в тот самый момент, когда сэр Лай собирался растолковать нам причины столь парадоксального положения дел, – объяснил Шурф. – Я, конечно, и прежде знал об особенностях туланского законодательства, но по сей день не понимаю, почему столь иррациональная система оказалась эффективной.

– Да просто потому, что человек, которого приперли к стенке – а что может быть хуже перспективы расплачиваться за чужое преступление? – способен перевернуть мир, лишь бы избежать неприятностей и заодно отомстить их истинному виновнику, – объяснил наш гость. – Во всяком случае, он будет действовать с куда большим рвением, чем государственный чиновник, которому уже с утра хочется поскорее вернуться домой – если, конечно, в этот день не выдают жалованье. Собственно, двести лет назад, когда наше правительство приняло решение уволить всех сыщиков до единого и установить нынешние порядки, Тулан был довольно неприятным местом. Ладно бы контрабандисты, от них простым людям только польза, но жуликов, карманников и просто вора всех мастей было больше, чем честных граждан, а ставить на дверь меньше дюжины заколдованных замков, которые наши купцы тоннами возили отсюда, из Ехо, решались только нищие, у которых и взять-то кроме гнилых половиц нечего. Вот так усердно они работали, наши государственные сыщики, любого дорогого вспомнить!

– Ну ладно, пускай, – вздохнула я. – Но расследовать преступление – это все-таки целая наука. Не может первый попавшийся дядя с улицы ничего расследовать! Вот, помню, у меня однажды квартиру обокрали. Ничего особенного, вынесли кучу дорогих безделушек... Я, вроде бы, не простая домохозяйка, а Мастер Преследования; говорят, не самый плохой, к тому же, не первый год в Тайном Сыске – и что? Как только выяснилось, что у вора нет следа, на который можно встать, мне пришлось звать на помощь коллег. И между прочим, впятером – вдумайтесь, впятером, во главе с сэром Джуффином Халли! – с этим делом едва справились.

– Ну, положим, вы были не в отчаянном положении, а потому и не сделали все, на что способны, – возразил Трикки Лай. – Хотя нам в некотором смысле все же проще живется: это у вас тут все колдуны, причем каждый второй – бывший магистр какого-нибудь могущественного Ордена, а у нас, в Чирухте, хороший знахарь – редкость, и даже Безмолвной речи не все обучены. Зато и преступники – просто обычные люди, как правило, не слишком умные.

– Но и подозреваемые – простые люди, тоже не всегда слишком умные, – не сдавалась я. – А искать труднее, чем прятаться, разве нет?

– Пожалуй, так, – согласился он. – Но вы не даете мне сказать главное: такого количества частных сыщиков, как у нас, нет больше ни в одной стране Мира. Все квалифицированные специалисты в нашем деле остаются до первой неудачи, никто не станет рисковать, связываться с сыщиком, чей клиент загремел в тюрьму. А мы, наемные подозреваемые, можно сказать, элита этого цеха. Нас нанимают в исключительных случаях, обычно когда речь идет об убийстве. Услуги наши стоят гораздо дороже, зато и работаем мы на совесть. И самое главное – безопасность клиента гарантирована с самого начала. Мы рискуем только своей задницей; найдем мы преступника, или нет – никого, кроме нас не касается.

– А как вы это устраиваете? – спросил Мелифаро. – Сам же сказал: ваши полицейские хватают первого попавшегося...

Он возбужденно подпрыгивал в своем кресле, пожирал глазами нашего туланского коллегу и вообще вел себя как в старые добрые времена. Я с трудом поборол желание запустить в него пустой кружкой. Или даже полной – чего мелочиться-то? Не так уж много радостей у меня осталось.

– Обычно происходит так: если человек находит труп, он постарается сделать все возможное, чтобы оказаться как можно дальше от этого места. Но если это труп вашего ближайшего родственника или соседа – ну, то есть, когда велика вероятность, что подозреваемым объявят именно вас, есть смысл не только тихонько улизнуть с места преступления, но и вызвать специалиста, который согласится посидеть рядом с мертвецом до прибытия полиции, а потом сам будет выпутываться из неприятностей.

– Но ведь это очень удобно. – Мелифаро почесал в затылке. – Скажем, я решил угробить свою жену... ребята не смотрите на меня с таким сочувствием, мы с Кенлех не поссорились! Ладно, не жену – мужа. Вот я, такой весь из себя прекрасный, решил грохнуть своего мужа: на кой он мне сдался? И его прабабку за компанию: она мне наследство оставить собиралась. Иду, делаю свое черное дело, вызываю профессионального подозреваемого и отправляюсь в ближайший трактир – хихикая и потирая руки...

– А на следующий день, с утра пораньше, я беру вас за шиворот и волоку в суд, – ухмыльнулся Трикки Лай. – За ваши, заметьте, деньги, которые вы, разумеется, заплатили вперед.

– Как это?! – Мелифаро возмущился так, словно туланец только что прилюдно растоптал его самые светлые идеалы.

– Очень просто. Мы не берем на себя обязательств во что бы то ни стало выгородить нанимателя. Если уж мы ищем преступника, то настоящего. А кто оплачивал расследование – дело десятое. Не такая великая вещь деньги, чтобы из-за них поступаться профессиональной честью.

– Во как! – озадаченно сказал Мелифаро и умолк.

Нумминорих по студенческой привычке уважительно приоткрыл пасть, Шурф сделал несколько пометок в тетрадке. Даже из кабинета Джуффина доносились какие-то невнятные звуки: то ли шеф обсуждал информацию со своим буривром Курушем, то ли просто камрой поперхнулся – кто его разберет. И только я окончательно упала духом. История о профессиональных подозреваемых, благородных, как сказочные разбойники, совершенно меня не впечатлила. Все равно система правосудия у них дурацкая, и работенка у нашего гостя – хуже не придумаешь, и земляки его – те еще идиоты, что терпят такой порядок вещей.

– Кошмар, – вздохнула я. – Примите мои соболезнования, сэр...

Тут я поняла, что забыла его имя и умолкла. Очень неловко вышло, люди обычно обижаются, когда не запоминаешь с первого раза бессмысленные сочетания звуков, из которых составлены их имена. Впрочем, в Арварохе за такие вещи сразу убивают, а имена у них подлиннее наших, да еще и звания, заучить которые потруднее, чем иную древнюю поэму. Как я там выжила, ума не приложу... Так что Магистры с ним, с этим туланцем, пусть себе обижаются.

Но он молодец, бровью не повел.

– Трикки, – напомнил он. – Трикки Лай. Довольно дурацкое имя, зато короткое. Раз три повторите – и запомните, ничего страшного.

От такого великодушия я окончательно смутилась и не нашла, что ответить.

– Осталось рассказать, в чем суть дела, расследование которого привело меня в столицу Соединенного Королевства, – на этом месте туланец не удержался, сладко, до хруста зевнул и пообещал, скорее себе, чем нам: – Вот объясню все покороче и пойду в гостиницу спать. А то совсем бестолковый стал.

– А вот про суть дела и я бы не отказался послушать, – сэр Джуффин Халли вышел из кабинета и остановился на пороге, скрестив руки на груди. – Рассказывайте, сэр Лай, что у вас там стряслось?

Мы все, признаться, порядком обалдели, когда шеф решил к нам присоединиться. Обычно он такой ерундой не интересуется. Неужели и он от безделья одурел? Похоже на то.

– Одинокая пожилая женщина тихо скончалась в собственной спальне. Накануне вечером она была совершенно здорова, по крайней мере, к знахарям не обращалась. Как там обстояло на самом деле, неизвестно: прислуги она не держала, жила вдвоем с племянником и единственным наследником; он, собственно, меня и вызвал. Заплатил, не скупясь. Еще бы! Я бы на его месте и сам заплатил: при таком раскладе кроме него в суд тащить было некого. Я взялся за дело, уповаю на свою сноровку и удачу, но, кажется, на сей раз погорячился. Впервые в моей практике так и не удалось толком установить даже причины смерти старухи. Никаких следов насилия, никаких признаков присутствия посторонних в доме. Поначалу я подумал, что это яд. Хвала Магистрам, умные люди изобрели не одну дюжину ядов, которые убивают, не оставляя следов – я, собственно, держался за эту версию до последнего. Но мой кузен, знахарь, которого я попросил осмотреть труп, сказал, что симптомы больше всего похожи на потерю Искры: полное истощение, кровь словно бы водой разбавлена. Ядов, которые действуют таким образом, вроде, нет. По крайней мере, специалисты, которых я потом расспрашивал, не знают ничего похожего... Но потеря Искры – такого просто быть не может! Соседи видели старуху накануне, она выглядела довольно потрепанной, но – ничего из ряда вон выходящего. На ногах, по словам свидетелей, держалась отлично, аппетит был зверский. То есть никаких симптомов потери Искры. Сама говорила, что устала, не высыпается... – на этом месте Трикки Лай снова зевнул, едва успев прикрыть рот рукой.

Я заметила, что ногти у него выкрашены блестящей синей краской – в полном соответствии с последним криком туланской моды, надо понимать. Смешной, нелепый обычай. Наши модники когда-то тоже увлеклись этой ерундой, но уже пару дюжин лет как опомнились. А у них, в Чирухте, видишь, до сих пор ногти красят. Ну и дела!

– Известно ведь, что утратившие Искру угасают долго, – закончил туланец. – По крайней мере, в одну ночь точно не сгорают.

– Ну, положим, всякое бывает, – флегматично возразил Джуффин. – Но случай, скажем так, неординарный... Вот я вас слушаю, молодой человек, и спрашиваю себя: а на кой вас принесло сюда, в Ехо? Неужели какой-нибудь волшебный талисман из наших подпольных мастерских у старухи под подушкой нашелся? Потому что других разумных версий у меня нет.

– Совершенно верно. Только не под подушкой. Сама подушка.

– Подушка? – Джуффин приподнял бровь. – Ха! Небось от Мастера Совершенных Снов?

– Сперва и я так думал. Вернее, я-то сам ничего не думал, просто увидел, что подушка какая-то странная, показал ее знающим людям, и мне сразу сказали: угуландская работа. Потом разъяснили, кто такие эти самые «мастера снов». Дескать у вас, в Соединенном Королевстве, полным-полно представителей этой профессии. Чудно! По мне, так нет на свете дела бесполезней, чем торговать сладкими снами. Ну вот, разве что, покупать эти самые сладкие сны, за свои же деньги. Это кем же надо быть, чтобы?.. Впрочем, простите мою горячность, возможно, я ошибаюсь. Я своего мнения никому не навязываю и даже высказывать его стараюсь как можно реже, а тут вырвалось...

– О, это очень редкое и прекрасное качество: не навязывать другим людям свое мнение, – похвалил его сэр Лонли-Локли.

Зато я была как никогда близка к возможности развязать международный скандал. У меня руки чесались съездить по шее этому наманикюренному умнику. Дело в том, что добрая половина моего огромного жалованья уходила в ту пору на оплату услуг Мастеров Совершенных Снов. Наяву мне было так тоскливо – хоть вурдалаком вой; сновидения, в которые мне удавалось погрузиться самостоятельно, не приносили ни радости, ни облегчения, ни даже пользы. Тогда я стала покупать подушки у Мастеров Совершенных Снов. Сперва – просто подушки, навевающие сладкие грезы, а потом нашла мастера старой школы, кото-

рый умел заранее задавать тему будущих сновидений. То есть я видела не просто приятные и увлекательные сны, а именно то, что хотела видеть. Вернее, *того...* В общем, ладно, и так ясно. Такие подушки действовали всего одну ночь, а стояли в несколько раз больше, чем долгоиграющие изделия его коллег – как все вещицы, сделанные с небольшим нарушением Кодекса Хрембера. Для изготовления такой подушки требовалось применять Черную магию двадцать первой ступени, а максимальной разрешенной пока оставалась двадцатая, да и то только для поваров. То есть теоретически мне полагалось арестовать своего благодетеля и проводить его в тюрьму. Другое дело, что мы всегда смотрели на такие выходки сквозь пальцы, в противном случае пришлось бы упрятать в Холоми половину горожан. Подумаешь, всего-то на одну ступень выше дозволенной, было бы из-за чего шум поднимать.

Разумеется, мой поставщик сладких грез не догадывался, с кем имеет дело. Я ходила к нему, изменив внешность. До нашего мастера превращений сэра Кофы мне, конечно, далеко, но белокурый парик, фальшивые веснушки, лоохи с вышитыми цветочками и одно простенькое заклинание помогали мне на пару часов превращаться в юную леди Мису, несчастную дурочку из богатой семьи. «Мой возлюбленный покинул меня и уехал на край света, хочу быть с ним хотя бы во сне», – лепетала – не я, а эта самая леди Миса, размазывая девичьи слезки по конопатым щекам. К счастью, Мастер Совершенных Снов не нуждается в излишних подробностях, ему достаточно знать суть заказа, без имен и описания примет, а то, конечно, плакало бы мое инкогнито.

– Так что там с подушкой-то? – напомнил туланцу Мелифаро. – Ты сказал, что сперва думал, будто это работа нашего Мастера Совершенных Снов. «Сперва думал» – значит оказалось как-то иначе?

– Я почти уверен, что именно подушка ее и угробила. Это звучит как полный бред, я понимаю...

– Да нет, почему же? – пожал плечами Джуффин. – Такие штучки вполне в порядке вещей, бывает и хуже... Но мне интересно, сэр Лай, откуда взялась такая идея? Что именно было не так с подушкой?

– Да ну, тут все просто. Когда стало ясно, что никто из моих знакомых экспертов ничего толком не понимает – и чем больше я готов заплатить, тем меньше они понимают! – я взял подушку домой, положил под голову и попробовал немного поспать. Но уснуть мне не дали. Знаете, господа, у меня крепкие нервы, человеку моей профессии иначе нельзя, но когда в мою спальню вошел старомодно одетый кудрявый юноша, сел на край кровати и принялся гладить меня по голове... Скажем так, это было очень сильное и яркое переживание. Я вскочил, соответственно убрал голову с подушки, и молодой человек тут же исчез. Я начал кое-что понимать и снова улегся. Красавчик тут же вернулся, как ни в чем не бывало. Я быстро убрал голову с подушки, и он опять испарился. После нескольких таких экспериментов, я попробовал с ним заговорить. Бесполезно. Он только и мог, что гладить меня по голове и бормотать какие-то нелепые ласковые слова. То есть, не сомневаюсь, он мог еще кое-что, но мне это было без надобности. Прикосновения его, надо сказать, были совершенно достоверные. Нормальные, теплые человеческие руки, не туманный кисель какой-нибудь. Даже удивительно, что он так быстро и качественно исчезал. Я чуть не свихнулся с этой подушкой, честно говоря...

– Ничего не понимаю! – озадаченно признался Мелифаро. – Этот кудрявый красавчик был наваждением? И оно действовало, только пока голова оставалась на подушке?

– Ну да. Причем он был не моим, а чужим наваждением. Если уж мне пришлось бы выбирать, что именно должно мне примерещиться, могу вас заверить, вряд ли это был бы какой-то незнакомый юноша. Есть на свете вещи и поинтересней. Думаю, юноша был ста-рухиным наваждением, каким-то образом состряпанным специально для нее. Светлым вос-

поминанием юности, например. И одежда, между прочим, именно той эпохи, когда она была старшеклассницей, я проверял.

– Звучит очень разумно, – кивнул Джуффин. – Какая интересная игрушка, надо же!.. Но почему вы решили, что именно это развлечение убило старуху?

– Потому что я держал голову на подушке самое большее полчаса – ну, в сумме. А чувствовал себя наутро разбитым, хотя выспался как следует. Потом стал бриться, гляжу: рожа потрепанная, помятая, и даже несколько лет, вроде как, прибавилось... Знаете, есть один простой способ узнать, от чего заболел?

Мы дружно помотали головами.

– Ну как же, это очень просто. Если, скажем, проснувшись поутру, чувствуешь себя скверно, начинаешь вспоминать: что я вчера жрал? Чаше всего именно от еды плохо становится – по крайней мере, старым холостякам, вроде меня, которые жрут редко, зато где попало и вволю... В общем, вспоминаешь блюда, которые ел, одно за другим. И прислушиваешься к себе. Как только станет совсем хреново, начнет сильнее тошнить или пузо скрутит – ага, о чем сейчас вспоминал? О мясном танге? Ясно, значит, именно мясным тангом и отравился... Иногда, правда, бывает, что жратва тут ни при чем. Тогда приходится вспоминать людей, с которыми виделся, помещения, куда заходил. Рано или поздно, а причина найдется. Простой способ, я же говорю, зато верный. Он меня еще ни разу не подводил.

– Да, ничего себе способ, – авторитетно кивнул Джуффин.

Сэр Шурф тем временем строчил в своей тетрадке как сумасшедший, а Мелифаро и Нумминорих глядели на туланского мудреца с неподдельным уважением. Только меня, бесчувственную тупицу, не проняло. Мне все эти знахарские хитрости без надобности. Я никогда не болею, мой желудок способен переваривать камни, у меня даже похмелья не бывает. И умереть я могу только от оружия, и еще от тоски; второе – гораздо вероятнее.

– Ну вот. И когда я вспомнил свои эксперименты с подушкой, мне стало так муторно – словами не передать. Ну ничего, быстро прошло, а к вечеру я и вовсе поправился. Но с того дня подушка у меня – подозреваемый номер один.

– Очень грамотно, – похвалил его Джуффин. – И ход ваших мыслей, и опыт, и выводы. Молодец, сэр Лай. А теперь, собственно, рассказывай, чем мы можем тебе помочь? Господин Тол Гойохви, постоянный представитель Тулана при дворе, замолвил за тебя словечко, но мы, имей в виду, и без специальной протекции людям помогаем. И уж тем более коллегам.

– Ну, теперь буду знать, – улыбнулся туланец. – А так – кто ж вас разберет? Про людей, которые живут в Ехо, разное говорят. Некоторые рассказывают, что для здешних – если ты не колдун, то уже, вроде как, и не человек. Ну, я подумал, что если оно хоть наполовину так, то в Дом у Моста меня вообще на порог не пустят. Чтобы не осквернял своими нечистыми стопами ваши магические половицы...

– «Если не колдун, то и не человек», – с удовольствием повторил Джуффин. – Блестящая идея. Особенно если учесть, что всякий чужестранец здесь, в Сердце Мира, начинает колдовать, да еще и получше большинства местных жителей. Дело же не в способностях, сэр Лай, просто в этих краях быть магом легче, вот и все.

– Правда, что ли? – Вот теперь туланец удивился. – И я, выходит, могу быть колдуном?

– Ну да. Нужно только время, чтобы обжиться, ну и подучиться технике – но ничего невыполнимого... Ты лучше давай, переходи к делу. Удивляться и радоваться потом будешь, фокусам учиться – тем более потом, договорились?

– Ага, – и этот болван снова лучезарно улыбнулся.

Я никак не могла понять, что меня бесит больше: его покладистость или его обаяние? Но на всякий случай решила, что надо будет наглядно продемонстрировать туланцу наш столичный снобизм, чтобы не расслаблялся. А то шеф какой-то подозрительно добрый, словно человечины с утра наелся.

– Тут вот какое дело, – щебетал меж тем наш заморский гость. – Подушка мало того что сделана в Ехо, так и куплена тут же. Я узнавал: старуха весной сюда ездила, останавливалась в гостинице «Бабушкин дом» на улице Стеклянных Птиц. Там, надо понимать, селятся по большей части вот такие пожилые одинокие путешественницы, я-то сам чуть не свихнулся среди этих вязаных ковриков. Ничего, надо терпеть: в интересах дела мне пришлось там поселиться. Причем уносить коврики из моей комнаты хозяева отказываются наотрез...

– Коврики-то вам чем не угодили? – не выдержала я. – У меня дома их четыре штуки, и я собираюсь приобрести еще парочку. Отличная вещь. Полагаете, мне стоит броситься с ближайшего моста?

– Нет, пока рано, – невозмутимо ответил этот мерзавец. – Вот когда число вязаных ковриков в вашей спальне перевалит за три дюжины, как это принято в «Бабушкином Доме», тогда, пожалуй и правда будет пора.

– Она ведь и убить может, – флегматично заметил Мелифаро.

– Освежевать, разделить и жарить, – радостно подхватил Нумминорих.

Ему только зацепиться дай, потом весь день будет чушь нести – не остановишь. Это называется «веселый человек» и еще «легкий характер», я знаю, но все равно тошно.

– А вот есть, пожалуй, не станет, – закончил сэр Шурф.

Причем он, кажется, даже не шутил. Шурф на моей памяти шутил всего несколько раз и всегда в присутствии сэра Макса, который даже мертвого мог насмешить и растормошить. Но сейчас сэр Лонли-Локли просто высказал свое авторитетное мнение по этому, чрезвычайно важному для всех нас, вопросу. Дескать, леди Меламори Блимм никогда не ест своих врагов. Сколько раз пытались скормить ей врага – безуспешно. Убивает – это да, потом, случается, жарит, но не жрет, и все тут.

Ай молодец, сэр Шурф, вот спасибо, обелил мою репутацию!

Ну, зато после его реплики тему, хвала Магистрам, сочли закрытой и снова обратили вопрошающие взоры к туланцу.

– В общем, подушка отсюда и, возможно, изготовлена с нарушением этого вашего Кодекса, который запрещает колдовать, – он как бы подвел черту под затянувшимся вступлением и изложил наконец суть своей просьбы: – Я еще на корабле, по дороге понял, что нужно прямиком отправляться к вам. У вас же, наверное, все эти мастера сновидений, или как их там, переписаны, и вы знаете, от кого чего ждать. Кто-то, скажем, такими вещами точно заниматься не станет, потому что не умеет, кто-то умеет, но риска не любит, а кто-то за хорошие деньги еще и не такую пакость готов преподнести. Я хотел попросить у вас этот список – ну, если по вашим законам можно делиться такой информацией с иностранцами. А то я же по полгода каждого искать буду... Но прямо к вам мне обращаться не советовали – да-да, я уже понял, что зря, – поэтому я отправился к нашему постоянному посланнику Толу Гойохви, благо он троюродный племянник зятя сестры школьной подруги моего отца. Почти родственник. Потому и принять меня согласился, хоть и стал тут у вас важной птицей. Пришлось всю ночь пить с ним Осский Аш – отличная, кстати, настойка! – пересказывать ему наши новости и отдать чуть ли не половину дорожного гардероба: парень просто вцепился в эти тряпки, как-никак, а сувениры с родины. Но все было не зря: он послал вам записку, получил ответ – и вот я тут.

– Да как же вы так тараторите без остановки?! – Джуффин даже не рассердился, а удивился: вот, дескать, какой редкий у человека дар.

– Извините, – смутился тот. – Просто для меня это вопрос вежливости – ничего не скрывать от людей, к которым пришел за помощью. А поскольку я не знаю, что для вас важно, а что нет...

– Все ясно, можете остановиться. Если мне что-нибудь покажется интересным, я сам об этом спрошу, договорились?

Туланец с готовностью кивнул, и Джуффин продолжил:

– Вы были совершенно правы – в том смысле, что Мастера Совершенных Снов нам действительно известны. Но вот кто из них способен изготовить вещицу, о которой вы рассказывали, да еще такую, что даже за морем будет действовать – это я и сам хотел бы знать. Никогда не встречал ничего подобного... Вы, кстати, взяли ее с собой, эту подушку? Не оставили дома?

– Я-то взял. Да ваши таможенники отобрали. Сказали, ввоз волшебных талисманов в Соединенное Королевство строго запрещен: у самих такого добра хватает. Вот вывозить – пожалуйста, на здоровье. Хоть все.

– Ну, это не беда, – отмахнулся шеф. – С таможней я как-нибудь договорюсь. Посмотрю, что это за чудо такое, подумаю. Завтра утром приходите, расскажу, что придумал. А пока идите отдыхать, да смотрите, выпитесь хорошенько. И выговоритесь, что ли, за завтраком, потому что здесь вам придется по большей части слушать.

Наш гость не стал рассыпаться в благодарностях, как это обычно случается с людьми, которые только что благополучно переложили свои проблемы на чужие плечи. Он просто кивнул, улыбнулся – скорее глазами, чем губами – пробормотал что-то вроде: «Ужасно рад знакомству», – да и вышел вон. Практически опрометью кинулся исполнять указание сэра Джуффина Халли, спать, спать, спать! Оно и хорошо: вид у него к этому моменту был совсем уж измученный. Смотреть больно.

Как только за ним закрылась дверь, шеф уселся за стол, налил себе камры и принялся командовать.

– Сэр Мелифаро, ты, понятно, едешь на таможню. Кого еще туда посылать? Можешь делать с Нули Карифом все, что тебе заблагорассудится, но подушка должна быть у меня сегодня же вечером. Ясно?

– Да зачем с ним что-то делать? – пожал плечами Мелифаро. – Сам отдаст, как всегда.

– Тем лучше. Лишь бы не выяснилось, что кто-то из его ребят уже домой утащил это сокровище, тогда полдня потратим на выяснение: кто, да куда, да как...

Мелифаро отмахнулся от этого предположения, как от назойливой мухи и пулей вылетел за дверь. Я подумала, что давненько он так шустро не бегал, но почему-то не обрадовалась, а разозлилась еще больше. Но виду не показала.

– Сэр Шурф, ты, пожалуйста, продолжай разбираться с архивами. Понимаю, сейчас эта просьба звучит как издевательство, но ты мое единственное оружие в битве с хаосом! – Джуффин отвесил Лонли-Локли церемонный поклон и повернулся ко мне: – А с тобой, леди, нам необходимо поговорить наедине. Зайди в мой кабинет.

Я утрюмо кивнула и потащила в кабинет шефа, предвкушая очередное дурацкое задание из разряда особо скучных. Ну хоть архивы разбирать он меня вряд ли посадит – хвала Магистрам, что у нас есть сэр Шурф!

Джуффин отступил в сторону, пропуская меня; сзади донесся унылый вопрос Нумминориха: «А мне чем заняться?» – и ласковый ответ шефа: «Ну, пойдешь съешь что-нибудь». Он всегда так говорит, когда хочет, чтобы от него отвязались. А Нумминорих всякий раз искренне радуется такому заданию. Ну, или делает вид, что радуется, кто его разберет. Он – классный нюхач, наш сэр Нумминорих, думаю, самый лучший из ныне живущих. Но для того, чтобы у нюхача появилась работа, нужен подозреваемый, которого следует разыскать. А у нас в настоящий момент только один подозреваемый имелся, да и тот – профессиональный. Бедняга Нумминорих!

– Я хотел бы, чтобы ты занялась этим делом, – сказал мне Джуффин, запирая за собой дверь кабинета.

– Туланцем, что ли? – удивилась я.

– Ну, положим, не столько туланцем, сколько его подушкой. И поисками Мастера Совершенных Снов, который мог изготовить этакое диво.

– Вообще-то, я просто Мастер Преследования, – напомнила я. – Расследование – это не совсем по моей части. Тут у нас сэр Мелифаро умелец. А слухи-сплетни собирать – это к сэру Кофе, а я...

– Спасибо за поучительную лекцию, – осклабился шеф. – Надеюсь, ты не обидишься, леди, если я скажу, что и сам, в общем-то знаю сильные стороны своих сотрудников. Слабые, впрочем, тоже, но это к делу не относится... И, кстати, сняла бы ты эту свою маску, а? Мода дело хорошее, но неприятно разговаривать с человеком, который прячет лицо.

Это было что-то новенькое. Прежде Господин Почтеннейший Начальник никогда не интересовался нашим внешним видом. Лишь бы на службу ходили и дело делали – хоть в масках, хоть голышом. Пришлось обнажить рожу: все же начальство велит. Ну, я уж позаботилась, чтобы выражение моего лица не доставило шефу никакого удовольствия.

Впрочем, он словно бы и не заметил моей кислой физиономии. Поглядел мне в глаза, улыбнулся лучезарно – дескать, так-то лучше.

– Я и не говорю, что ты должна все сделать сама. Просто если уж вышло, что среди моих сотрудников есть человек, который втерся в доверие к одному из Мастеров Совершенных Снов, да еще и к нарушителю Кодекса, глупо было бы этим не воспользоваться...

Меня бросило в жар. Есть такое выражение «сгореть от стыда» – так вот, это почти не преувеличение. Еще немного, и я бы вспыхнула, как сухой хворост. Одно дело постоянно говорить о Джуффине: «Он все обо всех знает», – и совсем другое на собственной шкуре убедиться, что твой начальник в курсе всех твоих личных, интимных и, честно говоря, вполне постыдных секретов. Ясно теперь, зачем он меня маску снять попросил. Хотел небось насладиться результатом на полную катушку.

В тот миг я искренне считала, что сэр Джуффин Халли – самый отвратительный мерзавец во Вселенной. И ни на секунду не сомневалась, что теперь-то я уж точно отправлюсь в Арварох. Нынче же вечером, пешком. По воде аки посуху, ничего-ничего. Лишь бы подальше от этого ужасного человека, моего начальника.

Хвала Магистрам, шеф очень быстро сообразил, что со мной творится. Подскочил ко мне, положил руку на затылок, побарабанил пальцами ритмично – я сперва успокоилась, а уже только потом поняла, что он со мной делает. Ну, против Джуффинова колдовства не попрешь, негодовать я больше не могла, волноваться тоже. Оставалось только одно: сидеть, слушать.

– Что с тобой, девочка? – с неподдельным сочувствием спросил этот злодей. – Что такого страшного я сказал? Сотни людей пользуются услугами Мастеров Совершенных Снов; в основном, конечно, старики, у которых не осталось ничего, кроме воспоминаний... Но им и в голову не приходит это скрывать. Стремление к счастью – не позорная слабость, а естественная потребность обычного, среднего человека. И лучше быть счастливым во сне, чем не быть вовсе. Другое дело, что старые, опытные колдуны вроде нас с тобой должны бы обходиться без помощи посторонних...

– «Старые, опытные», – я невольно улыбнулась. – Скажете тоже.

– Прости, незабвенная, – галантно поклонился Джуффин. – Но я не могу заставить себя называть юной и неопытной девицу, которая пару лет назад прилетела сюда из Арвароха, да еще и в виде буривуха. Ах да. Ты же, кроме всего, во сне это проделала, не просто так. Деяние, достойное великих мастеров древности... Конечно, в свете всего вышесказанного твои нынешние визиты к лысому Комосу выглядят... э-э-э... несколько эксцентрично, но стыдиться тут нечего. Решительно нечего!

Комос – да, именно так звали моего поставщика волшебных подушек. И он действительно был лысым. То есть крыть нечем: шеф знал обо мне абсолютно все. И теперь уте-

шал меня, лицемерно изображая сочувствие. Впрочем, тут он как раз не слишком старался. Играл, как бездарный актер в провинциальном трактире – нарочно, разумеется. Чтобы я не вздумала ему поверить. То есть говорил-то он ласково, но глаза сияли такой яростью, что это действовало на меня сильнее любой выволочки. «Ты готова просрать свой дар? Ну, Темные Магистры тебе в помощь, имеешь полное право!» – вот что говорил его взгляд. По крайней мере я это так для себя перевела. И совсем скисла.

– Все к лучшему, – жизнерадостно закончил Джуффин. – Если уж так вышло, что ты успела втереться в доверие к лысому Комосу, нет смысла посылать к нему Кофу. Пойдешь к нему в обычном наряде, с подушкой, скажешь: вот, подружке такое сделали, я тоже хочу, за любые деньги... Надеюсь, сэр Мелифаро через час ее привезет. Ну, если не привезет, на словах расскажешь.

– В любом случае придется рассказывать на словах, – вздохнула я. – Будет выглядеть неестественно, если я принесу ему чужую подушку. Люди не дают такие вещи посторонним, даже самым близким друзьям. Это же самая большая личная тайна – что мы хотим видеть в своих грезах...

– Надо же, какие тонкости, а я и не знаю ничего, – сокрушенно сказал Джуффин. – А все почему: личного опыта не хватает. Никогда в жизни не пробовал спать на такой подушке. Может быть надо? Все-таки новый опыт. Ну и потом, мне тоже бывает тоскливо без нашего сэра Макса.

– Вам?! – изумилась я. – Тоскливо?! Прекращайте заливать, сэр.

– Не веришь, не надо, – он пожал плечами. – Репутация бессердечного хмыря еще никому не вредила... Иди, что ли, пообедай, леди. Потом возвращайся. Надеюсь, к тому времени сэр Мелифаро привезет нам подушку, поглядим на нее вместе, хочешь?

Когда такого рода предложение поступает от начальства, довольно трудно сказать ему: «нет». Но я все-таки сказала. Джуффин даже обрадовался.

– Ну, значит придется тебе глядеть на нее с отвращением. И на меня заодно. Но все равно придется. Возвращайся в этот кабинет через два часа, леди Меламори. Я буду тебя ждать.

Я пожалала плечами, кивнула, надела маску и вышла вон. Самое время: благотворное воздействие Джуффинова успокоительного массажа уже начало проходить, а уши мои еще пылали от стыда. Следовало их остудить, хоть немного.

Больше всего на свете мне хотелось ускользнуть из Дома у Моста незамеченной. Не было у меня душевных сил на еще один диалог. Я собиралась спокойно посидеть в своем любимом кафе на Площади Побед Гурига Седьмого и съесть там ровно столько мороженого, сколько успею за отведенные мне на это дело два часа. Вернее, полтора: надо же учитывать еще и время на дорогу. Компаньоны для такого дела мне были без надобности.

В Зале Общей Работы было пусто, зато в коридоре меня поймал Лонли-Локли. Буквально вот из засады выскочил: только что не было никого, и вдруг – хлоп! – и сэр Шурф кладет мне на плечо тяжкую свою длань. В защитной рукавице, к счастью – или к сожалению. Это как поглядеть.

– А разве ты не разбираешь архивы? – с надеждой спросила я.

– Я разбирал их в течение полутора дюжин дней. И только что закончил эту работу. Пойдем пообедаем, Меламори. Есть разговор.

Я поняла, что мои мечты о мороженом накрылись дырявой шляпой. Обедать с сэром Шурфом – дело серьезное. Тут уж хочешь, не хочешь, а придется начинать с закуски, требовать суп, потом второе блюдо и десерт – ну, в точности, как в гостях у родителей. То еще удовольствие.

Я махнула на все рукой и сказала ему чистую правду:

– Шурф, я не хочу обедать. Я хочу мороженого. Много-много. И чтобы все от меня отстали.

Он задумался, потом спросил:

– А одним первым пунктом ты готова ограничиться?

– То есть?

– Ты будешь есть мороженое, но в моем обществе.

– При одном условии, – мстительно сказала я. – Если ты тоже будешь есть только мороженое. А не хлюпать супом.

Он и бровью не повел.

Пришлось мне вести его в кафе на Площадь Побед. Странное дело: никто это место не любит, даже сэр Макс только ради меня терпел, а мне там хорошо. Ну и семьдесят сортов мороженого – это тоже не шутка. Где еще такое найдешь!

Увидев, с каким смирением и стоицизмом сэр Шурф поглощает голубое мороженое из Гугландских трав, я смягчилась.

– О чем ты хотел поговорить? Сейчас самое время.

– Ничего особенного. Просто хотел предложить тебе свою помощь.

В таких случаях принято говорить: «Я так и села». Но я уже и без того сидела на плетеном стуле, так что обошлось.

– В чем ты собираешься мне помогать? – наконец спросила я.

Он помолчал, обдумывая формулировку. Ничего путного так и не придумал, поэтому сказал очередную нелепость:

– Я хочу помочь тебе жить дальше.

– Лучше помоги мне жить ближе, – хмыкнула я. – Все ближе и ближе с каждым днем... Сэр Шурф, ну что ты метешь? Взрослый ведь человек...

– Вот именно, взрослый, – согласился он. – И поэтому понимаю то, чего не понимают другие: ты не справляешься. Сколько раз тебе сегодня хотелось закатить скандал?

Я попробовала честно сосчитать, но ничего толком не вышло.

– Раз восемь. Или десять. Или дюжину... Мало, я понимаю. Но я работаю над собой и скоро буду хотеть закатить скандал гораздо чаще!

Бесполезно. Он не оценил моей иронии, а строго кивнул:

– Вот именно.

На его счастье в этот момент мне принесли новую вазочку с мороженым. Поэтому и только поэтому предыдущая, опустошенная уже посудина не полетела ему в голову. А ведь как хотелось!

– Тебе надо начать заниматься дыхательной гимнастикой, – мягко сказал Шурф. – Спокойствие – единственное, что тебе по-настоящему нужно. Все остальное у тебя есть.

– До фиги всего у меня есть, ага, – буркнула я. – Просто вот весь мир!

– И это тоже, – флегматично подтвердил Шурф. – Весь мир и великое множество других миров. Путешествуй – не хочу. Но для начала надо успокоиться. Иначе ничего не выйдет.

– Шурф, миленький, ну сам подумай: зачем мне сдался весь мир – этот или любой другой? – жалобно спросила я. – Что я с ними делать буду?

– Там разберешься, – он пожал плечами. – Не маленькая... Ты ешь свое мороженое, оно тает.

– Спасибо, – буркнула я. – Сама вижу.

– Заниматься будем каждый день, – твердо сказал Лонли-Локли. – Когда работы нет – в моем кабинете, в Доме у Моста. Когда дел по горло – после службы, по вечерам. Да ты не смотри на меня с таким ужасом. Всего полчаса в день, больше я от тебя не требую.

– Не хочу я ничем заниматься, – проворчала я.

– Конечно не хочешь. Но придется. Ты же меня знаешь, – вздохнул сэр Шурф. Он, надо думать, сам уже смертельно устал быть таким взрослым, мудрым, надежным и непоколебимым, человеком-скалой. Но деваться ему было некуда. И мне тоже.

– Пешком в Арварох уйду! – вяло пригрозила я. – Будете все знать...

– Сперва верни себе хорошую форму, а потом – хоть в Тихий Город, – галантно поклонился мне Шурф.

Это был очень интересный поворот темы. Мне и в голову никогда не приходило, что я тоже могу попробовать...

– Ты очень способная, – строго сказал Лонли-Локли. – К тому же училась у Арварохских буривухов, а это редкая удача. В нашу эпоху никому не удавалось втереться к ним в ученики. Только в древности. Будет глупо, если ты все это профукаешь. А теперь ешь свое мороженое, а я, пожалуй, еще успею перекусить по-человечески. В «Обжоре Бунбе», говорят, появился новый сырный суп. Надо бы его попробовать.

Я вдруг поняла, что сейчас – вот именно сейчас! – совершенно не хочу с ним расставаться. Поэтому я бросила на стол несколько мелких монеток и вскочила.

– Я тоже буду этот твой дурацкий сырный суп, – сказала я. – Ишь ты, удрать он решил...

– Я всегда знал, что ты обладаешь врожденной житейской мудростью, леди, – и Лонли-Локли галантно подал мне руку.

В кабинет Джуффина я вернулась не то чтобы в хорошем настроении, но вполне в состоянии как-то справляться с жизнью. В ту пору это казалось мне совершенно упоительным ощущением. Справляться! С жизнью! – вы только вдумайтесь!

Очень необычное по тем временам состояние.

Шеф, разумеется, получил свою подушку. Ну, то есть, не свою, а старухину. Сжимал ее в объятиях, только что не стонал от восторга. Подушка была небольшая, овальной формы. По лиловому фону вышиты бледно-розовые цветочки. С виду – ерунда и дешевка, я бы такую и даром не взяла. Но некоторым, знаю, нравится.

– Ты непременно должна это попробовать! – накинулся на меня Джуффин. – Ничего подобного в жизни не видел. Умело сделанная вещица: всего двадцатая ступень Черной магии, но зато в сочетании с четырнадцатой степенью Белой. То есть по нынешним временам вообще не криминал. Работает просто и грубо. Но заказчице, как я понимаю, это и требовалось. Давай, бери подушку, ложись!

– Куда ложиться-то? – Я не ожидала такого натиска, а потому сдалась почти сразу. – На пол, что ли?

– Да хоть бы и на пол. Тут, вроде, с утра убрали...

Я взяла подушку и покорно улеглась на пол. В тот же миг дверь кабинета открылась, и вошел смуглый кудрявый юноша в короткой ярко-желтой тунике. Он был отлично сложен и, чего греха таить, на удивление привлекателен. Настолько, что я не стала вскакивать, когда он уселся рядом со мной и принялся гладить меня по голове. Ну, не то чтобы мне хотелось продолжения, но по голове меня, честно говоря, давненько не гладили. А юноша – ничего, не противный. И не говорит вообще ни слова – редкое достоинство!

Ну, пару минут спустя я все-таки оторвала голову от подушки. Прекрасный юноша тут же исчез, зато появился сэр Джуффин. Неравноценная замена, при всем моем уважении к шефу!

– Ну и как тебе? – нетерпеливо спросил он.

– Да, ничего себе, – согласилась я. – Красивый парень. И совсем как живой... А вы-то его видели?

– В том и фокус, что нет! Для того, кто кладет голову на подушку, красавчик совершенно настоящий, плотный, теплый, даже пахнет человеком. Уверен, если с ним загово-

рить, он и отвечать что-нибудь станет. И просьбы выполнять, разумеется. Не «пойди-принеси-вымой посуду», а более интимного характера просьбы... А для всех остальных его просто нет. Застукать вас вдвоем совершенно невозможно – разве что, голову на подушку рядом с твоей положить... Кстати это идея! Сейчас попробуем, – и шеф грохнулся на пол рядом со мной.

Я об одном жалела: что в этот момент в его кабинет не вломился какой-нибудь Королевский посланец, ну или хоть важный чин из Ордена Семилистника. Но эта моя мечта, увы, так и осталась мечтой. Всегда так: самое интересное не сбывается.

Зато мой кудрявый юноша снова появился в кабинете и принялся ласково гладить меня по голове, не обращая решительно никакого внимания на Джуффина. Минутой позже, когда мы прекратили эксперимент, шеф утверждал, что юноша подошел вовсе не ко мне, а к нему и занялся обработкой его бритого черепа.

– Ну как это «не ко мне»? – возмутилась я. – Очень даже ко мне! Гладил по головке, старался...

– Ясно. Подушка одна, а видений двое. Каждому участнику игры по юноше – очень великодушно! – ухмыльнулся Джуффин. – Да, отличная вещь нам досталась. Давно такого не видел.

– Вы ее небось еще и домой уволочете, – ехидно предположила я.

– Нет, что ты. Тебе отдам.

– Шуточки у вас.

– А с чего ты взяла, что шуточки? Это – задание. Нормальное, обычное задание. Возьмешь подушку домой, лежишь на ней хотя бы часок... Что ты так на меня смотришь, леди? Я не предлагаю тебе ничего из ряда вон выходящего. Парень, хвала Магистрам, не противный и...

Я тихо зарычала, поскольку слов у меня просто не нашлось.

– Я же не заставляю тебя заниматься с ним любовью, – примирительно сказал Джуффин. – Не сомневаюсь, что он это умеет, для того его и создавали, поэтому на эксперименте не настаиваю. Мне гораздо интереснее, чтобы ты попробовала его разговорить. Возьмешь в постель самопишущую табличку, будешь записывать ответы – если, конечно, он скажет тебе хоть что-то. А кому еще я могу дать такое задание? Сэру Мелифаро?

– У сэра Шурфа, между прочим, эльфы в роду были, – огрызнулась я. – А даже если бы не было, при такой самодисциплине ему должно быть наплевать, мальчик там или девочка, приказ есть приказ. И эксперт из него получше, чем из меня.

– Да, пожалуй, – неожиданно согласился шеф. – Завтра дам подушку ему, почему нет? Но сегодня твоя очередь. По крайней мере, будешь знать, что рассказывать своему лысому приятелю. И потом есть один очень важный момент, который необходимо прояснить: как ты себя будешь чувствовать наутро? Сэр Шурф тут мне не поможет: он слишком хорошо защищен, как, впрочем, и я сам. Ясно тебе теперь, что это не моя прихоть?

– Скажем так, не только прихоть, – проворчала я. – Ладно, поболтаю с этим красавчиком. Но только поболтаю! Еще не хватало, с чужими идеалами любовь крутить. Тут со своими разобратся бы...

– Договорились, – просиял шеф. – Бери подушку и можешь отправляться домой. На сегодня все. А завтра приходи пораньше. Мне хотелось бы поговорить с тобой до того, как сюда заявится этот смешной туланский сыщик.

– Кстати, не понимаю, какой ему прок от нашего расследования? – вздохнула я. – Он же убийцу в суд привести должен, правильно? А тут никакого убийцы, просто несчастный случай при использовании волшебного талисмана. И что он будет делать?

– Ну, как я понимаю, если мы дадим ему справку, что старуха умерла из-за купленной в Ехо подушки, изготовитель которой примерно наказан, суд будет удовлетворен, – пожал плечами Джуффин. – Не совсем же они там идиоты.

– Вот это как раз вряд ли, – возразила я и быстренько шмыгнула к двери – пока за мной оставалось хоть жалкое подобие последнего слова.

Подушка полетела мне вслед. Пришлось ловить.

На всякий случай я заперла волшебную подушку в спальне. На ключ заперла, да-да. И еще проверила, закрыты ли окна. И пару дополнительных заклинаний не поленилась прочитать, чтобы уж точно никто не залез. А то сейфа у меня нет, а вещь опасная. Сопрет кто-нибудь, а потом от страха свихнется. Или, напротив, полюбит этого юношу больше жизни и помрет, как та туланская старуха, несколько дюжин дней спустя. Так что лучше бы в сейфе это сокровище держать, но сейфа у меня нет.

Через час мне прислал зов сэр Шурф и потребовал, чтобы я немедленно бросала все дела и возвращалась в Дом у Моста, заниматься с ним этой грешной дыхательной гимнастикой. Я бранилась как портовый нищий, но поехала: не отстанет ведь! Дыхательная гимнастика мне, впрочем, понравилась. Действительно успокаивает. Под конец я даже перестала злиться на Шурфа, что он так долго тянул с началом занятий. Мог бы давным-давно мне все это показать, и было бы хорошо – окружающим в первую очередь.

Потом мы отправились навещать своих собак. Мы с Шурфом, наверное, были первыми в истории собаководства балбесами, чьи псы решили поселиться отдельно от хозяев.

Вышло так. После того, как сэр Макс угодил в Тихий Город, его пес Друппи страшно тосковал. Единственным, кому удавалось его утешить, был старый друг по имени Дримарондо, говорящая собака из Графства Хотта. Дримарондо в ту пору жил в саду у Лонли-Локли и считался собакой сэра Шурфа; впрочем, оба они прекрасно понимали условность этого определения. Сперва псы проводили вместе дни напролет, потом Друппи изъявил желание переночевать у приятеля – раз, другой, третий; наконец Дримарондо вполне справедливо заметил, что глупо все время кататься туда-сюда: ясно же, что вдвоем им живется лучше, чем поодиночке.

Дюжину дней спустя сэр Шурф привез мне обоих псов и заявил, что теперь, дескать, моя очередь их терпеть, а ему пора отдохнуть. На следующий же день я поняла, почему: эти двое носились по дому, катались по лестницам, непрерывно тявкали и визжали, как щенки. При том, что габариты у обоих, мягко говоря, не щенячьи: Дримарондо, если встанет на задние лапы, почти одного роста со мной, а Друппи – раза в полтора крупнее. Терпеть в доме этих жизнерадостных красавцев, сокрушающих на своем пути решительно все, у меня не было никаких сил. После нескольких бурных сцен (Друппи прятался от орущей меня на чердаке, и огребать приходилось дипломату Дримарондо) собаки предложили вполне разумный вариант: почему бы им не пожить отдельно? То есть вдвоем, но без меня. И без сэра Лонли-Локли, если возможно. Потому что – так объяснили эти пройдохи – нет никаких сил терпеть наши человеческие выходы.

Мы с Шурфом благоразумно решили, что так всем будет лучше, и арендовали для своего зверинца ветхий домик с роскошным садом на окраине Левобережья. Собаки были совершенно счастливы; в этом состоянии они пребывали по сей день. Даже наши регулярные визиты совершенно не портили им настроение: мы все же еду привозим.

Ну и славно. Должен ведь хоть кто-то быть счастливым? И пускай это будут Друппи с Дримарондо, если уж у нас, двуногих дураков, вечно что-нибудь не так.

Насладившись созерцанием наших мохнатых чудовищ, сэр Шурф отбыл домой, а я послала зов Нумминориху и поехала в гости к ним с Хенной. Я так часто делаю: очень уж у них хорошо. Шумно, суматошно, весело и никакой тебе «серой тоски». Все друг друга

искренне любят и как следствие не слишком церемонятся. На стол никто специально не накрывает, зато каждый может идти в кухню и брать там столько еды, сколько требуется. Устал от общества – ступай в сад, где в самых укромных уголках расставлены уютные ветхие кресла, или поднимайся на чердак, где висит старый гамак, а в маленькое круглое окошко видно только кусочек неба и больше ничего. Но маленький злодей Фило находит меня, куда бы я ни спряталась, и тащит во двор, соревноваться с ним в стрельбе из игрушечной рогатки Бабум (он почти всегда побеждает, увы). А его младшая сестренка Нита считает меня своей игрушкой и все время пытается причесать, переодеть или, на худой конец, просто уложить спать – а что еще прикажете делать с такой большой, непослушной и неудобной в обращении куклой?! Обычно я уезжаю из этого дома в разодранном лоохи, с растрепанной головой и легким сердцем. Жаль только, настроение – штука переменчивая, надолго его не хватает.

Дома, в собственной спальне, я оказалась уже около полуночи. С отвращением покосилась на колдовскую подушку: никому не нравится брать работу на дом! Но приказ есть приказ. Я отыскала внизу самопишущую табличку, чтобы записывать нашу беседу и опустила голову на розовые цветочки.

Юноша в желтой тунике образовался в моей спальне незамедлительно. Я подумала, что, если когда-нибудь буду заказывать подобную подушку для себя, непременно потребую у мастера, чтобы прекрасный призрак появлялся не сразу. И желательно, всякий раз каким-нибудь новым способом. Пусть в окна лезет, из кладовой выходит, из шкафа вываливается или шумит на кухне. А то – хлоп, и уже в дверях – радуйтесь, это я, ваше несказанное счастье. Так самое распрекрасное существо в несколько дней опостылеть может.

Пока я придумывала все эти усовершенствования, кудрявый красавчик уселся рядом со мной и принялся перебирать мои волосы. Прямо не герой-любовник, а цирюльник какой-то. И сейчас скажет, что за полторы дюжины горстей мог бы соорудить мне неплохую парадную прическу, а за полкороны – удлинить мои патлы как минимум вдвое. Но, хвала Магистрам, он промолчал.

Минут пять я старалась сочинить хоть сколько-нибудь оригинальное начало беседы, но ничего умнее, чем «Как тебя зовут?» – не придумала. Удивительное дело, но он понял мой вопрос. Ответил: «Эвас», – и заглянул мне в глаза. Во взоре его был энтузиазм обделенного лаской щенка. Он, как мне показалось, истосковался по словам. Ну, то есть, мне хотелось так думать.

– Кто ты? – спросила я.

Не то чтобы я всерьез полагала, что юноша Эвас тут же изложит мне все обстоятельства своего призрачного бытия, а в заключение надиктует адрес мастерской, где была изготовлена подушка. Но я знаю жизнь: она щедра не только на неприятные сюрпризы. Приятных и просто полезных неожиданностей тоже хватает. И кто сказал, будто на мою долю их совсем не осталось?

Но его ответ все же застал меня врасплох.

– Я – твой бархатистый индюшонок, – пролепетал этот красавчик. – Твой медовенький лягушоночек.

Я не выдержала и заржала в голос. Давно я так, честно говоря, не смеялась. Про себя подумала, что наверняка провалила задуманный Джуффином эксперимент: такого солдафонского хохота ни одно уважающее себя наваждение не потерпит.

Но нет, юноша терпеливо ждал, пока я закончу веселиться. Даже по голове меня гладить не прекратил. Поэтому, отсмеявшись, я решила продолжать интервью, как ни в чем не бывало.

– Откуда ты взялся?

Но на этот раз юноша Эвас ничего не ответил. Я сперва всерьез решила, что он все-таки обиделся, и только потом сообразила: очевидно, у этого наваждения есть ответы не на все вопросы, а только на некоторые, заранее придуманные старухой-заказчицей. Что ж, значит, расспрашивать его бесполезно. Ну, то есть, для дела бесполезно, зато для смеху – самое то. Не принесу пользы, так хоть развеселю все Малое Тайное Сыскное войско, никто не уйдет обиженным. Сэр Джуффин Халли – первый кандидат в «медовенькие лягушоночки», мне для любимого начальства ничего не жалко.

Я попробовала поставить вопрос иначе:

– Зачем ты пришел?

– Чтобы потрепать перышки моей сахарной индюшечке и насадить ее на мой вертелок. Чтобы утонуть в твоей сладенькой трясиночке. Чтобы мой медовый пирожочичек был доволен! – без запинки отбарабанил юноша Эвас.

Грешные Магистры! А мне-то казалось, что я готова ко всему.

После такого начала беседы кудрявый красавчик окончательно лишился своего обаяния. Если прежде он казался мне очень привлекательным молодым человеком, вполне в моем вкусе, так что встретиться мы в иных обстоятельствах – кто знает, чем это могло бы закончиться, теперь даже думать на эту тему было противно. И его прикосновения к моим волосам стали меня раздражать.

– Перестань гладить меня по голове, – потребовала я.

Он послушался, но тут же спросил:

– Хочешь, я тебя поцелую?

– Спасибо, не нужно, – отказалась я. – Давай поговорим. Скажи, мы с тобой давно вместе?

– С самого дня моего рождения, – с готовностью отрапортовал юноше. – В первую же ночь, задремав на материнской груди, я увидел тебя во сне и с тех пор искал по всей Чирухте. И вот нашел...

– Когда ты меня нашел? Сколько лет назад?

Юноша Эвас молчал и безмятежно улыбался. Очевидно, такой вопрос не был предусмотрен заказчицей, а значит, ответа он не знал. Как и ответов на многие другие вопросы, с помощью которых я пыталась выяснить, был этот красавчик порождением фантазий покойной старушки или копией реального человека – скажем, ее возлюбленного, или случайного прохожего, разбившего ей сердце – или, или, или... Ничего у меня не получилось, конечно: юноша был создан для постельного лепета, а вовсе не в качестве источника полезной информации. Зато между делом я узнала, что мои «губоньки» – это «лесной цветочек», «животик как ломтик маслица», а «голосок словно специально создан для любовных трелей», – клянусь, он именно так и сказал: «любовные трели»!

Убиться веником, как говорил в таких случаях сэр Макс.

Окончательно ошалев от уменьшительно-ласкательных суффиксов и устав каждые две минуты отказываться от все новых непристойных предложений этого непомерно сладострастного наваждения, я наконец убрала голову с подушки. Поглядела на часы и обомлела: шеф просил меня хотя бы часок продержаться, а я добрых полночи убила на дурацкую эту болтовню. Буду теперь просить орден за особые заслуги перед Соединенным Королевством, раз так.

Я спустилась вниз, в гостиную, поставила на жаровню оставшуюся с утра камру: варить свежую не было никаких сил. Набила трубку, закурила. Принялась обдумывать происшедшее. Несколько раз непроизвольно начинала хихикать, но быстро успокаивалась: на бурное веселье просто не хватало сил.

Налила себе камры – по-холостяцки, в немытую кружку. Вцепилась в нее двумя руками: горячая, зараза, а мне того и надо! Сама не заметила, как замерзла, но идти наверх

за теплым домашним лоохи было лень. «Интересно, – вдруг подумала я, – а если бы мне пришлось заказывать такую подушку, что бы я хотела видеть и слышать по ночам? Чтобы приходил не сразу и из какого-нибудь неожиданного места, это понятно. А еще? Чтобы говорил: «Солнышко мое маленькое»? Бр-р-р, жуть какая! Нет уж, пусть лучше молчит и... Да, точно, пусть молчит. Все не так ужасно... А между прочим, мне ведь и придется заказывать такую подушку! Или до заказа дело не дойдет? Да, пожалуй, скорей всего не дойдет, мне ведь только мастера найти нужно... Еще бы знать точно, что я этого действительно не хочу. Но ведь я-то хочу? Пожалуй. Даже теперь, после этого цирка с чужим болваном, не отказалась бы попробовать провести ночь с собственным. Это же будет не чужая глупая фантазия, а моя; к тому же не фантазия даже, а память, ожившие воспоминания – чем плохо?..»

Я совсем разволновалась. Встала, обшарила дом, наконец отыскала в буфете едва початую бутылку Джубатынской Пьяни. Ненавижу это пойло, но в доме держу зачем-то. А Осский Аш, который очень люблю, никогда домой не покупаю. Чтобы не спиться, что ли?.. Понюхала, поморщилась, но сделала пару глотков. Считается, что выпивка успокаивает нервы и навеивает сон, а мне сейчас именно это и требовалось.

Вместо сна во мне почему-то проснулся аппетит. Пришлось снова вставать и устраивать обыск. Еды в доме не было, кроме баночки гугландского травяного варенья и мешочка болотных орехов. В связи с происхождением орехов вспомнила: «утонуть в твоей сладенькой трясиночке», – и расхохоталась, бессильно уронив голову на руки. А успокоившись, вдруг устыдилась. Да, люди часто кажутся друг другу смешными и нелепыми, особенно когда речь идет о таких вот интимных пристрастиях, глупых словечках, которые нельзя произносить при посторонних, но можно и даже нужно нашептывать на ушко тому единственному в мире человеку, которому они предназначены. Вовсе не обязательно покойная туланская старушка была дурой и размазней, просто во времена ее юности такие вот идиотские приторные словечки наверняка были обычным делом, нормой, как для нас, скажем, прошептать: «Хорошая моя», уткнувшись губами в шею. А для нее такая немногословность – дикарство, или душевная холодность, можно спорить на что угодно.

«Если бы у меня была такая вот подушка, – думала я. – Такая же, только сделанная по моему заказу. И вот я бы жила-жила, каждую ночь запиралась бы в спальне – не сны волшебные по заказу глядеть, а кое что покрепче, послаще, почти как настоящее!.. И потом умерла бы, а какая-нибудь девица из сыскной конторы взялась бы разбираться с моей подушкой и ужасалась бы: «Вот же дурища какая!» Или, еще хуже, ржала бы, как вот я нынче...»

Я отхлебнула еще пару глотков из бутылки, закусила вареньем и вдруг разревелась, чего со мной уже очень давно не случалось. Так давно, что я чуть не сказала «никогда», – но это, конечно, было бы некоторым преувеличением.

Я сидела в своей гостиной и редела, как младенец: долго, громко и даже с удовольствием. Оплакивала бедную туланскую старушку, сочинившую себе юного кудрявого любовника, и себя я тоже почему-то оплакивала. То ли за компанию, то ли потому, что вдруг поверила, что мы с этой мертвой мечтательницей – одно и то же, никакой разницы, кроме нескольких несущественных деталей. Когда мне казалось, что слезы вот-вот иссякнут, я делала очередной глоток, словно бы и правда полагала, будто Джубатынская Пьянь быстро и легко превратится в слезы и вытечет из меня вон вместе с невесть откуда взявшейся жалостью и болью. Наплакавшись, я уснула прямо в гостиной, на ковре – не то чтобы сил не было добраться до спальни, просто там меня ждала лиловая подушка с розовыми цветочками, а мне отчаянно хотелось быть от нее подальше – не знаю уж почему. Вроде бы не труслива и не брезглива – а вот нашлась и на меня управа.

А утром меня разбудил сэр Джуффин.

Он каким-то образом открыл мою дверь, вошел в гостиную и замер, изумленно уставившись на пустую бутылку из-под Джубатыкской Пьяни и мое неподвижное тело на полу. То есть это я так предполагаю, что он замер. Как было на самом деле, не знаю: спала без задних ног. А проснулась от того, что шеф поднял меня с пола и поставил на эти самые задние ноги, без которых я только что так распрекрасно обходилась.

– С тобой все в порядке? – спрашивает.

А я мычу что-то несуразное, башкой квадратной трясу. Ничего не понимаю.

Потом, конечно, сбегала вниз, умылась, пришла немного в себя. Пока я плескалась, сэр Джуффин где-то раздобыл кувшин свежей камры – неужели в соседний трактир успел выскочить? – наполнил мою кружку, достал из-за пазухи сверток с бутербродами. Ему Кимпа, дворецкий, постоянно с собой на службу семислойные кеттарийские бутерброды всучивает, а шеф потом не знает, как от них избавиться. Выбросить жалко, а есть не вмоготу. Раньше, пока сэр Макс был с нами, Джуффин ему все скармливал, а теперь совсем беда. Ну, сегодня ему повезло: у меня с похмелья был зверский аппетит.

Увидев, как я набросилась на еду, сэр Джуффин понял, что со мной все в порядке, но на всякий случай спросил:

– Как ты себя чувствуешь? И что тут у тебя происходит?

– Ничего особенного, – буркнула я. – Просто не могла заснуть до рассвета после всех дурацких экспериментов с вашей грешной подушкой. Было всех жалко и очень противно. Ну и напилась с горя. А что еще делать?.. А почему вы сюда приехали? Потому что я на службу не пришла? Уже, что ли, совсем поздно?

– Да нет, наоборот, очень рано, – успокоил меня шеф. – Просто я тебе зов послал, хотел поскорее узнать новости. А ты так крепко спала, что ничего не почувствовала. Ну, я сдурю решил, что ты без сознания валяешься, приехал тебя спасать.

– Вы почти не ошиблись, – вздохнула я. – Действительно валялась, практически без сознания, как портовый нищий в Последний День Года. Но подушка тут ни при чем, можете мне поверить. Ну, то есть, валялась я не из-за нее. Три четверти бутылки Джубатыкской Пьяни выдула – сама не понимаю как. Собиралась-то всего пару глотков, чтобы уснуть.

– Каяться потом будешь. Ты лучше скажи, как себя чувствуешь? – не отставал сэр Джуффин.

Я проанализировала свои ощущения.

– Неважно, конечно. Но, знаете, для человека, который столько выпил и проспал всего пару часов, я чувствую себя просто прекрасно.

– Хорошо. В общем, я так и думал. Видишь ли, я почти уверен, что здесь, у нас, такая подушка совершенно безопасна. Но по мере удаления от Ехо подушка больше не может питаться силой Сердца Мира и начинает существовать за счет своего владельца. Все просто: если бы та несчастная старуха осталась в Ехо, была бы жива до сих пор и еще много лет. Но она уехала домой, в Тулан, и угасла за полгода... Ладно, с этим ясно. Теперь скажи: ты с парнем поговорила? Записи делала?

Я кивнула, не в силах сдержать нервный смешок. Поднялась в спальню, принесла шефу самопишущую табличку, заодно и подушку прихватила: пусть увозит эту пакость из моего дома! Видеть ее не желаю.

– Имейте в виду, там, на табличке, нет никакой ценной информации. Три часа совершенно нелепого бреда. Я полночи ржала... а потом еще полночи напивалась и плакала.

– Ну, последнее мне вряд ли грозит, – ухмыльнулся сэр Джуффин. – Спасибо за работу, Меламори. Иди наверх и отсыпайся. Заслужила.

– Еще бы не заслужила, – вздохнула я. – Всю ночь с таким красавчиком щебетала! А потом еще Джубатыкскую Пьянь уничтожала в поте лица. Спасибо, сэр. Я всегда знала, что вы способны оценить мои достижения.

– Рад, что хоть чем-то сумел тебе угодить, – шеф отвесил мне шутовской поклон. – Всегда к твоим услугам. Проснешься – приходи в Дом у Моста. Авось еще на что-нибудь друг другу сгодимся.

Он уехал, а я с легким сердцем отправилась в спальню. Остатки бутербродов взяла с собой: больше всего на свете люблю есть в постели. Если бы кому-нибудь пришло в голову открыть трактир, где посетителей укладывают в кровати, а еду приносят на подносах и не ругают за крошки, я бы оттуда не вылезала.

До полудня я провалялась в постели. Засыпала, просыпалась, выпивала пару глотков камры, жевала подсохшие бутерброды шефа и снова проваливалась в сладкую дрему. Проснувшись окончательно, решила, что напиваться надо чаще: мало того, что чувствовала я себя совершенно изумительно, так еще и настроение исправилось. Ничего особенного, конечно, но по моим тогдашним меркам оно могло считаться почти радужным. Даже необходимость отправиться в Дом у Моста не казалась мне тягостной. Мне вдруг подумалось – почти крамольная по тем временам мысль! – что на службе может случиться что-нибудь интересное.

И ведь действительно.

Хохот я услышала еще на улице. Ни на миг не усомнилась, что ржут на нашей половине Управления Полного Порядка. Городская полиция – организация серьезная. С их территории могут доноситься разве что вопли генерала Бубуты Боха, который вечно грозит искупать кого-нибудь в сортире, но, насколько мне известно, так ни разу и не осуществил свое намерение. Оно и хорошо, некоторые мечты должны оставаться мечтами.

Эпицентром веселья, как я и подозревала, был кабинет сэра Мелифаро. Я с самого начала понимала, что, если туланская подушка попадет к нему в руки, это будет натуральная катастрофа. И думала, что сэр Джуффин тоже это понимает. Но шеф то ли не уследил за этим сокровищем, то ли нарочно всучил его своему заместителю, дабы поглядеть, что будет.

Что-что...

Мелифаро возлежал на своем рабочем столе. Под головой у него – ну, понятно, да? Что там еще могло быть под этой бессмысленной башкой, в такое-то время, в таком-то месте? Рядышком, надо полагать, сидел мой кудрявый приятель. Видно его, разумеется, не было, но Мелифаро с ним душевно беседовал и громко транслировал ответы горемычного наваждения.

– Ну, скажи мне еще что-нибудь ласковое, – просил он. А несколько секунд спустя, отчаянно кривляясь, вопил: – Ты моя бархатная подушечка! Медовенькая пышечка! Пушистенькая индюшечка!!!

Нумминорих и Кекки Туотли ржали так, что стекла звенели. Сэр Луукфи Пэнц, спустившийся по такому случаю из Большого Архива, смеялся потише, но тоже от души. Сэр Кофа Йох стоял немного в стороне, привалившись к дверному косяку, и снисходительно ухмылялся. Только Лонли-Локли не участвовал в этом безобразии. Ну и шеф, конечно, отсиживался в своем кабинете. А так все собрались.

Я открыла было рот, чтобы сказать все, что я об этом думаю, но тут же его закрыла. Вспомнила, как сама поначалу веселилась. Пожала плечами, развернулась, да и вышла вон. Пусть себе радуются люди, чего им мешать? Надеюсь, сэр Джуффин позволит мне пересидеть эту бурю у него в кабинете.

Шеф меня ждал.

– Вот и хорошо, что пришла. Я как раз думал, послать тебе зов или пожалеть? И, честно говоря, склонялся к первому варианту. День – штука короткая, а тебе предстоит визит к Лысому Комосу. Придумала уже, что будешь ему рассказывать?

– Ну, в общих чертах, – соврала я.

На самом-то деле я благополучно забыла про это задание. Чуть не спросила: «А зачем я туда пойду?»

– И каковы они, эти «общие черты»? – строго спросил Джуффин.

– Думаю, надо говорить как можно больше правды – насколько это возможно. Врать только в деталях. Скажу, что к родителям подруги приехала дальняя родственница из Тулана... Когда, кстати, она здесь была, эта старуха?

– Этой весной. Продолжай, мне интересно.

– Ну вот, значит, весной приехала и с тех пор у них живет. Подружка подслушала, как бабка ее матери вечером в гостиной рассказывала о своей великой любви. Был, дескать, двести лет назад у нее такой умопомрачительный роман, что до сих пор забыть не может. Потом тетки хлопнули по стакану Осского Аша, и старуха проговорила: вот, дескать, купила себе подушку, которая вернет ей любовника. Что старуха уехала в Тулан и там умерла, говорить не нужно: вечно как только выясняется, что кто-нибудь умер, даже невинные на всякий случай пугаются... Потом можно наврать, что подружка из любопытства эту самую подушку стащила, пока старуха гуляла, и попробовала на ней полежать – ну вот как я вчера. Описать с ее слов, как это все выглядит. Потом, понятно, стану требовать себе такую же. Чтобы тоже мужчина приходил – как живой, как настоящий. Чтобы выглядел в точности, как я хочу, и говорил все, что мне нравится. И не во сне, а наяву. Правильно?

– Да, почему бы нет? – легко согласился Джуффин. – Так и сделай, а там смотри по обстоятельствам. Если Комос скажет, что готов такое смастерить – я очень сомневаюсь, что это ему по плечу, но мало ли? – спроси цену, скажи, что постарайся достать деньги, и отправляйся домой. Если будет говорить, что такими вещами не занимается, падай ему в ноги, обещай заплатить, если сведет тебя с мастером. Они все друг о друге знают, наверняка Комос сразу сообразит, чья это может быть работа. Если будет отпираться, имей в виду: это скорее всего потому, что никто не хочет терять клиентов. Дай ему понять, что его подушки тебе будут по-прежнему нужны. Или пригрози, что найдешь себе другого мастера, раз он не хочет тебе помогать. Ну да что я тебя учу, Блиммы всегда умели торговаться получше прочих.

– Да уж, – скромно согласилась я. – На том и стоим... А где наш туланский гость?

– Где он вот прямо сейчас, не знаю. Но полчаса назад еще был здесь, – вздохнул шеф. – Бьет копытом, рвется в бой, того гляди дым из ноздрей скоро повалит. Хочет действовать. То есть он, конечно, верит мне на слово, что мы и сами с его делом справимся, лишь бы под ногами никто не путался, но... Трудно ему. Привык сам справляться, а тут вдруг вообще ничего не надо делать, только сидеть и ждать. Я бы на его месте да в его годы тоже с ума сходил.

– А ведь он вам нравится?

Я, честно говоря, не собиралась спрашивать. Просто подумала, но почему-то вслух.

– Ну да, – согласился Джуффин. – Хороший парень, сообразительный, по-житейски опытный, а в наших делах – чистая страница. И профессия у него смешная, и предрассудков море, а голова светлая и характер правильной закалки. Пожалуй, за пару дюжин лет я бы сделал из него очень неплохого колдуна...

– Ну так и делайте, – проворчала я. – Все равно человек от безделья погибает.

– Ну, для начала я попросил сэра Шурфа показать ему несколько простеньких фокусов, – ухмыльнулся шеф. – А там поглядим... Правда, на хрена ему эти умения в Тулане?..

– В цирке будет выступать, – отрезала я. – Все лучше, чем его нынешняя профессия.

– Брысь отсюда, – велел шеф. – Иди, собирайся к своему лысому. И без ценной информации не возвращайся.

– Если почувствую, что он не готов открыться постороннему человеку, выйду за него замуж, – пообещала я. – Жене-то он небось все расскажет.

Джуффин проводил меня восхищенным взглядом. Уже в коридоре я, холодея, поняла, что он вполне серьезно отнесся к моему обещанию и, в случае чего, не преминет о нем напомнить.

Заехав домой, я быстренько привела себя «в порядок»: переделалась в розовую скабу и дорогое лоохи, расшитое препошлейшими голубыми цветочками, привычным движением собрала волосы в пучок и нахлобучила на голову белобрысый парик. Шмякнула на физиономию горсть фальшивых веснушек – самые мелкие, какие только можно достать на Сумеречном рынке. Закрыла лицо руками, наскоро пробормотала заклинание. Теперь веснушки выглядели натурально, а черты моего лица изменились до неузнаваемости: нос сделался короче и заострился, превратился в самый настоящий *носик*; губы тоже стали *губками*, по-детски пухлыми и сочными, а на подбородке появилась очаровательная ямочка, которую я, дай мне волю, пожалуй, с удовольствием оставила бы себе навсегда. Но силы этого заклинания хватает часа на три, не больше. И ладно.

Выход на улицу – это отдельная песня. Понятно, что, если из дома леди Меламори Блимм то и дело будет выскакивать некая тщедушная блондиночка, мои соседи, друзья и знакомые довольно быстро сделают нехитрое умозаключение и поймут, что эта самая «блондиночка» – я и есть. Ехо только кажется большим городом; нравы тут у нас вполне сельские: все интересуется всеми, чтобы было о чем поговорить за ужином.

Поэтому моя блондиночка обычно покидала дом через черный ход. Строго говоря, не через черный ход даже, а через окно кладовой, которое выходит на задний двор. Высокая стена живой изгороди отделяет двор от узкого безлюдного переулка, где не то что ни единого трактира, или лавки, а даже парадного входа в жилой дом нет. Только изгороди и садовые калитки. Чудесное местечко, мечта грабителя – да только бедняга загнется там от старости прежде, чем дождется хоть одну жертву. По крайней мере, я там еще никогда ни единой живой души не видела, даже собаки. Тем не менее, всякий раз перед тем, как выскользнуть в переулок, я внимательно оглядывалась по сторонам. У меня, конечно, имелась навязчивая идея, будто за каждым кустом скрывается сэр Кофа Йох в плаще-невидимке, но я отдавала себя отчет, что у него, мягко говоря, имеются и другие дела, кроме выслеживания моей персоны.

А дальше – совсем просто. Незаметно шмыгнуть из переулка на улицу, параллельную той, где стоит мой дом, и вспомнить, куда я в прошлый раз упрятала подержанный амобилер, специально купленный для тайных поездок леди Мисы. Я все время выбирала для него какое-нибудь новое место парковки в радиусе нескольких кварталов от своего жилья, благо укомрных переулков в Старом Городе предостаточно.

Дом моего поставщика сладких снов находился на самой дальней окраине respectable Левобережья, где земля дешевле даже, чем в Новом Городе, зато и добираться туда приходится дольше. Меня в свое время сэр Макс научил гонять на амобилере так, что булыжники из-под колес летят и фонарные столбы по обочинам раскачиваются – то есть за полчаса я вполне могла бы туда добраться, если бы не конспирация. Белобрысая субтильная дурища леди Миса, которая посещала Лысого Комоса, вообще не должна была бы уметь самостоятельно управлять амобилером, но тут уж мне пришлось пойти на компромисс: а как еще к нему прикажете добираться? Пешком через весь город? О том, чтобы нанимать возницу, и речи быть не могло. Комос меня на порог не пустил бы – и правильно. Все-таки, как ни крути, а закон мы с ним нарушали. Совсем чуть-чуть, но... Но.

Я всегда очень старалась не вызывать подозрений: сидела за рычагом как перепуганная кукла, ехала медленно, маневрировала неумело, звонко взвизгивая на поворотах. Не всю дорогу, конечно, так над собой издевалась, но в людных местах – обязательно. А за несколько кварталов до особняка сэра Комоса амобилер мой непременно начинал шархаться из сто-

роны в сторону, тормозить перед каждым ухабом и время от времени аккуратно въезжал в какой-нибудь забор, покрепче – так, чтобы обошлось без разрушений. Чтобы, значит, кто-нибудь из соседей завтра непременно спросил лысого: «Это не к тебе безумная дурища на отцовском амобилере мотается?» И чтобы Комосу стало чуть-чуть неловко. Достоверность моего образа требует великого множества мелких жертв от всех участников представления.

Вот на какие ухищрения мне приходилось идти ради всякого визита к лысому Комосу. И нынешняя поездка не стала исключением. Разве что ехала я не так медленно и бестолково, как обычно. Позволила себе расслабиться перед важным разговором. Ну и потом даже такая дурища, как моя леди Миса, должна со временем хоть чему-нибудь выучиться, верно?..

Господин Комос, как обычно, ждал меня на крыльце своего дома. Выглядело это как жест вежливости, но я прекрасно понимала: просто он желает убедиться, что я выполнила раз и навсегда данное обещание и приехала одна. И правильно делает, дамочкам, вроде моей леди Мисы, веры нет. Сегодня клянется торжественно хранить тайну до скончания дней, а завтра пятерых подружек притащит знакомиться – и хорошо еще, если не отца со старшим братом!

С виду мой поставщик сладких грез совершенно не был похож на Мастера Совершенных Снов – ну, как их обычно представляют. Считается почему-то, что все члены этого почтенного цеха – пожилые люди, красивые и хрупкие, как дорогие игрушки, бледные от постоянного пребывания в полумраке своих спален, с тихим голосом, отрешенным взглядом и ласковыми, как у знахарей, манерами.

Ага, как же. Этот тип был высок, как потомок Эхлов, пузат, краснолиц и громогласен, как завсегдатай «Джубатыкского Фонтана» – при том, что я никогда не замечала, чтобы от него пахло спиртным. Просто натура такая, бывает. Он вечно слонялся по дому без тюрбана, ослепляя клиентов сиянием своей ярко-алой лысины, даже в сад в таком виде выходил. А может быть и на улицу – кто его знает?..

При всем при том была в неуклюжих манерах лысого Комоса какая-то старомодная галантность. Он сразу казался – даже мне! – не чужим человеком, чьи услуги, между прочим, стоят немалых денег, а кем-то вроде доброго дядюшки из провинции. Грубый, смешной, нелепый, но свой в доску, уютный, безопасный, заслуживающий доверия. За таким как за каменной стеной. При его профессии – очень важное качество. Потому что сон – такое дело: вроде бы пустяк, но не из всяких рук его примешь. Ох, не из всяких... А от этого жуткого краснорожего Комоса – да с удовольствием! Такой вот феномен. Сама поражаюсь.

– Ну что, незабвенная, соскучилась? – улыбнулся он, помогая мне выйти из амобилера, который я, следуя традициям этой растяпы, леди Мисы, припарковала на краю его клумбы, раздавив парочку декоративных грибов.

Следуя все тем же традициям, я затараторила, не давая ему открыть рта: «Ах, я!.. Так извелась!.. Ничего не радуется!.. Даже сны!.. Снится! Всякая гадость! Сегодня вообще! Приснился! Мой папочка! Совсем голый! Такой! Стыд и ужас!.. Зато! Мне! Вчера! Подружка! Такое рассказала! ТАКОЕ!!!»

Все это я успела не только выпалить одним махом, но и повторить раза четыре, пока мы шли в гостиную. Там я быстренько изложила Комосу свою легенду о любопытной подружке и ее престарелой родственнице, выслушанную и одобренную высоким начальством всего два часа назад.

Пока я тараторила, он все больше мрачнел. Когда я наконец умолкла, печально покачал головой.

– Бедная девочка. Скорее всего тебя обманули. Таких талисманов просто не бывает.

Сказать, что я была разочарована – значит ничего не сказать. Я, конечно, не надеялась, что Комос выслушает меня и скажет: «А, ну это пара пустяков, будет тебе такая подушечка», – но я очень рассчитывала на его совет и помощь в поисках изготовителя колдовской вещицы.

– Как это не бывает?! – возмутилась я. – Очень даже бывает! А что тут такого?!

– Пойми, незабвенная, – строго сказал Комос. – Одно дело – сны. Не так уж трудно сделать, чтобы человек увидел во сне все, что пожелает. И совсем другое дело – наваждения. Сделать то, о чем ты говоришь, вообще невозможно. Где это видано: чтобы к тебе наяву живой человек приходил, и никто, кроме тебя, его не видел?! Призрак – пожалуйста, сколько угодно. Я этим не занимаюсь, но знаю мастеров. Но чтобы наваждение даже на ощупь было человеком, да еще и потом пахло, как настоящий мужчина – нет, невозможно. Обманула тебя подружка. Посмеяться хотела над чужой печалью. Стерва она, не водись с ней. Хорошие люди так не поступают...

Он бы еще долго рассказывал мне о недостатках моей вымышленной подружки, но я, вконец ошарашенная его твердолобостью, взвыла:

– Да как же «невозможно», когда я сама!.. – И осеклась. Поняла, что наговорила лишнего, вышла за рамки легенды. Теперь придется выкручиваться.

– Как это – сама?! – обалдел Комос. – Ты ж говоришь, подружка рассказала...

– Она меня в гости вчера позвала, когда родители увезли бабу в «Сытый скелет» ужинать, – нашла я. – И ключи заранее припрятала, так что мы пробрались в старухину спальню. Нашли эту подушку и сами попробовали, по очереди. Он к нам обоим приходил и разговаривал, и по голове гладил – больше мы ему ничего не разрешили. Такой ласковый, красивый мальчик, только глупости болтает: «сладенький пирожочичек», «медовенький лягушоночек», – старухе так нравится, наверное... А ты мне теперь говоришь «невозможно»? Думаешь, дура, да? – И я соорудила обиженную мордочку, коронный трюк моей леди Мисы. Я этой мордочкой до сих пор горжусь, вершина моих актерских возможностей.

Лысый Комос схватился за голову. Сидел, молчал, раскачивался из стороны в сторону. Кажется, мой рассказ действительно был для него не просто новостью, но и серьезным шоком.

– Узнаю, кто это делает, своими руками придушу, – вдруг сказал он. – Или в Дом у Моста отведу, хотя мне туда лучше бы не соваться... Но плевать, отведу!

Мы с леди Мисой временно объединились. То есть теперь я была такой же дуришей, как она: ничего не понимала. Ничегошеньки.

– По-по-почему вдруг такие строгости? – запинаясь спросили мы, хлопая прекрасными глазами, бессмысленными, как у дешевой куклы.

– А потому что скверное это дело, – сурово сказал Комос. – Нельзя так поступать. Одно дело – сон хороший посмотреть, а потом проснуться и жить дальше. И совсем другое – заводить себе такую игрушку наяву. Нехорошо это. Против природы и порядка вещей.

Ему явно не хватало слов, чтобы объяснить мне причины своего возмущения, но он очень старался.

– Понятия не имею, кто мог такое соорудить, – добавил он. – Видать, большой мастер. Только не знаю, дурак он, или мерзавец?

– И чего ты злишься? – я понемногу пришла в себя и начала понимать, что задание мое, скорее всего, провалено. – Я бы все равно покупала у тебя сны, даже если бы раздобыла такую подушечку. Так что тебе это не в ущерб...

– Много ты понимаешь, – отмахнулся он. – Думаешь, человек кроме своей выгоды ни о чем не беспокоится?

– А о чем еще тебе беспокоиться? – буркнула я.

Тут мы с леди Мисой опять были вполне солидарны. Она сердилась, что вместо желанной игрушки ей предлагают бессмысленные нравоучения; я была вне себя от мысли, что расследование мое зашло в тупик. Но обе мы испытывали к лысому Комосу примерно одни и те же чувства.

– Злишься, – вздохнул он. – Ну не серчай, леди. Я не хотел тебя огорчать. Но послушай, что я тебе скажу и запомни хорошенько. Ни один Мастер Совершенных Снов не мог изготовить вещь, о которой ты рассказываешь. Во-первых, нас этому не учат. А во-вторых, существует наиважнейшее для нас цеховое правило: мы не вмешиваемся в человеческую жизнь. Только в сны – да и то лишь потому, что люди ленятся делать это сами. Каждый мог бы стать для себя Мастером Совершенных Снов – это куда легче, чем делать подушки для других. Обучение стоит не дороже, чем дюжина моих подушек, но никто не хочет трудиться. Вот и ты не захотела, когда я предлагал, помнишь?

Ну да. Я-то, положим, не захотела, потому что тогда мне пришлось бы открыть свое инкогнито. Учеба дело серьезное, тут мой жалкий маскарад не поможет. Но предложение показалось мне чрезвычайно соблазнительным. Я даже думала: а почему нет, возьму да и обращусь к Комосу под собственным именем, как официальное лицо, скажу, что мне на службе велели квалификацию повышать и рекомендовали его как одного из лучших преподавателей. Уж в уроках-то ничего противозаконного нет, он только рад был бы... Другое дело, что я все время откладывала эту затею на потом – все-таки не самое важное умение в жизни, а так, забава. Может быть, и другие клиенты Комоса рассуждали примерно таким же образом?..

Пока я думала, леди Миса молчала и куксилась. У нее это просто изумительно получалось. Для себя я такую кислую морду скорчить не умею, даже если очень нужно, а для нее – пожалуйста.

– А подушка, о которой ты рассказала, – продолжал Комос, – очень нехорошая вещь. Мало того, что это наверняка запретная магия, какая-нибудь сотая ступень – («А вот и нет, а вот и нет!» – ехидно захихикала я про себя) – скорее всего, этой вашей бабке не поздоровится. Не сейчас, так скоро. Ну, ей, может, терять особо нечего, а ты гляди. От таких игрушек можно старухой за год стать.

– И пускай, – упрямо прошептала леди Миса. Но испуг на мордочке все же изобразила, чтобы дяденька Комос был доволен.

– Лучше всего было бы, если бы ты пошла в Дом у Моста и рассказала им об этой подушке, – посоветовал он. Поглядел на меня внимательно и махнул рукой: – Да ведь все равно не пойдешь...

– Мне такой секрет доверили! – заверещала я. – Как же я могу свою подружку в Холоми сдать! Да никогда! Ни за что! Даже если узнаю, что у нее в подвале Лойсо Пондохва прячется!

– Ну, все ясно с тобой, – вздохнул мой Мастер Совершенных Снов. – Ничего, я сам разужнаю, кто такими игрушками балуется. Я этого так не оставляю.

– Если ты его найдешь, пусть он сначала мне такую подушку сделает, – нахально потребовала я. – Я тебе специально доплачу за посредничество, так и знай! А потом – хоть в Холоми, хоть в Нунду, хоть в свой подвал его запирай, мне все равно...

Лысый Комос схватил меня за плечи и довольно сильно встряхнул.

– Ты вот что, незабвенная, выброси эту дурь из головы, ясно тебе? Не выбросишь – кончишь в Приюте Безумных.

Я жалобно пискнула. Он, кажется, сам испугался собственного напора, отпустил меня, бормоча какие-то извинения. Я постаралась выжать из себя пару слезинок. Получилось довольно скверно, но Комос, к счастью, как раз отвернулся и вышел. Вернулся с маленькой пестрой подушкой.

– Вот, – сказал он, – держи. Это подарок. Здесь полдюжины очень хороших, сладких снов, таких, как ты любишь. Успокойся, поспи, потом приезжай, если захочешь. Но о том, что просила – забудь. Лучше уж сразу с моста, головой вниз. Ясно тебе?

Я прижала к груди его подарок и задом побрела к выходу. Губы у меня вполне натурально дрожали.

– Все равно я хочу, чтобы он приходил как живой, – крикнула я с порога.

Это, конечно, уже было чистое хулиганство. Маленькая месть за разочарование, которое мне пришлось пережить. Вот интересное дело: Мастера Сновидений тут, оказывается, ни при чем! И кто же тогда?.. И как их искать? И, дырку над всем в небе, с какой стати все вдруг стало так сложно?!

Я так расстроилась, что обратно ехала в своей обычной манере, а не как растяпа Миса. Белокурый парик при этом не сняла, конопушки не смыла. И домой переодеться не заскочила. Вот прямо в этом ужасном лоохи с жуткими голубыми цветочками заявила в Управление Полного Порядка. Леди Миса таким образом была похоронена навеки: какая уж теперь конспирация. Про себя я решила, что поделом дуре: во-первых, надоела, а во-вторых, провал операции карается смертью. Чтобы неповадно было. А к Лысому Комосу можно будет в другом паричке съездить. Скажем, в рыжем. И нос пусть будет курносый, а рот длинный, как у лягушонка (медовенького лягушоночка, о да). И надо бы притвориться умницей – для разнообразия. А то сил никаких нет.

Сэр Джуффин, надо отдать ему должное, не стал комментировать мой вид. Только головой покачал. Усадил в кресло, налил кружку камры, нацедил рюмочкупряного укумбийского бомборокки из своих запасов. Все-таки не законченный злодей.

– Надо за лысым слежку установить, – выпалила я, кое-как отдышавшись. – Он был в гневе, я так толком и не поняла почему. Сказал, разыщет мерзавца, который нашу подушку смастерил, и сам притащит его в Дом у Моста. Поэтому надо бы за ним слежку: вдруг правда найдет?

– Но если он все равно собирается притащить его к нам, зачем тогда слежка? – ухмыльнулся шеф.

– Потому что Комос еще точно не решил, что с ним делать. Может, просто придушит, – вздохнула я. – Он просто вне себя был. Сперва пытался убедить меня, что таких талисманов вообще не бывает в природе, а когда я ляпнула, что сама эту грешную подушку у подружки видела и даже пробовала, он просто взбеленился!

– Комос хороший мужик, – мягко сказал Джуффин. – Он даже Кодекс Хрембера нарушает с единственной целью: помочь своим клиентам. Чтобы получили качественный товар, а не дешевое наваждение, после которого утром голова ноет. Между прочим, с богатых покупателей он дерет три шкуры, зато бедным раздает свои подушки почти бесплатно – ты не знала?

– То есть он с меня три шкуры драл, чтобы потом делать подарки сироткам из предместий? – изумилась я. – Мило!.. Впрочем, он совершенно прав. Сироткам нужнее.

– Престарелым сироткам из предместий, да-да... – рассеянно сказал шеф, барабанив пальцами по столу. Однако слово «престарелым» произнес с нажимом. Продолжал, стало быть, меня воспитывать.

Самое время, конечно.

– Еще бы он не возмутился. – Джуффин невесело улыбнулся краешком рта. – Во-первых, кто-то отбивает его хлеб – но это как раз ладно. Мастеров Совершенных Снов несколько дюжин, и все отбивают друг у друга хлеб, что не мешает ребятам быть самым сплоченным профессиональным цехом – тем же поварам у них бы поучиться... Но наш Комос умница и сразу почуял опасность. Одно дело, если несчастный, исстрадавшийся и слишком сла-

бый, чтобы ворожить самостоятельно, человек видит искусственно созданный сон вместо обычного. Простительная слабость, желанный, заслуженный отдых. И совсем другое дело, если этот самый бедолага запирается в спальне с собственным наваждением, чьи отличия от живого человека в постели кажутся несущественными. Ну, отвечает не на все вопросы – подумаешь... Это гораздо соблазнительней, чем просто видеть сны. И гораздо опасней. Стимулов выходить из спальни – практически никаких, разве что пожрать да в сортир смотаться. Зато стимулов оставаться в спальне как можно дольше – сколько угодно. Ай да Комос! Сразу забил тревогу, молодец! А что, может, и найдет этого горе-умельца – если мы с тобой окажемся ленивыми, недееспособными ничтожествами. Но мы же не дадим старине Комосу нас обскакать?

– Вы не дадите, наверное, – вздохнула я. – Как по мне, так пусть себе скачет сколько влезет.

– Раньше ты была более азартной, – укоризненно сказал шеф. – Ну, дело хозяйское. Хочешь наперекор собственной природе притворяться сонной индюшкой – на здоровье. Помолчи теперь минутку, а еще лучше – сходи в Большой Архив за Луукфи, пока он, чего доброго, домой не намылился. Мне нужен он сам и еще полный список всех столичных Мастеров Совершенных Снов, да пусть не тратит время на оформление. Имя, адрес – этого достаточно. Но срочно. Если встретишь кого-нибудь из ребят в коридоре, гони их сюда. Я собираю совещание. Мне нужны абсолютно все сотрудники до единого и хорошо бы еще дюжина человек, но ладно, обойдусь как-нибудь.

Когда сэру Джуффину Халли под хвост (в существовании которого я почти не сомневаюсь) попадает вожжа, он способен творить чудеса, не прибегая к помощи Очевидной магии. Через четверть часа в его кабинете сидело все Малое Тайное Сыскное войско в полном составе и еще наш туланский гость – для полного, так сказать, комплекта. Шеф ораторствовал, все восемь пар ушей, включая мои, благоговейно трепетали на сквозняке. Он кратко пересказал содержание моей беседы с лысым Комосом, и сформулировал предстоящую нам задачу:

– Кроме господина Комоса в Ехо и окрестностях проживает еще почти четыре дюжины Мастеров Совершенных Снов. Сорок шесть, есть быть точным. Надо сегодня же вечером навестить каждого и попробовать договориться об изготовлении подушки по образцу той, что попала нам в руки. Все подробности об этой вещице вам, не сомневаюсь, отлично известны. Нынче днем стены всего Управления дрожали от вашего хохота, генерал Бубута Бох трижды пытался вызвать сюда знахарей из Приюта Безумных, несколько молодых полицейских с перепугу подали в отставку, а какая-то нервная иностранка потеряла сознание прямо под окнами кабинета сэра Мелифаро. Из всего этого я делаю вывод, что означенный сэр выполнил мою просьбу и наглядно продемонстрировал вам действие этого удивительного талисмана. Я бы с удовольствием возложил всю эту работу на Кофу и Кекки, но действовать надо очень быстро, чтобы наши Мастера не успели понять, что происходит неладное. Они же знакомы друг с другом, обсуждают новости, сплетничают о странных клиентах и просто чудаках, которые к ним приходят, так что быстро почуют неладное. Поэтому принять участие в маскараде придется каждому.

– А разве не проще вызвать их всех сюда и допросить? – удивился Мелифаро. – Они обязаны явиться и правдиво отвечать на все наши вопросы, так что не понимаю, в чем проблема?

– Вызовем, если понадобится. Но потом. Мы, к сожалению, не можем обязать человека держаться на официальном допросе так же искренне, приветливо и раскованно, как он будет вести себя в присутствии нового клиента. Есть детали, которые можно забыть от волнения. Есть имена и факты, которые всплывают в памяти только в ходе неспешной, доверительной

беседы. И, наконец, мне очень важно знать их мнение о нашей подушке. Вот, к примеру, лысый Комос был в ярости, кричал, что это против правил и принципов их цеха. Мне интересно: все Мастера Совершенных Снов станут возмущаться, или это только сэр Комос у нас такой оригинал? Мне вообще много чего интересно. Поэтому, бедный мой сэр Мелифаро, «как проще» у тебя не получится. Кстати, Кофа, вы поможете моему заместителю изменить внешность? Сам он, как я понимаю, в этом деле ни в зуб ногой. Нумминорих и Луукфи тоже будут благодарны за помощь.

– Сделаем таких скорбных молодых вдовушек, что даже портовые грузчики от жалости к ним в голос рыдать будут, – пообещал Кофа.

Мелифаро зыркнул на него дикими от ужаса очами, но возразить не осмелился. Зато Нумминорих и Луукфи обрадовались как дети.

– Надеюсь, все уже поняли, как мы проведем нынешний вечер, – бодро сказал Джуффин. – Сейчас поделим адреса, переоденемся – и вперед. Легенду каждый сам придумает, не маленькие. Все вариации на тему невыразимой тоски по навеки утраченному любимому существу приветствуются.

– А я? – спросил Трикки Лай. – Я могу чем-то помочь?

– Можешь, – кивнул шеф. – Но тебя переодевать не будем.

Про себя я отметила, что Джуффин уже стал говорить туланцу «ты». По идее, не моего ума это дело, а вот поди ж ты, обидно стало почему-то. Никогда не знаешь, сколько дури может поместиться в одной небольшой голове – пока она в деле себя не проявит, конечно.

– Ты нанесешь два визита, – говорил меж тем Джуффин. – Сперва отправишься к сэру Лао Курваю, старшине цеха Мастеров Совершенных Снов. Сошлись на меня, и он примет тебя как родного сына. Заодно поужинаешь, счастливчик, у Лао феерический повар... Расскажешь ему свою историю, все как есть. Попроси помощи: пусть хорошенько поразмыслит, откуда могут взяться такие подушки. Только умоляю, не вздумай выкладывать старику, что ты думаешь о его профессии. И вообще попридержи язык. Изложишь суть дела и сиди тихонько, слушай, что он тебе скажет. Ясно?

– Ясно, – коротко ответил туланец.

– Потом, даже если засидитесь за полночь, поедешь к Типе Брин. Чем позже ты к ней заявишься, тем больше шансов, что она тебя пустит на порог. И да, на меня ссылаться не вздумай. Вообще ни слова о том, что как-то связан с Тайным Сыском. Скажи, какой-то старикашка на Сумеречном рынке рекомендовал к ней обратиться. Рассчитывай только на свою удачу и обаяние, леди Типа – тяжелый случай. Единственная женщина в этом ремесле и единственная скандалистка, покинувшая цех из-за каких-то невнятных теоретических разногласий с коллегами. С тех пор не работает, благо накопила предостаточно. В начале Эпохи Кодекса она была лучшим Мастером Совершенных Снов в Соединенном Королевстве. Ткала сладкие грезы для переутомившихся Старших Магистров Ордена Семилистника; говорят, даже покойный Нуфлин Мони Мах пару раз пользовался ее услугами.

– А ему-то зачем? – изумилась я.

Вот уж действительно, невозможно представить. Такой могущественный колдун, каким был Великий Магистр Нуфлин – и вдруг бежит к Мастеру за подушечкой... К тому же, думаю, что тосковать по умершим и ушедшим возлюбленным старик перестал еще пару тысяч лет назад – если вообще когда-нибудь владел нехитрым этим искусством, в чем лично я очень сомневаюсь.

Джуффин пожал плечами.

– Откуда я знаю? Я в его дела никогда особо не лез. Просто Сотофа рассказывала, что к Нуфлину пару раз приезжал курьер от Типы. Но ничего конкретного, все шуточки – ты же знаешь Сотофу. Можешь как-нибудь на досуге сама ее расспросить.

Я пожала плечами, но информацию взяла на заметку. Леди Сотофа Ханемер вряд ли станет болтать со мной как с подружкой, но у меня, хвала Магистрам, половина родственников в Ордене Семилистника, начиная с дядюшки Кимы, с которым, между прочим, все равно пора бы помириться. Он, наверное, обрадуется.

– Сэр Лай, бери адреса и катись отсюда! – распорядился Джуффин. – Время поджигает. Будет хорошо, если ты успеешь закончить разговор с Лао Курваем прежде, чем тот узнает, что всех его коллег нынче вечером осаждали охотники за этой грешной подушкой. Такая новость кого хочешь насторожит. Мне бы не хотелось, чтобы он раньше времени понял, какая важная вещь эта подушка. Когда люди думают, что речь идет о пустяках, они, как правило, лучше соображают.

Туланец покорно взял бумажку, куда сэр Луукфи Пэнц успел переписать два адреса с архивной таблички, поклонился и поспешно вышел.

– Ну вот, господа, на нашу с вами долю осталось всего сорок четыре Мастера, – бодро сказал Джуффин. – Говорить не о чем! Сэр Шурф, на тебе пятеро, все твои соседи, из Нового Города. Костюм и легенду выбирай сам, но имей в виду: в роли безутешного вдовца ты можешь быть неподражаем.

– Спасибо, сэр, – кивнул Лонли-Локли. – Придумаю что-нибудь. Переоденусь дома, у меня там довольно большой гардероб.

– Не сомневаюсь. Поезжай, удачи тебе... Кофа и Кекки, как самые опытные специалисты, возьмут на себя всех, кто живет на Левобережье. Их там четырнадцать человек. Делитесь, как вам удобно, господа. Кекки может приступить немедленно, а вы, Кофа, сперва приведите в надлежащий вид наших коллег.

Кофа молча кивнул, проглядел табличку с адресами, показал Кекки, с кого следует начинать, и она галопом умчалась выполнять поручение. В дверях эта торопыга чуть не сбила с ног курьера, который тащил корзину с пестрым тряпьем и париками всех мастей.

Кофа тем временем взялся за дело всерьез. Напялил на Мелифаро рыжий парик, тут же отрицательно покачал головой, что-то пробурчал и заменил огненные кудри смоляными.

– Рыжей женщине очень трудно казаться печальной, – пояснил он. – Знавал я одну рыжую, у нее в Смутные Времена старший сын погиб, сражаясь в составе Королевской гвардии, а младший сгорел в резиденции Ордена Зеленых Лун, куда его только-только взяли послушником. Бедная женщина совсем извелась, а соседки судачили: бессердечная мать, ходит довольная, как ни в чем не бывало. А все потому что рыжая...

Пока он разглагольствовал, я с трудом сдерживала смех: из красавчика Мелифаро вышла совершенно нелепая девица. Коренастая, широкоплечая, донельзя вульгарная, страшная, как чучело, но при всем при том не лишенная некоторого обаяния. Словом, в качестве комического актера сэр Мелифаро мог бы иметь грандиозный успех, а вот в роли молодой невесты – ох, вряд ли!

Впрочем, не я одна была в восторге. Нумминорих, бедняга, чуть сознание не потерял, сился не заржать, да и все остальные свидетели чудесного преображения сэра Мелифаро с трудом сохраняли серьезность. Начальство не выдержало первым: Джуффин расхохотался, закрыв лицо руками. Со стороны это было немного похоже на рыдания.

– Можно подумать, – почему-то обиделся Кофа. – Ну да, не красавица, но... Впрочем, ладно. Лицо, пожалуй, действительно стоит подправить.

Пару минут спустя сэр Мелифаро перестал быть смешным. Теперь на нас взирала довольно потрепанная брюнетка средних лет, скорее усталая, чем по-настоящему печальная.

– Очень хорошо, – уважительно сказал Джуффин. – Теперь сделай глоток «Сладкого Шепота», чтобы изменить голос, смени лоохи на что-нибудь поскромней: где ты видел безутешную вдову в малиновом? Надень маску, в твоём положении она более чем уместна, и вперед. Кофа, сколько времени будет действовать ваше заклинание?

– До утра, как и «Сладкий Шепот», – отвечивал Кофа. – В таком деле лучше пере-страховаться...

Мелифаро скрипнул зубами, но делать было нечего. Принял из рук своего мучителя бутылочку с зельем, которое превращает мужской голос в женский и наоборот. Очень полезная вещь, к тому же общедоступная. Перед большим городским карнавалом спрос на эту микстуру бывает очень велик, а все остальное время она валяется в лавках, никому, кроме нашего Мастера Слышащего и даром не нужная...

– Я в тебя верю, мальчик, – сказал Джуффин своему заместителю. – С твоими темпами и сообразительностью допросить за вечер всего десяток Мастеров Совершенных Снов из Старого Города – тьфу, говорить не о чем.

– Спасибо за доверие, – вдохнула усталая вдова, разглядывая свое отражение в маленьком карманном зеркале. – Все равно домой мне до рассвета лучше не показываться – в таком-то виде...

– Ничего, когда закончишь работу, можешь переночевать в Управлении, – великодушно разрешил этот изверг, наш начальник. – Я, ты знаешь, только рад буду.

– Напрасно ты не хочешь показываться Кенлех в таком виде, – заметила я. – Ей бы понравилось. Когда сэр Макс перед поездкой в Кеттари гулял по городу под видом леди Мерилин – было просто шикарно, помнишь?..

– Если бы меня сделали хоть наполовину такой же красоткой, как его тогда, я бы сломя голову домой побежал, – сердито проворчал Мелифаро. – А приводить туда эту страшенную тетку – нет уж, уволь!

– Дело хозяйское, – согласилась я, а про себя подивилась: какие все же бывают закидоны у нормальных, вменяемых, вроде бы, людей! Я Мелифаро столько лет знаю, у нас и роман когда-то был, страшно вспомнить, как давно – и вот даже мне в голову никогда не пришло бы, что он способен всерьез огорчиться, обнаружив, что его всего на несколько часов превратили в... ну, скажем так, – не самую молодую и красивую женщину. С ума сойти можно, какие мы все тонко организованные, сложные натуры. Тьфу.

– Нумминорих, Луукфи, попробуйте взять на себя хотя бы по четыре визита, ладно? – спросил Джуффин, когда за недовольным Мелифаро закрылась дверь. – Все адреса на дальней окраине Нового Города, по дороге к Речному Порту. Там в основном работают начинающие Мастера Совершенных Снов: помещения дешевые, клиенты неприхотливые... Вряд ли у них можно получить ценную информацию, но проверить-то надо. Вам обоим это в новинку, конечно – ну, заодно и развлечетесь. А мне – серьезная помощь.

Эти двое обрадовались, как дети, которых позвали кататься на карусели. Позволили сэру Кофе творить с ними все, что заблагорассудится. В результате, несколько минут спустя мы оказались в обществе прехорошенькой юной дылды, в которую превратился наш изящный хранитель Большого Архива, и печального провинциала в широких штанах и коротком старомодном лоохи, с копной жестких соломенных волос. Происхождение его не подлежало никакому сомнению, благо у Нумминориха вдруг обнаружился великий талант имитировать речь жителей Графства Вук. словно бы всю жизнь только тем и занимался, что провинциалов дразнил.

– Значит так. Тебя, юная леди, терзает безответная любовь; терпеть ты больше не в силах и хочешь получить своего возлюбленного хоть в каком виде, – сказал Джуффин, одобрительно разглядывая раздумавшегося от смущения Луукфи. И обратился к Нумминориху: – А у тебя, молодой человек, дела обстоят совсем плохо: невеста умерла в самый день свадьбы, и это сводит тебя с ума, поэтому иногда ты кажешься жизнерадостным болваном, несмотря на все свои страдания. Приехал в столицу в поисках эликсира забвения; хозяйка гостиницы «Бабушкин дом», что на улице Стекланных Птиц, рассказала тебе, что несколько месяцев назад у нее останавливалась старуха, купившая волшебную подушку. Ты за такую

вещицу жизнь отдать готов, ясно? И, да, гляди, маску надевать не вздумай: до ваших краев столичная мода еще нескоро докатится...

– Я справлюсь, вот увидите! – пообещал Нумминорих.

– Куда ты денешься, – согласился шеф. – Только старайся хотя бы время от времени делать вид, что тебе грустно... Спасибо, Кофа, они оба воистину прекрасны. Не смею больше вас задерживать. Леди Меламори, дырку над тобой в небе, а ты чего расселась?

– Жду, пока вы обо мне вспомните и хоть куда-нибудь пошлете, – огрызнулась я.

– За этим дело не станет. Осталось семь адресов. Не то чтобы самые умелые, но самые модные и популярные Мастера Совершенных Снов. Живут они на разных концах города. Мне кажется, будет вполне логично и естественно, если леди Миса станет в истерике метаться по всем известным адресам.

– Да, – согласилась я, – похоже на нее. Приехала домой, поплакала, а потом нашла в гостинной «Суету Ехо» с рекламными объявлениями на последней странице и решила не сдаваться, искать мастера, готового сделать ей вожделенную подушечку. Она у меня такая.

– Тогда вперед! – скомандовал Джуффин, вручая мне последнюю порцию адресов. – Я, как ты понимаешь, никуда отсюда не уеду. Буду ждать вас с новостями... И, да, вот что еще. Тебе придется хорошо помотаться по городу, так ты не стесняйся, едь быстро, как привыкла. Истеричные барышни – они еще и не на такое способны.

– Да уж, – вздохнула я. – Мы, истеричные барышни, действительно способны на все.

Стартовали мы часа за полтора до заката, а вернулась я в Дом у Моста уже после полуночи, донельзя утомленная собственными слезливыми монологами и вежливыми, но категорическими отказами моих визави. Ничего интересного я не узнала. Все Мастера Совершенных Снов, с которыми я беседовала, вели себя в точности, как Лысый Комос: сперва не верили в существование описанной мною подушки, потом, когда я заявляла, что не только видела, но и пробовала ее в деле, хмурились и начинали читать мне нотации. Дескать, выброси из голову эту дрянь, жизнь прекрасна, а наваждения опасны, бла-бла-бла. С тем же успехом можно было провести вечер в ближайшем трактире, а потом восемь раз пересказать Джуффину давешнюю беседу с лысым Комосом, предварительно изъяв из нее угрозы найти и придушить неведомого чародея. Все, кого я посетила, совершенно равнодушно отнеслись к факту существования удивительной подушки и хотели только одного: избавиться от экзальтированной белобрысой дурищи, принесшей эту, с позволения сказать, благую весть. Что ж, зато после моего ухода все они, несомненно, были счастливы. Есть, значит, и такие способы дарить людям радость.

Шеф сидел в своем кабинете в гордом одиночестве. Это меня удивило.

– Неужели я первая?

– Нет, что ты. Сэр Шурф, Нумминорих и Луукфи давным-давно рассказали мне, как бездарно провели время, выполняя мое идиотское поручение, и разъехались по домам. Да и Кекки только что ушла отсюда, удивительно, что вы в дверях не столкнулись. Кофа первым покончил со своей порцией адресов и отправился порасспросить старых приятелей. У него, как ты понимаешь, источников информации больше, чем у всех нас, вместе взятых...

Я кивнула. Еще бы! Это сейчас сэр Кофа Йох, наш Мастер Слышащий, и его поклонница-ученица-помощница Кекки Туотли целыми днями шляются по трактирам, рынкам и другим людным местам, до неузнаваемости изменив свой облик. Считается, его труд позарез необходим Тайному Сыску, чтобы быть в курсе всех городских сплетен и новостей; я же не сомневаюсь, что Кофа просто нашел наконец возможность вести наиболее подходящий ему образ жизни за счет государственной казны – что само по себе заслуживает колоссального уважения. Но в Смутные Времена этот гурман и добряк был Начальником Городской Полиции Правого Берега. Вы только вдумайтесь: в Смутные Времена, да еще в городе, где

каждое второе здание – резиденция какого-нибудь магического Ордена! В течение доброй сотни лет он умудрялся не только выжить и усидеть в своем кресле, но и поддерживать на вверенной ему территории относительный порядок. Не все, конечно, было гладко: вот, скажем, некоего Джуффина Халли, который был в те годы наемным убийцей по прозвищу Кеттарийский Охотник, Кофа так и не поймал. А ведь как могло быть здорово! Сидела бы я сейчас дома, горя бы не знала, да и самому Кофе жилось бы куда как спокойнее, без такого-то начальства...

Шеф внимательно поглядел на меня и вдруг заржал.

– Мысли, значит, читаете, – вздохнула я. – Ну-ну... Зачем вам?

– Иногда, как видишь, бывает очень поучительно, – отсмеявшись, сказал он. – Да не дуйся ты, горе мое. Я нечаянно. Вернее, почти. У тебя такое выражение лица было – ты бы видела! А я любопытный, ты же знаешь... Ну не буду, не буду больше. Честно.

– Будете, – равнодушно сказала я. – Но не сразу, это да. То есть не в ближайшие полчаса. И это лучше, чем ничего... А Мелифаро не объявлялся? Небось покончил с собой от стыда – вот чего я опасюсь!

– Не дождешься. Сэр Мелифаро будет здесь с минуты на минуту, он недавно присылал мне зов. Говорит, один из Мастеров, с которыми он беседовал, захотел жениться на бедной вдове...

– На этой страхолюдине? – изумилась я.

– Представь себе. Сам поражаюсь. Все же врожденное обаяние никуда не спрячешь. Сэр Мелифаро совершенно счастлив и горд этим обстоятельством. Кажется, он напрочь забыл, зачем я его посылал, и какой результат беседы следует считать успешным.

– Все бы вам наговаривать на несчастную женщину, – сказала коренастая брюнетка, грациозно подпирая богатырским плечом дверной косяк.

Что-что, а голос ему достался просто прекрасный: глубокий, с легкой хрипотцой. С таким голосом веревки можно вить не только из мужчин, но и из женщин. Из близоруких мужчин и женщин, по крайней мере.

– Будет вам от меня кое-какая польза, – сказала наша гостья, усаживаясь в кресло напротив Джуффина. – Не ахти что, но все-таки...

Я не могла оторвать глаз от ее наряда. Из-под сравнительно скромного золотисто-коричневого лоохи виднелась яркая полосатая черно-оранжевая скаба. На ногах красовались щегольские рыжие сапожки, лицо прикрывала золотая шелковая маска, украшенная фальшивыми арварохскими жуками. Именно так представлял себе сэр Мелифаро наряд безутешной вдовы, которая не сегодня завтра руки на себя от тоски наложит.

– Все эти ваши Мастера Совершенных Снов беззлобно, но довольно настойчиво посылали меня подальше, – начал он. – И я их понимаю. Кажется, они действительно не имеют никакого представления о наваждениях такого рода; скажу больше, они сильно подозревали, что экзальтированная дамочка просто выдумала все эти ужасы про «медовеньких лягушончков». Нам, несчастным, безутешным вдовам, нет решительно никакого доверия!

– Бедняжка ты моя, – осклабился шеф.

Иногда он выглядит ну вот просто натуральным людоедом, так что все эти дикие городские сплетни о вяленых трупах мятежных Магистров в его погребах перестают казаться такой уж нелепостью.

– Но один дед мне все-таки кое-что интересное рассказал, – торжествующе объявил Мелифаро. – Налейте кружечку камры бедной женщине, сэр. И тогда она с удовольствием откроет вам маленькие тайны своего большого сердца.

Я не выдержала и заржала, как дикий менкал. Шеф тоже не сдержал улыбку и наделил этого прохвоста кружкой камры. Ну и мне досталось за компанию.

– Тот самый дед, который захотел на тебе жениться? – уточнил Джуффин.

– Нет, от того не было никакой практической пользы. Правда, он мне колечко хотел подарить, но я не взяла: оно мне даже на мизинец не налезло... А интересную информацию я получил от господина Ширати Глака, знаете такого?

Джуффин кивнул, я отрицательно помотала головой. Разумеется, они не обратили на меня ни малейшего внимания и не снизили до объяснений.

– Он-то поначалу чуть было не спустил меня с лестницы. Думал, я издеваюсь: приперлась какая-то кляча среди ночи, безумием не пахнет, но несет откровенную чушь. Вдовушка, не будь дура, повалилась ему в ноги – и ну рыдать да клясться, что он – ее последняя надежда! В итоге сэр Глак был вынужден отпаивать меня сперва водой, а после – и Осским Ашем. Пока поил, проникся симпатией, даже по голове погладил. Велел бросать поиски: дескать, когда-то давно, в самом начале Эпохи Кодекса, он слышал историю про женщину, которая решила отомстить вероломной подруге и прислала ей в подарок некую колдовскую подушку – якобы в знак примирения. С того дня бедняга пропала: сутки напролет не выходила из своей спальни, говорила, что там ее навещает прекрасный принц из Шиншийского Халифата, а несколько лет спустя от нее стало пахнуть безумием, да так сильно, что любящие родственники были вынуждены отдать ее в Приют, где она и пребывает до сих пор.

– А что стало с подушкой? – оживился Джуффин.

– Об этом ничего не известно. Может с собой в Приют Безумных взяла? Интересно другое. Не знаю, правда это или просто человеческий обычай валить все шишки на власть имущих, но Ширати Глак утверждал, что злодейка, приславшая такой нехороший подарок, была одна из женщин Семилистника.

– Ну, по крайней мере, это мы можем проверить, – обрадовался шеф. – Сейчас пошлю зов Сотофе и спрошу.

Леди Сотофа Ханемер не только самая могущественная из женщин Семилистника и негласный руководитель Ордена с тех пор, как Великий Магистр Нуффин Мони Мах обрел приют в городе мертвых Харумбе. Она еще и подруга юности нашего несравненного шефа. Говорят, когда-то, чуть ли не пятьсот лет назад, у них был такой бурный роман, что весь Кеттари, городок, где они оба тогда жили, ходуном ходил. Я, кстати, не уверена, что роман этот именно «был», и сейчас их не связывает ничего, кроме нежной дружбы. Любому дураку понятно, что возраст для этих двоих не проблема, а их стариковская внешность – вовсе не результат разрушительной работы времени, а что-то вроде официальной формы одежды, с которой можно легко и без сожалений расстаться, когда служба закончена. Но на горячем я их вряд ли когда-нибудь поймаю. И никто не поймает, это ясно.

Пока Джуффин разговаривал с леди Сотофой, выражение его лица менялось. Сперва оно стало озадаченным, потом озабоченным и наконец – почти скорбным.

– Идите-ка спать ребята, – сказал он, завершив Безмолвную беседу со своей подругой. – Дело плохо, зато, возможно, нас оно не касается. И в любом случае ждет до завтра.

Интересно, он что, действительно ожидал, что после такого вступления мы с Мелифаро начнем клевать носами и разберемся по своим кроваткам, как послушные дети?!

– Лично я до утра домой не поеду, – твердо сказал Мелифаро. – Не хочу пугать Кенлех. Я, конечно, могу пойти к себе в кабинет и слоняться там из угла в угол, нервно теребя свои кудряшки, но... Может, все-таки расскажете?

– Имейте в виду, я тоже не поеду домой, – на всякий случай предупредила я. – Просто так, из солидарности.

Шеф пожал плечами.

– Могу и рассказать, но только в общих чертах. Подробностей и сам пока не знаю. Через час поеду к Сотофе, она обещала к тому времени закончить свои дела. То есть утром я буду знать гораздо больше.

– Ну не томите же, – умоляюще простонал Мелифаро.

В голосе вдовы было столько силы и страсти, что сейчас я бы и сама на ней женилась – за одну эту фразу.

– Оказывается, секрет изготовления подобных подушек отлично известен женщинам Ордена Семилистника, – начал Джуффин. – Называется такая штука «подушка Питрахи», в честь Притты Питрахи, которая сейчас возглавляет Орденский Совет Боевых Умений, а когда-то была юной послушницей, для которой сделали самую первую подушку. Сотофа говорит, больше ни у кого не хватило смелости испытать это чудо на себе. А ведь казалось бы... Хотите знать, для чего им это нужно?

Мы с Мелифаро переглянулись и не смогли удержаться от вполне циничной ухмылки – одной на двоих.

– Не для «гы-гы», а для дела, – шеф укоризненно покачал головой. – С помощью этих подушек они воспитывают в себе стойкость. Вот подойдет к тебе любимый, сядет на краешек постели, станет гладить, ласковые слова говорить, а ты гляди на него, пока можешь ничего не чувствовать. Как только шевельнется желание, или просто нежность – все, долой голову с подушки. Пошла, умылась, привела себя в порядок – и снова заниматься. Сотофа говорит, после нескольких лет таких занятий девочки из Семилистника даже известие о грядущем конце Мира встречают с вежливой улыбкой – знаете, это их фирменное выражение лица: «Все очень мило, спасибо, но неужели вы думаете, что мне есть до вас хоть какое-то дело?»

Я невольно улыбнулась такому точному описанию, а Мелифаро нетерпеливо скрипел: ему было интересно другое.

– Так это, выходит, у них украли подушку и продали туланской старухе? – спросил он. – Ничего себе! Обокрасть Иафах... Это же кем надо быть?!

– Перестань, – отмахнулся Джуффин. – Ты сейчас ерунду говоришь. Подушки подготавливают под желания заказчика: внешность наваждения, тембр голоса, набор нежных фраз... Так что никто ничего не украл. Вернее, все гораздо хуже: украли, собственно, секрет изготовления подушек. Сотофа говорит, что примерно догадывается, кто мог это сделать. Но ей надо еще подумать. Так что шли бы вы отдыхать, господа, а?

Мы с Мелифаро уже были готовы уступить и разъехаться по домам, но тут дверь кабинета открылась, и на пороге появился сэр Трикки Лай, собственной персоной. А я-то, пока бегала по его делам, начисто забыла о его существовании. Забавно.

– Очень хорошо. – Джуффин приветливо улыбнулся. – А я думал, ты понравился леди Типе, и она заперла тебя в своем подвале.

– К тому шло, – ухмыльнулся туланец. – Вообще-то она отпустила меня только в гостиницу, за вещами.

– Чего-о-о-о?! – хором спросили мы. Даже шеф поучаствовал в общем хоре.

– Ну как – «чего», – пожал плечами Трикки Лай. – Я ей действительно понравился. Старуха пустила меня в дом и с ходу, чуть ли не с порога напоила камрой. Вернее, приворотным зельем, слегка подкрашенным камрой – кого этим можно обмануть – не понимаю...

– Ой как скверно! – Джуффин схватился за голову. – Это моя вина. Не подумал, что ты же здесь всего пару дней и не знаешь основного правила: в гостях у подозреваемого ничего не есть и не пить. Отказываться наотрез – и точка.

– Ничего, у меня на такой случай специальные пилюли имеются. Я без них из дома не выхожу. Только и нужно, что незаметно кинуть такую в кружку с незнакомым питьем – почти любую отраву нейтрализует. А уж приворотное зелье и подавно – даже ваше, угуландское...

– Красный уандукский мох? – уважительно поинтересовался Джуффин.

– Ага. Мне тетка каждый год привозит, она у меня шкипер на купеческом корабле, часто в Уандук мотается. Берет по дешевке, где-то в трущобах Кумона, у знакомого знахаря. И даже в таком варианте партия пилюль стоит примерно как четверть остального корабельного груза. Но я могу себе позволить, ничего. В моем деле без них не обойдешься.

Мы с Мелифаро озадаченно переглянулись. Какой такой «красный мох»? Никогда ни о чем подобном не слышали. Ну я-то ладно, а у него старший брат, между прочим, самый настоящий пират, объявлен вне закона чуть ли не всеми морскими державами трех континентов и четырежды проклят шаманами четвертого – других методов борьбы с непойманным врагом в Арварохе не признают. А отец, сэр Манга – великий путешественник, автор «Энциклопедии Мира». То есть, если уж Мелифаро о какой-нибудь иноземной штуковине не знает, значит, ее вообще, скорее всего, нет в природе – выдумки, суеверия, че-пу-ха!

– Красный Уандукский мох – одно из великого множества полезных чудес, к которым у нас, в Сердце Мира, относятся с пренебрежением, – объяснил Джуффин. – Поди найди на нашем Сумеречном рынке эти пилюли – ха! Вы не отыщете даже торговца, который поймет, о чем речь. Получается совершенно изумительная картинка: заклинания, обезвреживающие яды, уже больше ста лет вне закона: тридцать седьмая ступень Черной магии – это, как мы понимаем, год в Холоми, если поймают. Ничего страшного, но охотников мало. А о существовании безобидного, но действенного травяного зелья из Уандука, мы по-прежнему знать не хотим...

– Но вы же нам никогда не рассказывали! – обиженно взвыли мы с Мелифаро.

– Ну, господа, если я однажды соберусь выложить вам все, что знаю, мы угрожаем на это, как минимум дюжину лет, без перерыва на сон и еду. А работать в это время кто будет?.. Вот, рассказываю обо всем понемножку, когда к слову придется. А как еще?.. Сэр Лай, так что там у тебя со старухой вышло? И с Лао Курваем заодно. Я же тебя сперва к нему посылал.

– Коротко говоря, господин Курвай тоже посоветовал мне обратиться к Типе Брин. Не то чтобы он утверждал, будто старуха набивает такие подушки у себя в подвале. Но сказал, что если кто-то из Мастеров Совершенных Снов может подсказать направление поисков, то только она. Дескать, она с кем попало водится, за это из цеха в свое время вылетела со свистом.

– Ну, положим, не «вылетела», а сама ушла, – ухмыльнулся Джуффин. – Как все-таки люди любят выдавать желаемое за действительное!

– Собственно, это единственный итог нашего с ним долгого разговора. Ну и повар у него отменный, вы были правы... Но отчет об ужине, как я понимаю, вас не очень интересует?

– Не очень, – согласился Джуффин. – Куда больше меня интересует сам ужин. Но поскольку в это время суток мы до мадам Жижинды вряд ли достучимся, а до еды из «Скелетов» я не охотник, предлагаю сменить тему. Итак, что тебе сообщила леди Типа?

– Да ничего она не сообщила. Сказала, что я должен плюнуть на это дело и просто не возвращаться в Тулан, а жить могу у нее, сколько захочу, – серьезно ответил Трикки Лай. – Обещала, помимо прочего, сделать из меня хорошего Мастера Совершенных Снов, всего за дюжину лет. Говорит, у меня получится, самые лучшие мастера всегда были родом из Чирухты... Да-да, я понимаю, это не совсем та информация, которой вы ждете. Но другой у меня нет. Я, честно говоря, так и не понял: то ли старая леди не поверила в существование моей подушки – показать-то мне было нечего, то ли ловко сменила тему, то ли действительно заинтересовалась мною больше, чем предметом разговора. Боюсь, последнее утверждение ближе всего к истине. Я же говорю: она напоила меня камрой пополам с приворотным зельем. Я его обезвредил пилюлей. Ситуация вышла нелепая: старая дама сверлила меня взглядом, изнемогала от нетерпения, ждала, когда ее чары подействуют. Я делал вид, будто они подействовали, но не вполне. Вроде как она чуть-чуть не рассчитала дозу, не учла, какой я твердолобый. Глядел на нее с известным интересом, но рук не распускал. Про себя решил: если она бросится мне на шею, сбегу. В конце концов понял, что никаких тайн мне тут открывать не собираются, сказал, что в гостинице, где я остановился, строгие нравы, и мне уже давно нужно возвращаться, а то на порог не пустят. Леди Типа предложила мне свое

гостеприимство, я горячо поблагодарил и быстренько смотался – якобы за вещами. Сказал, там много ценностей, в том числе и эта самая подушка, до утра без присмотра оставлять не годится. Уф, едва спасся!

Сэр Джуффин выслушал эту белиберду без единой улыбки. В другое время он бы хохотал, не останавливаясь, я его знаю. А тут – нахмурился, покивал, пожал плечами.

– Ничего, сэр Лай. Информация, в любом случае, интересная. Вот уж не подумал бы, что Лао Курвай тоже пошлет тебя к Типе! Это само по себе заслуживает внимания. Значит, он знает нечто такое, что... Или просто тычется наугад?.. Ладно, господа. У меня важная встреча, а всем вам не помешает поспать. Завтрашний день вполне может принести нам много веселого и интересного... Между прочим, сэр Мелифаро, ты уже понемногу становишься похож на человека. Сними парик, переоденься, да и ступай себе домой. Заодно проводи сэра Трикки в гостиницу. Я Типу знаю: она ведь и засаду под дверью может устроить.

– Я не сказал ей, где остановился, – запротестовал туланец. – Вернее, сказал, но соврал. Выдумал какую-то «Старую берлогу» на улице Маленьких Генералов. Название улицы смешное, я в самый первый день заблудился и нечаянно туда забрел...

– Точно, есть такая, на самом краю Старого Города. Что ж, похвальная предосторожность. Тем не менее Типа очень проницательная леди. То есть иногда дура дурой, а иногда – хлоп! – и вдруг видит всех насквозь. И что самое неприятное, никогда не знаешь заранее, чего от нее ждать. В любом случае, сэр Мелифаро с удовольствием тебя проводит.

– Провожу, – согласился Мелифаро. Он уже избавился от женского парика, восстановил в правах свое любимое малиновое лоохи и явно почувствовал себя гораздо лучше. – Все равно до рассвета домой идти не собирался... Улица Стеклянных Птиц? Далековато отсюда. Амобилер, что ли, взять? – и вопросительно посмотрел на меня.

Конечно, со мной куда быстрее, чем с казенным возницей. А улица Стеклянных Птиц и правда недалеко.

– Ладно уж, развезу по домам обоих, – проворчала я. – Жалко мне, что ли?.. Но если вы рассчитываете увидеть меня здесь завтра раньше полудня, ваши сердца будут разбиты.

– Как знаешь. Я-то обойдусь, а ты можешь профукать самое интересное, – заметил Джуффин.

– Ничего, – храбро сказала я. – Зато сон интересный посмотрю. Мне лысый Комос такую подушечку подарил – полный конец обеда, как говаривал сэр Андэ Пу. Зря все же он в Ташер уехал, теперь даже и напиток толком не с кем.

– Ничего, леди, ты и в одиночку неплохо справляешься, – отвечивал шеф. – Я тобой горжусь.

На том и расстались. Сэр Джуффин отправился в Иафах, на свидание с подружкой юности, а мы потопали к моему амобилеру. Приехав, я, помнится, с какой-то стати решила, что оставлять телегу белокурой Мисы под дверью служебного входа в Управление Полного Порядка – это все же какая-то запредельная наглость, и припарковалась в двух кварталах отсюда. Теперь пришлось его разыскивать. Наша пешая прогулка стала чем-то вроде прощального веночка, брошенного на могилу моей безвременно почившей конспиративной легенды.

– А с вами, незабвенная, нас так и не познакомили, – печально сказал туланец. – Ни вечером на совещании, ни сейчас. Надо бы наконец исправить эту ошибку. А то я даже не знаю, как вас называть.

Я сперва не поняла, о чем это он? Зачем еще раз-то? Или они там у себя в Тулане каждый день заново знакомятся? С другой стороны, мало ли какие бывают обычаи... И только потом дошло: он же меня не узнал! Вчера, когда мы ругались из-за вязаных ковриков, я была

темноволосая, коротко стриженная и очень злая. А сегодня – такая вся из себя распрекрасная блондинка! Почти покладистая. Ну вот просто без пяти минут.

– Значит, богатая буду, – решила я. – Макс рассказывал, у него на родине есть такая примета: если человека знакомые не узнали, он непременно разбогатеет.

– И сбывается? – заинтересовался Мелифаро.

– Да нет, конечно. У них там со всеми приметами так: ничего никогда не сбывается, но все всему верят, даже доказательства за уши притягивают, лишь бы голову глупостями забить поплотнее... – Я повернулась к удивленному туланцу и пояснила: – Мы знакомы. Это я на вас вчера из-за вязаных ковриков взъелась. На самом деле приврала: у меня в спальне нет ни единого, но это только по лени и недосмотру. Все не соберусь купить хоть полдюжины. Я, знаете ли, выросла в доме, обставленном как королевский дворец. С тех пор мне очень нравится простой деревенский стиль: кошачья шерсть, солома, бревнышки, лоскутки. Чем дешевле и безвкуснее, тем лучше. А вы оскорбили меня в лучших чувствах! От горя волосы мои, как видите, побелели, а на носу появились веснушки...

– Фигу тебе – веснушки, – проворчал Мелифаро. – Они уже давным-давно исчезли.

А ведь и правда. Фальшивые веснушки так долго на человеке не живут. Экая досада!

– Парик и грим? – понимающе спросил Трикки Лай.

– Уже только парик, – вздохнула я. – От грима, боюсь, ничего не осталось. Зато амобилер все еще цел и даже не потерялся. Поехали.

Туланец забился за заднее сиденье и заметно приуныл. Вероятно, расстроился, выяснив, что очаровательная блондинка в голубой цветочек и давешняя мрачная стерва – одно и то же лицо. Мелифаро пробовал его разговорить, но в ответ раздавались только невнятные звуки, имитирующие вежливое «ага». А сэр Мелифаро не привык часами добиваться чужого внимания. Не хотите меня слушать, вам же хуже, – считает он. Поэтому оставил парня в покое и принялся подробно рассказывать мне о своем несостоявшемся женихе. Я делала вид, что не верю, Мелифаро настаивал, клялся и громогласно сокрушался, что не принял дареное колечко. Нельзя сказать, что все это было так уж увлекательно, но дорогу скоротать очень даже помогло. Я сама не заметила, как мы оказались на месте.

– Сэр Лай, вот вы и дома, – любезно сообщил ему Мелифаро. – Если хотите, я... Ох, ничего себе! Вы... Это как?!

Я тоже обернулась и, каюсь, профукала свой единственный реальный шанс честно грохнуться в обморок. Ну, то есть так близко к этому чудесному событию я еще никогда в жизни не была и почти уверена, что уже не буду. На заднем сиденье не было никакого господина Трикки Лая. Зато там колыхалось разноцветное туманное пятно. При большом желании и развитом воображении можно было обнаружить некоторое сходство между этим пятном и нашим туланским гостем – так могло бы выглядеть его отражение в древнем, веками нечищенном металлическом зеркале.

– Вот и я смотрю: что-то со мной не так, – пожаловалось пятно.

Избранный им способ общения был любопытным компромиссом между нормальным человеческим разговором и Безмолвной речью. То есть туманное пятно явно издавало какие-то невнятные звуки, но наделить их смыслом помогал почти неразличимый голос, доносившийся откуда-то с отдаленной окраины моего собственного существа. Никогда прежде не испытывала ничего подобного. Оно и понятно: призраков я тоже никогда прежде не встречала.

Многим, я знаю, кажется, что если ты живешь в городе, где даже грудные младенцы владеют магией в достаточной степени, чтобы в любых обстоятельствах сохранять свои пеленки сухими, то уж призраки и привидения там с утра до ночи толпами шарятся по улицам, и некоторые скучающие старушки заводят их вместо домашних животных. На самом деле это, конечно, не так. Как и большинство моих ровесников, родившихся в первые годы

Эпохи Кодекса, я никогда в жизни не имела дела с бесплотными существами. Да и старики наши, надо понимать, далеко не каждую ночь их из своих спален мокрыми тряпками гоняли. Из рассказов отца и дядюшки Кимы я знаю, что прежде, до принятия Кодекса Хрембера, умирающий мог вызвать к себе специально обученного знахаря, из тех, кого называли Помощниками Мертвых, и благополучно стать призраком. Это считалось не слишком престижным, зато вполне надежным способом продлить жизнь сознания – как минимум на несколько сотен лет. Что происходит с призраками по истечении этого срока, неизвестно; возможно, они не просто бесследно исчезают, а, скажем, отправляются куда-нибудь путешествовать, устав от своей невнятной полужизни среди полнокровных и румяных человеческих существ.

С наступлением Эпохи Кодекса искусство превращения в призраков стало нелегальным занятием: все же Помощник Мертвых применяет сорок девятую ступень Белой и тридцать седьмую Черной магии, не шуточки. Может быть, кто-нибудь этим и занимается, но за все время моей службы в Тайном Сыске нам такие не попадались.

Еще бывает, что человек становится призраком самостоятельно, без помощи знахаря. Но такое случается совсем уж редко. Насколько я знаю, это происходит только если несчастный очень боится смерти или страшно злится на виновников своей гибели; еще лучше, если имеют места оба обстоятельства. Говорят, такие призраки получаются более-менее похожими на собственные прижизненные портреты. Обычно они доставляют много беспокойства живым и, как правило, бесславно гибнут от смертоносной левой руки нашего сэра Шурфа. Меня на такую охоту никогда не брали, чтобы под ногами зря не крутилась. Оно и правильно, наверное: только что я выяснила, что очень боюсь привидений.

– Это как вообще может быть? – несчастным голосом спросил Мелифаро. – Ты что, умер, пока мы ехали? У вас в Тулане все после смерти становятся призраками? Это нормально, да?!

– Это совершенно ненормально, – ответило туманное пятно. – И, потом, если бы я умер, здесь валялось бы мое мертвое тело. Мне кажется, его просто украли, как кошелек из кармана – раз, и все. Я всего на минутку задремал, проснулся, а меня уже нет!..

– Украли? Тело?! У живого человека тело украли?! Так не бывает!

Давненько я не видела сэра Мелифаро в такой растерянности. Думаю, только потому и не стала падать в запланированный обморок: поняла, что могу пропустить все самое интересное.

Поскольку с обмороком ничего не вышло, я попробовала послать зов Джуффину. Понятно ведь, что без него тут не обойдешься. Но связаться с шефом было невозможно. Видимо, уже добрался до Иафаха и принялся любезничать с леди Сотофой, предварительно позаботившись, чтобы его никто не мог отвлечь. У сэра Джуффина Халли достаточно могущества, чтобы никого не слушать и ничего не слышать, когда он этого не желает. Вот только зря он этим пользуется, честно говоря.

– И еще шеф на связь не выходит, – пожаловался Мелифаро. Он, надо понимать, тоже безуспешно пытался докричаться до начальства.

– Ага. И ведь в кои-то веки срочно понадобился, – вздохнула я. – Ладно, раз так, разбужу сэра Шурфа. Может, он знает, что в таких случаях делают?

– О! Уж он-то знает, не сомневаюсь! – невесело ухмыльнулся Мелифаро. – Ты вот чего... Ты спроси, конечно, но сюда его не зови. А то угробит все, что от нашего гостя осталось...

– Если бы Шурф был таким придурком, как ты его себе представляешь, он бы, пожалуй, начал с тебя, – огрызнулась я.

– Не сомневаюсь, что вы примете разумное решение, господа, но имейте в виду: я бы предпочел сохранить хотя бы те остатки себя, которые имеются в моем распоряжении, –

вежливо заметил призрак. – То есть я не хочу лезть не в свое дело, но если есть возможность не убивать меня окончательно, постарайтесь не упустить ее из виду.

– Мы постараемся учесть ваши интересы, не сомневайтесь, – пообещала я.

Вообще-то я не всегда такая злая дура, а только если меня хорошенько напугать.

Мелифаро принялся утешать призрака, которого мое обещание, мягко говоря, не слишком успокоило, а я наконец послала зов Лонли-Локли.

К счастью, сэр Шурф спит очень чутко. То есть разбудить его Безмолвной речью проще простого, не то что большинство из нас. И, что самое поразительное, он даже спросонок мыслит очень ясно. Одно удовольствие иметь с ним дело. Выслушал мой сбивчивый рассказ, то и дело перемежаемый жалобами на Джуффина, которого, дырку над ним в небе, совершенно невозможно дозваться, когда он действительно нужен. Напомнил мне простенькое дыхательное упражнение, которое показал вчера, и велел повторить его хотя бы с полдюжины раз. А он, дескать, пока обдумает случившееся.

Минуту спустя, когда я не то чтобы успокоилась, но с удивлением поняла, что в принципе это возможно, Шурф заговорил.

«Я вспомнил все, что читал о таких случаях, и пришел к выводу, что мои познания в этом предмете сугубо теоретические, вам они ничем не помогут. Думаю, наилучшее, что тут можно сделать, это попросить сэра Джуффина немедленно с вами связаться. К счастью, это в моих силах. Пожалуй, именно так я и сделаю».

«Но я же говорю тебе: до него невозможно докричаться!» – в отчаянии завопила я.

Если бы это была не Безмолвная речь, а обычная, у Шурфа, не сомневаюсь, уши заложил бы. А так он и бровью не повел.

«Запомни, леди Меламори, – строго сказал он. – Нет на свете невозможных вещей. Бывают только вещи невозможные лично для тебя – причем временно невозможные, если правильно к ним относиться. Это, разумеется, касается не только умения в любых обстоятельствах докричаться до нашего начальника».

Пока я обрабатывала эту информацию, Лонли-Локли благополучно исчез из моего сознания. Как он там пробивался к Джуффину – понятия не имею. Но сэр Шурф и правда оказался самым могущественным колдуном в Соединенном Королевстве: минуту спустя наш блудный шеф сам прислал мне зов.

«Что там у вас стряслось, горе мое? Сэр Лай все-таки решил сбежать от вас к даме своего сердца? Эх ты, шляпа! Такого хорошего заморского ухажера проморгала!»

Я сделала все возможное, чтобы быстро и качественно испортить ему настроение. И, кажется, вполне преуспела. Иногда для этого бывает достаточно просто рассказать правду.

«Немедленно приезжайте в Иафах, – распорядился Джуффин. – Знаешь, где Тайный Вход? Ну да, кому и знать, как не тебе!.. Я пока не понимаю, что у вас творится, зато Сотофа, похоже, понимает. Ну, или делает вид – в нашем положении и это лучше, чем ничего».

Это было, мягко говоря, не самое оптимистическое выступление сэра Джуффина Халли перед сотрудниками Тайного Сыска, что да, то да. Но мне полегчало: по крайней мере, хоть что-то теперь можно сделать. Отвезти этого бедного парня в Иафах, например. Авось леди Сотофа Ханемер действительно такая могущественная ведьма, как рассказывает мой дядюшка Кима. Потому что если нет... Я-то как-нибудь переживу еще одно разочарование, а вот туланца жалко.

– Сейчас поедem в резиденцию Ордена Семилистника, – скала я призраку. – Там Джуффин и леди Сотофа – круче этих двоих вообще нет колдунов в Соединенном Королевстве. Они тебе обязательно помогут, иначе быть не может. Вот увидишь!

– У призраков есть как минимум одно преимущество перед настоящими людьми, – меланхолично ответствовало туманное пятно. – Стоит только развоплотиться, и все тут же

переходят на «ты» и начинают выказывать дружеские чувства. Думаю, потому, что призрака невозможно принимать всерьез.

– Да потому что жалко тебя, дубина туланская! – в сердцах рявкнула я.

– Какая ты все-таки бываешь добрая и ласковая, – язвительно отметил Мелифаро.

– Если ты когда-нибудь станешь призраком, я и с тобой буду добрая и ласковая, – отрезала я, выворачивая к Мосту Кулуга Менончи. – А сейчас могу и в лоб дать – веришь, нет?

К счастью, они оба поверили в такую возможность и больше не приставали ко мне с разговорами. Я, когда очень волнуюсь, веду себя как мегера – чтобы с ума не сойти. Макс, когда еще был здесь, в Ехо, часто повторял, что гнев сильнее страха, потому дескать мы с таким удовольствием впадаем в ярость, только повод дай. Так вот, я, честно говоря, жуткая трусиха. Еще и впечатлительная, как школьница.

...Искать Тайный вход в резиденцию Ордена Семилистника не пришлось: Джуффин и Сотофа уже поджидали нас у стены. Шеф с нескрываемым изумлением косился на туманное пятно, в которое превратился наш туланский гость, зато леди Сотофа почти обрадовалась.

– Все верно, – сказала она, усаживаясь на заднем сиденье рядом с призраком. – Так я и думала. Джуф, ты тут, пожалуй, поместишься, садись. Поехали, деточка.

«Деточка» – это у нас, надо понимать, я. Прошу любить и жаловать.

– Куда ехать-то? – проворчала я, обескураженная таким обращением.

– Как куда? К моей закадычной подружке Типе Брин. Улица... улица... Как называется улица, кто-нибудь помнит?

– Улица Трех Сирот, – подсказал призрак Трикки Лая.

– Точно. Спасибо, миленький, – проворковала Сотофа. – Такой хороший мальчик – и такой бестелесный, смотреть больно! Ничего, что-нибудь придумаем.

– То есть можно будет сделать меня человеком? – обрадовался тот.

– Насчет «сделать человеком» – не знаю. А вот с телом, надеюсь, выкрутимся как-нибудь, – отмахнулась она. – Но чуть попозже. Сперва мне надо бы Типе в глаза поглядеть. Говорил мне Нуффин: никого ничему не учи, пока в Орден не вступят. Надо было иногда его слушаться – для разнообразия...

– Так Типа была твоей ученицей? – сердито спросил Джуффин. – Вот уж не ожидал от тебя!

– Ну, «ученицей» – сильно громко сказано. Она очень талантливая девочка – по крайней мере, была. Но пришла ко мне поздновато. То есть фокусам всяким ее научить – не вопрос, но вот в башке порядок навести – это даже мне оказалось не по силам. То есть нет, я бы и с этим справилась, но при условии, что она оставалась бы при мне неотлучно. Я немного с нею повозилась, а потом сказала: или ты поступаешь в Орден, или на этом наши занятия завершатся.

– Твоя вера в людей не знает границ, – вздохнул Джуффин. – Ты что, всерьез рассчитывала, что она бросится тебе на шею и присягнет в верности Ордену Семилистника?

– Ну, другие-то обычно бросаются. И присягают, как миленькие, а что ж!

– Леди Сотофа, я правильно понимаю, что вы научили Типу Брин мастерить эти грешные подушки? – спросил Мелифаро. – Но этого быть не может! Вы же не...

– Разумеется, я не такая дура, – согласилась Сотофа. – И разумеется, этому я ее не учила. Наоборот, это Типа научила меня и моих девочек мастерить такие подушки – в обмен на помощь в некоторых делах и несколько простеньких фокусов. У нас, знаешь ли, было деловое соглашение.

– Она научила тебя?! – вскинулся Джуффин. – Хочешь сказать, что Типа Брин дошла до этого своим умом?!

– Ну не то чтобы совсем уж своим умом, – вздохнула Сотофа. – Просто так удачно совпало. Во-первых, она была и остается Мастером Совершенных Снов – как ты знаешь, самым лучшим в Соединенном Королевстве, да и вообще в Море. Типа в этом деле действительно гений; другой вопрос, что дело-то – так себе, не самое престижное и уважаемое. Серьезные колдуны брезгают такой ерундой заниматься; на мой взгляд, зря, но я же не могу всем свои мозги раздать?!

– Оно, может, и к лучшему, – проворчал Джуффин.

– Ты помолчи пока, Джуф. И послушай. Во-вторых, у Типы прадед по отцу и бабка по матери – знахари из Уандука, оба. Поверь мне на слово, в каждой семье, где есть выходец из Уандука, хранятся необыкновенные секреты. А если еще и знахарь – ох, что там может быть! Конечно, они обучили внучку всему, что знали, можешь не сомневаться!.. А теперь самое главное. Когда Типа была совсем молоденькая, у нее случился роман с твоим злейшим другом Лойсо Пондохвой... Да, знаю, что ты на это скажешь: а у кого с ним ничего не было? Но где ты слышал, чтобы Лойсо учил своих женщин колдовать? Правильно, и не мог ты такого слышать!.. Но Типу он паре-тройке фокусов научил. Чем-то, выходит, она его зацепила. А уж он-то ее как зацепил! Никто не скажет, что с тех пор у Типы Брин был хоть один любовник. А если скажет, солжет.

– То есть сэр Трикки Лай был первым кандидатом на место в ее девичьей спальне, после такого-то перерыва? – ухмыльнулся Джуффин. – Поздравляю, мальчик. Затмить в сердце старой женщины самого Лойсо Пондохву... Ну, это я даже не знаю, кем надо быть.

Туманное облачко что-то невнятно проворчало. Я от души надеялась, что туланец как следует выбрал моего шефа. Он все-таки может быть феерически бестактным, если захочет, а хочет почти всегда.

– Да никто никого никуда не затмил! – почти заорала леди Сотофа. – Джуф, тысячу вурдалаков тебе под одеяло! Неужели ты до сих пор думаешь, что это было приворотное зелье? Так и не понял, чем она его напоила?!

– Не-а, не понял, – спокойно подтвердил сэр Джуффин. – Я, знаешь ли, не слишком силен в этих ваших приворотных-отворотных зельях. Всякий раз, когда находился желающий обучить меня этому искусству, я засыпал на второй минуте урока. Даже сам Махи Аинти от меня отступился, представляешь?

– Нашел чем гордиться, – добродушно проворчала Сотофа. – И вообще, кончай приговариваться тупицей. Просто тебе обидно, что сразу не сообразил.

– Мне даже не то чтобы обидно, – вздохнул Джуффин. – Я просто не знаю, как буду смотреть в глаза этому мальчику... Если, конечно, у него когда-нибудь снова появятся глаза.

– Ну вот теперь мне точно придется это устроить – хотя бы ради того, чтобы тебе досадить, – пообещала Сотофа.

– То есть, выходит, меня напоили не приворотным зельем, а микстурой, от которой человек становится призраком? – спросил туланец.

– Совершенно верно, – сказала леди Сотофа. – Настойка Круканарра. Редкостная дрянь. Эти твои пиллюли из Красного Мха против нее – тьфу! Только отсрочили дело на пару часов. Но Типа, думаю, перепугалась не на шутку. Всю жизнь ее зелье действовало безотказно, и вдруг такая осечка! Я-то все удивляюсь, что она тебя после всего за вещами отпустила, а это она от растерянности, наверное. Хотя кто знает, что творилось в ее бедной безумной головке!.. Деточка, ты во-о-он там остановись, дальше пойдем пешком. А то от этой твоей телеги столько шума, что всю улицу разбудить можно, а не только Типу переполошить. А мне бы хотелось ее удивить – хоть немножечко. По старой дружбе.

Я послушно припарковала амобилер на углу двух узеньких улочек, в тени раскидистого дерева вахари и прыгнула на землю. Поразмять ноги после такой долгой езды было, как ни крути, приятно. Но вообще-то у меня поджилки тряслись. Если бы леди Сотофа не упо-

мянула Лойсо Пондохву, я бы от скуки зевала: идем, как распоследние немощные идиоты вчетвером арестовывать одну несчастную старушенцию. А теперь-то, конечно, гадала: а вот интересно, чему он ее научил?

Это все дурное воспитание: у меня в семье даже сто лет спустя после окончания войны за Кодекс имя мятежного Великого Магистра Ордена Водяной Вороны, поклявшегося во что бы то ни стало заставить Мир рухнуть, произносили драматическим шепотом, тревожно оглядываясь по сторонам. Хотя казалось бы, имя как имя. Да и самого Лойсо давно след простыл, а с человеком, который его самолично обезвредил, я совершенно не стесняюсь препираться из-за сущих пустяков, например, в котором часу на службу приходиться. Потому что наш шеф, как ни крути, а бывает совершенно невыносим!

...Поскольку так хотела леди Сотофа, мы пошли дальше пешком. Из нас, надо понимать, получилась очень колоритная компания полуночников. Высоченный, худой Джуффин в развевающемся на ночном ветру серебристом плаще, крошечная, пухленькая леди Сотофа, сэр Мелифаро, по-прежнему женственный и нелепый, и я, хорошая девочка в белокуром парике, изрядно свалившаяся от небрежного обращения, лоохи в голубой цветочек, скаба розовенькая – мама наконец-то была бы мною довольна, если бы увидела. Над нами, переливаясь всеми цветами радуги, парил призрак бедняги Трикки Лая. Покинув амобилер, он почему-то стал огромным и прозрачным, как мыльный пузырь. Я все на него косилась, с замирающим сердцем ждала: а ну как лопнет?

Но он вроде и не собирался.

Прошествовав таким образом, три квартала и до смерти перепугав одинокого пьянчужку и парочку патрульных полицейских, мы вышли к высокому двухэтажному особняку и желтого камня.

– Это здесь, – объявил призрак. – Только мне объяснили, что стучать лучше с черного хода, тогда есть шанс, что Типа откроет.

– А мы не будем стучать, – сказала Сотофа. – Просто возьмем, да и войдем через парадную дверь, как солидные, уважаемые люди... А талисманов-то она понавешала, чтоб я так жила! Вот же глупая девочка! Не понимает: те, от кого имеет смысл запирается, все равно войдут.

Пока она сокрушалась, сэр Джуффин положил ладонь на дверную ручку, постоял неподвижно несколько секунд и галантно распахнул перед нами дверь.

– Надо будет не забыть оштрафовать себя на полсотни корон, – ухмыльнулся он. – Все-таки двадцать шестая ступень Черной магии, нехорошо!

– Тем более что для этих замков вполне хватило бы и восемнадцатой, – подмигнула ему Сотофа. – Так что давай, штрафуй, раз погорячился. Ты из левого кармана в правый деньги перекладываешь или наоборот?

– Обижаешь. С нижней полки сейфа на верхнюю. Таким образом возвращаю казне чуть ли не половину средств, отпущенных Тайному Сыску на непредвиденные расходы.

Пока эти двое препирались, мы с Мелифаро вошли в просторный темный холл. Воздух здесь был немного затхлый, как в нежилом помещении. Неудивительно: ни окон, ни дверей – кроме той, через которую мы вошли. Можно было подумать, что огромный двухэтажный особняк, который мы видели на улице – обман, декорация, возведенная вокруг крошечного, необжитого пространства.

– Ах да, как же я могла забыть! – улыбнулась леди Сотофа. – Вот к примеру этому, милые мои, я ее и научила. Маленькая житейская хитрость, очень полезная для всякой одинокой женщины, которая боится грабителей... или, наоборот, полицейских. Правда, стены выглядят как настоящие? И даже запах вполне достоверный. А на самом-то деле одной стены нет вовсе. И знаете, что плохо?.. – С этими словами леди Сотофа вдруг извлекла из-под полы

форменного бело-голубого лоохи блестящую черную тросточку, одним щелчком превратила ее в огромный зонт и выставила вперед, словно бы вдруг решила прикрыть нашу теплую компанию – но не от дождя, который идет сверху, а, скажем, от садовника, вооруженного шлангом.

– Нам не видно, что происходит за стеной, а мы – как на ладони, вот что плохо, – закончила она. – В этом, собственно, и состоит смысл всякой охранной иллюзии... Впрочем, Типы в той комнате скорее всего нет. А то стала бы она ждать, пока я закончу лекцию, как же... Но вы уж держитесь за мной: этот зонтик делает нас не то чтобы совсем уж неуязвимыми, но почти... Тебя, мальчик, это тоже касается, хоть ты и призрак, – прикрикнула она на Трикки Лая, который, как я понимаю, только начал входить во вкус своего нового состояния и теперь радостно кувыркался под потолком. – Думаешь, на призраков никакой управы нет?

– Знаю я одну такую управу, – проворчал Мелифаро. – Левая клешня нашего сэра Шурфа называется...

– А кто самолично испепелил призрак Джубы Чебобарго? – напомнил ему Джуффин. – Я тебе этого, имей в виду, до конца дней не прощу. Так что не прибеждайся.

У нашего начальника совершенно невообразимая манера нас хвалить. Вот он уже фразу закончил, умолк, а несчастная жертва начальственного одобрения стоит, скребет в затылке и пытается понять: то ли ему сейчас премию выдадут, то ли инспектировать каторжную тюрьму Нунду на годик-другой сошлют. А ему просто сказали, что он тоже иногда бывает молодец, не хуже других. И вот всегда так!

Леди Сотофа, тем временем двинулась вперед, воинственно помахивая своим нелепым, огромным зонтом. Мы дисциплинированно следовали за нею, даже Джуффин не выпендривался. Не думаю, что он действительно нуждался в защите, скорее просто хотел сделать Сотофе приятное. Настоящим джентльменом шеф тоже умеет быть, только хочет очень уж редко.

Мы благополучно прошли сквозь стену, которая действительно была всего лишь иллюзией, и оказались в небольшой гостиной, обставленной богато и даже вроде бы со вкусом, но небрежно. Видно, что хозяйка дома отлично знает, как надо все устраивать, но ей давно уж лень и все равно.

Зонт леди Сотофы тут же исчез – то ли она сочла, что он больше не понадобится, то ли просто устала с ним таскаться. Трикки Лай сразу метнулся к потолку и принялся носиться вокруг лампы; увидев, что наша предводительница взирает на него с упреком, смутился и спрятался в пыльных складках оконной портьеры.

Мелифаро вдруг вспомнил о своих обычных обязанностях и незамедлительно приступил к обследованию незнакомого помещения. Подобрался, огляделся, смастерил умное лицо, обошел комнату по периметру, торжествуя указал на одно из окон:

– Ага, фальшивое! Кажется, что это окно, даже вид на улицу Трех Сирот как настоящий. А на самом деле дверь. Ведет, как я понимаю, в соседнюю комнату. Сейчас я...

Он немного повозился с замком, тихо, но отчетливо пробормотал какое-то короткое заклинание. Я в этом, честно говоря, совершенно не разбираюсь, дверные замки – мое слабое место. Слабых мест у меня вообще больше, чем сильных – в последнее время это стало как-то особенно отчетливо ясно.

– Ой, да нет же! Эту дверь ты так не... Стой!

Леди Сотофа попыталась помешать этому чудо-взломщику, но не успела. Раздался не то чтобы взрыв, скорее уж звонкий пук; окно в один миг превратилось в облачко цветной душистой пыли и осело на пол, а напротив Мелифаро оказалась голая кирпичная стена, без обоев и даже штукатурки.

– Что тут вообще происходит? – спросили одновременно два женских голоса. Первый временно принадлежал Мелифаро, который озадаченно разглядывал стену, зато второй звучал откуда-то сверху.

Я задрала голову к потолку, но никого не увидела.

– Ага, не грабители. Жаль, – голос звучал печально, но, в общем, вполне равнодушно. То есть ни страха, ни злости в нем точно не было, уж я-то в таких вещах разбираюсь.

– Хватит уже фокусничать, Типа, – сказала леди Сотофа. – Выходи, поболтаем. Тут с нами один славный молодой человек – ты представляешь, нынче ночью он остался без тела! И я, не поверишь, догадываюсь, куда оно подевалось.

– И я, будешь смеяться, тоже догадываюсь, – в тон ей ответила хозяйка дома.

Я наконец поняла, что она разглядывает нас сверху, через маленький смотровой люк, спрятанный среди потолочных балок.

Призрак Трикки Лая тут же оставил полюбившуюся ему портьеру и стремительно взмыл вверх. Я так понимаю, будь у него руки, он бы набросился на обидчицу и тряс бы ее, как плодое дерево с криком: «Отдай меня обратно!» – но сейчас только и смог, что плеснуть ей в лицо цветным туманом. В ответ раздались гортанные восклицания и щелчки.

– Не вздумай! – рявкнула Сотофа. – Типа, если что, я тебя своими руками прикончу, имей в виду!

Не дожидаясь ответа, она вспыхнула, рассыпалась на великое множество алых и белых искр, которые метнулись вверх к потолку и тут же исчезли.

Мы с Мелифаро, честно говоря, вообще не успели понять, что происходит. Зато наш начальник был доволен.

– Хороша! – с нежностью сказал он. – Что вытворяет! Ей только повод дай...

Я только было открыла рот, собираясь спросить: «А что именно она вытворяет и зачем?» Но где-то совсем рядом уже зацокали две пары каблучков, потом часть стены исчезла без шума и иллюминации, и нашим взором предстала вторая половина гостиной, куда более опрятная и обжитая, чем та, где мы находились. В дальнем конце имелаась крутая деревянная лестница, ведущая на второй этаж; по ней как раз спускалась леди Сотофа, дружески обнимая за талию другую женщину, высокую и изящную, с растрепанными седыми волосами. Выражение лица у этой леди было такое виноватое и одновременно недовольное, словно Сотофа тащила ее за ухо.

Сегодня я не раз слышала, как Типу Брин называли «старухой». Так вот, никакой старухой она не была. Очень привлекательная женщина средних лет, просто рано поседевшая и запустившая себя до безобразия. Но даже мне было ясно, как легко это поправить – при том, что во всех этих хитростях, традиционно именуемых «женскими», вообще ничего не понимаю.

Призрак Трикки Лая парил над дамами целый и невредимый. На сей раз мне даже удалось разглядеть знакомые черты лица туланца в свете ярко-оранжевых грибных фонарей; другое дело, что он то ли не хотел, то ли просто не умел сохранять эту картину неизменной: рот то и дело смещался куда-то вбок, нос норовил заползти на макушку, а глаза непрерывно вращались и время от времени менялись местами. Жуткое, честно говоря, зрелище. Сэр Мелифаро, впрочем, имел иное мнение по этому вопросу, о чем незамедлительно оповестил мир громовыми раскатами хохота. Джуффин в голос не ржал, но улыбался до ушей. Выходит, это только я такая впечатлительная идиотка. Стыдно даже.

– Ну а теперь, – строго сказала леди Сотофа, – поскольку присутствующие здесь дамы и господа уже совершили все глупости, на какие были способны, можно сесть и спокойно поговорить.

Я открыла было рот, чтобы возразить: во-первых, я еще не совершила ни единой глупости, а во-вторых, если это нужно, за мной дело не станет, только подскажите, с чего начи-

нать. Но взяла себя в руки и решила сдержаться. А то еще выставят за дверь, в амобилере сидеть, ждать, пока взрослые покончат со своими непонятными делами. Нет уж.

Леди Сотофа, конечно, самая могущественная ведьма в Соединенном Королевстве и вообще чрезвычайно грозная дама, но если вы думаете, будто ей удалось вот так сразу призвать всех к порядку, вы глубоко ошибаетесь. Строго говоря, к порядку призвалась только я. А так-то за столом, куда она с горем пополам всех загнала, воцарился невообразимый гвалт, приятно дополненный потусторонним воем призрачного туланского сыщика. Все кричали одновременно. Джуффин требовал немедленно отправить преступницу в Холоми или, на худой конец, в камеру предварительного заключения при его кабинете. Мелифаро извлек откуда-то из складок своего малинового лоохи самопишущую табличку и объявил, что хочет немедленно получить полный список покупателей заколдованных подушек. Сотофа в не самых корректных выражениях объясняла Джуффину, что она «со своей девочкой» как-нибудь без него разберется. Трикки Лай выражал желание немедленно заполучить назад свое тело. Леди Типа спокойно, но громко повторяла, что ей абсолютно безразлично, что с нею сделают: в Холоми, так в Холоми, подумашь!

В какой-то момент мне показалось, что время остановилось, и теперь я всегда, вечно буду сидеть за этим столом среди обезумевших людей и призраков и слушать их бессмысленные вопли. Почти поверила собственной выдумке и не на шутку перепугалась. По сравнению с такой перспективой моя прежняя жизнь, казавшаяся мне совершенно невыносимой, выглядела вполне привлекательно. По крайней мере, там было мороженое. И сэр Шурф Лонли-Локли, самый вежливый и спокойный собеседник в мире. Как мне сейчас его не хватало!

– Сэра Шурфа на вас нет, – сказала я, втайне надеясь, что одного его имени может оказаться достаточно. – Сейчас заставил бы всех ме-е-е-едленно вдохнуть...

– Чего? – грозно переспросил Джуффин.

– ...а потом ме-е-е-едленно выдохнуть, – проблеяла я.

Они так удивились, что замолчали. Все, даже призрак, которому, строго говоря, эти наши вдохи-выдохи теперь были до одного места. Наконец Сотофа улыбнулась.

– Девочка права, – сказала она. – Мы ведем себя, как пьяные рыночные торговки в последний день карнавала. Стыдно.

– Да, знатно пошумели, – согласился Джуффин. – Но ты же, как я понимаю, по-прежнему не собираешься уступать?

– Давай сделаем так, – предложила Сотофа. – Я задам Типе несколько вопросов, ответы на которые хотела бы знать прямо сейчас. А ты послушаешь, что она скажет. Потом решим, что делать дальше. В конце концов, Мир не рухнет, если Типа попадет в Холоми на день позже. С другой стороны, если ей придется переночевать в этой твоей заколдованной каморке, я горько плакать не стану. Ну?.. – И она дважды стукнула себя по носу указательным пальцем правой руки. Это у них на родине в Кеттари так принято, когда один человек хочет сказать другому: «Ну я же знаю, что тебе проще со мной согласиться, чем продолжать спорить, и поэтому, ладно уж, я тоже сделаю вид, что хочу с тобой согласиться». То есть на самом деле все еще сложнее, но примерно – вот так. Суровые горские нравы, нам, уроженцам Угуланда, никогда их до конца не понять.

– Не буду я отвечать на твои вопросы, – равнодушно сказала Типа. – Давайте, везите меня в Холоми прямо сейчас. Вечер не задался, а я спать хочу. Государственные преступники должны спать по ночам.

– Это кто тебе такую глупость сказал? – усмехнулась Сотофа. – Ты плохо знаешь жизнь. Государственные преступники по ночам должны сидеть на допросах. А отвечать ты, конечно, будешь. И мы обе это знаем.

Крыть было нечем. В Соединенном Королевстве, хвала Магистрам, пытки на допросах никогда не применялись. Хорошему колдуну достаточно в глаза жертве внимательно посмотреть – и только успевай записывать. Сэр Макс – тот даже мертвых разговорить мог, хоть и не любил это дело. Но с живыми и без него вполне можно справиться. Тем более, когда в одном помещении собрались леди Сотофа Ханемер и сэр Джуффин Халли. От такой концентрации могущественных колдунов в замкнутом пространстве, по идее, грибы в светильниках должны бы начать громогласно каяться, а не только люди.

Сотофа взяла свою подружку за руку, заглянула ей в лицо, заговорила почти ласково.

– Прежде всего меня интересует этот мальчик, – она указала на Трикки Лая, которому как раз стало скучно смирно парить над столом и он принялся распластываться над столешницей, пытаясь полностью покрыть ее собой, застелить этакой туманной, радужной скатертью. – Ты забрала чужую телесность – в мирное время, у человека, который не сделал тебе не просто ничего плохого – вообще ничего. Как ты посмела это сделать и почему – отдельный вопрос, но его я задам потом, успеется. А сейчас просто исправь то, что натворила.

– Легко сказать – «исправь», – возразила Типа. – Как, интересно, я верну то, что не мне досталось?

– Что ты сказала?

Сотофа переспросила тихо и спокойно. Очень тихо и очень, очень спокойно. У меня по спине проползла тонкая струйка ледяного пота – а ведь она не ко мне обращалась. Я – что, я с краю сижу, слушаю.

Но леди Типа оказалась крепче меня.

– Что слышала, – отрезала она. – Не знаю, какой он там дряни с перепугу наглотался, а только телесность при мне так и не потерял. Я, честно говоря, решила, что если настойка Круканарра на него сразу не подействовала, то и ждать уже бесполезно. Отпустила его, поскольку просился в гостиницу, якобы за вещами. На самом-то деле ясно было, что возвращаться он не собирается, но я подумала: пусть. Больно надо. Если уж я один раз с ним промахнулась, бесполезно пробовать снова – так я решила. И отпустила его с легким сердцем. Кто ж знал, что он аж через два часа развоплотится?!

– То есть ты не умеешь контролировать жертву на расстоянии? – ахнула Сотофа. – Это же азы, Типа! Элементарные вещи! Ты же у Лойсо училась, девочка! И у меня, если уж на то пошло. Как не стыдно?!

– У меня никогда не было необходимости работать на расстоянии, – огрызнулась Типа. – Сама подумай: зачем? До сегодняшнего дня моя настойка действовала безотказно: минута-другая, и готово. Никому никогда не приходило в голову что-то к ней подмешивать. Что это было, кстати?

– Уандукский Красный Мох, если вам действительно интересно, – охотно подсказал Джуффин.

Шеф всегда питал слабость к таким же любопытным, как он сам, это да.

Призрак, тем временем, понял, что дела его плохи, оставил в покое стол и собрался в небольшое плотное облачко.

– То есть тело мне не вернут? – спросил он.

Я чуть не заплакала от жалости и бессилия. Они тут, понимаешь, теоретические вопросы решают, отношения выясняют, разбираются, кто прав, кто виноват, а этот бедняга вынужден их слушать. Он же небось даже не сразу понял, к чему все идет, и вот прямо сейчас окончательно распростился с надеждой. Я же знаю, как это бывает: только что казалось, что все как-нибудь уладится, нужно только немножко подождать, перетерпеть, а потом приходят чужие люди, компетентные специалисты и говорят: «Ничего не поделаешь, все кончено, мужайся, надо жить дальше».

Все дальше и дальше, с каждым днем, ага.

– Не паникуй, мальчик, – строго сказала призраку леди Сотофа. – Все, как видишь, непросто. Но мы найдем выход, я тебе обещаю.

– Да, если можно, найдите его, пожалуйста, – попросил он.

Вышло ужасно жалобно, даже Сотофа растрогалась. Но тут же вернулась к делу.

– Значит так, Типа. Рассказывай по порядку, как было дело. Нынче вечером к тебе постучался этот мальчик. И ты вот прямо сразу, чуть ли не на пороге напоила его настойкой Круканарра. Зачем?

Та, поди ж ты, почти рассердилась.

– Как – зачем? У меня срочный заказ. Одной женщине позарез нужна подушка Питрахи, иначе руки на себя наложит – точно наложит, говорю тебе, не врет!.. А где, по-твоему, я могу добыть телесность? Это в Смутные Времена мы с тобой послушников мятежных Орденгов потрошили, забот не знали. А теперь выкручиваюсь как могу.

– Вот значит как, – тихо сказала Сотофа. – Выкручиваешься, значит, как можешь. Бедная девочка.

Если бы она со мной таким тоном разговаривала, я бы, не сомневаюсь, тут же, на месте и утратила Искру. А так, ничего, даже скабу под собой не намочила, хотя, честно говоря, к тому шло. Вот уж не думала, что Сотофа такая жуткая бывает!

– Время от времени ко мне приходят люди, у которых в жизни не осталось ничего, кроме воспоминаний. – Типа говорила вяло, бесцветным голосом, словно бы ей пришлось по шестому разу пересказывать непонятливым соседкам рецепт приготовления зеленых пирожков из травяной муки. – Ты, Сотофа, знаешь, что я могу им помочь. И знаешь, как. Мы с тобой вместе в свое время сделали не одну подушку Питрахи. Не тебе объяснять, что для ее изготовления требуется отнять чужую телесность. Все равно, у кого...

– А вот с этого места поподробнее, – потребовал Джуффин. Глаза у него горели, как болотные огни. – Я видел подушку в действии. В наваждениях я, хвала Магистрам, разбираюсь. И сразу оценил беспримерное качество работы: ваше наваждение живое, плотное, теплое на ощупь и даже пахнет человеком. Теперь я слышу, что для создания такого наваждения нужна некая «телесность». И тут, девочки, я перестаю понимать, о чем речь. Ну вот, госпожа Типа, вы забрали у этого парня тело. Предположим, это случилось в вашем присутствии, и вы смогли бы воспользоваться добычей – значит ли это, что к вашей заказчице стал бы являться наш Трикки Лай? Я имею в виду, что наваждение выглядело бы, как он?

Ему ответила не Типа, а Сотофа.

– Нет, Джуф. Это было бы слишком просто и, извини, несерьезно. На кой нужен посторонний мужчина, пусть даже и красавчик? Нет, конечно, есть небольшой шанс, что обладательница подушки сможет влюбиться в прекрасного незнакомца, и все у них будет хорошо. Но кому нужна такая лотерея? Лучше уж в Квартал Свиданий сходить...

– Ладно. Я уже понял, что это не нужно, спасибо за разъяснения. Но что в таком случае происходит? И зачем отбирать у человека тело, если оно все равно не будет использовано?

– Не тело. Телесность.

– Вот именно с этого места еще подробнее, пожалуйста, – упрямо потребовал Джуффин.

– Дырку над тобой в небе, какой же ты непонятливый! – Сотофа почти стонала. – Телесность – это не твоя, скажем, тушка, слепленная из костей, мяса, кожи и прочих потрохов, а сама возможность ее иметь. Даже так: способность твоего существа обитать в теле. И одновременно необходимость им обладать. И умение с ним не расставаться – или неумение расставаться? Не знаю, как лучше сказать... И еще кое-что, чего не опишешь словами. Чтобы понять, надо хоть раз стать свидетелем развоплощения. Ну, ты же, наверное, не раз видел, как знахари, Помощники Мертвых, делают умирающих призраками? В Эпоху Орденгов такое часто случалось... Собственно, они как раз и отнимали телесность – аккуратно и бережно,

чтобы не навредить сознанию. Настойка Круканарра, которую Типа делает по собственному рецепту, действует грубее. Этот паренек молодой, крепкий, ему хоть бы хны, а старик или просто ослабленный человек вполне мог бы концы отдать от такой встряски. Я имею в виду, что из него даже призрака не вышло бы.

– Представь себе, никогда в жизни не видел Помощника Мертвых за работой. У меня всегда находились дела поважнее, – проворчал Джуффин. – Но я, кажется, начинаю понимать, о чем речь. Хотя вот теперь поглядеть не отказался бы. Действительно интересно.

– Ничего, поглядишь.

В голосе леди Сотофы звучала некая скрытая угроза, смысл которой был мне неясен. Не Джуффину же она грозит, в самом-то деле. Даже мне понятно, что все их ссоры – так, спектакль, от которого оба участника получают неопишное удовольствие, и только случайные зрители начинают оглядываться по сторонам в поисках надежного укрытия.

– Телесность – наиважнейшая вещь, без нее подушку Питрахи не сделаешь, – продолжала объяснять леди Сотофа. – Я познакомилась с Типой в Смутные Времена, быстро разнюхала, что она – не просто Мастер Совершенных Снов, а обладательница редчайшего, уникального секрета. Мы объединили усилия – я ей тоже кое-что подсказала – и стали вместе делать подушки Питрахи. Типа для особо доверенных клиентов, а я для моих девочек, которые – ну ты же сам знаешь, как оно бывает с новичками! – вместо того, чтобы заниматься делом, с утра до ночи плакали по своим неверным или мертвым возлюбленным. Оно ведь как – юные девочки редко становятся Орденскими послушницами потому, что действительно хотят посвятить свою жизнь магии. Я-то сперва думала, что надо принимать только тех, кто приходит к нам с ясным намерением и четкой целью, но оказалось, что так почти не бывает. Они обычно просят в Орден, когда кажется, будто жизнь уже закончена, а умирать все еще страшно; причина же у всех девочек вечно одна и та же: любовь. Ну что с ними будешь делать! Дни напролет ревут, по ночам не спят, мечтают... С таким настроением не то что колдовать – на кухне хлопотать опасно. Поэтому прежде, чем приступить к обучению, мне приходится выбивать из них дурь. Подушки Питрахи стали идеальным инструментом: сперва я давала девочкам возможность воссоединиться с потерянными возлюбленными, чтобы не ревели безостановочно, а потом постепенно учила их отказываться от глупых иллюзий. Да, подушечки пришлись очень кстати... И недостатка в них не было. В ту пору в нашем распоряжении находилось великое множество обреченных. Нуфлин был настроен убивать всех врагов Ордена Семилистника – а значит, почти всех, кто умел колдовать чуть лучше, чем это требуется для приготовления вкусного обеда. Руки у него, конечно, были связаны обещаниями Королем и договоренностями с временными союзниками, но ты сам можешь представить крепость этих веревок...

– Ну вот это мне как раз объяснять не надо, – ухмыльнулся Джуффин. – Он и меня надеялся пришить после того, как я разделаюсь с Лойсо. Я это знал, а он знал, что я знаю – это придавало нашей старицовой дружбе некоторую пикантность.

– Ну да, ну да... Не сомневаюсь, ты прекрасно понимаешь, что в то время у меня была возможность отыскать сколько угодно охотников пожить еще – пусть даже и без тела. Я, конечно, имела дело только с послушниками: все же опытный колдун и в виде призрака может натворить бед. К тому же взрослому человеку довольно трудно привыкнуть к принципиально иному способу бытия. А молодые – ничего, быстро осваивались в новой ситуации и отправлялись путешествовать: как-никак вся вселенная в их распоряжении, есть чем заняться... Когда война закончилась, мне пришлось прекратить эту практику. Ловить ночью на улице молодых людей и лишать их телесности – ты знаешь мою деловую хватку, но, по мне, это как-то слишком!

– Рад, что по этому важному вопросу наши с тобой мнения не расходятся, – сухо сказал Джуффин. – То, что ты сама, собственными руками делала эту пакость, для меня огромный

сюрприз, но... Ладно, дело прошлое. И потом, тебе действительно виднее, как воспитывать всех этих девиц, которые поступают в Орден.

– Мои лучшие ученицы прошли эту школу, – пожала плечами Сотофа. – Нынешним девочкам, при всех их достоинствах, не хватает стойкости. Но – ладно. Кто сказал, что стойкость это главное? Я же сама и придумала. А я тоже могу ошибаться.

– Можешь, – ехидно согласился Джуффин. Помолчал секунду и примирительно добавил: – И я могу. И вообще кто угодно.

За столом воцарилась тишина. Мы с Мелифаро благоговейно молчали, наблюдая сцену примирения титанов. Леди Типа не то дремала с открытыми глазами, не то просто находилась в трансе. Ну да, ее же начали допрашивать, да так и бросили, внезапно занявшись другими делами.

– Извините, пожалуйста, но как все-таки будет со мной? – вежливо спросил Трикки Лай. – Я очень благодарен вам за то, что вы объяснили, что именно я потерял, но... Куда все-таки подевалось мое тело? В амобилере, где все это случилось, его не было, я искал... И можно ли как-то получить его обратно?

– Твоего тела просто не стало, мальчик, – вздохнула Сотофа. – Как только у тебя отняли способность иметь тело, оно исчезло – его существование просто стало невозможным, если ты понимаешь, о чем я говорю... Возвращать надо не тело, а телесность. Тогда и потроха нарастут. Ты не волнуйся, пожалуйста. Я знаю, как тебе помочь. Так что расслабься и наслаждайся новым опытом. Хвала Магистрам, твоя беда имеет и приятные стороны.

– Ну, пожалуй, – без особого энтузиазма согласился он. – Но... Я, наверное, консерватор: с телом мне все-таки больше нравилось.

– Тебя можно понять: ты им не так уж долго пользовался, – добродушно сказал Джуффин. – Ничего, парень, Сотофа слов на ветер не бросает. Если она говорит, что все можно поправить, значит, так оно и есть.

– Спасибо, – поблагодарил туланец. – Вы, пожалуйста, не сердитесь, что я вас все время дергаю. Просто нервы расшалились... Или это уже не нервы, если тела нет?

– Это не нервы, а твой беспокойный ум, – объяснила Сотофа. – Уж он-то от тебя никуда не делся. Но, откровенно говоря, я очень хорошо понимаю и даже отчасти разделяю твои чувства. Потерпи еще немножко, ладно?

Она повернулась к леди Типе.

– Что, заскучала с нами? Ничего, вот и твой звездный час настал. Объясни мне, пожалуйста: ты что, действительно накинулась на этого мальчика только потому, что он к тебе зашел?

– Не прикидывайся школьницей, Сот, – устало ответила та. – Только поэтому, конечно. Сама подумай: чужестранец, второй день в Ехо, пришел ко мне, потому что сплетен на Сумеречном рынке наслушался – именно то, что требуется! Никто и не поинтересуется, куда он подевался. Он же не докладывал, что на хвосте у него весь Тайный Сыск, да еще и ты в придачу. Заявился ко мне как раз в тот вечер, когда я планировала отправиться в порт, поискать там какого-нибудь никчемного попрошайку – из таких, кто пропадет, и искать никто не станет, даже старшина портовых нищих ничего не заметит. До сих пор я всегда так поступала.

– Очень мило, – ласково сказала Сотофа. – Если уж разговор зашел: а призраки-то где? Почему никто из них не заявился с жалобой в Тайный Сыск? Ты их уничтожала?

– Если тебе интересно, именно так я и намеревалась поступать. Но ни разу не понадобилось. Ты бы видела, с каким человеческим мусором мне приходилось иметь дело! Они были пьяны в хлам, к тому же истощены до предела...

– То есть никому не удалось пережить утрату телесности, – кивнула Сотофа. – В общем, я так и думала: настойка Круканарра действует как очень грубая встряска, это я хорошо помню. И сколько же ты народу угробила? Сотню? Две?

– С тех пор, как мы расстались, я сделала всего семнадцать подушек Питрахи. Я своим искусством направо и налево не торгую. Только когда вижу по-настоящему отчаявшегося человека, у которого действительно нет ничего, кроме прошлого и страстного желания его воскресить, хоть в каком-нибудь виде...

– Да-да, я уже поняла, что цели у тебя возвышенные и благородные, – нетерпеливо кивнула Сотофа. – Сколько, кстати, ты с них дерешь за свои услуги? Не то чтобы это имело значение, просто мне любопытно.

– От десяти до нескольких сотен корон, в зависимости от того, насколько они богаты. Мои подушки – бесценная вещь, за такую и тысяча корон не цена, но деньги меня не интересуют. Мне моих сбережений до конца жизни хватило бы, даже если жить очень долго. Я беру плату только для того, чтобы клиентам было спокойнее. Бесплатным чудесам веры нет. Хотя последнюю подушку я все-таки подарила старенькой иностранке, дальней родственнице одной из моих первых клиенток. Та ее ко мне и прислала. Я пыталась объяснить, что на другом континенте моя магия вряд ли будет работать, но бедняжка не отставала. Плакала так жалобно... Пришлось сделать для нее подушку Питрахи, но деньги я брать отказалась наотрез. Та, впрочем, только обрадовалась: все боялась, что поистратится, на обратный путь не хватит...

– Старуха была из Тулана? – спросил призрак. – Если вам интересно, имейте в виду: эта ваша магия, чтоб ей в болоте сгнить, распрекрасно действует за морем. Только бабка умерла. Как мне тут объяснили, подушка из нее все силы высосала.

Леди Типа ни капли не огорчилась, зато оживилась изрядно.

– Правда? Выходит, подушка работала за счет своей владелицы... Гляди-ка, вот это поворот! – воскликнула она.

– Было бы чему радоваться, – поджала губы Сотофа. И повернулась к Джуффину. – Выслушай меня внимательно, – сказала она. – Только хорошо подумай прежде, чем отвечать, ладно?

– А без пафоса никак нельзя? – устало спросил шеф.

– Представь себе, на этот раз – ну никак!

– Ладно. Обещаю: что бы ты ни сказала, буду молчать целую минуту и только потом открою рот. Ты довольна?

– Вполне. Так вот, я думаю, это дело следует решать не по закону, а по справедливости.

Джуффин скривился, но промолчал. На лице его было написано крупными буквами: «Если сейчас ты попытаешься спасти свою подружку от Холоми, буду считать тебя дурой на вечные времена!»

– Наиболее разумным решением будет отнять у Типы телесность и отдать ее пострадавшему молодому человеку, – закончила Сотофа.

Я, честно говоря, до сих пор думала, что сэр Джуффин Халли никогда не удивляется. Только иногда притворяется, из вежливости. Но тут уж пришлось признать: я ошибалась. Он натурально глядел на леди Сотофу, распахнув рот. Но честно молчал целую минуту, держал слово.

– Вот уж не ожидал от тебя, – сказал он, когда время истекло. – Думал, ты ее выгораживать будешь по старой дружбе. Ладно, как по мне – это наилучший выход. Парень получит тело, заодно и место в Холоми сэкономим... А призрак? Что ты будешь делать с ее призраком?

– А как ты думаешь? К себе возьму вместо декоративной собачки? – яростно спросила леди Сотофа. – Уничтожить призрак легче легкого, и мы оба это знаем.

– Ты не сделаешь это!

Леди Типа была потрясена. Ясно, она-то надеялась, что Сотофа только для виду гневается, а сама тем временем просчитывает варианты, как бы ей помочь. И вдруг – такое.

– Ты просто хочешь меня напугать, верно? Не станешь же ты меня убивать? Мне положено сколько-то лет в Холоми, согласна. Думаю, не так уж и много: в конце концов, я не злоупотребляла Запретной магией. Настойку Круканарра любой хороший повар может приготовить, не нарушая закон. Ты же сама меня учила, как обходиться минимальными ступенями магии...

– Да, ты оказалась хорошей ученицей, – согласилась Сотофа. – И была настолько аккуратна, что думаю, тебя отправят не в Холоми, а в Нунду, лет на девяносто, как и положено за убийства без применения недозволенных ступеней магии. Вернее, отправили бы. Но от Нунды я тебя спасу. Скверное это место – Гугландские болота. По мне, так лучше умереть дома. Заодно исправить причиненное зло. Не находишь?

– Ты не убьешь меня, – повторила Типа. Но уже не слишком уверенно.

– Мне не нравится эта идея, – вдруг сказал призрак Трикки Лая.

Все изумленно уставились на него.

– А, ты, наверное, думаешь, что тебе придется жить в ее теле? – Сотофа опомнилась первой. – Ты не понял...

– Нет, я слушал ваши объяснения очень внимательно и все понял, – возразил тот. – Забирают не тело, а способность его иметь, поэтому все равно, у кого. Но мне кажется, то, что вы предлагаете, – это очень жестоко.

– Парень, ты рехнулся? – спросил Мелифаро. – Нет, ты натурально рехнулся! Тебе тело вернуть предлагают! Прямо сейчас!

– Да, спасибо, – печально откликнулся тот. Дернулся, взмыл к потолку, забился в самый дальний угол, свернувшись в темный, плотный комок.

Мы все зачарованно на него уставились. Джуффин и Сотофа одновременно открыли рты, но призрак заговорил первым.

– Вы очень добры ко мне, – сказал он. – Впервые вижу в людях такую готовность бесплатно помочь совершенно чужому человеку, к тому же иностранцу, от которого никакой пользы, а только сплошные хлопоты. Не уверен, что на вашем месте я сам проявил бы столько заботы и внимания. Но то, что вы предлагаете, – это слишком жестоко. У нас, в Тулане, нет смертной казни, и даже я, человек, всю жизнь провозившийся с преступниками, считаю, что так правильно.

– У нас в Соединенном Королевстве тоже нет смертной казни, – пожал плечами Джуффин. – И тюрьмы у нас, к слову сказать, оборудованы, как дорогие лечебницы. Лучшие места для отдыха на этом континенте, сам бы на полгода туда загремел, да не дают... Но бывают ситуации, когда, только нарушив закон, можно восстановить справедливость. Если бы я в подобных случаях становился на сторону закона, меня следовало бы незамедлительно отправить в отставку... а еще лучше – придушить в каком-нибудь темном углу, чтобы другим чиновникам неповадно было. Сотофа дело предлагает, мальчик. Зря ты от нас шарахаешься.

– Я не шарахаюсь, извините, – призрак снова дернулся и, как мне показалось, довольно неохотно приблизился к нашему столу. – Это я от смущения. Ну, то есть мне стыдно спорить с людьми, которые ночь напролет не спят, пытаются меня спасти. Но... Нет, я так не могу. Сами посудите, я буду жить в новеньком теле и все время помнить: для того, чтобы я его получил, пришлось угробить немолодую даму. Вы же ее полностью убить собираетесь – в том смысле, что от нее даже призрака не останется. Нет, я так свихнусь, я себя знаю!

– Глупый какой, – сказала леди Сотофа. Голос ее звучал растерянно и одновременно очень нежно. – Совсем глупый мальчик. Но такой хороший! Джуффин, мы с тобой никогда такими не были.

– И хвала Магистрам, – проворчал шеф.

– Если я останусь без тела, а эта леди попадет в тюрьму на болоте, которой вы ей грозили, – снова заговорил Трикки Лай, – получится очень печально. Мне будет плохо, да и ей

несладко. Но это – просто нормальное человеческое горе, с которым можно справиться. Я со своим справлюсь, наверное. Буду всюду летать, мир наконец-то посмотрю – я так понимаю, теперь это проще простого, и денег на дорожные расходы не нужно... А леди Типа – ну, не знаю... Если в ваших тюрьмах так комфортно, как вы рассказываете, может быть, и для нее все неплохо сложится? Все-таки ведьма, не рыночная воровка... Пока человек жив, следует делать все возможное, чтобы он и дальше оставался живым – вот это я знаю точно!

И тут гостиную огласил протяжный, жалобный вой. Наша преступница ревела, как младенец, брошенный на дороге. Нет, действительно, как младенец. Взрослые люди плачут совсем иначе, уж я-то знаю. Взрослые умеют сдерживать себя, и даже отчаянно рыдая, экономят силы, потому что краешком сознания понимают: жизнь продолжается, и когда-нибудь придется прекратить плакать, встать, пойти умыться, извиниться перед всеми присутствующими за свое поведение, а потом выпить кружку камры и отправиться спать. А вот младенцы не имеют представления о будущем, они живут только здесь и сейчас, а потому всегда плачут так, словно в их распоряжении вечность, которую надо наполнить криком и слезами.

Так вот, леди Типа плакала именно как младенец, выкладываясь на полную катушку, не позволяя себе ни секунды передышки. Я поверила, что она собирается рыдать вечно. По крайней мере, до тех пор, пока не умрет от истощения, честно растратив на слезы и крик всю себя без остатка.

Минут десять мы это терпели. Потом леди Сотофа наконец вспомнила, что круче ее нет ведьмы на обоих берегах Хурана. Возложила руки на голову бывшей подружки, забормотала, защелкала языком. Успокоила ее – не то чтобы в один миг, но довольно быстро.

– Плачешь так, будто делаешь это впервые в жизни, – усмехнулась она.

– Второй, – прошептала леди Типа. – В первый раз я плакала, когда Лойсо ушел. Так стало жалко себя, что заревела. Потом слезы закончились, а жалость к себе осталась, и даже росла с каждым годом, как брюхо у обжоры, хотя казалось бы, куда дальше...

– Ну а сейчас-то чего было так реветь? – вздохнула Сотофа.

– А сейчас мне стало жалко его, – леди Типа махнула рукой в сторону призрачного туланца.

– Поздновато, честно говоря.

Леди Типа не стала отвечать. Помолчала, что-то обдумывая, и вдруг решительно сказала:

– Если вы дадите мне время, хотя бы полгода, я могу вернуть этому человеку тело. Не совсем настоящее, но почти. Это очень трудно, но я знаю как, меня Лойсо научил. Вы же помните, какие у него были дети? Вот и этот таким станет. Будет совсем как настоящий, только Угуланд покидать ему будет нельзя. Отъедет за сто миль от Сердца Мира – и сразу развоплотится, тут уж ничего не поделаешь. А лучше просто безвылазно сидеть в Ехо. Но тут не очень плохая жизнь для молодых джентльменов. Многим нравится.

– Да-да, – ласково улыбнулась Сотофа. – Полгодика, конечно. Всего-то. Какие пустяки... И Холоми нам не подойдет, потому что там нельзя колдовать. Хочешь остаться под домашним арестом? Какая прекрасная идея!

– Мне нужно будет колдовать только час в день, на рассвете, пока ночь становится днем. На остальное время можете запереть меня куда хотите, да хоть в камень превращайте, я же знаю, ты это умеешь.

– Ну просто поэма о рыцарях древности для учениц начальной школы, – ухмыльнулся Джуффин. – Как я до сих пор не начал рыдать – загадка! Впрочем... Скажите, уважаемая леди Типа, а позволено ли посторонним присутствовать на такого рода сеансах?

– Колдовству это не помешает, – угрюмо согласилась та. – Вам же не просто поглядеть? Хотите перенять секрет?

– Если вы не возражаете, – картинно поклонился Джуффин. – Чужие секреты – моя слабость.

– Моя тоже, – добавила леди Сотофа. – Но только при условии, что мальчик не...

– Я не против, что вы, – торопливо ответил призрак. – Это же какое счастье, если все-таки есть выход! Только я хотел бы сперва понять, что это будет за тело? Обычное, человеческое, или одна видимость? И это правда, что я не смогу вернуться домой?

– Тело будет в точности такое же, как прежде, – пожал плечами Джуффин. – Я был дружен с дочкой Лойсо Пондохвы, леди Теххи Шекк. Такой же человек, как все прочие, на мой вкус – получше многих. Ела, пила, спала, трубку курила, любовь крутила, с кем хотела, а с кем не хотела – не крутила. В сортир иногда навевывалась, если тебя это интересует... Когда в Ехо разразилась эпидемия, она перепугалась и уехала из города. И, как следовало ожидать, отъехав на сотню миль, стала призраком – вот как ты сейчас. Ничего страшного, говорят, осталась довольна, хотя нам, живым, обидно было ее потерять, конечно... Так что домой – да, не получится. Ты не решай вот так сгоряча, поразмысли – скажем, до завтра. В любом случае, предложение воспользоваться телесностью твоей обидчицы остается в силе, если вдруг надумаешь... А теперь, господа, я предлагаю покинуть этот гостеприимный кров. Леди Типа может отдохнуть в камере предварительного заключения при моем кабинете, благо она понадежнее Холоми будет. Да и всем присутствующим не мешало бы немного поспать. Тебя, сэр Трикки, я приглашаю стать моим гостем. Нехорошо получится, если ты в таком виде вернешься в гостиницу. Спать тебе теперь, конечно, не нужно, но мотаться по улицам тоже не дело. Строго говоря, я же и обязан охранять город от таких, как ты. Наилучший выход – сделать тебя моим домашним привидением. Надеюсь, на короткое время... Сэр Мелифаро, запи дом. Завтра как проснешься, приезжай сюда с обыском. Может быть, и я с тобой соберусь, если других дел не будет. Думаю, мы найдем здесь много интересного.

– Да уж, – зевнул Мелифаро. – Кстати, небо уже светлеет. То есть как я с самого начала решил вернуться домой на рассвете, так и будет.

– Что не освобождает тебя от необходимости приступить к делам не позже полудня, – сочувственно сказал шеф.

– Лишите меня кто-нибудь телесности, пожалуйста! – взмолился Мелифаро. – В пользу Трикки или просто так. А?

– Обойдешься, – фыркнул шеф. – Такую честь еще заслужить надо.

Меня, разумеется, припахали всех катать. Думают, если человек ездит вдвое быстрее, чем казенный возница, значит, он любит это дело больше жизни и не устает от него никогда. Первое утверждение с некоторой натяжкой можно признать верным; второе – чушь собачья, но моего мнения так никто и не спросил. Сперва я доставила леди Сотофу в Иафах, потом повезла остальных в Дом у Моста, причем предатель Мелифаро выскочил на ходу, когда мы проезжали в двух кварталах от его дома. Помчался спать – о, как я его понимала! А потому смертельно завидовала.

В кабинете Джуффина нас ждал сюрприз. Там сидел высокий благообразный старик в красном лоохи; теплая скаба, тюрбан и маска были того же цвета. Сэр Кофа Йох заботливо подливал ему в кружку желтое ташерское вино, которое время от времени присылает нам старый приятель, бывший репортер «Королевского Голоса», а ныне основатель и единственный владелец всех ташерских издательских домов сэр Андэ Пу. Очевидно, Андэ считает, что все мы скверно с ним обращались, пока он жил в Ехо, вот и мстит теперь нам, обидчикам, по мере сил: пить эту приторную дрянь решительно невозможно. Но вот так взять да и вылить ни у кого рука не поднимается, поэтому практичный Кофа всегда предлагает желтое ташерское посетителям, особенно безутешным дамам, им это нравится.

Наш ночной гость явно не был безутешной дамой, но от сладкого вина не отказывался. И, надо сказать, эти двое уже наподливались до состояния изрядного душевного подъема. Личный бури́вух сэра Джуффина Куруш, донельзя недовольный происходящим, перебрался со спинки кресла на верхнюю полку книжного шкафа и оттуда, нахохлившись, взирал на это безобразие. Точно такими же круглыми стали глаза джентльмена в красном, когда он увидел нашу компанию. Я так поняла, что он от бедняги Трикки шарахнулся: призраки в Ехо большая редкость, я ж говорю.

– Господа, вы не будете рассержены, если я попрошу вас продолжить веселье в Зале Общей Работы? – устало спросил Джуффин. – Мне надо ненадолго уединиться с этой леди. Меламори, помоги джентльменам унести кружки. Я буду к вашим услугам буквально через минуту, господа.

Я содрогнулась, уразумев, что возможность поспать откладывается еще на какое-то, совершенно неопределенное время. Туланец истолковал мою печаль по-своему:

– Если бы у меня были нормальные человеческие руки, я бы взял эти кружки вместо тебя.

Это было так глупо и трогательно, что мне пришлось рассыпаться в благодарностях. Кружки он взял бы, надо же, нашелся мой спаситель!

Пока мы с туланским призраком обменивались любезностями, Кофа и незнакомец в красном сами же все и унесли, нам только и осталось, что очистить кабинет шефа от собственного присутствия.

– Веселая была ночь, как я погляжу, – раздумчиво сказал сэр Кофа Йох, разглядывая на туманные очертания Трикки Лая. – Это ж где тебя так угораздило, сынок? Неужели Типа постаралась?

– Ага. Если я правильно понял разъяснения, она еще и потеряла то, что отняла, поэтому поправить дело очень сложно... Хорошая ночь, сэр Курвай. Простите, что не сразу поздоровался: сперва не узнал вас в этой маске.

Так я выяснила, что дед в красном был не просто Кофин приятель, страдающий бессонницей, а сам Лао Курвай, старшина цеха Мастеров Совершенных Снов. Честно говоря, я догадывалась, почему он к нам заявился, не дожидаясь утра.

– А мы прежде встречались? – растерянно спросил Лао Курвай.

Мне показалось, что он только сейчас заметил призрака. Интересные дела, от кого же он раньше-то шарахался?

– Не далее, как нынче вечером, – сказал Джуффин.

Он, как я понимаю, уже запер в камере леди Типу и теперь стоял на пороге своего кабинета, улыбчивый, свежий и бодрый, словно сладко спал всю ночь. Гад такой.

– Это тот самый молодой человек, который приходил к вам от меня, – объяснил шеф Лао Курваю. – А вы любезно посоветовали ему навестить Типу Брин...

– Так это он меня послушал и к ней пошел... Ничего себе!

Наш гость схватился за голову.

– Да, жизнь полна неожиданностей, – философски заметил Кофа.

– Я-то, собственно, приехал сюда из-за этого вашего протеза, – сказал Лао Курвай Джуффину. – Как только он ушел, мне прислал зов Тангри Хлай. Он совсем молодой мастер, к тому же мой племянник, впрочем, это к делу не относится... Мальчик сказал, к нему приходила какая-то скорбящая вдова, очень странной наружности. Требовала подушку, из которой будет выскакивать ее покойный муженек, живой и невредимый. Парень никогда не слышал ни о чем подобном, решил со мной посоветоваться. Я сразу подумал – какое странное совпадение! Десятилетиями никто не вспоминал об этих подушках и вдруг, ни с того, ни с сего всем сразу они понадобились. А когда полчаса спустя мне прислал зов еще и Фионис Гелендакс – ровно с такой же историей, только к нему приходил безутешный вдовец –

я понял, что происходит нечто, мягко говоря, странное. И не поленился переговорить с другими коллегами...

– Ясно, – кивнул Джуффин. – Похвальная проницательность. Я, собственно, подозревал, что рано или поздно вы придете ко мне с этим вопросом. Правда, не ожидал, что так быстро. Вы уже поняли, что все это были мои люди, верно?

– Ну... В общем, да, – не слишком уверенно ответил старик. – Но неужели эта скандальная вдова тоже ваша? За вечер она оббежала десять человек и каждому – заметьте, каждому! – закатила форменную истерику. Сэру Батти Боубу пришлось пообещать, что он сам на ней женится, лишь бы прекратила вопить. Мне о ней всякого понарасказали... Не думал, что в Тайном Сыске служат такие неуравновешенные люди!

Мы с Кофой переглянулись и рассмеялись. Сэр Мелифаро явно перегнул палку, вживаясь в роль безутешной вдовы.

– Тем не менее, вдова тоже наша, – вздохнул шеф. – Передайте своим людям мои извинения. Если она била посуду или рвала одежду, мы возместим ущерб.

– Ну нет, так далеко не заходило. По крайней мере, на порчу имущества никто не жаловался... Так я, пожалуй, пойду? – смущенно спросил сэр Лао Курвай. – Если вы сами их посылали, то и говорить не о чем.

– Только один вопрос. – Джуффин поднял палец. – Всего один. И, собственно, не совсем к вам, но вдруг вы знаете ответ? Тогда я хоть усну спокойно... Что за дикую сказку рассказал этой самой истеричной вдове сэр Ширати Глак? Про какую-то даму из Ордена Семилистника, которая якобы решила отомстить обидчице, послала ей подушку, и та кончила свои дни в Приюте Безумных? Это что, ваша цеховая легенда или его личная выдумка? Бред от начала до конца, это даже мне ясно, хотя с того момента, как я впервые услышал об этих грешных подушках, еще двух суток не прошло. Начать с того, что женщины Семилистника знают не одну тысячу способов наказывать своих личных врагов – и, при всем при том, никогда их не заводят. С кем враждовать, что делить человеку, чья жизнь посвящена познанию?!

– Ну, – уклончиво ответил старик, – есть у них враги или нет, это вам, конечно, виднее. И байку свою коллега Глак наверняка впопыхах придумал. Видите ли, он проницательный человек, единственный, кто с самого начала заподозрил, что эта шумная леди неспроста пожаловала, да и не вдова она вовсе...

– То есть он рассказал эту глупость именно потому, что заподозрил во вдове сыщика? – Джуффин почти возмутился. – Но зачем? Просто так, в шутку? Привет мне передал таким замысловатым образом? Нет, хоть убейте, не понимаю!

– Н-н-ну, как бы вам объяснить...

Лао Курвай окончательно смешался.

– Да не смущайтесь вы, – добродушно посоветовал Кофа. – Хотите сказать, ваш коллега постарался дать нам понять, что такие подушки делают женщины Семилистника, но не решился обвинить их напрямую? Поэтому спешно выдумал глупую сплетню?

Лао Курвай кивнул. Помолчал, собираясь с мыслями, наконец сказал:

– Все же Орден Семилистника, кому же охота связываться? Тем более, сама леди Сотофа Ханемер... Это же все равно что Короля обвинить в подготовке государственного переворота. Я и сам не решился ее упомянуть. С Типой поговорить молодому человеку посоветовал, а леди Сотофу назвать язык не повернулся.

– Ясно, – проворчал Джуффин. – А если бы повернулся, возможно, гулял бы наш сэр Трикки Лай при всех своих потрохах, горя не знал бы...

– Жаль, вы не рассказали, что ради этих подушек леди Типа отбирает у людей тела, – добавил призрак. – Я, пожалуй, бы был гораздо осторожнее.

– А... Но разве это Типа сделала? – изумился Лао Курвай.

– А кто же еще? – хором спросили мы с призраком.

Джуффин и Кофа понимающе переглянулись.

– Считается, вероятно, что Сотофа мастерит эти подушки до сих пор, а Типа всего лишь ей помогает, – вздохнул шеф. – Думаю, сама Типа такой слух и пустила. Вряд ли вот так прямо врала, но наверняка намекнула кое-кому из бывших коллег. Отличный способ сохранить тайну: сделать вид, будто она принадлежит не тебе, а кому-то настолько могущественному, что лучше не связываться. Верно, сэр Курвай?

Старый Мастер Совершенных Снов окончательно смутился. Кажется, он до сих пор не слишком верил в Сотофину непричастность. Джуффин пожал плечами:

– Хотите верьте, хотите нет, но леди Сотофа Ханемер вышла из этой игры в самом начале Эпохи Кодекса. А с тех пор все вы дружно хранили секрет вашей бывшей коллеги, а вовсе не государственную тайну. Сочувствую... Хорошего утра, сэр Курвай. Простите за причиненное беспокойство. И скажите вашим людям, что все утряслось, больше их никто дергать не будет. Что с вас возьмешь?

Старшина Мастеров Совершенных Снов покинул нас не то в печали, не то в похмелье. Я же говорю, это самое желтое ташерское – та еще отравка. Ну хоть не развоплотился, и то хлеб.

А я наконец отправилась домой, где уснула прямо на диване в гостиной, даже не вспомнив о подарке лысого Комоса. Больно они нужны, эти его подушки! Сон мой и без них был сладок и почти безмятежен – вот как вымоталась.

Сэр Джуффин при всех своих людоедских замашках иногда оказывается изумительно человеческим. Возможно, это как-то связано с лунными фазами, или, напротив, солнечными затмениями – не знаю. Факт, что он дал мне выспаться, а когда я все-таки появилась в Доме у Моста, благоухая шиншийским травяным мылом и сытным завтраком, кротко обрадовался, что я наконец-то удосужилась почтить это заведение своим вниманием. Дескать, даже не ждал от меня такой сознательности.

– Гляди, что у меня есть! – и шеф кинул мне подушку, как две капли воды похожую на ту, что привез туланец, только не лиловую, а зеленую.

Я покрутила ее в руках, вопросительно поглядела на шефа.

– Хотите, чтобы я ее опробовала?

– Не уверен, что тебе понравится, – ухмыльнулся тот. – Это, знаешь ли, личная подушка леди Типы Брин – с которой, собственно, все начиналось. Очень хорошее развлечение для меня и, может быть, еще нескольких стариков с хорошей памятью и отменным чувством юмора. По крайней мере, я знаю пару человек, которые дорого дали бы за возможность услышать, как сэр Лойсо Пондохва говорит: «Ах ты моя сладкая тыковка», – но не думаю, что ты, незабвенная, принадлежишь к их числу. Вот, разве что, твои отец и дядя знатно повеселились бы. Надо будет послать зов Киме, действительно. Грех такой радостью не поделиться...

– Он что, правда так говорит: «сладкая тыковка»?! – содрогнулась я. – Какой ужас!

– Ага. И еще много чего в таком духе. А что ты, собственно, хочешь? В наше время такой сентиментальный бред считался самым обычным разговором влюбленных... Бедняга Мелифаро делал обыск в доме нашей пленницы и первым опробовал эту вещицу. Бродил тут бледный, говорил какие-то возвышенные вещи о человеческом мужестве, которому якобы есть предел... Ох уж эта мне современная молодежь, воспитанная на легендах Смутных Времен!.. Ну, Лойсо, ну грозный колдун – подумаешь! А кто не грозный? От меня же вы не шарахаетесь...

– Просто мы к вам привыкли, – объяснила я. – И на это ушли все наши душевные силы. Так что голову на подушку я класть не буду, если можно. Ну его, этого Лойсо, обойдусь... Вы мне лучше скажите, как там наш призрак?

– Он не «там», а тут, – подмигнул мне шеф. – Не хочет сидеть один. Говорит, в пустом доме сам себя боится, а на людях – ничего, не страшно. Пришлось взять его сюда. Полдня смирно сидел у меня в кабинете, потом заскучал и смылся. От души надеюсь, что его занесет на половину Городской Полиции. А то что-то давненько мы с генералом Бубутой не ссорились.

– Человеком-то он будет становиться? – спросила я.

– А как же! Если, конечно, эта хитрюга Типа не врет, что умеет делать такие вещи. С другой стороны, если врет, ей же будет хуже, и она это отлично понимает. В конце концов, никто ее за язык не тянул... Но это как раз не твоя забота. Твоя выглядит вот так, – и он положил передо мной самопишущую табличку. – Список клиентов Типы Брин. Все, кроме покойной туланской старушки, жители Ехо. Мне бы хотелось, чтобы ты их навестила. Прежде, чем дело будет закрыто, нужно убедиться, что все они живы, здоровы и не пахнут безумием; при этом хорошо бы не напугать и не обидеть людей. Строго говоря, никаких преступлений они не совершали. Всякий имеет право купить волшебный талисман, если таковой есть в продаже. Спрашивать, в случае чего, будут с мастера...

– Сэр, – твердо сказала я, глядя ему в глаза, – вы же знаете, что эта работа не для меня. Я – Мастер Преследования. Если вам нужно собрать какие-то дополнительные факты, пошлите Мелифаро или хоть того же сэра Кофу. Если просто навестить и не напугать – тогда уж лучше Нумминориха, он приветливый и вообще совсем не страшный...

– ...а если убить, то Шурфа Лонли-Локли, – закончил Джуффин. – Спасибо, Меламори. Но я уже говорил тебе, что и сам неплохо знаю возможности своих сотрудников. И считаю, что эта работа как раз для тебя. Сегодня можешь валять дурака, а завтра будь любезна навестить всех, кто указан в списке. Шестнадцать адресов – не так уж и много. К ночи, думаю, закончишь. И не смотри на меня так, я же не заставляю тебя класть голову на подушку леди Типы. То есть я, конечно, над тобой измываюсь, но палку не перегибаю, оцени!

Ну что тут будешь делать? Я смирилась и отправилась утешать себя мороженым.

По дороге к выходу я стала свидетельницей совершенно восхитительной сцены. Генерал городской полиции Бубута Бох, чей буйный темперамент на моей памяти укрощал только всемогущий сэр Макс, стоял в холле, распахнув рот. Вокруг него весело кружил неугомонный Трикки Лай. На сей раз туланец был похож на воздушного змея, даже пестрый хвост как-то себе отрастил.

– Что это за летающая сортирная дерьмовина? – вопрошал Бубута, скорее растерянно, чем гневно. – Из какого сортира взялся этот говорящий черпак для дерьма? И в какую задницу подевались все эти тайные дерьмоглоты, никчемные охотники за всяким обнаглевшим колдовским дерьмом?!

– Как же вы замечательно ругаетесь! – уважительно говорил на это призрак Трикки Лая. – Если бы у меня были настоящие человеческие руки, я бы записал ваши слова на табличку, чтобы выучить наизусть! Думаю, с их помощью можно поставить на место любого негодяя. Но у меня нет рук, какая досада!

– Ну, если тебе действительно нравится моя речь, я могу повторять, пока ты не согласишься, – неожиданно смягчился генерал Бубута.

– Спасибо вам, – проникновенно сказал призрак. – Повторите, пожалуйста. У меня неплохая память, думаю, двух-трех раз будет вполне достаточно.

Я подумала, что это, вероятно, хорошее начало большой дружбы, и, прикрывая рот ладошкой, бочком, бочком, пробралась к выходу.

Разумеется, назавтра мне пришлось посетить всех этих людей, дюжину пожилых женщин и троих мужчин, бывших клиентов леди Типы. Еще один старик, последний из шестнадцати, к этому времени благополучно перебрался на кладбище Кунига Юси, но вряд ли при-

чиной тому стала подушка: к моменту кончины бедняге перевалило за триста. Все остальные были живы, вероятно, вполне здоровы – безумием, по крайней мере, ни от кого не пахло, – но произвели на меня воистину жуткое впечатление. Куда хуже, чем ожившие мертвецы, которых мне пару раз доводилось видеть, помогая коллегам наводить порядок на городских кладбищах. Те выглядели отвратительно, но хоть из могил к свету карабкались, а эти – наоборот, сами себе ходячие склепы из костей и кожи. *Зачем* эти люди живы? – боюсь, ответ на мой главный вопрос не был известен им самим. Им самим, собственно – в первую очередь.

Одного из этих визитов – любого! – хватило бы, чтобы испортить мне настроение, и без того стабильно паршивое. Полдюжины вогнали бы меня в черную тоску, дюжина, пожалуй, свела бы с ума. Но их было больше, целых пятнадцать, и это оказалось в самый раз, как ведро холодной воды на голову. Очень неприятно, но полезно, так что шеф все верно рассчитал – даже я была вынуждена это признать, хоть и не люблю, когда меня воспитывают. Просто ненавижу.

По дороге в Дом у Моста я вспомнила, что еще три дня назад идея обзавестись собственной подушкой Питрахи казалась мне чрезвычайно соблазнительной, я даже некоторые детали тщательно продумала: чтобы молчало сладостное мое наваждение и еще чтобы появлялось всякий раз каким-нибудь иным способом – на этих условиях я бы не просто согласилась, я бы, пожалуй, на край света за такой вещицей отправилась. Тьфу! – что тут еще скажешь?

Сэр Джуффин Халли безусловно был в курсе моих душевных терзаний, потому что больше не сказал на эту тему ни слова и вообще никогда к ней не возвращался. Даже о Мастерах Совершенных Снов при мне не заикался, словно бы и не было в Ехо людей с такой нелепой профессией. Конфискованные подушки Питрахи он куда-то спрятал – надо думать, в свой сейф – и, кажется, забыл об их существовании.

Зато леди Типа Брин еще долго оставалась нашей общей заботой. Она по-прежнему жила в камере предварительного заключения, сидела там тихонько, демонстрируя почти совершенный образец смирения и покорности судьбе; это вызывало если не симпатию, то сочувствие. Мы сами не заметили, как установился обычай носить ей сладости и фрукты, а сэр Лонли-Локли снабжал нашу пленницу книгами из своей библиотеки. Не то чтобы она была такая уж охотница до чтения, просто жаловалась иногда, что от скуки с ума сходит. Немудрено: при деле она была всего час в сутки. Каждый день, незадолго до рассвета шеф и призрак Трикки Лая появлялись в Доме у Моста, выпускали леди Типу из заточения и принимались ворожить. Что там у них происходило, я в точности не знаю, но наши соседи, простые горожане, живущие на улице Медных Горшков, не раз сетовали за завтраком в «Обжоре Бунбе», что ветер на рассвете воет как-то уж очень жутко, пол под ногами ходит ходуном, а птицы сходят с ума и мечутся с крыши на крышу.

Туланец при этом оставался таким же призраком, как был, разве что более-менее человеческую форму принимал быстрее и сохранял дольше, чем в первые дни, но я подозревала, что это скорее пришедшая с опытом сноровка, чем результат ворожбы. Он однако верил в могущество леди Типы без тени сомнения и смотрел в будущее с неизменным оптимизмом – в отличие от всех остальных. Даже Джуффин, который ежеутренне присутствовал на этих сеансах и вроде бы перенимал мастерство, не производил впечатление человека, уверенного, что дела идут блестяще. Хотя, конечно, считал своим долгом регулярно высказывать такую уверенность в нашем присутствии. Мы же только вздыхали, хотя, по чести сказать, судьба нашего туланского приятеля к тому времени стала чуть ли не единственной причиной нашей общей печали. Серая Тоска куда-то подевалась: то ли присутствие призрака оказалось для нас столь целительным, то ли наконец подействовали Кофины Кристаллы Радости – кто его разберет?..

А однажды утром, примерно полгода спустя после описанных событий Трикки Лай, целый и невредимый, переступил порог Зала Общей Работы, наглядно доказав всем нам, что оптимизм – далеко не всегда глупость. Мы его дружно тискали и щипали, часа полтора кряду и вынесли совместное решение: настоящий! Живой и теплый человек, давно бы так.

Судьба его к этому времени была практически решена: Бубуте Боху давным-давно требовался толковый заместитель, и вот наконец нашелся человек, сумевший поладить с генералом Городской Полиции, да к тому же весьма сведущий в розыском деле. Слабые познания в магии были ему даже на руку: в отличие от Тайного Сыска полиция имеет дело с обычными людьми, которые почтительно относятся к Кодексу Хрембера и всегда готовы ограбить, а то и прирезать ближнего, не утруждая себя ворожкой. Словом, за карьеру Трикки Лая можно было не волноваться – разве что посочувствовать всем остальным туланцам, которым теперь предстояло расхлебывать свои криминальные неприятности без его помощи.

Он оказался отличным парнем, вернее, не перестал им быть, но друзьями мы так и не сделались. Я имею в виду только себя, остальные Тайные Сыщики с удовольствием опекали новоиспеченного полицейского и понемногу учили его разным полезным фокусам, а сэр Нумминорих Кута сдружился с Трикки Лаем до такой степени, что даже подыскал ему квартиру в Новом Городе, всего в полутора кварталах от своего дома, чтобы в гости ходить было удобнее.

Я же, кажется, так и не сумела простить туланцу, что в трудную минуту он оказался куда жизнерадостнее и милосерднее, чем я сама. Надо обладать немалой внутренней силой, чтобы близко сойтись с человеком, чьи душевные качества служат тебе примером, чтобы не сказать – недостижимым идеалом; я же в ту пору только-только начала заново учиться быть сильной и, следует признать, особых успехов не делала.

Что касается леди Типы Брин, на следующий же день камера предварительного заключения при кабинете шефа была свободна. Два дня я погибала от любопытства, а на третий не выдержала и пристала к Джуффину с расспросами.

– Всякий преступник, использовавший для своих дел Очевидную магию, как тебе известно, имеет право просить о замене тюремного заключения изгнанием, – ответил он. – Леди Типа с радостью ухватилась за эту возможность, а я походатайствовал, чтобы ее просьба была удовлетворена.

– И куда она уехала?

– Подозреваю, что в Тулан, – пожал плечами шеф.

– А она собиралась? Но зачем?

– Ну, во-первых, наш шустрый Трикки Лай дал ей пачку рекомендательных писем и несколько дюжин поручений. Навестить родственников, продать его дом, переслать сюда деньги и какие-то бумаги – собственно, в подробности я не вникал. Трикки справедливо полагает, что леди Типа с удовольствием решит все его проблемы – если уж по ее вине он теперь не может вернуться домой... Хотелось бы надеяться, что, выполнив его поручения, она покинет Тулан и отправится куда-нибудь еще, но, увы, я совершенно уверен в обратном.

– А вам-то какая разница? – удивилась я.

– Когда в один прекрасный день там обнаружат еще один труп истощенной старухи, на наши головы, скорее всего, свалится очередной профессиональный подозреваемый. И все начнется сначала, – вздохнул шеф. – Ненавижу повторения!

– Но почему там должны найти труп истощенной старухи?

– Ну а как ты думаешь? Я отдал леди Типе ее имущество, которое было изъято при обыске. Собственно, она проявила интерес только к одной вещице, остальное распорядилась выбросить...

– Подушка? – я начала понимать. – Она поехала в Тулан и взяла с собой подушку?

– Ну да. Метод, так сказать, проверенный на живом человеке. Успех гарантирован. Я понимающе кивнула и собралась уходить.

– Погоди-ка, – попросил Джуффин. – Это, конечно, скверная история, Меламори. Но есть в ней и хорошие стороны.

– Например? – мрачно спросила я.

– Все закончится так, как хочет сама Типа. Это действительно очень хорошо и правильно. Всякий человек должен сам решать, что делать со своей жизнью, но мало кто бывает способен честно разобраться в собственных делах и ответить на вопрос: готов ли он жить дальше, или...

– Или жить ближе! – рявкнула я, выкатываясь из его кабинета.

Идиотская шутка, кто же спорит. Но другой замены слову «умирать» я не подыскала, а умирать мне наконец-то отчаянно не хотелось, и это было в ту пору совершенно новое чувство, захватившее меня целиком.

* * *

Сероглазая женщина какое-то время молчит, наконец улыбается и добавляет:

– Это было очень давно. Правда. Лет шесть назад – это если по календарю, а так-то и вовсе – вечность...

– Конечно, – мягко говорит Франк. – Это заметно. Ваш совместный визит в «Кофейную гуцу» – наилучшая иллюстрация к словам вашего друга, который утверждал, что нет на свете невозможных вещей.

– Ну да, – хором соглашаются эти двое.

– У нас с Тришей есть отличный флигель для гостей – там, в саду, – объявляет Франк. – Наилучшее место для отдыха бездомных бродяг, которые пока не решили, какая реальность устраивает их больше всего. Вы же, как я понимаю, не решили?

Они улыбаются, кивают, пожимают плечами.

– Мы примерно представляем, куда нам не стоит соваться, – говорит Макс. – Таких мест всего – раз, два и обчелся, так что не беда. Будь моя воля, я бы в Ехо, конечно, заглянул на денек – камры выпить, с друзьями потрепаться. Но – нет так нет.

– Не думаю, что где-нибудь во Вселенной есть напиток лучше нашего кофе, – ревниво хмурится Франк.

Триша знает, достоинства «Кофейной гуцы» это его единственная мозоль, на которую лучше не наступать. Ну, то есть не мозоль даже, просто Франку нравится играть в эту игру, притворяться существом, у которого имеется всего одна, зато такая очаровательная слабость.

– Но вот что касается старых друзей и недругов...

Франк не просто улыбается, а словно бы выворачивает лицо наизнанку: только что была недовольная вытянутая физиономия – хлоп! – и он само радушие, готов опекать, утешать и дарить радость, ну вот просто директор приюта для сирот с особо хорошей судьбой.

– На крыльце, у входа приколотен почтовый ящик. – Франк начинает издали. – Совершенно необходимая вещь: во-первых, я выписываю газету «Кофейное обозрение», которую издают в королевстве Латто, и журнал «Небесные новости», что выходит в Каване каждый нечетный год. К тому же иногда нам приносят рекламные буклеты, и я показываю Трише, как сделать, чтобы изображенный на картинке товар оказался в нашем погребе. Совсем простой фокус, ты небось знаешь, но она почему-то не обучается. Думаю, ей просто абсолютно не нужны эти вещицы, в этом все дело... Так вот, вернемся к почтовому ящику. Если вы хотите встретить в нашей кофейне знакомого, достаточно написать

ему открытку и бросить ее в мой почтовый ящик. Официальное приглашение, или дружеское предложение заглянуть на огонек в «Кофейную гуцу» – форма на ваше усмотрение. Главное – назвать имя персоны, которую вы намерены повидать и указать место встречи: «Кофейная гуца». Не позже, чем завтра вечером адресат, кем бы он ни был, где бы ни находился, непременно навестит нас. Единственное, что никогда невозможно предугадать – откуда он появится и в каком настроении. Все это очень индивидуально. Ах да, самое главное: я бы не советовал тревожить покойников. Обычно они находят возможность принять приглашение, но это мало кому нравится. Да и мне лишние хлопоты – выпроваживать их отсюда...

– Да, ничего себе почтовый ящик, – уважительно говорит Макс.

За столом воцаряется молчание.

– Только не пытайся убедить себя, что совершенно не хочешь видеть Джуффина, – наконец говорит сероглазая женищина. – Что-что, а врать себе ты никогда толком не умел.

– Да я и не... Ну да, разок попробовал, ничего не вышло, – вздыхает тот. – Конечно я хочу увидеть Джуффина. И конечно напишу ему открытку. Ты так замечательно описывала искреннее удивление на его физиономии, что мне стало завидно. Тоже хочу на такое чудо поглядеть... Где у тебя открытки, Франк?

– Там, на полке, за стойкой, целая пачка валяется. Только учти, бесплатно я их не раздаю. Взамен годится любая мелочь из твоего кармана или пуговица – да хоть шнурок от ботинка, все равно что. Мне можешь не показывать, на стойке стоит пестрая шкатулка в форме птицы, туда и бросай. Считай, это вместо подписи, чтобы было ясно, от кого приглашение.

– Ага, – говорит Макс. – Ага... хорошо, да... нашел. Сейчас, сейчас... Ну вот, сделано. Надо же какая картинка дурацкая, ну просто специально для Джуффина!

Он возвращается с открыткой, на которой изображена драка каких-то пушистых зверьков неопределенной породы. Не то собаки, не то лисята, не то и вовсе меховые драконы. Пишет что-то на чистой стороне – всего несколько слов. Триша умирает от любопытства, но стесняется спросить, что именно. Ну и ладно.

– Все, что я слышал от вас обоих об этом господине, позволяет предположить, что завтра у нас будет прекрасный вечер, – мечтательно говорит Франк. – Если, конечно, это самое «завтра» хоть когда-нибудь наступит. Но как раз это, по счастью, в моих руках.

Он переворачивает свои песочные часы, а потом и вовсе убирает их со стола, прячет в ящик старомодного дубового комода. Время, – так кажется Трише, – с облегчением вздыхает и начинает течь. Сперва оно течет быстрее обычного, бурно, подвывая, как заблудившийся под кухонным столом уличный ветер, искрится секундами, жгучими, будто все они – самые последние. Ну в точности ручей, прорвавший самодельную запруду!

Но потом время успокаивается, позволяет событиям течь своим чередом, ночной птице – стучать клювом в окно, облакам – разлетаться в клочья, выпуская на волю почти полную луну, а людям, собравшимся в «Кофейной гуце» – сладко зевать, в последний раз за вечер раскуривать свои трубки и, сонно щурясь, обсуждать, кому сколько требуется пледов и что подавать к завтраку.

Властелин Морморы

История, рассказанная сэром Джуфффином Халли

Серебристые сухие травы, свежие белые астры, угольно-черные ветки дерева кьорр с крупными белоснежными ягодами. Есть их нельзя, вернее, не стоит. Они не ядовитые, но твердые, как камень, и горькие, как полынь. Зато красивые. Очень.

Каждое утро Триша собирает букет. Это самое важное дело, самая неотложная работа. И, между прочим, трудная. Кофе варить, коржики печь, обед сочинять куда как проще.

Вчерашние гости еще спят, но скоро, надо думать, проснутся, так что придется кормить их завтраком, развлекать разговорами, а это тоже нелегкая работа для Триши, она больше слушать любит, чем говорить. Но сегодня придется расстараться. Такие гости славные, хорошо, если им тут понравится, может, побудут подольше или вовсе поселятся во флигеле, в саду. А что, сами же говорили, что им пока негде жить. Вернее, они толком не знают, чего хотят – значит, тут им самое место.

– Хорошего утра! – говорит сероглазая женщина. – Какой у вас букет, однако...

Ме-ла-мо-ри – вот как ее зовут. Гляди-ка, удалось запомнить.

– Утро и правда хорошее, – смущенно подтверждает Триша. – А букет еще надо закончить... Сейчас сварю кофе, если вы проснулись. Вы не думайте, пока светит солнце, все бесплатно, только вечером надо платить за кофе историями. Это Франк такие порядки завел. Ему так удобно, он по утрам обычно другими делами занят или вовсе спит...

Сероглазая Меламори улыбается, кивает и щурится от удовольствия, потому что ее спутник тоже появляется на пороге и обнимает ее за талию. Триша краем глаза наблюдает за гостями и думает, что скорее могла бы принять их за сестру и брата, чем за любовников. Что-то такое в них есть одинаковое, хотя лица не похожи совершенно. И ведут себя немножко как заговорщики – ну, то есть видно, что у них много-много своих секретов, таких особенных секретов-на-двоих, по сравнению с которыми все остальное не очень важно. Ну вот, например, он вполне мог бы знать всех мальчишек, с которыми она целовалась, и по-братски прикрывать ее от строгих родителей, а с нее случилось бы каждую ночь подглядывать в его сны, не столько из любопытства, сколько для того, чтобы быть рядом, когда приснится настоящий, смертельно опасный кошмар. И если им вдруг случится бежать наперегонки, он скорее всего чуть-чуть поддастся, пропустит ее вперед, даст выиграть, а она все поймет и жутко разозлится, но виду не покажет, чтобы не разбить ему сердце.

*Вовсе не обязательно дела обстоят именно так, но эти двое в первую очередь – сообщники, а уже потом – все остальное, и это позволяет им чувствовать себя как дома везде, где можно оставаться вместе. Триша не может сформулировать лучше, потому что в любом человеческом языке слишком много лишних, необязательных слов и всегда не хватает нужных, но ей кажется, что она очень-очень хорошо все понимает про эту парочку. То есть не все-все-превсе, конечно, но **самое главное**. Не зря все-таки она столько лет кошкой была: кошки разбираются в людях куда лучше, чем другие люди. Даже бывшие кошки.*

Триша добавляет в букет последнюю веточку, отступает на шаг, несколько секунд критически осматривает дело своих рук – ага, получилось! – и ставит на огонь три большие утренняя джезвы. Можно завтракать.

У гостей вроде бы хорошее настроение, Трише легко и приятно сидеть с ними за одним столом, но Макс улыбается рассеянно, крошит над тарелкой имбирную булочку, вместо того, чтобы есть, делает глоток Тришиного кофе, перепутав чашки, и тогда серо-

глазая женщина спрашивает: «Ты нервничаешь из-за Джуффина?» – а он, чуть помедлив, обезоруживающе разводит руками и говорит: «А вот знаешь, кажется, да».

С этого момента Триша начинает погибать от любопытства: что же это за Джуффин, если такой удивительный гость из-за него нервничает? Она и сама уже немного нервничает, как ребенок, которому обещали показать хорошее, интересное, но очень страшное кино.

Дважды она приступала с расспросами к Франку. Сперва когда гости отправились в город прогуляться, а он наконец появился за стойкой, благоухающий чужими ветрами и звездами, усталый, но довольный, как сытый зверь. И еще раз, уже после того, как увидела гостей в конце улицы, они возвращались в «Кофейную гуцу», взявшись за руки, как заблудившиеся в лесу дети, незаметно для себя повзрослевшие во время странствий. «Скоро увидим, – невозмутимо отвечал Франк, – мне и самому интересно», – но Триша подозревала, что он знает гораздо больше, но не рассказывает – не из вредности даже и не потому, что это тайна, а просто лень ему объяснять.

С Франком в этом смысле непросто иметь дело.

– Ты лучше думай, чем мы будем гостей кормить, – напомнил ей Франк. – Ночь-то впереди длинная.

Триша ахнула, схватилась за голову: «Я же ничего не успеваю!» – бросилась в погреб за копченым медом, травяным маслом и сушеными цветами, но в конце концов все закончилось хорошо: Франк пообещал сварить свой фирменный кровавый суп на дождевой воде, и немедленно взялся за дело, а гости сами вызвались помогать, резать цветы и фрукты для салата, так что Трише только и оставалось усесться на самый высокий табурет и командовать приготовлениями, чувствуя себя не хозяйкой кофейни, а сказочным генералом.

В сумерках, когда солнце уже опустилось за горизонт, а лиловое молоко ночи тонкими струйками потекло по тротуарам, парадная дверь «Кофейной гуцы» тихо скрипнула, открываясь. Франк удивленно нахмурился, Триша сразу поняла, почему: шагов-то не было слышно, никаких, а сероглазая Меламори с гордостью объяснила: «У шефа совершенно бесшумная походка». Макс вроде бы бровью не повел, как сидел спиной ко входу, так и не дал себе труда обернуться, рассеянная улыбка по-прежнему блуждала по его лицу, но Триша заметила, что он подобрался, как кот перед прыжком. Видно, что сам еще не решил, что будет делать: нападать, или удирать, или просто на месте останется, но приготовился ко всему.

Дверь наконец допела свою песню, распахнулась настежь, и в кофейню вошел высокий пожилой господин в костюме столь роскошном и экзотическом (затейливый тюрбан, длинный серебристый плащ, мягкие остроносые узорчатые сапожки ручной работы), что впечатлительная Триша чуть было за карандашом и блокнотом не бросилась: зарисовать такую красоту на память, а то ведь потом не вспомнишь деталей, известное же дело. Но вовремя передумала: гость небось надолго задержится, а самое интересное пропускать – нет дураков!

Впрочем, увидев хищное, красивое лицо гостя, Триша тут же и думать забыла о его костюме. Неужели у людей бывают такие вот раскосые глаза, светлые, как пасмурное небо? Или свой брат оборотень пожаловал? Таких гостей в «Кофейной гуце» еще никогда не было, вот и Франк глядит с нескрываемым интересом, головой качает уважительно. Дескать, ну дела!

– Я не ошибся адресом, – гость начал фразу с вопросительной интонацией, а закончил уже как утверждение: сам все, вернее, всех увидел и понял, что с адресом полный порядок.

– В приглашении не был указан номер дома, – объясняет он. – Конечно, я мог воспользоваться этой открыткой, как проводником и просто дать ей перетащить меня на ваш порог, для того она и предназначена, но я привык совершать такие путешествия самостоятельно. Это и познавательно, и приятно.

Гость говорит громко и как бы для всех, но видно, что обращается он большей частью к Франку, отвечая на его невысказанный вопрос. А потом он переходит на заговорщицкий шепот, который, однако, отлично слышен всем присутствующим:

– Сэр Макс, если ты не бросишься мне на шею, вот прямо сейчас, ты просто лопнешь. Я же вижу, что тебе хочется. И мне, между прочим, тоже. Но сейчас твой ход.

«Да, пожалуй».

Триша так и не поняла, сказал это Макс, или просто подумал, а он уже пересек кофейню, замер у порога, внимательно глядя в лицо нового гостя и вдруг махнул рукой, расслабился и заключил незнакомца в объятия. Ненадолго, зато от души; Трише даже стало немного жаль красивого костюма, но тот оказался из хорошей ткани, совсем не измялся.

– Надо же, сэр Джуффин Халли собственной персоной, да еще и в маске Доброго Дядюшки, не наваждение какое-нибудь дурацкое. Честно говоря, до вчерашнего вечера, пока Франк не сунул мне под нос свои пригласительные открытки, я думал: что-что, а это уж точно невозможно, – говорит Макс.

Гость снисходительно пожимает плечами. Дескать, не преувеличивай.

– Тоже мне великое чудо. Между прочим, никто не мешал тебе навестить меня в Ехо. Я же просил леди Меламори передать: теперь тебе можно все. Не сомневаюсь, что она это сделала. Мир наш уже настолько крепок, что не рухнет ни от твоего присутствия, ни даже от твоих возможных разочарований. Краткий курс древней истории, который я прочитал тебе в Тихом Городе, можешь забыть за ненужностью¹. Теперь это просто очень страшная легенда. Юных послушников Ордена Семилистника пугать – в самый раз, а нам с тобой ни к чему.

– Ага, как же. Боюсь, вы недооценили – то ли меня, то ли древнюю историю. Я один раз попробовал к вам наведаться...

– Это как? Ты был в Ехо?

– Ну да, был. Секунд двадцать, не больше. Кстати, не дайте умереть от любопытства: как вы объяснили себе и Его Величеству исчезновение крыши Мохнатого Дома?

– Да, честно говоря, никак. Очевидной магией там не пахло, продолжения не последовало, поэтому Король отдал приказ построить новую крышу и забыть о происшествии. Ну и я тоже забыл, не до нее было. Хочешь сказать, это твоя работа?

– Ну да. Было дело, раскатал губу: а вдруг действительно можно вернуться в Ехо, да и жить себе, как ни в чем не бывало? Если уж вы неофициальные приглашения передаете через знакомых девушек... Отправился на разведку: распахнул первую попавшуюся дверь, да и шагнул прямехонько на последний этаж Мохнатого Дома, в башню, это же мое любимое помещение, и вид на город оттуда самый замечательный. Счастье, что не кинулся сразу любоваться панорамой. Сперва поднял глаза к потолку, и он тут же стал таять. У меня, к сожалению, очень тяжелый взгляд – с некоторых пор. Хорошо хоть я быстро сообразил, в чем дело, поэтому без жертв обошлось, только крыша успела исчезнуть. Я спешно зажмурился, шмыгнул в Хумгат², как мышь в норку, оттуда домой и в Ехо больше не возвращался.

¹ В повести «Тихий город» и изложен, собственно, этот самый «краткий курс».

² Хумгат – так на древнем языке Хонхоны называлось неопишное место, известное современникам как Коридор между Мирами. Впрочем, современники и сами часто используют этот древний термин, одни из пижонства, другие потому, что одно слово гораздо короче трех.

Красивый город, жалко стирать его с лица земли... Так что тут вы крепко промахнулись. Меня к Ехо на пушечный выстрел подпускать нельзя. И, боюсь, другие города Мира для меня тоже закрыты. Во всяком случае, не хочу рисковать.

– Ничего себе новость! Мне и в голову не приходило, что такое может быть, – хмурится Джуффин. – Надо будет разобраться. Очень любопытно... Ты погоди, я подыщу какое-нибудь разоренное войной селение, которого не жалко, попробуешь еще раз.

– Делать мне больше нехрен, такие эксперименты устраивать, – ворчит Макс. Но, в общем, уже видно, что уговорить его будет не очень трудно.

Триша только теперь поняла, что стоит как дурочка с открытым ртом – вместо того, чтобы варить гостям кофе. Хорошая хозяйка, нечего сказать! Впрочем, не одна она такая, тут даже Франк немного растерялся, а Макс и новый гость разглядывают друг друга так, словно перед каждым не человек с двумя руками, двумя ногами и головой, а чудище неведомое тысячехвостое. И только сероглазая Меламори взирает на происходящее с царственной снисходительностью. Дескать, подумаешь, великое дело. Ну, Джуффин. Я его на службе изо дня в день столько лет видела, рассказывала же вам вчера, как он в меня подушкой запустил, зато потом бутербродом поделился, а вы переполошились, смешные люди.

Как только Триша принялась греметь посудой, обстановка в кофейне разрядилась. Она всегда чувствовала, что это как-то связано: когда в помещении начинают готовить, присутствующие вдруг успокаиваются и расслабляются, почти поневоле. Вот и сейчас так вышло. В общем, и раньше никто не собирался затевать ссору, но воздух звенел от напряжения, а теперь – ну просто семейная вечеринка, не то дети из летнего лагеря вернулись, не то отец из кругосветного путешествия, не то призрак прадеда из фамильного склепа зашел на огонек. Все вдруг засияли улыбками и заговорили одновременно и очень дружелюбно.

– Франк, – говорит Макс, – это сэр Джуффин Халли. Ты вчера смеялся над нами: дескать, самые лучшие люди выдуманные, – так вот, этот джентльмен в свое время утверждал, будто сочинил меня, от макушки до пяток, со всеми потрохами, прикинь. Значит, этому Городу он приходится кем-то вроде дедушки, а тебе чуть ли не кумом, так, что ли?..

– Когда тебе надоест натужно шутить на эту тему, можешь начинать рассказывать своим приятелям, что это ты выдумал меня, – говорит Джуффин. – Я не обижусь. Кстати о твоих выдумках, любопытно тут у вас местечко. Сколько видел разных Миров, но ничего похожего мне пока не попадалось...

– Сейчас мне надерут уши за то, что до сих пор не вернулась на службу, – почти мечтательно говорит Меламори, а нарядный гость поворачивается к ней, ухмыляется и грозит длинным тонким пальцем: дескать, с тобой мы еще разберемся, юная леди.

– Давайте-ка пить кофе, – говорит мудрый Франк, потому что видит: Триша уже снимает с плиты четыре джезвы и ставит на их место новую партию. Чего-чего, а кофе им сегодня понадобится много. Даром, что ужин готов, с ужином спешить нельзя, пусть ждет своего часа.

Они наконец рассаживаются. Новый гость получает место во главе стола – ясно почему. Без истории его отсюда не отпустят, будь он хоть тысячу раз грозный колдун. «Впрочем, не такой уж он и грозный, – думает Триша. – Не в том смысле, что могущества ему не хватает, просто вряд ли этот человек станет тут кому-то «грозить», больно ему надо...»

– М-да, это не совсем камра, – ухмыляется Джуффин, нюхая кофе. – Впрочем, кто бы сомневался, сэр Макс, что месть твоя будет ужасна. Заманил, понимаешь, в гости беспомощного старика и ну его ядами пичкать.

Франк уязвлен. *Не всерьез, конечно, но партию свою, будьте уверены, отыграет как следует. Еще никому никогда в голову не приходило высказываться о фирменном напитке «Кофейной гуици» иначе, как в самых почтительных выражениях.*

– А вы сначала попробуйте, – говорит Триша. – Вдруг вам понравится?

Она сама удивляется собственной смелости, но если эти двое, Джуффин и Франк, начнут сейчас выяснять отношения, это на сколько же отложится история? Небось на целый час...

– Спасибо за совет, моя хорошая, – неожиданно ласково отзывается гость. Подносит чашку к губам, пробует, примирительно заключает: – На самом деле я, конечно, шутил. Это отличный напиток. Просто я привык к другому. Что ж, все к лучшему, привычки следует менять, хотя бы время от времени... Как тебя зовут? Этот величайший колдун всех времен, злодей, каких мало, редкостный растяпа, великолепный сэр Макс нас так и не познакомил.

– Триша. Я... – и она смущенно умолкает, не понимая, что тут можно добавить.

– Ты кошка Франка, да?

– Обычно эту фразу произношу я, – улыбается Франк. Кажется, ему очень приятно, что Джуффин сам все про них понял и сказал. – А гости думают, я шучу.

– Балбесы потому что ваши гости, – добродушно объясняет Джуффин. – Сэр Макс, не смотри на меня с такой укоризной. Когда я отправляюсь в незнакомый дом с дружеским визитом, я надеваю самую приветливую из своих масок. Это просто жест вежливости. По досадному совпадению, именно эта маска обожает над всеми посмеиваться; впрочем, делает это весьма добродушно, как видишь. Ну что ты как маленький? Не первый же день меня знаешь.

– Просто подзабыл некоторые детали, – вздыхает Макс. – Давно все было.

– Тоже мне давно. «Давно» – это тысячу лет назад и больше. А не какие-то несчастные четыре года.

– Кстати о событиях давних и недавних дней, – вкрадчиво говорит Франк. – Если уж вы убедились, что мы угощаем вас... скажем так, не совсем ядом, – Триша чувствует, как он упивается собственным сарказмом, – имейте в виду: у меня плохие новости. За это угощение надо платить.

– Тоже мне плохие новости, – отмахивается Джуффин. – Я не нищий и не скупец. – Он смотрит на Франка с нескрываемым любопытством: – Хотел бы я знать, какие монеты тут у вас в ходу? Интересные должны быть монетки.

– Так, ничего особенного. Истории. Разные правдивые истории, которые вы прежде никому не рассказывали, во всяком случае, не с начала до конца. Не сомневаюсь, вы великий богач и сможете оплатить счет в моем заведении.

– Что ж, пожалуй, – соглашается Джуффин. – Оно и кстати: давненько я никому ничего не рассказывал.

Триша заранее предвкушает его историю и только что вслух не мурлычет от удовольствия.

– Только имейте в виду, ваша грешная открытка настигла меня в конце длинного, хлопотного дня. Я как раз собирался не то завтракать, не то все-таки ужинать. Короче говоря, пожрать впервые за день. Поэтому давайте я и обед оплачу заодно. Угощаю всех присутствующих: специально выберу самую длинную и нудную историю. Договорились?

– Ну, положим, еда у нас всегда за счет заведения, – говорит Франк.

– Ладно, тогда будем считать вторую половину моей длинной истории тоже своего рода угощением. Но пока я чего-нибудь не съем, рта не раскрою.

Вместо ответа Триша ставит перед ним самую глубокую тарелку, на дне которой нарисованы синие рыбы и золотые драконы. Франк торжественно водружает в центре стола котел со своим фирменным супом, в другой руке у него поднос с салатами, он как-

то справляется с этой грудой еды, жонглирует посудой, как бродячий циркач, еще и ложки раздает всем присутствующим, и говорит Трише:

– А ты пока давай-ка принеси часы. Чего мы ждем?

«Чего мы ждем, чего мы ждем, и правда, чего мы ждем?!» – восхищенно бормочет Триша, обшаривая комод в поисках волшебной вещицы.

– Песочные часы тут что надо, – говорит Макс Джуффину. – Вам понравятся.

– Не сомневаюсь.

Триша отдает часы Франку, тот ставит их на стол. Синяя струя льется, дрожит, шуршит, но количество песка в чашах остается неизменным. Гость восхищенно цокает языком.

– Поняли, как они работают? – уважительно спрашивает Франк.

– По крайней мере догадываюсь. Теперь у нас тут свое время, а за стенами этого дома – другое, так? Мы можем часами за столом сидеть, но если к вам вот сейчас придет клиент и станет в дверь стучать, ему покажется, что прошло всего пару секунд, да?

– Вообще ни одной, – улыбается Франк.

– Ну да, ну да... Я слышал о таких вещах, – кивает Джуффин. – Но никогда не видел; впрочем, не сомневался, что они где-нибудь, как-нибудь, да существуют...

– Вы ешьте, – говорит Триша. – Суп-то не за порогом, а здесь, так что остынет, как миленький, если не поторопиться.

Гость улыбается ей, кивает, ест вроде бы неторопливо, но все равно получается быстро: стук, стук ложкой, и опустошил тарелку.

– Вкусно однако, – говорит. – Добавка не мешает. А потом уж отработаю ваше угощение, будьте покойны.

Сероглазая Меламори тоже наворачивает суп с завидным аппетитом, а Франк, как всегда, большие вид делает, за компанию. Триша за него не беспокоится: он-то с утра сыт, небось опять на птиц охотился. Не в Городе, конечно, а в иной какой-нибудь, больше подходящей для охоты реальности. Макс задумчиво возится с салатом, не столько ест, сколько разбирает его на составные части: оранжевые соцветия – отдельно, зелень – отдельно, так и растут разноцветные холмики по краям тарелки. «Вот интересно, – думает Триша, – чем он будет заниматься, когда доведет эту работу до конца?..» Новый гость, надо полагать, тоже задается этим вопросом, косится на Максову тарелку с любопытством и сочувствием.

– Потом, – ласково говорит им обоим Макс, – я снова все это перемешаю. И начну сначала. Спасибо за внимание.

Триша улыбается, Джуффин укоризненно качает головой.

– Да, я знаю, что нам тут не очень нужны слоны, поэтому делать их из каждой случайно под руку попавшей мухи крайне нежелательно, – соглашается Макс. – Тем не менее, этого слона я, пожалуй, доделаю, если уж начал. С вашего позволения, сэр.

– Не знаешь, как теперь со мной быть? – спрашивает Джуффин. – Не хочу навязывать свое мнение, но имей в виду: со мной можно просто дружить. Практика показывает, что друг из меня куда лучше, чем опекун, или, тем более, начальник. Еще из меня обычно получается очень неплохой враг, но тебе не светит, ни при каких обстоятельствах. И не мечтай.

– Когда это я был мечтателем?.. – ухмыляется Макс. – Да нет, все в порядке. С удовольствием узнаю, какой из вас получается друг. Просто мне всегда нужно время, чтобы привыкнуть к новым обстоятельствам, вы же знаете.

– Да-да, как же. Тебе вечно требуется пропасть времени на всякую ерунду. Иногда целых полчаса. Ничего, привыкнешь. Еще и на «ты» перейдешь, рано или поздно. Вот послу-

шаешь сейчас историю о том, какой я был молодой и глупый всего каких-нибудь несчастных сто лет назад, и все как рукой снимет.

– Насчет глупости не уверен, но стариком вас и сейчас назвать трудно, – вmeshивается Франк. – Хотя иллюзия ничего, качественная. Заслуживает уважения.

– Благодарю, я старался, – галантно кланяется Джуффин. И поворачивается к Трише: – Не гляди на меня так, милая, а то у меня одежда задымится от твоих ожиданий. Сейчас начну рассказывать. Вот еще полтарелки этого вашего роскошного супа, и... Верь мне!

И ведь действительно. В два счета покончив с супом, гость набивает трубку, пробует кофе – сперва из вежливости, потом делает еще глоток, с заметным интересом, и еще один, с видимым удовольствием. А закулив, приступает к рассказу, как и обещал.

* * *

События, о которых я собираюсь рассказать, происходили в самом начале Эпохи Кодекса. Если хотите представить, что это были за времена, надо понимать вот что: столетняя война всех против всех, известная как Смутные Времена, уже закончилась, но настоящим миром пока не пахло, да и жизнь еще толком не наладилась.

То есть официально-то считалось, что и пахнет – будь здоров, и наладилось так, что любо-дорого глядеть. Об этом очень много и пафосно говорили. Хорошо хоть в газетах не писали, благо их будущий создатель сэр Рогро Жииль в ту пору как раз отдыхал в одной из самых комфортабельных камер Королевской тюрьмы Холоми за уличную драку с применением шестьдесят девятой, если не ошибаюсь, ступени Черной и Белой магии одновременно. То есть газетам еще только предстояло быть придуманными и воплощенными, а мы распрескрасно жили себе без них – горя, между прочим, не знали.

Верить официальным заявлениям Короля и Магистра Нуфлина о наступлении прекрасной мирной эпохи и всеобщего благоденствия было легко и приятно – пока сидишь, скажем, на совещании в королевском Замке Рулх, слушаешь ребят из Ордена Семилистника, глядишь на благостные физиономии своих, с позволения сказать, соратников. Ну и наслаждаешься мирной жизнью на полную катушку. Часа полтора кряду наслаждаешься, пока не выйдешь на улицу, где на ближайшем перекрестке валяется труп Младшего Магистра мятежного Ордена Лающей Рыбы, а в погребе соседнего трактира прячется его убийца, бывший послушник ничуть не менее мятежного Ордена Ледяной Руки. Между делом выясняется, что на чердаке этого дома таится привороженный бывшими хозяевами фэтан³, а на заднем дворе на дереве вахари сидит лиловая собака с перепончатыми крыльями и лицом Его Величества Гурига Седьмого. Это у нас, не подумайте дурного, окрестная детвора с утра Запретной магией баловалась. Хорошие детки подрастают, храбрые, талантливые и умелые. Пороть их уже поздно, в Холоми сажать рано, а оставить все как есть Кодекс Хрембера не велит – при моем участии, между прочим, писанный. И, да, с фэтаном надо разобраться безотлагательно, не говоря уже о мятежном послушнике, а потом можно вернуться на службу и наконец заняться делом.

Все это, учтите, творилось не где-нибудь, а в столице, где с первого дня Эпохи Кодекса существовал и – худо ли, хорошо ли, но работал Тайный Сыск, во главе которого стоял ваш покорный слуга. А репутация у меня была та еще. Все же единственный наемный убийца,

³ *Фэтан* – дух обитателя другого Мира, вынужденный быть помощником (и рабом) призвавшего его чародея. Даже в Эпоху Орден фэтаны появлялись очень редко, поскольку по мере обучения они становятся не только полезными, но и опасными. Чем дольше фэтан проживет, тем могущественнее он становится. Рано или поздно он непременно попытается восстать против призвавшего его мага и забрать его тело. Фэтан питается жизненной силой спящих людей, поэтому его присутствие в доме чрезвычайно опасно для ближайших соседей.

который прослужил в этом качестве с первого дня войны за Кодекс до самого конца, и мало того что выжил, угробив пару сотен выдающихся колдунов своего времени, а еще и получил назначение на государственную службу вместо пожизненного заключения в Холоми, к немалой досаде большинства моих бывших заказчиков. Конечно, не все горожане верили, что я ем людей живьем и без соли, но мало кто сомневался, что я умею их готовить; из уст в уста передавался полный список специй, которые я регулярно закупая на Сумеречном рынке для кулинарных манипуляций с трупами врагов. Странная идея, но хорошая, даже немного жаль, что не я сам распустил эту сплетню.

Что при этом творилось в других городах Соединенного Королевства, где вместо грозного, страшного и ужасного меня порядок наводили старательные, но неопытные начальники местных отделений Тайного Сыскного войска – можете себе представить. Это потом я их вымуштровал так, что любо-дорого глядеть, а в ту пору ребятам приходилось ограничиваться возможностью прислать мне зов и получить толковый совет, последовать которому, впрочем, мало кто был способен. Но хуже всего, что их совершенно не боялись. Осужденные на изгнание магистры мятежных Орденов с превеликим удовольствием отсиживались на окраинах Соединенного Королевства и даже не помышляли о заграничном путешествии. Это делало ситуацию в провинции практически непредсказуемой. В столице же она непредсказуема по определению – была, есть и будет, ничего не попишешь. И все же первые годы Эпохи Кодекса – это было нечто выдающееся!

Словом Соединенное Королевство в ту пору представляло собой огромный Приют Безумных. А знахарей ощутимо не хватало.

Главным знахарем, собственно, был я. На следующий день после принятия Кодекса Хрембера покойный Гуриг Седьмой предложил мне на выбор два варианта: возглавить Тайный Сыск, или выметаться в изгнание подобру-поздорову. И правильно: а что еще делать с наемным убийцей, собственноручно прикончившим добрую половину врагов Короля по, скажем так, *негласному* Королевскому указу. А если еще точнее, никаких указов не было, а только так называемые *дружеские просьбы*, произнесенные не то что без единого свидетеля, а и вовсе не наяву. Ну да, старый Король имел обыкновение сниться мне, когда ему приходила охота обсудить дела. А что вы хотите, он был человек старой школы и знал толк в настоящей конспирации, не то что нынешние оболтусы, рядом с которыми я и сам изрядно расслабился.

Впрочем, платил за работу старый Король всегда наяву. Следует отдать ему должное.

Мне было что противопоставить этому ультиматуму, но предложение Короля пришлось как нельзя более кстати. Во-первых, я отлично понимал, что Кодекс Хрембера писали не для проформы, а по большой нужде – и кто, если не я, скажите на милость, способен усмирить нарушителей?! А во-вторых, я сразу смекнул, что теперь, когда все магические ордена, кроме Ордена Семилистника истреблены и создание новых строго запрещено, такая организация, как Малое Тайное Сыскное войско – единственная возможность совершенно легально собрать под свое крыло нескольких самых талантливых колдунов Соединенного Королевства. Не сразу, конечно, постепенно. Нечего и говорить, что такая перспектива чрезвычайно мне нравилась.

То есть если бы старый Король не втемяшил себе в голову, что Кеттарийский Охотник должен чудесным образом превратиться в «господина почтеннейшего начальника», мне пришлось бы добиваться этой должности угрозами, обещаниями, шантажом и колдовством. Но не понадобилось. Я не слишком старательно изобразил душевную борьбу, довольно вяло (но чрезвычайно успешно) поторговался и, наконец, позорно сдался, согласившись на неограниченные полномочия и самое высокое жалованье за всю историю Соединенного Королевства.

Словом, Его Величество Гуриг Седьмой упивался своей победой, а я – своей. Все были довольны, и только Великий Магистр Ордена Семилистника Нуфлин Мони Мах зубы

в крошку стер от злости. По крайней мере, так рассказывал сэр Йоша Малахатис, тогдашний главный Орденский знахарь. Клялся, что ему пришлось собственноручно выращивать Мони Маху новые резцы – а ведь это почти самый хитроумный знахарский фокус. Отрубленную голову на место вернуть – и то легче. По крайней мере, с головой я и сам отлично справлюсь, если чужая и отрублена не больше минуты назад, а за зубы и браться не стану. Ну их к Темным Магистрам.

Первое, что я сделал, войдя в должность – торжественно замирился с сэром Кофой Йохом, тогдашним начальником Городской Полиции Правого Берега. Пригласил его в свой, только что отстроенный особняк на Левом Берегу Хурона, накормил обедом из сорока восьми, если не ошибаюсь, блюд, проиграл ему одну за другой пять партий в крак, предался сентиментальным воспоминаниям и, глазом не моргнув, соврал, будто одна из его попыток меня арестовать лишь чудом не увенчалась успехом. Наконец, ошалев от собственной наглости, выпалил: «А не хотите ли теперь послужить Королю под моим началом?»

Впрочем, уговорить Кофу оказалось вовсе не так трудно, как я предполагал, мне даже ворожить не пришлось. Сэр Кофа – человек проницательный и здравомыслящий, сразу сообразил, что к чему, и не стал делать вид, будто ему неприятно работать под началом бывшего государственного преступника. Ну, то есть минут пять он все же с горем пополам прикидывался, что оскорблен в лучших чувствах, но, честно говоря, не слишком старался. А когда узнал, что его жалованье будет всего на дюжину корон в год меньше моего, махнул рукой на эти самые лучшие чувства, и на худшие тоже махнул, благо отродясь не испытывал ни тех, ни других, и тут же сел самолично составлять контракт. Надо отдать ему должное, мне ни разу не довелось пожалеть о своем решении. В ту пору архив, населенный мудрыми буривахами, числился среди планов на отдаленное будущее, даже Куруш завелся у меня немного позже, поэтому Кофины знания и связи оказались для нас настоящим спасением. О его могуществе, опыте и чрезвычайно полезных навыках я уже и не говорю.

Кроме нас с Кофой в Малом Тайном Сыском войске с первого дня состоял сэр Шурф Лонли-Локли, который в ту пору носил Мантию Смерти и пускал в ход свои убийственные перчатки по дюжине раз на дню, а не пару раз в год, как нынче. Еще имелся сэр Тотохатта Шломм, один из лучших Мастеров Преследования, каких мне доводилось встречать. Тотохатта мог идти по чужому следу, не разуваясь, к тому же он умел виртуозно регулировать самочувствие своей жертвы. Скажем, если просто безобидного свидетеля надо разыскать и на допрос привести, так тот и не почувствует ничего, кроме тяжести в затылке, а если речь пойдет об аресте опасного преступника, злодей этот немедленно брякнется на землю парализованный, да еще и с зубной болью, чтобы не было скучно Тотохатту ждать. Эта парочка, Шломм и Лонли-Локли, были большими друзьями, прекрасно дополняли друг друга и работали столь эффективно, что мне поневоле пришлось заделаться кабинетным мыслителем: с погонями и убийствами они и без меня неплохо справлялись. Сидеть в кабинете и отдавать приказы – это был для меня новый, совершенно фантастический опыт. Никогда бы не подумал, что способен с этим справиться, но человеку вообще свойственно недооценивать свои возможности. Даже мне.

Для пущей остроты ощущений ко мне был приставлен так называемый «личный секретарь», очень славная юная леди из Семилистника. Магистр Нуфлин употребил все свое влияние и настоял, чтобы при мне неотлучно находился представитель Ордена – мало ли что я выкину? Ну а его соратница леди Сотофа Ханемер, которая по сей день остается моим лучшим другом, тоже употребила все свое влияние и пристроила на эту собачью работу свою любимую ученицу. Ее звали Ренива Калайматис, и она оказалась настоящим сокровищем. В перерывах между изготовлением докладов Орденскому начальству (это были настоящие фантастические поэмы о моем безупречном поведении) Ренива успевала перелопатить

добрую половину ежедневной рутины, пересказать свежайшие придворные и Орденские сплетни и более-менее остроумно высмеять мои оплошности – в ту пору мне еще удавалось время от времени их совершать. К сожалению, несколько дюжин лет спустя Орден Семилистника признал меня чуть ли не самым благонадежным из граждан, и Ренива вернулась в Иафах, а я принялся искать себе заместителя.

Но в те дни о заместителе и речи не было. Считалось, что меня одного вполне достаточно, чтобы привести столицу Соединенного Королевства в порядок, а четверо помощников – это уже почти перебор. Понятно, что в особо сложных ситуациях я мог получить в свое распоряжение целый отряд – хоть полицейских, хоть королевских гвардейцев, хоть Младших Магистров Семилистника. Но слава полководца никогда меня не прельщала, и я старался обходиться собственными силами. Обычно это получалось.

Все это я к тому, чтобы вам было хоть немного ясно, как страстно я мечтал об отпуске – после одиннадцати лет такой вот развеселой жизни без единого Дня Свободы от забот. Потому что если бы не мое желание хоть немного отдохнуть, ничего бы и не случилось. То есть случилось бы, конечно, но несколько позже, и, пожалуй, не лично со мной, а со всем Соединенным Королевством. Мало бы никому не показалось, в этом я совершенно уверен.

Но ладно, буду рассказывать по порядку.

Предпоследнее утро одиннадцатого года Эпохи Кодекса было омерзительно солнечным и теплым. То есть с точки зрения человека, который не спал трое суток, ничего хуже, чем солнечное и теплое зимнее утро, не придумаешь, а так-то я бы ему, пожалуй, порадовался. Но в преддверии Последнего Дня года Малое Тайное Сыскное войско спешно писало отчет о своей деятельности, а я, с позволения сказать, руководил этим увлекательным процессом. Повезло только Лонли-Локли: в Ехо вдруг объявился целый выводок гигантских плотоядных червей, этакий новогодний подарок от одного мстительного Старшего Магистра Ордена Стола на Пустоши, который не поленился тайно вернуться из изгнания и заполнить улицы столицы своими очаровательными шестиметровыми питомцами – все это, надо понимать, только для того, чтобы помочь сэру Шурфу вырваться из моего кабинета на волю. Парень гулял по городу, подставляя лицо солнечным лучам и свежему ветру, и, между делом, со свойственной ему педантичностью истреблял эту пакость. Его приятель Тотохатта Шломм быстренько доставил к моим ногам виновника прискорбного происшествия и снова был усажен за письменный стол, рядышком с Кофой и Ренивой. Будь моя воля, я бы еще три дюжины человек за этот самый стол усадил, да где ж их взять? Тотохатта, никогда не отличавшийся ни усидчивостью, ни склонностью к кабинетной работе, громогласно стонал, проклиная все на свете, то и дело вспоминал свою прабабку, которая предрекла ему короткую жизнь, и почти серьезно обещал скончаться вот прямо здесь и сейчас, в моем кабинете.

– Невелика беда, – огрызался я. – Оживить покойника не так трудно, как кажется. Имей в виду: оживлю и заставлю закончить работу, а потом похороню с почестями.

Кофа ухмылялся в усы, которые в тот день красовались на его очередной фальшивой физиономии, пригодной для посещения зланных мест столицы, леди Ренива укоризненно качала головой и подливала страдальцу камры, а Тотохатта скрежетал зубами, но самопишущие таблички на пол не швырял, а мне того и требовалось.

Вам может показаться, что я преувеличиваю наши трудности. Дескать, долго ли отчет составить, когда к вашим услугам самопишущие таблички? Никакой тебе черной работы, не надо терзать перо и пачкать бумагу: положил ладонь на табличку, сосредоточился на содержании документа, и готово. Вообще непонятно, зачем вчетвером страдать, тут и в одиночку справиться можно.

Как бы не так.

Если хочешь записать для памяти свежие впечатления, или свои соображения по какому-то поводу, самопишущая табличка действительно настоящее сокровище. Но отчеты, которые мы вынуждены в конце каждого года отправлять Королю – совсем другое дело. В дурацких бумажках такого сорта, как известно, форма гораздо важнее содержания, а ошибки недопустимы, поэтому, прежде чем класть руку на самопишущую табличку, следует предельно сконцентрироваться, создать идиотский документ в собственном воображении, и только потом позволить этой ерунде материализоваться во всей своей красе. Адская работа, особенно если не привык к ней с детских лет, а потомственных придворных бюрократов в Тайном Сыске, увы, не было. Сейчас-то я уже набил руку, могу приличный отчет между двумя кружками камры состряпать, а тогда, в первые годы службы, случалось и по дюжине табличек кряду портить. Вы не поверите, но некоторые люди, оказывается, думают с грамматическими ошибками. Пишут правильно, а мыслят, пропуская знаки препинания, буквы и даже целые слова. Сэр Макс помнит небось, как я над ним в таких случаях смеялся – и хвала Магистрам, что он не видел моих первых опытов в жанре придворного отчета. Плакал бы мой авторитет, и никакие чудеса его не спасли бы.

Поэтому мне приходилось усаживать за работу всех своих подчиненных. Самое досадное, что из всех нас один лишь сэр Шурф Лонли-Локли обладал качествами, необходимыми для составления отчетов, в этом парень с самого начала был на голову выше меня – но именно для него всегда находились совершенно неотложные дела.

Работали мы так. Леди Ренива разбирала самопишущие таблички, скопившиеся в моем кабинете с начала года. Пустяковые заметки откладывала в сторону, прочие аккуратно раскладывала по степени важности и в хронологическом порядке. Мы же переписывали их, с позволения сказать, набело, то есть приводили в такой вид, чтобы личный секретарь Его Величества не вернул трехпудовый тюк с отчетом на переделку. Что он скорчит кислую физиономию и станет придирается ко всякой запятой, было ясно с самого начала, тут уж ничего не попишешь. Кто ж знал, что следовало укокошить эту скотину за компанию с какими-нибудь придворными заговорщиками в Смутные Времена. В ту пору он казался таким безвредным...

Это нынче молодой Король укротил свою свиту так, что они слова поперек не скажут – ни мне, ни, тем более, ему. А при Гуриге Седьмом придворные нравы были суровые. Как он сам это терпел, ума не приложу. Нормальный ведь был мужик, весельчак, храбрец и умница, каких мало, но эти дармоеды веревки из него вили.

Впрочем, ладно.

Разбирая мои записи и почту – я ведь для полного счастья еще и отчеты из провинций получал, занимательная была литература – леди Ренива не только помогала мне подводить итог уходящего года, но и составляла планы на ближайшее будущее. Всегда непременно выяснялось, что кое о чем я забыл, или сознательно отложил на потом, да так и не успел снова взяться, или в отчетах своих провинциальных коллег пропустил любопытную информацию. Ну, честно говоря, я редко пропускал что-то по-настоящему важное. То есть почти никогда. Но у Ренивы было хобби, она азартно коллекционировала мои нечастые промахи, и это не раз приносило ощутимую пользу – если не делу, то мне самому.

Утром того дня, когда мы засели за отчет, я уединился со своей дотошной помощницей и дал ей весьма непростое поручение.

– Делай что хочешь, Ренива, – сказал я, – хоть в лепешку разбейся, хоть Запретную магию применяй, но найди мне как минимум одну серьезную проблему за пределами Ехо. В Ландаланде, в Гугланде, да хоть в графстве Вук, на границе с Пустыми Землями, но чтобы проблема была!

– Какого рода проблема вам требуется?

– Любая сойдет. Лишь бы эта проблема требовала моего личного вмешательства.

Ренива уж на что была невозмутима и ко всему привычна, но тут удивленно приподняла бровь. Дескать, что это с тобой случилось, дорогое мое начальство? Никак по работе истосковалось? Рехнулось совсем? Дома тебе мало проблем?

Я решил быть с нею честным.

– Я устал, Ренива. Мне надо отдохнуть, хотя бы пару дней. Выспаться, подумать, да просто побыть одному. Ты не хуже меня понимаешь, что это совершенно невозможно – сейчас и, боюсь, в ближайшие годы. Но представь себе, как славно можно выспаться в дороге!

– А, – с облегчением кивнула она. – Теперь ясно. Хорошо. Будет вам проблема, сэр. На худой конец сбегаю куда-нибудь Темным Путем, натворю чего-нибудь, поколдую как следует, замету следы, к обеду вернусь.

– Я знаю, что могу на тебя рассчитывать. Но сначала все же поройся в отчетах. Не хотелось бы отправлять тебя в Холоми.

– Вы не понимаете. Представляете, как можно выспаться в Королевской тюрьме? – вздохнула она.

Надо отдать должное Рениве, на моей памяти это была ее первая и последняя жалоба на усталость.

После этого разговора Ренива изучала отчеты из провинций с особым тщанием. И после обеда, когда к стенаниям Тотохатты прибавилось брюзжание Кофы, а я всерьез собрался вернуть Лонли-Локли в Дом у Моста – и Магистры с этими недобитыми плотоядными гигантами, пусть себе ползают по столице еще сутки! – моя помощница с облегчением вздохнула, потом поспешно нахмурилась и с приличествующей моменту суровостью сообщила:

– Кажется у нас проблемы в Гажине, сэр. Хотелось бы мне ошибаться, но...

– Как вовремя! Только проблем в Гажине нам не хватало, – проворчал я, умело скрывая ликование. – Что там у них стряслось?

На самом-то деле я был готов пуститься в пляс. Вольный город Гажин, надо же! Туда в лучшем случае трое суток добираться, если найти очень хорошего возницу и подменять его время от времени, чтобы не останавливаться на отдых. Ну или на корабле по Хурону, а потом морем, вдоль берега, но так, пожалуй, еще дольше получится. В общем, красота. Ну и сам Гажин не худшее место для отдыха – большой, богатый, шумный, гостеприимный, как все портовые города. А проблема – ха, можно подумать! Заранее не сомневаюсь, пустяк какой-нибудь, особенно по сравнению с составлением годового отчета.

– Что у них там стряслось, сказать сложно, – Ренива продолжала хмуриться и, кажется, даже не слишком притворялась. – Но отчет начальника Тайного Сыскного войска Гажина – такое нелепое вранье, что я, честно говоря, не могу представить, зачем ему это было надо? Я даже сперва поискала, не приложена ли к отчету табличка с запиской: «Правда, я хорошо пошутил?» – или что-то в таком роде. И другой отчет, настоящий. Но нет, никаких записок. Странно. Сэр Голех Облона всегда был таким положительным, надежным, аккуратным, все бы так...

– А что там, собственно, с его отчетом?

– Фальсификация от начала до конца. Причем совершенно нелепая, никому не нужная фальсификация. Раз в четыре дюжины дней сэр Облона, как положено, отправлял нам краткий рабочий отчет о текущих делах. Насколько я помню, ничего особо ужасного у них не происходило, но почти в каждом отчете фигурировала парочка заколдованных трупов, с полдюжины неведомых чудищ, несколько более безобидных нарушений Кодекса Хрембера и всякие прочие мелочи – не удивительно, город-то большой! Но и ничего такого, с чем тамошняя команда не могла бы справиться самостоятельно. А теперь поглядите на этот отчет! Тут говорится, что за истекший год в Гажине не было совершено ни единого пре-

ступления, попадающего под юрисдикцию Тайного Сыска. Бред какой-то. Нет, чтобы похвастаться достижениями и получить заслуженную Королевскую награду...

И правда бред. Я и сам презрительно удивился. Дело в том, что Голех Облона был моим старым – не другом, конечно, но почти приятелем. В Смутные Времена он занимал незначительную должность при Королевском Дворе, был кем-то вроде старшего помощника младшего секретаря и порой работал на меня, добывая полезную информацию, которой Его Величество Гуриг Седьмой делился крайне неохотно даже с союзниками. Между делом я успел обучить парня нескольким опасным фокусам – талантом он не блистал, но был усерден – и даже проверить в деле. На меня регулярно устраивали какие-то нелепые засады, просто дня потерпеть не могли. Ну вот и Голех рядом со мной пару раз влип – и ничего, держался молодцом, совершенно не мешал мне спасать его шкуру, а это мало о ком можно сказать. Собственно, именно поэтому я и рекомендовал его на должность начальника Гажинского Тайного Сыска. Все же, можно сказать, бывший ученик, смерти в глаза заглядывал, пусть даже из-за моего плеча – не так уж мало.

И кому как не мне было знать, что тщеславие – самое слабое место Голеха. Этот чудак мечтал о Королевской награде с первого дня вступления в должность, из кожи вон лез, приукрашивая в ежегодных отчетах свои заслуги. Ни на секунду не сомневаюсь, что он папу с мамой в Холоми упек бы, если бы за их головы была обещана хоть какая-нибудь жалкая почетная грамота. И тут вдруг он отправляет нам отчет, в котором пишет, будто бездельничал в течение всего года – при том, что на самом-то деле работал, как проклятый. Поступить так, оставаясь в здравом уме, он не мог, в этом я не сомневался. С другой стороны, если бы Голех сошел с ума, запах безумия немедленно привлек бы внимание окружающих: начальник Тайного Сыска, столичного, или провинциального, должность публичная, такой человек всегда на виду. Выходит – что? Околдовали его, не иначе.

– Это действительно странно, – сказал я.

Слово «действительно» произнес с особым выражением, глядя в глаза Ренивы, чтобы поняла: речь уже не о том, чтобы дать мне хорошенько отоспаться в каюте, или на заднем сиденье амобилера. Об этой идее, в любом случае, следовало забыть. По всему выходило, что в Гажин мне придется отправляться Темным Путем. Несколько секунд, и я на месте. Обидно, конечно, но ничего не попишешь. Околдованный начальник Тайного Сыска – бедствие похуже землетрясения и наводнения вместе. Впрочем, я не терял уверенности, что смогу отоспаться в ходе расследования. Или задержаться на денек в Гажине после того, как разберусь с делами. Все-таки ритм жизни там совсем не тот, что в столице, а одно, пусть даже самое запутанное дело не идет ни в какое сравнение с нашим обычным бардаком.

Самое досадное, что я не мог отправиться в Гажин прямо сейчас. Даже если бы Голех Облона сам прислал мне зов и слезно взмолился о помощи, я не смог бы оказаться рядом с ним прежде, чем покончу с писаниной. Это нынешний Король справедливо полагает, что годовой отчет не самая важная вещь на свете, и с ним вполне можно подождать, если стряслось нечто из ряда вон выходящее, например, Дух Холоми проснулся, или, скажем, очередное нашествие Одиноких Теней случилось. А при его папаше порядки были строгие. То есть если бы вдруг выяснилось, что в Последний День года Мир рухнет, это означало бы, что я просто должен представить свой годовой отчет Его Величеству днем раньше. И никаких послаблений. Суровые послевоенные нравы.

Удивительно еще, что враги Короля и Ордена Семилистника не пронюхали, что в последние дни года я намертво прикован к письменному столу, так что столицу можно брать голыми руками. Я бы на их месте ушами не хлопал.

Окинув взором кипы все еще не оформленных документов, я чуть было не отказался от надоевшего мне чувства досады в пользу праведного гнева, благо это настроение взбадривает не хуже гимнастики. Но тут дверь моего кабинета распахнулась, и вошел Шурф Лонли-

Локли. Надо понимать, с плотоядными червями было покончено. Сэр Шурф парень обстоятельный, дела на середине не бросает. По выражению моего лица он сразу понял, что тут творится, молча уселся на стул у окна и принялся за работу. Самопишущие таблички мелькали в его руках так, словно он тасовал карты. Это зрелище оказало на меня столь умиротворяющее воздействие, что я вручил ему кружку горячей камры. От сердца, между прочим оторвал. Пока еще курьер из «Обжоры Бунбы» с очередным кувшином притащится...

Благодаря вмешательству Лонли-Локли отчет был готов уже через час после заката. Я отпустил ребят по домам, набил трубку, устроился поудобней в кресле и вознамерился хорошенько поразмышлять. Но вместо этого мирно уснул, прижимая к груди последнюю самопишущую табличку. Кофа, который великодушно явился подменить меня через пару часов после полуночи, утверждал, что я гладил ее, как только что обретенную возлюбленную.

Зато утром мой ум был ясным, как на войне, а тело звенело от нетерпения, требовало немедленно занять его каким-нибудь веселым делом. Лучше всего как следует поколдовать, да вот хоть на Темную Сторону прогуляться. А на худой конец – просто побегать. Теоретически можно было бы распахнуть дверь в Хумгат, шагнуть наугад в первый попавшийся необитаемый мир и бегать там в свое удовольствие, пока собственным сердцем не поперхнешься, но у меня есть железное правило: не уладив дела, в неизвестность без крайней нужды не соваться. В те дни это было почти равносильно зароку вовсе не соваться в неизвестность без этой самой крайней нужды. Дел на меня свалилось столько, что уладить удавалось хорошо если половину.

Поэтому я в очередной раз сказал себе: «не сегодня». После чего быстренько привел себя в настроение, наиболее подходящее для посещения официальных инстанций, вполне правдоподобно нахмурился, залпом осушил кружку камры, погрузил в служебный амобилер тюки с табличками и отправился в Замок Рулх – сдаваться.

Впрочем Его Величество Гуриг Седьмой остался доволен нашим отчетом, мне даже потаенную ярость изображать не пришлось, а ведь прежде только она и заставляла Короля оставлять свои замечания при себе. И даже этот мерзавец, его секретарь, скорчил не самую паскудную из рож. Уж я-то знаю, что старик способен на большее.

Я хотел было выйти вон и убраться восвояси, но Король на радостях представил меня к ежегодной награде, так что пришлось болтаться в замке еще три часа, дожидаясь окончания торжественной церемонии. Говорю же, все мои бывшие авантюры ни в какое сравнение не шли с подвигами, которые мне приходилось ежедневно совершать на Королевской службе.

Покончив наконец с каторжными работами, положенными мне по рангу, я отправился в Дом у Моста, собрал всех своих сотрудников и торжественно объявил, что теперь им придется какое-то время выкручиваться без меня.

– Это как? – изумленно спросил Кофа.

Остальные молча сверлили меня глазами. Немудрено: это была первая моя отлучка за, страшно сказать, одиннадцать лет. Разве что на Темную Сторону несколько раз уходил. Мне всегда удавалось вернуться уже через несколько часов, хотя гарантий в таком деле не бывает, некоторые на полгода застрять там умудряются.

Я это все к тому, что ребята привыкли: я всегда сижу у себя в кабинете. А некоторые привычные вещи постепенно начинают казаться не просто неизменными, но даже необходимыми для выживания. Земля – твердая, небо – сверху, Джуффин – в своем кабинете. Ну или где-то поблизости, в «Обжоре Бунбе», например, обедает, скоро вернется. В крайнем случае, дома, на Левом берегу, но до этого, честно говоря, редко доходило. И вдруг я куда-то собрался, на целых несколько дней – кошмар, мир рушится!

Я собрался было сделать вид, что сержусь, но передумал. Ругать людей имеет смысл, только когда видишь, что это пойдет им на пользу. А сейчас явно был не тот момент, и я решил, что практичней будет оставаться в роли сытого, добродушного босса.

– Как-как, – я пожал плечами. – Обыкновенно. Не думаю, что лично вам, Кофа, будет труднее, чем в Смутные Времена. Все примерно так же, только за мной гоняться не нужно. Это ж какая гора с плеч!

– Да уж, – вздохнул Кофа. Но вместо того, чтобы приободриться, окончательно скис.

– Всего-то пару дней меня не будет, – сжалился я. – Ну, полдюжины, от силы. И Ренива тут останется, а она в курсе всех дел. И потом, я же не говорю, что мне нельзя будет послать зов. Это – всегда пожалуйста.

– Все-таки едете в Гажин? – деловито спросила леди Ренива.

– Ну да. Только я не еду, времени нет кататься. Отправлюсь сегодня же вечером Темным Путем, поговорю с Голехом по-приятельски, погляжу на него... Может быть, завтра уже вернусь – если пойму, что произошло недоразумение.

– А просто зов ему послать? – проворчал Кофа. – Зачем туда-сюда мотаться, если Безмолвную речь, хвала Магистрам, пока не запретили?

Я укоризненно покачал головой. Надо же! Старый, опытный человек, бывший начальник Городской Полиции, а элементарные вещи не понимает. Когда подозреваешь, что с человеком что-то не так, нужно просто посмотреть ему в глаза. Безмолвная болтовня тут ничего не прояснит, хоть ночь напролет беседуй.

Впрочем я не стал говорить все это вслух. Кофа не дурак, сам сообразит, что ерунду сказал. Не сейчас, так завтра. А сейчас – какой с человека спрос? Он устал. Все же Последний День года, не хрен собачий, как любил говаривать присутствующий здесь сэр Макс.

Устали, впрочем, все. Предложение отложить праздничный ужин до моего возвращения висело в воздухе, и когда я его озвучил, ребята вздохнули с облегчением. Я отпустил всех спать. Причем железный, казалось бы, сэр Шурф выскочил из моего кабинета первым, хотя сидел дальше всех от выхода. Моя школа. Я уже тогда знал, что парень далеко пойдет.

Я же остался в своем кресле и отправил зов в «Обжору Бунбу». Хороший дружеский ужин в полном одиночестве – что может быть лучше? Дождавшись заказа и проводив курьера к выходу, я запер дверь на ключ, достал из потайного ящика книгу опального профессора Фирука Носалы «Нелепости древней истории» и устроил себе такие каникулы, о каких и мечтать не смел. На целых три часа. Мог бы и дольше развлекаться, да надоело. Хорошего понемножку.

Сборы в дорогу отняли у меня минуты полторы. Я проверил, заперт ли сейф, положил в карман теплого лоохи полную пригоршню корон, надел тюрбан и сунул за пазуху недочитанную книгу: мало ли, вдруг минутка свободная случится? Потом распахнул окно, да и был таков. Я его знатно заколдовал, это самое окошко, в первый же день службы. Никто не может влезть в него с улицы или, напротив, выбраться наружу и при этом остаться в живых. Зато для меня тут открывается мой личный Темный Путь, да не в какое-то конкретное место, как это у наших, с позволения сказать, могущественных колдунов принято, а куда пожелаю. Я и так откуда угодно могу мгновенно исчезнуть, не вопрос, но с окном гораздо удобнее. А я люблю комфорт – в том смысле, что силу по пустякам не трачу.

Миг спустя я уже стоял в просторной гостиной моего старого приятеля, а ныне начальника Малого Тайного Сыскаго войска Вольного города Гажина. На мое счастье Голех Облона еще не отправился спать, хотя в Последний День года люди обычно валяются с ног сразу после обеда; это дань не столько древней традиции, сколько насущной потребности. В конце года все бросаются приводить в порядок свои дела, и большинству приходится в несколько дней проворачивать работу, распланированную на год, так уж устроен человек,

ничего не попишешь. Немудрено, что, покончив с делами, люди падают замертво и спят, как минимум, сутки.

Так вот, вопреки всему вышесказанному мой приятель Голех сидел в ярко освещенной гостиной с книгой на коленях и дымящейся кружкой в руках. Вид у него был вполне сонный, но в постель он явно не спешил.

Увидев меня, Голех опешил и целых три секунды ничего не предпринимал – непростительная медлительность для начальника Тайного Сыска, пусть даже провинциального. За это время я вполне мог бы убить его, взять в плен родню и слуг, поджечь дом и благополучно покинуть место происшествия. Но на сей раз сэру Облоне повезло: я только отметил про себя, что приятель мой совсем сдал и надо бы в ближайшее время подыскать ему шустрого преемника, а больше никакого вреда от меня не вышло.

Потом он меня наконец узнал. Поскольку в последний раз мы виделись лет десять назад, это было непросто.

– Ты очень плохо выглядишь, Чиффа, – растерянно произнес он. – Я подозревал, что столичная служба не сахар, но чтобы настолько...

Я ухмыльнулся. Сочувственные и злорадные вздохи старых знакомцев по поводу моей внешности я принимал как заслуженные комплименты своему искусству перевоплощения.

С рожей моей вышло следующее недоразумение: в первый же год после вступления в должность я убедился, что парень с лицом Кеттарийского Охотника, мягко говоря, не слишком подходит для кресла Почтеннейшего Начальника столичного Тайного Сыска. Горожане предпочитали самостоятельно справляться со своими проблемами, лишь бы не идти в Дом у Моста на свидание с «грозым Кеттарийцем», да и у придворных Его Величества Гурига Седьмого нервный тик начинался, стоило мне войти с докладом. Пришлось мне временно «постареть», изменить внешность, а вместе с нею манеры и привычки – во всем, что не касалось магии, конечно. Этот нехитрый трюк сработал, пожилой сэр Джуффин Халли устроил абсолютно всех, меня перестали панически бояться, и все пошло как по маслу. Покойный Король, помнится, любил шутить по этому поводу, что Господин Почтеннейший Начальник начал свою карьеру с того, что изловил и прикончил Чиффу; думаю, большинство наших сограждан воспринимали мое перевоплощение именно таким образом и были бесконечно мне благодарны.

Ну и старые приятели были совершенно счастливы видеть, что время меня не пощадило. Чужая слабость, подлинная, или мнимая, часто поднимает людям настроение, как будто она – свидетельство их собственной силы, словно можно будет в последний момент сказать смерти: «А такой-то выглядит старше, чем я, хоть и считается великим колдуном!» – и смерть уйдет, пристыженная. Никакой логики тут конечно нет, сплошные эмоции, но многим нравится так думать.

Голех не был исключением.

– Столичная служба не сахар, это да, – добродушно кивнул я, усаживаясь в одно из мягких кресел. – Зато у вас тут благодать, как я понял из твоего годового отчета.

– У нас... Ну да, у нас все в порядке. Все в полном порядке, – поспешно согласился Голех. – Очень хорошо.

Вид у него при этом был изрядно растерянный. Немудрено, конечно: приятель мой, надо понимать, переполошился и гадал, каких вурдалаков я забыл в благословенном городе Гажине. И чего следует ждать, если уж я не поленился внезапно свалиться ему на голову, да еще и в Последний День года.

– Ну вот и я говорю, о таком порядке, как у вас в Гажине, и мечтать невозможно, – подхватил я. – Почитал твой годовой отчет и решил: вот самое подходящее место для отпуска! Я же почти дюжину лет без единого Дня Свободы от забот живу. Понял, что пора сделать

перерыв, хотя бы на несколько дней... У вас ведь тут действительно спокойно, да? Никаких проблем?

– Никаких проблем, да, – эхом откликнулся Голех.

Выражение его лица, надо сказать, совершенно не соответствовало этому утверждению. Бедняга выглядел как человек, чьих проблем с лихвой хватило бы на пару дюжин специалистов вроде меня. Впрочем, в тот момент я все еще допускал, что единственной настоящей проблемой ему представляется мой внезапный визит.

– Не хипеши, Голех, – я ему подмигнул. – Я действительно просто хочу отдохнуть. А Темным Путем пришел, чтобы время сэкономить. Никаких неприятностей от меня ждать не следует. Более того, я вполне могу помочь расхлебать все остальные неприятности – при условии, что они у тебя все-таки есть.

– Что ты, никаких неприятностей, – Голех замотал головой. На мой взгляд, чересчур энергично.

– То есть у тебя все хорошо? И на службе, и дома? – уточнил я.

– Все очень хорошо. Просто прекрасно. Лучше не бывает, – печально отвечал он.

К этому моменту я уже не сомневался, что парень очень серьезно влип, но никак не мог уразуметь, что именно случилось. Впрочем, с пониманием вполне можно было подождать до утра. Сейчас мне хотелось спать, да и Голеху давным-давно пора было в постель. Солнце-то давным-давно зашло; думаю, кроме нас во всем Гажине не было ни единого бодрствующего человека. В провинции к традициям относятся еще серьезней, чем в столице.

– Ну, если у тебя все прекрасно, значит, начну отдыхать прямо сейчас, – объявил я. – Скажи мне, где у вас тут апартаменты для приема высоких столичных гостей, и я тут же отбуду в указанном направлении.

– Вообще-то почетные гости обычно останавливаются в специальном парадном особняке бургомистров, – сказал Голех. – Но досточтимые господа Валда Кунык и Зеби Хипелосис, не сомневаюсь, давным-давно отпустили слуг отдыхать и сами спят крепким сном. Ты же не предупредил, что приедешь. Можно, конечно, их разбудить, даже нужно, наверное. Но в моем доме тоже есть комнаты для гостей. Если не возражаешь, они будут в твоём распоряжении так долго, как понадобится. Конечно, в бургомистерском особняке просторнее, зато у меня совсем тихо. Жена уехала к родне в Ландаланд, а почти все слуги нынче утром получили несколько Дней Свободы от забот, так что...

Слушая его, я понял, что все еще интересней, чем кажется. Чутье меня никогда не обманывает, я с первого взгляда распознаю настроение собеседника. И вот какое дело: я сразу почувствовал, что мой визит встревожил Голеха куда больше, чем можно было предположить. Но и остаться он мне предложил искренне, а вовсе не из вежливости. Какая там вежливость, было совершенно очевидно, что возможность поселить меня в своем доме приносит Голеху несказанное облегчение. Сама мысль о моем грядущем соседстве делала его почти счастливым – ну и дела!

Так или иначе, но его гостеприимство совершенно меня устраивало. Поэтому я пожелал Голеху хорошей ночи и поспешно удалился в отведенные мне покои. Я твердо решил, что Мир не рухнет, если я дочитаю до конца припрятанные за пазухой «Нелепости древней истории», просплю дюжину часов кряду и только после этого примусь за работу.

Спал я, надо сказать, без задних ног. То есть по-настоящему дрых, как самый обычный человек, даже сны видел, цветные, бессвязные, но приятные, как в детстве. Какие-то бесконечные цветочки, пушистые зверушки и прочая прекрасная хренотень в таком роде. Сам себе удивлялся поутру – с чего бы? Но, чего греха таить, был доволен. Ничего подобного со мной лет шестьсот не случалось, а то и дольше.

...Хозяин дома все еще спал, так что завтракал я в одиночестве. И, воспользовавшись возможностью, обдумывал предстоящее мне дело. Не могу, впрочем, утверждать, что оно показалось мне достойной пищей для ума. Все было более-менее ясно: надо дожидаться Голеха, расспросить его о неувязках с годовым отчетом и поглядеть, как он будет выкручиваться. Сможет внятно объяснить этот казус, не солгав – хорошо. Отдохну еще денек и с легким сердцем вернусь домой. А станет врать и выкручиваться – что ж, в моем распоряжении имеется с полдюжины надежных заклятий, способных заставить человека говорить правду.

Никаких трудностей я тут не видел. Голех, как я уже упоминал, никогда не был выдающимся колдуном и назначение на свой пост получил совсем за другие качества. Меня совершенно устраивало сочетание сообразительности, дисциплины, честности и лояльности; к тому же, выбирать было особо не из кого – это если совсем уж начистоту.

В ту пору я все еще думал, что масштаб проблемы всегда сопоставим с масштабом личности, которая ее олицетворяет, о ком бы ни шла речь, о преступнике, или о жертве, неважно – так я полагал. Очень распространенное заблуждение, которое оказывается фатальным куда чаще, чем можно себе представить. И сельский пастушок может принести весть о конце света, и грудной младенец может быть убит опаснейшим из колдунов, если под руку не вовремя подвернется. Но это я теперь понимаю. А тогда – зная цену своему приятелю Голеху, я не сомневался, что и дельце мне предстоит пустяковое. И заранее ликовав: какая все же удачная затея с отпуском! Сплошные удовольствия и никакой канители.

Я ждал Голеха, смаковал хозяйскую камру, курил трубку и наслаждался вынужденным бездельем. Скука оказалась неплохой заменой чувству долга и принудила меня послать зов Рениве; потом я на всякий случай побеседовал с Кофой. Выяснил, что в Ехо все спокойно; впрочем, я с самого начала не особо в этом сомневался. В Первый День года даже самые опасные заговорщики и свихнувшиеся колдуны просыпаются поздно, и настроение у них самое благодушное – вот как у меня, например.

Наконец сэр Голех Облона появился в гостиной. Выглядел он на удивление усталым – до рассвета засиделся, что ли? Нервничал из-за моего появления или просто бессонницей маялся? Всякое ведь бывает.

– Ты не дурак поспать, – благодушно сказал я. – Даже меня победил, а уж я-то – самый усталый человек в Соединенном Королевстве. Был, вчера... Да что с тобой, сэр Голех?

Я задал этот вопрос, потому что хозяин дома уронил руки на колени, а голову, соответственно, на руки и, кажется, всерьез собрался отрубиться. Хорош начальник Тайного Сыска, нечего сказать.

– Ничего, все в порядке, – голосом умирающей дриады отвечал он. – Все в полном порядке.

– Если ты болен, не забывай: я очень неплохой знахарь. Даже мертвых иногда оживляю, а уж с живыми людьми до сих пор отлично справлялся.

– Да нет, я не болен, – поспешно ответил Голех. – Все хорошо. Просто переутомился. Конец года как-никак. Тут еще мои запасы бальзама Кахара вышли, а пополнить нельзя: это же теперь под запретом, восьмая ступень Черной магии, я ничего не путаю?

– Не путаешь. Но с этой бедой я вполне могу справиться. Вернусь в Ехо, пришлю тебе пару бутылок бальзама, ты только напомни. Строго говоря, Тайным Сыщикам это зелье просто положено, как паяк. Не для баловства все же, для дела.

– Спасибо, – деревянным голосом сказал он.

Мое великодушное (по тем временам действительно великодушное) обещание оставило Голеха равнодушным. Бедняга не только не обрадовался грядущему подарку, но, кажется, вовсе не придавал значения моим словам. словно бы помирать вечером собрался, а я тут планы на будущее строю и обещания раздаю.

Я пожал плечами, с несвойственным мне милосердием подождал, пока Голех поднимет голову, нальет себе камры, сделает несколько глотков, и только тогда приступил к интересующему меня делу.

– Кстати о конце года. Ты прислал нам очень странный отчет. Весь год регулярно докладывал о своих подвигах, и я думал: «Вот молодцы ребята, ясно, кому достанется в этом году Королевская Награда!» А в финале ты вдруг пишешь, что сидел без дела, потому что преступники в Гажине то ли повывелись, то ли просто устали бороться с новыми порядками. Это как, Голех? И где, собственно, правда? Моя секретарша утверждает, что ты нас разыграл, но я-то тебя знаю, ты никогда не был любителем глупых шуток. Мы с нею даже поспорили на целых пять корон. Скажи мне теперь: кто выиграл?

– Ты выиграл, Джуффин, – без тени улыбки сказал сэр Облона. – Я не хотел над тобой подшутить. И, вероятно, мне следует подать в отставку. Последний отчет был правдивым, а все предыдущие – полная ерунда.

– Это как?!

Я видел Голеха насквозь. Он врал, как напроказивший школьник. Но, в отличие от школьника, не выгораживал себя, а напротив, пытался оклеветать. Хорошенькое дело.

– Ну как-как... У нас тут в последнее время действительно тихо. Все хорошо, никаких проблем, ничего не происходит. Хоть вовсе контору прикрывай. – Как все лгуны, Голех охотно пустился в длинные, подробные разъяснения. – Ну и поначалу мне было стыдно, что мы тут бездельничаем, начал потихоньку выдумывать какие-то мелкие дела. Дальше – больше, увлекся, расписался, хоть за книгу садись. Но когда стал составлять годовой отчет, опомнился. Все же годовой отчет для Короля пишется. Одно дело обманывать тебя, Джуффин, а другое – Его Величество Гурига.

– Совершенно верно. Меня – опасней, – сухо сказал я. – Ты что такое несешь, сэр Облона? Зачем на себя клеветать? Бездельничали они... А кто в середине года отправил в Холоми Магистра Лохатту Мордику? Я сам его там навещал, проводил последний допрос... А лапа Туманного Оборотня? Ты же прислал ее в качестве подарка Королю, после того, как твой заместитель – шустрый, судя по всему, юноша, большой молодец – его уколошил. И правильно сделал: Туманный Оборотень – редкое наваждение, Его Величество прежде только в книжках читал о его радужных лапах и огненных когтях. Так что в честь твоего подарка даже специальный прием закатил, чтобы все приближенные могли полюбоваться. И после всего этого ты говоришь: ничего не происходит.

– Действительно, был же оборотень, – печально согласился Голех. – И Лохатта Мордикай, да. Но с ним мне просто повезло: в тот вечер он напился, как эльф, и не смог сопротивляться... А я совсем забыл. Словно много лет прошло. Да, много-много лет... Не сердись, Джуффин. Я правда забыл.

Самое потрясающее, что теперь он говорил вполне искренне. Особенно про «много-много лет». Я был вынужден признать себе, что уже ничего не понимаю. Проще всего было бы решить, что Голех сошел с ума, но безумием от него не пахло. Ни единого намека на этот, столь знакомый мне аромат. А обоняние у меня, мягко говоря, неплохое. Все же среди моих предков были шимарские оборотни, а такая кровь дает о себе знать и спустя много поколений.

– Хорошо, положим, ты забыл. Но черновые отчеты? Ты же мог просто посмотреть старые таблички, те экземпляры, которые оставались у тебя. Для того, собственно, они и нужны, а вовсе не для моего удовольствия.

– А я их испепелил, – обезоруживающе улыбнулся Голех. – Думаю: чего этот хлам тут лежит, шкафы занимает? Ну и разбил, а потом испепелил, очень тщательно, а пепел развеял, все же секретная документация, я понимаю... Джуффин, давай ты просто примешь мою

отставку, а потом дашь мне позавтракать, хорошо? Я, знаешь, понял, что совершенно не подхожу для этой должности.

– Я это уже тоже понял, – согласился я. – Но не все так просто. Твою отставку должен принять не я, а Король. А прежде, чем писать прошение на его имя, я должен разобраться с твоим отчетом. Ты завтракай, конечно, на здоровье, но потом придется вернуться к нашей беседе.

– Может быть, проще объявить мой отчет должностным преступлением и отправить меня в Холоми? – спросил сэр Голех.

Причем не с отчаянием спросил, а с робкой надеждой. Я видел его как на ладони и чувствовал, что мысль о заключении в Холоми кажется моему приятелю настоящим спасением. Понять бы еще – спасением от чего?

В общем, я решил, что ни к чему наша дальнейшая беседа не приведет. Ну удивлюсь еще пару раз, это да. Давно забытое приятное ощущение. Можно, конечно, сменить тактику и изобразить начальственный гнев – этот спектакль обычно неплохо мне удается и очень освежает всех участников представления, включая меня самого. Но в интересах дела следует как можно скорей наложить на беднягу стоящее заклинание. Чтобы говорил правду и только правду, не юлил и не выкручивался. Потому что еще немного, и я натурально лопну от любопытства.

Не тратя время на дальнейшие раздумья (обычная ошибка людей, возомнивших, будто они уже не умеют ошибаться), я незаметно направил на Голеха мизинец и пробормотал несколько слов, значение которых на древнем языке Хонхоны что-то вроде: «а ну колись, мерзавец». Вообще следует заметить, что большинство общеизвестных заклинаний, по мнению знатоков древнего языка, свидетельствуют о крутом нраве древних обитателей Сердца Мира. Причем чем более высокую ступень магии используют, тем грубее становится речь. После сотой ступени, если верить специалистам, начинается такая похабщина, что дословный перевод невозможен, а приблизительный способен смутить даже хозяина куманского портового борделя.

Думаю, наши предки отлично понимали истинную природу Очевидной магии: жестокое насилие, чтобы не сказать надругательство над реальностью. Что же до Истинной магии, она обходится вовсе без слов, и мне это, по правде сказать, очень нравится.

Впрочем, я отвлекся.

Вместо того, чтобы вздрогнуть, оживиться и поспешно заговорить, как это обычно бывает в таких случаях, сэр Голех Облона, Почтеннейший Начальник Малого Тайного Сысканого войска Вольного города Гажина, лопнул, как мыльный пузырь, порадовав напоследок мой взор радужным сиянием многочисленных брызг. Впрочем, ни стол, ни ковер он не запачкал. Просто исчез, словно и не было никогда никакого Голеха Облоны, а так, наваждение пустяковое. Словом, очень чистоплотная гибель, все бы так.

Я обругал себя болваном – и поделом. Хорошо хоть дело обошлось без свидетелей. Потому что наложить заклятие, развязывающее язык, не проверив предварительно, не было ли других, смыкающих уста жертвы, – да за такое разгильдяйство я бы любого из своих сотрудников отправил на дюжину дней коридоры Дома у Моста подметать. Впрочем, подобных промахов мои люди никогда не делали. Ошибка настолько нелепая, что я даже не мог как следует на себя рассердиться. Ясно ведь – и уже много столетий мне это было ясно! – что противоречащие друг другу заклинания равной силы обычно убивают несчастного, попавшего между двух огней. Поэтому... Ну, понятно, в общем, с чего принято начинать всякий допрос такого рода. Действительно азы.

– И меня, что ли, заморозили? – проворчал я, набивая трубку. – Или просто Руну Глупости на подушке вышили, а я и не заметил? Ну все, Джуф, плакал твой отдых. Придется разбираться с этим делом всерьез.

Вынужден признать, что гибель несчастного сэра Голеха огорчила меня куда меньше, чем собственная дурость. Последние лет двести рядом со мной все время кто-нибудь умирал, нередко – с моей помощью. Так что к этому я привык. А вот идиотом я чувствовал себя крайне редко. В последний раз, кажется, еще в Кеттари, под руководством моего несравненного наставника, но рядом с Махи кто угодно мог бы почувствовать себя идиотом, совершенно бесплатно, так что эти впечатления не в счет.

Наконец я решил, что нет худа без добра: вероятно, я только что одним махом совершил все глупости, положенные мне в этой жизни, и больше уже не придется – по крайней мере, в ближайшее столетие. После этого я как следует вычистил трубку, спрятал ее в футляр и принялся действовать.

Для начала я послал зов шустрому заместителю покойного начальника Тайного Сыска, тому самому, который изловил Туманного Оборотня. Этот эпизод, надо сказать, вызывал мое уважение. Знаю я этих тварей, не то чтобы шибко грозные, но полдюжины простых обывателей за вечер умять вполне могут – при благоприятных обстоятельствах. Красивые создания, сердце замирает, когда на такое смотришь, а оно времени зря не теряет: хруп-хруп, ням-ням – и нет любителя прекрасного. Поймать такое наваждение, да еще и заставить его материализоваться, чтобы лапу отрубить и Королю в подарок отправить, – в прежние времена за такой подвиг я бы, пожалуй, мог взять парня в ученики без дополнительных испытаний.

Победитель оборотня выслушал мое краткое сообщение о происшествии и обещал быть через час. Дескать, живет на другом конце города, а Темным Путем ходить не обучен. Мне оставалось только смириться с этим прискорбным обстоятельством.

Подумав с полминуты, я снова послал ему зов и перенес встречу в Сизый Дом – так называли в Гажине штаб-квартиру местного Тайного Сыска, которая находилась по соседству с жилищем начальника. Рассудил, что осматривать место происшествия парню ни к чему, ничего интересного он тут все равно не обнаружит. Зато в Сизом Доме наверняка найдется немало любопытного. Вот я и поищу это самое любопытное, пока доблестный борец с незаконной магией будет пересекать город в служебном амобилере.

Напоследок я быстренько обследовал дом своего покойного приятеля. Дом был совершенно пуст. То есть мебель и прочие предметы обстановки стояли на месте, а вот людей не было. Ни жены – впрочем, она, по словам Голеха, уехала к родне в Ландаланд, – ни слуг. Вообще никого. Интересно, кто же тогда приготовил и подал завтрак? Неужели Голех сам расстарался? Похоже на то: в кухне царил типичный холостяцкий бардак.

Времени я зря не терял. Пока шел к Сизому Дому, послал зов этой самой уехавшей жене. Представился, сказал, что ее муж погиб нынче утром при загадочных обстоятельствах. Принес соболезнования, как положено.

Считается, что, когда пользуешься Безмолвной речью, распознать нюансы настроения собеседника бывает непросто, но – мало ли, что считается. Все не все, но кое-что вполне можно понять. И от меня не укрылось, что леди не слишком удивилась, узнав прискорбную новость. Огорчилась, о да. Но не удивилась. Словно бы давно ждала чего-то в таком роде.

«Вы сейчас где находитесь?» – спросил я, скорее для порядка. Во-первых, мне, честно говоря, было все равно, а во-вторых, я думал, что уж про отъезд жены Голех сказал мне чистую правду. Просто потому, что не такая уж это великая тайна – где чья жена Конец Года встречается. Однако ее ответ меня озадачил.

Леди Харая Облона действительно находилась в Ландаланде. Но никаких родственников у нее там не было. И в других местах тоже. Оказывается, Голех женился на круглой сироте. Что же касается ее отъезда, в самом начале зимы муж попросил ее как можно скорее убраться из Гажина, куда душа пожелает, но не в столицу. Снять хороший дом где-нибудь в

глухотами, нанять слуг и жить там тихо, в свое удовольствие, пока он не пришлет зов и не скажет, что можно возвращаться.

Леди Харая прекрасно знала, что у мужа довольно опасная профессия. Знала она и о том, что он любит ее больше жизни и ужасно боится, что однажды она может попасть под раздачу – просто за компанию с возлюбленным супругом. Поэтому она решила, что Голех, вероятно, начал охоту за каким-нибудь особо опасным злодеем. Опечалилась, но спорить не стала и уехала на следующий же день, забрав с собой всех доверенных слуг. Без такой свиты муж ее не отпустил бы.

Один слуга был родом из Ландаграда, его дальние родственники помогли найти и арендовать роскошную старую усадьбу недалеко от Нумбана. С тех пор леди Харая носилась оттуда не высовываясь. Муж присылал зов по несколько раз на дню, говорил, что у него все в полном порядке, но возвращаться домой пока не велел.

Очень интересно.

Я начал думать, что выражение «в полном порядке» станет теперь для меня синонимом большой, но совершенно невнятной беды. Сколько раз я его слышал за истекшие сутки – и, скажите на милость, к чему мы пришли?!

Распрощавшись с новоиспеченной вдовой и пообещав выхлопотать для нее самую щедрую Королевскую пенсию – невеликое утешение, но лучше, чем ничего, – я переступил порог Сизого Дома. Огляделся, принялся, неодобрительно покачал головой. Такое впечатление, что здесь долгонько никого не было. Пару дюжин дней, как минимум. А то и дольше. Пылищи-то, пылищи! И воздух затхлый, давно не проветривали. Распахнув все окна, я сделал то же самое со шкафами и сейфами, но эти усилия оказались совершенно бесполезными. Везде было пусто. Ни самопишущих табличек, ни оружия, ни денег. И, к слову сказать, никаких следов колдовства. Похвально, конечно, но кому, как не мне знать, что Тайным сыщикам то и дело приходится нарушать Кодекс Хрембера, иначе в нашей профессии не выходит.

Словом, помещение выглядело так, словно мои гажинские коллеги давным-давно переехали в другое здание, а мне об этом сообщить забыли.

В финале обыска я уже не знал, что на это сказать – даже себе самому! Поэтому пришлось сесть на стул, набить трубку и закурить. Все лучше, чем бродить по пустым комнатам да пыльные шкафы полами лоохи протирать.

Заместителя покойного начальника по-прежнему не было, хотя прошло уже больше часа. Я послал было ему зов, поторопить, но тут меня поджидал очередной сюрприз: парень не откликался. Словно уже умер или, на худой конец, на Темную Сторону отправился. Но я здорово сомневался, что второе в его силах, а что касается внезапной кончины – это был бы перебор, даже на мой вкус.

Счастье, что я уже не раз сталкивался с подобными фокусами: когда человек, хоть сколько-нибудь искушенный в магии, не хочет ни с кем общаться, он вполне может окружить себя барьером, непроницаемым для Безмолвной речи. Я умею ломать такие барьеры, хоть и не слишком люблю. Всякий, в общем, имеет право на уединение – при условии, что у него хватает могущества, чтобы это уединение себе обеспечить. Всякий, но не заместитель только что погибшего начальника Тайного Сыска. Поэтому пришлось проявить настойчивость.

«Сэр заместитель, не помню, как там тебя величают! – рявкнул я. – Где тебя носит? И почему в переговоры не вступаешь?»

Парень изрядно удивился. Вероятно до сего дня он считал свой барьер абсолютно непроницаемым. И тут такое разочарование! Сочувствую.

Какое-то время он не отвечал. Все еще пытался имитировать отсутствие в мире живых. Но провести меня ему не удавалось.

«Можешь не отвечать, но если тебя не будет в Сизом Доме через полчаса, я встану на твой след, – пригрозил я. – Терпеть не могу работу Мастера Преследования, поэтому в

финале вполне могу откусить тебе голову, бывают у меня такие нервные срывы. Так что давай лучше сам. Ну, чего молчишь?»

«Я думаю, – наконец отозвался этот удивительный служитель закона. – Может, это и неплохо, если вы откусите мне голову. А может, и не стоит... Знаете что? Давайте договоримся: я приеду в Сизый Дом, а вы за это упрячете меня в Холоми. Чем скорее, тем лучше. Может быть, это выход...»

«А в Холоми-то зачем? – искренне удивился я. – Вернее, за что? Что вы с Голехом тут успели наворотить такого, чтобы проситься в Холоми? Фальшивый годовой отчет тянет максимум на отставку, да и то вряд ли, честно говоря».

«Ничего эдакого мы не наворотили, к сожалению. Но вы, пожалуйста, придумайте что-нибудь. Ну хоть на полгода в Холоми тянет мой побег? Это очень важно».

«Какой такой побег?»

«Ну, видите ли, сейчас я с неплохой скоростью удаляюсь от центра Гажина и скоро покину пределы города. Но если вы готовы меня арестовать и доставить в Холоми, я с удовольствием приду в Сизый Дом».

«Ага. Значит, удаляешься, – повторил я. – Экие вы все тут оригиналы, господа! Твой шеф тоже в Холоми просился зачем-то, как раз перед тем, как... Ладно уж, разворачивайся и возвращайся в город. Не знаю, почему ты хочешь быть арестованным, но если это так уж необходимо, можешь попробовать на меня напасть, когда приедешь. Обещаю обезвредить тебя аккуратно, по крайней мере, жив точно останешься. Тут видишь какое дело: в Холоми по протекции не попадешь. Пока ритуальный жезл Канцелярии Скорой Расправы не укажет, что твои действия были преступными, не видать тебе камеры с видом на Хурон, даже если сам Король словечко замолвит. Но попытка нападения на государственного служащего высшего ранга, даже самая вялая и нерешительная, гарантирует полный успех, уж я-то знаю. А если передумаешь, мы просто никому ничего не скажем. Устраивают тебя такие условия? Давай, возвращайся, парень, не сходи с ума. Не нужно вынуждать меня за тобой гоняться».

Кажется мои обещания произвели на беднягу вполне благоприятное впечатление. Он сказал: «Ладно, если так, я приеду. Постараюсь побыстрее», – и умолк. Мне показалось, что он не врет – и на том спасибо.

Поскольку досуга у меня снова было хоть отбавляй – заветные желания вечно сбываются не вовремя! – а книгу я дочитал еще вчера, я вспомнил о своих светских обязанностях и послал зов одному из бургомистров Гажина, старому Зеби Хипелосису. Все равно рано или поздно это надо было сделать.

Когда в городе целых два бургомистра, трудно решить, с кого следует начинать. Мне в этом смысле было проще: старика Зеби я знал давно, еще в ту пору, когда он был молодым, жадным до денег и приключений купцом и думать не думал о столь высоком чине. А его коллегу, бывшего корабельного мастера и судовладельца Валду Куныка, я видел всего однажды, да и то на Королевском приеме. Поэтому Зеби Хипелосис оказался первым, кого я осчастливил сообщением о своем приезде в Гажин – не считая моих коллег Тайных сыщиков, конечно.

Поздоровавшись и дотошно справившись о здоровье всех восемнадцати внуков Зеби, от которых старик был без ума, я, не вдаваясь в подробности, сообщил бургомистру, что прибыл в Гажин, поскольку начальник местного Тайного Сыска нынче утром погиб, вернее, исчез; впрочем, в данном случае это, увы, одно и то же. Ясно, я не слишком аккуратно обращался с фактами; с другой стороны, рассказывать старику, что мой визит в Гажин является не следствием, а причиной гибели сэра Голеха Облоны – это совершенно не вязалось с моими представлениями о необязательной светской болтовне. Да и не его ума это дело, если на то пошло.

Зеби, как и положено, опечалился, выразил надежду, что я не только покараю злодея (о да! Еще как покараю! Например, лишу его права резаться в «крак» и все прочие карточные игры, на целых две дюжины дней. Жестокое, но заслуженное наказание за дурость) – но и подыщу жителям Гажина нового защитника. Самого что ни на есть надежного и справедливого. Я, разумеется, рассыпался в заверениях. Зеби, в свою очередь, тоже рассыпался – в благодарностях. После чего пригласил меня отужинать с ним и его коллегой, бургомистром Валдой Куныком нынче же вечером. Обещал, что это будет не торжественный прием, а обычный скромный ужин на троих. Зная местные нравы, я заранее мог вообразить «скромность» грядущего ужина. Дюжина перемен блюд, не меньше!

Впрочем, я не возражал. Все лучше, чем слоняться по чужому городу в поисках маломальски приличного трактира, который, несомненно, все равно окажется из рук вон дрянным. Человеку, избалованному столичной кухней Эпохи Орденов, в те годы было очень трудно заставить себя проглотить хоть кусочек стряпни, сделанной практически без применения Очевидной магии. Хуже, чем без соли и специй, честное слово! А влиятельные люди обычно держат при себе поваров старой школы, которые даже с помощью дозволенной Кодексом Хрембера второй ступени Черной магии ухитряются приготовить вполне съедобную жратву. И я всем сердцем верил в житейскую мудрость гажинских бургомистров. Уж одного-то приличного повара на двоих они вполне могут себе позволить.

Посреди нашей Безмолвной беседы в центре комнаты вдруг материализовался тощий, как жердь, молодой человек в пестром лоохи, отделанном всякими дурацкими ленточками, блестящими камешками и еще Магистры знают чем. Тогда такие как раз благополучно вышли из моды в столице и заняли круговую оборону в провинции, я еще лет тридцать в каждую поездку хоть раз, да натыкался на эту несказанную красоту.

Выглядел он незабываемо: мало того, что весь в нелепых бантиках, так еще и белобрысые лохмы торчат из-под тюрбана, глазищи синие, как у новорожденного котенка и безумные, как у Орденского послушника в первые годы обучения. Одно слово, красавчик.

Обретя телесность, парень тут же напустил на себя воинственный вид и метнул в меня некое подобие Смертного Шара. Довольно жалкое подобие, между нами говоря, но для такого юного балбеса очень даже ничего. По крайней мере, мне теперь было ясно, как он расправился с Туманным Оборотнем. Одной загадкой меньше, и то хлеб.

Я отмахнулся от тусклой шаровой молнии, как от назойливой мухи, но с Зеби Хипелосисом спешно распрощался, обещав быть к ужину. А то все же невежливо как-то: человек старается, нападает на меня, а я тут лясы точу со старым приятелем. С молодежью так обращаться нельзя.

– Этого достаточно для заключения в Холоми? – с надеждой спросил нападающий. – Или надо всерьез вам навредить?

– Было бы неплохо, но у тебя все равно не получится, – я махнул рукой. – Ничего, на годик-другой в Холоми, пожалуй, потянет. Или тебе надо больше?

– Не знаю, – он пожал плечами. – Трудно сказать. Может, я вообще зря надеюсь...

– На что?

– Трудно сказать, – повторил юноша. – Вернее, не трудно, а невозможно. Я не могу вам объяснить, сэр. При этом я почти ничего не понимаю, но даже то небольшое, что вроде бы понял и хотел бы как-то рассказать – нет, не могу. Уж сколько раз пробовал...

– Так на тебя наложили чары? – сочувственно спросил я.

– А Магистры его знают. Честно говоря, я не помню, чтобы на меня кто-то чары накладывал... Но это же, наверное, можно и незаметно сделать?

– При большом желании и умении можно, – согласился я. – Тебя как зовут-то, герой? А то напасть напал, а представиться забыл.

– Абилат, – смущенно сказал юноша. – Я... Ну, вы же поняли, что я не всерьез напал? Я старался не причинить вам ущерб.

Бедный ребенок. Кажется, он действительно опасался, что может ненароком угрожать столичного начальника. Еще бы, такой великий герой, самый крутой колдун в Гажинском Тайном Сыске, кто бы сомневался!

– А Темным Путем ты все-таки умеешь ходить, – я милосердно замаял тему, которая могла бы задеть его самолюбие. – Почему сразу не пришел?

– Ну, сначала я решил, что лучше будет удрать, потому что – ну, я же не могу отвечать на вопросы! Хочу, но не могу. И значит лучше уносить ноги: про вас говорят, что вы можете убить кого угодно, если рассердитесь, и вам ничего за это не будет.

Я вздохнул. Мне действительно «ничего за это не будет», благо любой поступок начальника Тайного Сыска официально считается законным и правильным. Я сам же и настоял на такой поправке к Кодексу Хрембера прежде, чем вступить в должность. И, разумеется, обыватели думают, что я с превеликим удовольствием убиваю всякого, кто испортит мне настроение или, скажем, на ногу наступит в толпе. Вот можно подумать, очень увлекательное занятие – беспомощных людей убивать. А уж пользы-то, пользы...

Впрочем, переубеждать обывателей бессмысленно, да и не нужно, пусть себе боятся меня, сколько влезет. Для дела это даже неплохо. Но от своего коллеги я такого простодушия, признаться, не ожидал.

– А потом, когда мы с вами еще раз поговорили, мне пришлось вернуться домой, – продолжал объяснять Абилат. – Мой Темный Путь проложен оттуда, из холла на порог Сизого Дома. Есть еще два маршрута, оба начинаются дома, а вот так, откуда попало, я не умею пока. Каждый Темный Путь приходится по полгода прокладывать, да и то не всегда получается... Я же совсем недавно начал учиться.

– А кто тебя учит искусству Темного Пути? – полюбопытствовал я. Действительно интересно: как это парень выискал себе толкового учителя в Гажине? Кто таков, почему не знаю?

– Я сам, – виновато потупился тот.

И что самое поразительное, он не врал.

– Это как?

Я прожил довольно долгую и более чем бурную жизнь. Удивить меня не так-то просто. Но до того дня я был совершенно уверен, что овладеть искусством Темного Пути без учителя совершенно невозможно. Как, впрочем, почти любым чудом, если речь идет об Истинной магии. Так уж все устроено: люди учатся таким вещам у других людей, нравится нам это или нет, точка.

– Ну как – по книжкам, конечно, – вздохнул Абилат. – У меня дома очень хорошая библиотека, отцовская. Папа преподавал историю древних Орденов в Королевском Университете, у вас, в Ехо, пока не начались Смутные Времена. Потом переехал сюда, лишь бы не лезть в политику и не сражаться: у папы был очень миролюбивый нрав, и магия ему хорошо давалась, какая угодно, но только не боевая. Деревья на голых камнях мог вырастить запросто, или, скажем, превратить текст учебника в движущиеся картинки, чтобы студенты не скучали на его лекциях, а себя от нападения защитить не умел. Вот он и удрал в Гажин, здесь-то всегда тихо жили... Но отец все равно погиб в самом конце гражданской войны от руки какого-то свихнувшегося послушника Ордена Водяной Вороны. Причем, как я понимаю, случайно под руку подвернулся. Я тогда еще маленький был, мне толком ничего не рассказывали... Ну вот, папа погиб, а книги остались. С книгами даже проще, чем с учителем. До меня все довольно медленно доходит, а я стесняюсь, когда у меня при посторонних что-то не получается, и тогда оно совсем уж перестает получаться, а я стесняюсь еще больше... Ну, то есть таким, как я, по книжке учиться проще, я только это хотел сказать.

– Ясно, – кивнул я. – Прими мои поздравления, мальчик: ты сделал практически невозможное. Кстати, а от Безмолвной речи барьер сооружать ты тоже по книжкам научился?

– Ну да. А как еще?

– Ну-ну. Молодец.

Я мог себя поздравить: передо мной стоял настоящий юный гений, при этом совершенно уверенный, что до него «все медленно доходит» – ну дела! О таком ученике я до сих пор только мечтал. А прочие и мечтать не смели: считается, что такие ребята только в древних легендах бывают.

Впрочем, с гениальностью заместителя начальника Гажинского Тайного Сыска я решил разобраться позже. Сперва следовало понять, что тут у них происходит. А я, кажется, с самого утра только и делал, что оказывался в тупике. Сперва это было даже занимательно, но теперь мне решительно надоело.

– А где документы? – спросил я своего нового знакомого. – В сейфах пусто, в шкафах...

– Да, я вижу. Ничего нет. Но об этом я ничего не знаю. Я не был в Сизом Доме с начала зимы.

– Почему? Или это тоже не можешь сказать?

– Да нет, кажется, могу. Сэр Голех не велел сюда приходить. Мне и еще Тритте, которая Мастер Преследования.

– Ага, оказывается, есть еще и леди Тритта. Я думал, после гибели Малохи Кудоя в прошлом году, вы с Голехом вдвоем остались на хозяйстве. В отчетах ее имени не было. Новенькая небось?

– Ну да. Так обидно вышло: она только-только поступила на службу, всего два раза встала на чужой след, увидела, что у нее получается, поверила в свои силы, и почти сразу все закончилось. Сэр Голех нас распустил.

– А сообщить мне об этом почему никто не потрудился? Ладно, эта леди Тритта новенькая, может, и не знает порядков, да и обо мне хорошо если краем уха слышала. Но ты-то, сэр Абилат! Послать мне зов и сообщить, что твой начальник отправил всех в отставку – что проще и разумнее?!

– Я не мог по своей инициативе докладывать о поступках сэра Голеха начальству. Удивительно, что сейчас на ваш вопрос как-то удалось ответить. И не могу объяснить почему. Хочу, но не могу. Надеюсь, вы сами разберетесь и узнаете, каково было и остается мое положение... Ну и, строго говоря, в отставку нас не отправили. Просто сэр Голех сказал, что на службу пока ходить не нужно. Отпуск оплачивается, волноваться не о чем, и вообще лучше бы нам куда-нибудь уехать. Попутешествовать в свое удовольствие за казенный счет. А он пришлет зов, когда мы понадобится. Тритта на следующий же день укатила к родителям в Уриуланд. Звала меня с собой, но я остался. Не хотел папину библиотеку без присмотра бросать. Там много ветхих книг, все время приходится заклятие Хорруна читать, чтобы хоть как-то противостоять времени. Это же можно, правда? Не Запретная магия?

– Не Запретная, – успокоил его я. – Самая что ни на есть Истинная, так что все в порядке. А, кстати, заклятие Хорруна ты тоже по книжкам выучил?

– Ну да, а как же еще? Вы все время так удивляетесь, сэр Джуффин, даже странно. А зачем еще книжки нужны, если по ним не учиться?

Вот уж действительно.

– Ладно, о книжках и учебе поговорим потом, – решил я. – А сейчас... Пожалуй, у меня есть идея. Ты не можешь ничего мне рассказать, сэр Абилат, это я уже понял. А вот скажи, врать-то ты мне можешь? Нагло врать в лицо, говорить вещи, прямо противоположные истинному положению дел. Прямо противоположные, ясно тебе?

Я посмотрел ему в глаза и увидел, что парень отлично меня понял. Сообразительный оказался, и на том спасибо.

– Во всяком случае, имеет смысл попробовать, – сказал он. – Спрашивайте.

– Ну, раз так, расскажи, что у вас тут творится... Нет, стоп, не так. Что у вас в Гажине особенно прекрасно в последнее время? То есть вот настолько хорошо вдруг стало, что поверить своему счастью не можете. А?

– Я понял вопрос. Вообще, у нас тут в последнее время творится много прекрасных и понятных вещей, – Абилят говорил медленно, неуверенно, явно с трудом подыскивал подходящие формулировки. – Но самое восхитительное это, конечно, сны. Какие чудесные сны мне снятся, сэр Джуффин! Думаю, впрочем, не я один такой счастливчик. И что замечательно, за это удовольствие совершенно не приходится расплачиваться наяву. Поэтому живем мы тут в последнее время совершенно беззаботно, не можем дождаться, когда придет время ложиться спать.

– А если уехать? – спросил я. – Тот, кто покинет Гажин, лишится счастья видеть волшебные сны, я правильно понимаю?

– Ну что вы. Ни в коем случае, в том-то вся прелесть. Я проверял. Вот, разве что, насчет Холоми я не уверен. Возможно, как раз там счастье и закончится. Я же и хочу попробовать: ради научного эксперимента...

– Вот оно что, – кивнул я. – Похвальное любопытство. Как я понимаю, для начала тебе не помешает бутылка бальзама Кахара. Очень полезная в таких ситуациях вещь.

– О! Бальзам Кахара – самое ненужное и бесполезное для меня зелье! Ни за что не стану его пить, хоть убейте, – прочувствованно сказал юноша. Он уже заметно расслабился и даже развеселился. – Но вообще-то я думал, он теперь под запретом.

– У меня огромные запасы, еще со старых времен, – утешил его я. – Подожди пару минут, сейчас вернусь.

Искусство Темного Пути – не только одна из фундаментальных дисциплин Истинной магии, но и чрезвычайно практичное умение. Я открыл дверь Сизого Дома в Гажине и оказался в своем особняке на Левом берегу Хурана. Убедился, что там все в порядке, дворецкий Кимпа по-прежнему доволен жизнью, особенно моим постоянным отсутствием и размером своего жалованья, зашел на кухню, достал из буфета бутылку с тонизирующим средством, распахнул дверь и вернулся в комнату, где оставил этого юного гения Абилята. На все ушло минуты полторы, не больше. А некоторые вдохновенные глупцы еще говорят, что от Истинной магии нельзя ждать практической пользы. Дескать, это противоречит ее основным принципам. Ага, держи карман шире!

Я вручил бутылку изумленному моим проворством Абиляту.

– Поскольку тебе бальзам Кахара даром не нужен, я решил назначить тебя хранителем этой бутылки. Отнесись со всей ответственностью, пожалуйста.

– Клянусь, что не сделаю ни единого глотка! Особенно вечером, когда придет время ложиться спать, – лукаво пообещал сей смысленный молодой человек.

– Одно плохо, – проворчал я, – на бальзаме Кахара больше трех-четырех суток не выдержишься... Кстати, я правильно понял, что проблемы со снами... вернее, восхитительные ночные видения – они ведь не только тебе знакомы?

– Точно не знаю. Но подозреваю, что у многих высокопоставленных жителей Гажина дела сейчас идут очень хорошо – и во сне, и наяву. Особенно во сне, – вытаращив глаза, как типичный малолетний лгунишка, отрапортовал Абилят. Помолчал и, делая над собой явное усилие, добавил: – Уверен, у моего покойного начальника все было настолько в порядке, что я даже представить себе не могу. При том, что природа не обделила меня воображением.

– Ясно, – кивнул я. – Бывают же счастливчики... Ладно, не буду больше мучить тебя расспросами. У меня есть пара идей получше. Давай договоримся, сэр Абилят: сейчас я пойду, прогуляюсь по городу, разыщу кое-кого из старых приятелей, другими делами займусь. Вечером буду ужинать у бургомистров: я им обещал. А ты пока наведи здесь порядок,

ладно? Все же помещение Тайного Сыска, а не разорившийся трактир. Смотреть тошно. Потом отправляйся прямехонько в городскую полицию – у вас, надеюсь, нормальные отношения?..

– Не просто нормальные, а очень хорошие, – заверил меня он. – Мы с ребятами часто друг друга выручаем, а делить нам вроде бы нечего.

– Славно, если так. Значит, раздобудь для меня копию их годового отчета. Они же тоже пишут что-нибудь для отправки в столицу, верно? Ну вот, на досуге почитай. Если найдешь какие-то странности, о которых сможешь рассуждать вслух, расскажешь мне нынче ночью. Если поймешь, что говорить на эту тему невозможно, просто отложи таблички в отдельную стопку. Если и это не получится, придумай, чего бы мне такого наврать, чтобы я уяснил корень проблемы. Думаю, у тебя все выйдет.

Честно говоря, я думал, что вся эта возня с полицейскими отчетами и даром не нужна. Просто старался занять хорошего человека полезным делом, или хоть каким-то подобием дела, чтобы не маялся. Ну и чтобы на глупости всякие времени не оставалось. А то, чего доброго, снова в бега пустится, или напьется с горя, или еще какую-нибудь ерунду с собой сотворит.

– А сажать в Холоми вы меня все-таки не будете? – упавшим голосом спросил Абилат.

– Если очень захочешь, можно и в Холоми, – великодушно пообещал я. – Но не сегодня. Через пару дней, ладно? Я уже понял, что ты мечтаешь там переночевать – просто для разнообразия, чтобы отдохнуть от непрерывного счастья и восторга, которые переполняют твои сновидения. Но вполне может оказаться, что скоро ты сможешь преспокойно дрыхнуть дома. Я всерьез намерен разобраться в этом деле. Терпеть не могу, когда люди слишком счастливы, да еще во сне и наяву одновременно. Человек должен страдать, хоть иногда. Возможно, мне потребуется твоя помощь, поэтому не вздумай никуда удирать, ладно? И бальзамом Кахара не злоупотребляй пока – это я серьезно говорю. Если очень устал, сделай один глоток, не больше. Мне нужно, чтобы у тебя была ясная голова.

– От ясной головы я бы и сам не отказался, – вздохнул бедняга. – Только вы имейте в виду: я очень хочу вам помогать. Но не уверен, что сумею. Впрочем, с уборкой я, конечно, справлюсь и с полицейским отчетом попытаюсь разобраться. И еще что-нибудь такое же простое, если...

– Поживем – увидим, сэр Абилат, – я пожал плечами. – Ты не переживай, я так долго обходился вообще без помощников, что мне даже такая малость – серьезное подспорье. Так что хорошего дня. До встречи.

– До встречи, – эхом откликнулся он.

Вид у парня был совершенно потерянный. Странно вообще-то: большинство людей, когда я объявляю о намерении лишить их своего общества, вздыхают с нескрываемым облегчением. А этот, гляди-ка, огорчился. Чудеса.

Я шел по Пестрой Линии, центральной улице Гажина. Курил трубку и с удовольствием думал, что судьба потрудилась подсунуть мне не только славную головоломку, но и очень неплохого компаньона для ее разгадывания. Мало того, что молодого-глупого и талантливого – я с такими как раз больше всего люблю иметь дело, – так еще скромного и сообразительного, что с гениями вообще крайне редко случается.

По крайней мере, он быстро включился в мою игру и тут же дал мне понять, что корень невнятных пока, но вполне реальных бед следует искать не наяву, а во сне. Вернее, в чужих снах. Это как раз совершенно меня не удивляло. В Эпоху Орденгов в Соединенном Королевстве проживало немало мастеров вмешиваться в жизнь ближнего, манипулируя его снами; искусство это, разумеется, не утрачено и сегодня. Во сне человека можно запугать, совратить, околдовать, выведать его самый сокровенный секрет, лишить памяти, силы и даже

жизни, или же, напротив, быстро обучить каким-нибудь непростым фокусам, вылечить от болезни, утешить в горе, вразумить... Да практически все что угодно можно проделать с человеком во сне, было бы желание, могущество и соответствующие навыки.

Я, собственно, и сам не раз являлся в чужие сны. Одних убивал, других спасал, третьих учил уму-разуму – насколько это возможно. Сновидения – это был мой конек, и я заранее радовался, что встретил противника, который играет на моей территории. Бедняге можно было только посочувствовать.

Впрочем, я намеревался сперва полюбоваться этой игрой, досконально ее исследовать, выучить все правила до единого, и только потом смешать карты. Что я смогу их смешать – в любой момент, по собственному желанию, – я не сомневался. В конце концов, до сих пор так было всегда, и я не видел, с какой бы стати события вдруг должны начать развиваться по иному сценарию. Есть только один принцип, которым я стабильно руководствуюсь в жизни, сколько себя помню: будет или по-моему, или вовсе никак, причем второй вариант совершенно меня не устраивает. Это правило меня, надо сказать, никогда не подводило. Ну, почти никогда.

Поскольку нынче ночью я спал сладко, как младенец, хоть и не позаботился окружить себя мало-мальски серьезной защитой, сам собой напрашивался вывод, что загадочные гажинские кошмары мне вряд ли светят, даже если я год тут проживу. То ли неизвестные злодеи не смогли навязать мне свою волю, то ли даже и не пытались, просто не захотели связываться – и вряд ли в ближайшее время что-то изменится.

Из этого я заключил, что для начала мне следует дождаться ночи и поглядеть пару-тройку чужих снов, а там – по обстоятельствам.

Сам по себе фокус вполне пустяковый, но люблю я это дело – слов нет. Один из увлекательнейших способов проводить время. Причем в последние годы насущная необходимость проникать в чужие сновидения возникала крайне редко, а о такой роскоши, как колдовство для собственного удовольствия, я и думать забыл.

Я это все к тому говорю, чтобы вы поняли: я был совершенно счастлив. Заранее предвкушал предстоящие развлечения и испытывал искреннюю благодарность к неизвестному пока виновнику всех гажинских бед. Был готов каждую дюжину дней отправлять ему в Холоми корзину с гостинцами – потом, когда все останется позади.

Я вообще люблю свою работу, и тогда любил. Для меня всякая, даже самая пустяковая загадка – праздник, я радуюсь каждой неразрешимой проблеме, как новой игрушке – а как еще прикажете тренировать ум? – но тогда, в Гажине, это было нечто из ряда вон выходящее.

Все так удачно совпало. Во-первых, все-таки чужие сны. Во-вторых, прошло уже полдня, а я по-прежнему мало что понимал. Не так уж много в жизни по-настоящему интересных головоломок, следует их ценить. А в-третьих, после давешней возни с годовым отчетом, мне, пожалуй, даже путешествие по магическому лабиринту, построенному специально для инициации студентов-первокурсников Королевской Высокой Школы, показалось бы восхитительной авантюрой. По контрасту.

Я расслабился настолько, что случайно совершил то, что всякий колдун назвал бы великим чудом, но я квалифицировал как совершенно непростительный промах: оказался на Темной Стороне города Гажина, сам того не заметив. Улица вдруг утратила привычные очертания, видимость границы между землей и небом исчезла, ветер приобрел цвет и упругость – да что я вам рассказываю! Если я все правильно понял про этот ваш Город, вы должны знать о Темной Стороне не меньше моего.

А я, думаю, все правильно понял.

Оказавшись на Темной Стороне Гажина, я перво-наперво сделал себе строжайший выговор. Оно конечно, путешествие на Темную Сторону – отличная штука. Но делать

такие вещи нечаянно, неосознанно, с моим-то опытом – просто стыдно. Ну и небезопасно, конечно, но это как раз ладно бы.

Тут вот как все устроено: у каждого, кто успешно практикует Истинную магию, рано или поздно наступает такой прекрасный и познавательный период жизни, когда границы между разными реальностями становятся зыбкими и проницаемыми, океан Хумгата шумит чуть ли не за каждой неплотно прикрытой дверью, а Щель между Мирами готова разверзнуться прямо у тебя за пазухой. И, кстати, нет никаких гарантий, что оттуда не появится волосатая лапища Неизвестности, которая как раз собралась накрошить себе салат из полудюжины любителей магических приключений, а ты – первый в ее бальном списке. Высокая, между прочим, честь, это надо понимать и не жаловаться.

Как на мой вкус, это действительно совершенно прекрасное время, такая магическая юность, бурная и безответственная. Должен покаяться: я приложил все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы задержаться на этой стадии как можно дольше. Как большинство людей, сразу родившихся умными, серьезными старичками, а потому оставшихся как бы вовсе без детства, в магии я взрослел неохотно и настолько медленно, насколько это было возможно.

Конечно, Смутные Времена оказались хорошей школой. Поскольку речь тогда все время шла только о жизни и смерти, почти не сбиваясь на другие темы, я очень быстро научился себя контролировать. После первой же серьезной ошибки взялся за ум и вскоре добился своего: плотная ткань окружающей меня реальности становилась ветхой рваниной исключительно по моей воле, и никак иначе. Я ликовал и страшно собой гордился. Как же, известно, что собственную натуру куда труднее усмирить, чем дюжину врагов уложить на месте, а я и тут на высоте, ну просто герой.

Все это было совершенно замечательно, но когда война за Кодекс, а вместе с нею и моя карьера наемного убийцы остались в прошлом, я обнаружил, что грош цена моему контролю над реальностью, если я прихожу в хорошее настроение.

Пока я спокоен и равнодушен ко всему, как положено настоящему солдату, все в полном порядке – ну это как раз естественно. Когда я устал, озабочен или даже сердит, все по-прежнему под контролем, хотя для большинства моих коллег скверное настроение – самая опасная ловушка. Мне оно однако шло только на пользу, поэтому я нередко с превеликим удовольствием примерял эту дурацкую маску к превеликой досаде окружающих. Однако стоило мне обрадоваться или развеселиться – все, прощай драгоценная, чужой кровью и собственным потом добытая стариковская мудрость.

В итоге я еще несколько дюжин лет ухлопал, дрессируя себя, как циркового оборотня. Теперь вспоминать смешно, а когда-то это было самое трудное: не провалиться на радостях в Коридор между Мирами, не додохотаться до Темной Стороны. И ведь поводов для веселья всегда хватало, и до сих пор хватает – такая, знаете ли, нелегкая судьба.

Но не будем отвлекаться. Итак, я совершенно случайно оказался на Темной Стороне Гажина вместо того, чтобы просто дойти до конца Пестрой Линии и по величественному Мосту Королевы Вельдхут отправиться на Торговый Остров, как планировал с самого начала.

Отвесив себе условную оплеуху – для порядка – я мгновенно оценил полезную сторону своего промаха. Так бы я, пожалуй, не стал рисковать драгоценным временем, путешествуя на Темную Сторону Гажина без крайней нужды, а теперь, если уж все случилось само собой, есть смысл тут задержаться и оглядеться. Иногда на Темной Стороне можно найти причудливые следы и даже истинные причины реальных событий, что-то вроде цветных узелков и обрывков нитей, которые обнаруживаются на изнанке всякой вышивки. Человеку неопытному они ничего не расскажут о рисунке на лицевой стороне, зато матерый вышивальщик

при случае может узнать немало интересного и о самом узоре, и о том, кто над ним поработал.

Поэтому я просто продолжил прогулку, даже трубку изо рта вынимать не стал, хотя на Темной Стороне мой табак обычно не горит и не дымится, а курение порождает лишь бессмысленные радужные пузыри, которые редко живут дольше нескольких секунд. Вот сэр Макс на Темной Стороне преспокойно курил свои нелепые сигаретки и в ус не дул, так то ж сэр Макс, чудо природы. Не удивлюсь, если у него даже в Хумгате леденцы припрятаны и запасные штаны на веревке сохнут.

Путешествие на Темную Сторону – одно из самых больших удовольствий, какие мне известны. Особенно в одиночку; Впрочем, в хорошей компании тоже ничего получается. Я шел себе и шел, наслаждался жизнью и пейзажем, но по сторонам поглядывал внимательно. Искал всякие странности и несуразности. Вообще-то мне никогда прежде не доводилось бывать на Темной Стороне Гажина, но это не имело особого значения. В этом смысле все города нашего континента похожи друг на друга как близнецы. Я не только знал это правило теоретически, но и на практике не раз сравнивал. Ну, разве что, в Ехо, Сердце Мира, краски поярче, ветер дует сильнее, и некоторые фрагменты реальности закрыты для посещения, взять хотя бы Темную Сторону Замка Рулх, или Королевской тюрьмы Холоми, а так почти никакой разницы.

Сперва Темная Сторона Гажина произвела на меня самое что ни на есть благоприятное впечатление. В том смысле, что так может выглядеть только Темная Сторона города, где все в полном порядке. То есть с запретной магией особо не усердствуют, а об Истинной хоть изредка, да вспоминают. Между делом следует заметить, что фрагмент Темной Стороны, куда очень долго никто не заглядывал – печальное зрелище, да и на видимой глазу стороне такого города атмосфера та еще, хоть в леса оттуда жить уходи. По хорошему, надо бы хоть раз в сто лет отправлять пару-тройку веселых странников на Темную Сторону наших захолустных городов, для профилактики, чтобы в упадок не приходили... Кстати да, надо будет этим заняться, когда вернусь домой. Очень своевременная мысль.

Впрочем, я снова отвлекся. Важно вот что: в какой-то момент я наконец обратил взор к небу, да так и сел. Натурально сел, хорошо хоть Темная Сторона меня любит и бережет, так что я как на подушки приземлился.

Непросто объяснить причины моего изумления тому, кто не слишком силен в теории. Но попробую. Поначалу мне показалось, что я увидел защитную сеть. Всем ясно, о чем я? Вижу, что не всем. Ладно, попробую растолковать.

Существует один фокус, чрезвычайно сложный в исполнении, но приносящий умопомрачительные результаты. Если очень могущественный и искусный колдун захочет надолго оградить какой-нибудь город от бедствий и разрушений, он может сплести на Темной Стороне защитную сеть. Если доведет дело до конца – все, спокойствие и процветание местным жителям гарантированы. Ни один злодей, как бы он ни был силен, не сможет не то что причинить им ущерб, а даже настроение толком никому не испортит. А умирать в этом городе будут очень редко, и не от неизлечимых болезней, не от старости даже, а просто потому, что некоторые люди устают быть. Жизнь в таком месте станет если не счастливой, то безмятежной и гармоничной; на мой вкус, все это несколько пресновато, но в таких вопросах соглашаться со мной вовсе не обязательно.

Собственно, что я вам рассказываю: такой мощной защитной сети, как та, которой опутан ваш собственный город, я отродясь не видел, даже в Кумоне, столице Куманского Халифата, а ведь в древности там поработало несколько дюжин великих мастеров. Впрочем, об этом мы потом потолкуем, если у вас будет желание.

А сейчас я вот что хочу сказать: магов, потенциально способных сплести такую защитную сеть на Темной Стороне, по пальцам пересчитать можно. И все они были моими хоро-

шими знакомыми, старшими товарищами, так сказать. Собственно, я и сам, пожалуй, сумел бы сплести такую вот защитную сеть на Темной Стороне Ехо, по крайней мере, у меня имелись очень неплохие шансы на успех. Другое дело, что у меня были – и до сих пор остаются – серьезные причины так не поступать.

Но это все как раз ладно бы. Меня сперва вот что потрясло: неужели кто-то из моих могущественных приятелей, которые не раз дружным хором объясняли мне, что не хотят и, более того, не имеют права вмешиваться в человеческую жизнь, – так вот, неужели кто-то из них втайне от коллег взялся опекать Вольный город Гажин, как зеницу ока? И если так, то кто? И с какой стати? И меня-то почему не предупредил, чтобы не дергался и не лез на его территорию? Друзьям со мной обычно очень легко договориться, и они это знают.

И наконец, как могло случиться, что я сам об этом не пронюхал? Это, собственно, удивило меня больше всего.

В общем, я был изрядно озадачен происходящим, уже который раз за день, между прочим. Удивительно хорошо начался год.

Но приглядевшись к тонкой паутине, исчертившей изумрудное-зеленое небо Темной Стороны, я понял, что это вовсе не защитная сеть. Все, что угодно, только не она. Нити не перламутровые, а пепельно-серые, да и ритм, в котором они трепещут, совсем не тот, какой требуется для защиты и опеки. И самое главное: целительный ветер Темной Стороны застревал в этой липкой паутине, а это уже никуда не годится. Совсем дрянь дело.

Что это такое, я не знал. Никогда прежде не видел ничего подобного. Подозревал, что пакость редкостная, но даже в этом не был уверен до конца. Мало ли, что ветер там застревает – возможно, это временная проблема, с которой таинственный строитель пока не может справиться. Но очень хочет. А что ж, всякое бывает, могущество большинства людей весьма ограничено, ничего странного в этом нет.

Поразмыслив, я решил, что эту загадочную штуку в любом случае следует сперва уничтожить, а уже потом разбираться. Если создатель паутины вдруг объявится и сумеет меня убедить, что она прекрасна и чрезвычайно полезна, что ж, принесу ему извинения и помогу восстановить разрушенное. Сила у меня на Темной Стороне, мягко говоря, немаленькая, о таком помощнике даже самый могущественный колдун только мечтать может, быстро приведем все в порядок.

Но, выпустив первый сноп своего фирменного Серебряного огня, я сразу понял, что продолжать не следует.

Дело не в том, что я не мог уничтожить паутину – о, еще как мог. Проще простого. Против моего Серебряного огня на Темной Стороне вообще мало что может выстоять. Но неизвестный мастер знал свое дело крепко, и его загадочная сеть существовала не сама по себе, а плотно переплеталась с тонкой, деликатной тканью здешней реальности. То есть вместе с первой порцией паутины я спалил кусочек неба. Совсем небольшой, так что беды пока не натворил. Но оставить Темную Сторону без доброй половины неба – дело немыслимое. Лучше уж сразу превратить весь город Гажин в пыль и ехать домой – куда более разумный и милосердный поступок.

«Ладно, – сказал я себе, – раз так, будем действовать обычным путем. Оно и неплохо: развлекусь как следует».

К тому моменту я уже начал предполагать, что, весьма вероятно, влип в самую интересную историю со времен битвы с Лойсо Пондохвой⁴. Теоретически следовало бы сдвинуть

⁴ О Лойсо Пондохве довольно подробно рассказывается в разных повестях цикла «Лабиринты Ехо». Здесь же о нем достаточно сказать, что Лойсо Пондохва, Великий Магистр Ордена Водяной Вороны, во времена войны за Кодекс был самым могущественным и непримиримым колдуном из стана мятежных Магистров. Он хотел не просто победить своих политических противников, но разрушить Мир. Сэр Джуффин Халли всегда считал Лойсо более сильным противником, но все же смог заточить его в необитаемой и почти непригодной для жизни вымышленной Вселенной – по его собствен-

брови и преисполниться серьезности, но я только что не плясал от радости. Вместо казенной скукотищи мне предстояла роскошная охота, и это было щедрым подарком судьбы.

С Темной Стороны я уходил кратчайшим путем. Есть один способ сэкономить время – не слишком надежный, потому что почти нет гарантий, что окажешься дома через полчаса после того, как исчез, а не, скажем, пять лет спустя. Но рискнуть стоило, благо у меня уже давно была на сей счет одна простая, но чрезвычайно практичная идея. Ну вот и пришло время ее проверить.

Вообще-то, по всем правилам, на Темную Сторону следует ходить длинным, специально проложенным маршрутом, да еще и непременно со Стражем. Впрочем, новичок туда иначе и не проберется. Но опытный путешественник вполне может просто сосредоточиться, представить себе знакомый пейзаж Темной Стороны, или, вот как я давеча, просто забыть о реальности и – хлоп! – ты уже на месте. Фокус в том, что вернуться к повседневной жизни можно точно так же. Это я и называю «кратчайшим путем». Достаточно во всех подробностях представить себе место, куда хочешь вернуться, сосредоточиться на желании туда попасть, и ты дома. Есть только одна проблема: точку возвращения ты выбираешь сам, а момент времени – это уж как повезет. Я же говорю, некоторые несколько лет теряют на таких путешествиях.

Будучи очень занятым человеком, я не мог позволить себе роскошь вот так взять, да и запропасться на годы. И мне казалось, что я изящно решил эту задачу – но только в теории, на практике пока не успел попробовать. Решение было очень простое, абсолютно в моем вкусе: выбирая место, куда хочешь вернуться, следует позаботиться, чтобы там были какие-то указания на время. Сперва мне пришли в голову часы, но я быстро сообразил, что, скажем, полночь наступит не только сегодня, но и два дня, и два года спустя. Поэтому нужна более надежная зацепка. Например, доверенный человек, который будет по вашей просьбе дежурить в заранее выбранном помещении на протяжении получаса. У меня, конечно, были по этому поводу некоторые сомнения, но попробовать стоило, причем уже давно.

А тут все как раз так удачно совпало: сэр Абилат остался в Сизом Доме. Я был почти уверен, что он больше не будет пытаться от меня сбежать, а куча заданий, которые я на него взвалил, не даст ему надолго отлучиться. Никаких гарантий, конечно, но шансы у меня, мягко говоря, неплохие.

Поэтому я неспешно пошел по тусклым темно-рубиновым булыжникам Темной Стороны Гажина, рисуя перед своим внутренним взором картинку следующего содержания: белобрысый заместитель покойного начальника Тайного Сыска снует по его кабинету; за окном еще светло, более того, видно, что полдень не так давно миновал (и это значит, что я не только не опоздаю на обед к бургомистрам, но и пару старых приятелей по дороге навещу, как и собирался с самого начала).

Надо отдать должное выдержке моего юного друга. Когда я шагнул навстречу ему прямо из огромного пустого шкафа, полки которого Абилат как раз собрался избавить от пыли, он только приветливо улыбнулся.

– Хорошо, что вы вернулись, сэр. Без вас мне как-то... ну, не по себе, честно говоря. Хоть и глотнул этого вашего бальзама, а все равно присесть страшно: вдруг засну?

– Погоди-ка, а сколько ты уже не спал? – спрашиваю.

– Не очень долго, еще и двух суток нет. Так-то я обычно дольше выдерживаю. Такие сны снятся прекрасные и удивительные, знаете, что я от них очень устаю. Не люблю яркие впечатления.

Мне очень понравился его ироничный тон. Люди, способные глумиться над собственными неприятностями – и ведь кажется довольно серьезными неприятностями! – дорогого стоят. Верный признак.

– Ну, если все так запущено, сделай еще глоток бальзама, – великодушно разрешил я. – И пожалуйста, продержись до моего возвращения, даже если это случится за полночь.

– Так вы уже вернулись, – удивился он. – Или вы мне сейчас просто мерещитесь?

– Можешь считать, что мерещусь, потому как я уже опять ухожу. Если дождешься меня, не прогадаешь: буду охранять твой сон. Это куда надежнее, чем спать в Холоми, вот увидишь.

– Ой! – сказал Абилат. – Правда, что ли? Здорово как!

Я, мягко говоря, нечасто испытываю желание купить кому-нибудь пирожное, да еще и сказку рассказать, чтобы не так страшно жить было. Но это был тот самый случай.

... Тем не менее, я снова оставил Абилата одного. С Темной Стороны я, конечно, очень удачно и вовремя вернулся, просто молодец. Но это вовсе не повод плюнуть на дела, а, напротив, прекрасная возможность их быстренько переделать.

В первую очередь я отправился в трактир «Белый Клок», что на Торговом Острове. Собственно, я с самого начала туда и шел. Хозяин трактира мой старинный друг и даже наполовину земляк. Покойная матушка Зогги Хлакка по прозвищу Белый Клок была из Кеттари, зато отец у него – арварохский вояка, которого не пойми каким лихим ветром занесло когда-то в наши края. Смесь, надо сказать, вышла отменная. Зогги был высоченный, на полголовы выше меня, плечистый мужик, с глазами круглыми, как у буривуха, но не желтыми, как у всех уроженцев Арвароха, а светло-серыми, как у большинства моих земляков, шимарских горцев. Шевелюра ему тоже досталась материнская, цвета темной меди, но арварохский папаша и тут отметился, выбелил одну прядь, которую Зогги не стриг с тех пор, как себя помнил. Так что «белый клок» давно уже стал длиннющей, почти до колен, косой.

Колдуном Зогги всегда был никаким: сказывалась отцовская кровь. Известно же, что арварохские храбрецы даже Безмолвной речи с трудом обучаются, да и то, если будет на то строжайший указ Завоевателя Арвароха, в беспрекословном подчинении которому они, как правило, обретают нехитрое свое счастье. О прочем уж и не говорю.

Зогги был не столь безнадежно туп, как его предки по отцовской линии, кое-что он все-таки мог, но ни в один захудалый Орден его бы даже дворовым метельщиком не взяли, это всем было понятно. Впрочем, неумение колдовать с лихвой уравнивалось острым умом, рассудительной отвагой и самым благородным из сердец, которые я когда-либо знал.

Познакомились мы почти случайно, почти сразу после моего приезда в столицу, и поначалу сдружились только потому, что кеттарийское землячество – это нечто из ряда вон выходящее. Уехав из опостылевшего дома, мы, кеттарийцы, тут же начинаем страстно коллекционировать друг друга по всему Миру и искренне радуемся каждой новой находке.

Я в ту пору еще был скорее профессиональным картежником, чем наемником, а Зогги – довольно удачливым карманником, на это его колдовских способностей как раз хватало. А на досуге он возился с соседскими детьми, такое у него было хобби. Все жители окрестных кварталов знали, что спокойно могут оставить своих детей у Зогги и отправляться – хоть на праздник, хоть в Квартал Свиданий, да хоть к родне в Ландаланд до конца года. Дети будут умыты, накормлены и веселы, узнают великое множество интересных сказок и новых игр. С зажиточных соседей Зогги брал деньги за услуги, но добрая половина детишек гостила у него совершенно бесплатно. Думаю, в итоге ему едва хватало на покупку еды и

игрушек, еще небось из своих воровских заработков докладывал кое-что. И ведь не то чтобы он сознательно стремился делать какие-то «добрые дела», просто Зогги нравилось иметь дело с детьми больше, чем со взрослыми. Ну и они отвечали ему тем же.

В ту пору я еще не был опасным гостем и поэтому частенько заглядывал к нему по вечерам. Так мы и подружились по-настоящему. Очень уж мне это все нравилось, я бы, наверное, и сам с детьми иногда возился, если бы жизнь иначе сложилась. Впрочем, мои юные сотрудники не так уж отличаются от питомцев Зогги – да вы сами на них поглядите...

В начале Смутных Времен, когда появились первые, так называемые «случайные» жертвы среди мирных горожан, не причастных к борьбе Короля с магическими Орденами, трое детишек из квартала, где жил Зогги, осиротели, и он поселил их у себя. Дюжину лет спустя его дом превратился в самый настоящий сиротский приют, где жили чуть ли не полсотни мальчишек и девчонок – с той только разницей, что они были куда более счастливыми детьми, чем большинство их ровесников. Быть ребенком в Смутные Времена само по себе не слишком удачная идея, а уж сиротам приходилось и вовсе несладко: взрослым, по большей части, было не до них.

Зогги вряд ли смог бы прокормить эту ораву, все же тогда и для карманников настали совсем паршивые дни, но тут уж я помог земляку. Зарабатывал я в ту пору уже так много, что проще потерять, чем пересчитать. А тратить деньги времени, да и особого желания не было, так что для меня это был не ахти какой великодушный жест. Но Зогги его оценил. Я бы даже сказал, переоценил.

Потом, уже в начале Эпохи Кодекса, вышел знаменитый Королевский указ о бесплатном обучении и полном пансионе в Королевской Высокой Школе для всех осиротевших во время гражданской войны, вне зависимости от того, на чьей стороне были их погибшие родители. Так что все детишки из приюта Зогги отправились учиться. А он сам вдруг решил начать новую жизнь – если уж старая так внезапно и, в общем, счастливо закончилась.

Я предлагал ему несколько дюжин теплых местечек на выбор, благо у меня была возможность хорошо пристроить бесконечное число приятелей и почти ни одного близкого человека, который бы в этом нуждался, но Зогги твердо заявил, что желает пожить у моря, и уехал в Гажин. Подозреваю, он не хотел отвлекать своих бывших питомцев от учебы, ну и заодно репутацию им портить не собирался, если я все правильно понимаю. Я с трудом всучил ему деньги на покупку трактира; мне, честно говоря, даже поворожить немного пришлось, чтобы заставить Зогги принять подарок. Глупо вышло бы, если бы мой друг перебивался с хлеба на воду в незнакомом городе, да еще и в Нунду угодил бы в финале какой-нибудь неудачной авантюры с чужим драгоценным браслетом.

Надо сказать, я сделал неплохой подарок, причем не столько самому Зогги, сколько Вольному городу Гажину. Трактир «Белый Клок» стал лучшей забегаловкой Торгового Острова. Зогги здорово наловчился готовить, пока кормил целую ораву капризных детишек. А поскольку с магией у него всегда обстояло не лучшим образом, Кодекс Хрембера не слишком повредил его кулинарному мастерству, так уж все удачно совпало.

Ну и потом, Зогги всегда был довольно эксцентричен, а с годами это только усугубилось. К примеру, он часто и с удовольствием шарил по карманам своих постоянных клиентов. Когда дело завершалось успешно, записывал украденную сумму в специальную тетрадь и потом долгое время кормил пострадавшего бесплатно, на все позаимствованные деньги, да еще и прибавлял что-нибудь сверху, от всего сердца. Посетителям такое положение дел очень даже нравилось – все равно, что заплатить вперед, а потом пользоваться скидкой, поэтому они всегда брали с собой в трактир старые кошель, набитые мелкой монетой, и даже обижались, если Зогги не спешил избавить их от этой ноши.

Ну и самое главное: разумеется, в трактире была большая детская комната, а на заднем дворе – сад с качелями. Это сейчас в добрую половину столичных трактиров можно

ходить с детишками, а по тем временам такая идея казалась совершенно революционной. Но в Гажине она пользовалась большим успехом; собственно, я совершенно уверен, что столичные трактирщики переняли у Зогги этот трюк, наслушавшись восторженных рассказов приезжих из Гажина.

Вот с каким человеком я собирался поговорить по душам. Я ни на секунду не сомневался: что бы ни творилось в городе, но Зогги не околдован, не очарован и не заморожен. Его и в Смутные Времена все опасности такого рода стороной обходили – все же арварохская кровь, а эти ребята чужим чарам почти неподвластны, даром, что сами ничего не умеют.

И я очень надеялся, что мой старый друг сможет хотя бы в общих чертах рассказать мне, что творится в городе.

Народу в «Белом Клоке» почти не было. За барной стойкой скучала умопомрачительная красавица средних лет. Ну да, женщины всегда сходили с ума по Зогги, его арварохская красота настолько их обезоруживала, что они были готовы на все: идти за ним на край света, нянчиться с его бесконечными детишками или вот, к примеру, за барной стойкой торчать дни напролет. На моей памяти Зогги всегда искренне удивлялся такому доброму к себе отношению и совершенно не умел пользоваться своим природным преимуществом. Ну вот, с годами, кажется, научился.

Сам Зогги, надо полагать, обретался на кухне, поэтому я отправился прямо туда, без лишних расспросов. Красавица открыла было рот, чтобы осведомиться, куда это я попер без приглашения, но пригляделась повнимательней и махнула рукой. Поняла, что останавливать меня – только время зря терять, все равно ведь зайду, куда вздумается. Вот и умница.

Зогги действительно был на кухне. Компанию ему составляли двое совсем мелких детишек, мальчик и девочка. Кажется близнецы. Меня старый друг приветствовал так, словно мы расстались вчера вечером, прервав на середине душевный разговор.

– О, Джуффин! Как всегда вовремя. Я тут такой пирог с пумбой от скуки зажарил, пальчики оближешь. Только одна беда: его горячим надо жрать, а клиентов нет. Первый день года как-никак, небось дрыхнуть до полуночи будут... И вдруг ты. Молодец, что тут скажешь!

Я принял из его рук кусок горячего пирога, откусил, распробовал – не шедевр старой кухни, конечно, но по нынешним временам ничего, сойдет.

– Это вот Ильса и Лотка, – Зогги указал на близнецов. – Мама их, говорят, давным-давно сбежала с каким-то укумбийским пиратом, а отец связался с безумным шкипером и теперь отдыхает на дне моря Укли. В Корабельную Высокую школу их отдавать рано, а с дядей мы жить не хотим и, скажу тебе по секрету, Джуффин, правильно делаем. Тот еще у нас дядя... Так что поселились у меня. Вроде пока не скучаем, да?

Детишки дружно закивали. На Зогги они смотрели с обожанием, что, впрочем, совершенно не мешало им потихоньку привязывать полу его лоохи к ножке кухонного стола.

– Ты поговорить хочешь или так, поболтать? – деловито спросил мой друг.

– Скорее поговорить.

– Так я и подумал. Лотка, Ильса, отвяжите мою одежду от стола и отправляйтесь в сад. Качели я с утра починил, заодно и проверите, хорошо ли вышло. Вечером еще раз попробуйте меня привязать: пока никуда не годится. Я сразу все заметил, вы еще и начать толком не успели. Можете пока потренироваться на леди Нарине, но только глядите, чтобы она не обиделась, а то опять будет реветь, как маленькая, придется ей ваши конфеты отдавать, чтобы перестала.

Я от души посочувствовал красотке у барной стойки. Связаться с Зогги – сомнительное счастье, если ты уже не ребенок.

– Что стряслось? – осведомился Белый Клок, вытирая руки огромной салфеткой и снимая с жаровни кувшин камры. – Нет, погоди, сперва скажи: ты пряное укумбийское бомбо-

рокки пить будешь? Потому что если будешь, я за ним в подвал смотаюсь, а если не будешь, тогда можно не суетиться.

– Спасибо, но бомборокки в меня нынче вечером губернаторы заливать будут, бочками. И не только бомборокки. Так что не бегай никуда.

– Ладно, тогда пей камру. Ты от моей камры раньше вечно нос воротил, но теперь у меня послаще выходит. Попробуй. И рассказывай.

Что касается камры, мой друг явно себе льстил, но ради хорошего человека еще и не такое можно вытерпеть.

– Я скорее расспрашивать тебя буду, чем рассказывать, – начал я. – Я в Гажине со вчерашней ночи и...

– Я чувствовал, что у нас в городе что-то не так, но неужели настолько, что ты помчался сюда в последнюю ночь года? – перебил меня Зогги. – Ну ничего себе дела!

– Именно. Собственно, меня интересует это твое «что-то не так». Расшифруй.

– Да ну, чего тут шифровать... Так-то вроде все хорошо, спокойно, но шишки наши городские ходят мрачнее тучи. Смотреть на них тошно. И чем больше шишка, тем хуже ее дела. Да ты сам сегодня на бургомистров поглядишь: хороши! Зеби Хипелосис сильно сдал. Был такой бодрый дядя, а теперь почти старик. Валда Кунык похудел вдвое, представляешь? Ну увидишь, чего я расписываю... Приятель твой Голех, величайший Тайный сыщик этого грешного побережья, тоже хорош...

– Мой покойный приятель, – сухо сказал я.

– Ага, уже, значит. Ну, я не удивляюсь: к тому шло. Он сильно сдал. С начала зимы слонялся по городу как неприкаянный, дела забросил, говорить ни о чем не хотел, а ведь какой был шустрый и общительный, бедняга!.. Грустно это. И вообще тут стало грустно, Джуффин. И дети плохо спят, – неожиданно закончил он.

– Как это «плохо»? – насторожился я. – Кошмары им снятся?

– Да вроде нет. Не кричат, не плачут, не жалуются, одни в спальне оставаться не боятся. Но... Ну что я, не знаю, как спят нормальные, здоровые дети? У меня на глазах их вон сколько выросло, ты же помнишь. И эти отлично спали, хоть и плакали сперва из-за отца, а еще больше от страха, что их дядя заберет. Ну, поплакали и перестали. А в последнее время что-то не так. Днем-то они нормально себя ведут, дети как дети, веселые, дружные и жрут как индюшата, но спят как-то... Ну, как маленькие взрослые. Лежат в кроватках строгие такие, печальные и даже дышат как-то размеренно, солидно. Ну не знаю я, как объяснить!

– Ты очень хорошо объяснил, Зогги. А сам как спишь?

– Я? Да что мне сделается... Ты же знаешь, я в отца пошел, мне только буривухи снятся изредка, а так-то вообще ничего. Зато отдыхаю хорошо.

– Ага, – кивнул я. – Ты даже не представляешь, как тебе повезло с наследственностью!

– А что, всем в Гажине, кроме меня, снятся кошмары? – изумился Зогги.

– Всем, не всем, но кое-кому – пожалуй.

Белый Клок неопределенно хмыкнул и тут же нахмурился:

– Детей надо бы отправить отсюда, раз так. Но куда? Не к тебе же?..

– Ну почему, ко мне как раз вполне можно, в крайнем случае. У меня теперь дворецкий хороший, есть кому присмотреть... Но думаю, не нужно их никуда отправлять. Я с этими кошмарами быстро разберусь. Завтра – послезавтра. В любом случае, больше времени у меня нет, а оставить все как есть я не готов.

– Тогда ладно, – тут же успокоился Зогги.

Он меня не первый день знал, а потому решил, что на меня можно положиться даже в таком непростом деле, как борьба с ночными кошмарами.

– А, да, – вдруг вспомнил он. – Тебя же, наверное, все новости интересуют, не только мое самочувствие? Так вот, сюрприз, сюрприз! Знаешь, кого я видел этой осенью в Гажине?

Я вопросительно поднял бровь.

– Лаздея Махикалу! – торжествующе объявил мой друг.

Я чуть камрой не подавился.

– Лаздея Махикалу? Которому не то что к Соединенному Королевству, а к любому берегу Хонхоны ближе, чем на пушечный выстрел, приближаться запрещено? Я-то надеялся, его уже благополучно продали в рабство где-нибудь на задворках Куманского Халифата... Но ты-то хорош, Зогги! Почему тут же не прислал мне зов и не рассказал эту новость?

– А я прислал тебе зов в тот же день, когда сам увидел его в порту, – он пожал плечами. – А ты сразу сказал, что сидишь в засаде, поэтому, если у меня не очень срочное дело, лучше поговорить о нем завтра. И я оставил тебя в покое. Засада – занятие серьезное, я же понимаю... А потом закрутился, забыл. Ну и ты не переспрашивал.

Когда я говорю приславшему зов, будто сижу в засаде, в одиннадцати случаях из дюжины это означает, что я играю в карты. Не так уж часто я позволяю себе это удовольствие и, конечно, не слишком люблю отвлекаться на всякие пустяки. Засада-то, честно говоря, Безмолвному диалогу как раз не помеха, но это мало кто понимает. А я пользуюсь общей неосведомленностью в свое удовольствие.

– Эх! А дело-то у тебя было вполне срочное, – вздохнул я, прикидывая, сумею ли укунить собственный локоть – а что еще теперь делать?

– Да ну, Джуффин. Какое же оно срочное? – искренне удивился Зогги. – Все же не Лойсо Пондохву видел, а всего лишь старину Лаздея. Я его, помнишь, от своего дома мигом отвадил? Так то я, мне же в ваши дела вообще соваться заказано было.

– Ох, Зогги, – вздохнул я. – Просто Лаздей прекрасно понимал, что с тобой лучше не связываться, потому что ты мой друг... Ладно, не будем спорить. Хорошо ты хоть сейчас это вспомнил. Покончу с делами и попробую поискать Лаздея, вдруг он еще тут. Холоми по нему плачет горячими слезами, я это с самого начала говорил, когда великий мудрец Нуфлин вдруг сделался великим же гуманистом и решил, что свободных камер в Холоми мало, поэтому пусть отправляется в изгнание.

Это был, как понимаете, довольно старый спор. И если бы только мой с Зогги! Лаздей Махикала был такой специальный хитроумный злодей, которого почти никто не принимал всерьез – кроме меня. Потому что я знал его гораздо лучше, чем кто бы то ни было. Так уж вышло.

– Еще что-нибудь расскажешь мне, Зогги? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Вроде нечего рассказывать. Все-таки ко мне сюда по большей части простые люди ходят. А у них, в отличие от больших шишек, все более-менее в порядке. Кажется. Хотя...

– Ладно. А старая Манта жива, здорова? Давно ее видел?

– Давно. Нет у меня времени в гости ходить, ты же знаешь. А она меня навещать перестала.

– С начала зимы небось?

– Кстати, кажется, да. В День Середины Осени она ко мне точно заходила, и потом еще раз. И все.

– Ясно. Попробую сам ее разыскать, если так.

– Ладно. Заглядывай еще.

– Ага, – кивнул я и направился к выходу.

– Джуффин! – окликнул меня Зогги.

– Что?

– Не «ага», а заглядывай. Я знаю, что у тебя мало времени. Но ты же не я, ты же Темным Путем ходишь. Выходит, тебе все равно, в каком трактире ужинать: возле дома на углу или тут у меня. Верно? – и он дважды стукнул себя по носу указательным пальцем.

Это наши фирменные кеттарийские штучки, специально придуманные, чтобы чужаки не поняли про нас главное: мы твердо знаем, что два хороших человека всегда могут договориться, а если не получается, то и грош им цена.

Я тоже прикоснулся пальцем к носу, кивнул, улыбнулся и вышел. Хотя будь моя воля, я бы еще часок с ним посидел, несмотря даже на дрянную камру, которую все же время от времени приходится прихлебывать. Потому что самолюбие Зогги – это святое. Надо его шадить.

Но закат неумолимо приближался, а я еще хотел повидаться с леди Мантой Кревис, самой грозной ведьмой на этом удаленном от Сердца Мира побережье Соединенного Королевства. Хотя с виду, конечно, не скажешь: сколько ее помню, Манта всегда выглядела, как старая развалина, годная лишь на то, чтобы разослать приглашения на собственные похороны. Ей так удобнее.

Дом моей старой приятельницы, как и трактир Зогги, располагался на Торговом Острове, но не возле Моста Королевы Вельдхут, а на дальней окраине. Остров, надо сказать, довольно велик, ненамного меньше, чем континентальная часть города, так что мне пришлось здорово прибавить шагу.

По дороге я все думал про Лаздея Махикалу. Я-то, честно говоря, надеялся, что у него хватит ума держаться подальше от Соединенного Королевства. Изгнание – не сахар для тех, кто привык к Очевидной магии, которая почти не работает вдали от Сердца Мира. Но тому, кто всерьез занимается Истинной магией, должно быть абсолютно все равно, где жить. А Лаздей специализировался именно в этой области. Как ни странно.

С ним вообще все было непросто.

Среди моих могущественных коллег бытует мнение, что человек, посвятивший себя Истинной магии, не может долго оставаться злым, даже если уродился сущим демоном. Впрочем, добряками от таких штудий тоже не становятся. Глубокое погружение в Истинную магию скорее просто выводит человека за рамки системы координат «добрый – злой» и за рамки многих других систем координат заодно. При большой необходимости наш брат может быть убийцей, или великим благотворителем, или сочетать эти занятия в любой последовательности, но при этом не станет ни терзаться муками совести, ни наслаждаться чужими страданиями, ни гордиться собой. Все остальные обычные и даже вроде бы обязательные в таких случаях эмоции тоже довольно быстро сходят на нет. Действия и события оцениваются не по шкале «хорошо – плохо», а по каким-то другим шкалам. Скажем, «полезно – бессмысленно», или «интересно – скучно». Потом, говорят, и это проходит, но на своей шкуре я такого пока не испытал. В общем, фокус в том, что Истинная магия быстро превращает практикующего в какое-то иное существо, которое не «лучше» и не «хуже» человека. Оно просто другое.

Так вот, Лаздей Махикала был совершенно ослепительным исключением из этого правила. Истинной магией он занимался на моей памяти чуть ли не сотню лет, причем имел в этой области совершенно незаурядные способности, а его злобный нрав с годами только крепчал. Честное слово, просто до смешного иногда доходило.

Я знаю, потому что когда-то Лаздей был моим учеником.

В ту пору, когда гражданская война еще не началась, но уже была неизбежна и меня в глаза называли Чиффой, а за глаза – Кеттарийским Охотником, или просто Кеттарийцем (думаю, не для краткости, а потому, что очень уж удобно произносить это прозвище с ненавистью, как бы сплевывая его под ноги), главной моей проблемой были не назначенные мне могущественные жертвы и даже не вельможные заказчики, а толпы юношей с горящими глазами, которые просились ко мне в ученики. Таково бремя всякой сомнительной славы.

Виски некоторых «юношей» блистали сединой, другие «юноши» щеголяли роскошной грудью и крутыми бедрами, но сути проблемы это не меняло: глаза их непременно были горящими, а голоса от волнения срывались на фальцет; все они мечтали о подвигах, приключениях, победах, больших заработках, грандиозных вечеринках и путешествиях между Мирами в придачу, чтобы мало не показалось. В какой-то момент все эти желающие приобщиться к чудесам из моего кармана так меня достали, что я, памятуя о священном принципе наемников: «бесплатно не убиваю», купил на Сумеречном рынке огромную мухобойку из Умпона, отлично приспособленную под великанский рост тамошних жителей, и отгонял ретивых неофитов исключительно этим символическим предметом. Но их число лишь возросло.

Лаздей был одним из таких соискателей, но когда я привычно замахнулся на него мухобойкой, парень тут же исчез. Ушел Темным Путем. Я был сражен наповал: мастеров, которые умеют прокладывать Темный Путь откуда угодно, по своему желанию, а не просто чужими маршрутами ходить, по пальцам пересчитать можно. А этот какой приткий!

Так что ночью, когда вышеупомянутый приткий юноша (на самом деле невысокий импозантный мужчина средних лет) возник передо мной снова, я не потянулся к мухобойке, а согласился с ним побеседовать. Чего скрывать, парень меня заинтересовал.

Лаздей Махикала оказался бывшим Младшим Магистром Ордена Колючих Ягод. Его выперли из Ордена после того, как этот красавец всласть поизмывался над юными послушниками. Собрал их однажды ночью, когда Орденское начальство было занято какими-то неотложными делами, сказал, что будет проводить особый, тайный урок колдовского искусства хождения сквозь стены. Уводил детишек по одному в самый дальний подвал, был с ними терпелив и ласков, но нужное заклинание произносил не полностью, так что несчастные юные колдуны застревали в стене. Выручать их Лаздей не спешил.

Мне он объяснил, что собирался выпустить через несколько дней всех одновременно, на радость Великому Магистру Ордена, обеспокоенному судьбой пропавших послушников. Впрочем, так далеко не зашло, его коллеги сами нашли всех детишек на следующее же утро и привели в чувство. Все-таки не перепуганные обыватели, а могущественные колдуны. О чем он вообще думал, когда планировал иной исход? Впрочем, мыслитель из Лаздея был тот еще.

Причем вот что важно понимать: Лаздей вовсе не искал выгоды. Не собирался шантажировать соратников по Ордену, обменивать заколдованных послушников на какие-нибудь блага или привилегии. Он просто наслаждался ситуацией: абсолютным доверием детей, их робостью, неумелой ворожкой, диким, неопишущим ужасом, который охватывал их в последний момент, когда древняя каменная стена смыкалась за спиной, и тут вдруг обнаруживалось, что впереди нет обещанного наставником прохода.

Он с удовольствием вспоминал свою идиотскую выходку и говорил мне, что ему было интересно: все ли дети сойдут с ума после этого приключения, или их рассудок крепче, чем кажется? Смогут ли они когда-нибудь в будущем заниматься магией, или им придется покинуть Орден, потому что страх навсегда сковал волю?

Я и сам любопытен, как горная лиса, но тут недоумевал: неужели можно искренне интересоваться такой ерундой? Да еще и за чужой счет.

А вот, оказывается, можно.

Я, честно говоря, не понимаю, как Лаздея вообще в живых оставили после того, как разоблачили. Все же у многих членов Ордена среди околдованных послушников имелись младшие братья, племянники и даже сыновья. Но нравы в Ордене Колючих Ягод были очень мягкие – не только по тем временам, а даже по нынешним. Поэтому Лаздея просто выгнали вон, а он, не особо огорчаясь, решил начать сольную карьеру. Немного потерся

среди наемников, сразу понял, что в этой среде он, мягко говоря, не круче всех, быстренько выяснил, кто считается «круче», и пошел проситься ко мне в ученики.

Я его взял, поскольку ребятами с ярко выраженными способностями к Истинной магии не разбрасываются. А Лаздей в этой области был практически гением. Его злобный нрав и искреннее желание умучить как можно больше народу поначалу меня не смущали, я свято верил, что Истинная магия изменяет людей. Ярчайший пример каждое утро взирал на меня из зеркала: я давным-давно перестал быть тем, что считал «собой», а потому мог становиться кем угодно, по необходимости. Я не предполагал, что может быть иначе. Но этот тип оказался крепким орешком.

Я возился с ним пару дюжин лет, не обращая внимания ни на дикие выходки, ни даже на регулярные попытки покуситься на мою собственную шкуру. Довольно жалкие, но остроумные попытки, надо отдать ему должное.

А потом парень пропал. Нет его, и все тут. Я регулярно слал ему зов, он не отвечал, прикинувшись покойником. Впрочем, это меня не особо тревожило: Лаздей быстро научился ограждать себя от Безмолвной речи, даже от меня как-то ухитрялся спрятаться. Я же говорю, гений. Кроме того, я допускал, что он вполне мог застрять на Темной Стороне, это для новичков обычное дело. Вернется небось, рано или поздно.

Я бы, пожалуй, все равно его разыскал, но все так неудачно сложилось, что именно в тот момент меня коснулся Бич Магов. Не вдаваясь в подробности, скажу лишь, что я временно утратил могущество и был вынужден несколько лет скрываться в Ирраши от своих врагов, заказчиков и коллег – словом, от всех сразу. Кстати, именно тогда я осуществил свою заветную мечту: открыл трактир, маленький, но по тамошним меркам, очень неплохой. С тех пор живу, как сухой лист на ветру, без долгосрочных планов и возвышенных целей: о чем мечтать, когда все самое прекрасное осталось в прошлом?

Да не смотрите вы на меня так. Шучу я, шучу. Хотя...

Когда мои дела поправились, и я вернулся в Ехо, Лаздей уже был на месте. К тому времени он стал довольно заметной фигурой среди тамошних наемных убийц. Заметной в том смысле, что парень считался самым ненадежным представителем этого цеха: все знали, что из трех заказов он выполняет в лучшем случае один. Впрочем, я-то понимал, что дело не в недостатке мастерства. Просто Лаздею до такой степени нравилось глумиться над заказчиками, что это удовольствие перевешивало даже его врожденную любовь к убийствам.

Если бы он только захотел, его репутация была бы почти безупречной, а гонорары в несколько раз больше. Моя наука пошла парню на пользу, но нрав его, мягко говоря, не смягчился. От встреч со мной он уклонялся, как мог; я, впрочем, не слишком настаивал.

Зато от общих знакомых я наконец узнал причину его давешнего исчезновения. Оказывается Лаздей случайно угодил в тюрьму, да не в Холоми, не в Нунду даже, а в самую обычную тюрьму на острове Муримах, которая хороша только для местных карманников. То есть он, как и всякий человек, изучивший искусство Темного Пути, мог бы удрать оттуда в любую секунду. Я уже не говорю о нескольких дюжинах способов разрушить тюремные стены, которые тоже были в его распоряжении. Но Лаздей предпочел остаться ради удовольствия мучить и запугивать своих товарищей по заключению. Не знаю в точности, что именно он вытворял с беднягами, но действовал умело и продуманно, растягивал удовольствие. То есть результаты его развлечений проявились не сразу, а немного погодя. К концу третьего года его отсидки несколько узников наложили на себя руки, добрая половина загремела в Приют Безумных, а уцелевшие балансировали на тонкой грани между первым и вторым вариантами. Наконец тюремный комендант почуял неладное и распорядился отправить опасного узника в столицу; нечего и говорить, что Лаздей уколошил своих конвоиров прямо у тюремных ворот и исчез, послав ошарашенному коменданту воздушный поцелуй на прощание. Что-что, а чувство стиля у него всегда было.

Словом, парень вел себя как настоящий безумец, с той только разницей, что безумием от него не пахло. Это было самое удивительное. Мои могущественные старшие товарищи, и те не могли толком объяснить, почему Истинная магия не пошла Лаздею на пользу. Пожимали плечами, дескать, вот оно как бывает! В конце концов, мы единодушно решили, что вполне можем прожить на свете и без ответа на этот вопрос. Плюнули и забыли.

Впрочем, я-то продолжал опекать своего бывшего ученика на расстоянии – так, чтобы ему и в голову не пришло, что его спина прикрыта. Жизнь каждого посвященного в тайны Истинной магии казалась (впрочем, до сих пор кажется) мне величайшей драгоценностью. Поэтому я следил, чтобы парень не лишился своей дурацкой башки раньше времени, подстраховывал его понемножку. Думал: лучше я сам его убью, когда окончательно пойму, что он неисправим.

Но я его так и не убил. Уже в самом конце войны за Кодекс сгреб это чудо природы в охапку и приволок в Холоми, чтобы охолонул. Лаздей сразу понял, что может противопоставить мне – ну, разве что свое умение скрываться от Безмолвной речи. Во всех прочих видах нашего кровавого спорта мы по-прежнему выступали в разных категориях. Поэтому он вел себя смирно, даже пытался разжалобить меня сентиментальными воспоминаниями о старых временах и бурными сожалениями, что слишком рано решил покончить с ученичеством. Все это выглядело как дешевый фарс: уж что-что, а лирические сцены Лаздею никогда не удавались.

Кажется именно тогда я окончательно понял, что возиться с ним – пустая трата времени. Мне довелось иметь дело со многими колдунами той эпохи. Почти все они достойно сражались со мной даже в самой безнадежной ситуации, освежая драку оскорблениями и угрозами – вполне нормальное поведение, когда тебя хотят убить. Некоторые предпочитали сдаться, предварительно выторговав для себя приемлемые условия капитуляции. Но они всегда делали это, сохраняя достоинство, не опускаясь до мелочной лжи, вроде комплиментов и прочих изъятий никому не нужной личной симпатии. А Лаздей повел себя как-то совсем уж по-идиотски. Кажется, он искренне полагал, что меня интересует его мнение о моей драгоценной персоне, вот и старался как мог, льстил и подлизывался, доставлял удовольствие сильному противнику, чтобы тот позволил ему выжить. Нечего сказать, выбрал себе ученика, молодец, Чиффа, великий знаток человеческих душ!

Впрочем, всерьез ненавидеть Лаздея было бы и вовсе бессмысленно. Единственное, что я мог сделать в этой ситуации – как можно скорее избавиться от своей обузы. Я сдал Лаздея Махикалу на руки стражам Холоми, подписал бумагу, где сообщал, что настоятельно рекомендую для своего пленника пожизненное заключение, и занялся другими делами, которых было невпроворот.

Несколько лет спустя, когда война за Кодекс наконец благополучно закончилась, я узнал, что пожизненное заключение Лаздею Махикале заменили пожизненной же ссылкой. Эта новость меня раздосадовала, но и только. Ну да, ясно, что рано или поздно он вернется, и мне (кому же еще?) придется его ловить, но не прямо же сегодня? И Магистры с ним, раз так.

Ну вот, этот светлый день настал.

Вот почему сюрприз Зогги меня не шибко вдохновил. Во-первых, Лаздей объявился очень уж некстати. Я бы предпочел, чтобы он погодил с возвращением еще пару лет, дал мне разобраться с более неотложными делами (в ту пору я наивно полагал, что поток этих самых неотложных дел и правда когда-нибудь иссякнет). А во-вторых, обидно, что я узнал о его возвращении с таким опозданием. Ищи его теперь. Небось опять в какую-нибудь тюрьму пробрался, или даже в Приют Безумных. Вот уж где есть кого помучить...

Меж тем я пришел. Двухэтажный особняк на Крайней улице еще издали показался мне запущенным и даже обветшавшим, но сперва я не придал этому особого значения. Я

знал Манту не первый год и был в курсе, что время от времени у нее случаются периоды беспросветной, безобразной лени. В такие дни она с постели почти не встает и только что под себя не ходит. С ней бывает.

Но, распахнув дверь, я сразу понял, что дело неладно: дом был пуст. Мне даже комнаты осматривать не потребовалось, чтобы это понять. Запаха достаточно. Вдохнув воздух, я уже знал, что дом пустует не одну дюжину дней. Обыск, собственно, ничего не прибавил к этому знанию. Правда, я выяснил, что в доме не творилось никакого насилия – ни магического, ни даже бытового. Никто никого не убивал, иначе говоря. Великое открытие, ничего не скажешь.

Я попробовал встать на след Манты и почти сразу понял, что в этом удовольствии придется себе отказать. Моя старая приятельница была мертва. Ничего себе новости.

Я мог бы задержаться в доме, повозиться с безделушками в спальне и кухонной утвари, разузнать у них, что здесь творилось. Но тогда плакал бы мой ужин у бургомистров. Поэтому я решил сэкономить время и поболтать с соседями – для начала. Предметы, равно как их способность воспроизводить события прошлого, имевшие место в их присутствии, никуда не денутся. Дома ведьм, даже покойных, грабители обходят стороной, а городские власти будут ждать еще несколько лет, не объявятся ли наследники.

Соседи в один голос сообщили мне следующее: старушка мирно скончалась во сне, еще в самом начале зимы. Никто не удивился: Манта, как я уже говорил, выглядела дряхлой развалиной, а зная, что под этой личиной скрывается полное жизни могущественное существо, никто не обязан. Кроме меня, разумеется.

Мне-то эта самая подозрительно мирная кончина во сне ужасно не нравилась. Но разбираться с ней пока не было времени: солнце уже клонилось к закату, а значит, господа бургомистры скоро, того гляди, начнут на меня обижаться. Конечно, не в моих привычках бросать дела ради светских обязанностей, но мне было любопытно на них поглядеть. Если уж Зогги говорит, что на беднягах лица нет...

Поэтому я распрощался с соседями покойной леди Манты и отправился в бургомистерский особняк, построенный в самом начале Пестрой Линии специально для того, чтобы господа Валда Кунык и Зеби Хипелосис прекратили вечные споры на тему, в чьем доме им следует принимать очередного высокого гостя. Ясно ведь, что каждый хотел обстригать хлопотное дело в апартаментах коллеги.

По дороге я послал зов своему юному другу Абилату. Убедился, что у него все в полном порядке, тем и ограничился. Даже не стал делать вид, будто меня интересуют результаты его трудов над полицейскими отчетами. Отмахнулся: «Потом как-нибудь расскажешь на досуге». Я так рассудил: если мальчик почувствует себя идиотом, которого засадили за никому не нужную работу – тем лучше. Он, пожалуй, так обидится, что точно до моего прихода не заснет. А мне того и надо. Вернее, ему. Нам обоим.

Зогги был прав: Зеби Хипелосис действительно заметно сдал. Вообще-то он из тех редких людей, кому старость к лицу: в юности они обычно обладают заурадной внешностью, зато с возрастом обретают некую особую живость черт и пронзительность взгляда – проверенный рецепт обаяния. Но вот живость и пронзительность Зеби как раз и подрастерял. Что до его коллеги Валды Куныка, на мой взгляд, отощание пошло бургомистру на пользу. Когда я видел его на Королевском приеме, он был слишком уж округлый. А теперь – в самый раз. Кислое выражение лица и вялость жестов однако скверно сочетались с обретенной стройностью. Я-то запомнил его лукавым весельчаком, на мой вкус, несколько утомительным, но приятным.

Впрочем, я, разумеется, сделал вид, что все в полном порядке. Ну и бургомистры не спешили доказывать мне обратное. В течение двух часов они кормили меня самыми изыс-

канными блюдами гажинской кухни и не самым изысканным враньем: наперебой расписывали, как хорошо идут у них дела, как спокойно стало в Гажине, какая прекрасная настала жизнь – даже удивительно, что господин Голех Облона позволил себе трагически погибнуть нынче утром. С чего бы это он?

Да уж, действительно, с чего бы?..

Я жевал и слушал. Кивал флегматично, то и дело подносил к губам стакан с пряным укумбийским бомборокки. Кому какое дело, что подпоить меня невозможно, если я давным-давно выучился изображать все положенные стадии опьянения, включая падение на пол якобы бесчувственного тела. Впрочем, тут мне этот трюк был без надобности, вполне достаточно продемонстрировать щедрым хозяевам расслабленность лицевых мышц. Все же не вечеринка с портовыми нищими, каких в моей жизни тоже случалось немало.

Я сразу понял, что задавать вопросы на интересующую меня тему бесполезно. То есть спрашивать-то можно, а вот ждать, что бургомистры кинутся мне на шею и начнут жаловаться на жизнь, не стоило. Они хорошие, надежные люди, но ясно, что сейчас от их доброй воли мало что зависит. Следовало действовать иначе.

– Не нравится мне, как вы держите голову, Зеби, – сказал я, улучив момент, когда старший из бургомистров начал понемногу клевать носом. – Застудили на сквозняке?

Зеби Хипелосис начал было уверять меня, что с шеей все в порядке, но я строго покачал головой.

– Это вам сейчас так кажется, а вот завтра поутру – погляжу, что вы запоете. Но до утра лучше не ждать. Вы же знаете, я опытный знахарь. Сейчас быстренько все поправим.

Старик не стал сопротивляться. Во-первых, по собственному опыту знал, что я действительно неплохо разбираюсь в болячках и могу поставить верный диагноз еще до того, как болезнь станет причинять беспокойство. А во-вторых лечение застуженной шеи – такой пустяк, что никому просто в голову не придет подозревать знахаря в каком-то тайном умысле. Поэтому Зеби рассыпался в благодарностях, а я вскочил с почетного места и взялся за дело.

Положив руки на основание шеи, можно не только вылечить простуду, но и, при известной сноровке, определить, не связан ли пациент чужими заклинаниями. Ну и выяснить, какими именно. Другое дело, что в наше время мало кто это умеет, наука-то древняя, почти совсем забытая. Но у меня был очень хороший учитель. Такой хороший, что до сих пор опомниться не могу от такого несказанного счастья.

Впрочем, ладно. Важно, что я тут же понял: на Зеби наложено отменное заклятие. В смысле, чрезвычайно действенное. Одно из тех, которые не позволяют человеку добровольно разгласить чужую тайну. И очень быстро и качественно уничтожают беднягу, если кто-нибудь попытается разговорить его силой. Я не сомневался, что с моим приятелем Голехом Облоной дело обстояло ровно так же. А мне-то и в голову не приходило, что в Гажине околачивается колдун, достаточно могущественный, чтобы все это проверить. Такова плата за столичный снобизм, правда, платить пришлось не мне, а Голеху. Но так часто бывает, ничего не поделаешь.

К Валде Куныку я и соваться не стал с ухаживаниями: и так ясно, что оба бургомистра влипли в одну и ту же беду. Чего время зря терять?

Планы мои на ночь окончательно оформились. Допрашивать бодрствующих бургомистров бессмысленно, это ясно. Но есть в моем распоряжении один беспроигрышный фокус. Стоит мне оказаться рядом со спящим человеком, и я без всяких заклинаний узнаю о нем все, что меня интересует. Тоже азы Истинной магии, к слову сказать. Правда я знаю ребят, которые над этими «азами» по тысяче лет быются. Такая уж это прекрасная наука: труднее всего даются именно азы, потом-то все уже как бы само собой выходит.

Я распрощался с бургомистрами, ссылаясь на незавершенное расследование и общую усталость. Они, разумеется, приложили некоторые усилия, чтобы подольше побыть в моем обществе, но не больше, чем этого требует этикет. Так что я благополучно встал из-за стола и отправился в Сизый Дом. Решил, что сперва попробую разделить сон с горемычным сэром Абилатом, а потом, после полуночи, проникну Темным Путем в бургомистерские спальни и узнаю, наконец, какое именно положение дел они вынуждены описывать как идеальное.

Я только что руки не потирал на радостях: вот уж везет так везет! Далеко не каждое расследование дает мне возможность заниматься исключительно любимыми трюками, пренебрегая всякой рутинной скукотей, вроде засад, погонь и драк.

Сэр Абилат ждал меня, приплясывая от нетерпения. То есть он неподвижно сидел в кресле, но в то же время было совершенно очевидно, что парень именно приплясывает. А я-то думал, он станет обижаться, осознав, на какое бессмысленное поручение угробил весь день.

– Вы были правы. Полицейские отчеты действительно совершенно неинтересные, – сказал он, зевая. – А самые бессмысленные я сложил в отдельную стопку, чтобы вы даже от скуки не вздумали их читать. Такая несусветная ерунда...

Молодец, что тут скажешь.

– Ладно, – говорю, – так и быть, взгляну на твою «ерунду». Просто любопытно: какая разновидность ерунды считается полной ерундой у вас в Гажине? Своего рода исследование нравов и обычаев, это всегда интересно.

– Ну разве что, – согласился Абилат, сияя от удовольствия.

Все самопишущие таблички, собранные в отдельную стопку, содержали отчеты Мастера Сопровождающего Мертвых, а проще говоря, полицейского знахаря, в чьи обязанности входит констатировать и должным образом объяснить всякую смерть, попавшую в поле зрения служителей закона. Беглого ознакомления с первой полудюжиной записей хватило, чтобы понять: мой помощник собрал вместе все отчеты о случаях мирной, ненасильственной смерти в собственной постели. Так часто бывает: одинокий человек, вроде моей приятельницы Манты, умирает у себя дома, и его соседи вызывают полицию, а та уже разбирается, что случилось.

– Все об одном и том же? – на всякий случай уточнил я.

– Ага. Говорю же: невероятная ерунда, а вы зачем-то читать стали...

– Резвиться потом будешь, ладно? Я уже все понял, – я пересчитал таблички. – Шестьдесят восемь таких случаев с начала зимы, верно?.. Ничего так число, не маленькое. И это, надо понимать, капля в море: к большинству покойников родственники вызывали не полицию, а домашнего знахаря, и эти случаи в полицейских отчетах не фигурируют. Так?

– Мне трудно говорить с вами о такой ерунде, – помолчав, сказал Абилат. – Правда трудно. Но возражать вам я в любом случае не собирался.

– Ну и правильно. Что тут возразишь?.. Ясно мне все с твоей ерундой, сэр Абилат. Знаешь, давай-ка я спать тебя уложу. Да не смотри ты на меня такими дикими глазами. Я буду рядом. Больше того, я разделю твой сон. Знаешь, что это такое? Читал об этом в своих книжках?

Он растерянно помотал головой.

– Это значит, что мы с тобой будем смотреть один сон на двоих. Причем будем находиться там вместе, как вот в этой комнате. В случае чего, я и за руку тебя взять смогу, и обидчикам твоим по морде дать сумею. Да-да, можешь не возражать, я помню: нет никаких обидчиков. Сны жителей Гажины прекрасны и удивительны. Я же просто так, для примера... Ну что, рискнешь поспать на таких условиях?

– Пожалуй, – решил Абилат. – И если хоть половина того, что о вас рассказывают, правда, я ничем не рискую.

– Все, что обо мне рассказывают – это половина правды, – поправил его я. – Или даже четверть. Можешь мне поверить.

Он, впрочем, и так мне верил, это было видно невооруженным глазом. Конечно, сам-то я полагаю, что по большому счету, верить не стоит вообще никому. И не потому что вокруг нас сплошь злодеи да мерзавцы, просто у каждого в любом деле свой интерес, да и манера выражаться своя, уникальная, из-за этого тоже немало путаницы бывает.

Но я решил, что это объясню Абилату как-нибудь попозже. Все хорошо в свое время.

– Только здесь, в Сизом Доме, негде спать, – вздохнул он. – Может, я просто домой пойду? А вы со мной... То есть, я хотел сказать, будьте моим гостем, но в данных обстоятельствах это как-то глупо звучит, да?

– Какая разница, как оно звучит? – отмахнулся я. – Конечно, пошли к тебе. Тем более, у тебя тут Темный Путь проложен, время на дорогу терять не надо. Давай, вперед. А я за тобой.

Легко мне было говорить: «вперед». Бедный мальчик чуть ли не полчаса топтался на пороге Сизого Дома. Тоже мне, сэкономили время. Понятное дело, для него это был все еще очень сложный фокус, а тут еще я болтаюсь, гляжу, оценку небось ему выставлю: «сэр Абилат – никуда не годный колдун». Так он себе, надо думать, это представлял, обычное дело. Поэтому нервничал, не мог сосредоточиться.

Но я терпеливо все это перенес, не стал предлагать свою помощь. Хотя, чего греха таить, язык чесался.

Оценок я ему, понятно, выставять не собирался. Но когда мы наконец очутились в просторном холле огромного старинного дома, я не без удивления констатировал, что худо-бедно, а ходить Темным Путем парень действительно научился. Не наврал.

Оглядевшись, я понял, что в доме скорее всего пусто, но на всякий случай спросил:

– Тут кто-нибудь есть, кроме нас?

Абилат помотал головой.

– Я живу один. Раз в три дня приходят соседи, муж и жена. Наводят порядок, чинят, если что-то сломалось, и уходят домой. Так дешевле, да и не мешает никто.

– Ясно. Ну и славно, значит, не нужно никого предупреждать, что в доме гость. Ты голоден или сразу спать пойдешь?

– Если вы не возражаете, лучше спать, – честно сказал он. – Вас же, наверное, кормили у бургомистров? А я думать ни о чем, кроме подушки, не могу, хотя этот ваш бальзам Кахара отличная вещь. Но он не очень долго действует. Наверное, я просто слишком давно спал.

– Наверное. Ну и пошли в твою спальню, чего мы стоим?

Когда я улегся рядом, Абилат изрядно удивился. Думал, наверное, что я буду стоять у его ложа с каким-нибудь волшебным мечом наперевес. Ну или хоть некий варварский танец под потолком исполню. А я под одеяло лезу, какое разочарование!

– Наши головы должны лежать на одной подушке, – объяснил я. – Желательно, чтобы макушки соприкасались, так проще достичь нужного эффекта. Мы заснем одновременно и увидим один и тот же сон. Обычно заранее трудно сказать, чей именно. Но я умею управлять этим процессом.

– Ой, а нельзя просто посмотреть ваш сон? – с надеждой спросил Абилат. Помолчал и неохотно прибавил: – Просто для разнообразия.

Я его отлично понимал. Любой на его месте ухватился бы за возможность поспать без привычных кошмаров. Но мне надо было браться за расследование, а не усталых детей баюкать, поэтому покоя бедняге Абилату не светило. По крайней мере, не в ближайшее время.

Но вслух я сказал:

– Там видно будет. Может, оба сна посмотрим, по очереди. Как пойдет. Давай, закрывай глаза. И ничего не бойся.

– Я не боюсь, – вздохнул он. – Просто устал за последние дни. А так-то все в порядке. Ох уж это мне «все в порядке»...

Как я и обещал, мы заснули одновременно. И, как всегда происходит в таких случаях, одновременно открыли глаза по ту сторону повседневной реальности, в небольшой комнате с голубыми стенами и оконными занавесками самых что ни на есть веселых расцветок. За окнами зеленел сад с аккуратно подстриженными лужайками, на круглом столе стоял букет полевых цветов. Впрочем, не только на столе, букеты были повсюду: на книжных полках, заставленных тонкими томиками стихов из «Библиотеки Древней Поэзии», на подоконниках, даже в напольных вазах. Низкие диваны пестрели шелковыми подушками, на ковре лежали большие мягкие игрушки, из тех, что обычно покупают для подросших уже детей, малышам такую красоту портить не дают. Словом, идеальная девичья горенка, да и только!

Я изумленно присвистнул: при всей простоте и обыденности обстановки сон Абилата был соткан вовсе не из той материи, что обычные сны – хоть сладкие грезы, хоть кошмары. Природа его сновидения была скорее сродни природе вот этого пространства, где мы с вами сейчас сидим, хотя, конечно, есть великое множество различий. Коротко говоря, это была достоверная реальность, в подобном месте и пищей насытиться можно, и руку поранив, проснуться в крови, и умереть, честно говоря, ничуть не сложнее, чем в обыденной жизни. Нормальным людям такие сны с бухты-барахты не снятся; молодому гению, недавно начавшему изучать основы Истинной магии по отцовским книжкам, тоже не должны бы. По крайней мере, без посторонней помощи.

Понятно, что эта самая посторонняя помощь имела место. В том-то и беда, что без нее не обошлось.

Пока я удивлялся, Абилат тоже смотрел по сторонам круглыми от недоумения глазами.

– Все-таки мы видим ваш сон? – наконец спросил он.

– Нет. Твой. А что, все не как обычно?

– Это, – выразительно сказал Абилат, – вот именно то самое место, которое снится мне каждую ночь. И выглядит оно в точности так же, как всегда. Ну просто ни малейшего отличия. Ни малейшего!

Так мило с его стороны и во сне помнить наш давешний уговор насчет вранья! Нет, правда, молодец.

Я сунулся к окну, и парня потянул за собой. Решил, что надо обследовать пространство этого сновидения. В комнате сидеть, букеты нюхать – дело, конечно, хорошее. Но быстро надоест, уж я-то себя знаю.

Окно не открывалось. Я решил не своевольничать в чужом сне без особой нужды и некоторое время просто разглядывал сад. Он показался мне совершенно безвкусным, лишенным даже того скромного обаяния, которым щеголяют запущенные сады небогатых и ленивых, но душевных обывателей пригородов все того же Гажина. Словно бы садом занималась даже не гипотетическая хозяйка девичьей комнаты, а, скажем, ее пожилой ухажер, книжный червь, которому лишь теоретически известно, что юные девицы любят аккуратно подстриженную *травку* (а не нормальную буйнорастущую траву), *фруктики* (садовые деревья плодоносили с отчаянием обреченных на скорую гибель, непонятно, как ветви выдерживали такую тяжесть), *цветочки* (их в саду, мягко говоря, хватало) и *птичек* (причудливые разноцветные вариации на тему воробья в огромном количестве сидели на ветках деревьев, но вели себя как-то вяло, даже крыльями махать не пытались).

Трудно в нескольких словах объяснять такие тонкости, но этот сад действительно казался состряпанным на скорую руку, в надежде угодить чужому вкусу и с потаенным жела-

нием как можно скорей покончить с неприятной работой. Объяснить-то трудно, а вот не заметить – невозможно, такие вещи и во сне – даже в чужом сне! – бросаются в глаза.

– Ерунда какая-то, – вздохнул Абилат.

Впрочем, он выглядел вполне довольным. Очевидно текущее сновидение выгодно отличалось от обычного положения дел.

Окончательно убедившись, что окно проще уничтожить, чем распахнуть, я направился к двери. Любопытная деталь: когда я только отвернулся от окна, никакой двери в помещении не было, готов поклясться. Уж рассеянностью и невниманием к деталям я и в худшие свои дни не страдал. Но миг спустя дверь все-таки появилась в дальнем конце комнаты. Аккуратная такая небольшая дверца, выкрашенная в яркий синий цвет. Мне, пожалуй, пришлось бы пригнуться, чтобы ею воспользоваться, но человек, который открыл дверь и вошел в комнату, мог не беспокоиться о своей макушке: он был не слишком высок.

– Ну вот, наконец-то мы опять встретились! – взволнованно сказал он. – Я страшно нервничал, поджидая тебя, Джуффин... вас, сэр. Как мальчишка. Впрочем, ученик всегда остается учеником, а учитель учителем, правда?

Ну да. Это был Лаздей Махикала, собственной персоной. Нельзя сказать, что я сильно удивился, хотя, когда мы расстались, он вряд ли мог вот так запросто объявиться в чужом сне, да еще и в качестве гостеприимного хозяина. Но – мало ли что было раньше...

И вот еще странность. За те годы, что мы не виделись, его манеры разительным образом переменились. Прежде Лаздей в лучшем случае буркнул бы: «Ну что?» – и, надо сказать, как раз это его качество я числил скорее достоинством. Все лучше, чем вымученно улыбаться без крайней нужды – вот как сейчас.

Чтобы хоть отчасти уравновесить неожиданно проявившийся в парне дар салонной дипломатии, я решил сразу брать быка за рога.

– Серая дрянь на Темной Стороне Гажина – твоя работа? То-то я смотрю сны у местных жителей стали такие плотные и упругие – хоть криком кричи.

– Правда здорово вышло? – Лаздей спросил это с плохо скрываемым самодовольством. Тут же понял, что перегнул палку, и пустился в объяснения: – Это не дрянь, поверьте. Мало ли, как она выглядит... Я тут большое дело затеял, и пока все очень хорошо получается. Я не для себя стараюсь. Просто мне, пока я сидел в Холоми, вот что пришло в голову: ну не будет теперь в Соединенном Королевстве Очевидной магии. Или почти не будет... Да вы садитесь, сэр Джуффин, и вы, господин... простите, не знаю вашего имени, но вы все равно садитесь, что же мы стоя разговариваем?

Я остался стоять, но Абилат тут же поспешно уселся на диван. Вид у него при этом был тот еще. Мой юный друг безусловно видел Лаздея не впервые. И столь же безусловно был огорошен его поведением. Явно ожидал чего-то другого. Я решил, что надо будет потом его расспросить, когда проснемся. Пусть соврет что-нибудь так, чтобы мне все стало понятно, у него это лихо получается.

– Продолжай, Лаздей, – попросил я. – Мне, видишь ли, снится, что я стою, а не сижу, и я пока не хочу ничего менять. Но не думаю, что это должно помешать разговору. Ты оставался на том, что в Соединенном Королевстве больше нет Очевидной магии. Не самая свежая новость, но не беда. Я готов слушать дальше.

Лаздей адресовал мне укоризненный взгляд, но тут же понял, что это вполне бессмысленно, и торопливо продолжил:

– Я подумал, что это очень скверно: людям нельзя жить совсем без магии. Нет, я понимаю, что Кодекс Хрембера – необходимость, вы мне с самого начала очень убедительно объяснили, что Мир может рухнуть. Но ведь кроме Очевидной магии есть Истинная, она любому Миру только на пользу, не только нашему, вы сами говорили...

– Говорил. И это чистая правда.

– Ну вот. Беда в том, что мало кто из людей имеет способности к Истинной магии, так? А то все бы с утра до ночи ею занимались и были счастливы, верно?

– Насчет счастья не уверен. Но всякое случается.

– И тогда я подумал, что если помочь людям сделать первый шаг... Ну, чуть-чуть подтолкнуть их в этом направлении, пусть даже насильно... Потом ведь может оказаться, что дальше они пойдут сами? Вы же мне объясняли, с Истинной магией обстоит так, что главное – начать, а потом само пойдет, и я убедился, так оно и есть.

– Ну-ну, – вздохнул я. – Хочешь сказать, ты вернулся из изгнания, чтобы обучать граждан Соединенного Королевства Истинной магии? Великая миссия, вот уж действительно... Честно говоря, не надеялся когда-нибудь услышать от тебя столь возвышенную херню. Кстати, тебе не приходило в голову, что, если бы такое было возможно, в этом Мире нашлось бы немало куда более опытных и умелых учителей, чем ты?

– Ну, вы же не очень интересуетесь другими людьми, – скромно пожал плечами Лаздей. – А я ими всегда интересовался.

– О да! – обрадовался я. – Еще бы! Отлично помню твой искренний интерес к людям. Вот, к примеру, с сокамерниками твоими на Муримахе тебе было так интересно, дальше некуда! А уж им-то с тобой...

– Я знаю, что вы все это обо мне помните, – Лаздей покаянно опустил голову. – Хвататься нечем, в ту пору, когда вы меня знали, я был абсолютно безумен. Но с тех пор я очень изменился. Истинная магия действительно меняет людей, просто со мной это почему-то происходило очень медленно. Вернее, сперва не происходило вовсе, а потом вдруг – раз, и все! Проснулся другим человеком – после одного сна, подобного этому, кстати. Вы же понимаете, о чем я говорю, правда?

– Ну, понимаю. И что с того? – сказал я, прикидывая, как бы мне сграбастать этого беглеца, чтобы проснуться в спальне Абилата не вдвоем, а втроем. И был вынужден признать, что это дохлый номер. Если бы это был мой сон – нет проблем. Но, к сожалению, это был сон Абилата, и моя инициатива была ограничена его представлениями о возможном. А молодой человек почему-то считал Лаздея очень могущественным колдуном. Куда более грозным, чем я. И даже заискивающий тон моего бывшего ученика ничего не менял, вот что удивительно!

Эх, знать бы заранее, кого мы тут встретим и как дело обернется, уж я бы позаботился о репутации Лаздея. Рассказал бы Абилату пару-тройку забавных историй, глядишь, и руки сейчас были бы развязаны.

«Ладно, ничего, – оптимистически подумал я, – сейчас проснемся, я ему все быстро объясню и усыплю снова. Никуда Лаздей от нас не денется. Если уж эта реальность его рук дело – а ведь похоже на то! – он сидит тут, как паук в паутине, отлучиться не может. Знаю я, как это бывает».

– Я действительно вернулся из изгнания, не получив на это соответствующего разрешения, – повинился Лаздей. – Но я сознательно пошел на такой риск. Решил, что должен хотя бы попытаться что-то сделать. В Уандуке мне удалось кое-чему научиться. Некоторым вещам, о которых я от вас даже не слышал. Предки нынешних жителей Уандука любили жить во сне куда больше, чем наяву. Они только и делали, что ткали сновидения – для себя, для друзей и соседей. Дарили их друг другу, обменивались и даже торговали. Но не обычные иллюзии, которые можно получить в лавке нашего Мастера Совершенных Снов, а что-то вроде этого...

– Да-да, я понимаю, о чем речь, – сухо сказал я. – Не отвлекайся. Рассказывай лучше, что ты затеял и зачем. Хочешь врать – можешь врать. Но сперва вспомни, было ли такое, чтобы я не смог тебя раскусить.

– Зачем мне вас обманывать? – парень упорно гнул свое. – Я пошел на огромный риск, чтобы подарить людям возможность видеть чудесные сны вместо обыкновенных. И сами поглядите, у меня все получилось. Надеюсь, некоторым это пойдет на пользу, и они смогут что-то сделать сами – потом, со временем. А пока – что ж, пусть просто наслаждаются недоступными прежде чудесами. Все лучше, чем ничего!

Я только головой качал. Все это была не просто чушь, а какая-то удивительная, нечеловеческая ахиней. Самое странное, что Лаздей, кажется, искренне полагал, что я скушаю его объяснения и останусь доволен. И ведь вроде бы не один год меня знал...

– Ладно, – говорю. – Значит, жители Гажина наслаждаются чудесами. То-то на моих знакомых лица нет. И горожане мрут как мухи – во сне, между прочим. От невыносимого счастья, надо полагать. Ну-ну.

– Без жертв обучение не обходится, вы же знаете, – вздохнул Лаздей. – Если кто-то умер во сне... Ну, наверное они были не очень осторожны. Возможно, от всего сердца пожелали остаться здесь навсегда. Вы же знаете, чем бывают чреватые страстные желания.

– Чушь, – отрезал я. – От нежелания просыпаться не умирают. Кому ты голову морочишь?

– Ну, я только пытаюсь найти объяснение. Я же вынужден действовать на ощупь, как всякий, кто берется за великое дело. И потом, я не могу контролировать всех, кто видит этот сон. Но я стараюсь!..

Он искоса поглядел на меня и, как я понимаю, окончательно убедился, что я ему не верю, следовательно, разговор принимает нежелательный оборот. И вместо того, чтобы снова пускаться в бессмысленные объяснения, вдруг рявкнул на Абилата: «Просыпайся!»

И мы проснулись. Оба, ясное дело. Остаться в чужом сне после того, как сновидец проснулся, невозможно. Сколько раз пробовал – нет, не выходит. По крайней мере, пока.

На Абилата было жалко смотреть. Мало того, что не выспался, так еще и мучился теперь сознанием собственного несовершенства.

– Я вас подвел? – спросил он. – Но я не мог не проснуться.

– Ничего, – сказал я, – все в порядке. Сейчас уснем снова, дурное дело нехитрое. Но сперва надо поговорить. Так вот, имей в виду, я хорошо знаю этого типа. Он мой бывший ученик; впрочем, с тех пор прошло очень много лет. Я сам отвел его в Холоми, когда пришел срок, и, будь моя воля, он бы оттуда не вышел.

– Вот оно в чем дело, – хмуро кивнул Абилат. – Кстати, обычно ваш ученик выглядит совсем иначе. Таким, как сегодня, я его всего пару раз во сне видел. В самом начале. Потом он заметно подрос и в лице заметно переменялся. Но я все равно его узнал.

Я перебил его, не дал отвлекаться на пустяки.

– Неважно, как он выглядит. Ты пойми главное: я бы справился с ним в два счета, но это был твой сон. А в твоих глазах авторитет этого господина, кажется, чрезвычайно высок. Ты считаешь его неуязвимым, и поэтому в твоём сне он действительно неуязвим. Это весьма досадно, так что постарайся переменить мнение.

– Постараюсь. Но это будет непросто, – ответил Абилат.

– Правда? Почему?

Он явно очень хотел объяснить, но не смог. Судорожно вдохнул воздух, сглотнул слюну и с досадой стукнул кулаком по собственному колену.

– Не можешь говорить? – посочувствовал я. – Этот тип не позволяет облагодетельствованным сновидцам рассказывать правду о чудесах, которые он вам якобы подарил? Можешь не отвечать, и так понятно. Лучше соври что-нибудь по существу вопроса. У тебя неплохо получается.

– Этот человек, ваш бывший ученик... Так вот, он невообразимо добр и милосерден. Сны, которые я вижу, воистину прекрасны... Когда я вспоминаю эти видения, меня охватывает чувство глубокого умиротворения, – сказал Абилат. Подумал и прибавил: – Да, что особенно приятно, он не имеет надо мной абсолютно никакой власти, пока я сплю. Абсолютно никакой, понимаете? И – я ведь уже говорил? – когда я просыпаюсь, я по-прежнему ничем не связан, ничего ему не должен. Никаких особых требований, представляете, да?

Я ухмыльнулся. Ну дела! Неужели поганец действительно кое-чему научился в Уандуке? А ведь похоже на то. Очень похоже. Понятно, что жители Гажина – все или просто многие – каждую ночь видят кошмары. И понятно, что Лаздей старается манипулировать их поведением наяву. Интересно, что он от них требует? Неужели просто денег? А собственно, почему бы и нет? Не такая уж бесполезная вещь деньги. Хотя хотелось бы надеяться, что запросы Лаздея идут хоть немного дальше. Все же бывший ученик, самое грандиозное пятно на моей репутации, и без того не самой белоснежной.

– Ладно, – говорю, – будем считать, мне более-менее понятно. А теперь я хотел бы, чтобы ты уяснил вот что, сэр Абилат: этот твой «добрый волшебник», Лаздей Махикала, в подметки мне не годится. Чему бы он там ни выучился после того, как мы расстались, а встретиться мы на городской улице, я бы его в считанные секунды по рукам и ногам связал. Или просто раздавил бы, как съедобного моллюска. Я это не к тому рассказываю, чтобы ты проникся ко мне глубоким почтением, а только для того, чтобы ты помнил сей факт во сне. На улицу-то его оттуда не выманишь теперь. А сон, хоть и создан им – это все же твой сон. Пока ты веришь, что Лаздей Махикала – самое могущественное существо во Вселенной, он будет неуязвим. И я его разве что попугаю, но толком ничего не смогу сделать. Ясно?

– Наверное, – задумчиво согласился Абилат.

– Попробуешь?

– Попробую. Но скажу честно: это будет очень трудно. Про вас я только истории разные слышал, а его в деле видел, – честно сказал он. – Но я правда постараюсь.

– Намерение в таком деле очень много значит, – успокоил его я. – Можешь не верить мне всем сердцем, просто тверди как заведенный: «Джуффин сильнее, Джуффин круче, он Лаздея одной левой сделает», – что-то в таком роде. Очень мне этим поможешь.

– Ну, если этого достаточно...

– Вполне. Давай ложись. Вернемся туда, чего тянуть?

– Но я вряд ли смогу быстро заснуть, – огорчился Абилат. – Я себя знаю, если вот так среди ночи вскочил, до рассвета буду с боку на бок ворочаться.

Я уж не знал, сердиться мне или смеяться. И, как всегда, выбрал второе. Ну, почти как всегда.

– Грешные Магистры! Неужели ты думаешь, я тебя не усыплю?!

– О! А вы и это можете?! – восхитился парень.

Мы с ним как нанялись друг друга удивлять. Причем счет в нашей партии пока был равный.

– Усыпить тебя, – говорю, – одна из самых простых вещей на свете. И вообще, хватит рассуждать. Закрой глаза, расслабься и не мешай работать.

Усыпил я его и правда в два счета. Дальнейшие события доставили, как я понимаю, море удовольствия Абилату, но, увы, не мне.

Начать с того, что в голубую комнату мы больше не попали. Ну, это как раз ладно бы, нетрудно было догадаться, что и комната, и аккуратный садик за окном были наскоро состряпанным видением, предназначенным специально для того, чтобы убедить меня в добрых намерениях Лаздея. Он даже полки томиками стихов уставить не поленился, припомнив, что в начале Смутных Времен я любил шокировать клиентов и жертв признаниями,

будто испытываю слабость к хорошей поэзии. А вот моих вкусов в области садового дизайна и домашних интерьеров бедняга не знал, потому и вышла у него какая-то сентиментальная невнятица.

Но речь не о том. К моей немалой досаде Абилату приснился самый обыкновенный пустой сон. Всякая приятная, но совершенно бессмысленная чепуха. Солнечный летний день, опушка леса, качели; по небу с лязгом и звоном пронесся летающий амобилер, клочья облаков вылетали из-под колес и падали в наши ноги – ну я же говорю, дурацкий пустой сон, время на такое терять жалко.

То есть это мне было жалко терять время. А на парня смотреть было больно, когда я сказал, что придется проснуться и попробовать снова. Просить он, конечно, не стал, сам понимал, что у нас есть дела поважнее, но глядел, как побитый щенок.

– Еще насмотришься сладких снов, – пообещал ему я. – Неужели ты думаешь, что мой юный приятель Лаздей останется с тобой до конца жизни? Еще чего не хватало.

Короче говоря, я его разбудил. И тут же уснул снова. Мог бы и не стараться: на сей раз парню приснилось, что он переправляется через бурную реку, сидя на спине огромной серебристой лисы. Еще один бессмысленный сон, из тех, что и запоминать-то напрасный труд.

Следующая попытка позволила нам лицезреть покойного сэра Голеха Облону верхом на менкале. Рога ездового животного были украшены каменными колокольчиками и разноцветными побрякушками, как это принято у варваров из Пустых Земель.

Разбудив и усыпив Абилата еще раз, я был, можно сказать, вознагражден за долготерпение. Мы попали в комнату с зеркальными стенами и потолком; в центре комнаты танцевала грациозная юная женщина с медно-рыжими волосами. В иное время я, возможно, задержался бы там, чтобы дожидаться, когда она начнет снимать одежду, но решил не смущать мальчика. Все же это был его сон, а не мой. Да и толку от той красавицы, честно говоря...

После сна про рыжую танцовщицу я сдался. Мог бы и раньше понять: отныне Абилат свободен от обязанности еженощно видеть во сне кошмары. А мне придется поискать другой способ закончить свидание с бывшим учеником. Лаздей и прежде не решался задирать моих друзей – после того, как понял, что дружеские узы значат для меня куда больше, чем может показаться. Сперва-то он думал, что мои друзья – просто будущие жертвы, а я забавляюсь, играю с ними, как кот с птенцами, растягиваю, так сказать, удовольствие. И, кажется, страшно завидовал моей изощренности. Тем горше было его разочарование.

– Досыпай в одиночестве, – сказал я Абилату. – Кошмаров больше не будет, вот увидишь. Излечить тебя от страшных снов оказалось куда проще, чем закончить беседу с их виновником. Не сказал бы, что я от этого в восторге, но – прими мои поздравления. Приятных сновидений. А я пошел. Попробую добратся до Лаздея другим способом.

– Каким? – сонно спросил совершенно счастливый Абилат.

– Ты представляешь, сколько в этом городе спящих людей?

– А. Ну да, – зевнул он. – А когда вы уйдете... То есть вы уверены, что, если я засну один, ничего не будет?

– Уверен, – кивнул я. – Лаздей понял, что ты мой друг, а к моим друзьям он относится трепетно.

– Как же хорошо, – вздохнул Абилат. – Я страшный эгоист, да. Но я так устал, что иначе не получается. Завтра утром до меня, наверное, дойдет, что у вас-то по-прежнему куча проблем, и я искренне огорчусь. Но сейчас – не могу, хоть убейте.

– Хотелось бы думать, что утром у тебя уже не будет никаких поводов для огорчения, – сказал я. – Разве что покойного начальника оплакивать, вот тут уж действительно ничего не исправишь.

– А разве вы не умеете оживлять мертвых? – недоверчиво спросил он.

– Умею, конечно. Но поверь мне, без особой нужды так лучше не делать. Им от этого очень хреново... Да ты спи давай, счастливчик. Пользуйся возможностью.

Я все же задержался в его спальне еще на несколько минут. Дождался, пока Абилат заснет, поглядел на него, убедился, что был прав: никаких кошмаров, опять разные детские глупости снятся. Ну, хоть кому-то хорошо.

Я отыскал зеркало, надел тюрбан, привел в порядок измятое лоохи и отправился Темным Путем прямым в спальню Зеби Хипелосиса. Он, хвала Магистрам, был на месте и уже дрых без задних ног.

С Зеби Хипелосисом что хорошо: у них с женой отдельные спальни, причем с первого дня совместной жизни, он сам очень любит об этом рассказывать. Дескать любовь – это одно, а сон – совершенно другое, и делить их с одним и тем же человеком – глупость. Здравый, в общем, подход, но мало кто из обычных, не связанных по рукам и ногам колдовскими обязанностями людей его разделяет.

Словом, мне здорово повезло, что у Зеби такие привычки, а то пришлось бы похищать его спящего и тащить куда-нибудь. Некоторые чудеса рассчитаны только на двоих, в присутствии третьего ничего не произойдет, хоть убейся.

Спальня бургомистра Вольного города Гажина, где я никогда прежде не бывал, оказалась местом весьма примечательным. Начать с того, что на потолке было изображено море; на застывших волнах из дутого цветного стекла покоились маленькие макеты кораблей. Вверх тормашками, разумеется, – все же потолок. Очень, надо сказать, необычное зрелище.

Стены комнаты сплошь состояли из бесчисленных выдвижных ящиков. Сейчас все они были заперты, но я почему-то не сомневался, что ящики эти не пустуют. Чутье подсказывало мне, что я нахожусь в настоящей сокровищнице. Вот вечно так: все случается не вовремя. Доведись мне попасть в эту спальню полсотни лет назад, когда я еще не был служителем закона... Эх.

Но для полноты впечатлений следовало внимательно посмотреть на пол и обнаружить, что он вымощен монетами, как мостовая булыжниками. Причем не нашими коронами и горстями, а только иноземной валютой. Куманские унции, чангайские зоты, иррашийские финни, туланские клуклы, ташерские пелли, изамонские лячки – да все, что угодно! Не пол, а сладкий сон укумбийского пирата. Да и мне потребовалась пара секунд, чтобы оторваться от созерцания этой несказанной красоты. Но я все же снова напомнил себе, что явился сюда по делу, причем дело это – не ограбление богатого простака, увы. Угомонись, Чиффа.

Я наконец уселся на пол, напротив спящего бургомистра, вернее, жалкого вполне холмика под грудой одеял. В своих просторных спальнях все люди выглядят маленькими, беззащитными даже существами, но Зеби Хипелосис смотрелся как-то особенно трогательно. Хоть усыновляй его.

От идеи разделить с бургомистром его сон я отказался с самого начала. Для этого потребовалось бы разбудить старика и снова усыпить, предварительно положив голову на его подушку. Причем мне пришлось бы либо действовать силой, либо объясняться с Зеби до самого утра. Он человек толковый, но очень уж осторожный. И все это, скорее всего, только для того, чтобы узреть, что мой юный друг Лаздей перекрасил голубые стены уютной девичьей гостиной в розовый цвет и выслушать его дополнительные соображения о бесплатных сеансах магии для обездоленных сограждан.

Нет уж. В моем распоряжении имелся куда более простой и действенный способ узнать правду. Всякий, кто обучен воскрешать перед своим взором события, безучастными свидетелями которых были неодушевленные предметы, рано или поздно выясняет, что ровно то же самое можно проделать и с живым человеком. Правда, только со спящим. Считается, что для такого фокуса требуется куда больше могущества, да и просто опыта, чем для манипуля-

ций с вещами, но мой учитель Махи Аинти в свое время забыл меня об этом предупредить, поэтому я выучился быстро и без проблем.

Я почти сразу погрузился в память Зеби. Как это всегда бывает в самом начале, когда процесс уже запущен, но еще не взят под контроль, передо мной замелькали суматошные картины его детства, потом я увидел несколько более любопытных эпизодов.

Молодой купец Зеби встречается с укумбийскими пиратами. Он, к слову сказать, чуть ли не первым в Соединенном Королевстве додумался, что проще и дешевле платить этим непобедимым мастерам Морской Охоты умеренную дань и чувствовать себя в полной безопасности, чем всякий раз выходить в море, зная, что твои шансы сохранить груз, корабль, а зачастую и жизнь – примерно пятьдесят на пятьдесят.

Зеби Хипелосис на приеме у куманского халифа Нубуйлибуни цуан Афии, хлопочет о снижении таможенных пошлин на вывоз уандукских пряностей – не для всех, а только для своего торгового дома. Несколько часов Зеби рассказывал халифу о своих приключениях, сохраняя при этом безмятежное спокойствие – единственное качество, которое чувствительный Нубуйлибуни действительно ценит в людях. Так что Зеби Хипелосис получил льготы, о которых хлопотал; неудивительно, что несколько лет спустя он уже входил в первую дюжину богатейших купцов Соединенного Королевства.

Старый пройдоха Зеби ведет тайные переговоры с Великим Магистром Ордена Семиллистника Нуфлином Мони Махом о введении двойного бургомистерства в Гажине – при условии, что одна из городских голов будет его собственная. Мне, к слову сказать, всегда было интересно, во что обошлась Зеби его нынешняя должность, ну вот и удовлетворил любопытство. Пятьдесят тысяч корон Соединенного Королевства – почти немыслимая сумма. Я, пожалуй, столько за год в карты не выиграю.

Но сейчас меня интересовали не самые приятные, а самые свежие воспоминания Зеби Хипелосиса. Добраться до них оказалось не слишком просто, все же сказывалась необходимость хранить тайну. Но поскольку Зеби не требовалось говорить ни слова, к тому же, он вовсе не осознавал происходящее, я одолел заклятие и наконец стал свидетелем событий его недавних дней. Вернее, ночей.

Тьма сгустилась над Вольным городом Гажином. Лишь дымные, смердящие факелы освещали острые, как маленькие скалы, булыжники мостовых, обшарпанные стены и разбитые окна пустующих домов. В низком, затянутом свинцовыми тучами небе суетливо порхали плотоядные драконы размером с откормленного индюка. Время от времени одна из тварей спускалась пониже и вырывала кусок мяса из обнаженного по пояс тела одного из немногочисленных прохожих. Вопль раненого сливался с восторженным визгом удачливого охотника. По тротуарам текли бурые ручьи зловонных помоев, естественное происхождение которых не вызывало особых сомнений. Открывшаяся моему взору улица заканчивалась крепостной стеной, сложенной из черного камня; за стеной стоял замок, столь высокий, что его башни пронзали облака. В небе над замком пылала огненная надпись: «Добро пожаловать в Мормору!» Воздух то и дело сотрясали раскаты громового хохота, причем невидимый весельчак смеялся очень искренне, от души. Такие вещи сразу чувствуются.

Зеби Хипелосис сидел на краю сточной канавы и пытался просить милостыню. Обстановка, мягко говоря, не располагала прохожих к милосердию, поэтому старый кошель гажинского бургомистра был пуст уже много дней. На руках старика умирал от голода младший, самый любимый из внуков. Зеби зубами прокусил собственное запястье и пытался покормить его собственной кровью, но ребенок наотрез отказался от такой пищи. Еще недавно он тихо плакал, жалуясь на боль в животе, а теперь совсем ослаб и умолк. Трех старших внучек деловито насиловали здоровенные молодцы в черных лоохи из кожи арварохской рыбы рухас. Они устроились чуть поодаль, зато под самым факелом, чтобы дед мог

сполна насладиться зрелищем. Зеби уныло думал, что, возможно, насильники потом покормят детей, во всяком случае, соседи говорили, что слуги Властелина Морморы иногда поступают так с жертвами, которые им понравились. Что ж, если так, оно и неплохо. Другого способа прокормиться все равно не существует: трупы достаются драконам, а вся остальная пища стоит огромных денег, которых нет. Зеби сам бы с радостью предложил себя насильникам – в обмен на еду для внуков, но слуг Властелина Морморы интересуют только маленькие девочки и совершенно не возбуждают дряхлые, ослабшие старики. Ничего не поделаешь.

Пока Зеби горевал о невозможности покормить семью, крепостные ворота медленно распахнулись, издавая лязг и скрежет, столь ужасающий, что у некоторых прохожих из ушей потекла кровь, а я едва сдержал смех: экая комедия!

Когда шум умолк, на смену ему пришел человеческий голос, властный, как у прирожденного тирана, громкий и пронзительный. «Дорогу Властелину Морморы! – кричал он. – Дорогу Властелину Морморы!»

Это требование выглядело чрезвычайно забавно, потому что – ну не та в городе обстановка, чтобы дорогу себе силой прокладывать. Несколько жалких доходят, которых заживо поедают мелкие драконы, да кучка насильников на обочине, вот и вся толпа.

Но старый Зеби Хипелосис не видел в происходящем ничего забавного. Он съежился, сжался в комок, еще крепче прижал к себе умирающего внука, хоть и не надеялся, что сможет его защитить. Немного подумав, припрятал за пазуху кошель: хоть и пустой, а все же имущество. Последнее, что у него осталось.

– Дорогу Властелину Морморы!

Теперь голос звучал над самым его ухом. Зеби Хипелосис вздрогнул и поднял голову.

Над ним стоял мужчина, огромный, как потомок эхлов⁵, но явно лишенный их природного добродушия. Его облик сразу показался мне знакомым; приглядевшись, я понял, в чем дело: лицо великана являлось почти точной копией моей собственной физиономии. Не нынешней стариковской маски, а настоящего Чиффы, Кеттарийского Охотника. Только это был, с позволения сказать, Чиффа исправленный и дополненный. Так я, вероятно, выглядел бы, если бы все самые идиотские городские легенды о моих злодеяниях вдруг одновременно стали бы правдой. Один глаз скошен к переносице – верный признак необузданной ярости, – другой безостановочно перемещается по лицу, дико вращая огненным зрачком; рот искривился звериным оскалом, а подбородок так вырос и заострился, что его вполне можно использовать в качестве дополнительного оружия.

Если бы даже я не успел узнать, что виновник ночных кошмаров жителей Гажина – мой приятель Лаздей Махикала, я бы, пожалуй, догадался об этом, глядя на неземную красоту его нового обличья. Парень всегда очень переживал из-за своего небольшого роста. И ужасно завидовал моей роже, к слову сказать, вполне типичной для уроженца Кеттари. Бедняге казалось, что мое лицо просто специально создано для устрашения простаков, только я, дурень, не догадываюсь слегка его подправить для пущего эффекта. Он еще в начале нашего знакомства хотел состряпать себе фальшивую физиономию, точную копию моей, все разрешение выпрашивал, но когда я сказал ему: «Да выгляди как хочешь, на здоровье!» – быстро сообразил, что быть моим близнецом, не обладая аналогичными возможностями, слишком опасно. Ну а теперь, вишь, дал себе волю.

– На колени, старик! С тобой будет говорить Властелин Морморы! – рявкнул тем временем мой огромный двойник.

Зеби Хипелосис немедленно выполнил приказ.

⁵ Эхлы – великаны. Средний рост эхла от двух с половиной до трех с половиной метров. В Ехо и других городах Соединенного Королевства эхлы не живут, поскольку, по их собственному выражению, не хотят мешать «маленьким худосочным людям». Еще в древности великаны основали страну Умпон на материке Чирухта, где счастливо живут по сей день; небольшая колония эхлов, не пожелавших покидать Хонхону, имеется в княжестве Кебла в Хонхоне.

Я пожал плечами. Как на мой вкус, все это было вовсе не страшно, зато глупо и пафосно – дальше некуда. А уж говорить о себе в третьем лице – это какая-то запредельная степень идиотизма. Даже самые безумные короли древности не опускались до такой пошлятины. «Властелин Морморы», скажите, пожалуйста... И этот человек ел со мной из одной тарелки! Ну, по крайней мере, однажды точно ел. В тот день когда Старший Магистр Ордена Водяной Вороны Ихис Колубаба возжелал разорвать меня на части, но сумел только перебить всю мою посуду да произнести ровно четверть заранее заготовленного проклятия. Потом парню стало не до того. Смерть – трудная работа, требует всего нашего внимания и полной концентрации, тут уж не до глупостей.

Драматическая сцена тем временем приобретала накал. Что бы я сам ни думал о происходящем, а старик Зеби стоял на коленях перед моим бывшим воспитанником и дрожал от ужаса.

– Ты помнишь наш прошлый разговор, бургомистр? – прорычал великан. – Как только ты издашь указ, о котором мы договаривались, тебе приснится, что ты можешь покормить внуков. И мои люди больше не будут крутиться возле твоих внучек. Ты давно мог бы все исправить, но ты не спешишь.

– У меня недостаточно власти, чтобы выселить всех с Торгового Острова, – забормотал Зеби. – И в городской казне нет средств, чтобы выплатить компенсации...

– Это твои проблемы. Я свое слово сказал: мне нужен Торговый Остров. Он должен быть пуст. Здания можно оставить, они мне не мешают, но людей там быть не должно. Пока Торговый Остров заселен, твой внук будет умирать от голода у тебя на руках. И помни, Зеби, ему тоже снится, что он умирает. И внукам твоим снятся удивительно сладкие сны, можешь себе представить! – великан похабно ухмыльнулся и подмигнул старику. – Ты можешь избавиться от этих снов в любую минуту. Но не хочешь. И кто из нас злодей, Зеби? Эх ты, старый, никчемный дурень!

Лаздей Махикала развернулся и пошел прочь. Но, сделав несколько шагов, остановился и снова обратился к бургомистру:

– И не забывай, на быструю смерть, положенную нарушителям обета молчания, можешь не надеяться. Стоит тебе попросить о помощи, и следующий твой сон будет последним. Зато очень, очень долгим. В этом сне я, пожалуй, позволю тебе самостоятельно трахнуть и сожрать всех твоих внуков, по очереди. Сколько их у тебя? Восемнадцать? Это хорошо. То-то развлечешься. Хочешь, рискни. Хоть завтра.

И он величественной поступью отправился к своему замку, время от времени взреывая: «Дорогу Властелину Морморы!»

Я наконец понял, на что это похоже. Так же раскатисто и пронзительно орут грузчики в речном порту столицы Соединенного Королевства: «Дорогу! Дорогу!» Очевидно Лаздею казалось, что это очень, очень круто.

Я не стал больше углубляться в воспоминания Зеби Хипелосиса. Суть я уяснил, а подробности меня пока не слишком интересовали. Правда, я никак не мог сообразить, на кой Лаздею понадобился Торговый Остров. Ну прогонят оттуда горожан – и что дальше? А вот шума вышло бы много, проверяющие из столицы толпами зачастили бы... С другой стороны, может, Лаздею этого и надо? Чтобы как можно больше придворных чиновников приехали в Гажин, насладились местными кошмарами и попали к нему на крючок? Лаздей парень не промах, в смысле, с большими амбициями, наверняка спит и видит, как все Соединенное Королевство пляшет под его дудку. Ночью в этой самой дурацкой Морморе, а днем – во власти сладких воспоминаний о своих сновидениях.

Ну да, он всегда был такой романтичный мальчик.

Покинув дом бургомистра Темным Путем, я оказался на улице.

«Властелин Морморы, это надо же! – ворчал я, вспоминая нелепый титул, который выдумал для себя Лаздей. – Трехметровый всемогущий злодей, замок у него, понимаете ли, до небес, драконы прохожих кусают... Тьфу! Глупость следовало запретить прежде Очевидной магии. И карать не заключением, а смертью. Вот от чего Мир уж точно может рухнуть в любую минуту! Но поздно, увы. Еще одну гражданскую войну Соединенное Королевство, пожалуй, не выдержит».

Впрочем, будем откровенны, в ходе той прогулки я сгорал вовсе не от праведного гнева, а от обычного любопытства. Зная себя, я мог быть уверен, что не успокоюсь, пока не выясню, какими кошмарами мучает «Властелин Морморы» второго бургомистра, достопочтенного Валду Куныка. И заодно еще нескольких моих знакомых «больших шишек», как их называет Зогги. Лаздея-то небось как-нибудь обезврежу и забуду, а с этими людьми мне еще дело иметь предстоит. Все же считается, что мы вместе служим Королю, каждый на своем посту. Слабые места союзников знать еще полезнее, чем слабые места врагов, а в этом смысле нет зрелища поучительней, чем чужие ночные кошмары. Да и времени до утра у меня навалом: вот только-только час после полуночи пробил колокол на Большом Маяке, самом высоком строении Гажина.

Поэтому несколько минут спустя Темный Путь привел меня в спальню бургомистра Валды Куныка. Мне, кроме всего, чуть ли не с детства было интересно, чем можно пронять вот таких простых, недалеких, зато сметливых, жизнерадостных и чрезвычайно удачливых дядек. У нас, в Кеттари, считалось, что вовсе ничем, но я и в юные годы не шибко полагался на общественное мнение.

Распорядок дня досточтимого Валды Куныка в отличие от привычек старого знакомого Зеби был мне абсолютно неизвестен. Поэтому я появился на пороге его холостяцкой спальни, готовый ко всему. Вполне могло оказаться, что мне придется тут же тактично исчезнуть или, напротив, ждать возвращения загулявшего хозяина. Или дружески предложить ему хорошее средство от бессонницы.

Но Валда Кунык был в постели и дрых, как миленький. Не сказать, чтобы мирно: он то всхрапывал, то постанывал, то бормотал себе под нос жалкие обрывки старых заклинаний, которые и целиком-то годятся разве что детей пугать, и не потому что работают, а просто звучат довольно эффектно.

Главное, он был на месте и спал.

Я, впрочем, уже давно заметил: мне неизменно везет, когда я желаю удовлетворить свое любопытство, а вот если исключительно ради пользы дела стараюсь, всяко бывает. Ну и поскольку сейчас я отложил дела ради удовольствия побольше выведать о кошмарах Валды Куныка, кто бы сомневался, что он будет целиком к моим услугам!

Городские сплетницы погибли бы от зависти, если бы узнали, какие эпизоды частной жизни их бургомистра были мне открыты в самом начале исследования. Но я, неблагодарный, спешно продирался сквозь сонмы румяных лиц и аппетитных ляжек, щедро приправленные яркими сценами буйных холостяцких и роскошных великосветских пирушек – вперед, к страшным тайнам Морморы. В какой-то момент я всерьез засомневался: да полно, снятся ли молодому бургомистру кошмары? Возможно, мои земляки были правы и парень не по зубам Лаздею?

И все же усилия мои были вознаграждены. Память Валды Куныка открыла мне низкое темное небо Морморы, тяжкие свинцовые тени и дымные факелы; мгновением позже я увидел мощный черненной сталью и битым алым стеклом внутренний двор замка. Повсюду были расставлены жаровни с дымящимся мясом, бочонки с иррашийским вэром, плетеные

корзины с горами теплых деревенских пирогов – простая, грубая еда, не ахти какой праздник для изнеженных желудков, но есть в ней, конечно, своя прелесть.

Между жаровен и корзин метался причудливого вида зверек, больше всего похожий на огромную раскормленную мышь. Существо с аппетитом пожирало угощение; впрочем, приглядевшись, я понял, что оно не столько ест, сколько портит продукты: надкусывает мясо, швыряет куски пирогов в бочонки с взором, а то и просто роняет продукты в грязь. Вот уж действительно смертный ужас, ничего не скажешь.

В центре двора стояла просторная клетка, в каких перевозят цирковых оборотней. В клетке томился сэр Валда Кунык. Причем не просто так томился, а очень деятельно. На его шее висела воистину огромная связка ключей – сотен пять, навскидку. Концы этого многопудового ожерелья свисали практически до земли. Бедняга бургомистр пытался открыть замок своей темницы, торопливо пробовал ключи, суетился, сбивался, начинал все сначала. Гигантская мышь явно была в курсе его терзаний. Я заметил, что она с особым удовольствием плюется кусками пирогов в сторону клетки и даже вполне по-человечески кривляется, передразнивает суежливые движения узника.

На мой взгляд, по сравнению с тем же Зеби Хипелосисом, Валда Кунык еще дешево отделался. Ну, подумаешь, клетка ржавая, жратва недоступная, мышь какая-то огромная скачет – бродячий цирк, да и только. Но Валда Кунык страдал, как дюжина юных вдов на похоронах, совсем извелся бедняга. Деятельная натура не позволяла ему прекратить тщетные усилия; зверский голод томил не привыкший к самоограничению организм, аромат простой, свежей пищи терзал его ноздри почище раскаленных клещей, а нахальное поведение диковинного прожорливого зверя заставляло трястись от бессильного гнева.

Еще немного, и он бы меня разжалобил.

Но любопытство мое было удовлетворено сполна, поэтому я прервал эту поучительную экскурсию и покинул спальню гажинского бургомистра. Были ведь и другие высокопоставленные чиновники кроме Валды Куныка, а время не стояло на месте.

К утру я был до краев переполнен интересными впечатлениями.

Я видел, как начальник гажинской городской полиции генерал Аброха Глык корчится в цепких объятиях скелета своей покойной супруги, которая пришла, чтобы возлечь с ним на булыжное ложе под стеной Морморы. Как я понял, Аброха преданно любил погибшую несколько лет назад жену и очень без нее тосковал. В то же время он панически боялся мертвецов, никогда не ходил на кладбища, а вид человеческих скелетов и вовсе вгонял его в ступор – при том, что в остальных вопросах глава гажинской полиции был отчаянным храбрецом. Нечего и говорить, что близость обожаемой покойницы парализовала его волю и сводила с ума.

Вот уж воистину поучительная история роковой любви, что тут скажешь.

Я слышал пронзительные вопли хранительницы местной Канцелярии Больших Денег Хатти Лакис, когда призрачные слуги Лаздея силой засунули ее в сундук, да и зарыли в землю. Потом, правда, откопали, чтобы швырнуть к ногам трехметрового Властелина Морморы, который требовал начать наконец процесс перевода казенных денег на его личный счет. Перепуганная Хатти клялась, что не обладает соответствующими полномочиями (и, как я понимаю, говорила чистую правду), но Лаздей ей не верил. Он и прежде-то скверно разбирался в бюрократических делах и, как большинство несведущих обывателей, полагал, будто все крупные чиновники имеют неограниченную власть над людьми, деньгами и документами. Вот так, очень просто.

Леди Глинни Гесс, чья должность официально именуется «Глаза Короля в Гажине», а проще говоря, придворная сплетница, отправленная в почетную ссылку в качестве высокооплачиваемой надзирательницы за местными нравами и происшествиями, лежала на острых камнях мостовой, голая, грязная, предусмотрительно распяленная, чтобы всякому желающему воспользоваться ее прекрасным телом, было удобно и комфортно.

Потенциальные насильники в черных кожаных плащах, однако, не спешили приступать к делу. Лениво пинали бедную леди Глинни носками тяжелых кованых сапог, громко обсуждали ее недостатки: дескать, старовата, страшновата, слишком худа, да еще и грязна, как кошка с заброшенной фермы. Позубоскалив, некоторые шли мимо, некоторые задерживались, чтобы помочиться; одни целились ей в рот, кто-то норовил попасть в глаз, находились затейники, метившие в ноздрю. В этом импровизированном соревновании не было проигравших, ибо все участники демонстрировали выдающееся мастерство. Любо-дорого глядеть.

Магистр Свидри Вапла, официальный представитель Ордена Семилистника в Гажине сидел на краю самой высокой из башен Морморы. Отсюда открывался дивный вид на остроконечные крыши, тусклые огни факелов и деловитую возню драконьих стай внизу, у самой земли. Но бедняга вряд ли мог оценить эту несказанную красоту. Руки его были связаны за спиной, а ноги болтались в воздухе, сапоги насквозь вымокли в облачном киселе, белоголубое орденское лоохи трепал ветер, недостаточно сильный, чтобы опрокинуть беднягу вниз, а вот чтобы как следует напугать такой перспективой – в самый раз. Руки-то связаны, не ухватишься, в случае чего.

Поучительное приключение для колдуна, который не только не выучился летать, но даже со своим страхом высоты так и не справился. Будь Свидри Вапла моим учеником, я бы, пожалуй, и сам ему нечто в таком роде устроил. Не ради собственного удовольствия, конечно, а в воспитательных целях.

Вот ведь, выходит, и от Лаздея может быть какая-то польза, кто бы мог подумать...

Начальницу гажинской таможни Ахлу Гракк нарядили в липкое от грязи и чужого пота рубище и заставили отмывать от крови, мочи и драконьего дерьма мостовые города. Бесконечный труд ее был тяжел и лишен всякого смысла: надсмотрщики в черных плащах не только подгоняли ее пинками, но и не забывали помочиться на всякий более-менее вычищенный участок. Трехметровый Лаздей стоял рядом и укоризненно отчитывал красотку Ахлу за лень, то и дело называя ее неуклюжей коровой. Никаких конкретных требований он не выдвигал. Вероятно, так и не придумал, какая может быть польза от главной таможенницы. Но это не мешало ему бескорыстно наслаждаться процессом.

Адмирал Королевского флота сэр Блакси Пин был заперт в лазарете Морморы. Да не один, а в компании родных и друзей. Все они были больны анавуайной⁶, тела их постепенно превращались в жидкость и тонкими струйками стекали на каменный пол палаты. Сам Блакси Пин был совершенно здоров, зато мучился не только состраданием к умирающим, но и жесточайшей жаждой. Его гортань пылала огнем, губы потрескались, как красная глина в центре Великой Пустыни Хмиро, а вокруг было полно ароматной жидкости цвета разведенного молока, и это постепенно сводило адмирала с ума.

⁶ Анавуайна – одна из самых страшных болезней, известных в Соединенном Королевстве. Тело человека, заболевшего анавуайной, постепенно становится жидким; если больного не лечить, от него довольно быстро останется только скелет. Эпидемия анавуайны подробно описана в повести «Возвращение Угурбадо».

Лаздей часто заглядывал в эту палату, приносил с собой тонкий хрустальный стакан, искушал, посмеивался. Выжидал.

Этот эпизод показался мне несколько более интересным, чем прочие. Адмирала я взял на заметку: видать, железный человек, если ничем другим его не пронять. Надо бы иметь это в виду.

Я бы и дальше любопытствовал, мне еще как минимум дюжину знакомцев навестить хотелось, но близился рассвет, а это означало, что с развлечениями пора кончать. И так всю ночь на сущую ерунду угробил.

Две самые важные вещи мне были ясны с самого начала, еще тогда, когда я сидел в изголовье постели Зеби Хипелосиса.

Первое – мне необходимо срочно увидеть сон про Мормору, да не чужой, а собственный. Это единственный способ быстро ухватить за шиворот ее «властелина». Лаздей – единственный, кто увяз там целиком, со всеми потрохами, на правах создателя этой диковинной ловушки для сновидцев. Думаю, он все же планировал начать со временем вылазки в повседневную реальность; до сих пор не уверен, что он знал, как это сделать. Наверняка решил, что рано или поздно все случится само собой – и это, кстати, очень правильный подход. Иначе в таком деле и не бывает.

Второе – Лаздей, конечно, не шибко умен, но явно не настолько безумен, чтобы позволить мне видеть этот сон. То есть он меня, конечно, с радостью помучил бы, но отлично понимает, что исход нашей встречи предreshен. И нарываться не станет.

Такое противоречие совершенно меня не смущало. Дело в том, что я знал способ обмануть Лаздея. Очень простой и вполне надежный способ.

Когда хочешь ввести в заблуждение могущественного и чувствительного, но не слишком опытного колдуна, показать ему, что ты слабый, никуда не годный неудачник, совершенно не опасный противник, следует выпить немного крови другого человека, действительно слабого и беспомощного. Ну и заклинание соответствующее произнести, как же без этого. Могущество не утратишь, зато проницательному наблюдателю покажется, что у тебя большие проблемы. Обман этот работает не очень долго, часа два-три, зато противник обаятельно нутром почует твою слабость – на расстоянии, или вблизи, да хоть голову на его подушку клади, не имеет значения. Отличный трюк, я прежде им часто пользовался. Всего-то четвертая ступень Белой магии, не о чем говорить, но мало кто знает сей фокус. Вернее, почти никто. Маленький интимный секрет старого друга, славный был подарок, один из самых полезных в моей жизни.

Я не сомневался, что, заподозрив во мне хоть малейший изъяз, Лаздей не устоит перед искушением. Он азартен, недалновиден и ужасно хочет меня победить, чтобы наконец перестать бояться – именно то, что требуется.

На рассвете я постучал в дверь Зогги Хлакка. Белый Клок не удивился и не рассердился на меня за столь ранний визит. Улыбнулся, зевнул, сказал: «Хорошее утро, сейчас будем завтракать», – и, протирая глаза, отправился на кухню, а я пошел следом.

– Зогги, – сказал я, устраиваясь на высоком самодельном табурете, – будешь смеяться, но я пришел пить кровь твоих детей.

– А вчерашняя камра тебя не устроит? – невозмутимо спросил он. – Я гостеприимный человек, Джуффин, ты это знаешь. Но всему есть предел.

– Ладно. Я парень скромный, могу обойтись одним младенцем. Мне крови-то всего пару глотков нужно. Для здоровья это скорее полезно, чем наоборот. И больно не будет, я все же неплохой знахарь.

– Да, знахарь ты отменный, – согласился мой друг. – Настолько, что я бы посоветовал тебе сменить профессию, если бы имел глупость думать, будто ты станешь слушать чьи-то советы...

– Я и так в некотором роде знахарь, – проворчал я. – Вот сейчас собираюсь вылечить жителей Гажина от ночных кошмаров. Всех одним махом. Ох, Зогги, как же тебе все-таки повезло с арварохским папашей!

Я вкратце пересказал ему содержание некоторых чужих сновидений. Зогги слушал внимательно, особо не ужасался, но сердито хмурил брови, а это для человека его темперамента немало.

– Какой все-таки паршивый, дрянной мальчишка этот твой Лаздей Махикала, – наконец сказал он. – Всегда это знал, но не представлял, насколько... Ладно, а кровь-то тебе зачем? Может, возьмешь мою? Или ты так, для смеху сказал?

Пришлось обстоятельно объяснять Зогги, что я затеял и почему его кровь не подходит. Я уж расстарался, вознося хвалу неуязвимости уроженцев Арвароха и их потомков. Знал, что мой друг по-детски любит лести, хотя виду не подает, конечно.

– Хорошо, – наконец решил Зогги. – Ты меня убедил. Сейчас разбужу Лотку. Ильса у нас гораздо храбрее, как все девчонки в эти годы, а ему надо воспитывать характер. Только ты уж прости, Джуффин, мне придется сначала все объяснить и получить его согласие. С детьми иначе нельзя.

– Ладно, как скажешь, – согласился я, потрясенный его педагогическими приемами.

Я-то, честно говоря, думал, что мы быстренько все провернем, пока дети спят, чего канителиться? В тех науках, которыми меня в свое время потчевал старый шериф Кеттари Махи Аинти, мнение ученика почти никогда не принимается в расчет, иначе пришлось бы столетиями толочь воду в ступе. С другой стороны, что я знаю о воспитании совсем маленьких детишек? Это вам не юношей вздорных колдовству обучать.

Зогги не было довольно долго. За время его отсутствия я успел набить трубку, выкурить ее, остудить, аккуратно вычистить, спрятать в футляр, немного подумать и снова достать. Но тут он как раз и объявился, да не один, а со своим питомцем. Мальчик смотрел на меня исподлобья, хмурил брови, совсем как его опекун, но робости не показывал. Поздоровался, сказал: «Только глядите, чтобы не больно, Зогги обещал», – и протянул мне руку.

– Спасибо, сэр, – церемонно поклонился я. – Соединенное Королевство не забудет вашего великодушного жеста.

От такого обращения юный Лотка надулся, как придворный казначей Его Величества Гурига Восьмого и со сдержанным достоинством кивнул. Я счел это сигналом к действию, положил ладонь на его запястье, чтобы нейтрализовать боль, аккуратно прокусил вену – нож мне в таком деле ни к чему. Подождал, пока рот наполнится теплой солоновато-сладкой жидкостью. Двух небольших глотков крови, по моим расчетам, должно было хватить за глаза.

Минуту спустя у меня была только одна серьезная проблема: заставить этого непоседу сидеть смирно, пока я исцеляю его рану. Совсем пустяковое дело, но даже такую ерунду невозможно совершить, когда пациент пытается стащить вашу трубку, залезть на стол и выпрыгнуть в окно – одновременно.

Но я справился и с этим. Иногда мое могущество действительно почти безгранично. Сам поражаюсь.

– А теперь будим Ильсу, и завтракать! – решительно сказал Зогги.

Я покачал головой.

– Без меня. Мне нужно как можно скорее уснуть, а то все насмарку, я же тебе объяснял.

– Можешь лечь в моей спальне, чтобы никуда не ходить, – кивнул он.

– Спасибо. А я могу быть уверен, что меня никто не разбудит? Это может оказаться очень некстати.

– Я тебя запру, а ключ положу в карман. Ты-то и без него выйдешь, когда проснешься, верно?

– Пожалуй. Но замок может не пережить такого потрясения.

– Для дорогого гостя ничего не жалко, – махнул рукой Зогги. – Ну пошли, коли так.

Спальня Зогги оказалась небольшой комнатой под самой крышей. Строго говоря, это был чердак, чисто прибранный, уставленный деревянными сундуками, с пучками сухой травы под кровельными балками и старинной подзорной трубой, установленной у единственного треугольного окошка. Я не раздеваясь улегся на просторное жесткое ложе, помахал Зогги рукой и закрыл глаза.

– Вмешиваться точно не надо? – спросил он прежде, чем уйти. – Если ты, к примеру, до ночи не объявишься, что, все равно не будить?

– Да сам проснусь, куда я денусь, – отмахнулся я. – И не к ночи, а гораздо раньше. Все же не с Лойсо Пондохвой разбираться буду... Ты, самое главное, вот что: непременно сообщи городским сплетникам, что я пью кровь невинных младенцев. И кому-нибудь из приятелей, кто в Ехо остался, пошли зов и расскажи, только без успокоительных подробностей. Мне для работы позарез нужна плохая репутация, а в последнее время как-то руки не доходят до настоящих злодейств.

Он хмыкнул и ушел. Зная Зогги, я не сомневался, что новость быстро разнесется по Соединенному Королевству. Он всегда ответственно относился к просьбам друзей, даже к самым дурацким. Так что я мог спать спокойно.

Спать спокойно, о да.

Единственное, что меня решительно не устраивало – так это как раз перспектива спокойно спать до самого заката. А потом, после очередной порции детской крови – еще раз и еще. Вот уж было бы развлечение! Все-таки Лаздей меня хорошо знает и боится. Одна надежда на его азарт. И на его глупость, конечно.

Он бы, пожалуй, все же не решился пустить меня в Мормору. Но тут уж я расстарался, использовал все свое влияние на бывшего ученика, благо такая связь никогда не обрывается окончательно, причем от желания заинтересованных сторон мало что зависит. Иные и хотели бы покончить с прошлым, да не могут: тут требуется великое могущество и изощренное мастерство. Мой учитель, старый кеттарийский шериф Махи Аинти в свое время сумел разорвать связывавшие нас узы – так то Махи. Я ребят вроде него, честно говоря, вообще больше никогда не встречал.

Но нет худа без добра, на сей раз влияние на бывшего ученика сослужило мне хорошую службу.

Когда я осознал, что понемногу проваливаюсь в какой-то дурацкий сон о зеленых рощах, горных ручьях, певчих птицах и прочей задушевной хренотени, я сконцентрировался, представил, что стою за спиной Лаздея и вкрадчиво нашептываю ему на ухо: «Совсем сдал твой учитель, стар стал и слаб, плохи дела мои, парень, ох плохи!»

Усилия не были напрасны. Какое-то время спустя приятные, но бессмысленные видения рассеялись, и я оказался в той самой нарядной голубой комнате с запертыми окнами, куда меня привел давешний сон Абилата. Ясно почему: Лаздей не рискнул вот так сразу обрушить мне на голову темные башни Морморы. Решил для начала присмотреться ко мне получше на нейтральной, с позволения сказать, территории.

Это была еще не победа, но серьезный шаг в нужном направлении.

Я собрал волю в кулак и как следует постарался изобразить растерянность. Разумеется, испугаться Лаздея я бы, пожалуй, не смог, даже если бы призвал на помощь все свое могущество. Оно и к лучшему: зачем перегибать палку? А вот ощутить смутное беспокойство, даже тревогу – это, при должной концентрации, очень просто. Тем более, я действительно был немного на взводе, как всегда в начале охоты. Почти всерьез волновался: а ну как парень не заглотит наживку целиком, подержит меня в этой комнате, да и отпустит восвояси, так и не пожаловав на свидание.

А мне позарез требовалась личная встреча – хоть в голубой гостиной, хоть под стенами Морморы, все равно. Лишь бы оказаться рядом с Лаздеем, всего на миг. Этого совершенно достаточно.

Плохо, что он, вероятно, и сам это понимал.

В надежде, что за мной внимательно наблюдают, я призвал на помощь все свое актерское дарование. Нарезал круги по периметру комнаты, нервно озираясь по сторонам, время от времени предпринимал жалкие попытки открыть окно. Тут важно было не перестараться: я-то не только окно открыть, но и комнату с садом уничтожить мог одним прикосновением безымянных пальцев к собственным векам – техника простая, но, хвала Магистрам, мало кому известная.

Но я, разумеется, держал себя в руках. Трудолобиво метался из угла в угол, изображая мятежного Магистра в первый день заключения – уж этого добра я в свое время нагляделся по самое не могу. Вот и пригодилось, теперь я знал, что надо делать: жесты мои были неуверенными, глаза – злыми, а мысли – пронзительными, как вопли.

«Окно не открывается! – думал я, стараясь как можно более четко формулировать всякую паническую мысль. – Совершенно невозможно отпереть это грешное окно! И двери – где двери? Нет тут никаких дверей. Дверей нет, и это очень, очень скверно. Как же я не люблю, когда нет выхода! Даже если во сне – особенно во сне! Наяву я бы просто высадил это грешное окно, но во сне все не так. В этом сне все не так, как обычно бывает, и я не понимаю почему. Хоть убей не понимаю!»

Таким образом я провел примерно час и, честно говоря, начал уже терять веру в более-менее осмысленное продолжение уготованного мне «кошмара». Заподозрил даже, что Лаздей оказался куда тоньше, чем я думал, вот и устроил для меня такое изощренное издевательство. Кстати, как на мой вкус, это был бы неплохой ход: я действительно очень не люблю находить свои капканы пустыми, а еще больше не люблю чувствовать себя идиотом. Лаздей это отлично знал, вот и мог бы обеспечить мне оба удовольствия сразу, совершенно бесплатно. Но он прохлопал свой шанс, болван.

Как я теперь понимаю, все это время «властелин Морморы» вовсе не издевался, а просто ко мне присматривался. Счастью своему, надо думать, поверить не решался. Но наконец все-таки поверил: больно уж хотелось.

Окружавший меня безопасный мирок рухнул вполне внезапно, да с таким диким грохотом, что наяву, пожалуй, даже хороший колдун оглох бы. Но в сновидении человек куда более крепок. Не только я, кто угодно.

Так или иначе, но ожидания мои оправдались. Вместо мягких ковров под ногами теперь сверкали заостренные камни мостовой, обильно политые кровью и дерьмом, в черном небе гостеприимно пылала уже знакомая мне надпись «Добро пожаловать в Мормору», тусклые факелы весьма выгодно оттеняли страдальческие лица немногочисленных истощенных статистов. При всем своем несовершенстве эта реальность была настолько более умелым творением, чем давешняя голубая комната, что я чуть было не пришел в хорошее настроение. Но вовремя заметил эту опасную тенденцию и взял ситуацию под контроль. Тщательно приуныл, умело встревожился. Может, и не стоило из кожи вон лезть ради этого болвана Лаздея, но я не люблю делать что-то наполовину.

Пока я любовался пейзажем, тяжелые ворота замка распахнулись настежь, чтобы открыть моему взору поучительное зрелище: парадный выезд Лаздея Махикалы, специально приуроченный к прибытию почетного гостя.

Навстречу мне выступила целая армия отъявленных злодеев богатырского сложения, элегантно задрапированных в черные плащи из кожи арварохской рыбы рухас. Матерые убийцы и насильники, все как один – вполне безобидные наваждения, иллюзия чуть более достоверная, чем давешние разноцветные воробы и плюшевые игрушки. Но выглядели ребята очень и очень неплохо.

Некоторые воины Морморы держали в руках окровавленные тела младенцев, которых с аппетитом пожирали на ходу, как огромные бутерброды. Другие тащили за собой на цепях искусно сработанные копии моих друзей и врагов – причем только тех, о чьем существовании знал Лаздей; добыть дополнительную информацию, порывшись в моем сознании, он, конечно, не сумел. Ребята, надо сказать, вышли совсем как живые, человека чуть менее сведущего и более чувствительного, чем я, до слез могли бы довести их терзания. Копии друзей передвигались на четвереньках и флегматично побряхтывали, демонстрируя утробную муку. Враги то и дело становились на дыбы, клацали зубами, как взбесившиеся хищники, норовили на меня броситься. Кстати, видел бы сэр Лойсо Пондохва своего двойника, он бы Лаздея, пожалуй, собственноручно за уши оттащил прежде, чем прикончить. Уж насколько он был равнодушен к забавам дилетантов, но тут и его проняло бы, не сомневаюсь.

Шествие озвучивалось душераздирающим воем труб, лязгом трещоток и рваным ритмом барабанов. Кстати, ничего так музыка вышла, вполне в моем вкусе, хотя приглашать этот оркестр для сопровождения детского праздника я, пожалуй, все же не стал бы. Всему свое место и время.

В небе парили драконы. Мелкие и упитанные держались ближе к земле, обильно удобряя ее жгучим, разъедающим камни мостовой пометом. Более крупные твари летали повыше и гадили пореже, зато время от времени затевали битву, тогда вниз летели кровавые клочья, а визг и рев ополоумевших тварей на время заглушали звуки оркестра.

Лаздей не возглавлял свое войско, как положено генералу на параде, а держался в арьергарде – похвальная осторожность. Трехметровый рост он за собой сохранил, но хоть от моей физиономии отказался. Глупо пугать человека пародией на его собственную внешность, это даже Лаздею было понятно. Поэтому он просто немного поработал над своей рожей, перекосив ее самым удручающим образом. Успеха у девушек ему бы эти усилия явно не прибавили, но довести до слез дюжину-другую младенцев парень смог бы без особого труда. В одной руке он держал точную копию Смертного Посоха моего приятеля Лойсо Пондохвы – ну, этот его знаменитый жезл, якобы заживо испепеляющий всякого, на кого укажет владелец. В другой – череп, наполненный не то кровью, не то просто компотом из алых ягод, во всяком случае, Лаздей то и дело подносил свою чашу к губам и с явным удовольствием прихлебывал.

Мне до сих пор любопытно: неужели бедняга всерьез рассчитывал потрясти меня этим выездом? Ну да, я, конечно, постарался на совесть, прикинулся ослабшим и беспомощным – но не выжившим же из ума!

Впрочем, возможно, Лаздей не столько пугал меня, сколько хвастал своим нынешним могуществом и величием. Вот, дескать, полюбуйся, дорогой учитель, я уже большой мальчик и весьма преуспел в магии. Смотри, какой красоты в твоём – именно в твоём! – сновидении наворотил, и это только начало.

А что, очень может быть, что именно хвастался. С него бы стало. Вообще я уже не раз замечал, с большинством людей дело обстоит так: сколь плохо о них ни думай, рано или поздно непременно выяснится, что ты все равно переоценил противника. Для дела так

даже лучше, но за человечество всякий раз становится немного обидно. Я понимаю, люди несовершенны, но надо же хоть немного стараться.

Вдоволь налюбовавшись парадным выездом Властелина Морморы, я понял, что пора прекращать это удовольствие. Чем скорее, тем лучше.

Собираясь в Мормору с дружеским визитом, я намеревался пообщаться с Лаздеем подольше. Попросить пощады в обмен на помощь, вызвать парня на откровенность, выслушать, поиграть, позабавиться всласть, и только потом прикончить вместе с его драгоценной Морморой. От идеи оставить Лаздея в живых я отказался почти сразу. Не то чтобы меня обуяла жажда крови, но убить создателя – самый простой способ уничтожить иллюзию, а я никогда не искал сложных путей.

Собственно, именно поэтому я и собирался затеять с ним долгий душевный разговор. Мало ли, а вдруг расскажет напоследок что-нибудь интересное. Чтобы, значит, не совсем уж впустую жизнь прожита была.

Но мало ли, что я там поначалу собирался. План, который нельзя изменить в любую секунду, повинуюсь необходимости, или прихоти, ничего не стоит. Мне вдруг стало скучно возиться с Лаздеем. В деревенском трактире представление посмотреть – и то куда как поучительней будет. И увлекательней заодно.

Поэтому я просто прикинул расстояние, убедился, что мой Серебряный огонь преотлично до него доберется, в последний раз поглядел на сияющую от счастья физиономию бывшего ученика, который только-только изготовился как следует на меня рывкнуть, и метнул в него молнию, так и не вступив в переговоры. О чем, собственно, переговариваться, когда и так все ясно?

Ну, то есть мне тогда казалось, что ясно.

Прежде чем просыпаться, я еще немного постоял, поглядел, как рушатся черные башни Морморы, как растворяются в воздухе призрачные вассалы ее властелина и нескладные пузатые драконы, как светлеет небо, а мостовая чудесным образом очищается от кровавых помоев, на радость любителям порядка. Меня, конечно, немного удивило, что наваждение не исчезло сразу же, как только я прикончил его создателя. Но что я в ту пору знал о природе древних уандукских наваждений? Правильно, ничего. Ну, почти.

Нечего и говорить, что я проснулся, совершенно довольный собой и спокойный за судьбу жителей города Гажина. Мормора теперь если кому теперь и приснится, так только потому, что некоторые кошмары довольно трудно вот так сразу забыть навсегда. Но Лаздея там уж точно не будет, и банды его призрачной, дурно воспитанной – тоже. Что, собственно, и требовалось. Да здравствую я.

Без особых сожалений покинув жесткое ложе, я отправился вниз. Через стеклянную дверь заглянул в трактир, убедился, что зал не слишком полон, но и не пуст. Шесть посетителей – для утра второго дня года очень даже неплохо.

Но заходить в обеденный зал я не стал, пошел на кухню. Зачем и дружить с хозяином трактира, если не ради привилегии без спроса совать нос в его священное убежище?

Зогги, надо сказать, и без меня не слишком скучал. Дети-то играли в саду, по крайней мере, оттуда доносились их возбужденные голоса, зато на табурете возле плиты восседал сэр Абилат. В руках у него была кружка, парень поглощал хозяйскую камру в очень неплохом темпе и с явным удовольствием, из чего я заключил, что все остальные гажинские повара готовят этот напиток еще хуже, чем Зогги. Было о чем призадуматься. А я-то, дурень, старался, спасал этот город...

– Ты как тут оказался? – спросил я.

– Ну я же все-таки в Тайном Сыске работаю, – почти обиженно сказал Абилат. – Хорош бы я был, если бы не сумел отыскать такого заметного человека, как вы!

– Как дела-то? – осведомился Зогги. – Все получилось, да?

– По крайней мере, мне приснился сладкий сон, в финале которого я грохнул этого засранца, Лаздея. Не так уж и плохо. Впрочем, это что! Говорят, некоторые во сне стихи сочиняют, вот этого я точно не умею.

– То есть больше нет... Ну, этого места? – обрадовался Абилат. – И горожане больше не будут... э-э-э... видеть сладкие сны?

– Ну, по идее, да, – кивнул я. – Кошмары кончились.

– Знаете, что странно? – спросил Абилат. – Вы его убили, а я по-прежнему не могу называть вещи своими именами. Даже вот имя этого... м-м-м... замечательного места выговорить не могу. Почему так?

– Действительно, странно, – нахмурился я. – Когда колдун мертв, наложенные им заклятия тут же утрачивают силу. Не на следующий день, не через год, а немедленно. Ты уверен, что действительно не можешь ничего сказать? Это не привычка?

Абилат помотал головой.

– Точно не могу. И вряд ли это просто привычка. В горле ком, пальцы судорогой сводит, когда пытаюсь выговорить название этого... э-э-э... волшебного города. О большем и речи нет.

– А ну-ка, дай мне тебя осмотреть, – потребовал я. – Сейчас поглядим, что это: заклятие или нервы.

– Вы для этого руки на шею кладете? – удивился Абилат. – И что?..

– И все, – отрезал я. – Помолчи немножко, ладно? Потом расскажу подробно и даже покажу, если захочешь хоть что-нибудь полезное не по книжкам выучить.

Самый поверхностный осмотр показал: парень по-прежнему связан обетом молчания, в точности таким же, что и бургомистр Зеби Хипелосис, которого я осматривал вчера. Заклятие работало, да еще как, любо-дорого глядеть, словно бы и не убивал я никакого Лаздея, а так, сладкий сон о легкой победе видел на рассвете, с кем не бывает.

Ничего себе дела.

С другой стороны, так даже интереснее.

– Так, – сказал я. – Господа, вы присутствуете при историческом моменте. Кажется, я свалил дурака. По-хорошему, надо бы вас порешить, как свидетелей моего позора, но ладно. Ограничусь настоятельной просьбой не рассказывать об этом чудесном событии на всех углах и перекрестках.

– Что случилось-то? – нахмурился Зогги. – Хочешь сказать, ты его не убил? Тебе просто примерещилось?

– Очень на то похоже. Не примерещилось, конечно, но что-то пошло не так. По крайней мере, надо проверить.

– Что-то у вас от меня одни неприятности, – огорчился Абилат.

– Ничего, переживу как-нибудь. Что действительно плохо: в крак мне сегодня с Зогги, судя по всему, не играть. И в постели с книжкой не валяться. Во всяком случае, не прямо сейчас. Все остальное поправимо.

– А ты, что ли, в крак со мной играть собирался? Нашел дурака, – проворчал Зогги.

– Мало ли что я собирался. Все равно теперь не до того. Считай, повезло тебе. Сегодня не разоришься.

Я встал и направился к выходу.

«А мне что делать?» – спросили эти двое, хором.

– Пить камру и ждать хороших новостей, – строго сказал я.

Покинув «Белый Клок», я прямиком отправился в резиденцию Свидри Ваплы, Старшего Магистра Ордена Семилистника в Гажине. Рассудил так: из всех узников Морморы

Магистр Свидри единственный более-менее стоящий колдун. Следовательно, бояться он должен гораздо меньше, а доверять мне – хоть немного больше, чем прочие, хотя бы потому, что мы говорим на одном языке. Мне, собственно, только и требовалось, что быстренько усыпить кого-нибудь из давешних страдальцев и заглянуть в его сон: что там творится? Потому что пока я, честно говоря, не знал, что и думать.

С одной стороны, я очень качественно убил Лаздея. В возможностях своего Серебряного огня я, хвала Магистрам, мог не сомневаться. На Темной Стороне и в любом сновидении это – абсолютное, безупречное оружие. Единственный способ уцелеть – вовремя увернуться. А Лаздей не уворачивался, он даже не предполагал, что я способен напасть. Значит – что? Значит, он должен быть мертв. Но если так, то почему работают его грешные заклинания? Что вообще происходит?!

«Паутина на Темной Стороне, – напомнил я себе. – То-то она мне так не понравилась. Лаздей парень не промах, без царя в голове, зато с воображением. Ясно же, что он пытался сделать Мормору новой реальностью, которая постепенно заняла бы место настоящего Гажина. Сны горожан – это только начало. Остается понять, насколько далеко ему удалось продвинуться».

Резиденция Ордена Семилистника в Гажине находилась в высоком, очень красивом трехэтажном доме на Ветреной Набережной. Его ярко-синюю крышу, увенчанную изящной башенкой в куманском стиле, было видно почти из любой точки города.

Дверь мне отворил юный щекастый послушник, румяный и, кажется, вполне довольный жизнью. Зато хозяин дома был мрачнее тучи. Положенное приветствие буркнул сквозь зубы, только что посудой в меня не кидался. Сразу видно, если бы толстый послушник не свалил дурака, не сообщил бы мне с порога, что Магистр Свидри дома, не видать бы мне аудиенции, как своих ушей. Но тут уж бедняге просто некуда было деваться.

Вот и славно.

Я делал вид, будто не замечаю его недовольства. Вот уж что я не только хорошо умею, но и люблю – игнорировать чужое недовольство. Будь моя воля, только этим бы и занимался. Уселся в кресло, неторопливо набил трубку, дождался, пока нам принесут камру, наговорил комплиментов искусству здешнего повара (надо сказать, совершенно незаслуженных). И, когда Магистр Свидри был готов лопнуть от гнева и нетерпения, подмигнул ему и сказал:

– Я все знаю, Свидри. Про Мормору, и про башню эту дурацкую. И что у вас не было никакой возможности сообщить об этих неприятностях Магистру Нуфлину, и что даже сейчас вы не можете говорить на эту тему – все знаю. Но слушать вы можете, ничего с вами не случится. Это я уже проверил на ваших товарищах по несчастью. Заклятие на вас наложено крепкое, но накладывал его легкомысленный болван. Он очень многого не предусмотрел, и это к лучшему.

Магистр Свидри моргнул от неожиданности, вздохнул с явным облегчением, даже улыбнулся краешком рта.

– Слушать я и правда могу, – согласился он. – Грешные Магистры, как же хорошо, что не надо ничего рассказывать!

– Не надо, – подтвердил я. – Сам все расскажу.

Следующие полчаса я ораторствовал, а Свидри внимал. Очень благодарный и трепетный слушатель оказался. Оно, впрочем, и неудивительно.

Завершив доклад, я приступил к делу.

– Мне необходимо немедленно проверить, существует ли Мормора после того, как я убил Лаздея. Для начала – разделить ваш сон и поглядеть, что вам теперь приснится.

Он тут же улегся на ковер, подложил под голову диванную подушку и вежливо сказал:

– Прошу вас.

Кто бы сомневался. Одно удовольствие иметь дело с ребятами из Семилистника, уж эти свою выгоду не упустят. Любой другой еще час угрохал бы на расспросы, пытаясь выжать из меня как можно больше успокоительных объяснений и хоть какое-то подобие гарантии безопасности. А этот сразу оценил возможность навсегда отделаться от Властелина Морморы, если окажется, что тот все еще жив. Ну или хоть первым узнать, что опасность миновала, и посвятить вечер удовольствиям, а не тревогам, тоже ведь неплохо.

– Только одна просьба, – сказал я, укладываясь рядом. – Поскольку это будет ваш сон, а не мой, пожалуйста, не забывайте, что этот парень, Лаздей Махикала, всего лишь мой ученик, причем не шибко успевающий. Было бы обидно удирать оттуда, сломя голову, только потому, что вы верите в него больше, чем в меня.

– Думаю, с этим не будет проблем, – пообещал Свидри. – Я, знаете ли, весьма о вас наслышан, сэр Халли.

Я же говорю, приятно иметь дело с профессионалом.

...Усыпив Магистра Свидри, я незамедлительно убедился, что Мормора по-прежнему цела и невредима. Даже очистившиеся у меня на глазах мостовые снова блестели от крови и дерьма, а исчезнувшие было драконы вернулись в небеса. Ну и красавчики в черных плащах носились по улицам, как угорелые, высматривали: вдруг кто-нибудь сидит под забором, неизбитый, неизнасилованный – непорядок! Правда, парадный выезд нам не показали. Ну да, это же был не мой сон, а бедняга Свидри, надо понимать, не заслуживал торжественной встречи.

На сей раз Лаздей не стал церемониться и приглашать нас в голубую гостиную. Какой смысл окружать меня плюшевыми игрушками после того, как я видел его во всей красе? Скажу больше: у него хватило нахальства поместить Магистра Свидри на верхушку все той же высоченной башни, где я его уже наблюдал. Как я понимаю, это сон снился ему каждую ночь, разнообразием своих узников Лаздей не жаловал.

Я не стал растягивать удовольствие: быстренько усмирил ветер, ухватил Магистра за шиворот, чтобы сдуру не сиганул куда-нибудь раньше времени, а потом просто заставил землю приблизиться к нам настолько, что вскоре мы смогли спрыгнуть на тротуар, как с высокого табурета. Наяву мне пришлось бы хорошо потрудиться, но во сне такие фокусы проделывать легче легкого. Даже в чужом сне.

– Ну ничего себе трюк, – завистливо вздохнул мой сновидец.

Я скромно пожал плечами, а про себя подивился: и это Старший Магистр самого могущественного (вернее, единственного уцелевшего) магического Ордена в Соединенном Королевстве! Чем они вообще там занимаются целыми днями, хотел бы я знать?! Свои знаменитые винные погреба инспектируют, так, что ли?

Тем временем мой приятель Лаздей Махикала наконец-то появился в поле моего зрения. На сей раз он не стал устраивать парад – и на том спасибо. Просто вышел тихонько из-за ближайшего угла. Вероятно, всерьез надеялся, что я его не замечу и можно будет украдкой подобраться к нам сзади. Для человека трехметрового роста довольно смелое предположение, что и говорить.

– Ты совершенно напрасно пытался убить меня, Джуффин, – торопливо сказал Лаздей, когда понял, что напасть сзади не получится. – Ты не понимаешь, я теперь бессмертен. Но со мной вполне можно договориться. То есть тебе – можно. Если хочешь, мы поделим территорию, и я...

– Никогда не посягнешь на мою половину? Рехнуться можно, какое великодушное предложение! – ухмыльнулся я. Протянул руку, метнул сноп Серебряного огня и быстренько прикончил Лаздея: а чего тянуть-то? Если человек утверждает, что бессмертен, грех не проверить его смелое предположение на практике.

Черные башни Морморы рухнули к нашим ногам, но ни один камень не причинил нам ни малейшего ущерба. Солнце вышло из-за туч, злодеи с драконами дисциплинированно испарились, а между окровавленными булыжниками стала пробиваться весенняя трава.

– Мне приснилось, что М-м-мо... Что это место уничтожено? – изумленно спросил Магистр Свидри. – Или оно на самом деле?..

– Хороший вопрос, – откликнулся я. – Очень хороший вопрос. Но думаю, для вас эта история точно закончена. Можно просыпаться.

Разбудив своего помощника, я тут же снова его усыпил, чтобы удостовериться, что Мормора ему больше не приснится. Повторил эксперимент раза три и успокоился: сны Магистра Свидри Ваплы были просты и невинны. Впрочем, на его месте я бы, пожалуй, старался спать пореже: скука смертная. Зато никаких кошмаров.

Однако говорить о Морморе бедняга по-прежнему не мог. Чудеса, да и только!

...Пропощавшись с Магистром Свидри, который смотрел на меня, как на своего спасителя и только что рук целовать не порывался, я отправился прямехонько в местное Управление Порядка, где после краткой доверительной беседы и убедительного совета верить в мое могущество усыпил генерала Гажинской Полиции Аброху Глыка прямо в его кабинете.

Мормора, как я и ожидал, была на месте; изменений в обычном сценарии не наблюдалось. Я помог бедняге генералу отбиться от мертвой жены, потом мы довольно долго скитались по городу в поисках Лаздея, который на сей раз не спешил выходить мне навстречу. Парня можно понять: в последнее время я был с ним недостаточно ласков.

В конце концов пешая прогулка по Морморе мне надоела. Трактиров здесь не было, а злодеи в черных плащах наотрез отказывались играть со мной в карты. Пришлось вспомнить старый добрый ритуал Призыва и вытащить Лаздея на свидание. На сей раз я не дал ему сказать ни слова. Ухватил за шиворот и немедленно проснулся.

До сих пор этот трюк срабатывал безотказно. Я из сновидения кого угодно могу за шиворот притащить; другое дело, что всякое иллюзорное существо наяву тут же становится призраком, причем совершенно бессмысленным и бестолковым. Зато настоящие живые люди и прочие чудовища остаются моей законной добычей – проверено, и не раз.

Но тут я проснулся с пустыми руками, зато в обнимку с генералом Глыком – вот уж действительно несказанное счастье. Пришлось снова его усыплять, бродить по Морморе, отправлять по новой ритуал Призыва, любоваться рожей Лаздея, перепуганной и торжествующей одновременно, метать Серебряный огонь. Некоторые, с позволения сказать, «опасные приключения» бывают скучнее, чем уборка собственной кухни, уж поверьте специалисту.

В результате вышеописанного бессмертного подвига генерал Аброха Глык был навсегда избавлен от необходимости видеть во сне Мормору (и свою покойную супругу заодно), а я – от последних иллюзий, что мне удастся покончить с Лаздеем без особого труда. К этому моменту мне стало окончательно ясно: созданная им реальность потому и живуча, что существует в сновидениях и в памяти огромного числа людей, питается их вниманием, страхом и истовой верой в подлинность кошмара. Лаздей, что бы он там ни говорил, вовсе не бессмертен, но у него ровно столько жизней, сколько сновидцев втянуто в созданный им кошмар. И только тот, в чьем сне Властелин Морморы погиб, будет избавлен от его назойливого гостеприимства.

То есть понятно, какое им нужно лекарство. Но Гажин большой город, почти такой же большой, как Ехо, здесь тысяч семьдесят человек живет. И если хотя бы половина... Впрочем, ладно, даже если только десятая часть населения видит сны про Мормору, дело плохо. Интересный поворот: мучитель оставался в живых благодаря своим жертвам, которые многое отдали бы за возможность его уничтожить. Лихо закручено.

Я был почти по-настоящему сердит. Нечего сказать, отдохнул. Какая, дырку надо мной в небе, удачная была идея: хорошенько отоспаться в Гажине, распутывая так называемое «пустяковое дельце».

Впрочем, желание мое в каком-то смысле сбылось: в последнее время я только и делал, что видел сны. По большей части чужие, но это уже другой вопрос. Не следует быть слишком привередливым.

Покинув Управление Порядка, я понял, что не только сердит, но и голоден. Что ж, по крайней мере, хоть эту проблему можно было уладить быстро и совершенно бесплатно. Десять минут быстрым шагом, и я в «Белом Клоке», даже Темным Путем пользоваться ни к чему.

...Зогги и Абилят за время моего отсутствия нашли общий язык, перешли на «ты» и только что не побратались – хотя кто их знает? Теперь они сидели за кухонным столом, упивались сырным танг и увлеченно сплетничали. Правда, мое появление вынудило их изобразить на лицах скорбную озабоченность. Ребята очень старались, но результат никуда не годился. Впрочем, оно и к лучшему.

– Ну как? – хором спросили они.

– Хуже не бывает, – отчитался я. – Когда я убиваю Лаздея в чужом сне, я избавляю от кошмаров одного-единственного человека: самого сновидца. Вот, двоих уже избавил. Небывалое достижение.

– И теперь вам придется спать со всеми жителями Гажина по очереди? – восхитился Абилят. – Вот это да!

– При всем желании не могу разделить твой энтузиазм. У меня были несколько иные планы на ближайшие двадцать лет. Не хотелось бы вот так сразу от них отказываться. Нет, это не выход. Даже если я действительно плюну на свои обязанности в столичном Тайном Сыске и займусь врачеванием жителей Гажина, Лаздей за эти годы такого наворотить успеет... Не годится. Надо как-то иначе.

– А есть варианты? – поинтересовался Зогги, поставив передо мной большую деревянную тарелку.

– Варианты есть всегда. Другое дело, что среди них может не быть ни одного приемлемого. Самый простой способ: отправиться на Темную Сторону Гажина и уничтожить тамошнее небо, это я хоть сейчас. Вот пообедаю, и можно отправляться. Правда, Гажин станет после этого воистину жутким местом, куда уж там этой вашей Морморе. Нет ничего страшнее города, Темная Сторона которого разрушена. От нынешнего Гажина это будет отличаться примерно как оживший мертвец от живого человека.

– Не годится, – сказал Зогги. – Одну мерзость на другую менять – какой смысл? А может, просто людей отсюда увезти?

– Я об этом думал. Но, насколько я понимаю, это поможет только тем, кто еще спит спокойно, если такие еще остались. Я совершенно уверен, что первый кошмар про Мормору может присниться только в Гажине – по крайней мере, пока. Но если уж человек начал видеть эти сны, отъезд ничего не меняет. Верно, Абилят?

Тот ничего не сказал, только закивал энергично. Ну, ясно: уж он-то пробовал.

– Ясно, – вздохнул Зогги. – Догадываюсь, каков будет третий вариант: убить всех горожан и снести Гажин с лица земли, чтобы остановить заразу. Так?

– Ну ты загнул. Все-таки сейчас не Смутные Времена, а я не Лойсо Пондохва.

Мне не хотелось признаваться Зогги, что этот вариант я тоже обдумывал и отклонил только после некоторых колебаний, как преждевременный. Вряд ли мой друг оценил бы такую откровенность по достоинству.

Мы замолчали. Я воспользовался паузой, чтобы съесть наконец свою порцию. А вот мои сотрапезники совсем приуныли.

– Должен быть еще вариант, – сказал я, откладывая в сторону столовые приборы. – Не может его не быть. Давайте, что ли, действительно в картишки перекинемся, по маленькой, горсть за партию, ну? Мне так думается лучше.

– Знаю я твою «горсть за партию», – проворчал Зогги. – Все равно нескольких корон к вечеру не досчитаюсь... Ладно, если тебе действительно так лучше думается, Магистры с тобой, сдавай.

Он с размаху шмякнул на стол засаленную карточную колоду.

– Крак – это же игра на двоих, да? – опечалился Абилат.

– Ничего, не грусти, и твои карманы облегчу, – ухмыльнулся я. – Зогги небось после третьей партии к плите запросится. Скажет: «клиенты пришли, срочный заказ». Наберись терпения, скоро придет твой черед.

Я недооценил Зогги: мой друг дезертировал к плите только после дюжины партий. Юный Абилат оказался достойным противником. То есть играл-то он из рук вон скверно, как почти все люди в этом Море, зато совершенно не огорчался проигрышам, а меня это заводит. Сразу хочется взвинтить ставки до тысячи корон за партию, или как бы ненароком выболтать чужую страшную тайну, или потолок внезапно обрушить, да все, что угодно, сойдет, лишь бы вывести из себя невозмутимого партнера. И что интересно, именно в таком настроении я соображаю лучше всего – сам удивляюсь.

Я еще и полкороны у парня не выиграл, когда меня осенило.

– Слушайте, – сказал я. – Все может оказаться очень просто. Так просто, что о нас с Лаздеем сложат не легенды, а анекдоты. Нужна еще одна Мормора. Причем срочно.

– Чего-о?!

От неожиданности Зогги уронил тяжеленную чугунную крышку, которой собирался накрыть огромную сковороду. Крышка упала ему на ногу, да так, что бедняга охнул – кажется, впервые на моей памяти. Вообще-то он очень сдержанный и стойкий человек, я же говорю, арварохская кровь.

Абилат вскочил, бросил карты, метнулся к Зогги.

– Ой, как неудачно упала, два пальца раздробила, – поморщился он, прикасаясь к пострадавшей ступне. – Ничего, я мигом все поправлю, это как раз проще простого...

– Сапог, что ли, не надо снимать? – удивился Зогги.

– Ни к чему. Снимешь потом, когда больно не будет, чтобы кровь смыть, а вылечить я и так могу.

Я, признаться, с интересом наблюдал за действиями этого юного гения. Еще и знахарствуем помаленьку, оказывается, ну-ну.

– Уже не больно, – объявил Зогги.

– Стой на месте, – потребовал Абилат. – «Не больно» – это еще не значит, что все в порядке. Боль снять проще всего, а вот вылечить... То есть тоже не очень трудно, но мне нужно время. Я же не очень опытный пока.

Пару минут спустя он сказал:

– А вот теперь все.

Я только головой покачал. Этот «не очень опытный» знахарь справился с проблемой почти так же быстро, как это сделал бы я сам.

– А ну-ка дай проверю, – потребовал я. – Да, смотри-ка, действительно все в порядке. Что там было?

– Два пальца, в одном трещина, другой сломан, ну и кожа содрана, конечно, – доложил Абилат. – Ничего страшного, но очень неприятно.

– Ты и этому по книжкам выучился?

– Ну как – немножко по книжкам, потом поговорил со знающими людьми и как следует попрактиковался на наших полицейских, они вечно влипают в неприятности, а знахарь в Управлении Порядка один на всех. А я когда вижу, что человеку больно, просто не могу себя в руках держать. Потому, собственно, и учиться начал.

– Ясно, – кивнул я. – Похоже, у тебя к этому делу подлинное призвание – если уж чужую боль терпеть не можешь.

– Ой да, чужая бывает хуже, чем своя, – невольно поморщился Абилат. – Так что ж мне, по-настоящему на знахаря выучиться? А разве не поздно?

– Да ты уже, можно сказать, выучился. С чем тебя и поздравляю. Пятеро из шести ребят, выдержавших столичный экзамен на звание знахаря, помогли бы нашему другу Зогги, затратив на это дело как минимум час; немногие избранные управляются вдвое быстрее. Считается, что это не самый плохой результат, представляешь?

– Джуффин сам знахарь, каких поискать, – заметил Зогги. – Если уж он говорит, лучше прислушаться. Моя нога, впрочем, целиком разделяет его мнение... Джуффин, так что ты такое придумал? Как это – «нужна еще одна Мормора»? Тебе одной мало?

– Мало, – твердо сказал я.

– Объяснишь? – без особой надежды спросил он.

– Это долго. И трудно. Непонятно, с чего начинать. Читать тут лекцию о природе и могуществе человеческого внимания? Момент немного не тот... Давай так: сперва ты, вернее, вы оба мне поможете. Если все получится, как я задумал, потом объясню, почему оно так получилось. А если нет, тогда и объяснять-то особо нечего.

– Логично, – согласился Зогги. – Тем более, если у тебя снова ничего не выйдет, тогда уж ты нас с Абилатом точно пришьешь, как с утра грозился.

– Вряд ли, – успокоил я его, – если у меня ничего не выйдет, нам всем будет не до того. Мне – в первую очередь... Абилат, отправь-ка зов начальнику полиции. Он теперь мой вечный должник и вообще вроде неплохой мужик, так что он нам пригодится. Пусть будет тут – ну, скажем, через час. Прости, Зогги, но я собираюсь сделать твой трактир чем-то вроде штаба. Зато счет казне потом выставишь, какой захочешь, даже если мы всего по кружке камры выпьем.

– Казну потрясти – это святое, – с видом знатока подтвердил Зогги.

– Рад, что ты со мной согласен. К тебе тоже есть просьба. Мне нужна старшина гажинских портовых нищих. Такая резвая тетка, как ее... Тинна?

– Ага. Длинная Тинна.

– Вы же приятели, я ничего не перепутал?

– Ну, по крайней мере, кровь друг другу не портим.

– Вот и славно. Позови ее сюда. И первым делом расспроси, не снятся ли ей и ее подопечным кошмары. Очень рассчитываю, что еще нет. Зная Лаздея, я предполагаю, что о нищих он вспомнит в последнюю очередь – если вообще вспомнит. Они с его точки зрения и не люди вовсе.

– Может, и так. Но зачем тебе нищие? Что ты задумал, Джуффин?

– Потом расскажу. А пока просто поверь на слово: они внакладе не останутся. Еще и развлекутся как следует. Так что зови Тинну. Пусть будет у тебя на кухне, желательно через полчаса, или еще раньше, ладно?

– Как скажешь, – согласился Зогги.

– А потом найми для меня какой-нибудь оркестр. Небольшой, но хороший. Главное, чтобы умели импровизировать по капризу заказчика. Денег не жалею. Пусть будут готовы поступить в мое распоряжение около полуночи и играть всю ночь.

– А танцоров тебе случайно не надо? – совершенно серьезно спросил он.

– Спасибо, пока нет, – мягко сказал я. – Но как только они мне понадобятся, ты узнаешь об этом первым, обещаю. И последнее – пока последнее – задание вам обоим. Подумайте, где мы можем достать пару сотен длинных черных лоохи. Лучше бы кожаных, с капюшонами, как моряки носят. За любые деньги.

– Ну, если за любые деньги, тогда не проблема, – сказали эти двое.

Опять хором, между прочим. Я ж говорю, спелись.

– Важно, чтобы никто в городе не узнал об этой покупке, – добавил я. – По крайней мере, сегодня, потом-то ладно. Но сегодня – никак нельзя. Поскольку я не могу поручить вам убить продавца, а заветное молчания вы накладывать не умеете, придется просто обещать ему большую надбавку за секретность. Справитесь?

На сей раз Зогги неопределенно пожал плечами, зато Абилат с энтузиазмом закивал. Подозреваю, сказывалась разница в знании жизни: Зогги все-таки опытный человек, ему-то ясно, что молчание, в отличие от кожаных плащей – не та вещь, которую легко купить.

– Ну гляди, – вздохнул я. – А лучше просто приведи его сюда, чтобы письменный контракт о надбавке за секретность составить. Я документ подпишу, аванс выдам, заветное наложу незаметно, и всем будет хорошо.

– Приведу, – пообещал Абилат. – Контракт – святое дело, в его же интересах подписать.

– И вот что, – я вовремя вспомнил, что имею дело с человеком, который еще не научился понимать меня с полуслова. – Товар пока никуда волочь не надо. Пусть остается на месте. Вечером сами заберем. Надеюсь, у твоего торговца склад не на самом краю города? Мне надо в центре.

– На Пестрой Линии у него лавка и склады, отсюда четверть часа пешком...

– То что надо. Дуй к нему, раз так. И постарайся побыстрее все это уладить, ладно? Чтобы через час вы оба уже были здесь.

Мне показалось, что у Абилата на сей счет имеется множество возражений. Он наверняка собирался выступить с пламенной речью о неумолимом беге времени и ограниченных человеческих возможностях, но я не стал его слушать. Неинтересно.

Я воспользовался Темным Путем и отправился в Дом у Моста. Леди Ренива совершенно не удивилась ни моему внезапному появлению, ни обещанию снова исчезнуть через несколько минут, ни просьбе сохранить мой визит в секрете – а то знаю я, тут же нашлись бы охотники переложить на мои плечи свои пустяковые трудности. Только и спросила, удалось ли мне выпастся, и сочувственно покачала головой, когда вместо ответа я скорчил зверскую рожу.

Я же говорю, она была идеальной помощницей.

Я потребовал кружку камры из «Обжоры Бунбы», рассудив, что честно заслужил такое удовольствие, и вызвал к себе Шурфа Лонли-Локли. Хвала Магистрам, он не ошивался невесть где, а дисциплинированно сидел в собственном кабинете. Это было как нельзя более кстати.

– Пойдешь со мной в Гажин, сэр Шурф, – сказал я. – Там все очень непросто. Объяснять долго, да и ни к чему пока. Но нынче вечером мне понадобится твоя помощь.

– Я правильно понимаю, что мне следует вернуться в кабинет и взять ларец с перчатками? – деловито спросил он.

– Ну возьми на всякий случай. Куда ж ты без них. Но, по правде сказать, сегодня ты мне нужен в другом качестве.

– Вот как? Это чрезвычайно интересно, – совершенно равнодушно сказал сэр Шурф. Если бы я не знал его так хорошо, я бы решил, что он издевается.

– Чашку свою дырявую прихвати, – сказал я ему вслед. – Вот она точно пригодится.

– Да, я так и подумал, – кивнул он.

Когда-то давно, еще до нашего знакомства, Шурф Лонли-Локли был Младшим Магистром Ордена Дырявой Чаши. Подробности его стремительной карьеры и более чем шумного ухода из Ордена пока можно опустить⁷; важно знать вот что: все члены этого Ордена получали немалое могущество, когда пили из специальной ритуальной посуды, у которой не было дна. После принятия Кодекса Хрембера я выхлопотал для сэра Шурфа специальную привилегию, официальное разрешение по-прежнему пользоваться дырявой чашкой в случае необходимости. Это было кстати: наш сэр Шурф очень неплохой колдун и вообще безупречнейший из людей, но есть вещи, которые он способен проделать, только предварительно приложившись к этой дурацкой дырявой посудине. Впрочем, у всех свои недостатки, и я даже рад, что у Лонли-Локли имеется такая слабость. Рано ему еще быть совершенством. Всему свое время.

Сэр Шурф вернулся всего через пару минут.

– Ну наконец-то, не прошло и года, – проворчал я.

Он и бровью не повел, хотя мой упрек был, мягко говоря, не совсем справедлив. Ему, знаю, даже нравится, когда я начинаю изображать строгого, придирчивого начальника. Он понимает, что это своего рода ритуал, необходимый вовсе не для поднятия моего авторитета, не для укрепления служебной дисциплины даже, а для того, чтобы поддерживать гармонию мира – всего лишь. А сэр Шурф как никто умеет ценить такие вещи.

В итоге у Зогги мы с Лонли-Локли оказались даже раньше, чем я рассчитывал. Абилата еще не было. Надо думать, он как раз обрабатывал продавца кожаных плащей. Начальник полиции, по словам Зогги, клятвенно обещал быть через четверть часа. Зато леди Длинная Тинна уже сидела на табурете в дальнем углу кухни и во все глаза глядела на нас с Шурфом. Все-таки искусство Темного Пути мало кому легко дается, так что внезапное появление незнакомцев в центре только что пустовавшего помещения – зрелище редкое даже для столичного жителя, а уж с гажинцев-то что взять.

Она была та еще дамочка, эта самая Тинна. Действительно очень высокая, ростом примерно с меня. Тощая, как кошка с разоренной фермы, с роскошной копной пепельных волос и разноцветными глазами: один синий, другой янтарно-желтый. Отчаянно некрасивая и при этом невероятно обаятельная – настолько, что стоило ей улыбнуться, и становилось ясно, что именно о таких женщинах писали поэты древности: *«Страшна, как смерть, желанна, как жизнь, Темная Сторона прелести»*, а современные красотки могут отправляться восвояси. Пока Тинна улыбается, о них и не вспомнит никто.

К этому сокрушительному обаянию следует добавить королевскую осанку, изумительно вылепленные кисти рук, драное лоохи явно с чужого плеча по-мужски застегнутое драгоценной старинной булавкой, продав которую Тинна наверняка могла бы выкупить у Зогги его трактир, да еще пару соседних домишек в придачу. Но вряд ли она захотела бы возиться с покупкой недвижимости, знаю я эту породу.

Такова была Длинная Тинна, старшина гажинских нищих. Я видел ее прежде, пару раз, мельком, но тогда она не произвела на меня особого впечатления, поскольку не заметила, что я ее разглядываю, и не потрудилась обаять. Зато теперь расстаралась. И не потому, что я был важной персоной или мужчиной ее мечты. Я был человеком, который пришел Темным Путем, и это сразило Тинну наповал. Впрочем, Лонли-Локли досталось еще пуще: он-то еще и в Мантии Смерти в ту пору расхаживал, а на некоторых эксцентричных дам это действует похлеще, чем рыжие волосы и пухлые губы.

⁷ Подробности можно узнать из повести «Путешествие в Кеттари».

Чтобы вам стало ясно, кем была леди Длинная Тинна, следует объяснить, что представляют собой старшины наших нищих. Многие – не только чужестранцы, но и жители Соединенного Королевства – наивно полагают, будто ничтожней и печальней такой судьбы мало что может быть. Ага, как же.

Достаточно трезво смотреть на вещи, чтобы понять: держать в абсолютном подчинении несколько сотен шальных пьянчуг, которым давным-давно нечего терять (среди них попадаются и неудачливые авантюристы, и беглые преступники, и просто люди, не сумевшие справиться или не захотевшие смириться с жизнью), может только очень незаурядный человек. Немного поразмыслив, несложно прийти к выводу, что без некоторых магических навыков во главе такого войска долго не продержишься. А если я добавлю, что старшины нищих не только преуспевали в Смутные Времена, но и ни разу не привлекались за нарушения после принятия Кодекса Хрембера, можно догадаться, что с ними все далеко не так просто.

Я не зря долго приятельствовал с Кобой, старшиной портовых нищих Ехо. На откровенность такого не особо вызовешь, но я, хвала Магистрам, узнаю все, что мне требуется, не из задушевных разговоров. С тех пор я в курсе, что старшины нищих – совершенно особый цех, объединяющий одиночек, посвященных в некоторые тайны древней магии Хонхоны и с тем или иным успехом применяющих свои знания на практике. Очевидная магия им ни к чему, а ничтожный статус только на руку. Можно, не особо скрываясь, творить все, что заблагорассудится, если уж окружающие болваны легкомысленно брезгуют обращать на тебя внимание. Все старшины нищих очень богатые люди; при этом, насколько мне известно, желающих оставить нелегкое ремесло, приобрести особняк с садом и зажечь припеваючи, среди них нет.

В свое время я и сам узнал немало любопытного, покрутившись рядом с Кобой и еще несколькими его коллегами из других городов. Не то чтобы краденые секреты перевернули мою жизнь, все же я не мальчишкой к ним пришел, но недооценивать этих господ я с тех пор зарекся.

Поэтому личное знакомство с Длинной Тинной представлялось мне – ну не самым выдающимся событием дня, конечно, но вполне интересным эпизодом. И не мне одному. Сэр Шурф, человек не только безукоризненно вежливый, но и сведущий в такого рода делах, произнося привычную формулу: «Вижу вас как наяву», отвесил ей глубочайший поклон. Так и с равными-то нечасто знакомятся.

После столь блистательного начала успех переговоров был нам обеспечен. Не сомневаюсь, что мы с Шурфом могли получить ее согласие на любое предложение. Думаю, леди Тинна сейчас легко подписалась бы на убийство Великого Магистра Нуфлина Мони Маха или, скажем, ограбление знаменитой Невидимой Флотилии⁸. Да что там, она, пожалуй, даже замуж за нас вышла бы, причем за обоих сразу, если бы вдруг выяснилось, что вежливые столичные джентльмены, в совершенстве владеющие искусством Темного Пути, нуждаются именно в этом.

Но мои запросы были куда скромнее.

Не вдаваясь в подробности, я быстро и четко объяснил Длинной Тинне, что от нее требуется и сколько на этом можно заработать. Выслушав меня, она обольстительно улыбнулась, кивнула, попросила назначить место и время следующей встречи, попрощалась и стремительно вышла через заднюю дверь.

Зогги глядел на меня круглыми от изумления глазами, зато Лонли-Локли, которому я пока вовсе ничего не рассказывал ни о гажинских событиях, ни о своих планах на ближай-

⁸ Невидимая Флотилия была создана специально для межконтинентальных перевозок особо ценных грузов. В ее составе служат уроженцы островов Укумбийского моря, посвященные в древние обряды Морской Охоты, т. е., потомственные пираты. Это, собственно говоря, надежная гарантия, что суда Невидимой Флотилии никогда не будут ограблены. По крайней мере, за всю многовековую историю ее существования прецедентов не было.

шую ночь, не выказал ни малейшего желания узнать, с какой стати его начальник вдруг возжелал окружить себя свитой из нескольких сотен портовых нищих.

Одно удовольствие иметь с ним дело, все бы так.

– От тебя, сэр Шурф, мне сегодня понадобится плохая погода, – сказал я ему. – Не прямо сейчас, а сразу после полуночи. Очень низкие грозовые тучи, желательно с громом и молниями, но без дождя. И в дополнение – огненная надпись в небесах, да такая, чтобы ее из любой точки города видно было. Ненадолго, самое большее – до утра. Ритуал, как ты сам знаешь, отнимает кучу времени, а его у меня и так мало. Но ты, насколько я помню, в совершенстве освоил этот фокус. Очень кстати.

– Да, – ответил он. – Есть только одна проблема.

Я укоризненно покачал головой. Сейчас небось начнет рассказывать, будто провернуть такое великое дело невозможно, не осушив предварительно несколько дырявых лоханок какого-нибудь древнего вина, последняя бутылка которого еще двести лет назад была зарыта в алый песок Великой Пустыни Хмиро, что в Уандуке. И ведь сам понимает, что уже давным-давно может обходиться без чего угодно, но занудствует по привычке. Или просто выгоду упускать не желает? А что ж, очень может быть, сэр Шурф та еще штучка.

Но я недооценил своего лучшего ученика.

– Для того чтобы выполнить ваше распоряжение, мне придется нарушить Кодекс Хрембера, – объяснил он. – Поэтому мне требуется ваш письменный приказ. Без него я не могу действовать.

– Будет тебе письменный приказ, – я протянул ему самопишущую табличку. – Сам и составь, ни в чем себе не отказывай. А я подпишу.

– В таком случае все в порядке, – согласился Лонли-Локли и занялся табличкой. На какое-то время можно было считать, что его здесь нет.

Зато мой друг Белый Клок к этому моменту был готов взорваться от переполнивших его вопросов. Он пока молчал, но воздух в кухне звенел от его нетерпения.

– Зогги, у тебя сейчас пирог сгорит и суп выкипит, – проворчал я, принимая из его рук очередную кружку скверной камры. – Поверь на слово, ничего особенно интересного не происходит, по крайней мере, пока. Когда начнется интересное, я честно тебе скажу, что пора удивляться.

– Возьмешь меня с собой? – спросил он. – Ну, я так понимаю, ты же не прямо на моей кухне будешь всех спасать, на улицу выйдешь, так?

– Выйду, – согласился я.

– Ты знаешь, Джуффин, толку от меня немного, зато и под ногами путаться не буду. Возьмешь поглядеть?

– Возьму, – легко согласился я. – У меня нынче каждый человек на счету. И толку от тебя будет побольше, чем от некоторых. Когда это я отказывался на чужом горбу прокатиться?

Друг мой хмыкнул, недоверчиво покачал головой и вернулся к плите. А я накрыл кружку ладонью и заставил камру исчезнуть. Достойный компромисс: и Зогги будет доволен, и я избавлен от необходимости поглощать сей несовершенный напиток. Хватит с меня на сегодня.

Рассиживаться без дела мне, хвала Магистрам, не дали. Сперва Абилат привел торговца, счастливого обладателя двух с лишним сотен длинных кожаных плащей, залежавшихся на складе с тех пор, как в моду вошли более короткие капитанские лоохи, до колена. Разумное нововведение: в таком даже спяну не запутаешься, не грохнешься на палубу на радость всей команде. Для моряков это довольно важное обстоятельство.

Пока подписывали контракт, я быстро и незаметно заручился молчанием продавца, выбрав самое простое и безопасное из заклятий: пытаться-то этого красавца явно никто не будет. Мне только и надо, чтобы сам сдуру раньше времени не проболтался о сделке. А чтобы подсластить пиллюлю, я увеличил заранее оговоренную сумму еще на дюжину корон. Мне не жалко, а человеку радость и польза.

Ошалевший от такой удачи торговец получил задаток, мне достался ключ от сарая, где был сложен товар, на том и распрощались.

Потом явился генерал Аброха Глык. Вид у главы гажинской полиции после нашего совместного визита в Мормору был малость пришибленный, а настроение – самое что ни на есть возвышенное, но, хвала Магистрам, соображать он не перестал, скорее наоборот. К тому же, сэр Глык испытывал страстное желание оказать мне любую посильную помощь, чтобы хоть как-то отблагодарить за оказанную услугу. Это, надо сказать, вызывало уважение. По моим наблюдениям, только сильные люди способны на искреннюю, деятельную благодарность. Прочие (часто втайне от себя) потихоньку ненавидят своих спасителей, приписывают им корыстные мотивы и низменные помыслы. Да все что угодно, лишь бы иметь возможность поскорей отделаться от неприятных воспоминаний о собственной слабости и чужом великодушии.

Так вот, генерал Аброха Глык был не таков. Он твердо обещал, что сегодня за час до полуночи две сотни его подчиненных поступит в мое полное распоряжение. А в заключение очень искренне добавил, что с радостью пожертвует жизнью, благосостоянием и даже добрым именем, если это может хоть как-то помочь делу.

Мне не хотелось вот так сразу обрубить генеральские крылья, поэтому я не стал говорить, что при всем желании не смогу в ближайшее время придумать для него задание, связанное хоть с каким-нибудь риском. Поблагодарил, пообещал иметь в виду его самоотверженную готовность, да и отпустил с миром, до вечера.

– А что теперь? – с энтузиазмом спросил Абилат, когда за начальником гажинского порядка закрылась дверь.

– Будешь смеяться, сущие пустяки, – ответил я. – Зогги, у тебя есть бумага? Или в лавку надо посылать?

– Чего-чего, а бумаги полно, – проворчал мой друг, извлекая из нижнего ящика буфета целую кипу разноцветных листов. – Ильса любит рисовать, а еще больше – комкать и рвать рисунки с воплями: «Опять не получилось!»

– Стремление к совершенству – прекрасное и редкое качество, – вмешался Лонли-Локли. – Отрадно слышать, что хоть кому-то оно свойственно с детства.

– Глядите на меня внимательно, – велел я. – И запоминайте.

Взял лист бумаги, сложил, загнул уголки, еще раз сложил, развернул и продемонстрировал своим помощникам изящную бумажную птичку. Они-то, бедняги, думали, я сейчас колдовать буду, да так, что Мир рухнет в одночасье, поэтому были совершенно шокированы. Даже сэр Шурф поглядел на меня с заметным интересом. Ишь ты, и его проняло.

– Поняли, как это делается? – невозмутимо спросил я. – Если не поняли, покажу еще раз. К ночи мне нужно несколько сотен таких птичек. У Зогги на кухне дел по горло, не будем его отвлекать, зато можно позвать на помощь его питомцев. Думаю, тут они обставят вас в два счета, господа чародеи.

– Мы должны делать бумажных птичек? И все?! – изумился Абилат.

Сэр Шурф к этому моменту уже восстановил душевное равновесие, у него это, хвала Магистрам, быстро получается, а Зогги благоразумно отправился в сад за детьми. Понял уже, что сверлить меня вопрошающим взглядом без толку. Все же не первый день знал.

– И еще одно ответственное задание имеется, – закончил я. – Как следует поесть и расслабиться. Ночка предстоит та еще, а вы нужны мне свежими и бодрыми. А ты, сэр Шурф,

порасспроси на досуге этого молодого человека, тебе должно быть интересно. Он учился Истинной магии по книжкам и, можешь себе представить, добился некоторых успехов.

– Ну а зачем еще нужны книги, если по ним не учиться? – флегматично спросил Лонли-Локли.

Увы, ему не хватало теоретической подготовки. Вот если бы парень несколько столетий кряду слышал от великого множества достойных уважения чародеев, что основы Истинной магии передаются только от учителя к ученику, он бы, пожалуй, оценил мою новость по достоинству и потрудился бы удивиться. А так – что с него взять.

Юный Абилат, неожиданно обретя единомышленника, оживился и жизнерадостно закивал. Я снисходительно подумал, что нет невежд более упертых, чем заядлые книжники, но вслух ничего говорить не стал. Посмеиваться над учениками – святое дело, но перегибать палку тут не стоит. Уверенность в себе в сочетании с неуверенностью во всем остальном – краеугольный камень настоящего могущества. Поэтому мой любимый метод – хвалить новичка за всякую малость, не забывая регулярно ужасать. Подталкивать к краю пропасти, преувеличенно восторгаясь мощью и размахом едва наметившихся крыльев, заставлять делать ошибки, а потом с должной искренностью восхищаться умением их исправлять, и так далее. Присутствующий здесь сэр Макс все это, надо думать, прекрасно помнит, иначе с чего бы он сейчас глядел на меня с такой укоризной... Однако даже он вряд ли станет возражать, если я скажу, что результат обычно выходит отменный. А я ведь, пожалуй, скажу.

Оставив эту троицу развлекаться изготовлением бумажных птиц и построением остроумных гипотез насчет моих ближайших планов, я отправился наверх, в спальню Зогги, и с превеликим удовольствием проспал целых три часа. В смысле, именно проспал. Без всяких дополнительных фокусов. Изредка это совершенно необходимо.

Проснувшись – практически родившись заново – я вернулся в кухню, где застал совершенно умирительную картину. Леди Длинная Тинна вернулась и теперь вовсю строила глазки сэру Лонли-Локли. Ничего удивительного: женщины и другие заинтересованные лица всегда прохода ему не давали, их даже смертоносные руки, Мантия Смерти и маска безупречнейшего из живых существ, которую сэр Шурф вынужден был носить до самого последнего времени, не очень-то останавливали.

Старшина гажинских нищих, конечно, была дама серьезная, но тут и ее проняло.

Сэр Шурф сохранял обычную сдержанность, но я видел, что внимание Тинны было ему, мягко говоря, не слишком неприятно. Зогги по-прежнему хозяйничал у плиты и косился на эту парочку с почти суеверным ужасом, а на меня – с немым упреком. Вот интересно, а я-то тут при чем?.. И только юный Абилат сохранял полную безмятежность. Сидел за столом, аккуратно пристроив тарелку среди разноцветных бумажных птиц, и за обе щеки уписывал мясной танг. Выполнял, надо понимать, мое последнее ответственное поручение. Дисциплинированный какой, молодец.

– Мои люди уже понемногу собираются под мостом Королевы Вельдхут, – отрапортовала Тинна в ответ на мой укоризненный взгляд. – Я, собственно, потому и зашла, что мне пока делать нечего: они сами распрекрасно туда доберутся к назначенному сроку. Дюжина корон на брата без отчисления в общую казну – это достаточно серьезное обещание, никто своего не упустит, верьте мне. Ну и получить Щелчок Траппа за опоздание вряд ли кто-то захочет.

Щелчок Траппа – да, ничего себе способ держать людей в подчинении. Простой и действенный. Для такого наказания не нужно лично встречаться с виновным. Достаточно сконцентрироваться, почти как для Безмолвной речи, и представить себе, что вы особым образом щелкаете провинившегося по лбу – при условии, что вас в свое время обучили этому почти забытому древнему искусству, конечно. После этого бедняга несколько часов будет кататься

по земле, завывая от непереносимой боли, но ни умереть, ни даже потерять сознание ему, увы, не удастся. Конечно, хороший знахарь может быстро поправить дело, поэтому шантажировать Щелчком Траппа богачей, властимущих и просто мало-мальски умелых колдунов – занятие вполне бессмысленное. Зато для того, кто хочет держать в узде целую армию беспутных балбесов, вроде Тинниных орлов, такое умение – неоценимое сокровище.

– Ладно, – согласился я. – Если так, молодец, леди Тинна. Советую тебе поужинать. Потом не до того будет.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила она. – Но я ем только один раз в день, без свидетелей, и всегда сама готовлю себе еду. Я не могу отступать от этого правила даже ради счастья и чести разделить с вами трапезу. Впрочем, мне будет приятно получить стоимость предназначенного мне ужина деньгами...

Мне чрезвычайно понравилось такая запредельная наглость, поэтому я без разговоров вынул из кармана корону и вручил леди Тинне. Хотя на корону, конечно, мы бы у Зогги и вчетвером не нажрали, даже если бы очень постарались. Но она молодец, заслужила.

– О, да вы соблюдаете один из главных пунктов устава древнего Ордена Белой Пекарни, – заинтересовался Лонли-Локли. – А свою посуду всегда носите с собой?

– С детства, – гордо ответствовала она, доставая откуда-то из складок лоохи маленькую деревянную миску, столовый нож с раздвоенным концом и ложку из драгоценного синего металла. – Эти вещи мне подарил отец, когда я прожила на свете первую дюжину лет. С тех пор они всегда при мне.

– Скажите, леди Тинна, вы где-то прочитали о существовании устава Белых Пекарей или он был частью ваших семейных традиций? Или вы самостоятельно пришли к мысли о необходимости таких ограничений? – продолжал расспрашивать сэр Шурф.

Старшина гажинских нищих загадочно улыбалась, всем своим видом давая понять, что некоторые вещи о себе можно рассказывать только очень близким людям. Но это вовсе не означает, что она наотрез отказывается удовлетворить его любопытство. Напротив, от всего сердца надеется, что сможет сделать это в ближайшее время. По крайней мере, я именно так расшифровал ее ужимки. И сэр Шурф, будьте покойны, тоже расшифровывал их как надо. И, похоже, прикидывал про себя, хватит ли ему времени выяснить подробности про леди Тинну и Белых Пекарей – любой ценой.

Я всегда знал, что путь к его сердцу отыскать не так сложно, как кажется. Сэр Лонли-Локли вполне мог бы приторговывать своим телом за всякие бесполезные, но мудреные секреты, как куманские красотки за деньги и пряности. Просто до сих пор у него не было возможности как следует развернуться: никто не предлагал такого обмена. А Тинна молодец, сразу его раскусила.

Все это было просто замечательно, но, наскоро поев, я разлучил эту парочку. Велел Шурфу как следует подготовиться к предстоящей работе с гажинскими небесами, а сам взял возбужденную леди Тинну под локоток и повел под мост Королевы Вельдхут, где, согласно моему приказу, нас ждали ее товарищи. Отличное место для того, кто хочет собрать большую толпу в самом центре города, да так, чтобы никто не заметил. Ну и от «Белого Клока» туда всего пять минут идти – это если не спешить.

А я спешил.

Выслушав мои указания, гажинские портовые нищие чуть не рехнулись на радостях. Думали, за дюжину корон на рыло им придется как следует потрудиться, а мне требовались сущие пустяки. Ласково пообещав лично прикончить каждого, кто вздумает выйти за рамки своей скромной роли, я оставил Тинну командовать их дальнейшими перемещениями по городу и вернулся в трактир. Поглядел на дешевые ташерские ходики, согласно которым полночь должна была наступить всего через полтора часа, удостоверился, что сэр Шурф уже

выдул из своей дырявой чашки полбутылкипряного укумбийского бомборокки из погребов Зогги, связал в огромный невесомый узел скатерть с бумажными птицами, уложил это сокровище в служебный амобилер Абилата, усадил туда своих помощников, и мы укатили.

Первым делом я доставил Лонли-Локли на Ветреную Набережную. Гажинская резиденция Ордена Семилистника – одно из самых высоких зданий в городе, это обстоятельство было для предстоящего дела довольно важно. А хозяин дома еще днем смиренно сообщил мне, что почтет за величайшую честь пустить на свою крышу одного из моих коллег. Впрочем, я не сомневался, что благодарность Магистра Свидри Ваплы могла бы открыть мне доступ и в куда более потаенные уголки резиденции, да только вот большой нужды в том не было. Какая досада.

Пожелав сэру Шурфу удачи, мы отправились в Управление Порядка. Генерал Аброха Глык не подкачал, на выбранных им для предстоящей операции полицейских глядеть было одно удовольствие. Все как на подбор высоченные, широкоплечие, красивые ребята. Я от души надеялся, что они еще и смышленные. Вообще заставить тупицу ненадолго поумнеть – фокус несложный, но муторное это дело. А уж сотню человек так точно проще убить, чем вразумить. Гораздо проще, я уж сколько раз проверял.

Но этот вариант сейчас явно не годился. Поэтому я спешно нацепил изобретенную специально для таких ситуаций маску очень строгого, но терпеливого начальника и принялся рассказывать бравым служакам, что от них потребуется.

К счастью, полицейские слушали внимательно, помалкивали, только пару вопросов задали, да и то по существу. Захочешь не придерешься.

Зато Абилат и Зогги пялились на меня с таким изумлением, что чуть лоохи мне не спалили. По крайней мере, запах дыма я в какой-то момент уловил. Поэтому я поставил их во главе небольшого каравана служебных амобилеров Городской Полиции и отправил на склад за плащами, от греха подальше. Ну и время уже поджимало.

Пока они ездили, заявили обещанные музыканты. Я потребовал выделить нам для репетиции комнату с хорошей звукоизоляцией. Генерал Глык немного помялся и отвел нас в морг. Смущенно объяснил, что ничего более подходящего, чем этот подвал, в Управлении Порядка нет, а мертвец в дальнем углу – ничего, смирный, не помешает.

Музыканты дико озирались по сторонам, но помалкивали. Решили, вероятно, что им предстоит участие в какой-то чудовищной совместной оргии полицейских, преступников и покойников. Страшно перепугались, бедняги, только об одном мечтали – сбежать отсюда немедленно. Но я спешно принял обличье всеобщего доброго дядюшки и всех успокоил. Объяснил, что они будут озвучивать своего рода уличный спектакль, а покойник – ну что покойник? Он, хвала Магистрам, смирный и безобидный, генерал Глык правду сказал, не мешает. Можно не обращать внимания. Зато я аванс заранее приготовил, получите, распишитесь, и за дело, господа!

Пересчитав деньги, музыканты немного расслабились. Можно было приступить к репетиции. Я объяснил, что мне требуется золотая середина между бравурным маршем и полной какофонией. Надо отдать должное Зогги, он подыскал действительно толковых ребят. После нескольких попыток у них начало получаться нечто вполне подходящее.

Я вздохнул с облегчением, велел музыкантам продолжать в том же духе, но силы расходовать экономно, и помчался наверх проследить за переодеванием полицейских. Убедившись, что черные кожаные лоохи с капюшонами превратили этих симпатичных ребят в сущих монстров, я выглянул в окно, увидел, что небо уже изрядно потемнело, и удовлетворенно хлопнул ладонью по колену. Еще немного, и можно начинать. То-то повеселимся.

Несколько минут спустя Длинная Тинна прислала мне зов и сообщила, что все фонари в городе благополучно погашены, без особого шума, как я и просил. Я поблагодарил нищих за проворство и велел им приступить ко второй части задания: привести себя в максимально жалкое и отвратительное состояние, полить мостовые заранее припасенными помоями, зажечь факелы, занять выгодные места и трудолюбиво страдать, не обращая внимания ни на какие внешние обстоятельства, пока не поступят новые распоряжения.

Надеюсь, вы уже поняли, что за карнавал я затеял; возможно, кое-кто из присутствующих даже догадывается зачем. Но самое интересное было еще впереди.

Перво-наперво я вынес во двор узел с бумажными птицами. Исполнил должный обряд, прочитал поочередно несколько заклинаний, и драконы всех мыслимых размеров и мастей взмыли в ночное небо. По правде сказать, в таком деле вполне можно обойтись и без бумажных заготовок, но создать достоверную иллюзию из ничего, на пустом месте – куда более долгая и трудоемкая процедура, чем превращение одних вещей в другие. Да и Кодекс Хрембера благодаря моей уловке почти не пострадал. Все же двадцать вторая ступень Черной магии, не сто восемнадцатая. Есть разница.

Надо отдать должное моим драконам, они вышли не только красивыми, но и куда более устрашающими тварями, чем пузатые монстры Лаздея. Некоторые, самые отборные экземпляры вполне сгодились бы даже для запугивания Младших Магистров все того же Ордена Семилистника. Рев, визг и клекот тоже были недурны. Словом, отменная вышла иллюзия, даже не ожидал, стряпая их на скорую руку.

Я заставил своих красавцев ненадолго умолкнуть, разбил их на несколько стай и отослал кружить над городом. Полчаса спустя они должны были спуститься пониже, орать погромче, драться, кувыркаться, биться в окна жилых домов и пикировать на прохожих.

Нет ничего проще, чем управлять собственноручно состряпанной иллюзией, поэтому возня с драконами отняла у меня всего пару минут. Я еще и вслед им поглядел умиленно, никак не мог налюбоваться. Подумал, что неплохо бы завести парочку таких красавцев дома: никакого ухода им не требуется, а удовольствия не меньше, чем от собаки. А уж соседям-то счастье...

Проводив драконов, я собрал во дворе полицейских, облаченных в устрашающие кожаные лоохи. Надо было еще раз проинструктировать их, напоследок.

– Сейчас, как я предупреждал с самого начала, возле каждого из вас появится несколько двойников. Еще раз прошу вас не бояться: эта иллюзия совершенно безобидна. Двойники не причинят никакого вреда ни вам, ни окружающим. Они способны лишь копировать ваши движения, и нужны, чтобы создать иллюзию огромной толпы там, где появятся всего полдюжины человек. Лучше всего просто не обращать на них внимания. Каждый помнит состав своей группы и маршрут?

Некоторые громко крикнули: «Да», другие просто покивали. По крайней мере, общее настроение мне понравилось. Бодрость, энтузиазм и веселое любопытство – именно то, что требуется активным участникам большого карнавала.

– Как только появятся двойники, все группы расходятся на заранее определенные места. Скрываться особо не надо, но и шуметь пока не стоит. Шуметь начинаем через полчаса, медленно двигаясь по намеченным маршрутам. Все ясно? Можно приступить?

На этот раз «да» у них вышло погромче и позвонче. Вот и молодцы.

Создать по несколько иллюзорных копий для каждого из присутствующих было не намного труднее, чем превратить бумажных птиц в драконов. Лет двести назад этот фокус знала всякая смышленная девица, желающая поводить за нос своих кавалеров – не только в столице, но и у нас, в Кеттари. Да и на городские карнавалы, которых в ту пору устраивали

великое множество, мало кто являлся в одиночестве. Считалось, что с двойниками веселей плясать: они так забавно с небольшим опозданием повторяют всякое движение оригинала!

А теперь, выходит, даже такой пустяк кроме меня некому повернуть, вон как золотая молодежь в лице сэра Абилата на этакое диво таращится. О полицейских уже и речи нет, какой с них спрос. Впрочем, ничего удивительного, и даже не в Кодексе Хрембера дело, с момента его принятия прошло всего-то двенадцать лет. Просто в Смутные Времена так много колдовали, чтобы убивать врагов, или спасти собственную шкуру, что мирные обыватели почти перестали воровать для собственного развлечения. Притихли, затаились, лишь бы под горячую руку какому-нибудь подозрительному Магистру, или Королевскому наемнику не подвернуться. А то ведь и объяснить не успеешь, что детишек хотел позабавить. Станешь горсткой пепла, и привет.

Ну вот, а теперь эти самые детишки выросли и на всякий простенький фокус плятятся, как на величайшее чудо всех времен. Бедняги.

Но, надо отдать должное гажинским служителям порядка, к появлению двойников ребята отнеслись вполне хладнокровно. Их это скорее забавляло, чем пугало. Поглазели друг на друга, посмеялись, разбились на группы и живо отправились по местам. Все же генерал Аброха Глык неплохо их вымуштровал, молодец. Хоть столичных полицейских к нему на стажировку отправляй.

С музыкантами, которых я оставил напоследок, было немного труднее. Перспектива появления двойников их, мягко говоря, не обрадовала. К счастью, ссориться со мной им хотелось еще меньше, а когда я пообещал утроить заранее оговоренную плату за концерт, господа артисты справедливо рассудили, что толпа безобидных копий – не самое страшное, что может случиться с человеком. Так что они безропотно нарядились в устрашающие кожаные плащи и позволили мне творить все, что вздумается.

Генерал Аброха Глык, Зогги и Абилат разделили участь музыкантов. Я изготовил для каждого по целых две дюжины двойников, рассудив, что чем больше будет моя свита, тем лучше.

– И последнее испытание для ваших нервов, господа, – ласково сказал я своим помощникам. – Сейчас я стану вдвое выше ростом, и несколько переменюсь в лице. Пожалуй-ста, помните, что внешний облик – просто условность. Сушная ерунда, от которой ничего не меняется. То есть, если вам вдруг покажется, что монстр, в которого я превратился, желает сожрать вас живьем, помните: я сегодня довольно плотно поужинал. И вообще не большой любитель сырого мяса. Готовы?

Мои друзья храбро пожали плечами, готовые ко всему. Генерал Глык даже поглядел на меня с укоризной: дескать, за кого вы меня принимаете, всякой чепухи пугаться?

И то верно.

Собственно, моя речь по большей части предназначалась музыкантам. Впрочем, они были так потрясены появлением двойников, что теперь приготовились ко всему. Ну, то есть я надеялся, что действительно ко всему. Нячиться с упавшими в обморок мне было недосуг.

Вернуть себе прежний облик, стать старым добрым Кеттарийским Охотником – это проще простого. Собственно говоря, от меня только и требовалось, что расслабиться, дать себе волю и перестать наконец казаться «господином Почтеннейшим Начальником». Приятная, чего греха таить, передышка.

Вырасти вдвое, как я и думал, оказалось ненамного сложнее, хотя я никогда прежде не занимался такой ерундой. Вот меньше становиться доводилось, и не раз: высокий рост для наемного убийцы скорее помеха, чем достоинство – ну, на первых порах, конечно. Потом-то все это утрачивает значение.

В финале я немного подкорректировал свое лицо, чтобы совсем уж не отличаться от морморского Лаздея. Хотя дурость это, конечно, несусветная: глазами окосевшими вращать, рот кривить, зубы скалить. Но надо, так надо.

Трое из семерых музыкантов взирали на мои превращения с понятной робостью, но сохраняли спокойствие. Зато остальные переполошились не на шутку. Ну ясно: значит, побывали в Морморе, видели моего приятеля Лаздея во всей красе. Да и на Абилата с генералом глядеть было жалко, хотя их-то я уже раз и навсегда избавил от ночных кошмаров, могли бы и расслабиться.

– Это просто маскарад, – напомнил я. – Если кто-то из вас решил, что я – Властелин Морморы, это хорошо. Именно такого эффекта я и добивался. Но бояться не надо: я – не он. Мало ли, кто как выглядит. Было бы времени чуть побольше, да заняться нечем, я бы всех вас мог такими же красавцами сделать. Но ни к чему.

Худо-бедно, они успокоились.

– Главное – не бояться, – ласково сказал я своей свите после того, как плотный строй оригиналов и копий окружил меня со всех сторон. – Помните: мои драконы не кусаются, мученики только изображают страдание, а кошмарные типы в черном, которые, в соответствии с моим приказом, носятся по всему городу – просто ребята из городской полиции. Разве что, помои на тротуарах должны быть самые настоящие, если Тиннины орлы сдержали обещание. Ну так подумаешь – помои, тоже мне великое горе... И в любом случае, самые страшные существа в этом городе – мы с вами. Что бы ни случилось, не забывайте: это просто карнавал. Новый городской праздник, Ночь Оживших Кошмаров. А что, может, еще традицией станет, чем только Темные Магистры не шутят. Ну а теперь – вперед. Приятной всем ночи.

Я вывел их на улицу, а сам простер руки к дому, где располагалось Управление Порядка. Яростно, как того требует ритуал, выкрикнул краткую, но грубую формулу древнего заклинания. Кирпичные стены и зеленая черепичная крыша исчезли, теперь на месте приземистого строения вырос замок из черного камня, столь высокий, что его башни пронзали грозовые тучи. Идеальная подделка, думаю, сам Лаздей Махикала не сумел бы отыскать ни единого отличия. Даже внутрь войти можно и бродить по лабиринтам комнат, рискуя исчезнуть под утро вместе с наваждением – известно же, что зачарованные дома тем и опасны.

Я, в общем, подозревал, что охотников внимательно исследовать мой волшебный дворец не найдется, но решил не халтурить, постарался на совесть. Исключительно ради собственного удовольствия.

Стоило мне закончить с замком, как в низком пасмурном небе вспыхнула огненная надпись «Добро пожаловать в Мормору». У сэра Лонли-Локли идеальное чувство времени, не хуже, чем у меня самого. Я всегда это знал, и все же совпадение меня обрадовало. Все, что может быть сочтено добрым знаком, будет им сочтено – я сам изобрел это правило и до сих пор доволен им чрезвычайно.

– Дорогу Властелину Морморы! – дурным голосом заорал я.

Когда-то очень давно подражание чужим голосам было для меня непростой наукой. Помню, страшно сердился на своего наставника, что требует от меня тратить время на сущую ерунду. Ну вот, пятьсот с лишним лет спустя пригодились. Вопль получился что надо, как будто и правда Лаздей Махикала собственной персоной в Гажин пожаловал. Еще немного, я бы и сам себе поверил.

Абилат нервно заржал, миг спустя его двойники присоединились к веселью. Две дюжины Зогги встревоженно зыркнули на меня из-под капюшонов. Белый Клок всегда немного опасался, что однажды моя эксцентричность станет настоящим безумием и теперь,

надо думать, спрашивал себя, не проморгал ли это выдающееся событие? Я улучил момент, поймал его взгляд и тихонько стукнул себя по носу: дескать, со мной все в полном порядке, а ты мужайся, приятель. И снова взвыл, как пьяный оборотень: «Дорогу Властелину Морморы! Дорогу!»

Оркестранты схватились за дудки и барабаны. Когда миг спустя к ним присоединились двойники, музыка стала по-настоящему жуткой. Даже мне не по нутру пришлось, а уж как мои помощники это выдержали – загадка. Лаздей, бедняга, от зависти рехнулся бы, послушав наш концерт. Тоже мне, повелитель зла, принц хаоса, романтик хренов...

Окрестные жители, ясное дело, были в полном восторге.

Окна в домах загорались одно за другим. Некоторые тут же гасли снова, из иных выскакивали полураздетые люди. Разбуженные грохотом и воплями горожане, завидев нашу процессию, обмирали, другие начинали биться в истерику, третьи бросались бежать. Я не сомневался, что есть еще и четвертые, которые сейчас лезут в погреба и подвалы, плюнув на Кодекс Хрембера, читают над замками и щеколдами самые действенные из семейных заклятий, словом, прячутся, как могут, бедняги.

Потому что кошмар, преследовавший их по ночам, стал явью – ну, так им казалось. На то и был мой расчет. На всех улицах Гажина сейчас творилось нечто в таком роде: в тот момент, когда в небесах появилось издевательское приветствие, полицейские должны были поднять шум и имитировать дебош, а нищие – пронзительно стонать, корчась от страха. Драконы мои как раз спустились пониже и включились в общее веселье. Ну и я сам планировал как следует прогуляться по городу с оркестром, чтобы все получили удовольствие, созерцая перекошенный лик Властелина Морморы. Сейчас – вот прямо сейчас – я и думать не думал об исходе операции, не планировал, как бы половчее перехватить Лаздея, который должен был, по моим расчетам, стать совершенно беспомощным, растеряв своих клиентов. Знал без тени сомнения, что все как-нибудь само сложится надлежащим образом: начало положено, и это событие неминуемо повлечет за собой последующие, а я погляжу, что из этого выйдет. Интересно же.

Давненько я так не разминался.

От необходимости орать дурным голосом и возможности наслаждаться произведенным эффектом меня отвлек Абилат. Хвала Магистрам, хоть кричать не стал, а воспользовался Безмолвной речью.

«Там, вы видели, мужчина в домашнем лоохи, без тюрбана упал? Ну, неважно на самом деле... Он не потому упал, что споткнулся, это у него сердце от страха прихватило. Довольно серьезный случай, без вмешательства знахаря он точно умрет. Я могу помочь, если вы разрешите. Только надо очень быстро».

Парень вполне мог испортить мне спектакль. По крайней мере, вселить сомнение в сердца случайных свидетелей: насколько мне известно, гостям Морморы не полагалась медицинская помощь. Разве что на уровне «догнать и добить», да и то сомневаюсь.

Можно было рявкнуть: «Потом!» – и забыть. Но есть вещи, которые я никогда не стану делать. Например, становиться на дороге у знахаря, который идет осуществлять свое призвание. Я же знаю, что это такое – настоящее Призвание, помню, как это бывает. Неумолимая сила, которая влечет тебя вперед, не разбирая дороги. И если на пути обнаружится серьезное препятствие – что ж, значит, голова твоя будет разбита об эту стену. Не повезло. Призвание на такие пустяки внимания не обращает, его дело – тащить человека, покуда жив, да и потом какое-то время, если получится. Я знаю, о чем говорю.

«Валяй, но так, чтобы со стороны это выглядело, будто ты его мучаешь, – посоветовал я. – Позу какую-нибудь угрожающую прими – ну постарайся, придумай что-нибудь. И ничего не объясняй, не успокаивай. Мне надо, чтобы он продолжал верить, что находится

в Морморе. Устрани смертельную опасность и бегом догоняй нас... Погоди, только уберу твоих двойников, а то совсем цирк получится».

«А потом новых понаделаете?» – восхищенно спросил Абилат, оглядываясь по сторонам.

«Понаделаю, не переживай, – пообещал я. – Давай, поторопись».

Абилат догнал нас через пару минут. Сообщил мне, что все в порядке. Пациент будет жить. Вылечив пострадавшего, мой юный друг погрозил ему кулаком и скорчил якобы «страшную рожу». Да уж, могу себе представить... Но бояться дядя вроде бы не перестал: вон как припустил к ближайшему дому, одно удовольствие глядеть.

Ну вот и ладно.

Этот неугомонный спаситель всего живого теперь то и дело совался ко мне с просьбами: «А можно я еще той даме помогу? Она споткнулась, упала и сломала бедро, жалко ее... А можно я еще во-о-о-он того дедушку подлатаю? А мальчика, который с крыши свалился?»

Я уже не рад был, что с ним связался: очень уж отвлекал. Не то чтобы у меня была задача умертвить и искалечить как можно больше горожан; строго говоря, я был даже рад, что Абилат может своевременно позаботиться о случайных жертвах переполоха. Но настроение он мне, конечно, сбивал. А восстановить нужное настроение – это вам не какая-нибудь Очевидная магия. Дело серьезное и требует времени. Секунды полторы, никак не меньше.

Зато гажинские нищие проявили себя наилучшим образом. Блестяще справились с операцией по ликвидации уличных фонарей и в кратчайшие сроки, без особого шума загадили мостовые города, да так качественно, что я – на что уж ко всему привычный, а и то диву давался. А как они страдали! Грешные Магистры, как красиво и убедительно они страдали! Корчились на замызганных булыжниках, грациозно заламывали руки, стонали и причитали, хрипели, изрыгали проклятия. Настоящая мука, пожалуй, не способна заставить человека страдать столь эффектно, но вусмерть перепуганные, да еще и заспанные жители Гажина именно на красоту их жестов и покупались. Чего ж еще желать?

Подчиненные генерала Глыка тоже не подкачали. Я немного опасался, что их пассивность и добродушие скверно скажутся на общем эффекте. Но нет. Они лишний раз доказали, что самые качественные преступники обычно получают именно из служителей порядка. Во всяком случае, переодетые полицейские весьма убедительно пинали моих платных мучеников и профессионально шугали немногочисленных зазевавшихся прохожих – тех горожан, которые пока не видели снов о Морморе и, соответственно, были скорее ошеломлены, чем напуганы.

Может показаться, что веселье растянулось на полночи. На самом деле с того момента, как я превратил Управление Порядка в копию резиденции Лаздея, прошло от силы четверть часа. Все это время я не только истошно вопил да чужими страданиями наслаждался, но и чутко прислушивался к общему настроению в городе, *прощупывал его пульс*. Техника сама по себе не слишком сложная, а уж во время паники, когда огромная толпа охвачена примерно одними и теми же эмоциями, это совсем просто. Достаточно дышать в одном ритме с городом, чтобы чувствовать, как нарастает общий ужас и растерянность.

Когда я понял, что накал достиг апогея – все, кто мог проснуться, проснулись и обнаружили себя в Морморе, – я обратился к своим спутникам:

– Сейчас я ненадолго исчезну. Вместо себя оставляю с вами двойника. Орать он, надеюсь, будет не хуже, но обращаться к нему с вопросами бесполезно. Ну и вообще лучше его не трогать. А то знаю я своих двойников... Приглядывайте за музыкантами, продолжайте движение. Если захочется издать пару свирепых воплей или, скажем, наемного сироту обидеть, ни в чем себе не отказывайте. А я скоро вернусь.

– Точно скоро? – строго спросил Зогги. – А то помню я, как ты однажды своего двойника в Квартале Свиданий оставил, чтобы сэра Йоха с панталыку сбить. И какое побоище

он там учинил, тоже хорошо помню. Не хотелось бы мне с ним связываться. С тобой-то – еще ладно...

– Ну ты сравнил! – я почти возмутился. – Заварушка началась после того, как Кофа решил его арестовать. Мои двойники не любят, когда посторонние люди пытаются ограничить их свободу. Но эту дурынду трехметровую вряд ли кто-то обижать полезет.

– Ну, может быть, – неохотно согласился мой друг. – Но ты все равно возвращайся поскорее. Не нравится мне это веселье. Верю тебе на слово, что так надо, но сердце у меня не на месте.

Ну, положим, это заявление я вполне мог пропустить мимо ушей. Что-то, а интуиция у Зогги хреновая. Вернее, нет у него вовсе никакой интуиции, как и у всех его арварохских предков. У них там даже шаманы только изредка, ценой огромных усилий могут испытать нечто вроде смутного предчувствия, и если оно вдруг оправдается, все вокруг от почтения на месте помереть готовы. Причем некоторые, особо чувствительные герои в итоге натурально умирают, если верить знатокам арварохских нравов и обычаев.

Конечно, состряпать двойника, который будет производить хоть какие-то более-менее осмысленные действия в отсутствие оригинала, гораздо сложнее, чем создать толпу карнавальных болванов. Но, в общем, ничего особенного. Поэтому пару секунд спустя мой трехметровый заместитель возглавил шествие, а я отошел в сторону, сосредоточился, сделал еще несколько шагов и очутился на Темной Стороне Гажина.

Первым делом поглядел на небо и получил наглядное свидетельство, что действовал в верном направлении. Пепельно-серая паутина, еще вчера такая прочная, что уничтожить ее можно было только вместе с небом, которое она оплела, теперь изрядно пообтрепалась. Висела драными клочьями, хоть уборщиков со швабрами на Темную Сторону проводи.

Но наводить порядок мне пришлось самому, благо теперь это было не трудней, чем прибраться в заброшенном доме. И даже сам ритуал, кстати, до смешного похож. Что ж, я уже давно привык к мысли, что при моей работе с чистыми руками особо не погуляешь. Вот и на сей раз я воздел их к небу и сохранял полную неподвижность, пока гнилые обрывки колдовской паутины падали к моим ногам. Еще и заклинание соответствующее читал в приличествующем случаю ритме. Нечего сказать, отлично провел время.

Я, кстати, не раз замечал любопытную закономерность: разрушительная магия, как правило, веселая и очень приятная работа. Чтобы успешно убивать, крушить, ломать, надо действовать быстро и азартно, на пределе своих возможностей – именно то, что я люблю больше всего. И, напротив, нет худшей тяготины, чем созидание, упорядочивание, или, скажем, очищение, вроде того, чем я занялся на Темной Стороне Гажина. В этом смысле я, конечно, неправильно организовал свою жизнь. Да чего там, из рук вон скверно. Но тут уж ничего не поделаешь.

Вычистив небо, я поджег серые хлопья, устлавшие землю, а сам взлетел на несколько метров и с безопасного расстояния любовался пожаром. Изредка огонь на Темной Стороне становится похож на разноцветную воду, которая струится снизу вверх, и это одно из моих любимых зрелищ. Часами глядел бы. Но и пару минут – тоже неплохо. То есть можно считать, что я получил от города Гажина щедрые чаевые за безупречную уборку.

Когда огонь угас, я опустил на землю, сел, прислонился спиной к ближайшей стене, закрыл глаза и уснул. Хотел самолично полюбоваться на крушение Морморы. И не сомневался, что уж теперь-то ее горемычный властелин не сможет препятствовать моему визиту.

Куда ему.

Я сразу увидел, что пространство сна о Морморе почти утратило былую достоверность. Ну, то есть опытный сновидец, вроде меня, еще мог ощутить холод, прикоснувшись

к щербатым булыжникам мостовой, а вот оцарапать руку о камень – это уже вряд ли. Страдальцев тут больше не было; воины в черных плащах имели потерянный вид и походили скорее на призраков, чем на живых людей, а драконы перестали драться и гадить. Кружили в низком небе, как огромные несуразные птицы, только и всего. Я мог быть доволен – да я и был. Хотя, чего греха таить, победить собственного непутевого ученика, да еще и не с первой попытки – не ахти какое достижение.

Ну, хоть так.

Я не стал тратить время на прогулку по Морморе, а с должным тщанием исполнил ритуал Призыва. Рано или поздно Лаздей должен был объявиться, и не таких из щелей выманивали.

Теперь только и оставалось – постоять, подождать немного. А чтобы не скучать, я заключил с собой пари на одну корону: в каком виде появится Лаздей? Если трехметровый, с моим лицом, перекладываю монетку из левого кармана лоохи в правый. А если такой, каким его создала природа – монетка остается, где была. Не самый азартный спор в моей жизни, но лучше, чем вовсе ничего.

Он пришел уже через пару минут. Куда быстрее, чем я предполагал. Совсем вымотался, бедняга.

Корона могла оставаться в кармане: мой бывший питомец выглядел точно так же, как в день нашего знакомства. Чуть больше помят, давно не брит, но в целом – старый добрый Лаздей Махикала.

Держался он скромно, вид имел пришибленный. Увидев его, я сразу понял, что никакой драки не будет. Лаздей дурак дураком, но некоторые совсем простые вещи понять и принять к сведению все же способен. Ну и хвала Магистрам. Не то чтобы жизнь Лаздея Махикалы представлялась мне таким уж бесценным сокровищем, но было бы досадно вот так сразу прикончить человека, который, как минимум, трижды ушел от меня живым. В таких случаях я всегда стараюсь хоть немного повременить, поглядеть, разобраться: зачем все это случилось? К указаниям судьбы имеет смысл прислушиваться. По крайней мере, к указаниям моей судьбы. Она у меня умница и не злодейка, хотя, конечно, со своими причудами и интриганка, каких мало.

– Ну что? – миролюбиво спросил я. – Допрыгался, «Властелин Морморы»?

Лаздей смиренно молчал, потупив голову. Но робкую улыбку утаить все же не сумел. Понятно, почему он радовался. Если уж я сразу его не убил, значит, можно еще попрыгать, за шкуру свою поторговаться и, чем только Темные Магистры не шутят, выкупить ее по дешевке, оставив меня в дураках.

Но о его шкуре и цене за этот товар я уже успел подумать, пока болтался тут, дожидаясь явления Его Морморского Величества.

– В живых остаться ты безусловно хочешь, – сказал я. – Но пока не очень вижу, как тебе тут помочь. В Холоми, сам понимаешь, я тебя теперь не поволоку. После всего, что ты здесь вытворял, тебе там не место.

– Но по закону ты... вы же обязаны отправить меня именно в Холоми!

Лаздей говорил тихо, но очень твердо, со знанием дела. Никак Кодекс Хрембера последние полчаса штудировал, искал там статью, гарантирующую ему чудесное спасение. Это было очень глупо, но даже трогательно отчасти, как всякий союз утопающего и соломинки.

– Нет, не обязан. Если тебя действительно волнует юридическая сторона дела, у меня скверные новости: с некоторых пор любой мой поступок считается законным и полезным для Соединенного Королевства деянием. Двадцать седьмая поправка к Кодексу Хрембера, сам писал. Поэтому отдохнуть в Холоми после всех этих подвигов тебе не светит, извини,

дружок. И не особо раскатывай губу: если я не убил тебя до сих пор, то лишь потому, что у меня есть несколько вопросов. Но задавать их я буду в другом месте. Пошли.

Я ухватил его за шиворот и как следует встряхнул. Старомодный и не самый элегантный трюк, но я питаю к нему некоторую слабость. Очень уж много народу перетаскал из сновидений именно таким способом: как кошка котят переносит, ухватив за загривок.

Миг спустя мы оба проснулись на Темной Стороне Гажина. Во-первых, просыпаться там, где осталось твоё тело, полезно для здоровья, а во-вторых, я хотел, чтобы мой пленник своими глазами увидел, как обстоят дела. А то знаю я его дурацкую привычку вечно надеяться на лучшее.

Лаздей сразу понял, где мы, возвел глаза к небу и побледнел. Ну да, надо понимать, он до самого последнего момента надеялся, что его неприятности – явление временное, и все еще можно переиграть. Починить Мормору, накормить драконов, приободрить охламонов в черных плащах, а в финале снова заполнить улицы и дворцовые подвалы мучениками да страдальцами. Думаю, именно так парень представлял себе простое человеческое счастье.

Но теперь Лаздей увидел, что от сплетенной им колдовской сети не осталось и следа. Для него это был серьезный удар.

– Ты действительно думал, что твоя паутинка до сих пор в полном порядке? – спросил я. – Сидел в Морморе, видел, что вокруг происходит, и все равно надеялся, что сеть уцелела? Ну-ну, молодец. Учишь вас учишь, никакого толку!

– Столько труда, – горько сказал Лаздей. Кажется, он вовсе меня не слушал. – Столько тяжелого, кропотливого труда... Я никогда в жизни так не выкладывался!

Глаза его блеснули от слез, губы дрожали. Ребенок, чей дворец из щепок и камней только что порушили подгулявшие родители, и тот не мог бы выглядеть более несчастным. Расскажи кому-нибудь, как это прекрасное дитя на досуге развлекалось в волшебном своем королевстве, так ведь не поверят. Он и меня-то не разжалобил только по той причине, что это в принципе невозможно, а вовсе не потому, что плохо старался.

– Да, паутинка ничего, на славу была сработана, – миролюбиво согласился я. – Ты не зря трудился. Если бы не эта сеть, я бы с тобой и разговаривать не стал, а теперь, может, и побеседуем. Да не смотри ты так на меня! Пытать тебя я не собираюсь, по-дружески выспрашивать – тем более. Что я, вранья на своем веку мало слышал? Вернемся домой, призову твою Тень, она мне все живо расскажет. Заодно погляжу на нее наконец-то. Любопытная, должно быть, тварюшка. Вкусная, надеюсь.

Теперь Лаздей глядел на меня совсем уж дикими глазами. Его можно понять. Это мы, посвященные, знаем, что представляет собой Тень, которая есть у всякого человека; умеем ее подманить, расположить к себе, договориться. А среди всех прочих граждан Соединенного Королевства, от неграмотных фермеров, до Великих Магистров, ходят самые диковинные небылицы об охотниках на чужие Тени. Одна другой страшнее, хоть криком кричи. Я в свое время Великого Магистра Ордена Колючих Ягод разоружил одной лишь угрозой, что нынче же ночью сожру с потрохами его Тень, если он добром не сдастся. И ведь поверил, как миленький. Сложил оружие и в изгнание потом отправился без возражений, на все был готов, лишь бы я его Тень не трогал. Смешной человек.

К счастью, с предрассудками Лаздея я в свое время бороться не спешил. Поэтому он был совершенно уверен, что я схрупаю его Тень живьем и без соли. А это, как утверждают завиральные старинные легенды, до которых Лаздей всегда был великим охотником, гораздо хуже, чем просто умереть. Почему «хуже» и кто, собственно, сравнивал, – дело десятое, все вопросы пусть остаются на совести сочинителей этих побасенок, которые, чего греха таить, очень помогают мне в работе.

Убедившись, что мой бывший ученик уже изготовился хлопнуться в обморок, я немного смягчил тон. Пусть чуть-чуть успокоится, а то на человека уже не похож. Тоже мне, гроза сновидцев.

– Ты мне пока вот что объясни, – предложил я. – Чего ты, собственно, хотел-то? Ну, по большому счету. Просто так гажинцев мучил или из стратегических соображений? Вот, к слову сказать, зачем тебе сдался Торговый Остров? И деньги – зачем? Ты же, как я понимаю, на рынок за покупками не бегал. Или собирался?

– Да, я объясню! – оживился Лаздей. – Я все-все объясню, Джуффин! И ты... вы поймете, что были ко мне несправедливы!

– То есть считал тебя меньшим болваном, чем ты есть? – удивился я. – Надо же, как лихо закручен сюжет! А хочешь, я сам расскажу, как ты себе представлял исход дела? Слушай. Во-первых, ты рассчитывал, что твоя драгоценная Мормора в ближайшее время станет единственной и неповторимой достоверную реальностью, верно? А нынешний город Гажин должен был уйти в небытие, превратиться в прекрасное сновидение для избранных мучеников. Сладкий сон о былом – для контраста оно и неплохо, потом только горше страдать будут. Ну а Торговый Остров ты, как я понимаю, намеревался сделать форпостом Морморы, первой пограничной заставой между сном и явью, началом новой и, не сомневаюсь, в высшей степени интересной жизни. А потом – вперед, к завоеванию новых территорий. Такая была задумка, я угадал? Небось надеялся за несколько лет прибрать к рукам все Соединенное Королевство? Но неужели ты действительно думал, что я узнаю обо всем в последний момент, когда ничего нельзя будет исправить? Ну-ну, давненько я не встречал таких оптимистов.

Лаздей мог не отвечать, я и так видел, что не ошибся ни в одном из предположений. Но он, разумеется, пустился во все тяжкие. Его можно понять: когда человек думает, что продолжительность его жизни будет равна протяженности монолога, он может болтать без умолку сутки напролет. Даже на Темной Стороне, которая, честно говоря, не самое подходящее место для разговоров. Я, собственно, именно поэтому больше всего люблю в одиночестве туда ходить: за болтовней самые прекрасные зрелища и тонкие ощущения пропустить можно.

Но Лаздею все эти «тонкие ощущения», надо понимать, были до одного места. И не только сейчас.

Я даже приблизительно пересказать не берусь чепуху, которую он нес. Но что-то очень возвышенное, это точно. О «магической реальности» и о «сверхспособностях», которые якобы открываются у людей, если мучить их как следует. Это, к слову сказать, Лаздей не сам сочинил. По крайней мере, не совсем сам. Существует такая популярная теория: якобы из человека только тогда и выйдет толк, если он пострадает как следует. Великие Магистры самых разнообразных Орденов во все века с удовольствием твердили эту чушь на разные голоса; думаю, исключительно для того, чтобы нещадно эксплуатировать своих юных послушников.

На самом-то деле, мучения мало кому идут на пользу. Сломать можно почти кого угодно, было бы желание. Зато привести сломленного человека в порядок – тяжкий труд, не каждый за такое возьмется. Ну а покорным трусишкам о магии лучше даже на кухне не вспоминать. Не про них эта веселая наука.

Вот, разве что, как способ совсем уж конченного безумца в чувство привести страдания иногда годятся. Я знаю несколько таких примеров, но никогда не пытался выдать исключения за правило. А так-то – от хорошего настроения в сочетании с ясной целью и здравым рассудком в нашем деле куда больше толку. Как, впрочем, и в любом другом.

– Ладно уж, – сказал я, утомившись слушать нечеловеческую чушь в исполнении Лаздея Махикалы. – Хватит с меня.

Лаздей побледнел, но послушно заткнулся.

– Потом продолжим разговор, – милосердно пообещал я. – А пока будешь париться в моей пригоршне, обдумай свое будущее выступление, мой тебе совет. Чтобы давешние глупости по второму разу не повторял. Потому что от скуки я зверею. И, как следствие, утрачиваю добродушие.

Высказав свои пожелания, я уменьшил Властелина Морморы до размеров кончика иглы и спрятал в пригоршне, между большим и указательным пальцами. Тоже, к слову сказать, старомодный трюк, но пользы от него куда больше, чем от полудюжины талмудов, составленных нынешними популяризаторами дозволенной магии из Ордена Семилистника. Годится для транспортировки багажа и пленников – кроме, разве что, совсем уж могущественных колдунов. Но таких, мягко говоря, не слишком много; к тому же, почти все – мои добрые приятели.

Теперь, когда творец кошмаров был надежно спрятан у меня в кулаке, следовало как можно скорее вернуться в Гажин, навести порядок и успокоить горожан. Собственно, успокоить – в первую очередь. Все же многим пришлось нынче пережить самое страшное пробуждение в своей жизни. И чем скорее люди узнают, что это был последний визит в Мормору, тем лучше. А то знахарей потом на всех не напасешься, да и новые Приюты Безумных на окрестных островах строить не хотелось бы.

Я сосредоточился, воскресил перед внутренним взором живописный строй музыкантов и генералов полиции, две дюжины совершенно одинаковых Зогги и собственного трехметрового двойника, страшного, как взбесившийся болотный оборотень. Я заранее позаботился о возможности вернуться как можно быстрее: созданный мною двойник должен был просуществовать всего полчаса, а потом исчезнуть. Следовало признать, что новый метод возвращения с Темной Стороны я изобрел и опробовал более чем вовремя. Сейчас у меня не только каждый час, но и всякая минута на счету была. А уж на полгода исчезнуть – вот это, я понимаю, катастрофа, почище новой гражданской войны.

– Ты что-то забыл? – осведомился Зогги, когда я положил руку ему на плечо. Его двойники дисциплинированно повторили все движения и жесты оригинала. Дурацкая, но забавная пантомима; глядя на них, я вдруг подумал, что надо бы возродить в Соединенном Королевстве традицию больших карнавалов с переодеваниями, масками и двойниками. Вреда от них никакого, а радости много. Не мне, конечно, но большинству людей такое нравится – вот и пусть их.

– Так забыл? Или что-то случилось? – Зогги настойчиво добивался ответа.

– Ты о чем? – удивился я.

– Ну, ты же вроде только что уходить собирался, а теперь вернулся...

– Ага. «Только что», значит...

Я понял, что могу поздравить себя со своеобразным рекордом: насколько мне известно, еще никто не возвращался с Темной Стороны через пару секунд после исчезновения. Хоть памятник себе в полный рост устанавливай. Не на городской площади, конечно, а на том самом перекрестке, где, если делать все по правилам, обычно остается Страж. Самое место.

– Я уже вернулся, – объяснил я. – Все в порядке, как и следовало ожидать. Морморы больше нет, а ее грозный властелин смирно сидит у меня в пригоршне. Балаган можно прекращать. Эй, и не вздумайте говорить, что вы только вошли во вкус, – сурово добавил я, увидев на лице своих спутников некое подобие разочарования.

Вот уж действительно, когда еще доведется весь город на уши поставить?

– Но как? – хором спросили Абилат, Зогги и генерал Глык.

– Потом, – отмахнулся я. – Важно, что я это сделал. Теперь нужно город в порядок привести или хоть людей успокоить.

Не откладывая начало добрых дел в долгий ящик, я ухватил своего огромного уродливого двойника за ноги и разорвал пополам. Не столько из любви к эффектным жестам, сколько ради нескольких капель мутной зеленоватой влаги, которая остается на ладонях того, кто сумеет уничтожить собственного двойника раньше срока. Эта жидкость называется «призрак крови» и существует всего долю секунды; некоторые герои даже заметить ничего не успевают. Но если изловчиться и слизнуть зеленую муть прежде, чем она исчезнет, получишь такой заряд силы и бодрости, что небо на землю обрушить – пара пустяков.

Моя задача, впрочем, не отличалась столь грандиозным масштабам. Мне всего-то и требовалось: поговорить со всеми жителями Гажина одновременно. Не орать во всю глотку, конечно, а сделать так, чтобы каждому показалось, будто я лично ему послал зов и все объяснил. Не самый хитроумный трюк, но сил отнимает немало, так что я был рад возможности заблаговременно подкрепиться.

«Хорошая ночь, – вежливо сказал я. – Это Джуффин Халли, Почтеннейший Начальник Малого Тайного Сыскаго войска столицы Соединенного Королевства. Рад сообщить всем, кому в последнее время плохо спалось, что с Морморой покончено раз и навсегда, а виновник ваших ночных кошмаров арестован. Вынужден попросить прощения за небольшой спектакль, который мне пришлось устроить на улицах вашего города. Сожалею, если доставил вам несколько неприятных минут. Советую вернуться домой, успокоиться и отдохнуть. Страшных снов о Морморе, повторяю, больше не будет, поэтому можно ложиться спать без всяких опасений. К утру город будет в полном порядке. Если вам, или кому-то из ваших близких нездоровится, пришлите зов мне или сэру Абилату из Тайного Сыска, мы будем рады вам помочь. Всех свободных от дел знахарей настоятельно прошу оказывать необходимую помощь своим соседям, родичам и постоянным пациентам, или же присоединиться к нам. Мы находимся на углу Алой Линии и Стеклопанной улицы. Спасибо за внимание, хорошей ночи всем».

Ответом мне был тихий, но отчетливый вздох облегчения. То ли множество человеческих вздохов слились воедино, то ли это действительно был голос города Гажина, избавленного от незавидной, прямо скажем, участи. Впрочем, одно другому вовсе не противоречит.

Веселье закончилось, теперь нам предстояли приятные, но утомительные хлопоты. Пока сэр Шурф разгонял тучи, а портовые нищие и полицейские совместными усилиями приводили в порядок улицы, мы с Абилатом и дюжиной городских знахарей врачевали истерики, галлюцинации, сердечные приступы, раны, переломы и ушибы. К счастью, пациентов у нас было не так много, как я предполагал, да и травмы попадались все больше пустяковые. Гажинцы, надо понимать, обладали крепкими нервами, здравым смыслом и завидным запасом стойкости. Катастрофа катастрофой, но с мостов да крыш кидаться, шеи ломать мало нашлось охотников.

Зато под конец к нам доставили теплую компанию хрупких с виду старичков, которые, почуяв, что дело плохо, тут же вломились в ближайший трактир и принялись уничтожать чужие припасы. На хояву, да напоследок – изумительное сочетание. Исцелить этих джентльменов было не так просто, как может показаться: слишком уж перепили, да еще и обожрались до полусмерти, в их годы такое даром не проходит. Но Абилат справился почти без моего вмешательства. Что тут скажешь – молодец.

Под утро, когда поток страждущих иссяк, я отправился к Зогги, который уже успел испечь полдюжины пирогов и сварить целый котел своих фирменных помоев. Впрочем, на сей раз я благосклонно решил, что дрянная местная камра – это гораздо лучше, чем вообще никакой. Вот ведь как умаялся и присмирел. Ну, известное дело: ничто так не выматывает, как добрые дела.

За столом сидели бледный от усталости, но счастливый Абилат, которого я отпустил отдыхать всего полчаса назад и Шурф Лонли-Локли. Этот герой педантично уничтожал последний, самый зажаристый пирог, которому не хватило места на блюде. Собственно, к моему приходу он почти закончил. Могу спорить, им двигал не столько голод, сколько любовь к порядку. Этот парень терпеть не может, когда на столе бардак, уж я-то его знаю.

– Ты бы тучи так истреблял, как пироги, цены бы тебе не было, – проворчал я.

– С небом все в полном порядке, сэр, – учтиво ответил Шурф. – Моих туч там не осталось, а бороться с естественной облачностью я не учен, да и не вправе. По моим прогнозам утром тоже будет пасмурно, но к полудню распогодится.

Он умолк, но когда я решил, что разговор наш уже закончен, вдруг сказал:

– У меня есть к вам личная просьба, сэр Джуффин.

Грешные Магистры, а я-то думал, что нынче мне уж точно больше не придется удивляться! Надо хорошо знать Шурфа Лонли-Локли, чтобы понимать, насколько неожиданно звучало в его устах словосочетание «личная просьба». Не в его привычках советоваться с кем бы то ни было о личных делах, а уж просить – это и вовсе ни в какие ворота.

Но вслух я ничего говорить не стал, а только бровь приподнял. Дескать, я весь внимание.

– Если вы не возражаете, я хотел бы исследовать наваждение, которое все еще находится на месте здания Гажинской городской полиции, – объяснил Шурф. – Меня всегда чрезвычайно интересовали подобные вещи, а возможность увидеть их вблизи выпадает нечасто.

Всего-навсего. А я-то думал...

– Я не возражаю. Но учти, это наваждение исчезнет на рассвете. По моим расчетам солнце взойдет примерно через три часа...

– Через два часа сорок три минуты, – поправил меня Лонли-Локли.

– Вот-вот. Твоя страсть к точности на сей раз пригодится как никогда. Ты должен покинуть замок хотя бы за полчаса до рассвета, если не хочешь исчезнуть вместе с ним.

– Исчезать не в моих интересах, – кивнул Шурф. – Ровно за полчаса до восхода солнца я оттуда выйду, можете быть уверены.

Я, собственно, и не сомневался. Этот парень словно бы специально рожден для посещения всяких заколдованных мест, которые следует покидать в точно установленный срок.

– Мне бы хотелось получить от вас пропуск, – мягко, но настойчиво добавил он.

– Пропуск? – изумился я. – Какой такой пропуск?

– Возможно, вы уже забыли, но согласно вашему собственному приказу наваждение окружено полицейским кордоном во главе с Генералом Глыком, – напомнил Лонли-Локли.

– Ну да. Чтобы никто туда случайно не забрел. Но о пропусках речи не было. Иди себе спокойно, скажешь, я тебя послал.

Сэр Шурф Лонли-Локли поглядел на меня с явным неодобрением. Дай ему волю, он бы даже птицам небесным и рыбам речным раздал специальные пропуска, чтобы навести наконец идеальный порядок в их хаотических перемещениях. Но некоторые мечты должны оставаться мечтами, я так считаю.

Поэтому я выразительно помахал ему рукой – дескать, проваливай, пока я добрый – а сам принялся за еду. Все-таки эта ночь здорово меня вымотала.

Зогги и Абилат – те и вовсе носами клевали, шурились, заслоняясь от света, зевали. Очень слаженный вышел у них дуэт и проникновенный на диво. Даже если бы эти двое были позарез нужны мне для дела, я бы, пожалуй, все равно отправил их отсыпаться, поскольку никогда не был сторонником пыток. Но они явно заранее сговорились, что не пойдут спать, пока я не объясню, что случилось. Обещал ведь.

Ну да, обещал.

– То есть вы действительно полагаете, что сперва хотите выслушать мой рассказ и только потом отправиться на отдых? – недоверчиво спросил я. – Не самое удачное решение в вашей жизни, господа. Но – ладно, дело хозяйское. Слушайте.

И вкратце – еще короче, чем вам, – пересказал ничем не выдающуюся историю своей последней встречи с Лаздеем Махикалой. Про Темную Сторону и серую паутину даже не заикался. Чего людям зря голову морочить, все равно ведь ничего не поймут. Важно что? Важно, что Мормора истаяла, а ее грозный властелин сидит у меня в пригоршне, остальное – мелочи.

– Но почему? – упрямо спросил Зогги, когда я замолчал. – Я не дурак, сразу понял, что у нас уже все хорошо. И по твоей довольной роже, и по тому, что порядок наводить стали. Чего я не понял, так это почему все хорошо? С какой стати? И этот твой спектакль – он зачем был?

– А ты Абилата расспроси, – ухмыльнулся я. – Пусть расскажет, что ему напомнили декорации этого «спектакля». И пусть объяснит, почему взрослые, умные, храбрые люди визжали нынче ночью, как лесные кабаны в яме. Надеюсь, теперь он может говорить все что угодно. Лаздей еще жив, но от заклинаний его ничего не осталось.

– Ага, я расколдован окончательно и бесповоротно, – кивнул Абилат. – Большое вам за это спасибо! Я Зогги и сэру Шурфу уже рассказал все, что знал. И объяснил, что вы сделали Гажин похожим на Мормору, а сами стали копией ее «властелина». Но я, честно говоря, сам не понял, почему это сработало. Ну, проснулись люди, перепугались, пошумели немножко...

– Вот-вот, – обрадовался я. – Ключевое слово ты уже произнес. Так что, говоришь, люди сделали?

– Проснулись, перепугались... – неохотно повторил он.

– Стоп. Произнеси эту фразу еще раз. И еще. Пока не сообразишь, что к чему.

– Вы надо мной смеетесь? – вздохнул Абилат.

– Делать мне больше нечего. Не смеюсь, а учу тебя думать. Твоей собственной головой, между прочим. Которая останется при тебе, когда меня не будет рядом. Очень, знаешь ли, полезная привычка получится, если приживется. Давай-давай, повторяй, не ленись.

– Проснулись, перепугались, – мрачно сказал Абилат. – Проснулись. Перепугались. Проснулись. Перепугались. Проснулись...

Зогги глядел на меня неодобрительно. Дескать, что же ты, гад, из мальчика жилы тянешь? У нас с Зогги совершенно разные взгляды на воспитание. Иначе и быть не может: его питомцы попадают к нему совсем маленькими, а мои ко мне – великовозрастными балбесами, с кучей дурацких привычек. Взять хотя бы привычку задавать вопросы вместо того, чтобы самостоятельно разгадывать загадки. Почему всем кажется, что так проще и интересней? Ну вот кто, кто им это сказал?!

– Неужели так и не понял? – спросил я Абилата. – До сих пор? Ну сам же говоришь: проснулись. И перепугались. Вот чего они, по-твоему, перепугались?

– Что сон закончился, а Мормора осталась? – неуверенно предположил он.

– Ну да. Пока все очень правильно. Продолжай.

– А я не знаю, как тут можно продолжить. Все одновременно проснулись – это я понимаю. Поглядели в окно, увидели, что Гажин превратился в Мормору, испугались – тут тоже все ясно. И что дальше? Почему это повредило настоящей Морморе?

– А как ты думаешь, в момент пробуждения хоть кто-нибудь из горожан подумал, что за окном – фальшивая Мормора? И, следовательно, где-то осталась еще одна, «настоящая»?

– Н-н-нет, – неуверенно протянул Абилат. Собрался с мыслями, и решительно помотал головой. – Конечно нет. Все кроме нас думали, что Мормора – одна и та же, то есть та самая – ну, вы поняли, что я хочу сказать...

– Ну да!.. Ладно, дальше давай рассуждать вместе. Во-первых, как тебе кажется, после того, как все горожане проснулись, в Морморе остался хотя бы один мученик?

– Разве только мертвые. По крайней мере, этот ваш бывший ученик грозил, что все непокорные умрут во сне и останутся в Морморе навсегда...

– О мертвых поговорим потом. Живые там оставались?

– Нет. Но так уже не раз бывало: днем-то никто не спит. Особенно в конце года. А Мормора стояла себе, как ни в чем не бывало.

– Правильно. Но пока вы бодрствовали, вы же помнили, что Мормора есть, верно? Строили планы, как избавиться от ночных кошмаров, пытались что-то сделать. Небось целыми днями только об этом и думали.

– Ну... Да, конечно.

– И никто не сомневался, что стоит ему уснуть, и кошмар начнется снова, верно?

– Верно.

– А сегодня? Как ты думаешь, хоть кто-то продолжал бояться страшных снов, когда увидел, что Мормора стала реальностью?

– Не думаю. Люди считают, что сны, даже самые страшные – это все-таки ерунда. А то, что происходит наяву, очень важно. Конечно, если уж видишь, что Мормора стала явью, про сны и не вспомнишь.

– Вот! – торжественно сказал я. – Именно к этому выводу я тебя и подводил. Мало того, что все мученики убрались из Морморы, они еще и думать о ней перестали. Более того, несколько минут были совершенно уверены, что пространство их кошмарных сновидений – вот оно, никакой иной Морморы нет и не было никогда. Все их внимание было целиком захвачено новыми страшными обстоятельствами жизни, в этот момент никто не мог беспокоиться о снах, которые приснятся завтра...

– И что с того? – вмешался Зогги. – Хочешь сказать, Лаздей Махикала утратил могущество только потому, что люди перестали обращать на него внимание?

– Именно. Ни одна вымышленная реальность не может продолжать существовать, если на нее не обращает внимания никто, кроме собственного создателя. И, напротив, чем больше равнодушных зрителей, тем сильнее наваждение. Впрочем, все это относится не только к наваждениям. Человеческое внимание – страшная сила, но мало кто умеет ею управлять. Вот в старые времена такие мастера встречались. В древних исторических хрониках эпохи великого заселения Хонхоны рассказывается, что завоеватель Ульвиар Безликий никак не мог разрушить замок своего заклятого врага. Сам-то враг давно уж был повержен, похоронен и почти забыт, но замок его все еще стоял на высокой скале и был крепок как скала. По мнению Ульвиара Безликого, это сооружение чрезвычайно портило пейзаж, ну и настроение заодно. Обычное колдовство не помогало: замок был заморожен на славу и застрахован от вторжений и разрушений на долгие века. Тогда Ульвиар Безликий сделал ненавистное сооружение невидимым, а людям сказал, будто разрушил его собственными руками. Рассказ получился хороший, страстный и увлекательный, изобилующий живописными подробностями, так что на эту тему было придумано великое множество песен и даже парадный танец «Разрушение Крепости», который до сих пор иногда исполняют на сельских свадьбах. Окрестные жители то и дело смотрели на знаменитую скалу, констатировали: «Да, действительно, был замок – и нет замка». Время шло. Пару сотен лет спустя Ульвиар перенес столицу завоеванных земель в другое место, и сам не заметил, как думать забыл о невидимом вражеском замке. Запомнил даже, что заклятие, которое делает предметы невидимыми, действует не вечно. И что ж? Когда туман рассеялся, оказалось, что замок рухнул, причем именно так, как описано в песнях. Такова сила человеческого внимания, подкрепленного способностью верить, не испытывая сомнений.

– То есть когда я говорю своим детям, чтобы они не обращали внимания на дураков, и те непременно сами куда-нибудь денутся, я учу их хитроумной магической технике? – изумился Зогги.

– Ну, не совсем так. Конечно, ты подсказываешь им верный по сути принцип. Но для того, чтобы заставить его работать, детей, которые не обращают внимания на дурака, должно быть очень много. Все, кто видел его хоть раз в жизни, или просто слышал о нем. И еще желательно, чтобы родители дурака тоже вдруг забыли о его существовании и перестали ждать к обеду. Улавливаешь разницу? Поэтому лучше учи их технике кулачного боя. И не только кулачного.

– Ну, это само собой, – авторитетно согласился Зогги. – Спасибо, что объяснил.

Не уверен, что мой друг действительно все понял, но он остался доволен разговором. Был благодарен, что я все-таки потрудился, сдержал обещание, рассказал, что, да как, да почему. Все же Зогги знал меня в старые добрые времена, ему моя нынешняя покладистость была в диковинку.

– Но как вы догадались, что нужно поступить именно так? – спросил Абилат. – Просто потому, что читали древние хроники? Или вы так уже много раз делали?

– Нет, ни разу. Я и о деяниях Ульвиара Безликого только сейчас, задним числом вспомнил, специально для вас с Зогги. А как догадался – да, это хороший вопрос. Могу объяснить, если ты еще не устал слушать.

Абилат азартно закивал, одновременно пытаюсь открыть глаза. Не могу сказать, что это ему действительно удалось, но упрямство и любопытство – достоинства, которые я ценю превыше выносливости.

Зогги понял, что разговор закончится еще не скоро, но торопить нас не собирался. Сходил в погреб за укумбийским бомборокки, разрезал еще один пирог. Приготовился слушать.

– Есть одно железное правило, – начал я. – Колдовство всегда похоже на колдуна. Всякое магическое пространство обладает силой и слабостями своего создателя. Это, собственно, не только магии касается: если вы зайдете в дом, где живет неряха, сразу это поймете. А, скажем, в рабочем кабинете сэра Лонли-Локли тоже сделаете немало безошибочных выводов о характере его обитателя. Но мы сейчас будем говорить именно о магии. Просто, чтобы не размениваться на мелочи... Знаешь, Зогги, а давай-ка я сам камру сварю. Для разнообразия. А ты сиди, отдыхай. Понимаю, что хороший повар к своей плите чужих людей ни за что не пустит, но мне-то можно?

Белый Клок размышлял довольно долго. Когда я пришел к нему на рассвете за порцией детской крови, он не колебался ни минуты, а тут всерьез притормозил. Наконец он махнул рукой – дескать, давай. Гулять так гулять, и гори все огнем. Отчаянный он мужик, мой друг Зогги Хлакк.

Потом эти двое во все глаза глядели, как я вожусь с жаровней. Явно не могли поверить, что это им не мерещится. Я не раз замечал, люди страшно удивляются, обнаружив, что какой-нибудь могущественный или просто знаменитый человек умеет делать обычные, повседневные вещи. Заплату на лоохи поставить, лепешку испечь или вот камру сварить. То ли им нравится думать, что в промежутках между великими деяниями мы ведем себя как беспомощные младенцы, то ли кажется, что этих промежутков не бывает вовсе: совершив подвиг, герой засыпает, не раздеваясь, а поутру, едва продрав глаза, выскакивает на улицу, чтобы спасать и убивать всех, кто под руку подвернется. А что, прекрасная была бы жизнь...

– Возвращаясь к нашей беседе, – говорил я, разливая камру по кружкам. – Могу повторить: колдовство всегда похоже на колдуна, иначе не бывает. Поэтому из простаков редко получают по-настоящему могущественные чародеи. Строго говоря, вообще никогда, но некоторые личности с годами вдруг добивают глубины и сложности, и тогда все у них идет как по маслу. А наш общий приятель, Лаздей Махикала, как был простофилей, так и остался,

никакая наука ему не впрок... Что приуныл, сэр Абилат? Тебе кажется, что я не отвечаю на твой вопрос?

– Вы, может, и отвечаете, но мне пока не понятно, – честно сказал он. – Зато камра у вас очень вкусная получилась. Никогда такой не пил, даже в детстве.

– Рад, что тебе нравится. А понятно будет, это я обещаю. Но не обязательно сразу. Возможно, только лет через двести. Так вот. Исходя из того, что Лаздей простак, можно смело заключить, что и магия у него простая. Опасная – да, не вопрос. Мощная настолько, что в огромном городе Гажине не нашлось героя, который смог бы хоть что-то противопоставить ужасам Морморы. Но – простая. Так я рассуждал. Потом я спросил себя: а в чем, собственно, главная слабость Лаздея? Ответ на поверхности. Как всякий по-настоящему злой человек, он болезненно нуждается в других людях. В одиночестве Лаздей быстро загнется. Он из тех бедняг, которые вынуждены постоянно оглядываться на других. Только обычно люди такого склада нуждаются в чужом сочувствии, или восхищении, или, скажем, любви. А Лаздею постоянно нужны доказательства, что он круче всех. Ради этого он кого угодно с дерьмом смешать готов. Сломать, искалечить, сна лишить или хоть до слез довести – да все, что угодно. Иного способа черпать силу и радость он не знает.

– Я сейчас заплачу, – хмыкнул Зогги. – Ты еще скажи, что его в детстве обижали.

– Наверняка. Иначе откуда бы такое страстное желание расквитаться со всем человечеством разом? Впрочем, это его проблемы. Важно, что, поразмыслив об этом, я понял: нужно, чтобы жертвы Лаздея, которые невольно стали его сообщниками, на какое-то время о нем забыли. Все, разом. Известно, что самый простой и надежный способ отвлечь человека от его главного страха – напугать его еще больше. Придумать сценарий было не слишком сложно, реализовать, как вы оба могли заметить, тоже... Допивайте камру, друзья, и отправляйтесь спать. Смотреть на вас больно.

– Мне бы Тинну надо дожидаться, – зевнул Зогги. – Что-то она запаздывает. Странно: чтобы Длинная Тинна, да за своими деньгами не торопилась...

– А разве мы ей так и не заплатили? – удивился я. – Деньги для нее я тебе еще днем дал.

– Она заходила, взяла часть суммы, чтобы рассчитаться со своими людьми. Обещала вернуться через час за своей долей, – объяснил Зогги. – Дескать, слишком много монет для ее дырявого кошелька. Думаю, на самом деле Тинна просто нашла предлог зайти ко мне еще раз: а вдруг этот твой красавчик в Мантии Смерти заявится. Она же всерьез глаз на него положила, я такие вещи всегда подмечаю.

– Ага, – ухмыльнулся я. – Славная парочка, даже жаль их так быстро разлучать.

– Но с тех пор прошло уже целых два с половиной часа, а Тинны все нет, – заключил Зогги. – Если бы это была не Тинна, я бы, пожалуй, начал беспокоиться. А так только сержусь понемножку. Может, она его по дороге встретила? Тогда понятно, почему ее до сих пор нет. И чем твой помощник занят, тоже понятно.

– Ты плохо знаешь Шурфа, – возразил я. – Уж если он вбил что-то себе в голову, будь покоен, пока не сделает, не уgomонится. И три дюжины страстных красоток останутся ни с чем: сэр Шурф просто сметет их со своего пути к намеченной цели. Зато на обратной дороге подберет, пожалуй. Он парень хозяйственный.

– Вот оно как, – Зогги снова зевнул, да так, что у него голова чуть надвое не раскололась. – А камра у тебя и правда вкусная, Джуффин. Мне тебя теперь даже угощать будет неловко.

К этому умозаключению я его, собственно, и подводил. Но теперь, когда дело было в шляпе, мне стало жаль старого друга.

– Ничего, ты тоже хороший повар, Зогги, – соврал я. – Иди-ка отдыхать. Оба идите. Я сам тут пока посижу. Расплачусь с Тинной, дождусь Шурфа, отправлю его домой. В общем, дела найдутся, да и подумать мне есть о чем.

– А спать совсем не будешь? – уважительно спросил Зогги. Абилат к этому времени уже задремал, положив голову на руки, и в беседу не вмешивался.

– Я и так целый день спал. Ради дела конечно, но сон – он и есть сон. Даже если чужой и про Мормору.

– Ладно, – кивнул он. – Тогда с местами нет проблем. Я уложу Абилата в своей спальне, а сам лягу в детской. Пускай у меня на голове с утра прыгают, меня такой ерундой не проймешь. Хорошей тебе ночи!

Оставшись один, я разогрел остатки камры, набил трубку и четверть часа кряду наслаждался спокойной жизнью, даже на раздумья не отвлекался. Надо иногда и мне помолчать.

Я бы еще какое-то время так бездельничал, но мне помешали. И добро бы Длинная Тинна за деньгами явилась, так нет же, Лонли-Локли зов прислал. Я даже немного удивился: до рассвета еще больше часа, с чего бы это вдруг Шурф вспомнил о моем существовании? Совершенно не в его духе.

«Простите, если помешал вам, сэр, – вежливо сказал он. – Видите ли, мне кажется, что я тут не один. Когда я говорю «тут», я подразумеваю искусную иллюзию, которую вы создали на месте Управления Порядка».

«Догадываюсь. А ты уверен, что тебе не мерещится?»

«Если бы речь шла об обычном помещении, я сказал бы, что уверен. Но поскольку законы этого наваждения мною еще не изучены, я вынужден признать, что не могу быть уверен ни в чем. Однако ощущение чужого присутствия очень сильное. И мне кажется, что этот человек испуган или растерян. Похоже, сюда пробрался кто-то из горожан – просто так, из любопытства».

Вот не было печали!

«Поскольку через час с небольшим наваждение исчезнет, необходимо как можно скорее найти этого легкомысленного исследователя и вывести отсюда, – торопливо говорил Лонли-Локли. – Но я не знаю, как следует вести поиски в такого рода местах. По крайней мере, попытки встать на след ни к чему не приводят, а проводить ритуал Призыва вы меня так и не научили».

«Совершенно верно, – подтвердил я. – И еще долго не буду тебя этому учить, всему свое время... Ладно, я сейчас. Жди на пороге, чтобы хоть тебя искать не пришлось».

Я воспользовался Темным Путем и секунду спустя оказался у ограды полицейского управления. Перво-наперво допросил охранников, которым велел сторожить наваждение от любопытных. Они в один голос утверждали, что не пропускали никого, кроме высокого господина в Мантии Смерти, который явился сюда по моему собственному приказу.

Обманывать меня полицейские не намеревались, но в их поведении была особая новизна неуверенности, которая всегда сопутствует невольной лжи, когда человек врет не собеседнику, а самому себе. Смутно чувствует, что возможно был невнимателен, расслабился, пропустил что-то важное, но ни за что в этом не признается. Будет стоять на своем куда тверже, чем человек, искренне убежденный в собственной правоте. В общем, знаю я такие фокусы.

С другой стороны, какой с гажинских полицейских спрос? Толпу окрестных ребятишек в прятки играть сюда не пустили, и на том спасибо. Ну и мои подозрения, что кто-то очень ловкий проскользнул в призрачный замок вслед за Лонли-Локли, после нашей беседы переросли в твердую уверенность. Так что от допроса все же вышел какой-то толк.

Сэр Шурф ждал меня на пороге дома. Точнее, на границе между реальностью и наваждением. Вид у него был чрезвычайно недовольный. Зная Шурфа, я подозревал, что теперь он сам себя проклинает: зачем пошел на поводу у собственного чутья, поднял переполох? Мог бы еще целый час за здешними тайнами гоняться, и надо же, собственными руками

этакое счастье порушил. Ну, это с ним вечная история: чувство долга всегда перевешивает личные интересы; парень морщится, но терпит. Такая трудная жизнь.

– Я нащупал след, но на пороге он обрывается, – отрапортовал Шурф. – Может, вы попробуете?

– Бессмысленно. Люди оставляют следы, пока ходят по земле. Наваждение захочешь, а не истопчешь, – отмахнулся я. – Скажи лучше, что за след?

– Сложно сказать, я все-таки не Мастер Преследования. Но, похоже, это женщина. При чем то ли довольно могущественная ведьма, то ли просто сильная личность, мне в таких случаях всегда бывает трудно разобраться.

– Ну, положим, вещи-то взаимосвязанные... А разбираться ни к чему. И так ясно: это леди Тинна за тобой прискакала. То-то мы с Зогги удивлялись, что она за деньгами не приходит...

– За мной? – искренне удивился Лонли-Локли. – Но зачем? Тут не самое подходящее место для свиданий. Строго говоря, хуже и не придумаешь.

– Это тебе ясно. А ей никакой разницы, лишь бы без свидетелей с тобой поговорить.

– На ее месте я бы просто послал зов персоне, которая меня заинтересовала, – пожал плечами сэр Шурф. – Безмолвная речь для того и существует, чтобы люди могли поговорить без свидетелей. Собственно, я и сам собирался послать ей зов, когда покончу с исследованиями. Леди Тинна – чрезвычайно интересная особа. К тому же я собирался задать ей ряд вопросов касательно древнего устава Белых Пекарей. Странно, что она не захотела немного подождать.

Я возвел глаза к небу. И почему как только человек становится совершенством, он тут же напрочь перестает разбираться в людях?! Лонли-Локли в этом смысле не исключение, я уж сколько таких умников перевидал.

Конечно, Длинная Тинна вряд ли была так уж уверена, что столичный красавчик в Мантии Смерти непременно о ней вспомнит, а назначить свидание самой ей гордость не позволяла. Вот и ухватила за первую же возможность устроить встречу как бы случайно: дескать, шла мимо, никого не трогала, а тут вы гуляете, какая неожиданность... Но что толку объяснять все это Лонли-Локли? В лучшем случае бровь приподнимет вежливо, но скорее всего просто пожмет плечами – дескать, как же вы хорошо во всех этих глупостях разбираетесь, сэр! Знаю я его.

Поэтому я не стал тратить время, чтобы в очередной раз втолковать Шурфу, как устроена нормальная человеческая жизнь, а просто послал зов леди Тинне. Благо свойства созданного мною наваждения Безмолвному общению не препятствовали.

«Прости великодушно, леди Тинна, что беспокою тебя в столь неурочный час, – галантно сказал я. – Но мой друг Зогги уже устал сидеть на мешке с твоими деньгами. Куда ты запропастилась?»

К счастью, она откликнулась немедленно. И то хлеб.

Сперва Тинна сделала вид, что страшно занята. Изобретала какие-то хитроумные препятствия, якобы вставшие на ее пути к трактиру, декламировала старинные формулы извинений, больше похожие на заклинания, обещала зайти за деньгами на рассвете, или даже в полдень, как нам будет удобнее. Надеялась быстро от меня отделаться, но я не отставал. С преувеличенным интересом расспрашивал: какие такие дела? Что за препятствия? А ну-ка, подробнее, пожалуйста! Неужели что-то еще не в порядке? И может быть нужна помощь?

Наконец эта детская игра в увертки мне надоела, и я перешел к делу.

«Есть у меня подозрение, леди Тинна, что ты не удержалась от искушения и залезла в мой заколдованный замок... Да погоди ты, не спорь, сперва выслушай, что я скажу. От самой прогулки вреда никакого нет, шлейся себе на здоровье где хочешь. Мне не жалко. Есть только одна проблема: на рассвете это наваждение исчезнет. И если в этот момент внутри

будут гулять люди, они тоже исчезнут. Раз – и нет никого. Собственно, только поэтому я окружил это место стражей, которую ты, как я понимаю, благополучно обвела вокруг пальца. Ну и молодец. А теперь давай, выбирайся оттуда. У тебя в запасе меньше часа. Чем скорее выйдешь, тем лучше».

Старшина гажинских нищих умолкла надолго. Обдумывала информацию, как я понимаю. И в результате приняла единственно верное решение: слушаться меня.

«Если так, я пошла назад, – объявила она. – Извините, что сунулась сюда без спроса... А кстати, ваш коллега в Мантии Смерти – он знает, что через час всему конец? А то я случайно видела, как он сюда заходил».

Случайно она видела, понимаете ли. Вот ведь, бывают же удивительные совпадения!

«Сэр Лонли-Локли уже давно на улице, – успокоил я Тинну. – Давай, поторапливайся».

Потом я набил трубку, уселся на низкий каменный парапет, поманил Шурфа: дескать, садись рядом.

– Ну и что, неужели леди Тинна действительно бродит по этому замку? – спросил он.

– А как ты думаешь? – ухмыльнулся я.

– Я думал, она более благоразумна, – сухо сказал Шурф. – При такой-то профессии, как у нее...

– Ну, все же не придворная дама, и не школьная учительница. Риск для нее, надо полагать, привычное дело.

Лонли-Локли был непреклонен.

– Риск – да. Но не легкомыслие. А уж отсутствие у старшины нищих терпения и выдержки совершенно недопустимо.

Я сперва даже удивился немного: что за вожжа ему под хвост попала? Но развивать эту тему не стал, а просто предложил ему кисет с табаком. Сэр Шурф благодарил меня долго и церемонно, как Куманский Халиф заморского посла. Подозреваю, это блестящее выступление хоть немного помогло ему отвлечься от печальных мыслей о несовершенстве леди Тинны. И от тревоги за ее драгоценную шкурку, если уж на то пошло.

Четверть часа спустя я снова послал зов Тинне и без лишних церемоний спросил, где ее Темные Магистры носят. Она очень бодро доложила, что надеется скоро быть рядом с нами.

Все бы ничего, но формулировка мне не понравилась. Какая такая «надежда»? Если уж взрослый, трезвый, здоровый человек собственными ногами топает к выходу, он не «надеется», а *знает*, что конец пути близок. Или?..

«Так. Погоди-ка, леди Тинна, – сказал я. – А ты дорогу-то запомнила?»

«Н-н-ну...»

Когда Безмолвная речь превращается в Безмолвное заикание, дело плохо. Ясно, как день, Тинна и не думала запоминать дорогу. Не до того было, она же Шурфа искала, а что потом – какое ей дело?

Ну а теперь она заблудилась.

Грешные Магистры, уж насколько я, казалось бы, предусмотрителен, но такой вариант мне прежде и в голову не приходил. А мог бы сразу догадаться: наваждение-то я на славу отгрохал. Замок огромный, коридоры запутанные, лестницы вместо того, чтобы связывать этажи, напротив, их разъединяют – словом, идеальная ловушка для рассеянного чудака. Или вот, к примеру, для влюбленной женщины.

«Что ж ты раньше молчала?» – в сердцах спросил я.

Ответа, как я и думал, не последовало. Ох уж эти мне гордецы! Прекрасный человеческий материал, но хлопот с ними не оберешься.

– Можешь себе представить, Тинна заблудилась, – сказал я Шурфу.

– И что теперь? – флегматично осведомился он.

– Ничего особенного. Прочитаю заклинание Призыва, и через пару минут она объявится здесь. Сразу надо было... А, ладно.

Ритуал Призыва я исполнил так тщательно, словно намеревался заклятого врага из норы вытащить. Чтобы уж наверняка. Но время шло, а Тинны все не было. Сперва я думал, что она просто очень уж далеко зашла, но через десять минут забеспокоился и послал ей зов. На всякий случай попросил не сопротивляться заклятию, дескать, я же шкуру ее спасаю. А то мало ли, вдруг она обучена какой-нибудь древней защите? Знаю я этих провинциальных тихонь, у них чуть ли не на любой случай какой-нибудь старинный, всеми забытый фокус припасен.

Но Длинная Тинна снова меня огорошила.

«А со мной ничего не происходит, – сказала она. – Я тут уже пару минут сижу, курю под какой-то лестницей. Стараюсь смириться с мыслью, что выйти уже, пожалуй, не успею. Сколько там осталось до рассвета?»

«Около получаса... погоди, а как такое может быть, что с тобой ничего не происходит? Я ритуал Призыва исполнил, слышала о таком? Ты сейчас не сидеть под лестницей, а к выходу галопом нестись должна!»

«Я никогда ничего не слышала о ритуале Призыва, – ответила Тинна. – Но, наверное, понимаю, что вы имеете в виду. Вынуждена вас огорчить: у меня нет никакого желания нестись галопом. И где тут выход, я по-прежнему не представляю, к моему величайшему сожалению».

Я уж не знал, что и думать. Но секундой позже меня осенило.

«Погоди-ка, а Тинна – твое настоящее имя?»

«Вообще-то нет, – как ни в чем не бывало призналась она. – Отец называл меня Тинной с тех пор, как я себя помню. Но он часто повторял, что это – просто прозвище, а настоящее имя хранил в секрете и обещал подарить его мне к совершеннолетию. Такой вот у него был заскок, а может, папа просто заранее придумал, как сэкономить на подарке. К сожалению, в один прекрасный день он нанялся подрабатывать курьером при здешней резиденции ордена Водяной Вороны. И вышло так, что вскоре его убил сам Магистр Лойсо Пондохва, заявившийся в Гажин навестить своих учеников. То ли отец что-то неправильно сделал, то ли Лойсо не с той ноги встал, с ним такое то и дело случалось, и никто ему слова поперек сказать не мог... В общем, папа умер, а я так и не узнала, как меня зовут».

Да, ничего себе новость. И что тут прикажете делать? Заклинание Призыва работает, только если позвать человека по имени, прозвища и псевдонимы тут не годятся. Узнать настоящее имя несложно, но для этого непременно надо заглянуть человеку в глаза. Тогда и самый могущественный колдун вряд ли сможет меня обмануть.

Но заглянуть в глаза леди Тинны нынче днем я как-то не догадался, да и вечером не до того было. А на расстоянии такие вещи, к сожалению, не делаются. Так что про ритуал Призыва следовало забыть и срочно придумать что-то другое.

Лонли-Локли понял, что у нас снова трудности. Поглядел на меня вопросительно.

– Не переживай, – говорю. – В любом случае, я ее там не брошу.

– Я не переживаю, хотя чувствовать себя невольным виновником неприятностей леди Тинны не слишком приятно. Пожалуй, я мог бы попробовать войти в дом и ее отыскать, – не слишком уверенно сказал сэр Шурф. – Дом огромный, конечно, но вы же знаете, я очень неплохо ориентируюсь в незнакомых помещениях.

– Ага, именно то, что мне сейчас требуется: чтобы вместо одного человека с этим грешным наваждением исчезли двое, – проворчал я. – До рассвета сколько осталось, знаешь?

– Двадцать четыре минуты, – ответствовал сэр Шурф. – Но, если я правильно понимаю, леди Тинна окончательно заблудилась, заклинание Призыва не работает, и значит, другого способа помочь ей нет?

– В любом случае, то, что ты предлагаешь, тоже не способ, а просто сценарий идиотского подвига, в духе галантных романов эпохи Королевы Вельдхут. Извини, конечно.

– Это очень распространенное заблуждение, будто галантные романы относятся к эпохе Королевы Вельдхут, – внезапно оживился Шурф. – На самом деле их начали сочинять позже, в период правления династии вурдалаков Клакков. Но нерадивые современные исследователи не тратят время и силы на экспертизу, а совершенно голословно утверждают, будто эти романы сочиняли придворные. Якобы по прихоти королевы, специально для ее удовольствия. Нынче бытует мнение, что именно женщины падки на любовные истории – при том, что все настоящие поклонники и ценители этого жанра, которых я знал лично, были мужчинами. Что же до королевы Вельдхут, она, если образ, описанный в исторических хрониках, хоть немного похож на оригинал, была очень искренним и прямодушным человеком, а потому испытывала отвращение ко всякому проявлению показной сентиментальности...

На этом месте он наконец опомнился и со сдержанным достоинством добавил:

– Сейчас, конечно, не время для дискуссии о галантных романах. Но если вам будет интересно, я могу завершить свои рассуждения в более подходящий момент.

Он очень вовремя остановился. Еще немного, и я бы, пожалуй, дал ему подзатыльник, чтобы охолонул. Когда речь заходит о литературе, Лонли-Локли теряет чувство меры и голову заодно.

– Ладно, – сказал я. – Не будем терять время. Это мое наваждение, значит, я сам туда и пойду. По крайней мере, существует железное правило: ни одно наваждение не может причинить ни малейшего вреда своему создателю. Кстати, именно по этой причине почти все Великие Магистры минувшей эпохи предпочитали окружать себя не приближенными слугами из числа орденовских послушников, а собственноручно созданными фантомами. Толку от таких обычно меньше, зато и опасности никакой. Помнишь, сэр Шурф, ты как-то удивлялся, что Смутные Времена не подарили истории ни одного великого предательства? Ну вот, именно поэтому.

– Спасибо за информацию, сэр. Буду иметь это в виду.

Поблагодарив меня, Лонли-Локли демонстративно отвернулся и принялся внимательно разглядывать понемногу светлеющее небо. Но я-то видел, что он чрезвычайно доволен. Шурф знал меня не первый день, а потому решил, что уж теперь-то все точно будет в порядке.

Я не стал его разубеждать, хотя как никто понимал, насколько сомнительной была затеянная мною экспедиция. Хотя бы потому, что, создавая это наваждение, точную копию замка Морморы, я позаботился только о его внешнем виде и недолговечности. В остальных вопросах я дал своему созданию полную свободу и теперь понятия не имел, как оно ею воспользовалось.

Я уже говорил, что всякое колдовство похоже на создавшего его колдуна, хочет он того или нет. Мне-то как раз обычно нравится, что мои деяния похожи на меня самого. Не потому, что я так уж самодоволен, просто трезво смотрю на вещи и понимаю, что мой характер как нельзя более подходит наваждениям и иллюзиям. Добавляет им глубины, самостоятельности, непредсказуемости и, как следствие, подлинности.

Но вот как раз сегодня я бы предпочел иметь дело с чем-нибудь попроще. А то гадай теперь, что я там, внутри, наворотил? Вернее, что там само наворотилось.

Я бы, пожалуй, не поставил на успех грядущей спасательной операции и жалкой горсти, если бы у меня в рукаве не было козырного туза. Не в моих это правилах – без козырных тузов где попало разгуливать. Я из дома-то на улицу без них не выхожу; другое дело, что в ход пускаю нечасто. Почти никогда. На то и туз, чтобы оставаться в рукаве, пока настоящему не припрет. А по-настоящему все же редко бывает – с моей-то удачей.

Вот и теперь я очень рассчитывал, что до туза дело все-таки не дойдет. А то ходи потом как дурень с пустым рукавом...

Я вошел в замок через парадную дверь, огляделся, изумленно покачал головой. Вот уж не подумал бы, что созданное мною наваждение окажется столь уютным, пригодным для жизни помещением. Тем не менее, стены в холле были отделаны резными деревянными панелями, полы из толстого цветного стекла отлично гармонировали с оконными витражами, устремленные ввысь лестницы радовали глаз изяществом линий, а откуда-то сверху лился яркий, но не резкий свет, какой бывает только в пасмурный летний день; художники за таким, знаю, гоняются. Я с веселой досадой подумал, что собственный дом так обставить у меня до сих пор руки не доходили, и при моем образе жизни вряд ли когда-нибудь дойдут, а бесполезное, в сущности, наваждение – гляди-ка, всегда пожалуйста. Смешно, в общем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.